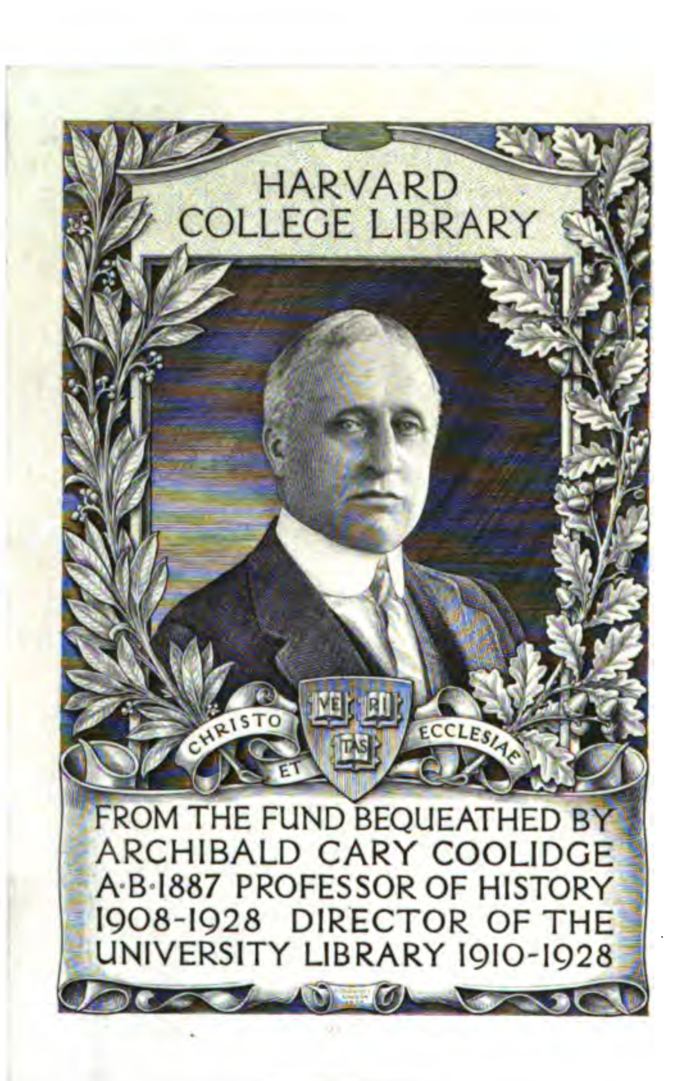

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
CHRISTO
ET
ECCLESIAE
VE RI TAS
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

596

ВАСИЛІЙ ЛЬВОВИЧЪ ВЕЛИЧКО.

Январьская книжка, „Русскаго Вѣстника“ 1904 г., была уже отпечатана, когда разнеслась вѣсть сначала о легкомъ недомоганіи, не грозившемъ опасностями, затѣмъ о тяжкой болѣзни, а затѣмъ о безнадежномъ состояніи и преждевременной кончинѣ нашего бывшаго редактора, незабвеннаго поэта и русскаго дѣятеля Василія Львовича Величко.

Простая инфлуенція, осложнилась воспаленіемъ легкихъ и въ нѣсколько дней не стало дѣятеля мощнаго, сильнаго, пылавшаго любовью къ русскому народу, коротко знавшему прошедшее этого народа и гордаго его будущимъ! Богато-одаренная талантами натура, выдающагося политическаго дѣятеля, блестящаго поэта, несравненнаго собесѣдника и оратора, искренняго человѣка, изсякла для этой жизни, какъ изсякаетъ неожиданно родникъ подъ лучами палящаго солнца, изсякла въ столь короткое время, что некогда было опомниться, а уже бездыханный трупъ лежитъ на погребальномъ столѣ и погребальная пѣснь носится около безжизненнаго тѣла поэта и печать вѣчнаго молчанія положена на уста его!

Искренность и правда—вотъ два начала, которыя лежали въ основѣ дѣятельности В. Л. Величко, какъ человѣка, общественнаго дѣятеля, поэта и публициста! Онъ не зналъ компромиссовъ, ни съ совѣстью, ни съ людьми. Онъ нерѣдко ошибался, но и среди ошибокъ своихъ всегда былъ благороднѣйшимъ человѣкомъ. Его горячее, честное сердце, привлекало къ нему друзей. Оно создало ему и враговъ. Но всѣ эти враги, вредившіе ему, создавались исключительно изъ-за интересовъ не его личныхъ, а русскаго народа. Онъ жилъ, мечталъ, дышалъ — интересами Россіи. Смерть отняла его отъ насъ, когда ему едва минуло 43 года. Онъ еще, такъ сказать, готовился, создавался!...

Послѣдніе годы В. Л. былъ въ числѣ главныхъ учредителей и дѣятелей „Русскаго Собранія“. Онъ считалъ необхо-

димымъ теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, сблизить русскихъ людей между собою, поднять знамя русской идеи, не дать возможности русской государственности пойти по невѣрному пути, не дать стереть первенствующее положеніе русскаго человѣка у себя дома, благодаря посягательствамъ на первенство со стороны инородческихъ стремленій.

В. Л. весь отдался этому дѣлу. Среди двухъ тысячъ членовъ „Русскаго Собранія", въ Петербургѣ, онъ выдавался своею дѣятельностью. Онъ былъ яркою, путеводною звѣздою Собранія.

Когда сегодня, (31 декабря), въ день смерти В. Л., въ „Русскомъ Собраніи" служили панихиду залъ былъ переполненъ молящимися и добрая половина молилась со слезами на глазахъ. Потеряли своего близкаго, родного человѣка, родного по союзу нравственному, быть можетъ болѣе дѣйствительному, чѣмъ союзы по крови...

Для общественнаго служенія у него начертывалась громадная программа, на будущее большое дѣло, какъ неумолимая смерть выбила его изъ нынѣ все рѣдѣющаго строя русскихъ государственниковъ...

Василій Львовичъ Величко редактировалъ „Русскій Вѣстникъ" съ апрѣля 1902—по ноябрь 1903 года. Онъ былъ работникъ рѣдкій и по таланту, и по уму, и по способности къ тяжкому труду. Но работа редактора была не по немъ. Его собственная фантазія и его умъ требовали созидательной дѣятельности, а не знавшая границъ энергія начертывала цѣлый рядъ трудовъ самостоятельныхъ, творческихъ... Онъ оставилъ редакцію, но остался другомъ журнала. Его послѣднія русскія рѣчи будутъ какъ бы его духовнымъ завѣщаніемъ, какъ бы отраженіемъ его прекрасной русской души.

Послѣдней публицистической формулой его, сказанной за нѣсколько дней до кончины, было конечно окончаніе „Русскихъ Рѣчей", въ январьской книжкѣ „Русскаго Вѣстника" 1904 г.

„Не хочу быть яркимъ электрическимъ фонаремъ на дверяхъ растлѣннаго кафе-шантана. Я предпочитаю быть еле видной восковой свѣчечкой предъ алтаремъ моей Святыни!!..."

Да будутъ эти святыя слова, сказанныя въ нашъ растлѣнный вѣкъ, памятникомъ великой души безвременно угасшаго поэта-публициста!...

Миръ праху твоему, дорогой и незабвенный товарищъ нашъ, свѣточъ правды и русской мысли. Вѣчная, вѣчная память тебѣ. **В. К—въ.**

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ" помѣщали свои произведенія въ 1902 и 1903 г. или обѣщали принимать участіе въ 1904 году слѣдующія лица:

Гр. П. Н. Апраксинъ, А. Д. Апраксинъ, проф. О. Ѳ. Базинеръ, С. П. Бартеневъ, А. П. и Н. П. Барсуковы, В. Бородаевскій, П. Г. Бывалькевичъ, М. М. Бородкинъ, П. Н. Брокъ, В. П. Буренинъ, С. В. Бурнашевъ, Бѣломоръ, А. В. Васильевъ, Е. А. Варженевская, Варягъ, проф. Алексѣй Ив. Введенскій, В. Л. Величко, А. А. фонъ-Вендрихъ, Н. Х. Вессель, Н. Н. Вильде, П. Вожинъ, кн. В. А. Волконскій, кн. М. Н. Волконскій, А. С. Ганнибалъ, гр. А. А. Голенищевъ-Кутузовъ, д-ръ Іосифъ Голечекъ, К. Ф. Головинъ, кн. Д. П. Голицынъ (Муравлинъ), Ѳ. А. Духовецкій, Дѣдловъ (В. Л. Кигнъ), Н. А. Епанчинъ, проф. А. М. Золотаревъ. М. М. Ивановъ, Вл. Конст. Истоминъ, В. Истоминъ, Н. Н. Каразинъ, Б. Каховскій, Л. Кологривова, В. В. Комаровъ, Г. В. Комаровъ, академикъ Н. П. Кондаковъ, П. П. Конради, А. Коринфскій, С. А. Короленко, М. Корневъ, проф. М. Е. Красноженъ, А. В. Кругловъ, В. И. Крыжановская (Рочестеръ), В. П. Лебедевъ, Е. Н. Лебедева, Н. Н. Лендеръ, (Путникъ), А. П. Липранди, свящ. М. И. Лисицынъ, В. Н. Лясковскій, М. М—въ, Н. И. Мердеръ (Северинъ), А. И. Миловидовъ, гр. А. А. Мусинъ-Пушкинъ, А. А. Навроцкій, А. А. Папковъ, А. К. Петровъ, проф. А. Л. Погодинъ, Н. И. Покровскій, Н. И. Приваловъ, З. А. Рагозина, А. А. Риттихъ, П. А. Риттихъ, А. Е. Россикова, И. Саловъ, Н. М. Соколовъ, Ѳ. Сологубъ, К. К. Случевскій, Н. Я. Стечькинъ, А. А. Стернъ (Венкстернъ), проф. Н. И. Субботинъ, С. Н. Сыромятниковъ (Сигма), Г. Т. Сѣверцевъ (Полиловъ), бар. М. Ф. Таубе, В. А. Тепловъ, баронъ Н. А. Тизенгаузенъ, Г. Н. Тимофѣевъ, К. П. Толстой, Ѳ. Ѳ. Тютчевъ, К. М. Фофановъ, А. Н. Харузинъ, Н. Б. Хвостовъ, И. П. Хрущовъ, проф. Д. П. Цвѣтаевъ, Ѳ. В. Черниговецъ, гр. С. Д. Шереметевъ, Б. И. Шелковниковъ, В. И. и С. В. Штейнъ, В. А. Шуфъ, Н. А. Энгельгардтъ, Б. М. Юзефовичъ, Н. А. Янкевичъ, проф. К. Н. Ярошъ и мн. др.

Кромѣ нѣсколькихъ большихъ произведенiй князя **Д. П.** Голицына (Муравлина), I. I. Ясинскаго, князя М. Н. Волконскаго, князя В. А. Волконскаго, Ѳ. Ѳ. Тютчева, В. И. Крыжановской, Н. И. Мердеръ (Северина) и др., въ 1904 году въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ будетъ печататься романъ-хроника Вл. Л. Маркова **„Наши предки въ эпоху преобразованiй“**, первая часть котораго, подъ заглавiемъ **„Разсвѣтъ“** была дана въ 1903 году. Романъ этотъ обнимаетъ бытовую сторону русской жизни отъ дней малолѣтства Петра до Полтавскаго боя. Это капитальное произведенiе, каждая глава котораго представляетъ какъ бы отдѣльный эпизодъ жизни той эпохи, есть плодъ пятнадцатилѣтняго изученiя предмета талантливымъ авторомъ, и, конечно, останется навсегда въ числѣ видныхъ произведенiй русской беллетристики.

Въ 1904 году „Русскiй Вѣстникъ“ сохранитъ попрежнему постоянные отдѣлы „Журнальное обозрѣнiе“, „Изъ иностранной печати“, „Критическiе очерки“, „Библiографiя“, „Внутренее обозрѣнiе“ и „Внѣшнее обозрѣнiе“.

Подписная цѣна на годовое изданiе „Русскаго Вѣстника“, состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книгъ съ доставкою въ **Москвѣ** и **С.-Петербургѣ** съ пересылкою и доставкою во всѣ мѣста Россiи **16** р., **за границу 20.**

Принимается также подписка на сроки: на 6 мѣсяцевъ (съ 1 января и съ 1 iюля) **8** руб., на 3 мѣсяца **4** руб. и на 1 мѣсяцъ **1** р. **50** к. съ пересылкою и доставкою.

Книжные магазины пользуются уступкою по **50** коп. съ годового экземпляра. Подписка на сроки менѣе года, а также въ разсрочку, принимается исключительно въ конторѣ журнала.

Адресъ конторы и редакцiи: С.-Петербургъ, Невскiй, 136—138.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ВОСЕМЬДЕСЯТЪ ДЕВЯТЫЙ

(ГОДЪ ИЗДАНІЯ СОРОКЪ ДЕВЯТЫЙ).

ЯНВАРЬ.

1904.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія В. В. Комарова, Невскій 136.
1904.

ЛУКЬЯНОВСКІЙ ПРІЮТЪ.

I.

КОНЕЦЪ МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Солнце косымъ лучомъ проникло въ школу и освѣтило крашеный полъ. Окна были открыты, свѣжій воздухъ врывался въ классную комнату.

Назаръ Петровичъ Мальскій, задыхающійся, блѣдный, почти сѣдой, въ коломенковой парѣ и въ новомъ шелковомъ галстухѣ, который ему сшили дочери и подарили въ день его рожденія, стоялъ передъ цвѣточными горшками и поливалъ двѣ крошечныя магноліи изъ игрушечной лейки.

Онъ услышалъ шумъ шаговъ, обернулся и увидѣлъ Букіярова, члена управы, какъ всегда, желчнаго, съ перекосившимся ртомъ, съ прыгающими отъ гнѣва мясистыми щеками. Весь животъ его колыхался, и онъ размахивалъ руками, на которыхъ блестѣли богатые перстни.

— Сколько разъ я вамъ говорилъ, чтобы вы не ставили цвѣтовъ въ школѣ!—закричалъ онъ.—Нѣтъ, господинъ Мальскій, съ вами разговоры должны быть коротки... Только что отремонтировалъ школу, а вы собираетесь ее сгноить! А потомъ насъ въ газетахъ будутъ чехвостить за то, что мы милліонные займы дѣлаемъ. Гдѣ найти людей? Нѣтъ добросовѣстныхъ людей. Да слышите же, что вамъ говорятъ!

Букіяровъ ринулся, какъ носорогъ, на цвѣты и сбросилъ ихъ въ полисадникъ.

Мальскій посмотрѣлъ на члена управы потухшимъ взглядомъ. Онъ зашатался, сталъ страшно заикаться и упалъ, какъ подкошенный, на полъ.

— Что онъ, пьянъ? Этого еще недоставало!—началъ было Букіяровъ.

Но онъ услышалъ зловѣщее храпѣніе, бросился къ дверямъ, которыя вели въ квартиру учителя, и страннымъ, тоненькимъ, жалобнымъ и безпомощнымъ голосомъ закричалъ:

— Пойдите сюда кто-нибудь!

— Что такое случилось?

— Съ вашимъ мужемъ дурно!

Марья Ивановна съ старшей дочерью Соничкой накрывала столъ. Пахло именниннымъ пирогомъ. Семилѣтняя Оля учила большую куклу читать и съ увлеченіемъ выговаривала ей:

— Ну, сидите же прямо и повторяйте за мною: б... в...

У дѣвочекъ были вплетены въ волоса новыя ленты, а сама Марья Ивановна еще была съ засученными рукавами, и локти ея были въ мукѣ.

Съ тѣхъ поръ, какъ она вышла замужъ за Назара Петровича, прошло пятнадцать лѣтъ. Она все время ждала какой-нибудь бѣды—пожара, наводненія, внезапнаго пріѣзда инспектора, потери мѣста, болѣзни, смерти. Сегодня она упросила мужа отпустить школьниковъ раньше, такъ какъ ему исполнилось тридцать семь лѣтъ. И теперь ей показалось, что начальство дознaлось объ этомъ и будетъ непріятность. Она быстро побѣжала на голосъ и, увидѣвъ лицо Букіярова, а за его плечами распростертаго на полу мужа, оцѣпенѣла и протянула руку къ стѣнѣ. Горе, наконецъ, пришло. Соничка прибѣжала вслѣдъ за матерью.

— Дѣвочка,—сказалъ оправившійся Букіяровъ:—рядомъ докторъ живетъ, позовите его.

Но Соничка бросилась къ отцу, стала обнимать его и страшно вопить. Тогда и Марья Ивановна присоединилась къ дочери. Онѣ кричали и стонали. Красные концы новаго галстуха поднимались на груди страшно храпѣвшаго Назара Петровича и казались какимъ-то брызнувшимъ и застывшимъ въ солнечномъ воздухѣ потокомъ крови. Маленькая Оля послѣдняя выбѣжала въ коридоръ.

— За докторомъ, скорѣй за докторомъ, рядомъ живетъ!—повторялъ Букіяровъ, хватаясь за голову.

И Оля, давно уже знавшая, что рядомъ со школой стоитъ каменный домъ и у подъѣзда его блеститъ яркая мѣдная доска съ надписью „докторъ“, мелькнула, какъ молнія. Букіяровъ не успѣлъ даже разсмотрѣть выраженія ея личика.

— Сударыня, успокойтесь! — говорилъ онъ. — Барышня, встаньте!—и пробовалъ поднимать мать и дочь съ пола.—Разстегните его. Принесите воды.

Взявъ съ подоконника крошечную лейку, онъ направился къ учителю.

Но вдругъ Марья Ивановна встала и въ изступленіи бѣшено закричала:

— Не смѣйте трогать его! Мучители! Кровопійцы! Разбойники! Доканали!

Букіяровъ сталъ пятиться къ дверямъ.

Вернулась Оля и со страхомъ остановилась у дверей, тяжело переводя духъ. Она была блѣднѣе своего передника.

— Докторъ сейчасъ придетъ,—объявила она.

II.

ВЪ ДОЧЕРЯХЪ.

Докторъ „констатировалъ" смерть отъ паралича сердца.

Букіяровъ принялъ участіе въ осиротѣвшей семьѣ. Хотя было дѣломъ случая, что магноліи, выброшенныя имъ за окно, совпали съ параличомъ, поразившимъ сердце Мальскаго, но у смерти есть своя логика. Марья Ивановна получила мѣсто кастелянши въ загородной богадѣльнѣ для престарѣлыхъ женщинъ, Соничку онъ взялъ къ себѣ въ дочери, а Олю отдалъ въ городской пріютъ.

Вскорѣ Марья Ивановна помѣшалась на несчастьяхъ, которыя грозятъ ей и ея дочерямъ. Меланхолія ея приняла острый характеръ, и Букіяровъ довершилъ доброе дѣло, помѣстивъ больную на казенный счетъ въ сумасшедшій домъ.

Соничка мало-по-малу стала чувствовать себя у Букіярова, какъ дома. Жена Букіярова сначала, пожимая плечами, говорила:

— И зачѣмъ ты взялъ ее? Вотъ ужъ поистинѣ несчастье быть добрымъ человѣкомъ!

А когда онъ возражалъ: „матушка, хватитъ, и что же,— вѣдь у насъ всего одинъ сынъ, а дочерей намъ Богъ не далъ",—она внезапно вспыхивала и кричала ему въ самый ротъ:

— Дуракъ, оттого и нѣтъ у тебя дочерей.

— Кто, я дуракъ?—запальчиво начиналъ онъ кричать.—Я тебѣ покажу, какой я дуракъ! Я тебя изъ четвертаго этажа выкину на мостовую!

Но онъ удовлетворялся только угрозой. Ходилъ пѣтухомъ по комнатамъ, схватывалъ жену за плечи и трагическимъ шепотомъ говаривалъ:

— Я убилъ ея папашу и, пойми, я долженъ замѣнить ей потерю.

Это дѣйствовало на Марфу Степановну.

— Понимаю,—говорила она,—но только ты все-таки дуракъ.

Сонична была недалекая дѣвочка, но услужливая, кроткая и честная. Для ея испытанія Марфа Степановна оставляла въ буфетѣ конфеты, пирожныя, сливки,—Соничка ни разу не дотронулась до сладостей. Она пріучила дѣвочку шить, стлать постель, вытирать пыль. Соничка была на положеніи дочери и вмѣстѣ старшей горничной. Дать ей воспитаніе въ гимназіи Букіяровы считали излишней роскошью.

Соничкѣ было четырнадцать лѣтъ. У нея были черные волосы, мягкія блѣдныя руки, крупныя, вялыя губы и большіе, сѣрые, томные глаза. Она исправно ходила въ церковь, всегда вовремя зажигала и тушила лампадку передъ образами, собирала коробочки изъ-подъ лекарствъ и зачитывалась романами, которые печатаются въ уличныхъ газетахъ.

III.

ЛУКЬЯНОВСКІЙ ПРІЮТЪ.

Домъ, куда поступила Оля, стоялъ на краю города, и маленькій садъ, которымъ онъ былъ окруженъ, примыкалъ къ кладбищу. Богатыхъ и бѣдныхъ покойниковъ носили мимо оконъ пріюта. Казалось, въ городѣ то и дѣло что умираютъ. Какъ весною переселяются горожане на дачи, такъ каждый день выѣзжали мертвецы на кладбище. Нѣкоторыхъ провожали всѣ знакомые и родные, нѣкоторые совершали свое послѣднее путешествіе въ полномъ одиночествѣ.

Пріютъ назывался Лукьяновскимъ. Лѣтъ восемьдесятъ тому назадъ онъ былъ основанъ русскимъ купцомъ и ему завѣщаны были доходы съ огромнаго каменнаго рынка. Съ тѣхъ поръ рынокъ этотъ сталъ приносить около милліона въ годъ, пріютъ на сорокъ дѣвочекъ все продолжалъ помѣщаться въ деревянномъ домѣ, на половину сгнившемъ, и какимъ-то непостижимымъ образомъ лишился своего достоянія,—рынокъ сталъ городской собственностью. На Лукьяновскій пріютъ изъ городской казны выдавались гроши.

Олю привезли на извозчикѣ. У нея былъ свой узелокъ съ двумя ситцевыми платьицами, съ подушкой и съ куклой. Былъ удивительно тоскливый день. По улицѣ разбросаны были вѣтки елокъ, на каждомъ шагу встрѣчались нищіе съ слезливыми глазами и гноящимися ртами. Когда Оля пошла по деревян-

нымъ ступенькамъ, которыя вели въ коридоръ пріюта, онѣ запѣли, какъ похоронные пѣвчіе, чуть слышно: „Бѣдная дѣвочка! бѣдная дѣвочка!“

Тогда еще Марья Ивановна была жива. Оля уцѣпилась за платье матери.

Когда же Оля очутилась въ передней, воздухъ самый ужасный, какого никогда не бывало въ школѣ ея отца, отравленный, гнусный и какой-то откровенно безстыдный, бросился на нее и сталъ ее душить. У нея закружилась голова, и она посмотрѣла на мать. Но Марья Ивановна была озабочена мыслью о томъ, примутъ ли дѣвочку въ пріютъ. Долго ждали онѣ въ грязной пріемной. Дѣвочки въ длинныхъ платьицахъ и сѣрыхъ передникахъ высматривали изъ дверей. У всѣхъ у нихъ были сѣрыя и желтыя лица. За стѣнами раздавались крики взрослыхъ женщинъ, слышался визгъ малютокъ.

Наконецъ, шурша шелковымъ платьемъ, вышла дама съ некрасивымъ и холоднымъ лицомъ, на которомъ какъ-то высокомѣрно и вмѣстѣ смѣшно топорщился черезчуръ открытый носъ. Марья Ивановна поклонилась дамѣ.

— Вотъ эта?—спросила дама, указывая на Олю.

— Я,—отвѣчала Оля.

— Я не тебя спрашиваю,—съ удивленіемъ возразила дама:—я обращаюсь къ твоей мамашѣ. А мы, кажется, черезчуръ самостоятельны? — съ какой-то грозной улыбкой себѣ на умѣ освѣдомилась она.—У насъ много распущенныхъ дѣвочекъ,—продолжала дама.—Намъ приводятъ дѣвочекъ изъ всѣхъ трущобъ, и мы не церемонимся съ ними... Въ крайнемъ случаѣ мы увольняемъ безъ всякой жалости. Очень можетъ быть, сударыня, вы имѣете представленіе о пріютѣ, какъ объ учебномъ заведеніи, какъ вамъ сказать, болѣе высшаго разбора. Должна предупредить васъ, что изъ нашего пріюта выходятъ въ горничныя, въ судомойки, въ кухарки и лишь въ рѣдкихъ случаяхъ мы переводимъ ихъ въ училище, гдѣ онѣ получаютъ дипломы учительницъ. Но для этого нужно имѣть исключительныя способности. Ты чѣмъ хочешь быть, круглый носикъ?—спросила дама.

Оля ощупала свой носикъ, посмотрѣла на носъ дамы и отвѣчала:

— Учительницей.

— Мы, кажется, тщеславны, — насмѣшливо произнесла дама.—Ну, пойдемъ, круглый носикъ. Она принята,—сказала дама Марьѣ Ивановнѣ, принимая отъ вдовы документъ.—Узелокъ ея вы сдадите прачкѣ.

Оля вернулась къ матери, обняла ея шею обѣими руками, поцѣловала ее нѣсколько разъ со словами: „мамочка! мамочка!“—и разсталась съ нею навсегда. Она больше не увидѣла ее ни разу.

IV.

ПЕРВЫЯ ВПЕЧАТЛѢНІЯ.

Олю стали тормошить блѣдныя дѣвочки. Онѣ дѣлали это въ присутствіи высокой и чахоточной надзирательницы, сидѣвшей у окна и читавшей книжку. Онѣ толкали Олю съ одного конца комнаты на другой. Слезы текли изъ ея глазъ.

— Что это у васъ тутъ дѣлается?—грозно спросила дама съ открытымъ носомъ, входя въ комнату. — Да ты шалунья? Кто здѣсь шалитъ?

— Оля шалитъ, Оля, новенькая!—послышались голоса.

Къ затылку Оли протянулась сильная и бѣлая рука и намотала нѣсколько прядей ея волосъ себѣ на пальцы.

— Стать въ уголъ,—ведя дѣвочку за волосы, сказала начальница.—А вы, Марья Кирилловна, такъ погрузились въ чтеніе, что даже не замѣчаете, какой адъ вокругъ васъ... И, наконецъ, даже меня не замѣчаете!

Марья Кирилловна подняла голову.

— Я ничего не могу подѣлать,—произнесла она.—Драться я не могу. Я хотѣла терпѣть до конца, но и терпѣть нѣтъ силъ.

Она кашлянула, вся вспыхнула и потупилась.

— Я хорошенько не разслышала, что вы говорите. Можетъ быть, вамъ угодно повторить?

Дѣти на время смолкли. Они столпились и ждали.

— Я удивляюсь еще, какъ, при такомъ надзорѣ за пріютомъ, дѣвочки не ходятъ на головѣ!

Дѣвочки обмѣнялись многозначительными улыбками и гримасами. Кажется, имъ понравилась мысль. Послышался тихій плачъ.

— Марья Кирилловна, этого еще недоставало! Вы дѣлаете мнѣ сцену?—вскричала начальница.

Марья Кирилловна встала и, стараясь придать лицу самое спокойное и даже горделивое выраженіе, прошла мимо начальницы, небрежно уронивъ нѣсколько рѣшительныхъ словъ:

— Завтра утромъ моей ноги здѣсь не будетъ. Найдите другую мученицу.

— Сколько угодно, милочка!—съ торжествующимъ негодованіемъ пропѣла начальница.

А тихій плачъ продолжался.

— А, вотъ кто плачетъ!?—обратилась начальница въ уголъ къ Олѣ.—Не успѣла войти въ пріютъ, какъ изъ-за нея ужъ надзирательницы уходятъ. Ты чего же? Скажи, чего ты плачешь?

— Она не обѣдала,—сказала одна дѣвочка.

— Она хочетъ танцовать,—весело пояснила другая.

— Ей жаль, что Марья Кирилловна завтра уходитъ отъ насъ.

— Тише!—крикнула начальница, и опять большая бѣлая рука приблизилась къ затылку Оли.—Я тебя накажу, я тебя страшно накажу,—съ убѣжденіемъ проговорила дама съ открытымъ носомъ.

Но дѣвочка повернула къ ней свое заплаканное лицо и посмотрѣла на нее кроткимъ и недоумѣвающимъ взглядомъ темныхъ глазъ,—и начальницѣ показалось, что она несправедлива къ новенькой.

— Надо подождать до ужина, потому что ты пріѣхала, когда у насъ ужъ пообѣдали,—строго сказала она.

— Я не хочу ѣсть,—отвѣчала Оля.

— О чемъ же ты горюешь? Пойди ко мнѣ и поговори со мной, дурочка. Помни только, что у насъ шалуній страшно наказываютъ,—заключила начальница, считавшая выдающимися свои педагогическія способности.—Страшно наказываютъ!

V.

ОЛЯ СТАНОВИТСЯ ФИЛИППОМЪ.

Оля покорно пошла за начальницей.

— Какъ меня зовутъ?

— Не знаю.

— Варвара Уваровна. Повтори.

— Варвара Варваровна.

— Уваровна,—сурово поправила начальница.—А если ты будешь милая и послушная дѣвочка и перестанешь шалить, я позволю тебѣ называть меня мамой.

Страшный шумъ подняли дѣвочки позади. Впереди было тихо. Оля шла за шумящимъ платьемъ по узкому коридору, сдѣлала нѣсколько ступенекъ вверхъ, и Варвара Уваровна ввела ее въ комнату, въ которой стояли два черныхъ шкафа,

а на шкафахъ простирали широкія крылья страшныя птицы съ кривыми ногами. Дежурная дѣвочка съ некрасивымъ сѣрымъ лицомъ выбѣжала на встрѣчу начальницѣ и стала присѣдать.

Въ слѣдующей комнатѣ стояли великолѣпные стулья, обитые красной потертой матеріей, на великолѣпномъ полинялом ковре, и по обѣимъ сторонамъ овальнаго зеркала висѣли въ золотыхъ рамахъ портреты молоденькой дамы съ открытымъ носомъ и пожилого господина въ военной формѣ, похожаго на одну изъ хищныхъ птицъ въ передней. Двѣ блѣдно-желтыя канарейки безмолвно прыгали въ мѣдныхъ клѣткахъ надъ темнозелеными фикусами и перистыми пальмами. Смеркалось. Въ углу передъ образомъ красной точкой теплилась лампадка.

Варвара Уваровна взяла съ угольнаго стола книгу въ черномъ переплетѣ, похожемъ на монаха и пахнувшемъ ладаномъ, и сказала:

— Поцѣлуй, раскрой и прочитай съ правой стороны правый столбецъ, четвертый стихъ.

Оля поцѣловала книгу, раскрыла и прочитала:

— Тутъ духъ сказалъ Филиппу: подойди и пристань къ коляскѣ сей.

— Все? Довольно. Ты недурно читаешь. Поняла прочитанное?

— Поняла.

— Разскажи своими словами.

Оля молчала. Ей казалось, что слова хорошія и другихъ не надо.

— Тебя зовутъ Филиппомъ?

— Нѣтъ.

— Тебя зовутъ Олей,—важно начала дама съ открытымъ носомъ.—Но тутъ именно ты называешься Филиппомъ. По Евангелію, Филиппомъ можетъ быть всякій человѣкъ и даже дѣвочка.

Глаза Оли, на рѣсницахъ которыхъ еще висѣли слезы, были широко раскрыты и устремлены на Варвару Уваровну.

— Духъ говоритъ: „подойди и пристань къ коляскѣ сей“. Что ты сдѣлала?

— Не знаю.

— Филиппъ, что ты сдѣлалъ?

Филиппъ былъ сторожъ при школѣ, въ которой отецъ ея былъ учителемъ. Оля хотѣла сказать: „онъ мелъ училище“, но только улыбнулась.

— Будь внимательнѣе. У тебя слишкомъ прямые волосы и я тебѣ опять ихъ завью. Я хочу сдѣлать изъ тебя умную дѣвочку и не намѣрена съ тобой шутить. И такъ, Филиппъ! что ты сдѣлалъ?

Оля съ усиліемъ отвѣчала:

— Ничего.

Варвара Уваровна покраснѣла отъ нетерпѣнія, но заглянула въ текстъ и сказала:

— Еще ничего не сдѣлалъ. Но что Филиппъ сдѣлаетъ по приказанію духа: „подойди и пристань къ коляскѣ сей“?

— Подойдетъ.

— Хорошо, догадалась. Онъ подойдетъ. Я говорю: Филиппъ подойдетъ. Ты—Филиппъ. Ты подошла. Къ чему подошла? Къ пріюту? „И пристань къ коляскѣ сей“. Значитъ, ты должна пристать къ пріюту. Видишь, ты сама раскрыла книгу?

— Сама.

— Ты сама раскрыла божественную книгу, и она тебѣ сказала: „Филиппъ, подойди и пристань къ пріюту“. Никто тебѣ не желаетъ зла Тебѣ желаютъ только добра. Ты должна слушаться. А теперь ступай къ Марьѣ Кирилловнѣ, которая изъ за тебя хочетъ уходить, и попроси у нея прощенія. Постарайся найти дорогу одна. Ударь три поклона.

VI.

ЕСТЬ НАДЪ ЧѢМЪ ЗАДУМАТЬСЯ.

Марья Кирилловна сидѣла у себя на постели въ низкой и длинной комнатѣ съ закопченнымъ потолкомъ и стѣнами. Черный цвѣтъ многое скрываетъ. Рядомъ съ кроватью Марьи Кирилловны, изголовьемъ къ стѣнѣ, стояли другія кровати, тоненькія, изъ чернаго желѣза, покрытыя сѣрыми одѣялами.

Когда Оля подошла къ надзирательницѣ, дѣвочки столпились за нею и толкали ее.

— Варвара Варваровна приказала просить у васъ прощенія,— сказала Оля.

— Ты развѣ виновата?

— Она говоритъ, что я шалунья. Не уходите, Марья Кирилловна!

— Вѣчно одна и та же комедія!—съ раздраженіемъ вскричала Марья Кирилловна.—Что-жъ она тебѣ еще говорила?

— Что я Филиппъ.

Взрывъ смѣха огласилъ спальню. Дѣвочки закружили Олю.

— Не трогайте ее!—крикнула Марья Кирилловна, подвела къ себѣ и указала на кровать рядомъ.—Когда я была маленькой, меня тоже всѣ обижали. Ты будешь спать...

— На кровати, на которой умерла Леночка Мякишъ, а она тоже была ваша любимица,—послышался язвительный голосокъ.

— Нѣтъ такой старой кровати, на которой кто-нибудь не умеръ бы!—пояснила Марья Кирилловна.—Хорошо, я останусь, потому что мнѣ некуда больше дѣваться,—проговорила она вполголоса и какъ бы ища сочувствія у Оли.

Быстро темнѣло. Пришла толстая, грязная кухарка и позвала дѣвочекъ пить чай.

Въ столовой на узкомъ столѣ были поставлены желтыя глиняныя кружки съ теплой жидкостью. Возлѣ каждой лежалъ кусочекъ ситнаго хлѣба. Дѣвочки стали пѣть молитву. Оля не отходила отъ Марьи Кирилловны. Но это не помѣшало ей получить нѣсколько щипковъ и подзатыльниковъ отъ дѣвочекъ.

— Ишь зря принимаютъ!—закричала кухарка на Олю.

Впрочемъ, все-таки она принесла ей кружку чаю и булку. Оля хотѣла хлебнуть и съ отвращеніемъ отодвинула отъ себя кружку.

— Почему?

— Тараканъ плаваетъ.

— Какія глупости! Ты умрешь съ голоду, если будешь брезговать. У насъ всегда съ тараканами,—сказала Марья Кирилловна.—Таракановъ не кушаетъ только Варвара Уваровна.

— Я тоже не кушаю,—объявила Оля.

— Въ самомъ дѣлѣ, Степанидушка,—обратилась надзирательница къ кухаркѣ:—вы бы смотрѣли лучше. Вѣдь дня не проходитъ!

— Припомню я тебѣ таракана!—злобно прошипѣла Степанида надъ самымъ ухомъ Оли.—Попадешься ты въ мои руки!

Когда Оля бывала больна, ей снились тяжелые сны и она видѣла ужасныхъ и злыхъ женщинъ, которыя приходили и мучили ее. Теперь она безпомощно оглянулась вокругъ себя и стала искать сочувствія на лицѣ Марьи Кирилловны. Но для чахоточной дѣвушки все это не было новостью и она сдержала себя, зная, что ей вредно волноваться.

Послѣ чая дѣвочки опять пѣли молитву. Прійдя въ спальню, еще разъ молились на сонъ грядущій. Была зажжена до по-

ловины лампа, висѣвшая посрединѣ комнаты. Дѣвочки стали раздѣваться. Пришелъ мужикъ въ спальню и затопилъ печь. Дѣвчонки подбѣгали въ однѣхъ рубашкахъ къ пылающимъ дровамъ и грѣли ноги. Мужикъ ворчалъ на нихъ. Онъ былъ такой огромный и такіе желтые и широкіе зубы были у него, что кошмарная мысль осѣнила Олю... Что, если онъ ѣстъ дѣвочекъ?

Хотя Марья Кирилловна почти не говорила и продолжала читать романъ, Оля все болѣе привязывалась къ ней. Она казалась ей единственнымъ человѣческимъ существомъ, которому можно вѣрить и сердце котораго открыто для нея.

Мужикъ ушелъ. Появилась кухарка съ вѣникомъ. Дѣвчонки затихли.

— Вы бы, барышня,—начала Степанида:—не за тараканами смотрѣли, а за этими дылдами. Ишь! По мѣстамъ! Живо! — размахивая вѣникомъ, закричала кухарка.

— Батюшки! Матушки! — полушаловливо, полуиспуганно закричали дѣвочки, спасаясь отъ вѣника.

Оля закуталась въ одѣяло и лежала, какъ мертвая. Она ждала, что Марья Кирилловна прогонитъ Степаниду. Но Марья Кирилловна оторвалась, наконецъ, отъ книжки и сказала:

— Благодарю васъ, Степанида. Съ ними, кажется, иначе невозможно обращаться. Только вы страшную пыль подняли; мнѣ совсѣмъ нечѣмъ дышать.

Она закашлялась и поднесла платокъ къ губамъ.

Марья Кирилловна долго не ложилась спать. Когда уже все угомонилось, Оля слышала, какъ Марья Кирилловна нѣсколько разъ принималась плакать, и видѣла, какъ она опускаетъ книгу и нѣкоторое время задумчиво смотритъ въ пространство блистающими глазами.

VII.

О ВЫСАСЫВАНІИ КРОВИ ИЗЪ МАЛЕНЬКИХЪ ДѢВОЧЕКЪ.

Лампа съ бѣлымъ абажуромъ, черный потолокъ, тѣни, кровати, Марья Кирилловна—все постепенно стало сливаться въ сознаніи Оли въ неопредѣленное сумрачное пятно, изъ котораго высовывались раскаленныя булавки и глубоко входили въ ея руки, спину, грудь. Кругомъ поднимался шопотъ, словно тѣни, наполнявшія комнату, зловѣще переговаривались между

собой. Но вотъ тѣни стали кричать. Марья Кирилловна беззвучно поднялась къ самому потолку. Лицо ея блеснуло, словно метеоръ,—и въ комнатѣ все погасло и начался мракъ, колючій, язвительный, бѣшеный... Съ страшнымъ крикомъ проснулась Оля и стала царапать себѣ лицо, продолжая кричать. Она никогда еще не испытывала такихъ страданій, и все ея тѣло горѣло отъ зуда. И только когда она раздавила на себѣ отвратительныхъ насѣкомыхъ, она поняла, что она окружена ими со всѣхъ сторонъ въ этой длинной и мрачной комнатѣ, въ которой уже стонали и кричали другія дѣвочки. Нестерпимый ужасъ охватилъ ее, и она стала звать: „мама! мама!"— съ дикимъ отчаяніемъ.

Еслибы кто нибудь вбѣжалъ, еслибы зажгли огонь, еслибы чья-нибудь благодѣтельная рука протянулась къ затылку Оли и дала бы ей жестокую трепку, еслибы влетѣла кухарка съ вѣникомъ! Но отвѣта не было, никто не шевелился, лампа не вспыхнула, Марья Кирилловна не проснулась, кухарка не слышала, какъ неприлично ведетъ себя Оля. Начальница была высоко. Оля провела рукой по матрацу и ей показалось, что безкрылыя мухи шевелятся у нея подъ ладонью, ползутъ на нее съ обѣихъ сторонъ, впиваются въ ея горло и глаза. Она стала сметать враговъ съ постели, но они были непобѣдимы. Она слышала ихъ на себѣ, они все прибывали. Ей чудилось, что они падаютъ на нее даже съ потолка. Оля билась на своей кроваткѣ, какъ подстрѣленная птичка.

Мало-по-малу сознаніе ея опять слилось съ окружающимъ мракомъ. Мелкія твари разрослись до гигантскихъ размѣровъ. У нихъ были такіе же огромные желтые зубы, какъ у мужика. Они отъѣдали Олѣ руки и ноги и подбородокъ. У нея оставалось только одно сердце, которое билось и трепетало и молило о пощадѣ. Потомъ она совсѣмъ теряла сознаніе, но не надолго. Оно возвращалось къ ней, чтобы томить ее, жечь на медленномъ огнѣ, расщипывать по кусочкамъ, чтобы рисовать ей ужасы и внушать ей ненависть и отвращеніе къ неугомоннымъ мучителямъ маленькихъ дѣвочекъ, поступающихъ въ Лукьяновскій пріютъ.

Такъ продолжалось до разсвѣта, пока не утомились кровопійцы, не насытились и не отправились въ свои темныя щели съ драгоцѣнной добычей въ запасѣ.

Но, впрочемъ, эти существа, какъ убѣдилась впослѣдствіи Оля, жили довольно откровенно. Они собирались въ углубленіяхъ матрацовъ красноватыми кучками, и безъ зазрѣнія совѣсти ползали по закопченнымъ стѣнамъ. Они забирались въ

тетради, въ платья, въ столы. Кажется, они становились невидимы, только когда пріютъ посѣщали ревизоры. Въ пріютской кухнѣ жили черные тараканы и желтые прусаки, въ дортуарѣ клопы, въ верхнемъ этажѣ жила Варвара Варваровна. Дѣвочки были блѣдны и тощи.

Чтобы у нихъ было поменьше крови и чтобы у нихъ больше нечего было взять, ихъ дурно кормили. Имъ давали размазню, въ которой плавала не только гречневая крупа, но и вещественныя доказательства присутствія мышей въ домѣ. Въ супѣ плавало нѣсколько картошекъ, обрѣзковъ мяса и два, три волоса.

Такъ какъ волоса встрѣчались ежедневно, то Марья Кирилловна спросила однажды Степаниду:

— Скажи, пожалуйста, ты скоро облысѣешь?

Какой крикъ, однако, подняла Степанида, какая она стала красная, какъ грозно размахивала она кулаками и какъ поблѣднѣла Марья Кирилловна и какъ ей сдѣлалось дурно! У нея показалась кровь изъ горла. Послѣ этого она боялась дѣлать замѣчанія Степанидѣ.

VIII.

ОСКАРЪ ОСКАРОВИЧЪ.

Дни летѣли одинъ за другимъ, тяжелые, острые и тоскливые, сумрачные и голодные, бездушные и страшные. Изрѣдка заглядывало въ пріютъ солнце, чтобъ освѣтить его убожество и грязь. Батюшка и еще двѣ учительницы и учитель заставляли дѣвочекъ долбить уроки и писать тетрадки. Оля вся предалась ученью и иногда большія и тяжеловатыя руки гладили ее по головѣ и по щекамъ, ставшимъ въ какой-нибудь мѣсяцъ зелеными.

Олю отдали въ пріютъ и забыли о ней. Мать больше не показывалась. Оля не знала, что съ ней. Ей еще не приходило въ голову, что она можетъ потерять мать, также какъ и отца. О Соничкѣ она не получала никакихъ извѣстій. Букіяровъ былъ однажды по дѣламъ службы въ пріютѣ, выпилъ чашку кофе у начальницы и уѣхалъ, не справившись объ Олѣ.

Этотъ пріютъ, которому суждено когда-то было быть богатѣйшимъ въ городѣ и который, волею судебъ, обратился въ исправительную тюрьму для непорочныхъ ангеловъ, отличался тѣмъ, что у него былъ цѣлый штатъ попечителей и опекуновъ,

и всѣ они получали за это большіе чины, кресты и даже звѣзды. Вокругъ маленькаго, ничтожнаго комочка грязи вращались пышныя свѣтила и извлекали изъ него посильную пользу для себя.

Изрѣдка гордые, счастливые и чрезвычайно благородные люди, съ эмалевыми игрушками на груди и въ золотыхъ цѣпяхъ, посѣщали пріютъ. Чаще другихъ, разъ въ два или въ три мѣсяца, бывалъ Оскаръ Оскаровичъ Крейзингеръ, собственникъ извѣстнаго алебастроваго завода и дисконтеръ. Онъ жилъ и родился въ Петербургѣ, но плохо говорилъ по-русски. Онъ былъ еще молодъ, у него не было еще ордена, ему хотѣлось обратить на себя вниманіе дешевой благотворительностью. Привозилъ онъ съ собою фунтъ карамелей, и едва появлялась на порогѣ высокая фигура въ сѣромъ пиджакѣ, съ краснымъ лицомъ и бѣло-рыжей, низко остриженной головой, какъ дѣвочки бросались къ нему, а онъ лукаво подмигивалъ и, выпячивая красныя, мокрыя губы, весело кричалъ:

— На сегодняшній знаменательный день одмѣняется на пулавину часа всѣ существовавшія въ этомъ благородномъ заведеніи науки! И кто хочетъ мѣряться? Кто више моего колѣна, тотъ полючаетъ одна леденца, кто више мой поясъ — два леденца, кто више мой жилетный карманъ—одинъ леденецъ и пультора—итого два съ пулавиной! Кто еще више — немножко больше... А кто виросъ до моего роста... Ага! ага!..

Школьницы со всѣхъ сторонъ обнимали Оскара Оскаровича. Онъ встряхивался, онѣ отскакивали отъ него и опять липли къ нему. Конфеты у него были разсованы по всѣмъ карманамъ. Онѣ должны были доставать ихъ изъ пиджака, жилета и брюкъ.

— Марья Кирилловна какъ разъ вамъ до самыхъ губъ, — говорили ему подростки, слабо уклоняясь отъ его поцѣлуевъ.

— Марья Кирилловна, ви слишаль? Хотите пять леденца?— отдуваясь и задыхаясь, весь красный, говорилъ нѣмецъ, подсаживаясь къ чахоточной дѣвушкѣ.

— Я не люблю конфетъ, — отвѣчала Марья Кирилловна.— А вы бы лучше, Оскаръ Оскаровичъ, пріѣхали когда-нибудь къ намъ, да попробовали бы, какъ насъ кормятъ.

— О, малядой дѣвушка! Къ сожалѣнію, я обѣдаю тогда, когда вы ложитесь мечтать въ пустель!

— А не мѣшало бы попробовать нашъ супъ или вчерашнюю кашу.

— Вчерашній день прошоль. Онъ буль и нѣтъ.

— Вы бы не забыли, Оскаръ Оскаровичъ, еслибы васъ накормили, вмѣсто масла, керосиномъ.

— Да,—сказала одна изъ дѣвочекъ, вынимая карамель изо рта.—А мнѣ попался мышиный хвостикъ.

— Увѣренъ ты, малютка, въ томъ, что говоришь?—хмуря свои красныя брови, строго спросилъ Крейзингеръ.—Каштый разъ непріятныя анекдотическія исторіи! Но именно учера жена моя прислалъ въ пріютъ очень недурное чухонское масло. Хо-хо! Но это не былъ сгущенный нефть. Ахъ, маленькія шалости жизни и неизбѣжный огорошеній. Еще три леденца. Кому три леденца?—начиналъ кричать Оскаръ Оскаровичъ, хваталъ какую-нибудь дѣвочку, цѣловалъ ее на лету, отдавалъ ей конфеты и уходилъ, привѣтливо кивая головой Марьѣ Кирилловнѣ и по дорогѣ небольно теребя за волосы и за уши пристававшихъ къ нему дѣвчонокъ.

— Брысь!—кричалъ онъ, топалъ ногами и исчезалъ.

Было правило въ пріютѣ, что въ присутствіи попечителя начальница не выходила, пока онъ не приглашалъ ее. При Варварѣ Уваровнѣ попечители стали прямо ходить къ ней наверхъ—на удивительный кофе со взбитыми сливками, который она умѣла мастерски приготовлять.

IX.

АМАЛІЯ ИВАНОВНА.

Марью Кириловну рекомендовалъ въ пріютъ товарищъ городского головы. Оттого она могла каждый день подавать въ отставку и жаловаться на дурную обстановку,—и Варвара Уваровна помирилась съ ея неуживчивымъ характеромъ. Вечеромъ начальница уѣзжала или въ театръ, или въ гости и любила стуколку. Закадычнымъ другомъ ея была содержательница меблированныхъ комнатъ Амалія Ивановна Дрей, задумавшая открыть бюро для найма прислуги. У нея были, такимъ образомъ, свои виды на Лукьяновскій пріютъ. У Амаліи Ивановны были хорошенькія дочери, которыхъ она пестро одѣвала и хотѣла выдать замужъ за жильцовъ. Въ меблированныхъ комнатахъ поэтому струилась какая-то раскаленная атмосфера любовныхъ интригъ.

Сама Амалія Ивановна была красивая, полная дама лѣтъ сорока пяти съ яркими темно-кофейными глазами, розовымъ, еще молодымъ лицомъ и очень густыми, совершенно серебряными волосами. Она приходилась родственницей Оскару Оскаровичу, но враждовала съ его женой, и посѣщеніе имъ мебли-

рованныхъ комнатъ пріобрѣтало вслѣдствіе этого въ его глазахъ пикантный характеръ.

Изъ пріюта онъ заѣхалъ къ Амаліи Ивановнѣ и пробрался къ ней чернымъ ходомъ.

— Шалунъ,—сказала она, встрѣчая его въ коридорѣ и вводя въ комнату.—Нѣтъ, скажите, гдѣ вы были, что улыбаетесь до ушей?

— У Барбары Убаровны.

— А если жена узнаетъ?

— Она станетъ дурного мнѣнія о Барбарѣ Убаровнѣ...

— Она хорошаго мнѣнія только о себѣ, Богъ ей судья,—съ сердцемъ сказала Амалія Ивановна.—Я видѣла сегодня ее у Гостинаго двора.

— Въ которомъ часу?—подумавъ, спросилъ Крейзингеръ.

— Въ первомъ.

Крейзингеръ опять подумалъ.

— Она могла быть у Букіяровыхъ.

— Но съ ней былъ кавалеръ.

— Ка-ва-леръ?

— Гусаръ Зерновъ...

— Гусаръ Зерновъ?

— Мнѣ ли не знать гусара Зернова, когда онъ жилъ у меня три мѣсяца, вскружилъ голову Нетти, сдѣлалъ предложеніе Бетти и съѣхалъ, не заплативши ни копѣйки!

— Съ моей женой?

— Повѣрьте, что жены умѣютъ такъ же хорошо обманывать мужей, какъ мужья обманываютъ женъ. Худого я ничего не знаю о вашей женѣ, но я говорю вообще,—прибавила она.

— Въ коляскѣ съ гусаромъ Зерновымъ!

— Садитесь. Кого позвать вамъ, Бетти или Нетти? Онѣ обѣ дома. Я позову обѣихъ и буду очень рада, если вы разведетесь, наконецъ, съ Еленой. Я готова сама выйти за васъ замужъ вмѣстѣ съ своими дѣвочками... Но вы рѣшили, наконецъ, внести залогъ за меня?

Оскаръ Оскаровичъ посмотрѣлъ на Амалію Ивановну туманнымъ взглядомъ, словно изъ-за коляски, въ которой сидѣла его жена съ гусаромъ Зерновымъ, и проговорилъ:

— О, да,—двѣнадцать процентовъ.

— Бетти и Нетти, не нужно! Мамаша одна справится. Она прибережетъ васъ... Ахъ, дорогой Оскаръ, какъ у васъ языкъ могъ повернуться и сказать: двѣнадцать процентовъ? Залогъ вносится бумажками, которыя приносятъ еще шесть процентовъ! Постыдитесь. Фуй!

X.

РѢЧЬ ВАРВАРЫ ВАРВАРОВНЫ.

Въ тотъ день, когда Амалія Ивановна внесла залогъ и недалеко отъ меблированныхъ комнатъ появилась золотая вывѣска съ надписью: „Бюро для найма прислуги“,—Варвара Уваровна собрала въ пріютѣ дѣвочекъ и обратилась къ нимъ съ рѣчью:

— Слышу, что вы недовольны, какъ васъ кормятъ и одѣваютъ. Кто настраиваетъ васъ—не знаю. Но кто-то смущаетъ васъ. Только не будьте дурами. Если скверно въ пріютѣ—на улицѣ еще гораздо хуже. Для примѣра можно исключить нѣсколькихъ. Зимою, когда идетъ снѣгъ или воетъ ледяной вѣтеръ, не очень-то пріятно протягивать руку и просить милостыни. А недовольныхъ ожидаетъ подобная участь. Я говорю о тѣхъ дылдахъ, которыя уже кончаютъ пріютъ. Съ маленькими дѣвчонками расправа будетъ коротка. На кухнѣ есть Степанида и мужикъ Лупъ. Рядомъ съ кухней есть чуланчикъ, гдѣ водятся страшныя крысы (всѣ дѣвочки затаили дыханіе, и на этомъ самомъ мѣстѣ Варвара Уваровна скрипнула зубами, что могло произойти отъ излишняго усердія ея къ своимъ обязанностямъ). Я еще не все сказала. Отъ васъ требуютъ не только, чтобъ вы были довольны своимъ положеніемъ и благодарили Господа Бога и начальство за то, что вы накормлены, одѣты и пригрѣты, но чтобы вы и учились. Лучшихъ изъ васъ по поведенію и по ученію ожидаетъ блестящая участь. Вы можете достигнуть положенія, какое занимаетъ Марья Кирилловна, поступивъ въ Макаровское училище, выпускающее народныхъ учительницъ и пріютскихъ надзирательницъ. Рукодѣльницы могутъ быть пристроены въ модныя мастерскія. А лѣнивицы, которыхъ здѣсь такъ много, будутъ опредѣлены въ горничныя и до семнадцати лѣтъ должны отслуживать пріюту за свое содержаніе. Даромъ пріютъ никого не держитъ. Надо возвратить ему хоть часть долга. Семенова, стань у окна. Ульяшова, стань рядомъ съ Семеновой. Крындовская—туда же.

Она отдѣлила четырнадцать дѣвочекъ.

— Вы были всегда дурами,—продолжала она.—Никто изъ васъ не научился правильно даже писать. Цѣлый годъ ломала я голову, что мнѣ съ вами дѣлать. Но я получила указаніе, и представился случай пристроить васъ. Кстати, пріютъ

надо очистить. У насъ очень тѣсно, и Марья Кирилловна давно жалуется на то, что ей нечѣмъ дышать.

Черезъ недѣлю изъ отдѣленныхъ четырнадцати дѣвочекъ въ пріютѣ осталось только три. Точно какая-то рука выхватывала изъ пріюта жертву за жертвой. Впрочемъ, дѣвочки не особенно пугались неизвѣстнаго будущаго, которое развертывалось передъ ними. Три дѣвочки, отъ которыхъ отказалась слѣпая судьба, плакали, что имъ не удалось покинуть пріютъ. Онѣ были сосланы на кухню въ помощь Степанидѣ. Предполагалось, что ихъ необходимо подучить, такъ какъ маленькія физіономіи ихъ не внушали никому симпатіи. Имъ надо было взять искусствомъ.

XI.

СКАРЛАТИНА.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ Лукьяновскомъ пріютѣ поселилась вся въ красныхъ пятнахъ, ужасная Скарлатина.

Оля первая увидѣла ее. Особа, находившаяся въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ загробнымъ міромъ, вошла ночью въ спальню и стала обходить дѣтскія кроватки. Лампа чадила съ притушеннымъ фитилемъ. Больныя тѣни шатались въ воздухѣ. Онѣ съ обѣихъ сторонъ поддерживали блѣдную Скарлатину, покрытую красными пятнами, и она съ зловѣщей улыбкой приблизилась къ маленькой Олѣ.

— Филиппъ, что если я положу тебѣ руку на лобъ?

— Я не Филиппъ,—пробормотала Оля. — Не дразни меня.

— Но я все-таки положу тебѣ руку на лобъ. И положу тебѣ руку на плечи и на грудь. Мнѣ хочется зажечь твое маленькое сердечко.

— Уйди отъ меня, я закричу.

— А развѣ ты не слышишь, — продолжала Скарлатина:— что всѣ дѣвочки кричатъ и никто не обращаетъ вниманія на ихъ стоны и вопли? Ты заболѣешь и только на третій или на четвертый день поймутъ, что ты больна.

— Отстань отъ меня,—повторяла Оля, и головка ея металась по жесткой подушкѣ.

— Я не могу отстать отъ тебя,—продолжала Скарлатина:— потому что я тебя люблю. Я люблю дѣвочекъ, у которыхъ лица зеленаго цвѣта, ручки и ножки похожи на прутики, шейка прозрачно-молочнаго цвѣта. Онѣ не знаютъ, что такое воздухъ, потому что ихъ никогда не выводятъ гулять. А не

водятъ гулять потому, что у нихъ нѣтъ теплаго платья и Марья Кирилловна боится простудить свое горло на свѣжемъ воздухѣ, а Варвара Варваровна находитъ, что пріютскимъ дѣвчонкамъ неприлично ходить по улицамъ и вызывать своимъ видомъ всеобщее сожалѣніе. Протяни-ка мнѣ ручки, дѣвочка. Крѣпко обниму я тебя.

— Уходи же, Боже мой, уходи прочь!

— Скверная дѣвчонка, чего ты кричишь?—сердито проговорила Марья Кирилловна, поднимая голову.—Спать нельзя. О, каторга! Проклятая жизнь! Если ты еще пискнешь, я тебя отшлепаю!

Оля знала, что у доброй Марьи Кирилловны тяжелая рука. Правда, когда она бьетъ, она сама плачетъ, но все-таки она больно бьетъ. Оля затихла, а Скарлатина совсѣмъ наклонила надъ ней свое горячее лицо съ синими губами и продолжала говорить:

— Я начну съ тебя, дѣвочка, и не скоро покину пріютъ, въ которомъ ты томишься, малютка. Я люблю уголки, гдѣ боятся воздуха, гдѣ страшная грязь и гдѣ паразиты высосали всю кровь изъ дѣтей, гдѣ имъ не даютъ ѣсть, гдѣ ихъ обкрадываютъ и мучаютъ.

— Силъ моихъ нѣтъ!—закричала Марья Кирилловна, вскочила и при блѣдно-темномъ свѣтѣ угасающей лампы нашла Олю, откинула полугнилое одѣяло и ударила ее по голой спинѣ нѣсколько разъ.

Въ отвѣтъ на крикъ Оли въ разныхъ углахъ спальни закричали дѣвочки спросонья. Онѣ спали, но онѣ точно сошли съ ума во снѣ. Уже къ началу зимы отъ пріютскихъ лишеній изнемогали малютки, Днемъ онѣ сдерживали себя, онѣ даже рѣзвились хотя гораздо слабѣе, чѣмъ прежде. Блѣдныя улыбки изрѣдка расцвѣтали на ихъ блѣдныхъ личикахъ. Но во снѣ лопались натянутыя струны. Иногда въ два часа ночи поднимался вой въ пріютѣ и тревожилъ даже Варвару Уваровну. Поэтому былъ отданъ приказъ, чтобы Степанида съ мужикомъ Лупомъ блюла за порядкомъ и усмиряла скверныхъ дѣвчонокъ, мѣшающихъ спать начальницѣ.

Степанида вскочила съ постели, разсвирѣпѣвшая, что прерванъ ея сонъ на самомъ сладкомъ мѣстѣ, и вбѣжала въ спальню.

— Тише!—заревѣла она.

И, замѣтивъ, что Марья Кирилловна наказываетъ Олю, она, какъ новый кошмаръ въ этомъ жилищѣ ужаса и страха, свирѣпо сказала:

— Такъ, такъ ее! Всѣхъ бы перепороть! Вотъ я Лупа приведу. Будете вы у меня тутъ!

Отъ громкаго крика и отъ угрозы Степаниды проснулись дѣвочки. Спальня успокоилась. Марья Кирилловна бросила Олю и рыдала, уткнувшись лицомъ въ подушку. Степанида схватила Олю за ухо.

— Ты всему заводчица? А, любимица!

Она стащила ее съ постели, и маленькое, тощее тѣльце Оли повисло на полу подъ могучей рукою Степаниды.

— На кухню!

XII.

ВѢЖЛИВЫЕ РЫЦАРИ.

Оля была брошена на полъ. Она лежала прямо на голыхъ доскахъ, и въ это самое время у нея заболѣло горло. Въ кухнѣ было сумрачно,—догорала лампа или, можетъ быть, начинало свѣтать,—сумрачно и страшно. Степанида ворчала. Она не могла заснуть. У нея была тяжелая должность, о которой она вслухъ разсказывала, и Олѣ казалось, что, лежа на своей кровати, она бесѣдуетъ съ тараканами, потому что не съ кѣмъ было болѣе, а Лупъ спалъ въ каморкѣ. Въ разгоряченномъ мозгу дѣвочки рисовались тараканы, какъ рыцари, одѣтые въ черные стальные доспѣхи, съ длинными копьями, которыми они шевелили направо и налѣво. У нихъ были насмѣшливыя лица съ широкими улыбками, поднятыми до висковъ, и они слушали жалобы Степаниды съ безстрастной вѣжливостью.

— Получаю я восемь рублей,—бормотала Степанида: — а что я вижу добраго? Я должна быть вѣдьмой въ этомъ домѣ, и, случается, вмѣстѣ съ Лупомъ мы такъ бьемъ дѣвочекъ, что ломаемъ имъ ребра. Въ прошломъ году мы заколотили большую Ленку. Она захирѣла и умерла въ старой банѣ, которая стоитъ на огородѣ и называется лазаретомъ. У меня до сихъ поръ душа болитъ, когда подумаю. А того, что ѣдятъ дѣвочки, тараканы не хотятъ ѣсть! Сколько разъ я пробовала, всегда тошнитъ. Развѣ я могла бы жить, еслибы кормилась вмѣстѣ съ дѣвочками? Я поневолѣ должна ѣсть съ начальницей, а она обижается и считаетъ каждый кусокъ. „Подай мнѣ осетрину, которая осталась отъ ужина“. — Какую осетрину? Что вы барыня, успокойтесь, нѣтъ ея давно.—„А отчего курица безъ

одной ноги?—Ахъ ты, Боже мой! Тараканы объѣли. Крысы у насъ водятся. И Олѣ ногу отъѣдятъ. Имъ только подавай.

Тараканы пошевелили своими пиками и, тяжело громыхая стальными латами, побѣжали на Олю. Она чувствовала, какъ они колютъ ее и ихъ улыбающіеся рты приближаются къ ея блѣднымъ, холоднымъ пальчикамъ. Понемножку они начинаютъ ее ѣсть. Они ѣдятъ дѣвочекъ, потому что не хотятъ ѣсть пищи, которою кормятъ дѣвочекъ въ Лукьяновскомъ пріютѣ, и потому что за куриными ногами строго слѣдитъ бдительная начальница и не даетъ ихъ въ обиду.

Оля какъ-то вся успокоилась и оцѣпенѣла, лежа на холодныхъ и влажныхъ доскахъ. Кажется, она перестала даже дрожать. Самый храбрый изъ таракановъ взобрался къ ней на грудь и старался заглянуть ей въ глаза. Но изъ печурки выскочили двѣ сѣрыя крысы и стали весело, какъ поросята, гоняться другъ за дружкой. Вдругъ онѣ остановились, осторожно приблизились къ дѣвочкѣ и обнюхали ее. Тараканы испугались и со всѣхъ ногъ бросились въ свои неприступные замки.

— Глупые сѣренькіе звѣрьки, не подходите, вы отъ меня заразитесь скарлатиною!—сказала Оля.

Должно быть, было уже утро, потому что она увидѣла надъ собою мужика Лупа, который наклонился надъ нею. Оля широко раскрыла глаза. Лупъ оскалилъ зубы и защелкалъ ими. Онъ любилъ пугать дѣвочекъ и онѣ не обижались на него. Ихъ смѣшили или пугали его большіе желтые зубы,—смотря по обстоятельствамъ.

— Ишь ты,—сказалъ Лупъ, глядя на Олю:—а вѣдь маленькая-то больна. Отъ нея жаръ такъ и пышетъ. Я прикрылъ ее, ей-Богу прикрылъ, мѣшкомъ прикрылъ,—заявилъ онъ, приподнимаясь и обращаясь къ Степанидѣ, возившейся у печки. Ты бы доложила начальницѣ. Пойди, скажи.

— Пойди, скажи самъ.

— Мнѣ что, я къ ней не вхожъ. Не околѣвать же дѣвочкѣ въ кухнѣ.

— Мало ихъ развѣ, — проворчала Степанида, но черезъ минуту подошла къ Олѣ, посмотрѣла на нее, взяла ее на руки и переложила на свою кровать.

XIII.

ЕЛКА.

Олю положили въ томъ отдѣленіи пустынной бани, гдѣ полокъ и подъ нимъ дремлетъ банный чортъ. Она едва успѣла сообразить, куда ее перенесли, какъ впала въ тяжелое забытье. Отъ времени до времени приходилъ къ ней Лупъ и поилъ молокомъ и лекарствами. Еслибы она умерла, ее похоронили бы, и о ней рѣшительно никто не вспомнилъ бы въ цѣломъ мірѣ. Но она осталась жива. Долго съ нея сыпалась „мука", и она едва могла передвигать своими тоненькими ножками. Шесть недѣль продолжался карантинъ. Ее держали въ банѣ вмѣстѣ съ другими дѣвочками, которыя тоже были больны скарлатиной. Наконецъ, ее одѣли, завернули въ большой коверъ и перенесли въ пріютъ, объявивъ ей, что она здорова. Это случилось какъ разъ на сочельникъ.

Никогда еще не было такого великолѣпія въ пріютѣ. Зеленое дерево возвышалось до потолка и сверкало золотыми искрами и красными фонарями, и казалось, что оно святое. Какой-то сладострастный ужасъ вошелъ въ душу Оли, когда она увидѣла елку. Для нея былъ приготовленъ сюрпризъ за то, что она выздоровѣла. Въ залѣ было чисто. Свѣтъ лился съ елки, по ней словно струились огненныя слезы. Дѣвочки толпились въ бѣлыхъ пелеринкахъ, и у каждой были намаслены и гладко причесаны волосы. Онѣ смотрѣли, разинувъ рты, на елку. Поодаль сидѣло нѣсколько важныхъ господъ. Всѣ молчали. Тутъ была Варвара Варваровна, Оскаръ Оскаровичъ, была Амалія Ивановна Дрей съ своими очаровательными Нетти и Бетти въ бѣлыхъ платьяхъ, похожими на двухъ гордыхъ, тонкихъ и высокихъ ангеловъ. Былъ еще Букіяровъ съ толстымъ и краснымъ, какъ мѣдная кастрюля, лицомъ, — его трудно было узнать, до того онъ располнѣлъ за послѣднее время,—и возлѣ него стояла взрослая дѣвочка въ голубомъ платьѣ, съ розовой лентой въ косѣ. Ни дать, ни взять Соничка. Марья Кирилловна покашливала и ходила около елки, такъ какъ она весь день убирала ее и теперь ей пріятно было взглянуть на свою работу. Степанида и Лупъ выглядывали изъ-за дверей

— Ну, что дѣти, вы есть довольны елкой?—спросилъ Оскаръ Оскаровичъ, и глаза его слезились отъ умиленія.

Марья Кирилловна подала знакъ. Дѣти закричали:

— Покорно благодаримъ! Покорно благодаримъ!

— Дримъ! Дримъ!—весело заключилъ Оскаръ Оскаровичъ и подмигнулъ Бетти и Нетти, а Амалія Ивановна ударила его перчаткой по плечу и засмѣялась.

Варвара Уваровна обратилась къ гостямъ съ просьбой разрѣшить дѣвочкамъ пропѣть „Рождество Твое, Христе Боже нашъ".

Дѣвочки запѣли. Оскаръ Оскаровичъ съ притворнымъ недоумѣніемъ оборачивался къ своимъ дамамъ и спрашивалъ:

— Это есть церковный служба?

Букіяровъ размахивалъ рукой и былъ доволенъ. Послѣ пѣнія дѣвочки декламировали стихи. Оскаръ Оскаровичъ посматривалъ на часы и, наконецъ, закричалъ:

— Занавѣсъ! Занавѣсъ! Довольно представленія! Сегодня вы всѣ маленькія грабительницы, которыхъ обязанность есть расхищать елку!

Варварѣ Уваровнѣ, кажется, не очень понравилось предложеніе Оскара Оскаровича. Но онъ былъ уважаемый и богатый человѣкъ, и она отошла только въ сторону. Дѣвочки бросились на елку. Оля смотрѣла, и ей жаль было видѣть, какъ задрожало прекрасное дерево и какъ съ него стали срывать золотыя звѣзды, золотыя яблоки, золотые мѣшочки съ конфетами и орѣхами. Золотыя слезы упали на полъ съ зеленой елки. Никогда еще не было такого веселаго шума въ Лукьяновскомъ пріютѣ.

— Что же ты, Оля, такъ стоишь?—громкимъ шепотомъ проговорилъ изъ дверей мужикъ Лупъ.—Расхватаютъ, и ничего тебѣ не останется. Чудакъ-дѣвчонка! Право!

Кажется, у него самого почесывались руки, и потъ крупными каплями струился съ его широкаго лица отъ внутренняго волненія.

Оля сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ, хотѣла подойти къ Марьѣ Кирилловнѣ, но вспомнила страшную ночь, когда ей такъ жестоко досталось отъ любимой надзирательны, взглянула направо, гдѣ стояли гости, кидая въ дѣвочекъ пригоршнями привезенныхъ съ собою конфетъ, увидала Соничку, которая какъ-то равнодушно смотрѣла на нее, точно не узнавала, и все лицо ея передернулось. Все было такъ неожиданно, такъ волшебно, такъ похоже на сонъ. Оскаръ Оскаровичъ хохоталъ какимъ-то неестественнымъ, квакающимъ смѣхомъ.

Кажется, взрослая дѣвушка въ голубомъ платьѣ, съ розовой лентой въ волосахъ, сдѣлала движеніе къ маленькой Олѣ. Именно тогда Олѣ показалось, что въ самомъ дѣлѣ это Соничка. Но Букіяровъ схватилъ дѣвушку за руку и не пустилъ.

Оля догадалась, что хотя она объявлена здоровой, но еще боятся ея скарлатины. Не слѣдуетъ бояться пріютскимъ дѣвочкамъ, но городскимъ барышнямъ, даже если онѣ сестры, надо себя беречь. Все это въ порядкѣ вещей, и Оля нисколько не удивилась, Только ея маленькое сердце заныло отъ боли, когда Соничка перестала на нее смотрѣть. А передъ тѣмъ улыбалась. Ей, навѣрно, хорошо, у нея такая счастливая улыбка. И не оттого ли она равнодушна къ маленькой сестренкѣ, что ей хорошо?

„Гдѣ же мама?"—подумала опять Оля и окинула взглядомъ комнату. Мамы не было.

— Посмотрите, Бетти и Нетти,—какое забавное лицо у той глупенькой малютки!—весело сказала своимъ дочерямъ Амалія Ивановна.

Бетти протянула было къ Олѣ свои длинныя, красивыя руки. Марья Кирилловна остановила ее:

— Дѣвочка сегодня только что вышла изъ карантина.

Руки съ испугомъ отпрянули назадъ, а по ангельскому лицу Бетти пробѣжала тѣнь испуга и обиды.

Вечеръ кончился такъ же шумно и весело, какъ начался. Оскаръ Оскаровичъ былъ неистощимъ. Послѣ того, какъ выброшены были всѣ конфеты и обобрана елка, по его знаку артельщикъ и Лупъ внесли блюдо съ огромнымъ сладкимъ пирогомъ, который былъ осыпанъ бѣлымъ и розовымъ сахаромъ и украшенъ желтымъ и краснымъ вареньемъ. Замысловатые узоры пирога сдѣлали его сразу героемъ кончающагося вечера. По крайней мѣрѣ, сто паръ глазъ съ восхищеніемъ остановилось на немъ. Пирогъ представлялъ собою издѣліе знаменитой „берлинской кондитерской" сестры Оскара Оскаровича. Эта кондитерская каждый вечеръ освѣщалась разноцвѣтнымъ электрическимъ свѣтомъ и была чудомъ роскоши. Надъ ея зеркальными и мѣдными дверями красовался гербъ самаго высокаго лица въ городѣ, поставщикомъ котораго удостоилась чести быть сестра Оскара Оскаровича. Пирогъ, разумѣется, былъ удивительный. Оскаръ Оскаровичъ самъ былъ плѣненъ имъ. Ему доставляло истинное удовольствіе быть щедрымъ. Онъ взялъ ножъ, имѣлъ терпѣніе разрѣзать пирогъ на множество мелкихъ кусочковъ, сыпля шутками и прибаутками, и, наконецъ, дѣвочки набросились на лакомое блюдо, еще невиданное въ Лукьяновскомъ пріютѣ. Можно сказать, онѣ вдругъ распустились. Уже битва подъ вѣтвями елки возбуждающе подѣйствовала на нихъ. Теперь онѣ выхватывали другъ у друга куски пирога. Почти у всѣхъ были вымазаны

лица въ сахарѣ и въ вареньѣ. Марья Кирилловна, ходя взадъ и впередъ и стараясь установить какой-нибудь порядокъ на глазахъ онѣмѣвшей отъ негодованія Варвары Уваровны, сказала Оскару Оскаровичу:

— А что-жъ вы теперь не цѣлуетесь?

— Тише, злой дѣвушка!—шутливо отвѣчалъ Оскаръ Оскаровичъ.—Я сдѣлаю вамъ наказаніе и расцѣлую васъ самихъ!

Тутъ онъ вынулъ изъ бокового кармана крошечный футляръ и преподнесъ Марьѣ Кирилловнѣ рождественскій подарокъ—серебряную вызолоченную брошку съ тремя сомнительными камушками, которые можно было принять за брильянты и сафиръ. Бѣдная дѣвушка вспыхнула, взяла футляръ съ брошкой и, поднявъ глаза на Оскара Оскаровича, сдѣлала ему реверансъ.

Гости уѣхали къ девяти часамъ встрѣчать сочельникъ у себя, въ болѣе подходящей обстановкѣ. Они исполнили свой долгъ и уѣхали. Каждый въ душѣ своей увезъ изъ Лукьяновскаго пріюта сознаніе, что онъ участвовалъ въ какомъ-то добромъ дѣлѣ. Легко ли—ѣхать Богъ знаетъ куда въ такую вьюгу и везти неизвѣстнымъ дѣвчонкамъ сласти и разные маленькіе подарки, вродѣ тридцатикопеечныхъ куколъ, хлопушекъ съ бумажными дурацкими колпаками, малограмотныхъ книжекъ съ лубочными картинками и милыхъ благотворительныхъ улыбокъ. Соничка уѣхала, не поцѣловавшись съ сестрой.

Было людно—и сразу стало пустынно въ разоренной комнатѣ. Дѣвочекъ угнали въ дортуары. Многимъ досталось, сыпались подзатыльники и бранныя слова. Цѣлый рядъ „дылдъ", какъ выражалась Варвара Варваровна, стоялъ у стѣны и занимался ея пристальнымъ разсматриваніемъ. Въ такомъ позорномъ видѣ дылды должны были стоять два часа.

— А ты пойди сюда,—сказала Варвара Уваровна, подзывая къ себѣ пальцемъ Олю.

Дѣвочка робко приблизилась къ начальницѣ.

— Я обратила на тебя вниманіе,—продолжала начальница.— Ты одна изъ немногихъ вела себя хорошо. Когда-то ты вошла въ нашъ пріютъ буйной и нехорошей дѣвочкой. Ты заболѣла, но Господь тебя пощадилъ и ты не умерла, подобно другимъ дѣвочкамъ. Я думаю поэтому, что ты хорошая дѣвочка. Такъ какъ ты ничего не ѣла и не жадничала, то я возьму тебя съ собой и покормлю ужиномъ. Ты слабенькая.

Меньше всего ожидала Оля, что Варвара Варваровна вспомнитъ о ней. Она давно перестала считать себя хорошей дѣ-

вочкой. Ея душа такъ была настроена, что малѣйшей ласки достаточно было, чтобы она расплакалась. У ней брызнули слезы изъ глазъ, и она подбѣжала и хотѣла поцѣловать начальницу.

Но Варвара Уваровна сказала:

— Нѣтъ, нѣтъ. Ты не прикасайся ко мнѣ. Я не боюсь, но я не люблю поцѣлуевъ. Иди впередъ.

Оля вмѣстѣ съ тремя другими избранными дѣвочками поднялась наверхъ къ Варварѣ Уваровнѣ. Ноги у нея дрожали, она едва шла отъ усталости.

Счастливицы были посажены въ маленькой столовой, и имъ была подана заливная рыба и маковый пирогъ.

Сама начальница торопливо одѣвалась.

— Когда дѣвочки кончатъ кушать, ушли ихъ спать,—приказала она дежурной взрослой дѣвочкѣ Машѣ.—Дай мнѣ Евангеліе. Ну, разверни книжку,—сказала она, подавая Евангеліе Олѣ.—Читай седьмой стихъ направо.

Оля развернула Евангеліе и прочитала:

— Мы окончили плаваніе...

— Довольно!—вскричала начальница, глядя на себя въ зеркало и присыпая пудрой носъ.—Что это означаетъ?

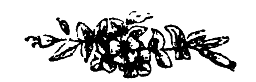
— Это означаетъ...—начала Оля.

— Это означаетъ,—нетерпѣливо продолжала начальница:—что ты окончила болѣзнь. Ты перестала болѣть и кончила ужинать. Книга удивительно пророческая. Ты современемъ убѣдишься въ этомъ двадцать тысячъ разъ. Всѣмъ вамъ, дѣвочки, я дарю по такой книжкѣ, которая отличается отъ этой только тѣмъ, что маленькая.

Дежурная дѣвочка подала четыре черныя книжки. Начальница удалила дѣвочекъ и почти опрометью выскочила изъ пріюта. Она сѣла въ пріютскій экипажъ и помчалась къ Амаліи Ивановнѣ, гдѣ играли въ карты, Бетти и Нетти танцовали вальсъ и тоже горѣла елка и Оскаръ Оскаровичъ, сидя на диванѣ, глубоко держалъ руки въ карманахъ своихъ роскошныхъ, модныхъ брюкъ.

І. Ясинскій.

(*Продолженіе будетъ*).

НОЧЬЮ.

Не знаю я: что̀ это—тѣни
Иль призракъ полночи нѣмой.
На обветшалыя ступени
Восходитъ кто-то неземной...

* *
*

Не знаю я: то вздохъ смущенный
Иль всколыхнулись камыши.
Раздался звукъ надъ далью сонной
И замеръ... и застылъ въ тиши.

* *
*

Не знаю я: земля ли это
Иль призракъ ночи вижу я,
И льются волны тьмы и свѣта
Въ согласномъ хорѣ бытія.

А. Мейснеръ.

СВѢТОЧИ ЧЕХІИ.

ЧАСТЬ III [1]).

Валленштейнъ.

...А это государство,
Богемія, изъ-за которой мы сражаемся,
Совсѣмъ чужда душой властителю, который былъ ей данъ
Удачею оружья, а не свободнымъ избраніемъ,—
И съ ропотомъ она религіи выноситъ тиранію!
Власть сильнаго могла ее сломить, но не дала успокоенья!
Память объ ужасахъ, что на ея землѣ совершены,
И пламенная жажда отмщенія еще здѣсь живы...
Сынъ забудетъ ли, что въ церковь загоняли его отца собаками?
Народъ, котораго въ такое положенье поставили,
Ужасенъ,—мститъ ли онъ, иль терпитъ по неволѣ.

Шиллеръ.

I.

Подъ вечеръ, 3 ноября 1414 г., по дорогѣ, ведущей въ Костницъ, народъ высыпалъ смотрѣть путешественника, на котораго всякому хотѣлось взглянуть, столь великъ былъ интересъ, возбужденный его личностью, его ученіемъ и тою смѣлостью, съ которой онъ раскрывалъ злоупотребленія духовенства.

Спускалась ночь, когда, наконецъ, послышался топотъ многихъ лошадей, и глаза всѣхъ обратились къ надвигавшемуся изъ-за поворота дороги легкой рысью внушительному отряду всадниковъ. Впереди между двухъ богато вооруженныхъ рыцарей ѣхало духовное лицо, въ черномъ. За ними тянулись вереницей верховые, вооруженный конвой, конюшіе, пажи и нѣсколько вьючныхъ лошадей.

— Гляди, гляди,—толкая локтемъ сосѣда, говорилъ горо-

[1]) См. «Русск. Вѣстн.», сентябрь—декабрь 1903 г.

жанинъ.—Вонъ тотъ, что ѣдетъ между рыцарями, должно быть, Гусъ.

— Кто-жъ эти рыцари?—спросилъ тотъ.

— А вотъ, сейчасъ спросимъ у стараго Соградка; онъ, вѣдь, изъ Праги и долженъ ихъ знать.

Слѣдуя за всадниками, они добѣжали до старика высокаго роста, который разговаривалъ съ земляками изъ прибывшей свиты. Онъ охотно отвѣтилъ на ихъ разспросы и объяснилъ, что рыцари были баронъ Янъ изъ Хлума и панъ Генрихъ изъ Лаценбока, а что сзади ѣхали: секретарь барона, Петръ изъ Младеновицъ, и Янъ Кардиналисъ изъ Рейнштейна, настоятель церкви въ Яновичахъ, имѣніи пана барона.

По мѣрѣ того, какъ пріѣзжіе слѣдовали по улицамъ города, толпа все возрастала. Наконецъ, всадники остановились въ улицѣ св. Павла, у дома, гдѣ долженъ былъ проживать Гусъ, и на порогѣ котораго стояла хозяйка, вдова Фидесъ, радушно встрѣчавшая дорогого гостя.

— Вотъ, мистръ Янъ, мы и у пристани! Дай Богъ, чтобы намъ также счастливо удалось вернуться съ вами обратно въ Прагу, гдѣ васъ ждетъ еще болѣе пышная встрѣча,—весело улыбаясь, сказалъ Янъ изъ Хлума, прощаясь съ благодарившимъ его Гусомъ и направляясь на собственную квартиру.

На слѣдующій день, подкрѣпленный сномъ и прочтя въ одной изъ комнатъ обѣдню, Гусъ началъ устраиваться. Окончивъ размѣщеніе привезенныхъ съ собою вещей, онъ сѣлъ у окна и сталъ разсматривать сновавшую по улицѣ оживленную толпу. Въ это время къ дому подъѣхали оба его покровителя, и Гусъ, не безъ тревоги, бросился къ нимъ на встрѣчу.

Но ихъ радостныя лица тотчасъ же его успокоили и въ сердцѣ Гуса шевельнулась надежда.

— Мы съ добрыми вѣстями, милый мистръ,—сказалъ баронъ Янъ, пожимая ему руку,—и пришли разсказать вамъ подробности нашего свиданія съ папой. Мы возвѣстили ему ваше прибытіе и просили его не отказать въ покровительствѣ. Его святѣйшество принялъ насъ милостиво и на нашу просьбу отвѣтилъ: „если бы даже Гусъ убилъ моего родного брата, то и тогда я употребилъ бы всѣ находящіяся въ моемъ распоряженіи мѣры, чтобы оградить его отъ всякаго насилія въ Костницѣ“. А когда онъ узналъ, что императоръ пожаловалъ вамъ охранную грамоту и взялъ подъ свою защиту, то обѣщалъ, что сниметъ тяготѣющій на васъ интердиктъ. Это дастъ вамъ возможность свободно ходить по городу и посѣщать церкви.

— Хотя я посовѣтовалъ бы вамъ, мистръ Янъ, быть пока осторожнымъ, избѣгать столкновеній и всякаго предлога къ попрекамъ, а главное, не появляться во время большихъ религіозныхъ торжествъ,—прибавилъ Генрихъ изъ Лаценбока.

— Послѣдую вашему совѣту, благородный панъ, и воздержусь показываться въ народѣ,—покорно отвѣтилъ Гусъ.

Онъ дѣйствительно заперся у себя дома и никуда не выходилъ, даже тогда, когда Вацлавъ изъ Дуба привезъ ему охранную грамоту, а папа и кардиналы оффиціально увѣдомили что интердиктъ временно пріостановленъ.

Гусъ велъ затворническую жизнь, трудясь надъ проповѣдями и рѣчами, которыя, какъ онъ надѣялся, ему дозволятъ произнести, или обсуждалъ разные богословскіе вопросы съ многочисленными навѣщавшими его посѣтителями.

Но, если онъ зарылся въ работу и не покидалъ своего добровольнаго заключенія, зато его враги не дремали и проявляли необыкновенное усердіе, не упуская ничего, чтобы возстановить противъ него членовъ собора и общественное мнѣніе.

Особымъ рвеніемъ отличались Венцель Тимъ, торговавшій индульгенціями въ Прагѣ, Палечъ и Михаилъ изъ Нѣмецкаго Брода, или *de Causis*; первый не забылъ Гусу, какъ онъ испортилъ ему торговлю, другой не прощалъ ему своего изгнанія изъ Праги, а третій ненавидѣлъ въ немъ строгаго обличителя продажности духовенства, яркимъ представителемъ которой былъ онъ самъ. Всѣ они чуяли, что насталъ таки моментъ отмщенія, и неутомимо рыскали по городу, показывая кардиналамъ искаженныя выдержки изъ сочиненій Гуса, расклеивали объявленія, въ которыхъ выставляли его, какъ отлученнаго отъ церкви *еретика*, и не брезговали распускать по городу клевету, будто Гусъ пытался бѣжать, спрятанный въ возѣ сѣна. Послѣдствіемъ этихъ происковъ было рѣшеніе арестовать опаснаго проповѣдника.

Утромъ 28 ноября, добрая Фидесъ,—„сарептская вдовица“, какъ прозвалъ ее Гусъ,—стояла на порогѣ своего дома и обсуждала съ возвратившейся съ рынка сосѣдкой дороговизну съѣстныхъ припасовъ. Вдругъ ея вниманіе привлекли отряды городской стражи, показавшіеся съ обоихъ концовъ улицы и тихо занимавшіе сосѣдніе дома.

— Что это значитъ?—тревожно спросила Фидесъ.—Ужъ не замышляется ли что-нибудь противъ добраго магистра?

— Поди-ка, да лучше предупреди его, — посовѣтовала сосѣдка.

— Боюсь его безпокоить; у него теперь сидитъ благородный рыцарь Хлумъ,—нерѣшительно отвѣтила Фидесъ.

Но въ это время четыре всадника, въ сопровожденіи конюшаго, остановились передъ домомъ и одинъ изъ нихъ повелительно спросилъ, дома ли магистръ Гусъ.

— Да, г-нъ бургомистръ, — отвѣтила Фидесъ, низко присѣдая ему.

Прибывшіе сошли съ лошадей и вошли въ домъ; а обѣ женщины освѣдомились у конюшаго, державшаго лошадей, кто были спутники бургомистра.

— А это епископы аугсбургскій и трентскій и еще рыцарь Іоганнъ Баденскій—отвѣтилъ тотъ.

Гусъ и Хлумъ спокойно бесѣдовали, когда открылась дверь и въ комнату вошли прибывшіе. Послѣ обмѣна привѣтствій одинъ изъ епископовъ объявилъ, что они посланы папой и кардиналами пригласить магистра Іоганна явиться къ нимъ, чтобы изложить свое ученіе, какъ онъ того неоднократно добивался.

Мужественное лицо Хлума вспыхнуло при этихъ словахъ. Дальновидный и опытный, онъ тотчасъ же заподозрилъ истинную цѣль посѣщенія и едва сдержалъ свой гнѣвъ.

— Что значитъ подобный образъ дѣйствій, господа? Вы забыли, что мистръ Янъ состоитъ подъ особымъ покровительствомъ императора, который воспретилъ начинать процессъ впредь до прибытія его величества. Я уполномоченъ охранять неприкосновенность Гуса и во имя императора протестую противъ всякой поспѣшной мѣры. Предупреждаю васъ, господа, что вы рискуете честью имперіи!

— Успокойтесь, господинъ баронъ, — примирительно заговорилъ епископъ трентскій. — Вы ошибаетесь и мы явились съ добрыми намѣреніями.

Тутъ вмѣшался Гусъ и спокойно сказалъ, что хотя онъ прибылъ въ Костницъ вовсе не для обсужденія своего ученія наединѣ съ папой и кардиналами, а напротивъ, для его всенародной защиты передъ соборомъ, но если отъ него требуютъ, то онъ не отказывается явиться къ его святѣйшеству.

— Вотъ здравое рѣшеніе, которое, разумѣется, принесетъ пользу вашему дѣлу, магистръ Гусъ,—замѣтилъ бургомистръ.—Возьмите же вашъ плащъ и безъ опасеній слѣдуйте за нами!

— По чувству долга, я не оставлю Гуса и буду его сопровождать,—сказалъ Янъ Хлумъ.

— Вы вольны дѣлать, что вамъ угодно, господинъ баронъ. — отвѣтили папскіе послы.

Когда Гусъ, переодѣвщись, вышелъ съ рыцарями, добрая Фидесъ, ожидавшая ихъ въ прихожей, подошла къ нему подъ благословеніе.

— Противъ васъ что-то замышляется! Всѣ сосѣдніе дома заняты солдатами,—успѣла шепнуть она, заливаясь слезами.

Гусъ поблѣднѣлъ, но овладѣлъ собой. Онъ благословилъ ее, затѣмъ вышелъ, сѣлъ на лошадь и шествіе тронулось въ путь къ жилищу папы.

Въ одной изъ залъ дворца засѣдали кардиналы. Когда вошли Гусъ и Хлумъ, предсѣдательствующій въ собраніи пригласилъ Гуса оправдаться, такъ какъ его обвиняютъ въ томъ, что онъ проповѣдуетъ опасныя заблужденія и сѣетъ въ Богеміи гнусную ересь.

— Знайте, уважаемые отцы, что я готовъ лучше умереть, чѣмъ рѣшиться на какія-либо заблужденія, противныя евангельскимъ истинамъ. Я по доброй волѣ прибылъ въ Костницъ, готовый подчиниться наказанію за то лжеученіе, въ которомъ меня изобличатъ, — взволнованнымъ голосомъ отвѣтилъ онъ.

— Мудрый отвѣтъ! Въ такомъ случаѣ, мы пойдемъ совѣщаться, какіе вопросы предложить тебѣ,—отвѣтили кардиналы, удаляясь изъ залы.

Едва они вышли, какъ вооруженная стража заняла всѣ выходы, что вызвало неудовольствіе Хлума и только подтвердило его догадки. Возбужденіе его еще болѣе возрасло, когда затѣмъ явился монахъ и цѣлымъ рядомъ хитроумныхъ вопросовъ пытался поймать Гуса на какомъ нибудь необдуманномъ словѣ, чего тотъ, однако, предусмотрительно избѣгъ.

— Эти ехидны хотятъ взять васъ врасплохъ, чтобы затѣмъ свободнѣе обвинить въ ереси,—насмѣшливо замѣтилъ рыцарь.

— Истина священнаго писанія—вотъ моя сила и потому я никого не боюсь,—увѣренно отвѣтилъ Гусъ.

Проходили часы, было уже около трехъ пополудни, какъ вдругъ вошелъ Палечъ. Его тощее лицо дышало гордымъ самодовольствомъ.

— Наконецъ-то ты попалъ въ наши руки, негодный еретикъ,—презрительно обратился онъ къ своему бывшему другу.— Теперь ты не вырвешься, пока не заплатишь послѣдняго гроша.

Гусъ ничего не отвѣтилъ и отвернулся; зато вступился Хлумъ и, весь красный отъ гнѣва, сталъ сурово выговаривать Палечу его измѣну родинѣ. Пререканія обострялись, когда

явился Михаилъ *de Causis*, довольный не менѣе Палеча, и въ язвительныхъ выраженіяхъ, приправленныхъ руганью, сталъ упрекать Гуса въ томъ, что онъ разорилъ пражскій университетъ и вынудилъ удаленіе нѣмецкихъ профессоровъ и студентовъ, но что часъ возмездія насталъ.

Видя, что Гусъ упорно молчитъ, а рыцарь нисколько не скрываетъ своего презрѣнія къ обоимъ врагамъ реформатора, почтенная пара сочла за лучшее удалиться.

Спустилась ночь. Наконецъ, вошелъ камергеръ папы и объявилъ барону, что онъ свободенъ, но что магистръ Гусъ, по постановленію кардиналовъ, заключается подъ стражу.

Хотя всѣ событія дня указывали на возможность подобнаго исхода, тѣмъ не менѣе, взрывъ безумнаго гнѣва охватилъ благороднаго Хлума.

— Это гнусная ловушка!—крикнулъ онъ.—Я буду жаловаться императору на насиліе надъ человѣкомъ, которому онъ оказываетъ свое покровительство! Не честно прикрываться ложью и вѣроломно дѣйствовать противъ святого и праведника! Папа не смѣетъ такъ поступать. Я тотчасъ же потребую отъ него исполненія даннаго слова—не трогать Гуса,—внѣ себя крикнулъ онъ и поспѣшно вышелъ изъ залы.

Между тѣмъ отрядъ солдатъ отвелъ Гуса въ домъ каноника костницкаго собора, гдѣ онъ и прожилъ съ недѣлю, подъ строгимъ надзоромъ; а затѣмъ, архіепископъ рижскій Іоганнъ фонъ-Валленродъ приказалъ перевести его въ доминиканскій монастырь, расположенный на берегу Рейна.

Было 6 декабря, стояла сильная стужа и узникъ дрожалъ отъ холода въ отведенной ему тюрьмѣ, — сыромъ и темномъ подземельѣ. Плескъ волнъ, разбивавшихся о стѣны монастыря, одинъ нарушалъ царившую тишину, а смрадъ изъ прилегавшихъ сточныхъ трубъ отравлялъ воздухъ.

Кроткая, даже слабая передъ несчастьемъ ближняго душа Гуса для собственныхъ страданій оказалась точно выкованной изъ стали. Непоколебимый въ своей вѣрѣ и смиреніи, онъ безропотно подчинился ужаснымъ условіямъ своего заточенія: но если духъ былъ бодръ, то плоть оказалась немощной, и Гусъ опасно заболѣлъ...

За это время въ Прагѣ произошло событіе чрезвычайной важности. Якубекъ, и вслѣдъ за нимъ еще нѣсколько священниковъ стали открыто проповѣдывать необходимость вернуться къ установленіямъ первоначальной апостольской церкви и причащенію подъ обоими видами. За проповѣдью быстро

послѣдовало примѣненіе ученія на практикѣ и Якубекъ первый предложилъ чашу вѣрующимъ.

Среди населенія произошелъ расколъ: большинство чеховъ примкнуло къ *„чашникамъ“*, но высшее духовенство и особенно нѣмецкое бюргерство, остались на сторонѣ римскаго исповѣданія.

Среди этихъ смутъ и разногласій, произведенныхъ реформой величайшаго изъ христіанскихъ таинствъ, какъ громомъ, всѣхъ поразила вѣсть о заключеніи Гуса въ тюрьму. Гнѣвъ потрясъ Чехію; произошли сходки пановъ для опротестованія такого беззаконія, а графъ Гинекъ даже рѣшилъ лично отправиться въ Костницъ, чтобы на мѣстѣ обсудить съ чешскими баронами необходимыя средства къ освобожденію любимаго проповѣдника.

Узнавъ о его намѣреніи, Ружена стала просить графа взять и ее съ собой; кромѣ живого, глубокаго участія въ судьбѣ ея духовника и друга, молодой графинѣ хотѣлось посмотрѣть блескъ императорскаго и папскаго дворовъ, съѣхавшуюся со всего міра духовную и свѣтскую аристократію и знаменитыхъ ученыхъ. Съ трудомъ, однако, добилась она согласія обоихъ графовъ; въ видѣ послѣдняго возраженія, графъ Гинекъ выставилъ трудность найти помѣщеніе въ Костницѣ, сказавъ, что беретъ ее съ собой лишь при условіи, если одна изъ его родственницъ, имѣвшая тамъ свой домъ, согласится оказать имъ гостепріимство.

Но, видимо, *„ce que femme veut, Dieu le veut“*: посланный въ Костницъ нарочный привезъ извѣстіе, что домъ отдается въ ихъ распоряженіе и что ихъ ждутъ съ нетерпѣніемъ. Этимъ разрѣшалось послѣднее затрудненіе, и Ружена принялась снаряжаться къ отъѣзду. Анна, Туллія и Іитка ѣхали съ ней, а Вокъ, къ неудовольствію своему, не получивъ немедленно отпуска отъ короля, принужденъ былъ пока оставаться въ Прагѣ. Однако, рѣшено было, что онъ присоединится къ своимъ, какъ только позволятъ обстоятельства.

Кто посѣщаетъ теперь мирный городъ Костницъ, не можетъ составить себѣ понятія, что творилось въ его стѣнахъ во время знаменитаго собора 1414 г.

Казалось, туда съѣхалось все христіанство: 30 кардиналовъ, 20 архіепископовъ, 150 епископовъ, прелатовъ и докторовъ, болѣе 1800 простыхъ священниковъ; курфюрсты, герцоги баварскій и австрійскій и несмѣтное число князей, графовъ, бароновъ и дворянъ, всѣхъ національностей.

Высокія особы привозили съ собой многочисленную свиту: (по свидѣтельству хроникъ того времени, до 30,000 лошадей), и все это вмѣстѣ съ любопытными иностранцами, купцами, скоморохами и т. д. достигало внушительной цифры 100,000 человѣкъ. Маленькій городокъ оказался переполненнымъ, и запоздавшимъ приходилось располагаться въ шатрахъ по окрестностямъ.

Самъ городъ походилъ на громадную ярмарку, гдѣ текло шумное веселье, и важность обсуждавшихся вопросовъ не мѣшала достойнымъ отцамъ собора посѣщать торжества, пиры и турниры. Много болтая про преобразованія церкви, пылкіе кардиналы, епископы и прелаты вовсе не помышляли однако преобразовывать свои распущенные нравы. Не стыдясь, навезли они съ собой своихъ возлюбленныхъ и, даже смѣлѣе свѣтской молодежи, открыто забавлялись съ налетѣвшими въ Костницъ 1500 блудницами.

Безобразіе было таково, что Гусъ писалъ друзьямъ: „Если бы вы могли взглянуть на этотъ соборъ, называющій себя *святѣйшимъ и непогрѣшимѣйшимъ*, вы увидали бы великій соблазнъ. Швабы говорятъ, что потребуется 30 лѣтъ, чтобы очистить городъ отъ загрязнившихъ его мерзостей“...

II.

Въ понедѣльникъ, 26 марта, графъ Вальдштейнъ съ невѣсткой и свитой прибылъ въ Костницъ. Хотя это было начало страстной недѣли, но улицы были полны народомъ и въ воздухѣ стоялъ невообразимый шумъ и гамъ. У Ружены, ѣхавшей верхомъ, рядомъ съ графомъ, разбѣгались глаза, настолько кругомъ все было пестро, ново, кипѣло жизнью и движеніемъ. Чтобы добраться до дому ихъ родственницы, нужно было проѣхать черезъ весь городъ, а тутъ на каждомъ шагу приходилось останавливаться, то чтобы протискиваться сквозь толпу, собравшуюся вокругъ заѣзжаго торговца, уличнаго пѣвца и т. п., то смыкать ряды и сторониться, давая проѣздъ пышной свитѣ какого-нибудь прелата, въ великолѣпномъ одѣяніи, возсѣдавшаго на богато убранной лошади и равнодушно взиравшаго на окружавшихъ. Кучки воиновъ самыхъ разнообразныхъ типовъ, сновали во всѣ стороны: смуглые, съ огнен-

ными глазами итальянцы, массивные, надменные англичане, худощавые, стройные французы, доводившіе до крайности изысканную моду того времени, рослые славяне съ ихъ дѣтски наивнымъ взглядомъ; все это сливалось въ калейдоскопъ, отъ котораго рябило въ глазахъ и кружилась голова. Разъ имъ пришлось даже сдѣлать объѣздъ, чтобы избѣгнуть происходившей на улицѣ драки: буйная челядь одного изъ польскихъ пословъ поспорила со свитой какого-то тевтонскаго рыцаря.

Наконецъ, они добрались до дома Бригитты фонъ-Лауфенштейнъ, вдовы нѣмецкаго дворянина; та съ величайшимъ радушіемъ приняла своихъ чешскихъ родственниковъ и отвела имъ большое, удобное помѣщеніе, истинное сокровище въ такой толчеѣ. Ружена сразу завоевала сердце старушки, которая обѣщала молодой графинѣ показать все, что есть любопытнаго въ городѣ, начиная съ императора и императрицы, благодаря своимъ связямъ при дворѣ.

— Пріѣзжай вы немножко раньше, вы увидали бы и папу; а теперь, вообразите, онъ скрылся на прошлой недѣлѣ и это привело весь городъ въ смятеніе,—съ взволнованнымъ видомъ разсказывала Бригитта.—Когда вѣсть о его бѣгствѣ разнеслась на слѣдующееe утро, всѣ потеряли голову: купцы стали закрывать лавки, разносчики попрятались, боясь ограбленія; да и дѣйствительно народъ накинулся на многія квартиры, брошенныя послѣдовавшими за папой прелатами, и разграбилъ ихъ. Бургомистръ даже призвалъ гражданъ къ оружію. Насталъ точно судный день!

— А неизвѣстно, куда скрылся папа?—спросилъ графъ.

— Предполагаютъ, что въ Шафгаузенъ. Боже мой! Кто могъ подумать, что дѣло дойдетъ до этого, когда его святѣйшество съ такимъ торжествомъ въѣзжалъ въ городъ окруженный кардиналами, епископами и пышной свитой!—грустно замѣтила старушка.

— Но въѣздъ императора былъ не менѣе блестящъ, я думаю,—освѣдомилась Ружена.

— Да, это было зрѣлище невиданное,—восторженно сказала Бригитта.—Я провела тогда цѣлую ночь на улицѣ и даже простудилась, но нисколько не сожалѣю, что пролежала потомъ три недѣли въ постели. Видите ли, милая графиня, императоръ прибылъ ночью, 25 декабря; но въ городѣ никто, конечно, не смыкалъ глазъ и зажгли столько факеловъ, смоляныхъ бочекъ и разныхъ огней, что было свѣтло, какъ днемъ.

Императоръ ѣхалъ верхомъ подъ балдахиномъ изъ золо-

тистаго сукна, который несли четыре сенатора города; онъ былъ величественъ и милостиво отвѣчалъ на радостныя привѣтствія народа. Подъ другимъ балдахиномъ ѣхала императрица Барбара, вся закутанная въ горностаѣ, а за ними безконечной вереницей тянулись принцы, рыцари и благородныя дамы. Глаза слѣпило отъ такого количества золота, блестящихъ тканей и драгоцѣнностей. Но то, что потомъ происходило подъ сводами храма, вышло, если можно сказать, еще пышнѣе и грандіознѣе! Благодаря покровительству одного знакомаго каноника, у меня было прекрасное мѣсто, откуда я отлично могла видѣть..

Внутри собора все было залито свѣтомъ; для императора воздвигли великолѣпный тронъ и самъ папа отслужилъ три обѣдни, а Сигизмундъ, съ короной на головѣ, прислуживалъ вмѣсто діакона. Вы и представить себѣ не можете, Ружена, впечатлѣніе, произведенное на присутствующихъ этой величавой церемоніей. Святой отецъ самъ былъ, видимо, взволнованъ и когда императоръ сталъ читать слова Евангелія: „Въ тѣ дни вышло отъ Кесаря Августа повелѣніе“...—всѣ замѣтили, что рука папы дрогнула, онъ смутился и поблѣднѣлъ.

— Это означаетъ, что онъ предчувствовалъ приближеніе кары небесной и боялся, какъ бы императоръ не заставилъ его отречься отъ престола,—съ улыбкой отвѣтилъ графъ Гинекъ.

— Не думаю! Папа даже самъ опоясалъ послѣ обѣдни императора мечомъ, вручая, такъ сказать, ему оружіе для защиты собора. Да и Сигизмундъ выказывалъ ему все время величайшее почтеніе.

— Что же это доказываетъ? Что двѣ лисы старались перехитрить другъ друга!—насмѣшливо продолжалъ графъ.

Оставивъ дамъ за разговоромъ, онъ отправился къ барону Яну изъ Хлума.

Смѣлый и неутомимый защитникъ Гуса, доблестный рыцарь Янъ, сидѣлъ у себя за письмомъ къ моравскимъ панамъ, протестовавшимъ противъ того, что Гуса задержали, не взирая на выданную ему охранную грамоту. Неожиданное появленіе стараго пріятеля обрадовало барона. Онъ тотчасъ же бросилъ перо, обнялъ графа и приказалъ подать вина. Разговоръ начался съ вопросовъ, наиболѣе волновавшихъ въ эту минуту умы: заключеніе Гуса и бѣгство папы... Для нихъ, какъ для чеховъ, ярыхъ сторонниковъ Гуса и преобразованій въ церкви, первый вопросъ былъ главнѣйшимъ и Янъ изъ Хлума, съ понятнымъ негодованіемъ, разсказалъ подробности о заключеніи ихъ друга.

— Ты понимаешь, панъ Гинекъ, что я былъ выведенъ изъ себя и не стѣснялся въ выраженіяхъ, откровенно высказавъ имъ все, что я думаю объ этой приготовленной западнѣ. Затѣмъ я отправился къ папѣ и убѣждалъ его сдержать данное обѣщаніе—защитить Гуса. „Чего же ты хочешь отъ меня,—отвѣтилъ онъ, пожимая плечами.—Вѣдь его обвиняютъ твои же соотечественники".—Затѣмъ, указавъ глазами на кардиналовъ и епископовъ, онъ тихо прибавилъ:—„Развѣ ты не видишь, что и я у нихъ въ плѣну?"

— По крайней мѣрѣ, онъ самъ сознался, какой гнусный разсчетъ побудилъ его принести невиннаго въ жертву духовенству, думая выдачей Гуса привлечь его на свою сторону,—презрительно замѣтилъ Вальдштейнъ.

— На этотъ разъ его подлость не принесла ему выгоды: для несчастнаго же мистра Яна послѣдствія были плачевны! Беззащитный, онъ очутился въ рукахъ своихъ злѣйшихъ враговъ и они обращаются съ нимъ возмутительнѣйшимъ образомъ! Его кинули въ тюрьму доминиканскаго монастыря, вонючую яму, рядомъ съ монастырскими сточными трубами, которую поистинѣ можно назвать „*in pace*". Стѣны насквозь пропитались сыростью и Янъ опасно заболѣлъ, но и тогда эти варвары мучили его допросами, въ надеждѣ, что умирающій чѣмъ-нибудь выдастъ себя.

— Ну, а Сигизмундъ? Что же онъ сказалъ противъ такого наглаго поруганія его же охранной грамоты?

— Сначала какъ будто возмутился и благосклонно выслушалъ нашъ протестъ. А потомъ, какъ пріѣхалъ сюда, кажется, перемѣнилъ мнѣніе и шагу не сдѣлалъ, чтобы освободить несчастнаго, довѣрившагося его императорскому слову... Что теперь будетъ съ соборомъ и расколомъ, послѣ бѣгства папы одному Богу извѣстно!

— У Коссы, должно быть, сильные сообщники, иначе онъ не посмѣлъ бы такъ поступать.

— Несомнѣнно! Общій голосъ указываетъ на герцога австрійскаго, покровительство котораго онъ себѣ купилъ. Чтобы облегчить папѣ бѣгство, герцогъ Фридрихъ устроилъ блестящій турниръ и, пока весь городъ любовался этимъ зрѣлищемъ, Косса, переодѣтый, скрылся и пробрался въ Шафгаузенъ, который принадлежитъ герцогу. Теперь-то на свободѣ, ставъ хозяиномъ положенія, задаетъ же онъ работы Сигизмунду.

Друзья долго бесѣдовали, ибо политическая и церковная неурядица волновала обоихъ, но, наконецъ, перешли къ се-

мейнымъ дѣламъ и Вальдштейнъ упомянулъ, между прочимъ, что пріѣхалъ вмѣстѣ съ невѣсткой.

— Кстати, знаешь ли ты, что здѣсь твой бывшій воспитанникъ, Свѣтоміръ Крыжановъ?—спросилъ баронъ.

— Неужели? Какимъ образомъ?

— Вѣрно! Я самъ много разъ говорилъ съ нимъ. Онъ въ свитѣ пана Завиша, посла короля Владислава. Хочешь, я пошлю одного изъ моихъ людей извѣстить его о твоемъ пріѣздѣ?

— Крайне обяжешь! Для Ружены будетъ большой радостью повидать своего друга дѣтства.

На слѣдующій день, графиня оканчивала наряжаться, чтобы ѣхать, подъ охраной Броды, вмѣстѣ съ Туллiей на прогулку, какъ прибылъ сіяющій Свѣтоміръ.

Ружена, считавшая, что онъ въ Краковѣ, очень ему обрадовалась и отложила свой выѣздъ.

Они заговорили о путешествіи и соборѣ. Ружена восхищалась царившимъ въ городѣ оживленіемъ и передавала, какое впечатлѣніе произвело на нее смѣшеніе расъ и нарядовъ иноземцевъ, собравшихся въ Костницъ.

— Конечно, здѣсь теперь много любопытнаго и, если ты позволишь мнѣ тебя сопровождать, я все тебѣ покажу, начиная съ императорскаго выхода въ храмъ на богослуженіе.

— Съ благодарностью принимаю твои услуги, тѣмъ болѣе, что въ этой сутолокѣ быть подъ охраной рыцаря—очень пріятно, а то, того и гляди, попадешь въ какую-нибудь свалку,— и она разсказала, какъ вчера еще имъ пришлось сдѣлать объѣздъ, по случаю драки поляковъ съ тевтонцами.

— Я ужъ слышалъ про эту исторію. Полякъ и два нѣмца оказались ранеными...

— Однако, какой же здѣсь надо всѣмъ надзоръ, если вамъ доносятъ о каждой стычкѣ,—смѣясь, замѣтила Ружена.

— Вовсе не такъ хорошъ, какъ тебѣ кажется; но во вчерашней дракѣ участвовали люди кастеляна калишскаго, пана Гануша Туликовскаго, и онъ самъ разсказы валъ объ этомъ вечеромъ у пана Завиша. Но это все — пустяки, у насъ случаются бои поинтереснѣе этого, — засмѣялся Свѣтоміръ.—На одномъ изъ пировъ, два архіепископа, пизанскій и майнцскій, разошлись во мнѣніяхъ; разговоръ обострился, начала начали перебраниваться, а затѣмъ дѣло дошло и до рукопашной. Но у почтенныхъ пастырей церкви не было оружія, такъ они вцѣпились другъ другу въ волосы и покатились подъ столъ, стараясь задушить другъ друга. Многіе изъ

присутствовавшихъ священниковъ въ испугѣ попрыгали въ окна.

— Зрѣлище, должно быть, было назидательное,—смѣясь отъ души, сказала Ружена.

Затѣмъ, они составили перечень всего, что желали осмотрѣть, въ томъ числѣ соборную ризницу, гдѣ хранились многія сокровища изъ окрестностей Костница, и церковь стараго бенедиктинскаго аббатства, съ гробницей императора Карла Толстаго. Присутствовавшая при разговорѣ Анна съ улыбкой замѣтила, что охотно приметъ участіе въ обозрѣніи монастырей и святыхъ мѣстъ, но глядѣть на скомороховъ, канатныхъ плясуновъ и т. п. отказалась наотрѣзъ.

— Бѣдная Анна все еще не обрѣла душевнаго покоя, сердце ея болѣетъ по прежнему,—съ грустью замѣтилъ Свѣтоміръ, когда Анна ушла изъ комнаты.

— Увы! И недугъ ея, кажется, неизлечимъ, — вздохнула Ружена.—Иногда она становится такой странной, что мнѣ дѣлается даже страшно.

— Что же съ ней происходитъ?

— Сидитъ, напримѣръ, часами, смотритъ куда-то пристально въ пространство, ничего не видя и не слыша, что происходитъ вокругъ; а то вдругъ начнетъ говорить такія вещи, которыхъ никто и знать не можетъ, точно колдунья какая-нибудь. Когда еще у насъ и не предполагали возможности задержанія мистра Яна, она вдругъ однажды говоритъ мнѣ съ такимъ страннымъ видомъ: „Ты не получала никакихъ извѣстій отъ Гуса?“—Нѣтъ,— говорю,—но, судя по его послѣднему письму, можно надѣяться, что все окончится благополучно. „А я видѣла его въ темной, сырой, вонючей кельѣ, мнѣ показалось даже,—тюрьмѣ“. Я подумала тогда, что ей все это приснилось, такъ какъ, при своей фанатической привязанности къ Гусу, она все время только и думаетъ о немъ; а вчера дядя Гинекъ потвердилъ, что мистръ Янъ посаженъ въ гнилую яму, гдѣ и заболѣлъ. Тутъ я даже испугалась за Анну!

— Ради Бога, внуши ей, Ружена, чтобы она молчала о такихъ вещахъ, а то ее могутъ схватить, какъ колдунью,— перекрестясь, замѣтилъ Свѣтоміръ и, помолчавъ минуту, прибавилъ:—Хорошо еще, что вы не пріѣхали раньше, а то попадись вамъ на встрѣчу Бранкассисъ, Анна вовсе потеряла бы голову.

— Боже всемогущій? Бранкассисъ здѣсь?—съ ужасомъ спросила графиня, блѣднѣя.

— Онъ былъ здѣсь, такъ какъ сопровождалъ папу; но уѣхалъ изъ Костница три дня спустя послѣ бѣгства Коссы и теперь, вѣроятно, сидитъ съ нимъ въ Шафгаузенѣ.

— Слава Богу, что этого чудовища тутъ нѣтъ,—облегченно вздохнула Ружена.

— О, какъ чесались у меня руки, каждый разъ, какъ я его видѣлъ. Я готовъ отдать одинъ глазъ, чтобы только имѣть возможность всадить ему ножъ въ горло,—проворчалъ Свѣтомiръ, сжимая кулаки.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ графа Гинека, видимо чѣмъ-то раздраженнаго.

— Вообразите, что я узналъ? Гуса нѣтъ въ Костницѣ,— сказалъ онъ, опускаясь въ кресло.

— Его освободили? Онъ бѣжалъ?—разомъ спросили Ружена и Свѣтомiръ.

— Освободили? Развѣ эти кровопійцы выпустятъ свою жертву, за которой столько времени гонялись?—гнѣвно отвѣтилъ графъ.—Нѣтъ, вотъ что случилось. Послѣ бѣгства папы, Гусъ находился во власти императора, и Хлумъ, равно какъ и прочіе друзья отца Яна, разсчитывали воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, чтобы его освободить. А тутъ вдругъ фальшивый Сигизмундъ передалъ несчастнаго въ распоряженіе епископа костницкаго,—личнаго врага Гуса,—который, конечно, не простилъ ему брошеннаго когда-то въ лицо обвиненія. И сегодня ночью, Оттонъ фонъ-Хохбергъ перевелъ его въ свой замокъ Готтлибенъ, подъ охраной 170 солдатъ, что одно уже доказываетъ вамъ, какъ они тамъ всѣ боятся бѣднаго, скромнаго священника, вооруженнаго лишь своей добродѣтелью и словомъ Божіимъ.

— Боже мой! Теперь ни повидать его, ни оказать помощи ему будетъ уже нельзя,—грустнымъ тономъ замѣтилъ Свѣтомiръ.

— А ты развѣ навѣщалъ Гуса въ тюрьмѣ и видѣлъ его?— спросила Ружена,

— Понятно. Да не я одинъ, а и прочіе друзья бывали у него, благодаря содѣйствію тюремщиковъ, которые всѣ очень расположены къ кроткому и терпѣливому узнику. Особенно одинъ изъ нихъ, Робертъ съ женой, оба—славные люди, дѣлали для него, что могли.

— И надо же было увести его, какъ разъ, когда мы сюда пріѣхали,—сказала Ружена и заплакала.

III.

Въ одной изъ отдаленныхъ отъ центра города улицъ стоялъ просторный домъ, съ двухъ сторонъ окруженный садомъ, а съ третьей выходившій въ глухой переулокъ, который отдѣлялъ его отъ сосѣднихъ строеній. Домъ казался не жилымъ, что было истиннымъ чудомъ въ то время, когда каждая клѣтушка въ Костницѣ цѣнилась баснословно дорого, а обыватели или вовсе покидали городъ, либо переходили на житье въ дворовыя службы и сдавали свое помѣщеніе богатымъ иноземцамъ, наѣхавшимъ со всѣхъ концовъ міра.

Но пустымъ домъ казался лишь снаружи. Въ одной изъ комнатъ, выходившей окнами въ садъ, какой-то человѣкъ въ безпокойствѣ ходилъ изъ угла въ уголъ.

Лицо его было озабочено, глубокія морщины бороздили нахмуренный лобъ и, по временамъ, крѣпкое итальянское ругательство срывалось съ губъ.

Человѣкъ этотъ былъ Бранкассисъ, считавшійся уѣхавшимъ вслѣдъ за папой Іоанномъ XXIII, но тайкомъ возвратившійся въ этотъ домъ, который онъ занималъ и раньше. Вернулся онъ съ цѣлью войти въ сношенія съ разными прелатами, оставшимися вѣрными бѣглому папѣ, и развѣдать, при ихъ посредствѣ, о настроеніи собора и императора, а затѣмъ, если представится возможность, цѣною золота и разными ухищреніями спасти дядѣ папскую тіару. Но разсчеты папы и его посла не оправдывались. Не смотря на нѣкоторый успѣхъ происковъ хитраго Томассо, какъ напримѣръ, угроза итальянской народности [1]) отъѣхать изъ Костница и не принимать участія въ дѣлахъ собора,—не смотря даже на собственноручное письмо папы къ королю французскому,—дѣло Іоанна XXIII оказалось окончательно проиграннымъ.

За эти два года Бранкассисъ сильно измѣнился: постарѣлъ, обрюзгъ, цвѣтъ лица сдѣлался желтымъ и даже землисто-сѣрымъ, глаза ввалились и свирѣпо глядѣли изъ глубокихъ глазницъ. Если страшный ударъ Броды и не убилъ его, то все-таки оставилъ на его организмѣ глубокіе слѣды, которые давали себя чувствовать во время переѣзда

[1]) Соборъ дѣлился на четыре народности: итальянскую, французскую, нѣмецкую и англійскую.

въ Костницъ; невыносимая боль въ спинѣ заставила его прибѣгнуть въ пути къ носилкамъ.

Грустное это было путешествіе. Затаивъ въ душѣ безсильную злобу, ѣхалъ на соборъ Балтазаръ Косса, предчувствуя, что его грозный покровитель, Сигизмундъ, упорно влечетъ его на погибель. Папская тіара не могла измѣнить природной животности, жестокости и строптивости бывшаго разбойника; свои неудачи онъ вымещалъ на приближенныхъ, проклиная скверныя дороги, суровый климатъ и усталость труднаго, длиннаго пути.

Недалеко отъ Арльсберга повозка вдругъ накренилась и Косса полетѣлъ въ снѣгъ. По дорогѣ въ это время стоялъ народъ, толпами сбѣгавшійся на встрѣчу папы; но, не задумываясь о томъ, какое впечатлѣніе произведетъ его поведеніе на окружающихъ поселянъ, его святѣйшество разразилось потоками проклятій и ругани, а слугѣ, подбѣжавшему узнать, не ушибся ли онъ, папа крикнулъ:

— Jaceo hic in nomine diaboli!

Свое паденіе онъ счелъ за худое предзнаменованіе.

— Вотъ западня, въ которую ловятся лисицы, — сказалъ онъ Бранкассису, указывая ему на виднѣвшійся вдали городъ.

Этотъ дорожный случай пришелъ теперь на память кардиналу. Предзнаменованіе исполнилось буквально, и извѣстія, которыя Бранкассисъ получилъ сегодня, его страшно безпокоили.

Всѣ ихъ козни разлетѣлись въ прахъ, наткнувшись на энергію, проявленную императоромъ.

На слѣдующій же день послѣ исчезновенія Коссы, Сигизмундъ объѣхалъ городъ, въ предшествіи герольдовъ и трубачей, объявляя всюду, что бѣгство папы не пріостанавливаетъ дѣйствій собора; а въ это утро Бранкассисъ узналъ, что готово значительное войско для низложенія герцога австрійскаго, объявленнаго измѣнникомъ имперіи и собору, и для привода Коссы силой на судъ, какъ пирата и преступника, виновнаго въ симоніи и распутствѣ...

Легкій стукъ въ дверь вывелъ кардинала изъ мрачной задумчивости. Въ комнату вошелъ монахъ, сбросившій капюшонъ, закрывавшій ему голову.

— Я съ неожиданной новостью, ваше высокопреосвященство,—сказалъ онъ.—Въ городъ пріѣхалъ графъ Вальдштейнъ съ графиней Руженой!

Бранкассисъ вздрогнулъ.

— Не ошибся ли ты, Иларій? Вокъ съ женой въ Костницѣ?

— Не Вокъ, а графъ Гинекъ, а съ нимъ молодая графиня, Анна изъ Троцнова, Туллія, Брода, словомъ, вся ихъ проклятая шайка!

По мѣрѣ перечисленія именъ лицо Бранкассиса густо краснѣло и въ его черныхъ глазахъ вспыхнулъ недобрый огонь.

— *Per Bacco!* Цѣнное извѣстіе, Иларій! Надо будетъ поразмыслить, какъ оказать подобающій пріемъ любезнымъ дамамъ и храброму Бродѣ. Разскажи подробно все, что ты узналъ о нихъ; а пока сходи и прикажи Януарію подать мнѣ кружку вина: я усталъ и голова что-то тяжела сегодня.

Черезъ десять минутъ старый, сѣдобородый монахъ принесъ вино, два кубка и пирогъ съ дичью. Бранкассисъ сѣлъ и указалъ на складной стулъ Иларію, который состоялъ у него секретаремъ, по смерти доблестнаго Бонавентуры.

— Теперь разсказывай, — сказалъ кардиналъ, наполняя виномъ два кубка.—Не пропускай ни малѣйшей подробности, каждая изъ нихъ можетъ имѣть для меня особую цѣну.

— Вручивъ ваше посланіе его преподобію, секретарю кардинала Урсино, я возвращался по церковной площади и вдругъ увидалъ, передъ входомъ въ ризницу, нѣсколько верховыхъ лошадей, въ богатомъ уборѣ, которыхъ держали подъ уздцы пажи; въ одномъ изъ нихъ я тотчасъ призналъ Яроміра, любимаго пажа графини Ружены. Спустивъ на лицо капюшонъ, я сталъ слѣдить издали: спустя нѣкоторое время появилась графиня Вальдштейнъ, подъ руку съ какимъ-то польскимъ паномъ, за ней вышла Анна, вся въ черномъ...

Его прервалъ дикій смѣхъ Бранкассиса.

— Какъ? Моя вдовица все еще въ траурѣ?

— Да! Но она такъ похудѣла и измѣнилась, что я едва ее узналъ; наоборотъ, Туллія, шедшая съ ней рядомъ, расцвѣла, какъ роза, и выглядитъ красивѣе, чѣмъ когда-либо.

— А, проклятая доносчица! Дорого заплатишь ты мнѣ теперь за свои продѣлки! Сама ползешь мнѣ въ руки,—проворчалъ сквозь зубы Бранкассисъ, сжимая кулаки.

— Послѣднимъ вышелъ Брода,—продолжалъ Иларій.—Они сѣли на лошадей и поѣхали шагомъ, а я слѣдилъ за ними издали. Замѣтивъ, что всадники завернули въ одинъ домъ, я рѣшилъ узнать, пріѣхали ли они туда въ гости или тамъ живутъ. Поэтому я зашелъ неподалеку въ трактиръ и, за кружкою вина, развѣдалъ, что домъ принадлежитъ старой госпожѣ Лауфенштейнъ, которая, я знаю, приходится родственницей Вальдштейнамъ, и что теперь графъ Гинекъ съ невѣсткой поселились у нея.

— Спасибо, Иларій, за всѣ твои свѣдѣнія. Но мнѣ этого мало, я хочу знать больше: на сколько времени они здѣсь, гдѣ они обыкновенно бываютъ, въ какіе часы выходятъ изъ дому и возвращаются; словомъ, разузнай все, что до нихъ относится. Затѣмъ надо будетъ постараться завязать сношенія съ кѣмъ нибудь изъ домашнихъ.

Иларій поблѣднѣлъ.

— Какъ? Вы рѣшились бы еще разъ... пробраться къ Руженѣ?—пробормоталъ онъ.

Бранкассисъ смѣрилъ его презрительнымъ взглядомъ.

— Ты черезчуръ любопытенъ, мой дружокъ! Когда я что-либо приказываю, ты долженъ исполнять, не разсуждая, *che diavolo!* Кажется, я плачу довольно щедро за твою старую шкуру, чтобы ты могъ рискнуть ею для меня! Но я давно знаю, что ты храбръ лишь тамъ, гдѣ можно безнаказанно мучить слабаго или обмануть глупаго, и потому тебя, съ твоей трусостью, оставлю въ покоѣ. Если я и доберусь до Ружены, то ужъ, конечно, не ты будешь меня сопровождать. Наконецъ, у меня и нѣтъ этого намѣренія: я жажду мщенія, а не любви.

— Я сдѣлаю все возможное, чтобы добыть вамъ желаемыя свѣдѣнія, и повѣрьте, не трусость, а грозящая мнѣ опасность вынуждаетъ меня быть осторожнымъ. Вѣдь, если кто-нибудь изъ графской свиты меня признаетъ, я погибъ,—ежась со страху, отвѣтилъ Иларій.

— Дѣлай, какъ знаешь! Но, чтобы черезъ три дня ты зналъ все, что мнѣ нужно, и завязалъ сношенія съ кѣмъ-нибудь въ домѣ, — отвѣтилъ Бранкассисъ, знакомъ руки отпуская своего секретаря.

Руженѣ, конечно, и въ голову не приходило, какая опасность угрожала ей и ея близкимъ; она поглощена была совсѣмъ иными интересами.

Два неожиданныхъ обстоятельства смутили ея покой. Первое касалось Гуса. Съ негодованіемъ узнали чешскіе паны о возмутительномъ обращеніи съ несчастнымъ: его не только заключили въ уединенную башню и заковали въ ножные кандалы, но на ночь надѣвали еще ручники и цѣпью прикрѣпляли къ стѣнѣ. Между тѣмъ, ничто, казалось, не оправдывало такой строгости относительно узника, доброта и чарующая кротость котораго обезоруживали даже его тюремщиковъ, оказывавшихъ ему нѣкоторое снисхожденіе и даже допускавшихъ къ нему друзей. Теперь, въ Готтлибенѣ, Гусъ былъ отрѣзанъ отъ всего міра, лишенъ всякой человѣческой

помощи и даже религіозной поддержки, такъ какъ ему не было разрѣшено причащеніе. Страшныя страданія, причиняемыя уважаемому всѣми человѣку, глубоко огорчали Ружену и Свѣтоміра. Анна, удивительное дѣло, не проронила ни слезинки; но зато, нѣсколько словъ, вырвавшихся у нея по этому поводу, дышали такой ненавистью къ духовенству и собору, такимъ презрѣніемъ къ императору и всѣмъ чешскимъ предателямъ, что испуганная графиня упросила ее молчать, чтобы не навлечь на себя какихъ-нибудь непріятностей.

Въ скоромъ времени новое обстоятельство еще болѣе встревожило Ружену.

Дѣло шло объ Іеронимѣ, а къ нему, въ глубинѣ ея сердца, таилось совсѣмъ особое чувство — болѣзненное, но глубокое, словно закрывшаяся снаружи рана, которая, однако, продолжаетъ горѣть и сочиться при малѣйшемъ прикосновеніи. То не была любовь, казалось ей, въ обычномъ значеніи этого слова; великодушіе, выраженное Вокомъ по поводу ея признанія, отвоевало ему привязанность Ружены. Она была глубоко благодарна мужу, что онъ не искалъ тогда ссоры съ Іеронимомъ, а для ревниваго, вспыльчиваго и взбалмошнаго графа это была большая заслуга; на этой-то признательности и расцвѣло, мало-по-малу, доброе, теплое чувство ея къ Воку. Іеронимъ же остался для Ружены идеаломъ, за котораго она молилась и дрожала, если ему угрожала какая-нибудь бѣда; въ такія-то минуты и раскрывалась старая рана.

Какъ же встревожилась она, когда однажды Янъ изъ Хлума, взволнованный, пришелъ къ графу Гинеку и разсказалъ, что наканунѣ неожиданно встрѣтилъ мистра Іеронима, прибывшаго въ Костницъ въ надеждѣ помочь своему другу защищать его дѣло. Страшась опасности, грозившей Іерониму, баронъ Янъ повелъ его къ пану Вацлаву, и они вдвоемъ едва-едва убѣдили его скрыться скорѣе изъ города.

Іеронимъ, на самомъ дѣлѣ, уѣхалъ, но только послѣ того, какъ прибилъ, въ то же утро, къ дверямъ церквей и ратуши заявленіе, въ которомъ доводилъ до всеобщаго свѣдѣнія цѣль своего пріѣзда и требовалъ отъ императора и собора дѣйствительной охранной грамоты, дабы имѣть возможность свободно явиться передъ ними. Янъ Хлумъ и другіе чешскіе и моравскіе паны, не ждавшіе правды и милости отъ собора, этой мѣры не одобряли.

Іеронимъ покинулъ Костницъ и Ружена нѣсколько успокоилась.

IV.

Насталъ апрѣль. Какъ-то, въ сумерки, графиня сидѣла дома одна. Графъ отправился къ пану Ганушу Туликовскому, съ которымъ его познакомилъ Свѣтоміръ, Туллія ушла въ гости къ своей знакомой изъ Болоньи, которую знала еще съ дѣтства и случайно встрѣтила теперь въ Костницѣ, уже замужемъ за итальянскимъ врачемъ, а Анна молилась въ своей комнатѣ. Воспользовавшись своимъ уединеніемъ, Ружена принялась за письмо къ Воку и подробно описывала свои впечатлѣнія и все, что видѣла и слышала здѣсь, въ этомъ муравейникѣ. Ее потревожило появленіе Яроміра, прибѣжавшаго сказать, что Брода проситъ ее сойти въ комнату графа, куда онъ привелъ какого-то незнакомца, прибывшаго по крайне важному, неотложному дѣлу. Удивленная графиня тотчасъ же встала и пошла за пажемъ. У дверей комнаты свекра ее встрѣтилъ Брода и шепотомъ проговорилъ:

— Мистръ Іеронимъ прибылъ переодѣтый, чтобы повидаться съ барономъ Яномъ, но, не найдя его дома, пришелъ сюда. Задержите его, пани, до прихода графа и, если возможно, убѣдите уѣхать, иначе онъ погибъ. Я буду сторожить, чтобы не вошелъ никто посторонній.

И, не дожидаясь отвѣта, онъ вышелъ, а Ружена поспѣшно отворила дверь въ комнату графа.

Смѣлый гость стоялъ у открытаго окна, съ мрачнымъ, задумчивымъ видомъ глядя на молодую, свѣжую зелень сада. Онъ сбросилъ на стулъ шляпу и плащъ, и лучи заходящаго солнца нѣжными отблесками скользили по его прекрасному, мужественному лицу и бѣлой красивой рукѣ, нервно перебиравшей рукоять торчавшаго за поясомъ итальянскаго кинжала.

Іеронимъ почти не измѣнился; такой же самоувѣренной веселостью засвѣтились его большіе, темные глаза, когда, обернувшись на шумъ открывшейся двери, онъ узналъ Ружену, смущенно остановившуюся на порогѣ.

Сердце забилось въ ея груди. Послѣ того памятнаго свиданья, когда они излили другъ другу свои чувства, теперь они въ первый разъ встрѣчались съ глазу на глазъ и оба стояли молча, подавленные нахлынувшими впечатлѣніями о той упоительной, но тягостной минутѣ...

Іеронимъ первый овладѣлъ собой.

— Простите, что я васъ потревожилъ. Я разсчитывалъ найти здѣсь графа и пана Яна.

— Вы у насъ всегда желанный гость и прекрасно это знаете, мистръ Іеронимъ, а все-таки я должна васъ побранить за неосторожность,—съ ласковой улыбкой сказала она, протягивая ему руку, которую тотъ поцѣловалъ.

— Я просилъ охраннаго листа у собора и не получилъ отвѣта. Неизвѣстность и тоска бездѣйствія стали мнѣ такъ невыносимы въ томъ гнѣздѣ, гдѣ я скрывался, что я рѣшилъ самъ явиться за свѣдѣніями въ Костницъ.

— Но вѣдь вы рискуете жизнью, — испуганно сказала Ружена.

Горькая усмѣшка шевельнула его губы.

— Жизнью? Надо же когда-нибудь, чтобы и ей пришелъ конецъ,—отвѣтилъ Іеронимъ и глубокая скорбь зазвучала въ его голосѣ.

— Да, конецъ, предначертанный Богомъ, а не вызванный легкомысліемъ.

Разговаривая, они сѣли у окна.

На послѣднія слова Ружены Іеронимъ ничего не отвѣтилъ: опустивъ голову, онъ задумался, и въ памяти его, какъ въ панорамѣ, воскресла его скитальческая жизнь, полная приключеній, опасностей, борьбы и успѣховъ, но лишенная покоя и счастья. Истинное же блаженство, тотъ плѣнительный призракъ домашняго очага, у котораго онъ отдохнулъ бы душой и тѣломъ, былъ здѣсь, рядомъ съ нимъ, но отдѣленный непреодолимой преградой.

Капризная судьба, словно въ насмѣшку, указала на это сокровище, даже позволила коснуться, а потомъ снова отняла, указавъ ему: „Прочь! иди одиноко по своему пути къ цѣли невѣдомой!“ Въ эту минуту Іеронимъ почувствовалъ что усталъ жить, и страшная горечь наполнила его душу.

Спохватившись, что его долгое молчаніе могло показаться обиднымъ молодой графинѣ, онъ собрался, съ присущей ему рыцарской любезностью, загладить невольную неловкость, и въ эту минуту его глаза встрѣтились съ глазами Ружены. Въ ея пугливомъ взорѣ свѣтилась любовь и участіе.

Іеронимъ тотчасъ же понялъ, что онъ еще не совсѣмъ забытъ, что безсознательно, можетъ быть, но въ глубинѣ этой чистой души былъ гдѣ-то уголокъ, гдѣ царилъ онъ и гдѣ для него сберегли привязанность. Блѣдное лицо его вспыхнуло легкимъ румянцемъ, онъ схватилъ руку Ружены и тихо спросилъ:

— Вы не хотите, чтобы я умиралъ?

Рука Ружены задрожала въ его рукѣ.

— Нѣтъ, не хочу! Я хочу, чтобы вы жили для Чехіи, для вашего святого дѣла и для.... друзей, которые васъ любятъ,— подавивъ волненіе, сказала она, и нѣжная ласка слышалась въ ея торопливомъ шепотѣ.

Глаза Іеронима заблестѣли тихой, спокойной радостью.

— Ваше желаніе для меня законъ. Я уѣзжаю сегодня же и вернусь на родину.

— О! Благодарю васъ,—радостно вскричала она.

Больше Ружена не могла ничего сказать, въ ней закипали и подступали къ горлу слезы.

Въ сосѣдней комнатѣ раздались торопливые шаги, дверь съ шумомъ распахнулась и вошелъ графъ, въ сопровожденіи Яна изъ Хлума. Оба они были встревожены и, обнимая Іеронима, не могли не попенять ему за его неосторожность.

Онъ имъ повторилъ то, что говорилъ Руженѣ о своемъ нетерпѣніи въ ожиданіи охранной грамоты.

— Хороша она будетъ,—въ негодованіи замѣтилъ баронъ Янъ.—Петръ изъ Младеновицъ досталъ себѣ списокъ съ нея, который и принесъ мнѣ сегодня утромъ, и вотъ что тамъ, между прочимъ, сказано,—онъ вынулъ изъ кармана листъ пергамента и прочелъ: „ничто не близко такъ нашему сердцу, какъ поимка лисицъ, опустошающихъ вертоградъ Господень, и мы призываемъ тебя явиться, чтобы оправдать себя“, и т. д. Надѣюсь, выражено ясно! Но конецъ еще лучше, слушай: „мы даемъ этотъ листъ для твоей охраны постольку, поскольку это въ нашихъ рукахъ, согласуется съ правосудіемъ и не противорѣчитъ вѣрѣ. Сверхъ того, мы извѣщаемъ, что будемъ судить тебя, явишься ли ты, или нѣтъ, къ назначенному сроку“. Можешь представить, что сулитъ тебѣ подобная грамота, если ужъ та, которую Гусъ получилъ отъ императора, его не защитила; а вѣдь съ тобой теперь стѣсняться станутъ еще менѣе.

— Да, мистръ Іеронимъ, уѣзжай, и какъ можно скорѣе, мы только тогда успокоимся, когда будемъ знать, что ты на родинѣ,—прибавилъ графъ.

— Вы убѣдили меня! Я тотчасъ же уберусь отсюда и, какъ только переѣду границу Чехіи, пришлю вамъ о себѣ вѣсть,—отвѣтилъ Іеронимъ, взглядывая на Ружену.

Настала ночь. По темному, глухому переулку, у дома, гдѣ жилъ Бранкассисъ, пробирались два монаха, надвинувъ на лицо капюшоны. Черезъ небольшую, скрытую въ стѣнѣ ка-

литку они прошли въ садъ, а оттуда въ домъ. Въ описанной выше комнатѣ, одинъ изъ нихъ зажегъ свѣчи въ шандалахъ, а другой, положивъ на столъ привязную сѣдую бороду, началъ снимать рясу. То былъ Бранкассисъ съ своемъ секретаремъ.

Лоснящееся, жирное лицо Иларія сіяло злобнымъ самодовольствомъ и, подавая кардиналу шелковый домашній нарядъ, онъ ехидно замѣтилъ:

— Мы не ошиблись, ваше высокопреосвященство! Презрѣнный Іеронимъ дѣйствительно посмѣлъ явиться сюда.

— Что тебѣ сказала дѣвушка, которую мы поджидали на перекресткѣ?

— Да то же, что мы и раньше знали: что Іеронимъ пріѣхалъ. Только она еще добавила, что графиня говорила Аннѣ, будто этотъ изувѣръ бѣжитъ прямо въ Богемію. Вѣдь это будетъ возмутительно, если онъ улизнетъ отъ справедливаго возмездія.

— Еще бы! Ужъ одно то, что онъ осмѣлился выкинуть тебя въ окно, достойно костра,—усмѣхнулся Бранкассисъ тѣмъ презрительнымъ тономъ, который усвоилъ относительно Иларія, замѣстившаго, но не замѣнившаго ему бойкаго, изворотливаго Бонавентуру.—А нельзя ли все-таки задержать его, ну, выдать, что ли, словомъ, помѣшать его бѣгству,—прибавилъ онъ.

— Чортъ его знаетъ, по какой онъ поѣдетъ дорогѣ, притомъ, разумѣется, помчится во всю прыть! Хотя, будь у меня деньги, можно было бы попытаться послать нарочнаго къ гиршаусскому настоятелю, тамъ-то онъ ужъ навѣрное проѣдетъ, такъ какъ это около границъ Богеміи,—многозначительно сказалъ Иларій.

— Посылай гонца, я плачу расходы! Своей вѣрной службой ты заслужилъ это удовлетвореніе,—зло улыбнулся Бранкассисъ, отпуская секретаря.

Оставшись одинъ, кардиналъ мрачно задумался. Минутами дьявольская злоба искажала его лицо, а злиться у него было много причинъ. Дѣла Балтазара Коссы шли все хуже и хуже: покровитель его, Фридрихъ австрійскій, испугавшись послѣдствій своихъ поступковъ, подчинился императору, и бѣглый папа, покинутый своими сторонниками, бродилъ, между тѣмъ, изъ города въ городъ.

Паденіе дяди и благодѣтеля занимало Бранкассиса почти столько же, сколько и планъ мщенія Вальдштейнамъ.

Иларій въ точности исполнилъ полученное приказаніе и завязалъ сношенія съ одной изъ служанокъ, которая и доно-

сила ему обо всемъ, что у нихъ творилось; самъ Бранкассисъ, переодѣтый монахомъ, бродилъ кругомъ дома и видѣлъ Ружену, Анну и Туллію.

Красота графини пробудила въ кардиналѣ прежнюю жгучую страсть; но теперь въ его мрачной душѣ это чувство окрасилось ненавистью и онъ жаждалъ не столько обладанія Руженой, сколько ея гибели. Разъ она не принадлежала ему, она должна была принадлежать только могилѣ, рѣшилъ онъ. Съ этой цѣлью онъ раздобылъ себѣ ядъ,—секрету котораго научилъ его дядя,—убивавшій не сразу, а постепенно подтачивавшій организмъ; оставалось лишь найти подходящій случай, чтобы всыпать отраву жертвѣ.

Онъ кипѣлъ злобой и противъ Тулліи, измѣна которой погубила его на порогѣ успѣха. Предательница должна была заплатить адскими мученіями; но ее онъ хотѣлъ захватить живьемъ, чтобы насладиться затѣмъ ея страданіями.

Что же касается Анны, то она показалась ему чрезвычайно подурнѣвшей и глупой, въ своемъ черномъ одѣяніи, съ блѣднымъ лицомъ и страннымъ, дикимъ взглядомъ. Въ извращенной душѣ Бранкассиса не шевельнулось даже сострадація къ этой, ни за что загубленной имъ молодой жизни; онъ только жалѣлъ, что потратилъ тогда на нее время, а не убилъ ее на мѣстѣ. Предвкушая заранѣе, сколько страданій и слезъ причинитъ онъ всѣмъ, кто смѣлъ стать ему поперекъ дороги, онъ забывалъ при этомъ свои политическія неудачи и даже острую боль въ спинѣ, при каждомъ рѣзкомъ движеніи напоминавшую ему, что и онъ—смертенъ.

Ружена съ нетерпѣніемъ ждала вѣсти о благополучномъ прибытіи Іеронима въ Чехію. Вдругъ по городу разнесся слухъ, что, узнанный въ Гиршовѣ мѣстнымъ священникомъ, увѣдомившимъ о томъ властей, Іеронимъ былъ задержанъ, 24 апрѣля, офицерами князя палатинскаго, Іоганна Баварскаго, и заключенъ въ Зульцбахѣ, впредь до новаго распоряженія собора.

Бывшіе въ Костницѣ чехи и мораване глубоко опечалились этимъ извѣстіемъ. Къ счастью, Ружена узнала объ этомъ отъ Анны, которая передала ей печальную вѣсть, когда онѣ сидѣли вдвоемъ, и потому преданная подруга была единственной свидѣтельницей ея слезъ и отчаянія. Смертельная опасность, грозившая Іерониму, разбудила все еще дремавшую въ сердцѣ графини любовь, которую она, совершенно искренно, считала дружбой, а ужасная судьба, ожидавшая этого обаятельнаго и геніальнаго человѣка, которымъ

справедливо гордилась вся Чехія, служила достаточнымъ, въ ея глазахъ, основаніемъ для горячаго къ нему сочувствія. Вокъ, можетъ быть, и угадалъ бы истинныя чувства жены, подмѣтивъ блѣдность, нервность и видимое страданіе Ружены, но графъ Гинекъ, въ ту пору, мало обращалъ вниманія на невѣстку.

Какъ и большинство собравшихся въ Костницъ его друзей, Вальдштейнъ былъ всецѣло поглощенъ упорной борьбой папы съ императоромъ, и неумолимая строгость, съ которой судили римскаго первосвященника, волновала весь христіанскій міръ.

Сломленный и готовый на все, лишь бы добиться помилованія, Фридрихъ австрійскій прибылъ въ Костницъ и публично, на одномъ изъ пировъ, палъ къ ногамъ Сигизмунда и просилъ его о прощеніи, уступая ему свои владѣнія въ Эльзасѣ и Тиролѣ. Императоръ вернулъ ему его земли, взамѣнъ вассальной присяги, но съ этого времени у Балтазара Коссы не осталось уже больше ни одного защитника.

V.

День 23 мая выдался чудный. Придя къ Вальдштейнамъ Свѣтоміръ разсказалъ, что наканунѣ былъ у гадалки, которая не только удивительно подробно описала ему его прошлое, но и предсказала блестящую судьбу. Онъ сталъ уговаривать дамъ отправиться къ этой женщинѣ, предлагая себя въ провожатые.

Грусть и апатія Ружены безпокоили Свѣтоміра, онъ и придумалъ эту поѣздку, чтобы развлечь графиню, тѣмъ болѣе, что дня за два передъ тѣмъ она чувствовала себя нездоровой, жаловалась на головокруженіе и боль въ груди, а послѣ выпитой кружки молока у нея сдѣлалась рвота и продолжительный обморокъ. По совѣту Тулліи, послали за мужемъ ея подруги, молодымъ итальянскимъ врачемъ, состоявшимъ при особѣ кардинала Урсино.

Послѣ тщательнаго осмотра больной, Козимо Бонелли встревожился, а прописанное имъ лекарство вызвало новую рвоту, послѣ чего графиня, усталая, заснула.

На слѣдующій день, правда, Ружена казалась совсѣмъ оправившейся и даже благосклонно приняла предложеніе Свѣтоміра.

Стремленіе приподнять завѣсу, скрывающую будущее, врождено въ человѣкѣ.

Ружена была къ этому склонна, а Туллія, какъ суевѣрная итальянка, особенно. Въ счастливой, спокойной обстановкѣ новой жизни къ ней вернулась присущая молодости веселость и жизнерадостность, и предложеніе Свѣтоміра возбудило желаніе узнать, что ей готовитъ судьба; Ружена же надѣялась выяснить, чѣмъ кончится процессъ Гуса и Іеронима, а относительно себя самой,—пошлетъ ли Богъ ей сына, какъ того страстно желалъ Вокъ.

Посѣщеніе гадалки окончательно было рѣшено и всѣ стали собираться, исключая Анны, сказавшей, что у нея нѣтъ будущаго, а значитъ, ей не о чемъ и гадать.

Спрошенный объ этомъ, графъ, смѣясь, одобрилъ желаніе молодежи, съ условіемъ, чтобы Брода ихъ сопровождалъ, такъ какъ, при частыхъ безпорядкахъ послѣдняго времени, два меча лучше одного могли защитить дамъ.

Въ виду хорошей погоды отправились пѣшкомъ, хотя колдунья жила въ отдаленной части города. Никто не обратилъ вниманія на то, что съ самаго выхода ихъ изъ дому, два монаха на почтительномъ разстояніи упорно слѣдили за ними. Одинъ Брода, шедшій рядомъ съ Тулліей, позади графини и Свѣтоміра, замѣтилъ ихъ и сталъ къ нимъ присматриваться, но потерялъ ихъ въ толпѣ и скоро забылъ про нихъ, что и немудрено, такъ какъ монахи всевозможныхъ орденовъ сновали повсюду.

Они приближались уже къ цѣли своей прогулки, какъ вдругъ, съ противоположнаго конца улицы послышался гулъ надвигавшейся громадной толпы, запрудившей засимъ улицу во всю ширину. Народъ со всѣхъ сторонъ окружалъ что-то, но что̀—разсмотрѣть было трудно, одни лишь копья и алебарды городской стражи блестѣли надъ головами.

Чтобы избѣжать давки, Свѣтоміръ сталъ искать глазами, гдѣ бы можно было укрыться и обождать, пока пройдетъ толпа; но въ эту минуту изъ сосѣднихъ домовъ стали выскакивать на шумъ люди и онъ съ Руженой тотчасъ же были окружены возбужденной, любопытной массой. Сначала они стояли оба, прижавшись къ стѣнѣ, потомъ вдругъ случайно были вытиснуты впередъ и очутились въ первомъ ряду зрителей.

Теперь были ясно видны солдаты, окружавшіе телѣгу, на которой сидѣлъ связанный и закованный въ цѣпи человѣкъ. Свѣтоміръ поблѣднѣлъ, узнавъ въ плѣнникѣ Іеронима. Тотъ казался спокойнымъ и его блѣдное, горделивое лицо было угрюмо-сосредоточенно. Ружена тоже узнала его и въ первую

минуту онѣмѣла, смотря широко раскрытыми глазами; потомъ она дико вскрикнула и упала въ обморокъ.

Несмотря на шумъ, этотъ раздирающій крикъ достигъ до ушей Іеронима, который взглянулъ въ ихъ сторону и тоже узналъ Ружену.

Іеронимъ вздрогнулъ, выпрямился и оковы его зазвенѣли; онъ попытался спрыгнуть на землю, но всѣ усилія высвободиться оказались тщетными. Онъ безпомощно опустился на сидѣніе, и выраженіе досады, гнѣва и отчаянія исказило его лицо.

При помощи сострадательнаго горожанина, да и то съ большимъ трудомъ, Свѣтоміру, наконецъ, удалось пробиться и вынести Ружену на крыльцо сосѣдняго дома. Повозка съ плѣнникомъ была уже далеко, но сопровождавшая ее толпа продолжала еще двигаться по узкой улицѣ и запружать ее. Но вотъ теченіе этой массы остановилось; произошло какое-то замѣшательство и послышались пронзительные женскіе вопли, а затѣмъ чей-то громкій голосъ крикнулъ:

— Держи, держи его!

Снова все смѣшалось, такъ какъ прибывавшіе, надвигаясь, выпирали тѣхъ, кто стоялъ впереди.

Свѣтоміръ тревожно прислушался: въ могучемъ, звонкомъ крикѣ, ему показалось, что онъ узналъ голосъ Броды; но разсмотрѣть что-либо было невозможно: толпившіеся кругомъ люди были сильно возбуждены, кричали и размахивали руками. На вопросъ Свѣтоміра проходившая мимо блѣдная, разстроенная горожанка отвѣтила:

— Кого-то убили.

Въ эту минуту въ толпѣ образовался просвѣтъ и показалось нѣсколько человѣкъ, несшихъ женщину, въ которой онъ съ ужасомъ узналъ Туллію.

Она была недвижима, точно мертвая, и ее положили въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Ружены, все еще не пришедшей въ себя.

Растерявшійся Свѣтоміръ не зналъ, что и дѣлать, не смѣя отойти отъ графини, чтобы опросить носильщиковъ Тулліи. Вдругъ, къ великой радости, онъ замѣтилъ двухъ польскихъ солдатъ изъ конвоя пана Тарновскаго. Кликнувъ ихъ, онъ поставилъ ихъ сторожить Ружену, а самъ поспѣшилъ къ кучкѣ народа, шумно обсуждавшей происшествіе, и спросилъ, какъ случилось это несчастье.

— Я все видѣлъ и все-таки ничего не понимаю,—отвѣтилъ одинъ изъ горожанъ.—Она была неподалеку отъ меня и, ка-

жется, хотѣла выбраться изъ давки, что было трудно, такъ какъ толпа была густа. Я стоялъ нѣсколько впереди и не обращалъ на нее вниманія, а мой сосѣдъ, вотъ онъ, толкнулъ меня локтемъ и говоритъ: „Смотри-ка! Монахъ хочетъ увести свою любовницу. И наглые же эти чернoризники!“ Тутъ я обернулся и вижу, что какой-то монахъ тащитъ красивую женщину, а другой его товарищъ локтями прокладываетъ имъ дорогу. Съ перепугу ли, со стыда ли, ужъ не знаю, но она словно онѣмѣла, и не сопротивлялась, потомъ стала отбиваться и крикнула на помощь своего, должно быть, дружка, потому что какой-то воинъ, хоть и пожилой, но еще бодрый и сильный, какъ буйволъ, сталъ протискиваться къ ней. Монахи тоже его примѣтили, одинъ сказалъ другому на непонятномъ языкѣ, у того что-то блеснуло въ рукѣ и оба они пропали въ толпѣ, точно въ воду канули. Женщина постояла съ минуту, будто и ничего, а затѣмъ развела руками, да и повалилась. Тутъ подбѣжали мы и видимъ, что у нея въ груди торчитъ кинжалъ. Тогда ее перенесли сюда, а тотъ воинъ исчезъ вмѣстѣ съ монахами!

Свѣтоміръ нагнулся и осмотрѣлъ Туллію. Онъ разсудилъ, что рана, если и не смертельна, то во всякомъ случаѣ опасна, такъ какъ стилетъ вошелъ по самую чашку рукояти. Сердце, хотя и слабо, но все-же еще билось и, еслибы удалось привести ее въ чувство, она, можетъ быть, указала бы убійцу.

Заявивъ, что раненая принадлежитъ къ свитѣ графини Вальдштейнъ, которая тутъ же лежитъ въ обморокѣ, испуганная давкой, Свѣтоміръ посулилъ хорошее вознагражденіе и просилъ помочь ему доставить обѣихъ домой. Просьба была встрѣчена радушно, а одинъ изъ горожанъ вызвался сбѣгать къ лекарю Бонелли и немедленно вызвать его къ больнымъ.

Къ этому времени толпа почти прошла. Ружена открыла глаза, но, чтобы не волновать ее, Свѣтоміръ только сказалъ, что Туллія лишилась чувствъ, ушибленная въ тѣснотѣ, и что онъ уже послалъ за врачемъ. Молодая графиня была слишкомъ слаба, чтобы возвращаться пѣшкомъ, для нея и для Тулліи достали носилки и печальное шествіе тронулось въ путь, сопровождаемое Свѣтоміромъ, негодовавшимъ на непонятное исчезновеніе Броды.

Вызванный врачъ прибылъ почти въ одно время съ ними. Такъ какъ Ружена падала отъ изнеможенія, то Бонелли распорядился уложить ее въ постель, сказавъ, что зайдетъ послѣ, какъ только перевяжетъ раненую.

Туллія лежала вытянувшись и ни приходила въ себя. Анна, блѣдная и разстроенная, смачивала водой ей лобъ и виски.

— Она дышетъ, синьоръ Бонелли, но все еще въ безпамятствѣ. Я боюсь тронуть ея платье, такъ какъ оно прилипло къ ранѣ,—сказала она, уступая мѣсто врачу.

Лекарь осторожно разрѣзалъ корсажъ и, обнаживъ грудь, внимательно ее изслѣдовалъ.

— Рана смертельна. Она умретъ, если вынуть оружіе,—сказалъ онъ вошедшему Свѣтоміру.

— Нельзя ли все-таки привести ее въ чувство? Можетъ быть, она скажетъ намъ что-нибудь, могующее пояснить это непонятное убійство,—замѣтилъ тотъ, сочувственно смотря на безжизненное лицо Тулліи.

— Попробую! Будьте добры немного приподнять раненую пока я дамъ ей понюхать возбудительнаго.

Онъ вынулъ изъ принесенной связки два флакона; изъ одного онъ смочилъ Тулліи виски и ладони, а другой поднесъ ей къ носу. Черезъ нѣсколько минутъ дрожь пробѣжала по тѣлу раненой, послышался болѣзненный стонъ, глаза ея открылись и тусклымъ, стекляннымъ взглядомъ обвели присутствующихъ. Но, очевидно, она узнала ихъ и взоръ ея ожилъ.

— Бранкассисъ убилъ меня,—произнесла она хриплымъ свистящимъ голосомъ.—Онъ съ Иларіемъ пытался меня утащить...

У нея не хватило силъ и она смолкла, но потомъ, оправившись, продолжала шопотомъ:

— Кругомъ все темнѣетъ... прощайте... благодарю всѣхъ и синьору Ружену... за добро, оказанное бѣдной Тулліи... За васъ я буду тамъ молить Бога, а имъ... негодяямъ... отомщу...

Послѣднія слова она произнесла неожиданно громко, и дикая ненависть блеснула въ ея потухающемъ взглядѣ, но это напряженіе точно пресѣкло жизненную нить. Голова Тулліи запрокнулась, изо рта хлынула кровь, тѣло затрепетало въ судорогахъ и вытянулось.

— Все кончено,—дрогнувшимъ голосомъ тихо произнесъ Бонелли.

Передъ тѣмъ, услыхавъ слова Тулліи, что ея убійца былъ Бранкассисъ, молодой врачъ вздрогнулъ и поблѣднѣлъ. Анну и Свѣтоміра имя кардинала поразило, какъ громомъ, и оба они стояли у кровати въ нѣмомъ изумленіи.

Въ это время распахнулась дверь и вошелъ встревоженный графъ Гинекъ. Онъ только что узналъ, по возвращеніи домой, о грустномъ происшествіи и поспѣшилъ разспросить Свѣтоміра. Въ негодованіи выслушалъ онъ разсказъ объ убійствѣ и предсмертныхъ словахъ Тулліи.

Поручивъ Свѣтоміру распорядиться похоронами, онъ собрался уходить, но подошелъ Бонелли и попросилъ удѣлить ему нѣсколько минутъ. Удивленный графъ повелъ врача въ свою комнату. Когда они остались одни, Бонелли съ видимымъ волненіемъ сказалъ:

— Я считаю своимъ долгомъ предупредить васъ, графъ, что состояніе здоровья вашей невѣстки крайне серіозно. Графиня Ружена отравлена и...

— Вы заблуждаетесь, маэстро Козимо! Какимъ образомъ Ружена можетъ быть отравлена? Кѣмъ? Это невозможно, вы ошиблись,—съ неудовольствіемъ перебилъ его графъ.

— Очень желалъ бы ошибиться, но, къ сожалѣнію, все, что я сказалъ,—горькая правда! Позавчера, когда я былъ призванъ къ молодой графинѣ, нѣкоторые признаки внушили мнѣ подозрѣніе въ отравленіи; но мнѣ самому это показалось невѣроятнымъ и я не рѣшился говорить о томъ, пока не убѣжусь совершенно. Прописанное противоядіе немедленно вызвало рвоту, часть которой я унесъ съ собой, чтобы изслѣдовать извѣстнымъ мнѣ способомъ. Сегодня утромъ я добился положительнаго доказательства, что графинѣ данъ ядъ, настолько опасный, что я не отвѣчаю за ея жизнь. Я самъ собирался идти къ вамъ съ этимъ извѣстіемъ, когда пришли за мной.

Графъ поблѣднѣлъ и растерянно слушалъ рѣчь молодого врача, серьезный тонъ котораго не позволялъ усомниться въ истинности его заключенія.

— Но что же дѣлать?—безпомощно спросилъ графъ.

— Бороться, по мѣрѣ нашихъ силъ, и... надѣяться на помощь Божію. Мнѣ кажется, что я доискался, какого рода ядъ данъ графинѣ. Многочисленные случаи отравленія, въ наше время, побудили меня заняться изученіемъ ядовъ. Я приму, разумѣется, надлежащія мѣры, хотя предупреждаю, что за успѣхъ отвѣчать не могу.

Можно себѣ представить, какъ огорченъ былъ графъ. Имя Бранкассиса, примѣшанное къ убійству Тулліи, пробудило въ немъ мрачное подозрѣніе и онъ умолялъ врача спасти жизнь невѣсткѣ.

Бонелли отправился къ Руженѣ, а графъ позвалъ къ себѣ Свѣтоміра, чтобы сообщить ему все, что узналъ, и свои догадки. Тотъ тоже былъ ошеломленъ, но ни минуты не усомнился въ грустной истинѣ: Бранкассисъ былъ вполнѣ способенъ отравить женщину, которой тщетно добивался.

Свѣтоміръ собрался уже идти покупать мѣсто для могилы

Тулліи и заказывать гробъ, когда вернулся Брода, страшно усталый и взбѣшенный. Свѣтоміръ сталъ его разспрашивать, куда онъ исчезъ, и Брода разсказалъ, что, узнавъ Иларія въ одномъ изъ монаховъ, онъ погнался за нимъ, но толпа ему мѣшала и схватить негодяя ему не удалось, хотя онъ все-таки прослѣдилъ его, пока, наконецъ, въ одномъ глухомъ переулкѣ монахъ исчезъ, словно въ землю провалился. Собранныя имъ свѣдѣнія однако выяснили, что въ пустомъ домѣ, садъ котораго тянулся вдоль этого самого переулка, проживалъ прежде Бранкассисъ, и что теперь еще кардиналъ оставался хозяиномъ помѣщенія, такъ какъ наемную плату внесъ впередъ за нѣсколько мѣсяцевъ.

— Значить, я нашелъ разбойничій притонъ. Клянусь, какъ я хочу заслужить рай, что не успокоюсь, пока оба мерзавца не понесутъ заслуженнаго наказанія.

Графъ Гинекъ собирался тотчасъ же извѣстить Вока объ отравленіи жены; но на слѣдующій день, видя, что Ружена встала почти здоровой и хлопотливо занялась приготовленіями къ похоронамъ, онъ успокоился, надѣясь, что опасность миновала, благодаря мѣрамъ, своевременно принятымъ врачемъ. Сыну графъ ничего не написалъ, чтобы не тревожить его понапрасну. Къ тому же, въ городѣ разыгрывались важныя событія, совершенно поглотившія вниманіе современниковъ и обратившія взоры всего христіанства на маленькій нѣмецкій городокъ, гдѣ теперь засѣдалъ соборъ.

Два дня спустя, въ то время, какъ опускали въ могилу безвинную жертву Бранкассиса, Костницкій соборъ, въ торжественномъ засѣданіи, заочно осудилъ Іоанна XXIII и воспретилъ ему отправленіе его обязанностей, а 37 свидѣтелей, изъ нихъ 12 епископовъ, предъявили противъ него 63 обвинительныхъ пункта [1]). Изъ этого длиннаго перечня преступленій, приписанныхъ намѣстнику Христову, соборъ, въ уваженіе къ чести трона апостольскаго и кардинальскаго сана, вычеркнулъ тринадцать, которыя и остались въ тайнѣ; но достаточно будетъ назвать нѣкоторыя изъ 50-ти, сохранившихся въ силѣ и прочитанныхъ публично, чтобы составить себѣ приблизительное понятіе о томъ, каковы же должны были быть тѣ пункты, которые соборъ скрылъ. Такъ, считалось доказаннымъ, что Косса отравилъ своего предмѣстника Александра V, что безсовѣстно торговалъ мѣстами и церковными имуществами, что разбойничалъ

---

1) *Bonnechose*, стр. 142, 143.

грабилъ и убивалъ, за время своего пребыванія въ Болоньѣ, что былъ въ преступной связи со своей невѣсткой, что обезчестилъ *триста* монахинь, которыхъ потомъ назначалъ настоятельницами монастырей, и совершая многія другія безчинства. Въ заключеніе, соборъ призналъ такое чудовище недостойнымъ его сана и снялъ съ христіанства присягу на вѣрность ему, предписавъ разбить его гербъ и сломать предъявленную папскую печать. Это постановленіе, а равно и самый актъ отреченія, для собственноручной подписи Коссы, пять кардиналовъ повезли въ замокъ Рудольфцель, куда его посадилъ герцогъ австрійскій, ставшій теперь его тюремщикомъ.

Папа Іоаннъ XXIII, превратившійся просто въ Балтазара Коссу, былъ заключенъ въ тотъ же самый замокъ Готтлибенъ, гдѣ томилась его невинная жертва—Янъ Гусъ.

Пока совершалось это важное событіе, судьба Іеронима тревожила и огорчала всѣхъ чеховъ. Послѣ перваго опроса, узникъ былъ порученъ, постыдной памяти, Іоганну фонъ-Валленроду, епископу рижскому, который, съ ненавистью и затаенной злобой католическаго ксендза и нѣмца, подвергъ несчастнаго Іеронима чисто инквизиціонному режиму, вымещая на немъ и его славянское происхожденіе, и любовь къ родинѣ и расположеніе къ православной церкви. Ночью Іеронима перевели въ башню на кладбищѣ св. Павла, и заперли въ темную, зловонную тюрьму, гдѣ и заковали такимъ образомъ, что обѣ его руки, въ цѣпяхъ, вздернутыя надъ головой, давили шею и мѣшали даже сѣсть. Лишь по истеченіи двухъ дней узнали его друзья, что съ нимъ сталось, и приняли мѣры къ облегченію его участи; но все-же мученія его были таковы, что Іеронимъ заболѣлъ. За то время, какъ онъ боролся со смертью, Гуса перевели во францисканскій монастырь.

У графа Вальдштейна, послѣ временнаго успокоенія, вновь возникла тревога: нѣкоторое улучшеніе въ здоровьѣ Ружены смѣнилось величайшей слабостью и частыми обмороками. Сперва эти тревожные признаки графъ приписывалъ волненію и слезамъ по случаю трагической смерти Тулліи; отъ Ружены скрывали, что она отравлена. Но Бонелли откровенно признался ему, что ядъ продолжаетъ потихоньку свое дѣло разрушенія и что положеніе графини крайне серьезно. Графъ былъ въ отчаяніи и не замедлилъ сообщить Воку грустную истину, призывая его безотлагательно въ Костницъ.

Настроеніе въ домѣ царило мрачное и безпокойное. Анна и Свѣтоміръ съ трудомъ скрывали свое отчаяніе и окружали больную самымъ тщательнымъ и сердечнымъ уходомъ, то-

воскресая духомъ и начиная надѣяться, когда Руженѣ становилось лучше, то впадая въ уныніе, при каждомъ новомъ обморокѣ, сопровождавшемся обыкновенно продолжительной слабостью.

У Свѣтоміра и Броды эта боязнь за жизнь молодой графини соединялась съ желаніемъ наказать подлаго убійцу. Съ этой цѣлью Брода, переодѣтый, часто рыскалъ по городу и его окрестностямъ, отыскивая слѣды Бранкассиса и его сообщника, но пока все было напрасно.

Однажды Свѣтоміръ вернулся отъ Вальдштейновъ и сидѣлъ у себя, грустный и озабоченный, какъ вдругъ вошелъ Брода, одѣтый возчикомъ. Видъ у него былъ пасмурный, но довольный, и онъ не замедлилъ сообщить, что самымъ неожиданнымъ образомъ захватилъ Иларія.

— Я былъ глубоко убѣжденъ, что домъ, въ которомъ проживалъ Бранкассисъ и который онъ оставилъ за собой, служитъ и по сіе время имъ пристанищемъ, почему и бродилъ чаще всего вокругъ него. Сегодня я много исходилъ, усталъ и зашелъ отдохнуть и подкрѣпиться въ харчевню, противъ дома, гдѣ живетъ кардиналъ Урсино. Сижу я, да попиваю винцо и вижу, что изъ воротъ выходитъ нищенствующій монахъ. Я, пожалуй, на него не обратилъ бы вниманія, мало ли ихъ здѣсь шляется; но когда онъ, вскидывая на спину котомку, отвернулъ свой широкій рукавъ, на его локтѣ я замѣтилъ большой рубецъ, который оказался для меня истиннымъ откровеніемъ.

Это, безспорно, былъ тотъ самый шрамъ, который получилъ Иларій на охотѣ, когда кабанъ распоролъ ему руку. Теперь, узнавъ его, несмотря на переодѣваніе, я вышелъ и сталъ за нимъ слѣдить. Онъ меня, очевидно, не замѣтилъ, да и кто станетъ остерегаться какого-то возчика. Негодяй направлялся прямо къ дому Бранкассиса; завернувъ въ переулокъ и вынувъ изъ кармана ключъ, онъ открылъ въ стѣнѣ калитку, но захлопнуть ее я ему уже не далъ, а толкнулъ дверцу со всѣхъ силъ такъ, что онъ полетѣлъ отъ удара навзничь. Тогда я его связалъ, заткнулъ ему ротъ и втащилъ въ домъ, убѣдившись предварительно, что онъ совершенно пустъ. Этотъ паршивецъ, да проститъ мнѣ Богъ, съ перепугу лишился чувства, и какъ я его ни трясъ, не подавалъ признаковъ жизни; ну, а вдвоемъ съ тобой мы ему развяжемъ языкъ.

Свѣтоміръ тотчасъ же взялъ плащъ, захватилъ оружіе и оба они, чуть не бѣгомъ, отправились къ плѣннику. Иларія они нашли въ томъ самомъ видѣ, какъ его оставилъ Брода,

но монахъ пришелъ въ себя и лежалъ съ открытыми глазами. Освободивъ ему ротъ, Свѣтоміръ велѣлъ ему разсказать, гдѣ Бранкассисъ и что извѣстно ему объ отравленіи Ружены.

По присущей подлости, Иларій разсчитывалъ и на этотъ разъ купить свою свободу полнымъ признаніемъ. Блѣдный отъ ужаса, онъ пробормоталъ, что кардиналъ теперь находится на пути въ Италію, куда долженъ былъ ѣхать за нимъ и онъ, послѣ того, какъ выполнитъ возложенное на него тайное порученіе къ секретарю кардинала Урсино. Съ полной откровенностью разоблачилъ онъ потомъ, какъ Бранкассисъ, пылая местью, рѣшилъ отравить Ружену и наказать предательницу Туллію, намѣреваясь ее похитить и уморить въ мученіяхъ. Въ домѣ Вальдштейновъ, при помощи монаха-пріятеля, была подкуплена служанка, которая и влила графинѣ ядъ, но та, случайно, выпила только часть отравы; покушеніе же не могло быть повторено, потому что госпожа фонъ-Лауфенштейнъ, уѣзжая изъ города къ больной сестрѣ, увезла съ собой ихъ сообщницу.

Такъ какъ Туллія выходила рѣдко и не одна, похитить ее не было возможности; кардиналъ былъ внѣ себя и ежедневно бродилъ вокругъ дома своихъ жертвъ. Въ тотъ злополучный день оба они всю дорогу слѣдили за графиней и ея спутниками; замѣтивъ, что Туллія отстала отъ другихъ и потерялась въ толпѣ, Бранкассисъ нашелъ случай подходящимъ, чтобы завладѣть ею. И онъ, дѣйствительно, захвативъ ее, потащилъ съ собой, а Иларій очищалъ имъ дорогу. Увидавъ кардинала, Туллія, со страху, не могла вымолвить ни слова, а народъ кругомъ смѣялся и острилъ на ихъ счетъ; когда же она стала кричать и отбиваться, нѣсколько человѣкъ вступилось было за нее, но кардиналъ крикнулъ имъ, что это—бѣглая монахиня, которую онъ тащитъ къ начальству, и ихъ оставили въ покоѣ. Можетъ быть, онъ и успѣлъ бы увести ее, если бы ихъ не замѣтилъ Брода, отъ котораго уже имъ обоимъ пришлось спасаться бѣгствомъ; тутъ-то въ бѣшенствѣ, что дѣло сорвалось, Бранкассисъ и закололъ Туллію, лишь бы не выпустить ея изъ рукъ живой.

— Онъ и теперь не можетъ успокоиться, что все не такъ случилось, какъ онъ хотѣлъ,—закончилъ усталый Иларій, съ трепетомъ смотря на молчавшихъ слушателей своихъ.

Затѣмъ онъ повалился въ ноги и сталъ молить о прощеніи. Но Брода, не обращая вниманія на его мольбы, снова заткнулъ ему ротъ, распуталъ ему ноги и велѣлъ идти за нимъ, если онъ не желаетъ отвѣдать его кинжала.

На другой день, сосѣди были испуганы представившимся

имъ ужаснымъ зрѣлищемъ. На желѣзномъ крюкѣ, вбитомъ надъ входной дверью, вмѣсто фонаря, качался трупъ монаха. Когда тѣло вынули изъ петли, въ повѣшенномъ признали отца Иларія, секретаря итальянскаго кардинала, жившаго передъ тѣмъ въ домѣ. Но кто былъ виновникомъ убійства, такъ и осталось нераскрытымъ, а среди смутъ и чрезвычайныхъ событій, слѣдовавшихъ одно за другимъ и волновавшихъ городъ, это происшествіе скоро забыли.

VI.

Послѣдняя вѣсть, которая застала еще Гуса въ замкѣ Готлибенѣ, была о томъ, что его заклятый врагъ, Іоаннъ XXIII, нынѣ просто Балтазаръ Косса, оказался его товарищемъ по несчастью и заключенъ въ тѣхъ же самыхъ стѣнахъ.

Другому такая кара судьбы доставила бы удовлетвореніе, но его незлобивой душѣ было чуждо всякое злорадство.

„Земной богъ палъ и стонетъ въ цѣпяхъ",—пишетъ Гусъ друзьямъ.—„Соборъ низложилъ его за торговлю отпущеніями, епископствами и доходными мѣстами а осудили его тѣ, которые ихъ у него покупали или сами торговали ими. О, родъ лукавый! Отчего не вынуть бревна изъ собственнаго глаза! Если бы Господь Іисусъ сказалъ собору: кто изъ васъ безъ грѣха святокупства, тотъ пусть осудитъ папу Іоанна, то, мнѣ кажется, одинъ убѣжалъ бы за другимъ"...

Переводъ Гуса въ Костницъ для процесса оживилъ надежды всѣхъ его многочисленныхъ друзей; они не сомнѣвались, что какъ только ему будетъ дана возможность защищаться, то онъ непремѣнно опровергнетъ всѣ взводимыя на него обвиненія. Но уже первое засѣданіе должно было ихъ разочаровать, обнаруживъ, что достопочтенные отцы собора менѣе всего имѣли въ виду правосудіе.

Въ большой трапезной францисканцевъ, утромъ 5-го іюня, собрались кардиналы, епископы, прелаты, магистры, доктора и др. члены собора; среди прочихъ находились Петръ изъ Младеновицъ и Ульрихъ, молодой священникъ, чехъ, его другъ.

Собраніе волновалось, и раньше, чѣмъ былъ введенъ подсудимый, уже началось чтеніе обвинительнаго акта и показаній свидѣтелей. Одинъ изъ присутствовавшихъ даже пред-

ложилъ приступить затѣмъ прямо къ разсмотрѣнію обвинительныхъ статей и къ голосованію, сообщеніемъ результатовъ котораго Гусу можно было бы и ограничиться. Во время обсужденія этого предложенія Ульрихъ, о которомъ мы упоминали выше, очутившійся за спиной докладчика свидѣтельскихъ показаній, заглянувъ въ акты, тихо ахнулъ и поблѣднѣлъ.

Онъ поспѣшилъ добраться до своего друга и шепнулъ ему на ухо:

— Я только что видѣлъ въ дѣлахъ уже готовый приговоръ Гуса.

Не менѣе пораженный, Петръ изъ Младеновица бросился предупредить о случившимся Яна изъ Хлума и Вацлава изъ Дубы, а тѣ отправились къ Сигизмунду и успѣли добиться отъ него пріостановки подобнаго беззаконія: прелаты не посмѣли противиться и Гусъ все-таки былъ введенъ. Подобное начало не сулило ничего хорошаго.

Серіозный, сосредоточенный, исполненный достоинства, предсталъ Гусъ передъ своими врагами, въ первыхъ рядахъ которыхъ находились: Палечъ и Михаилъ de Causis, оба кипѣвшіе ненавистью и дерзко насмѣшливые. Началось чтеніе нѣкоторыхъ обвиненій и перечисленіе подтверждавшихъ ихъ свидѣтельскихъ показаній. Но когда Гусъ попробовалъ отвѣтить и дать свои объясненія, то едва сдерживаемая злоба присутствовавшихъ вылилась въ цѣлый потокъ ругательствъ и оскорбленій, заглушавшихъ голосъ обвиняемаго.

Крики и шумъ были таковы, что Лютеръ, упоминая въ одномъ изъ своихъ писаній объ этой возмутительной сценѣ, такъ охарактеризовалъ ее своимъ смѣлымъ словомъ: „Всѣ бѣсновались, какъ дикія свиньи, ощетинившись, скрипя зубами и натачивая клыки свои противъ Гуса. Онъ одинъ оставался спокойнымъ посреди бури и лишь съ грустью оглядывалъ этихъ людей, въ которыхъ надѣялся найти безпристрастныхъ судей, а нашелъ только враговъ“. Когда волненіе нѣсколько улеглось, Гусъ беззлобно замѣтилъ:

— Право, я думалъ, что на этомъ соборѣ все должно идти приличнѣе, лучше и порядочнѣе, чѣмъ идетъ!

Почувствовали ли его судьи, ослѣпленные духомъ партійной ненависти, какое обвиненіе представляютъ простыя слова скромнаго священника, котораго они хотѣли погубить, но старшій кардиналъ (supremus cardinalis) камбрейскій, Петръ изъ Альяко (Petrus ab Alliaco), крикнулъ:

— Какъ ты можешь такъ говорить? Въ замкѣ ты говорилъ гораздо разумнѣе!

— Въ замкѣ никто противъ меня не кричалъ, теперь же вы всѣ кричите разомъ,—отвѣтилъ Гусъ.

Его отвѣтъ вызвалъ новой взрывъ ярости и ругательствъ. Понимая, что, въ виду возбужденія почтенныхъ отцовъ, ни къ какому результату придти будетъ нельзя, предсѣдательвующій закрылъ собраніе.

Негодующіе чешскіе бароны жаловались Сигизмунду и тотъ обѣщалъ присутствовать на второмъ собраніи, назначенномъ на 7 іюня.

Къ сожалѣнію, рамки романа не позволяютъ намъ развернуть подробный ходъ этой возмутительной пародіи суда, попиравшаго всѣ законы, всѣ, даже самыя общія формы правосудія.

Процессомъ руководили завѣдомые враги Гуса; только ихъ показанія принимались къ свѣдѣнію, а ему отказывали въ словѣ и отнимали всякую возможность оправдать себя. Хотѣли принудить его отречься отъ того, чего онъ никогда не говорилъ, вродѣ, напримѣръ, смѣшного обвиненія, будто онъ выдавалъ себя за 4-е лицо *Троицы*, не вѣрилъ въ Бога, и т. д.; судили за то, что онъ защищалъ и проповѣдывалъ доктрины Виклефа, притомъ даже такія, которыя онъ самъ отвергалъ. Можно предположить, что соборъ, выказавшій себя снисходительнымъ къ гораздо болѣе опасному и преступному, чѣмъ доктрина англійскаго философа, ученію Жана Пети,— каралъ, въ лицѣ Гуса, не столько еретика, сколько смѣлаго обличителя пороковъ и злоупотребленій духовенства.

Гусъ четыре раза появлялся передъ соборомъ: три раза для допроса и якобы самозащиты и четвертый разъ для осужденія и разстриженія.

Второе засѣданіе происходило 7-го іюня и присутствіе императора, грозившаго выгнать изъ залы всякаго, кто осмѣлится безчинствовать, внушило собранію нѣкоторую сдержанность. Злѣйшій врагъ подсудимаго, Михаилъ *de Causis*, читалъ обвинительный актъ и предсѣдательствующій, кардиналъ камбрейскій, учинилъ подсудимому строгій допросъ, съ цѣлью установить,—христіанинъ ли онъ? Затѣмъ выглянула на свѣтъ Божій одна изъ причинъ, возбудившихъ противъ Гуса столько злобы, а именно, что онъ—виновникъ удаленія нѣмцевъ изъ Праги, и это обвиненіе послужило поводомъ для новыхъ,

яростныхъ нападокъ; хотя въ двухъ пунктахъ, на которые ему позволено было отвѣчать, ему удалось оправдать себя. Воскресала надежда на счастливый исходъ, но... иллюзія была кратковременна.

Третій допросъ начался съ чтенія разныхъ выдержекъ изъ книги Гуса „*De Ecclesia*“ и другихъ сочиненій, подтверждавшихъ обвиненія Палеча, что Гусъ отрицалъ власть папы, въ случаѣ, если тотъ совершитъ преступленіе. Спрошенный по этому поводу, Гусъ отвѣчалъ горячо, объявивъ обычай давать титулъ „*святѣйшества*“ недостойному и преступному папѣ—пагубнымъ, но протестовалъ противъ многихъ, приписанныхъ ему мнѣній, которыхъ онъ никогда не выражалъ, а равно и противъ неправильно понятыхъ и пристрастно истолкованныхъ выраженій. Его перебили и споръ былъ заглушенъ разными оскорбительными выходками и гнусными намеками Палеча и *de Causis*'а.

Засѣданіе было бурное и, въ концѣ, Петръ изъ Альяко потребовалъ отъ Гуса, чтобы онъ подчинился рѣшенію собора, заявилъ, что заблуждался въ представленныхъ на судъ его сочиненіяхъ, и отрекся отъ нихъ публично, а впредь чтобы проповѣдывалъ и писалъ противное тому, что говорилъ до сего дня.

Но, не смотря на висѣвшую надъ головой опасность, Гусъ оставался вѣренъ своимъ убѣжденіямъ. Отрицая за присутствовавшими на соборѣ представителями церкви власть принуждать его къ дѣянію, которое онъ считалъ для себя позорнымъ, отважный боецъ за свободу совѣсти противъ самовластія римской церкви не замѣчалъ, по свойственному смиренію, величія своей исторической миссіи и не сознавалъ, что, въ этотъ моментъ, онъ боролся за освобожденіе западнаго міра отъ давящаго его ярма.

Онъ просто отвѣтилъ, что готовъ только въ томъ случаѣ подчиниться собору и отказаться отъ защищаемыхъ до того положеній, если ему докажутъ Писаніемъ, что они лживы, но что онъ просить своихъ судей не требовать отъ него отреченія отъ доктринъ, которыхъ онъ никогда не проповѣдывалъ, такъ какъ подобную ложь ему запрещаетъ его совѣсть.

Тщетно убѣждали его архіепископы флорентійскій и камбрейскій подчиниться безусловно.

— Слушай, Гусъ,—сказалъ императоръ, тоже желавшій уладить дѣло.—Отчего бы тебѣ не отречься отъ всѣхъ ложныхъ

положеній, про которыя ты говоришь, что свидѣтели неправильно тебѣ ихъ приписали? Я охотно готовъ отказаться отъ всякихъ заблужденій и присягнуть, что и впредь не буду ихъ держаться, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я держался таковыхъ и прежде?

— Король-государь! Слово *отреченіе* не то значитъ.

Видя, что ему предлагаютъ игру словъ, чтобы, спасая его, сберечь и авторитетъ собора, онъ остался твердъ. Дѣло его, очевидно, было проиграно, но онъ не хотѣлъ выкупать жизнь цѣной отказа отъ истины своихъ убѣжденій.

Даже Палечъ смирился передъ этой стойкостью *одного* противъ цѣлой христіанской церкви. Жалко ли ему стало, или въ немъ шевельнулись угрызенія совѣсти за разыгрываемую имъ подлую роль, но теперь онъ счелъ кстати заявить, что будто у него нѣтъ личной непріязни противъ Гуса и только интересъ христіанства понуждаетъ требовать его осужденія. И отцы собора, должно быть, повѣрили этому заявленію безпристрастія Палеча, ибо они похвалили его за *сдержанность и человѣколюбіе*; ну, а потомство можетъ позволить себѣ и усомниться въ его искренности.

Но если можно было бы допустить, что Палечъ,—все-таки ученый, землякъ и бывшій пріятель Гуса, — устыдился и пожалѣлъ его, то ужъ совсѣмъ смѣшно, что къ его мнѣнію присоединился Михаилъ de Causis, и что этотъ сынъ нѣмецкаго рудокопа, отъявленный мошенникъ и лгунъ, заклятый врагъ Виѳлеемскаго проповѣдника, принялся разсуждать о голосѣ совѣсти, общемъ благѣ и христіанской вѣрѣ.

Гусъ удовольствовался словами:

— Богъ насъ разсудитъ.

Сигизмундъ закрылъ засѣданіе слѣдующимъ обращеніемъ къ подсудимому:

— Я обѣщалъ тебѣ мое покровительство на время путешествія и по пріѣздѣ сюда, чтобы тебѣ не было учинено ни малѣйшей обиды и чтобы ты могъ свободно, передъ цѣлымъ соборомъ изложить свои мнѣнія и дать отвѣтъ въ своихъ вѣрованіяхъ. Ты видишь самъ, какъ добросовѣстно и снисходительно выполнили мое обѣщаніе кардиналы и епископы, за что я обязанъ имъ благодарностью [1]).

---

[1]) S'il ne s'agissait pas d'une affaire très sèrieuse, ne dirait-on pas qu'e l'empereur se moquait des cardinaux et qu'en même temps il insultait à la misère de Jean Huss»-сказалъ французскій историкъ Констанцскаго собора.

Послѣ этого епископъ Іоганнъ фонъ Валленродъ, которому поручено было стеречь обвиняемаго, приказалъ увести его и водворить въ тюрьму.

Въ этотъ же день, послѣ полудня, графъ Гинекъ сидѣлъ подлѣ Ружены, у которой утромъ снова былъ продолжительный обморокъ: встревоженный графъ не пошелъ даже на соборъ, хотя зналъ, что тамъ сегодня долженъ былъ явиться Гусъ.

Послѣ пріема лекарства Ружена почувствовала себя лучше и пожелала подышать чистымъ воздухомъ. Молодую графиню вынесли въ садъ и уложили въ тѣнь, а Вальдштейнъ съ Анной старались развлечь ее разговоромъ. Въ это время графу пришли доложить что прибылъ панъ Янъ изъ Хлума и желаетъ его видѣть.

— Онъ, должно быть, пришелъ разсказать, что происходило сегодня на соборѣ,—сказалъ, вставая, графъ.

Но Ружена его остановила.

— Прими его здѣсь, отецъ! Мнѣ самой хочется узнать, какъ идетъ процессъ добраго мистра Яна.

— Охотно, дитя мое,—отвѣтилъ графъ и приказалъ просить гостя въ садъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, въ глубинѣ аллеи, показался баронъ Янъ, въ сопровожденіи своего секретаря, Петра изъ Младеновицъ.

Разгоряченное лицо и торопливая походка браваго рыцаря указывали, что онъ чѣмъ-то озабоченъ и разсерженъ. Здороваясь съ нимъ, графъ тотчасъ же освѣдомился о томъ, какъ сошло сегодняшнее засѣданіе, и этотъ его вопросъ повлекъ за собой изліяніе негодованія барона Яна.

— Развѣ это процессъ? Развѣ это правосудіе, которое должно быть оказано любому христіанину, будь то злѣйшій преступникъ?—вскричалъ онъ.—Ты самъ видѣлъ, что враги Гуса не позволяютъ ему рта открыть, какъ вѣрнѣйшее средство не дать оправдаться; но то, что происходило сегодня, еще хуже! Что бы ни говорили о Сигизмундѣ раньше, подобной низости я никакъ отъ него не ожидалъ.

Барона попросили высказаться яснѣе и онъ подробно описалъ весь ходъ засѣданія.

— Присутствовавшіе стали уже расходиться, — добавилъ онъ,—но императоръ еще сидѣлъ; а такъ какъ я хотѣлъ пого-

ворить съ нимъ въ защиту Гуса, то и остался дожидаться его вмѣстѣ съ Младеновичемъ. Къ намъ присоединились Янъ изъ Дуба съ Крыжановымъ и мы отошли въ оконную нишу, разговаривая именно о возмутительной настойчивости собора во что бы то ни стало вынудить у человѣка отреченіе отъ того, чего тотъ даже никогда не выражалъ.

Въ это время Сигизмундъ, окруженный многочисленной кучкой кардиналовъ, епископовъ и прелатовъ, остановился неподалеку. Не замѣчая насъ, онъ громко сказалъ, отчеканивая слова:—„Вы слышали, въ какихъ ересяхъ сознался и былъ уличенъ Гусъ; если онъ не захочетъ отъ нихъ отречься, то да будетъ сожженъ, или поступайте съ нимъ по всей строгости извѣстныхъ вамъ законовъ. Хотя, еслибы онъ и отрекся, не придавайте ни малѣйшей вѣры его словамъ. Какъ только онъ вернется въ Богемію и очутится среди своихъ сторонниковъ, онъ вновь станетъ проповѣдывать тѣ же заблужденія и зло будетъ еще хуже, чѣмъ прежде. Ему надобно вовсе запретить всякую проповѣдь, а статьи, осужденныя соборомъ, препроводить моему брату, въ Прагу, и въ Польшу, всюду, гдѣ у Гуса есть единомышленники и друзья. Пусть всякій, кто раздѣляетъ его ученіе, будетъ строжайше преслѣдуемъ епископомъ“.—Затѣмъ онъ прибавилъ:—„Я скоро покидаю Констанцъ, а вы будьте ревностны въ этомъ дѣлѣ и скорѣй кончайте съ учениками ересіарха, особенно съ тѣмъ, который уже сидитъ въ тюрьмѣ... какъ его зовутъ?“—„Іеронимъ“,—услужливо подсказало нѣсколько человѣкъ.—„О! съ этимъ-то у насъ никакихъ хлопотъ не будетъ,—замѣтилъ тутъ одинъ изъ епископовъ.—Какъ только мы управимся съ учителемъ, мы живо покончимъ съ Іеронимомъ“.

— Какая низость!—въ негодованіи вскричала Ружена.— Мало того, что этотъ негодный человѣкъ нарушилъ собственноручно выданную Гусу охранную грамоту и завлекъ въ эту ловушку несчастнаго, повѣрившаго его императорскому слову,—онъ еще возбуждаетъ противъ него его же палачей, словно боится, чтобы они не оказали милосердія узнику. Это безчестно и Богъ его накажетъ!..

— Хорошо, еслибъ это было такъ, пани Ружена! Во всякомъ случаѣ, я отпишу объ этомъ всѣмъ нашимъ друзьямъ въ Чехіи и Моравіи; пусть они напередъ знаютъ, какого довѣрія заслуживаетъ нашъ будущій король, какъ онъ поддерживаетъ наши интересы и защищаетъ уважаемаго всѣми нами человѣка,—гнѣвно закончилъ Янъ изъ Хлума.

На этотъ разъ, возмездіе дѣйствительно ожидало государя-

предателя: „слова, произнесенныя въ углу трапезной босыхъ миноритовъ“,—говоритъ Палацкій,—„быстро откликнулись по всей Чехіи и стоили ему ни болѣе, ни менѣе, какъ чешской короны“.

Душевное состояніе друзей Гуса было угнетенное. Осужденіе ожидалось съ минуту на минуту, да и самъ заключенный полагалъ, что настали его послѣдніе часы, и въ трогательныхъ письмахъ, рисующихъ его возвышенную душу, прощался съ друзьями, учениками и слушателями, не забывая никого.

Но члены собора видимо колебались и какъ будто искали выхода, мучая терпѣливаго узника то предложеніемъ разнаго рода формъ отреченія, то убѣждая его отказаться, ради спасенія жизни. Его увѣряли, что отвѣтственность за отреченіе падаетъ на соборъ, который непогрѣшимъ и пользуется неоспоримымъ правомъ диктовать ему свои убѣжденія. Одинъ изъ богослововъ, въ порывѣ изступленнаго рвенія, даже кинулъ ему слѣдующія удивительныя слова:

— Еслибы соборъ постановилъ, что у тебя всего одинъ глазъ, когда ихъ два,—то ты обязанъ этому вѣрить.

— Пока Богъ сохранилъ еще мнѣ разумъ, я воздержусь утверждать что-либо подобное, даже еслибы весь свѣтъ хотѣлъ меня къ этому принудить,—неустрашимо отвѣтилъ Гусъ.

Недѣли двѣ послѣ послѣдняго допроса Гуса, Ружена сидѣла въ креслѣ, у окна, мрачно задумчивая; Анна, помѣстившаяся противъ нея, читая книгу, украдкой поглядывала на подругу.

— О чемъ ты задумалась, Ружена? Я ужъ по твоему лицу вижу, что у тебя въ головѣ бродятъ невеселыя мысли; не хорошо!—замѣтила она, нагибаясь къ пріятельницѣ.

Ружена вздрогнула и выпрямилась.

— Трудно быть веселой, когда умираешь въ мои годы,—грустно сказала она и, поднявъ протестующе руку, продолжала.—Не разувѣряй меня, Анна! Я сама чувствую, что меня гложетъ недугъ, что какая-то отрава бродитъ по жиламъ и поглощаетъ мои силы. Но сегодня у меня явилось непреодолимое желаніе хоть разъ повидать отца Яна, открыть ему свою душу и отъ его геройства запастись мужествомъ, потому что мной овладѣваетъ страхъ и отчаяніе,—она остановилась и нѣсколько слезинокъ скатились по ея щекамъ.

Анна едва подавила подступавшія къ горлу слезы.

— Я думаю, что желаніе твое выполнимо,—нерѣшительно отвѣтила она.—Я знаю, что баронъ Янъ, Свѣтоміръ и другіе друзья видѣлись съ нимъ, благодаря тюремщикамъ, которые

всѣ оказались добрыми людьми. Только надо бы поговорить объ этомъ съ графомъ.

И вотъ, дня черезъ два, Свѣтоміръ объявилъ своему другу дѣтства, что желанное свиданіе состоится въ ту же ночь, и что онъ съ Бродой будутъ ее сопровождать. Ружена согласилась взять и Анну съ собой,—у нея не было тайнъ отъ испытанной подруги; къ тому же графиня отлично понимала, что она тоже жаждетъ увидѣть, можетъ быть, въ послѣдній разъ того, кого боготворила и считала существомъ высшимъ.

VII.

Въ темной, сырой тюрьмѣ францисканскаго монастыря, которую Гусу суждено было покинуть лишь идя на смерть,—онъ сидѣлъ у стола и читалъ Евангеліе, при слабомъ свѣтѣ масляной лампочки,—роскошь, за которую узникъ былъ крайне признателенъ друзьямъ.

Гусъ сильно исхудалъ; лицо его, осунувшееся отъ болѣзни, лишеній и страданій—физическихъ и нравственныхъ,—было словно восковое. Но въ большихъ, грустныхъ, мечтательныхъ глазахъ горѣла та же твердость духа, которую ничто не могло сломить.

Онъ не былъ прикованъ къ своему ложу, какъ въ Готтлибенѣ; но все-же кандалы были на рукахъ и ногахъ. Гусъ отодвинулъ, наконецъ, книгу и, облокотясь на столъ, задумался. За минувшій день, онъ пережилъ тяжелыя минуты, и много чувствъ, которыя онъ считалъ побѣжденными, угасшими, пробудились вновь и мучительно терзали его душу. Въ продолженіе долгихъ мѣсяцевъ этой нравственной агоніи, все существо его совершенно преобразилось,—очистилось и одухотворилось; земныя слабости, мало-по-малу, спадали съ него, всякое человѣческое желаніе исчезало въ восторженной вѣрѣ въ Бога, которому онъ поручилъ свою жизнь и судьбу.

Нѣсколько дней передъ тѣмъ епископы спросили его, не желаетъ ли онъ исповѣдываться, и онъ съ радостью принялъ предложеніе. Съ тѣмъ истинно-христіанскимъ смиреніемъ и незлобіемъ, которыя особо выдѣляютъ его даже среди славныхъ полчищъ мучениковъ за идеи, онъ избралъ себѣ въ духовники Стефана Палеча.

— Это мой злѣйшій противникъ,—сказалъ Гусъ.—Ему я и хочу исповѣдаться.

Даже Палеча тронуло это величіе души его жертвы. Онъ

отвергъ было это тяжелое порученіе отпускать грѣхи человѣку, которому самъ же причинилъ столько зла; но, побѣжденный, можетъ быть, угрызеніями совѣсти, Палечъ все-же пришелъ въ тюрьму къ бывшему другу, съ цѣлью убѣдить его отречься.

Свиданіе было трогательное. Гусъ просилъ своего палача простить ему, если передъ соборомъ у него вырвалось какое-нибудь грубое, оскорбительное слово; но на убѣжденія Палеча, онъ только отвѣтилъ:

— Что сдѣлалъ бы ты, если бы тебя принуждали отказаться отъ ересей, которыхъ ты никогда не проповѣдывалъ?

— Это, дѣйствительно, было бы тяжело,—отвѣтилъ Палечъ и зарыдалъ.

— Какъ же могъ ты сказать, что я не вѣрю въ Бога,—продолжалъ Гусъ,—и что отъ рождества Христова не было ересіарха опаснѣе меня?

Палечъ пробовалъ отрицать это и съ новымъ жаромъ умолялъ его отринуть свои убѣжденія.

Гусъ отказался на отрѣзъ, прибавивъ:

— За что, за что сдѣлалъ ты мнѣ столько зла?

И Палечъ ушелъ отъ него въ слезахъ.

Впечатлѣніе этого свиданія волновало еще узника, когда послѣ полудня явился *de Causis*, обругалъ его и, злорадствуя, возвѣстилъ близкое мученичество.

Горечь разочарованія въ людяхъ, обманутая дружба, неудовольствіе на императора, предательски возстановлявшаго противъ него судей, вмѣсто обѣщаннаго покровительства, и возмущеніе проявленной къ нему несправедливой жестокостью, все это поколебало стойкую душу Гуса; внутри все ныло и дрожало. Ему было глубоко жаль покинуть не доведенное до конца дѣло, вѣрную паству и Виѳлеемскую часовню, передъ ужасомъ ожидавшихъ его мученій содрогалось тѣло... Это были минуты борьбы, смущенія духомъ и слабости человѣческой, которыя нерѣдко посѣщаютъ избранниковъ Божіихъ, и Гусъ тщетно искалъ въ Евангеліи той поддержки, силы и спокойствія, которыя привыкъ въ немъ почерпать. Онъ пробовалъ молиться, но порывъ восторженнаго отрѣшенія отъ земли съ ея горестями не приходилъ.

Шумъ отодвигаемаго дверного засова вывелъ его изъ раздумья.

„Кто-нибудь изъ друзей пришелъ навѣстить, о чемъ предупреждаетъ тюремщикъ“,—подумалъ Гусъ.

Но, къ удивленію своему, онъ увидѣлъ двухъ закутанныхъ

въ плащи женщинъ. Одна изъ нихъ поддерживала другую, которая, видимо, не твердо держалась на ногахъ, а затѣмъ опустилась на колѣни передъ Гусомъ и дрожащей рукой откинула вуаль.

— Ружена!—вырвался у него крикъ удивленія, въ которомъ слышались и радость, и горе.—Милыя дѣти мои! Какъ благодарить васъ, что вы не забыли бѣднаго узника и обрадовали меня свиданіемъ съ вами. Мнѣ даже не на что посадить васъ въ этой жалкой тюрьмѣ!

— Для Ружены, которая больна, будетъ мѣсто на скамьѣ рядомъ съ вами, отецъ Янъ; а меня оставьте у вашихъ ногъ, я нигдѣ такъ хорошо себя не чувствую,—сказала Анна, поднимая и усаживая подругу.

Волненіе такъ обезсилило Ружену, что Гусъ долженъ былъ придти на помощь и поддержать ее.

Она вздрогнула, заслышавъ звонъ его оковъ.

— Вы въ цѣпяхъ, отецъ Янъ? О чудовища! Какъ обращаются они съ праведнѣйшимъ изъ людей, со святымъ!

Гусъ неодобрительно покачалъ головой.

— Не говорите такъ, дочь моя, и не сравнивайте меня, великаго грѣшника, съ угодниками Господа!

— Полноте! Какой грѣхъ и когда совершили вы?—возразила Ружена.

Гусъ грустно улыбнулся.

— Всѣ человѣческіе грѣхи, дочь моя! Въ юности я очень любилъ общество, изысканные наряды, игру въ шахматы, тщеславился успѣхами въ наукахъ, былъ склоненъ къ гнѣву. О! перечень моихъ заблужденій—длиненъ и возложенное на меня Богомъ испытаніе—вполнѣ заслужено!

— Вы все давно уже искупили страданіями! А мы съ Анной и Свѣтоміромъ замышляемъ устроить вашъ побѣгъ, иначе враги васъ убьютъ.

Гусъ отрицательно покачалъ головой.

— Благодарю за преданность, дѣти мои; но знайте, что еслибы даже открыты были двери моей тюрьмы, — я и тогда не ушелъ бы, пока не оправдаю себя передъ всѣми. Я никогда не измѣню правдѣ, ради спасенія моего презрѣннаго тѣла, и не дамъ моимъ братьямъ пагубнаго примѣра бѣгства передъ опасностью. Да и что дѣлать мнѣ потомъ съ моей жизнью—запятнанной, безславной и ни къ чему не нужной?

— Да вѣдь они же предадутъ васъ ужасной смерти, всѣ вамъ измѣняютъ и преслѣдуютъ,— не выдержала Анна, со слезами на глазахъ.

— Я знаю, что императоръ осудилъ меня даже раньше моихъ судей! Но, если моя смерть можетъ послужить примѣромъ братьямъ,—я охотно жертвую собой.

— Отчего нѣтъ правды на свѣтѣ?—простонала Ружена.

— Развѣ преслѣдуются когда-нибудь ложь и неправда? И что значитъ моя смерть, если Іисусъ умеръ на крестѣ? А сколько утѣшенія даруетъ мнѣ милосердіе Господне? Богъ поддерживаетъ меня, посылаетъ мнѣ друзей, которыхъ ничто не смущаетъ, какъ, напримѣръ, панъ Янъ изъ Хлума, приходившій сюда пожать руку несчастному, всѣми покинутому и презираемому еретику. Сегодня вотъ вы обѣ пришли...

Онъ остановился, увидавъ, что Ружена поблѣднѣла и въ изнеможеніи прислонилась головой къ его плечу.

Уже при первомъ взглядѣ на графиню, Гуса поразила страшная, происшедшая въ ней перемѣна,—ея смертельная блѣдность, лихорадочно горѣвшіе глаза и что-то необъяснимое, налагаемое на человѣка дуновеніемъ смерти; теперь же, съ закрытыми глазами и полуоткрытымъ ртомъ, Ружена казалась мертвой, но по прежнему прекрасной, исполненной той чудной, воздушной красоты, въ которой не было ничего земного.

— Негодяй Бранкассисъ отравилъ ее и теперь не помогаетъ никакое средство,—торопливо шепнула Анна, смачивая водой изъ кружки лобъ и виски Ружены.

Та скоро открыла глаза и, встрѣтивъ взглядъ Гуса, въ которомъ ясно отражались тревога и сожалѣніе, разрыдалась.

— Отецъ Янъ!—вскричала она, схватывая обѣими руками руку Гуса,—вы тоже видите, что смерть моя близка? Я чувствую, что она уже наложила на меня свою ледяную руку и все-таки боюсь, такъ боюсь умереть! Я хочу жить!..

Рыданія заглушили ея слова. Жалость охватила сердце Гуса.

— Не надо предаваться мрачнымъ мыслямъ, дитя мое, и думать, что ваша мимолетная слабость — предвѣстникъ смерти,—участливо сказалъ онъ, нагибаясь къ ней.—У молодости неистощимый запасъ силъ и я твердо надѣюсь, что вы выздоровѣете. Помимо этого, не слѣдуетъ считать смерть палачомъ, это—добрый геній, нисходящій съ неба, чтобы утолить страданія и возвратить наши души на ихъ небесную родину. Смерть ужасна лишь грѣшнику, душа котораго, обремененная проступками, въ стыдѣ и наготѣ, является къ высшему Судіи; передъ ней закрыты врата райскія, пока она не искупитъ своей вины въ тяжкихъ мученіяхъ! А вы—молоды, невинны, чисты и вѣруете въ Бога; вамъ нечего бояться того міра, на порогѣ котораго васъ встрѣтитъ обожаемый отецъ. Молитесь только съ

усердіемъ и вѣрой, а Господь сдѣлаетъ все для вашего блага и счастья.

Въ эту минуту пріоткрылась дверь и послышался голосъ тюремщика:

— Время уходить, милостивая госпожа!

— Сейчасъ, добрый Робертъ, онѣ уйдутъ,—отвѣтилъ Гусъ, вставая.

Обернувшись къ Аннѣ, онъ положилъ ей руку на голову.

— Прощай, дитя мое! Благодарю за твою привязанность, которая служитъ мнѣ сладкимъ утѣшеніемъ. Будь тверда въ жизни и останься любящей сестрой Руженѣ.

Онъ нагнулся къ ней, благословилъ и поцѣловалъ въ лобъ а затѣмъ обернулся къ графинѣ, смотрѣвшей на него со слезами на глазахъ. Горечь разставанья навѣки сжимала ей сердце; мысль, что она въ послѣдній разъ видитъ его чистый, любящій взглядъ и никогда уже не услышитъ болѣе голоса глубоко чтимаго друга, съ дѣтства поддерживавшаго и наставлявшаго ее въ трудныя минуты жизни,—было ей невыносима. Руженѣ казалось, что она снова теряла отца; она судорожно зарыдала и, обнявъ Гуса, прижалась своей золотокудрой головкой къ его плечу.

Сердце Гуса тревожно забилось; его тоже мучила тоска разлуки съ единственной женщиной, внушившей ему, хотя и чистое, безкорыстное чувство, но которое, тѣмъ не менѣе, напомнило ему, что онъ человѣкъ. Въ эту минуту великій *двигатель жизни*, управляющій мірами и существами, проснулся въ немъ и на его блѣдныхъ щекахъ заигралъ слабый румянецъ. Взглядъ Гуса съ любовью покоился на Руженѣ; затѣмъ онъ порывисто прижалъ ее къ себѣ и, поднявъ ея опущенную головку, долгимъ, вдумчивымъ взоромъ смотрѣлъ на нее, словно хотѣлъ навѣкъ запечатлѣть ея черты въ своей памяти.

Но желѣзная воля уже торжествовала надъ мгновенной слабостью. Дрожащими губами коснулся онъ лба Ружены, отступилъ шагъ назадъ и поднялъ руку, словно благословляя ее.

— Теперь ступайте, дѣти мои! Богъ благословитъ васъ, поддержитъ и наставитъ.

Блѣдная Анна, шатаясь сама, взяла Ружену подъ руку и увлекла вонъ изъ кельи. Обезпокоенный ихъ долгимъ отсутствіемъ, Свѣтоміръ, къ счастью, встрѣтилъ ихъ въ коридорѣ, такъ какъ графиня лишилась чувствъ и тотъ едва успѣлъ ее подхватить.

Когда носилки тронулись въ обратный путь, Анна нагнулась къ неподвижно лежавшей Руженѣ.

— Счастливица! — чуть слышно пробормотала она дрожащими губами. — Творецъ тебя создалъ, чтобы быть любимой всѣми; даже въ *его* сердцѣ ты заняла первое мѣсто.

Оставшись одинъ, Гусъ опустился на скамью и закрылъ лицо руками; пережитое волненіе было еще слишкомъ живо въ немъ.

— „*Homo sum*",—не то съ тоской, не то съ упоеніемъ пробормоталъ онъ.

— Не послѣднее ли это испытаніе въ жизни, — невольно спрашивалъ онъ себя,—или это милость Господа, пославшаго ему эту умирающую женщину, скошенную преступной рукой въ полномъ расцвѣтѣ молодости и красоты. Расположеніе, которое привело къ нему въ тюрьму Ружену и Анну было, по истинѣ, даромъ небеснымъ, и сознаніе, что его оплакиваетъ столько любящихъ сердецъ, служило ему утѣшеніемъ. Чувство же его къ Руженѣ, лишенное даже тѣни эгоизма и тонувшее въ заботахъ о ея благополучіи,—Богъ, конечно, ему проститъ.

Мало-по-малу, покой возвращался въ его измученную душу; ему казалось, что порвалась послѣдняя связь съ землей, что онъ освобождается отъ плоти и уносится въ свѣтлыя области міра *иного*.

Вдругъ вспомнилось ему чудное видѣніе, бывшее наканунѣ свадьбы Ружены; смыслъ его становился теперь совершенно понятенъ: яростной толпой, копошившейся въ безднѣ и забрасывавшей его каменьями, да грязью,—оказались слетѣвшіеся на соборъ его враги; а огненное, подхватившее его облако, будетъ пламенемъ костра, который завтра, можетъ быть, поглотитъ его тѣло. Да, теперь все ясно: проповѣдываемую имъ истину онъ долженъ былъ запечатлѣть своей кровью; ему оставалось только просить Бога поддержать его въ предстоящихъ мученіяхъ.

Онъ опустился на колѣни и погрузился въ горячую молитву, незамѣтно перешедшую въ экстазъ. Страстнымъ порывомъ душа поднималась надъ земною юдолью и уносилась въ тѣ далекія области, гдѣ предвѣчно царитъ гармонія и гдѣ она погружается въ самый источникъ неисчерпаемаго милосердія Божескаго.

Но смѣлый полетъ къ Небесному Отцу утомляетъ духъ человѣка, пока на немъ тяготѣетъ грубая оболочка плоти: онъ падаетъ съ надзвѣздной выси, истощенный напряженіемъ.

Гусъ чувствовалъ, возвращаясь къ земному, какъ мало-помалу гаснетъ лучезарная ясность *„того“* міра, а кругомъ возстаютъ стѣны тюрьмы; сохранилось лишь снисшедшее на него спокойствіе.

Онъ глубоко вздохнулъ, выпрямился и ощупью,—лампа погасла за это время,—побрелъ къ своему ложу. Вдругъ его вниманіе привлекло легкое потрескиванье и онъ съ удивленіемъ замѣтилъ въ нѣсколькихъ шагахъ передъ собой бѣловатое, испещренное искрами облако, которое кружилось, росло и расплывалось, озаряя тюрьму блестящимъ голубоватымъ свѣтомъ и распространяя вокругъ нѣжное, свѣжее дуновеніе. На этомъ свѣтломъ фонѣ стала затѣмъ постепенно вырисовываться высокая фигура человѣка въ священническомъ облаченіи византійскаго покроя; въ рукахъ онъ держалъ крестъ и евангеліе.

Лицо видѣнія было величественно и строго, но глаза смотрѣли кротко и любовно. Весь его образъ былъ плотный, жизненный и, забывая, что невѣдомый посѣтитель могъ быть лишь гостемъ изъ потусторонняго міра, Гусъ прошепталъ:

— Кто ты, почтенный старецъ?

Глубокій, словно издалека донесшійся голосъ отвѣтилъ:

— Я тотъ, который первый внесъ божественный свѣтъ Евангелія на твою родину и чей прахъ покоится въ Велеградѣ. Каждый сынъ этой земли—духовной моей дочери—близокъ моему сердцу; тебѣ же, умирающему за истину и слово Божіе, я пришелъ сказать: будь твердъ и не страшись ни горестей земныхъ, ни мукъ тѣлесныхъ. Переходъ къ *новой* жизни—мучителенъ, но кратокъ, зато сладостна награда. Мое присутствіе и молитва поддержатъ тебя.

Видѣніе стало блѣднѣть, таять и, наконецъ, совсѣмъ исчезло. Но Гусъ не видалъ уже, какъ погасъ свѣтъ и кругомъ снова воцарилась тьма,—онъ молился, припавъ лицомъ къ землѣ, благодаря Господа и апостола своей отчизны за ниспосланное откровеніе.

Ни смущенія, ни страха не было въ его душѣ; онъ чувствовалъ себя бодрымъ и вооруженнымъ мужествомъ на великое, послѣднее испытаніе...

В. КРЫЖАНОВСКАЯ
(РОЧЕСТЕРЪ).

(*Окончаніе будетъ*).

О неправославныхъ христіанахъ въ Россіи [1]).

(Къ вопросу о свободѣ совѣсти и о вѣротерпимости въ Россіи).

„Ты, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или повергшимся бѣдствію,—будетъ ли то еретикъ, или латынянинъ,—всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ можешь: и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ, и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется...“ Изъ посланія преп. Ѳеодосія Печерскаго къ вел. князю Изяславу. (Макарій. „Исторія русской церкви“. Т. II. стр. 136).

„Совѣсть человѣческая единому Богу токмо подлежитъ и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуживать...“ (Грамота Петра Великаго польскому королю Августу II 9 марта 1718 года).

„Поляки безвозбранно да чтутъ Господа Бога по латинскому обряду, русскіе же люди искони были и будутъ православными и вмѣстѣ съ Царемъ и Царицей выше всего чтутъ и любятъ родную Православную Церковь“. (Слова, собственноручно начертанныя нынѣ благополучно царствующимъ Государемъ Императоромъ во 2 день іюля 1898 года).

I.

Вопросы „о свободѣ совѣсти“, „о вѣротерпимости“ въ настоящее время особенно занимаютъ наше общество и печать. Мы искренно радуемся интересу къ этимъ дорогимъ и важнымъ вопросамъ человѣческой души, въ обсужденіи которыхъ

1) Наше законодательство знаетъ христіанъ слѣдующихъ инославныхъ исповѣданій: римско-католическаго, армяно-католическаго, армяно-грегоріанскаго, евангелическо-лютеранскаго, евангелическо-аугсбургскаго, евангелическо-реформатскаго, архангельскаго евангелическаго прихода, представляющаго собою соединеніе лютеранскаго и реформатскаго исповѣданія; евангелическихъ братьевъ въ Сарептѣ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ, шотландскихъ колонистовъ въ Каррасѣ, базельскихъ колонистовъ въ городѣ Шушѣ, колоніи Гнаденбургъ въ терской области, менонитовъ, баптистовъ. Въ дѣйствующемъ законодательствѣ они называются также „христіанами иностранныхъ исповѣданій“. Этотъ терминъ удерживаютъ и нѣкоторые русскіе изслѣдователя (графъ Дм. Толстой, Ив. Соколовъ, Дм. Цвѣтаевъ и др.).

не видимъ ни малѣйшей опасности для Православія — этого цемента, сплотившаго камни великой мозаики, именуемой Россіей. Развѣ истина боится свѣта? Развѣ не сказалъ апостолъ: „Вся искушающе, добрая держите“ (I Ѳессал. V, 21)?

Въ настоящей статьѣ мы дѣлаемъ попытку представить рядъ данныхъ для разрѣшенія этихъ вопросовъ, стараясь при этомъ сохранить полное безпристрастіе и избѣгнуть всякой односторонности.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію вопроса о положеніи неправославныхъ христіанъ въ Россіи, необходимо выяснить тѣ основныя начала, которыми должны руководиться въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ отдѣльныя вѣроисповѣданія вообще. Такимъ образомъ можно будетъ судить, насколько положеніе инославныхъ христіанскихъ исповѣданій въ Россіи соотвѣтствуетъ этимъ принципіальнымъ положеніямъ.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ должно смотрѣть одно вѣроисповѣданіе на сосуществованіе съ нимъ другихъ вѣроисповѣданій?

Каждая церковь (православная, римско-католическая, евангелическо-лютеранская, армяно-трегоріанская и др.), считая только одну себя истинною Христовою Церковью, принадлежность къ которой въ дѣлѣ спасенія является безусловно необходимою, объявляетъ только свое ученіе единственно истиннымъ, исключающимъ другія ученія, какъ ложныя, и всѣхъ, къ ней не принадлежащихъ, называетъ иновѣрцами, относится къ этимъ послѣднимъ совершенно отрицательно, смотритъ на нихъ, какъ на лицъ, заблуждающихся въ истинѣ, и заботится обратить ихъ въ свое лоно. Иначе не можетъ и быть. Такъ какъ истина едина сама въ себѣ и двухъ противоположныхъ истинъ быть не можетъ, то не можетъ быть и двухъ истинныхъ, но различныхъ по существу своего ученія христіанскихъ церквей: истинная Христова Церковь есть и должна быть едина.

Отсюда вытекаютъ слѣдующіе выводы:

I. Ни одна церковь не можетъ имѣть внѣшней юрисдикціи надъ послѣдователями другихъ христіанскихъ исповѣданій и не можетъ принудительнымъ образомъ распространять свои уставы и обряды на лицъ, къ ней не принадлежащихъ. Это правило весьма строго соблюдала по отношенію къ неправославнымъ христіанамъ русская церковная и государственная власть: самъ патріархъ всероссійскій отказался (въ 1673 году) отъ суда надъ лицомъ неправославнымъ (датчаниномъ, обвиняемымъ въ двоеженствѣ), отвѣтивъ лютеранамъ, представившимъ это дѣло на его разрѣшеніе, что оно не подлежитъ его суду [1]). И дѣйствующее наше законодательство строго запрещаетъ одному христіанскому вѣроисповѣданію вмѣшиваться въ религіозныя дѣла другого, а также духовнымъ лицамъ какого-либо вѣроисповѣданія исправлять духовныя требы для лицъ, къ нему не принадлежащихъ [2]).

---

[1]) И. Соколовъ. „Отношеніе протестантизма къ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“. Москва. 1880, стр. 28.

[2]) Т. XI. ч. I. Уст. иностр. исповѣд., стт. 256, 502, 779, 1110; Т. XIV. Уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 77; Т. XV. Улож. о наказ., ст. 195 и др.

II. Ни одна церковь, съ другой стороны, не можетъ быть обязана къ преподанію своихъ духовныхъ благъ лицамъ, къ ней не принадлежащимъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда за совершеніемъ религіознаго акта обращаются два лица, изъ которыхъ одно не принадлежитъ къ той церкви, къ которой обращена просьба (напр., при смѣшанныхъ бракахъ), церковная власть, если найдетъ возможнымъ совершеніе такого акта, можетъ потребовать отъ лица иновѣрнаго соблюденія извѣстныхъ условій (напр., относительно крещенія и воспитанія дѣтей). Въ крайности церковь можетъ снизойти до совершенія извѣстнаго акта (напр., погребенія) и для лица, къ ней не принадлежащаго.

III. Признаніе церковною властью дѣйствительности религіознаго акта (напр., смѣшаннаго брака), совершеннаго въ другой церкви, зависитъ отъ отношенія къ нему этой власти, причемъ она въ своихъ сужденіяхъ руководствуется законами своей церкви.

IV. Каждая церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ поэтому относиться къ другимъ вѣроисповѣданіямъ равнодушно и допускать безразличіе (индифферентизмъ) въ дѣлахъ вѣры [1]), а тѣмъ болѣе терпѣть прозелитизмъ, а также обязана заботиться о распространеніи своего ученія среди лицъ, къ ней не принадлежащихъ, избѣгая однако при этомъ средствъ, Христовой Церкви несвойственныхъ.

V. Ни одна церковь не можетъ допустить свободнаго выхода изъ своего состава и перехода въ другое религіозное общество. Такой переходъ и даже совершенный выходъ изъ церкви, безъ присоединенія къ другому религіозному обществу, даже право „ни во что не вѣрить“ [2]) признаетъ на Западѣ государство [3]), но никогда не признавала ни одна христіанская церковь [4]).

VI. Всякое принужденіе въ дѣлѣ вѣры недопустимо: оружіе борьбы съ заблужденіями должно быть духовнымъ, а не матеріальнымъ. „Несвойственно,—говоритъ Тертулліанъ, — одной религіи дѣлать насиліе другой. Религія должна быть принимаема по свободному убѣжденію, а не насильственно; жертвы

---

[1]) Совершенный индифферентизмъ мы находимъ у римлянъ, которые, оставляя покореннымъ народамъ ихъ мѣстное богопочитаніе, только переносили чужихъ боговъ въ Римъ и ставили ихъ въ ряды своихъ.

[2]) Dr. Arthur B. Schmidt. Der Austritt aus der Kirche. Leipzig. 1893, стр. 17.

[3]) Такъ, во Франціи офиціально признана свобода совѣсти *внѣ* религіи. Количество лицъ, не принявшихъ крещенія и не принадлежащихъ ни къ какой религіи, все увеличивается; „sans religion“—звучитъ тамъ такъ же просто и естественно, какъ православный, католикъ, лютеранинъ и проч. Закона Божія, какъ предмета преподаванія, давно уже не существуетъ въ государственныхъ школахъ. Вмѣсто катехизиса тамъ преподаютъ la morale.

[4]) О взглядѣ римско-католической церкви на выходъ изъ ея общества, какъ на одно изъ самыхъ тяжкихъ церковныхъ преступленій, см. въ названномъ выше сочиненіи Dr. Arthur B. Schmidt. стр. 3.

Богу должны быть приносимы отъ свободнаго сердца" [1]). „Богъ Владыка міра,—говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—Онъ не нуждается въ вынужденномъ послушаніи, Онъ не требуетъ вынужденнаго исповѣданія; Онъ хочетъ не лицемѣрія, а истиннаго почитанія... Истина провозглашается не мечомъ, не копьемъ, не силою войска, но путемъ убѣжденія и назиданія... Истинное благочестіе не понуждаетъ, а убѣждаетъ, ибо Господь никого не понуждалъ, но предоставлялъ выборъ свободной волѣ каждаго, говоря ко всѣмъ: „кто хочетъ послѣдовать за Мною?"—и вопрошая Своихъ учениковъ: „не хотите ли и вы отойти?" [2]). Св. Ириней Ліонскій (†202) прямо выражаетъ мысль, что церковь потому и несокрушима, что ничто не можетъ отнять у отдѣльнаго ея члена того, что воспринято дѣйствіемъ личной свободы. „Богъ,—писалъ св. Ириней,—сотворилъ человѣка свободнымъ, имѣющимъ свою власть добровольно исполнять волю Божію, а не по принужденію отъ Бога, ибо у Бога нѣтъ насилія. Богъ внушаетъ совѣтъ, увѣщевая насъ къ покорности, но не принуждая. Вѣра принадлежитъ человѣку, такъ какъ онъ имѣетъ свою собственную волю" [3]). Въ сочиненіи о мученикѣ Вавилѣ св. Іоаннъ Златоустъ высказываетъ, что христіанину не дозволено уничтожать заблужденія насиліемъ или понужденіемъ; они могутъ содѣйствовать спасенію людей только путемъ убѣжденія, разумнаго увѣщанія и оказанія услугъ любви [4]). Оружіе борьбы съ заблужденіями должно быть духовнымъ, а не матеріальнымъ: единственный мечъ, которымъ церковь можетъ пользоваться, есть слово [5]); это оружіе—любовь, соединенная съ кротостію и терпѣніемъ, любовь, желающая *всѣмъ спастися и въ разумъ истины пріити* (І Тим. 2, 4). О свободѣ вѣры позаботился Самъ Господь,—говоритъ Блунчли,—такъ какъ Онъ облекъ внутреннюю жизнь духа защищающимъ покровомъ тѣла. Люди

---

[1]) Тертулліанъ къ Саапулѣ, гл. I, 2. „Христ. Чтеніе" 1864, ч. 2, окт., стр. 161.

[2]) Dr. A. Neander. Allgemeine Geschichte der christlichen Religion und Kirche, II Band. I Abtheil. Ѳ. Г. Тернеръ. „Свобода совѣсти и отношенія государства къ церкви". Сборникъ государственныхъ знаній, подъ редакціею В. П. Безобразова. Т. III. СПБ. 1877, стр. 7.

[3]) В. Кипарисовъ. „О свободѣ совѣсти". Вып. I. Москва. 1883, стр. 74—75.

[4]) Іоаннъ Златоустъ доказываетъ безполезность принужденія и опытомъ исторіи христіанства, ибо хотя христіане были терзаемы всякимъ образомъ, вѣра ихъ возрастала еще болѣе. Когда на одномъ изъ засѣданій IV вселенскаго собора присутствующіе убѣждали знаменитаго монаха Евтихія оставить его заблужденія, онъ отвѣчалъ: „Я признаю это потому, что вы приказали". Однакоже весь святый соборъ, вставши, воскликнулъ: „по принужденію нѣтъ вѣры!" (Кипарисовъ. О свободѣ совѣсти, стр. 107). Вотъ какъ, напримѣръ, разсудили однажды епископы Сиріи, послѣ того, какъ возмущавшія христіанскую совѣсть ереси Несторія и Евтихія были исторгнуты изъ церкви, и когда гражданская власть пожелала узнать, чего бы желали они въ отношеніи къ еретикамъ: „мы пріемлемъ всѣхъ, кто вмѣстѣ съ нами соблюдаетъ отеческія преданія, а тѣхъ, кои отрицаютъ отеческую истину, осуждаемъ, *ничего болѣе не желая относительно ихъ*". (Дѣян. вселенск. собора. IV, 523. Кипарисовъ, стр. 22).

[5]) Тернеръ. Сборникъ госуд. знаній. Т. III, стр. 1.

не видятъ насквозь внутренняго святилища мысли и чувства другъ друга, а потому нѣтъ у нихъ силы властвовать надъ вѣрой отдѣльныхъ лицъ [1]).

Восточная и, въ частности, русская церковь строго слѣдовала этому примѣру и требовала отъ лицъ, къ ней присоединяющихся, свободной воли и ясно выраженнаго на то согласія [2]) (а отъ лицъ малолѣтнихъ согласія ихъ родителей). Вселенская церковь, по выраженію восточныхъ патріарховъ, не принуждаетъ, не дѣлаетъ насилія, но призываетъ, увѣщеваетъ, убѣждаетъ силою Духа Святаго [3]). Въ формулѣ отреченія, принадлежащей XVI вѣку, католика, изъявившаго желаніе присоединиться къ православію, читаемъ: „Язъ, имрекъ, иже отъ латынскія вѣры днесь прихожду ко истинному православному христіанскія непорочныя вѣры закону, преданному отъ святыхъ апостолъ и утвержденному богоносными отцы святыхъ и великихъ всея вселенныя святыхъ седми соборовъ: *прихожду не отъ нужды нѣкія и бѣды, или тѣсноты, или страха, или налога, или нищеты, или долга, или нѣкоей вещи на мя подвизаемой, или чести ради мірскія и благодарованій нѣкихъ, и богатства и стяжаній нѣкихъ, обѣщаемыхъ нѣкими, или всякаго нѣкоего прибытка, или лестію, или лицемѣріемъ, но отъ всея души и сердца чиста и неблазненна*, Христа любящи, и того истинныя, непорочныя вѣры животнаго закона желая получити“ [4]). Совершенно согласною съ православною церковью въ этомъ отношеніи была и власть государственная: „совѣсть человѣческая,—писалъ Петръ Великій въ грамотѣ польскому королю Августу II (9 марта 1718 года), по поводу насильственныхъ присоединеній православныхъ въ унію,—единому Богу токмо подлежитъ, и никакому государю не позволено оную силою въ другую вѣру принуждать“ [5]). Къ сожалѣнію, не такъ поступали иныя церкви, въ особенности церковь римско-католическая. „Двѣ разности,—говоритъ архіепископъ Филаретъ [6]),—отличали греческихъ миссіонеровъ отъ латинскихъ. Послѣдніе проповѣдывали вѣру съ мечомъ въ одной рукѣ и съ латинскою библіею

---

[1]) Bluntschli. Geschichte des Rechts der religiösen Bekenntnissfreiheit. Vortrag. Elberfeld. 1867. 5—6. „Вѣстникъ Права“. 1899. IX, стр. 89.

[2]) См. правила Кареаг. соб. 77, 80, 122 (по Книгѣ правилъ) и др. (о кроткомъ обращеніи съ донатистами). „Да по свободному произволенію каждый воспріемлетъ подвигъ христіанства“ (122-е, по Книгѣ правилъ, правило Кареаг. соб.). Аристинъ въ толкованіи на 77-е пр. Кареаг. соб. пишетъ: „Ученикамъ кроткаго и мирнаго Христа должно положить для себя заботою всячески стараться отдѣляющихся отъ каеолической церкви собирать съ кротостію и смиреніемъ и присоединять ихъ опять къ церкви..., чтобы они, устыдясь, можетъ быть, любви и кротости призывающихъ, освободились отъ своихъ узъ“. (Правила св. помѣст. соб. съ толков., стр. 583).

[3]) Послан. восточн. патр., изд. 1838 г., стр. 90. Кипарисовъ. О свободѣ совѣсти, стр. 61.

[4]) Толстой, Д., графъ. „Римскій католицизмъ въ Россіи“. СПБ. 1876. Т. I, стр. 71—73.

[5]) Толстой. Т. II, стр. 69—70.

[6]) Филаретъ. «Исторія русской церкви». Періодъ I, стр. 60—61.

въ другой [1]); а ни того, ни другого не было на Востокѣ. Въ Россіи евангельская проповѣдь не опоясывала проповѣдниковъ мечомъ, не проливала крови, не зажигала костровъ; греческій проповѣдникъ приходилъ къ Владиміру не съ войскомъ, а съ картиною страшнаго суда Божія; онъ имѣлъ дѣло только съ душою; сила его заключалась только въ силѣ слова Божія; онъ вводилъ совѣсть въ права ея надъ страстями и заблужденіями, не требовалъ земныхъ выгодъ.

VII. Каждая церковь, признавая принадлежность къ ней необходимою для спасенія, не можетъ допустить общенія лицъ, къ ней принадлежащихъ, съ послѣдователями иныхъ вѣроисповѣданій въ таинствахъ, религіозныхъ обрядахъ и, вообще, въ молитвахъ. И это совершенно справедливо съ точки зрѣнія самой церкви; иначе, допуская безразличіе въ церковномъ общеніи между людьми разныхъ вѣроисповѣданій, церковь уничтожила бы сама себя [2]). Уже ап. Павелъ не дозволялъ религіознаго общенія съ людьми, не послѣдующими апостольскому ученію [3]).

VIII. Но ни одна церковь не можетъ относиться враждебно къ лицамъ, къ ней не принадлежащимъ, и не должна забывать, что всѣ люди суть братья и ближніе. Евангеліе, которому собственно и принадлежитъ ученіе о вѣротерпимости, предписываетъ христіанамъ одинъ способъ дѣйствованія по отношенію къ людямъ, принадлежащимъ къ ложнымъ религіямъ или неправымъ христіанскимъ исповѣданіямъ: долготерпѣніе, любовное обращеніе, убѣжденіе, просвѣщеніе [4]). Ап. Павелъ тоже не допускаетъ нетерпимости въ христіанствѣ, религіозной вражды между разномыслящими, презрительнаго

---

[1]) Такъ, епископъ Таборъ (1492—1507) получилъ отъ папы разрѣшеніе, какъ для себя и своихъ преемниковъ, такъ и для всего духовенства, употреблять оружіе противъ татаръ, армянъ и православныхъ, и самъ ходилъ иногда съ мечомъ. Толстой, I, стр. 261. „Если ты въ своемъ отечествѣ запятналъ себя убійствомъ, бери крестъ, иди въ чужую землю, избей десятки людей и очистись ихъ кровью отъ своихъ грѣховъ",—таковъ былъ зовъ римско-католической церкви къ крестовому походу на Лифляндію. Что это фактъ, видно изъ того, что папа Александръ IV приказалъ 16 сентября 1256 года освободить изъ заточенія поджигателей и другихъ негодяевъ, если они примутъ участіе въ крестовомъ походѣ на Пруссію и Лифляндію; позднѣе та же привиллегія была распространена и на разбойниковъ. Vogt. III, 124. A. Grenzstein. Herrenkirche oder Volkskirche? Jurjew. 1899. стр. 13—16.

[2]) „Христ. Чтеніе", 1866, ч. 2, сент., стр. 356—357. Справедливо замѣчаютъ даже поклонники новаго государства, что религіозная терпимость, проистекающая изъ безразличія къ дѣлу религіи, находится въ близкомъ родствѣ съ преслѣдованіемъ, что индифферентизмъ есть самая опасная форма враждебности религіи. И. Бердниковъ. „Новое государство въ его отношеніи къ религіи". Рѣчь, произнесенная на торжественномъ годичномъ собраніи казанской духовной академіи 1888 г. Казань, 1888, стр. 69.

[3]) *Кто не послушаетъ слова нашего въ семъ посланіи, того имѣйте на замѣчаніи и не сообщайтесь съ нимъ, чтобы устыдить его* (II Ѳессал. 3, 14).

[4]) Протоіерей А. Ключаревъ. „Слово, сказанное 22 февраля 1876 года въ московскомъ Успенскомъ соборѣ". Тернеръ. Сборникъ госуд. знаній. Т. III, стр. 2.

или злобнаго отчужденія отъ иномыслящихъ, а внушаетъ сохранять къ нимъ братскія чувства [1]). Такъ и относились къ неправославнымъ пастыри русской церкви (напр., препод. Ѳеодосій Печерскій), слѣдуя этому апостольскому завѣту. Православная церковь не только не питаетъ никакой ненависти или презрѣнія къ разномыслящимъ съ нею въ вѣрѣ, но любитъ ихъ, любитъ не только въ человѣчествѣ, а во Христѣ, какъ призванныхъ ко спасенію и могущихъ, при нѣкоторыхъ условіяхъ,получить Божественную благодать, а также молится о соединеніи всѣхъ разномыслящихъ во единое стадо единаго Пастыря [2]).

II.

Указавъ тѣ принципіальныя положенія, которыми должны руководиться отдѣльныя вѣроисповѣданія въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, посмотримъ теперь, какъ смотрѣла на иновѣрцевъ русская церковная и государственная власть.

Хотя государство русское довольно долгое время жило замкнутою жизнію, стараясь держаться подальше отъ своихъ западныхъ сосѣдей, отъ которыхъ предки наши не ожидали ничего хорошаго, а русскіе іерархи въ сношеніяхъ съ иновѣрцами видѣли прямую опасность для православной вѣры, такъ что нѣкоторые изъ нихъ (митр. Георгій, Іоаннъ II, Никифоръ, преп. Ѳеодосій Печерскій), для отвращенія этой опасности, строго держась церковныхъ правилъ, запрещали православнымъ общеніе съ ними даже въ пищѣ и питьѣ,—однако не подлежитъ сомнѣнію, что народъ русскій вообще отличался рѣдкою вѣротерпимостью къ иновѣрцамъ.

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ объ этомъ мы приведемъ слова извѣстнаго Олеарія, посѣтившаго наше отечество въ первой половинѣ XVII столѣтія: „Не слышно,—говоритъ онъ,—чтобы русскіе насильно кого обращали въ свою вѣру; напротивъ, каждому они предоставляютъ свободу совѣсти, хотя бы это были ихъ подданные или рабы“ [3]).

Укажемъ также на нѣкоторые изъ многочисленныхъ историческихъ фактовъ, могущихъ служить тому доказательствомъ.

Когда, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ Грозномъ, опредѣлялись права жителей завоеванныхъ нами сѣверо-западныхъ областей, то сдавшимся жителямъ Дерпта (нынѣшняго Юрьева)

---

[1]) *Но не считайте его за врага, а вразумляйте, какъ брата.* (II Ѳессал. 3, 15).

[2]) „Христ. Чтеніе“ 1866, ч. 2, сент., стр. 356—357. Чувство любви обязаны вѣрующіе питать и ко всѣмъ находящимся внѣ церкви Христовой,—говоритъ еп. Сильвестръ („Ученіе о церкви“, стр. 134—137),—въ полной готовности принять ихъ, если они того пожелаютъ. „О другихъ (внѣ церкви существующихъ) молитесь: ибо есть имъ надежда покаянія, чтобы придти къ Богу“. Кипарисовъ. „О свободѣ совѣсти“. стр. 73.

[3]) Макарій. „Исторія русской церкви“. СПБ. 1882. Т. XI. кн. 2, стр. 232.

было, между прочимъ, объявлено (въ іюлѣ 1558 года): „граждане дерптскіе остаются при своей религіи аугсбургскаго исповѣданія безъ всякихъ перемѣнъ и не будутъ принуждаемы отступить отъ нея; церкви ихъ со всѣми принадлежностями остаются, какъ были, равно какъ и школы ихъ“. Такъ относились русскіе къ покореннымъ иновѣрцамъ въ то время, когда Западъ переживалъ самыя ожесточенныя религіозныя войны, съ ихъ спутниками: огульнымъ сожженіемъ протестантскихъ книгъ и храмовъ, Варѳоломеевской ночью и аутода-фе [1]).

Далѣе, когда (30 августа 1721 г.) былъ заключенъ между Россіею и Швеціей Ништадскій мирный трактатъ, по которому Швеція уступила Россіи свои права на Лифляндію, Эстляндію и островъ Эзель, всѣмъ жителямъ вновь присоединенныхъ къ Россіи земель оставлены права, привиллегіи, обыкновенія и преимущества, которыми они пользовались при шведскомъ правительствѣ; въ частности, относительно дѣлъ религіозныхъ постановлено (статья 10): „въ уступленныхъ земляхъ не имѣетъ быть введено принужденіе въ совѣсти, а напротивъ того, евангелическая вѣра, церкви и училища, и что къ тому принадлежитъ, на томъ основаніи, на которомъ при послѣднемъ свейскомъ правительствѣ были, оставлены и содержаны будутъ съ тѣмъ, однакожъ, чтобы въ нихъ и вѣра греческаго исповѣданія впредь также свободно и безъ всякаго помѣшательства могла быть отправляема“ [2]). Побѣдитель оставляетъ такимъ образомъ побѣжденнымъ полную свободу въ дѣлахъ религіозныхъ и лишь выговариваетъ такую же свободу въ отправленіи вѣры греческаго исповѣданія во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ самому себѣ.

Въ самое послѣднее время, по всеподданнѣйшему докладу синодальнымъ оберъ-прокуроромъ начертанныхъ святѣйшимъ синодомъ правилъ для руководства при разсмотрѣніи и рѣшеніи вѣроисповѣдныхъ дѣлъ о бывшихъ греко-уніатахъ холмско-варшавской епархіи, Государь Императоръ, во 2-й день іюля 1898 года, Высочайше соизволилъ, одобривъ эти правила, собственноручно начертать на нихъ слѣдующія знаменательныя слова: „Надѣюсь, что эти правила удовлетворятъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ и предотвратятъ всякую смуту, разсѣиваемую въ народѣ врагами Россіи и Православія. Поляки безвозбранно да чтутъ Господа Бога по латинскому обряду, русскіе же люди искони были и будутъ православными и вмѣстѣ съ Царемъ и Царицей выше всего чтутъ и любятъ родную Православную Церковь“ [3]).

---

[1]) На западѣ религіозныя гоненія достигали ужасающихъ размѣровъ; люди гибли сотнями и тысячами. Костры инквизиціи въ Испаніи, Италіи и Нидерландахъ, Варѳоломеевская ночь во Франціи, ужасныя казни въ Прагѣ послѣ роковой битвы на Бѣлой Горѣ... Ѳ. Тернеръ. „Свобода совѣсти и отношенія государства къ церкви“. Сборникъ госуд. знаній подъ редакціей В. П. Безобразова. Т. III, СПБ. 1877, стр. 11.

[2]) 1-е полное собр. зак., т. IV, № 3819. Въ случаѣ призыва, напр., новаго проповѣдника, община только давала знать о томъ русскимъ властямъ, а на самый выборъ эти власти не имѣли никакого вліянія.

[3]) „Церковн. Вѣдомости“, изд. при св. прав. синодѣ, 1898 г. № 31.

Однако, и при столь широкой вѣротерпимости, допускающей свободу религіи для всѣхъ вѣроисповѣданій, единою истинною спасительною вѣрою на Руси считалась только вѣра православная. Она всегда была вѣрою господствующею, тогда какъ всѣ прочія вѣры были лишь терпимы, подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы послѣдователи ихъ не нарушали правъ господствующей церкви и не совращали въ свою вѣру лицъ православныхъ [1]).

Излагая наставленія, какъ держать себя по отношенію къ чужой вѣрѣ (именно, къ латинской) и ея послѣдователямъ, препод. Ѳеодосій Печерскій въ посланіи къ великому князю Изяславу даетъ рядъ слѣдующихъ наставленій.

„Надобно,—говоритъ онъ,—всѣми мѣрами блюстися чужой вѣры, потому что только въ православной вѣрѣ можно спастись, а въ вѣрѣ латинской или сарацинской (магометанской) нельзя.

„Не должно хвалить чужой вѣры, потому что, кто хвалитъ чужую вѣру, тотъ порицаетъ свою и есть двоевѣрецъ. „Если кто скажетъ тебѣ: „ту и другую вѣру далъ Богъ",—ты отвѣчай: „развѣ Богъ двоевѣренъ?" Если бы кому пришлось и умереть за православную вѣру,—долженъ умереть, не отрицаясь отъ нея.

„Съ послѣдователями чужой вѣры не должно имѣть не только религіознаго общенія, но даже сближенія по дѣламъ брачнымъ, а также въ пищѣ и питіи [2]). Впрочемъ, если они попросятъ пищи, слѣдуетъ накормить ихъ, только въ ихъ собственныхъ сосудахъ, а не въ своихъ; въ случаѣ же крайности—и въ своихъ, которые потомъ вымыть и освятить молитвою.

„Изложивъ эти наставленія, преп. Ѳеодосій, обращаясь собственно къ князю, говоритъ: „Ты же, чадо, непрестанно хвали свою вѣру и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ христіанамъ, но и къ чужимъ; если увидишь кого-либо нагимъ, или голоднымъ, или подвергшимся какому-либо бѣдствію,—будетъ ли то еретикъ, или латынянинъ, всякаго помилуй и избавь отъ бѣды, какъ сможешь,—и ты не погрѣшишь предъ Богомъ, который питаетъ и православныхъ христіанъ, и неправославныхъ, и даже язычниковъ, и о всѣхъ печется...

---

[1]) Такъ, напр., предки наши позволяли латинянамъ жить въ русскихъ городахъ и даже открыто исповѣдывать свою вѣру. Всего болѣе исповѣдниковъ римской вѣры жило въ Кіевѣ, вѣроятно, переселившихся изъ сосѣдственной Польши, Венгріи, Богеміи. Около 1231 г. они основали даже, съ позволенія князя Владиміра Рюриковича, на оболоньѣ близъ Кіева доминиканскій Богородицкій монастырь. Допуская, однакожъ, по отношенію къ латинянамъ такую вѣротерпимость, наши князья отнюдь не позволяли имъ распространять въ Россіи свою вѣру и совращать православныхъ,—и тотъ же князь кіевскій Владиміръ Рюриковичъ, какъ только услышалъ, что пріоръ (Мартинъ Сендомирскій) и братія доминиканскаго кіевскаго монастыря начали порицать православную вѣру и восхвалять свою, немедленно выгналъ ихъ (1233) изъ обители и запретилъ туда возвращаться. Макарій. Т. III, стр. 290—291.

[2]) При этомъ преп. Ѳеодосій замѣчаетъ: «Иже кто ублюдется отъ нихъ, чисту вѣру нося, и предъ Богомъ станетъ одесную, радуясь; аще же самоволіемъ приблизится къ нимъ, то съ ними станетъ ошуюю, плачась горько».

„Когда ты встрѣтишь, что иновѣрные состязаются съ вѣрными и хотятъ лестію увлечь ихъ отъ правой вѣры,—помоги своими познаніями правовѣрнымъ противъ кривовѣрныхъ, и ты избавишь овча отъ устъ львовыхъ“.

Митрополитъ Іоаннъ II тоже не дозволялъ совершать богослуженіе вмѣстѣ съ совершающими службу на опрѣснокахъ. „Но ѣсть съ ними при нуждѣ ради любви Христовой,—говоритъ онъ,—ни мало не возбранно. Если кто хочетъ избѣгать того подъ видомъ чистоты или немощи, пусть уклонится. Остерегайтесь только того, чтобы не вышелъ изъ того соблазнъ, не родилась вражда великая и злопомнѣніе; надобно для избѣжанія бо́льшаго зла (каковы соблазнъ и вражда) избирать меньшее“ [1]).

Даже много позднѣе наши митрополиты и архіереи продолжали повторять предъ рукоположеніемъ своимъ обѣтъ, что они не позволятъ никогда въ своихъ епархіяхъ никому изъ православныхъ ни брачнаго сочетанія, ни кумовства, ни братства, какъ съ армянами, такъ и съ латинами. Приходившихъ къ намъ иновѣрцевъ, художниковъ, ремесленниковъ и другихъ охотно принимали у насъ на жительство и предоставляли имъ держаться своей вѣры безъ всякаго стѣсненія, но не дозволяли имъ имѣть свои храмы, не дозволяли входить и въ русскіе храмы.

Въ „Выпискѣ въ посольскомъ приказѣ“ читаемъ: „И Онтонію (Поссевину) сказано: „Которые торговые люди учнутъ пріѣзжать въ Московское государство римскаго закону, и священники съ ними будутъ римскаго жъ закону, и которые безъ поповъ своихъ учнутъ пріѣзжать и тѣмъ по своему закону въ мольбѣ, во всемъ воля въ своихъ домѣхъ, а ко христіанской церкве приходить не пригоже и не пустятъ, а которые римляне на Москвѣ помрутъ, и ихъ бы хоронили за городомъ на нѣмецкомъ кладбищѣ, а у церквей ихъ похоронять не доведетца и россійской вѣрѣ противно“ [2]). Новгородскимъ воеводамъ въ 1624 г. крѣпко наказывалось московскимъ правительствомъ не пускать въ православныя церкви и новгородскій кремль некрещенныхъ нѣмцевъ [3]). Олеарія и ихъ спутниковъ, заходившихъ во время путешествія въ 1634 году въ православныя церкви, немедленно выводили вонъ и выметали за ними полъ [4]). Правда, въ торжественныхъ случаяхъ, царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный приглашалъ иногда и иностранныхъ пословъ-латинянъ присутствовать при нашемъ богослуженіи,

---

[1]) Правило превосходное, апостольское! Филаретъ. «Исторія русской церкви». Періодъ I, стр. 97.

[2]) Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностр. испов. въ Россіи». Прилож., стр. IX. Поссев. De rebus Moscovit. у Старчев. II, 278. Герберштейнъ въ оба свои посольства присутствовалъ при богослуженіи въ Успенскомъ соборѣ 15 августа, т. е. въ храмовой праздникъ. („Записки о Московіи“). Но Кобенцелю государь не совѣтовалъ входить въ русскую церковь по означенной причинѣ. (De legat. ad Moscovit., у Старчев. II, 14). Макарій. Т. VIII, стр. 372, примѣч.

[3]) А. Э. III, № 184, стр. 266.

[4]) Голубцовъ. «Пренія о вѣрѣ», стр. 29.

но въ другое время самъ же совѣтовалъ не входить въ русскую церковь, чтобы не подвергнуться нареканію отъ православныхъ [1]); зато протестантамъ Іоаннъ Грозный входа въ русскую церковь вовсе не дозволялъ, имѣя, конечно, въ виду, что католики, подобно православнымъ, признаютъ и призываніе святыхъ въ молитвахъ, и поклоненіе иконамъ, а лютеране не признаютъ; пригласивъ, напримѣръ, Антонія Поссевина въ въ Успенскій соборъ, онъ тутъ же присовокупилъ: „только смотри, Антоній, не введи съ собою въ церковь кого-либо изъ лютеранъ" [2]). Ульфельдтъ, протестантъ, пріѣзжавшій посломъ датскаго короля къ намъ въ Россію въ 1575 году, также разсказываетъ о себѣ, что когда онъ въ Псковѣ пожелалъ войти въ одну монастырскую церковь, то его не впустили, какъ недостойнаго [3]). Не были допускаемы въ православные храмы даже лица, заподозрѣнныя въ нетвердости въ православіи. Когда въ 1629 году новгородскіе воеводы (Пожарскій и Глѣбовъ) спросили государя (Михаила Өеодоровича), пускать ли имъ въ Кремль или въ Софійскій соборъ, для поклоненія угодникамъ Божіимъ, русскихъ людей, которые приходятъ изъ уступленныхъ Швеціи городовъ и уѣздовъ, и сами просятъ о томъ, — отъ государя послѣдовалъ приказъ, чтобы воеводы предварительно развѣдывали, не пошатнулись ли эти русскіе люди въ православіи и не пристали ли къ лютеровой вѣрѣ: тѣхъ, которые окажутся еще твердыми въ православіи, пускать въ церкви, находящіяся въ посадѣ, но не въ Кремль и не въ Софійскій соборъ; и тѣхъ, которые уже пошатнулись въ православіи и пристали къ лютеровой вѣрѣ, не пускать и въ посадскія церкви, чтобы „нашей православной вѣрѣ поруганья не было" [4]). Не дозволялось также и православнымъ входить въ неправославные храмы и участвовать въ богослуженіи съ

---

[1]) Старецъ Троице-Сергіевой лавры, Арсеній Сухановъ, посланный царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ и патріархомъ Іосифомъ на Востокъ для изученія тамошнихъ церковныхъ чиновъ и обрядовъ, тоже укорялъ грековъ въ нарушеніи церковныхъ правилъ относительно религіознаго общенія съ лицами неправославными. «Св. апостолы», говорилъ онъ, «въ своихъ правилахъ повелѣли вѣрнымъ съ еретиками не молиться въ церкви, а вы, греки, молитесь въ одной церкви съ армянами, римлянами и франками, и святыню имъ даете на обѣдни». Макарій. Т. XI, стр. 150.

[2]) Поссев. у Старч. II. 300, 315. Vide, Antoni, ne lutheranum aliquem in ecclesiam inducas. Макарій. Т. VIII, стр. 411, примѣч.

[3]) Legat. Moscovit. у Старч. 1, 6. Макарій Т. VIII, стр. 411. Во время преній о вѣрѣ, вызванныхъ дѣломъ королевича Вольдемара и царевны Ирины Михайловны, на вопросъ Юрія Лонга, состоявшаго въ свитѣ Вольдемара: «Почему насъ не пускаютъ въ вашу соборную церковь? Еслибы пускали, многіе изъ насъ, видя ваше благочестіе, молитвы и чинъ церковный, стали бы принимать православную вѣру», — Успенскій ключарь Иванъ Насѣдка отвѣчалъ: «Людей благочестивыхъ, пріѣзжающихъ въ Москву съ грамотами отъ своего начальства, въ которыхъ написано, что они правильно содержатъ христіанскую вѣру, у насъ пускаютъ въ соборную церковь Божію служить и молиться; но кто окажется съ примѣсомъ еретическимъ, тѣхъ не только что въ церковь Божію, но и въ домъ святительскій не пускаютъ, и таковые съ ними, христіанами, никакого общенія не имѣютъ». Голубцовъ. «Пренія вѣрѣ», стр. 202.

[4]) Макарій. Т. XI, стр. 22—23. Голубцовъ. «Пренія о вѣрѣ», стр. 29—30.

лицами неправославными. Такъ, напримѣръ, великій князь Іоаннъ III, отправляя свою дочь въ Литву, между прочимъ, наказалъ ей: если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александрова, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою божницу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божницы, и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божницу не ходить [1]).

Въ „Словѣ на латиновъ и лютеровъ" [2]), появившемся въ самомъ концѣ XVII столѣтія, приводится, между прочимъ, одно интересное въ этомъ отношеніи повѣствованіе. Въ монастырѣ св. Θеодосія,—говорится здѣсь,—жилъ одинъ инокъ, который по неразумѣнію заходилъ въ церкви, какія попадались ему: египтянъ, армянъ и другихъ еретиковъ. Явился ему ангелъ и спросилъ: „Скажи, старче, когда умрешь, какъ хочешь, чтобъ тебя погребли—по-египетски, армянски, т. е. еретически, или по-іерусалимски?" Старецъ отвѣчалъ: „не знаю".—„Подумай о томъ, приду къ тебѣ черезъ три недѣли, и ты повѣдай мнѣ",—сказалъ ангелъ. Пошелъ старецъ къ другому монаху и сообщилъ ему о сновидѣніи. Этотъ разъяснилъ ему, что, посѣщая иновѣрныя церкви, онъ дѣлается чуждымъ своей, апостольской, и совѣтовалъ ему отвѣтить ангелу, что желаетъ быть погребеннымъ по-іерусалимски. Инокъ такъ и поступилъ. Снова явившійся ангелъ сказалъ ему: „добро, ты освободилъ свою душу отъ муки". Это намъ въ поученіе, чтобы мы не слушали пѣнія еретическаго, латинскаго, армянскаго, лютерскаго и другого, чтобы ходили въ однѣ свои церкви, да не погубимъ труда добродѣтельнаго и съ нечестивыми не будемъ осуждены отъ Господа [3]).

Даже въ обыкновенныхъ житейскихъ отношеніяхъ русскіе старались избѣгать иновѣрцевъ, не ожидая отъ близости къ нимъ ничего хорошаго. Въ житіи преп. Агапита Печерскаго, врача безмезднаго, разсказывается, что въ Кіевѣ, въ концѣ XI или въ началѣ XII вѣка, былъ знаменитый врачъ, „родомъ и вѣрою армянинъ", какого прежде не бывало; что этотъ врачъ, завидуя славѣ преп. Агапита, врачевавшаго, научилъ „иновѣрники своя" поднести иноку смертное зелье, которое однакожъ оказалось безвреднымъ, и что впослѣдствіи, когда армянинъ пришелъ къ Агапиту и послѣдній хотѣлъ угостить его своею скудною пищею, армянинъ сказалъ: „Мы, отче, сего мѣсяца четыре дня постимся, и нынѣ у насъ постъ". Тогда Агапитъ спросилъ: „Да кто ты и какой вѣры?" Гость отвѣчалъ: „Развѣ ты не слышалъ обо мнѣ, что я армянинъ?" Послѣ этого преподобный воскликнулъ: „какъ же смѣлъ ты войти и

---

[1]) С. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ». Т. V. М. 1872 г., стр. 133.

[2]) См. «Чтенія въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ». Москва, 1884. кн. III, отд. II, стр. 10—32. Памятникъ этотъ найденъ проф. Амфіаномъ Лебедевымъ. См. его предисловіе, стр. I—VI.

[3]) Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи», стр. 223—224.

осквернить келлію мою и держать за грѣшную мою руку? Изыди отъ мене, иновѣрне и нечестиве" [1]).

Въ одномъ изъ посланій къ псковичамъ митрополитъ Фотій (въ началѣ XV вѣка) заповѣдуетъ, чтобы православные не вкушали удавленины и чтобы съѣстные припасы, приносимые изъ нѣмецкой земли, вино, хлѣбъ, овощи, предварительно были очищаемы молитвой отъ іерея и потомъ употребляемы въ пищу [2]).

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича „донесено было великому государю, царю Михаилу Ѳеодоровичу, и великому господину святѣйшему Филарету... что въ Москвѣ и въ городахъ православные христіане служатъ иновѣрцамъ и некрещеннымъ, чужестранцамъ, нѣмцамъ, и, живя у нихъ, впадаютъ въ предразсудки, нарушеніе вѣры и разныя низости; къ умирающимъ не бываетъ свободнаго доступа духовному отцу; живые принуждены бываютъ ѣсть мясо въ четыредесятницу и другіе посты. Посему повелѣно, чтобы всѣ православные оставили домы некрещенныхъ чужестранцевъ и впредъ не были бы у нихъ, дабы не осквернялись души христіанскія и не умирали безъ духовныхъ отцовъ [3]). Это повелѣніе подтверждено было въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича 1649 г., причемъ Уложеніе не только запрещало русскимъ жить у иноземцевъ, по крѣпостямъ и добровольно, но и грозило ослушникамъ жестокимъ наказаніемъ, „чтобы не повадно было такъ дѣлать" [4]). Уже въ царствованіе преобразователя Россіи Петра Великаго случился такой интересный фактъ: патріархъ Іоакимъ, приглашенный однажды (28 февраля 1690 г.) за торжественный столъ, рѣшительно отказался присутствовать, если будутъ допущены иноземцы, и царь долженъ былъ уступить патріарху. Приближаясь къ смерти (†17 марта 1690 года), онъ составилъ духовное завѣщаніе [5]), въ которомъ, вмѣстѣ съ заповѣдью государямъ, какъ своимъ духовнымъ дѣтямъ, оставаться вѣрными православію, онъ молилъ ихъ, чтобы они не допускали русскихъ до дружбы съ иновѣрцами, латинянами, лютеранами, кальвинами и другими, и настрого воспретили, чтобы иноземцы, „пришедъ сюда, въ благочестивое царство, вѣръ своихъ не проповѣдывали, во укоризну о вѣрѣ не разговаривали бы ни съ кѣмъ, и обычаевъ своихъ иностранныхъ и по своимъ ихъ ересямъ на прелесть христіанамъ не вносили бы"; просилъ также не опредѣлять ихъ на высшія должности ни въ войскѣ, ни въ судѣ, а также не дозволять строить имъ „мольбищныхъ по прелестямъ ихъ сборищъ еретическихъ"; а какія уже и есть,

---

[1]) Макарій. Т. II, стр. 323—324.

[2]) Макарій. Т. V, стр. 29.

[3]) Филаретъ. „Исторія русской церкви". Періодъ IV, стр. 194, примѣч. 289.

[4]) Голубцовъ. «Пренія о вѣрѣ», стр. 348.

[5]) Рукопись Моск. Синод. Библ. № 422, л. 24—30. Житіе и завѣщаніе святѣйшаго патріарха Московскаго Іоакима. Изд. Общ. Древ. Письмен. 1879 г. № XLVII. стр. 120—138.

и тѣ годно было бы снести, потому что въ нихъ много чинится хулы на православную вѣру и на русскихъ, и такъ какъ въ самыхъ иностранныхъ государствахъ нѣтъ ни одной православно-русской церкви [1]).

Говоря объ отношеніяхъ русскихъ къ иновѣрцамъ, мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что въ частности, къ католикамъ русское общество и правительство относилось строже, чѣмъ къ другимъ иновѣрцамъ, хотя никогда не посягало на свободу ихъ совѣсти.

Причинами такого отношенія къ католикамъ было, во 1-хъ, ихъ постоянное стремленіе къ прозелитизму, т. е. пропагандѣ католицизма среди русскихъ, и, во 2-хъ, тѣ бѣдствія, которыя терпѣла Русь отъ католической Польши, особенно въ смутное время, а также тѣ гоненія, которыя терпѣли отъ католиковъ православные, подпавшіе подъ власть Польши.

Римско-католическую церковь никогда не покидала мысль подчинить себѣ Россію. Во всѣхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ нашего отечества, при всѣхъ его бѣдствіяхъ, римскіе папы старались пользоваться несчастіемъ Россіи для обращенія ея въ католицизмъ. Попытки римскаго двора въ распространеніи латинства въ Россіи относятся еще къ первой половинѣ XIII вѣка. Въ самый годъ взятія Константинополя (1204) является папскій легатъ къ галицкому князю Роману съ предложеніемъ перейти въ латинство и обѣщаніемъ за то разныхъ свѣтскихъ выгодъ. Но посольство это было неудачно [2]). Столь же неудачною была попытка обратить въ римскій католицизмъ великаго князя Александра Невскаго. Въ 1248 году папа Иннокентій IV прислалъ къ этому князю двухъ кардиналовъ съ посланіемъ, въ которомъ объяснялъ ему, что, съ подчиненіемъ Риму, власть его не только не уменьшится, но значительно увеличится. „Мы знаемъ истинное ученіе церкви,— отвѣчалъ Александръ папѣ,—а вашего не пріемлемъ и знать не хотимъ". Въ 1255 году тотъ же папа Иннокентій IV прислалъ галицкому князю Даніилу вѣнецъ королевскій, только чтобы онъ принялъ его отъ римскаго двора; послы папы обѣщали ему „помощь имѣти ти отъ папы". Даніилъ, думая получить чрезъ посредство папы помощь противъ татаръ, рѣшился принять отъ него вѣнецъ, но вскорѣ, обманувшись въ этой надеждѣ, прервалъ съ нимъ всякія сношенія.

Убѣдившись вѣковымъ опытомъ въ безуспѣшности склонить русскихъ къ латинству ласками, папы стали дѣйствовать иначе, то запрещая католическимъ государямъ всякіе союзы съ русскими князьями, то возбуждая ихъ воевать противъ рус-

---

[1]) Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностр. испов. въ Россіи», стр. 245—246.

[2]) Извѣстенъ отвѣтъ Романа послу папскому. Обнаживъ свой мечъ. Романъ спросилъ легата: «таковъ ли мечъ Петровъ у папы? Если такой, то онъ можетъ брать имъ города и дарить другимъ. Но это противно слову Божію, ибо имѣть такой мечъ и сражаться имъ Господь запретилъ Петру. А я имѣю мечъ, отъ Бога мнѣ данный, и пока онъ при бедрѣ моемъ, дотолѣ не имѣю нужды покупать себѣ города иначе, какъ кровью, по примѣру отцовъ и дѣдовъ моихъ, распространившихъ землю русскую». Гр. Д. Толстой. Т. I, стр. 5—6.

скихъ. Такъ, въ 1351 году папа Климентъ VI проповѣдывалъ крестовый походъ противъ русскихъ, возбуждая къ тому и рыцарей тевтонскаго ордена [1]), и, подъ страхомъ отлученія отъ церкви, предписалъ всему польскому духовенству уплачивать въ теченіе четырехъ лѣтъ десятину на войну противъ русскихъ [2]). Съ тою же цѣлью обратить Россію въ католичество, папа Павелъ II устроилъ въ 1472 г. бракъ племянницы послѣдняго греческаго императора Константина Палеолога, Софіи, съ великимъ княземъ Іоанномъ III Васильевичемъ, причемъ съ царевною Софіею посланъ былъ въ Россію легатъ Антоній. Но и на этотъ разъ римскій дворъ совершенно ошибся въ своихъ расчетахъ. Софія сдѣлалась въ Москвѣ ревностною православною и вмѣстѣ съ своимъ царственнымъ супругомъ [3]) энергически поддерживала свою дочь Елену, вышедшую замужъ за великаго князя литовскаго Александра, сохранять православіе, несмотря на всякаго рода притѣсненія и принужденія къ принятію римской вѣры.

Но особенную ревность и настойчивость въ дѣлѣ совращенія Россіи въ католичество обнаружилъ іезуитъ Антоній Поссевинъ, присланный папою Григоріемъ XIII въ 1581 г. въ Россію для содѣйствія примиренію Іоанна IV съ Баторіемъ. Этотъ уже испытанный въ искусствѣ совращенія іезуитъ, склонившій, какъ утверждаютъ, въ 1577 г. шведскаго короля Іоанна скрытно перейти изъ лютеранства въ католичество, хорошо сознавалъ всю важность для римской церкви совращенія Россіи къ своимъ догматамъ. Обращеніе Россіи было бы, по его словамъ, не только важно само по себѣ, но и потому также, что только чрезъ нее могла тогда проникнуть римская пропаганда на востокъ, по относительному удобству, дешевизнѣ и безопасности пути, чего нельзя достигнуть безъ религіознаго союза съ Россіею [4]). Онъ желалъ воспользоваться тогдашнимъ затруднительнымъ положеніемъ Россіи, но не успѣлъ достигнуть своей цѣли [5]), такъ какъ Іоаннъ IV,

---

[1]) Тамъ же, стр. 4—8.

[2]) Тамъ же, стр. 185—186, прим.

[3]) Въ 1499 г. великій князь Иванъ Васильевичъ, посылая въ Литву боярскаго сына Ивана Мамонова, велѣлъ ему сказать Еленѣ наединѣ: «дошелъ до насъ слухъ, что мужъ твой, Александръ, нудитъ тебя и другихъ людей отступить отъ своего греческаго закона къ римскому. Ты въ этомъ мужа своего не слушай; пострадай до крови и до смерти, но къ римскому закону не приступай; чтобы отъ Бога душою не погибнуть, а отъ насъ и всего православнаго христіанства не быть въ проклятіи и сраму отъ иныхъ вѣръ православію не дѣлай. Извѣсти насъ обо всемъ этомъ, правда ли то, и мы тогда пошлемъ къ мужу твоему, зачѣмъ онъ дѣлаетъ противъ своего слова и обѣщанія». Тоже писала къ Еленѣ Ивановнѣ и мать ея Софья Ѳоминишна (Палеологъ), сама устоявшая отъ совращенія въ римскій законъ. (Макарій, т. IX стр. 96).

[4]) Толстой. Т. I, стр. 64.

[5]) Въ отвѣтъ на домогательство Антонія Поссевина о разрѣшеніи построить въ Москвѣ католическую церковь, ему было объявлено, что «римляномъ и венеціяномъ, и Цесаревы области торговымъ людемъ въ Московское государство пріѣзжать и торговать вольно и попамъ съ ними ихъ вѣры ѣздить воля безо всякаго возбраненія, только имъ ученія своего русскимъ людемъ не плодить и костеловъ имъ въ государствѣ Московскомъ не ставить, койждо во своей вѣрѣ да пребываетъ;

обнаружившій рѣдкую политическую мудрость, воспользовавшись его услугами и заключивъ при помощи его миръ съ Баторіемъ, самъ возымѣлъ мысль обратить Поссевина въ православіе.

Болѣе строгое отношеніе русскихъ къ католикамъ вызвано было, какъ мы сказали, также тѣми гоненіями за православную вѣру, которымъ подвергались православные, подпавшіе подъ власть Литвы и Польши. Торжественное обѣщаніе (1387 г.) литовскаго короля Ягайла, давшаго обѣтъ и клятву привлечь, даже принудить къ повиновенію римской церкви всѣхъ литовцевъ обоего пола и всякаго званія, къ какой бы они вѣрѣ ни принадлежали, было первымъ открытымъ вызовомъ православію. Цѣлый рядъ насильственныхъ мѣръ, до смертной казни включительно, долженъ былъ устрашить „схизматиковъ" литовско-русскаго государства и побудить ихъ перейти въ лоно римско-католической церкви [1]). „Отягощенія и насилія,— писала позднѣе литовская конфедерація 1599 года, жалуясь на бѣдственное положеніе православныхъ,—при введеніи уніи въ Польшѣ умножаются болѣе и болѣе, особенно со стороны духовенства и нѣкоторыхъ свѣтскихъ лицъ римскаго исповѣданія. Часто бываетъ, что ни въ одномъ углу цѣлаго государства ни одинъ изъ насъ, какого бы званія ни былъ, не бываетъ въ безопасности. Наши церкви, монастыри, соборы большею частью уже захвачены, разорены и опустошены, притомъ съ грабежомъ и мучительствомъ, съ убійствами и кровопролитіемъ, съ неслыханными ругательствами надъ живыми и мертвыми. Духовныя лица наши за твердость въ исповѣданіи терпятъ разныя преслѣдованія; на нихъ нападаютъ въ собственныхъ домахъ, ихъ грабятъ, позорятъ, ссылаютъ, лишаютъ собственности" [2]).

Послѣ сказаннаго становится понятнымъ, почему русскіе, относившіеся съ полною терпимостью ко всякимъ вѣрамъ, отличались большею строгостію къ католикамъ, относились къ нимъ даже непріязненно [3]), какъ о томъ согласно свидѣтель-

---

а грамотою утверждать не для чего; а въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и великій государь у нихъ ни у кого воли не отъимаетъ: живутъ по своей вѣрѣ, какъ кто хощетъ, а мольбищъ никакихъ еще по се время никоторыя вѣры въ Московскомъ государствѣ не ставливали». Д. Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи». Прилож. II, 2, стр. VIII.

[1]) Чтобы литовцы, еще неофиты въ католической вѣрѣ, какимъ-либо образомъ не были отклонены отъ покорности римской церкви, Ягайло строго запрещаетъ литовцамъ обоего пола вступать въ брачные союзы съ русскими иначе, какъ только подъ условіемъ, чтобы сами русскіе предварительно обратились къ римской церкви. Если же, несмотря на это запрещеніе, кто-либо изъ русскихъ обоего пола, не отказываясь отъ своего обряда, вступитъ въ союзъ съ литвинкою или литвиномъ, исповѣдующими католичество, то брака не расторгать, но русскихъ непремѣнно склонить и даже принудить къ покорности римской церкви, хотя бы и тѣлесными наказаніями (poenis corporalibus). Макарій, т. V, стр. 334.

[2]) Филаретъ архіеп. черниговскій. «Исторія русской церкви». Періодъ IV, стр. 106, 107.

[3]) Такъ относился къ нимъ не только простой народъ, но и люди ученые, каковъ былъ, напр., Максимъ Грекъ. Макарій. т. VIII, стр. 370.

ствуютъ сами пріѣзжавшіе въ Россію иностранцы [1]). Такъ, пріѣзжавшій въ Россію въ царствованіе царя Алексѣя Михаиловича Олеарій писалъ: „они (т. е. русскіе) терпятъ всякаго рода вѣроисповѣданія и охотно ведутъ дѣла съ разными народностями, съ лютеранами, кальвинистами, армянами, татарами, персіанами и турками, но папистовъ и жидовъ не любятъ... Ненависть русскихъ къ латинской церкви исконная и какъ-бы прирожденная; предки ихъ приняли отъ грековъ и передали ее въ наслѣдство потомкамъ" [2]).

Особенно усилилась эта ненависть со времени самозванцевъ, когда латиняне-поляки причинили столько зла Россіи и русской церкви и іезуиты пытались насадить латинство въ самой Москвѣ [3]), а положеніе православныхъ, находившихся подъ властью Польши, сдѣлалось еще невыносимѣе [4]).

„Съ насъ снимаютъ послѣднюю рубашку,—говорили православные учители церкви объ іезуитахъ, вводившихъ унію въ Литвѣ и гнавшихъ православную церковь,—мы ее отдаемъ съ радостью, останемся голыми, но съ чистою душою (Палинодія, изд. 1621 года, часть 4, раздѣлъ 1, артикулъ 2) [5]).. „Трудно изобразить,—говоритъ преосв. Филаретъ о положеніи православія въ Польшѣ уже въ первой половинѣ XVIII столѣтія,—всѣ жестокости, какія дозволяли себѣ дѣлать противъ православія. Не оставалось позорнаго имени, которымъ не клеймили бы публично православныхъ. Теперь вѣру ихъ называли уже не только „холопской вѣрою", но вѣрою „аріанскою, собачьею". Украйна и Бѣлоруссія назывались partes

---

[1]) Уже упомянутый нами іезуитъ Антоній Поссевинъ писалъ: «Московиты до того не любятъ латинянъ, что, если желаютъ кому бѣды, то говорятъ: чтобы тебѣ сдѣлаться латиняномъ». Макарій, т. VIII, стр. 372—373.

[2]) Толстой, т. 1, стр. 95. Макарій, т. XI, стр. 232.

[3]) Одинъ изъ бывшихъ въ это время въ Москвѣ іезуитовъ писалъ: «О, когда бы милосердый Богъ сжалился и надъ этимъ народомъ и открылъ бы для него хляби Своей благодати, то мы захватили бы въ сѣти Господни обильный ловъ рыбы и дали бы знакъ и своимъ сотоварищамъ, чтобы они пришли и помогли намъ!» Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи», стр. 297.

[4]) Ученый виленскій монахъ Мелетій Смотрицкій, бывшій учителемъ братской школы, горько оплакивалъ бѣдствія православной церкви въ своемъ блестящемъ сочиненіи «Ѳриносъ, т. е. плачъ церкви восточной» (изд. 1610 г.), которое поразило своей печальной правдой самихъ латинянъ и считалось самымъ опаснымъ сочиненіемъ для католической церкви. Главная сила гоненія на православіе сосредоточивалась въ Литвѣ, Волыни и Галиціи. «Уже въ большихъ городахъ,—говорилъ волынскій депутатъ Лаврентій Древинскій на сеймѣ 1620 г.,—церкви запечатаны, церковныя имѣнія расхищены, въ монастыряхъ нѣтъ монаховъ,—тамъ скотъ запираютъ. Дѣти мрутъ безъ крещенія; покойниковъ вывозятъ изъ городовъ безъ погребенія, какъ падаль; мужья съ женами живутъ безъ благословенія; народъ умираетъ безъ причащенія. Такъ дѣлается въ Могилевѣ, Оршѣ, Минскѣ. Во Львовѣ неуніатъ не можетъ къ цеху приписаться; къ больному со св. Тайнами открыто идти нельзя. Въ Вильнѣ тѣло православнаго покойника нужно вывозить въ тѣ только ворота, въ которыя изъ города вывозятъ нечистоты»... П. Знаменскій. «Руководство къ русской церковной исторіи». Казань. 1888, стр. 172—173.

[5]) Толстой, т. I, стр. 215. 219.

infidelium, „странами невѣрныхъ"; туда отправлялись толпы базиліанъ и доминиканцевъ, въ видѣ миссіонеровъ, а имъ на помощь спѣшили мечъ и инквизиція. Православныхъ священниковъ привязывали къ столбамъ, били плетьми, сажали въ тюрьмы, морили голодомъ, травили собаками, рубили имъ саблями пальцы, ломали руки и ноги; кто и затѣмъ оставался еще въ живыхъ, но не хотѣлъ уніи, тѣхъ выгоняли изъ домовъ, и пріюта изгнаннымъ и семействамъ ихъ не смѣло давать состраданіе... На монастыри днемъ дѣлали нападенія, грабили или жгли ихъ, монаховъ терзали, чѣмъ могли, часто убивая до смерти. Деревенскихъ обывателей и мѣщанъ мучили безчеловѣчными пытками, чтобы сдѣлать уніатами или римлянами... Жиды арендаторы несказанно мучили народъ, грабили утварь церковную, священниковъ предавали суду и казни. Самые архипастыри Могилева чего не вытерпѣли? [1]).

Такъ, со всею кровожадностью испанской инквизиціи обращали православныхъ къ папѣ [2]). Послѣ того русскіе старались удаляться латинянъ и не пускать ихъ къ себѣ. Въ царствованіе Михаила Өеодоровича являлся въ Россію посолъ Людовика XIII, Людвигъ Гай, для установленія торговыхъ связей съ французами. Вопросъ о дозволеніи французамъ торговли въ Россіи былъ тѣсно соединенъ съ вопросомъ о вѣрѣ. Людвигъ Гай просилъ разрѣшенія построить въ Москвѣ костелъ для французскихъ подданныхъ и держать имъ у себя поповъ и учителей своей вѣры; но во всемъ этомъ ему было отказано „накрѣпко" [3]). Въ 1631 году, предъ началомъ войны съ Польшей, царь Михаилъ Өеодоровичъ, отправляя за границу для найма ратныхъ людей въ русскую службу своихъ уполномоченныхъ, далъ имъ наказъ нанимать солдатъ шведскаго и иныхъ государствъ, кромѣ французскихъ людей, „а французовъ и иныхъ, которые папежской вѣры", отнюдь не нанимать". Когда же, не смотря на то, среди приглашенныхъ иноземныхъ офицеровъ оказалось нѣсколько католиковъ, тотчасъ же, вознаградивъ за проѣздъ, съ надежными проводниками выпроводили ихъ обратно" [4]). Въ условіяхъ договора, заключеннаго въ 1634 году съ голштинцами о дозволеніи имъ вести торговлю чрезъ Россію съ Персіею и имѣть въ Россіи складочныя мѣста, прямо было сказано: „костеловъ имъ своей вѣры на тѣхъ мѣстахъ, которыя имъ будутъ даны, и на торговыхъ дворахъ, которые они купятъ въ указанныхъ имъ городахъ, по одному двору, не ставить, пѣнье по своей вѣрѣ совершать на домахъ, а не въ костелахъ, и римской вѣры поповъ и учителей и никакихъ латинской вѣры людей съ

---

[1]) Филаретъ. „Исторія русской Церкви". Періодъ V, стр. 119—122.

[2]) Филаретъ. «Исторія русской церкви». Періодъ IV, стр. 115.

[3]) „Вѣры у французскихъ торговыхъ людей,—говорили бояре,—царское величество не отнимаетъ, оставаться имъ всякому въ своей вѣрѣ, но попамъ и учителямъ, ксендзамъ, іезуитамъ и службѣ римской для нихъ въ Россійскомъ государствѣ нигдѣ не быть". Д. Цвѣтаевъ. „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи", стр. 304.

[4]) Цвѣтаевъ. Тамъ же, стр. 305.

собою имъ въ Московское государство не привозить и тайно у себя не держать, а кто привезетъ и станетъ держать тайно, тѣхъ казнить смертью [1]).

Такое отношеніе къ католицизму, вызванное самозащитою отъ натиска съ его стороны [2]), не касалось областей, присоединяемыхъ къ Московскому государству путемъ завоеваній. Напримѣръ, въ Андрусовскомъ договорѣ 1666 года, между прочимъ, сказано, что жители уступленныхъ отъ Польши городовъ „свободно могутъ имѣть употребленіе вѣры католической безъ всякаго въ отправленіи богомолія своего въ домахъ своихъ затрудненія“ [3]).

Съ воцареніемъ Петра Великаго, положеніе католиковъ въ Россіи измѣнилось къ лучшему. Относясь довольно равнодушно къ древнему русскому благочестію и въ то же время постоянно нуждаясь въ услугахъ иностранцевъ для проведенія въ жизнь намѣченныхъ реформъ, великій преобразователь Россіи указомъ 16 апрѣля 1702 г. провозгласилъ принципъ полной свободы вѣроисповѣданія. „Совѣсти человѣческой, — говорится въ этомъ указѣ, — приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“ [4]). Однако, и Петръ Великій, не смотря на всѣ старанія и просьбы, въ началѣ своего царствованія не разрѣшалъ католикамъ строить костелы и имѣть постоянныхъ священниковъ. Не успѣвши достигнуть своихъ желаній законнымъ путемъ, жившіе въ это время въ Россіи католики-иностранцы, пользуясь покровительствомъ любимца Петра — Гордона, ревностнаго католика, стали дѣйствовать произвольно и, не довольствуясь предоставленнымъ имъ правомъ отправлять богослуженіе въ частныхъ домахъ, тайно построили въ Москвѣ костелъ и начали совершать въ немъ богослуженіе открыто [5]).

---

[1]) Цвѣтаевъ. „Вѣроисповѣдное положеніе протестантскихъ купцовъ въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ“. Москва, 1885 г., стр. 34—35.

[2]) Охраненіемъ чистоты и неприкосновенности православія, а отнюдь не какой-нибудь нетерпимостью объясняются эти стремленія правительства ограничить иностранцевъ отправленіемъ только домашняго богослуженія и постоянные отказы его въ разрѣшеніи постройки сначала деревянныхъ, а потомъ и каменныхъ церквей. Что такъ именно смотрѣли русскіе на вопросъ о построеніи иностранныхъ церквей, подтверждаетъ упомянутое выше „Слово на латиновъ и лютеровъ“ (Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ. Москва, 1884 г. Кн. III, отд. II, стр. 10—32). Авторъ его разсуждалъ, что попустить лютеранамъ и католикамъ строить кирки и костелы и отправлять въ нихъ службу,— значитъ дать имъ способъ учить и развращать „къ своей погибельной ереси“, а для русскихъ устроить соблазнъ и большой поводъ къ со-ѣнію въ вѣрѣ греческаго закона. Многіе, вѣдь, скажутъ, что если бы дѣли неправоту вѣры у латинянъ и лютеранъ, то не повелѣли, а претили бы имъ сооружать костелы или кирки и совершать въ нихъ ужбу. И отъ этого будетъ „своей православной греческой вѣрѣ ру-тельство, укоризна и поношеніе“. Тамъ же, стр. 13.

[3]) Первое полн. собр. зак. Т. 1. № 398.

[4]) М. И. Мышъ. „Объ иностранцахъ въ Россіи“. Спб., стр. IX.

[5]) По наведеннымъ справкамъ, посольскій приказъ сообщалъ: „тѣ ендзы съ 1602 г. живутъ въ Нѣмецкой слободѣ на купленномъ дворѣ

Въ царствованіе императрицы Екатерины II, въ основаніе отношеній правительства къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ въ Имперіи положено было самое широкое начало вѣротерпимости. „Въ столь великомъ государствѣ,—говорилось въ Наказѣ Екатерины,—распространяющемъ свое владѣніе надъ столь многими разными народами, весьма бы вредный для спокойствія и безопасности гражданъ былъ порокъ—запрещеніе имъ различныхъ вѣръ“. Въ 1773 году въ одномъ указѣ св. синода императрица внушала: „Какъ Всевышній Богъ на землѣ терпитъ всѣ вѣры, языки и исповѣданія, то и ея величество изъ тѣхъ же правилъ, сходствуя Его св. волѣ, въ семъ поступать изволитъ, желая только, чтобъ между ея подданными всегда любовь и согласіе царствовали“ [1]). И дѣйствительно, послѣ возсоединенія съ Россіею Западнаго края, по тремъ раздѣламъ Польши, католическому населенію вновь присоединенныхъ областей предоставлена была полная свобода вѣры, а бытъ католическаго духовенства, благодаря заботамъ императрицы, даже улучшенъ. Одинъ духовный писатель того времени говоритъ: „благодушіе императрицы къ католикамъ превзошло все, что можно было ожидать отъ государыни, непринадлежащей къ римско-католической вѣрѣ. Когда мы вспомнимъ, что эта государыня строила на собственный счетъ великолѣпные костелы для католиковъ въ то время, когда римско-католическіе государи отнимали у нихъ церкви, построенныя ихъ царственными предками, то должны будемъ согласиться, что римско-католическая церковь обязана глубокою признательностью императрицѣ Екатеринѣ; если же Римъ этого не чувствуетъ, то онъ предъ цѣлымъ свѣтомъ доказываетъ свою неблагодарность: римско-католики въ Бѣлоруссіи столь же свободны въ дѣлахъ вѣры, какъ католики въ Албанумѣ и Фраскати“ [2]). Нѣсколько позднѣе, въ циркулярѣ, разосланномъ духовенству въ началѣ 1807 года, по случаю союза Россіи съ Пруссіею противъ Наполеона, митрополитъ Сестреневичъ могъ со всею справедливостью сказать: мы исповѣдуемъ вѣру свою въ Россіи

Франца Гвасконія, размножаютъ свою римскую вѣру, учатъ малыхъ дѣтей римскаго исповѣданія, для богомолія и училища построили на томъ дворѣ деревянный костеликъ и римское богомоліе отправляютъ явно, а не въ домахъ“. Цвѣтаевъ. „Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи“, стр. 427—428.

[1]) П. Знаменскій. „Руководство къ русской церковной исторіи“. Казань, 1888 г., стр. 371.

[2]) Между тѣмъ, притѣсненія православныхъ не прекращались даже и послѣ раздѣла Польши: „Нынѣ увѣдомляемся,—говорится въ одномъ указѣ 1797 года (1-ое полное собр. зак., т. XXIV, № 17,879),—что въ нѣкоторыхъ присоединенныхъ отъ Польши къ державѣ нашей губерніяхъ духовенство и помѣщики римско-католическаго вѣроисповѣданія, обращая во зло данную отъ насъ свободу исповѣданія вѣры, явнымъ образомъ притѣсняютъ священнослужителей православныя грекоросскія Церкви, и не токмо тайно внушеніями, но даже и насильственно отторгаютъ отъ Церкви сей людей добровольно къ ней прилѣпившихся, обращая ихъ къ уніатству“. Толстой, т. II, стр. 149—150.

безъ малѣйшихъ стѣсненій и съ такою свободою, какъ бы она была вѣрою господствующею [1]).

Полною вѣротерпимостью пользовались въ Россіи послѣдователи всѣхъ прочихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, въ частности протестанты и кальвинисты.

Протестанты появились въ Россіи вскорѣ послѣ введенія реформаціи на западѣ. Между вызванными съ запада въ последніе годы княженія Василія Іоанновича (1524—1533) ремесленниками, торговыми людьми, художниками, врачами и аптекарями встрѣчаются уже послѣдователи лютеровой вѣры, или, какъ вообще называли ихъ у насъ, „нѣмцы". Въ царствованіе Іоанна Грознаго мы находимъ немало нѣмцевъ-протестантовъ не только въ Москвѣ, но и въ другихъ городахъ Россіи, и уже въ 1575 году, по просьбѣ герцога Магнуса, жениха царской племянницы, Іоаннъ Грозный позволилъ нѣмцамъ построить въ Москвѣ кирку въ 2 верстахъ отъ Кремля [2]).

[1]) Тамъ же, стр. 99—100, 228—429. Тѣмъ не менѣе, во время тяжкихъ для Россіи испытаній въ 1812 году, когда каждый подданный жертвовалъ отечеству и жизнью, и достояніемъ, нѣкоторые изъ латинскихъ епископовъ, долженствовавшихъ служить примѣромъ своему духовенству и паствѣ, способствовали Наполеону (Коссаковскій, суффраганъ курляндскій; князь Игнатій Гедройцъ, епископъ-коадъюторъ самогитскій; Дедерко, епископъ минскій). Толстой, т. III, стр. 429—430.

[2]) Весьма поучительнымъ представляется сравненіе положенія протестантовъ въ Россіи съ положеніемъ ихъ въ это время въ собственномъ отечествѣ. Въ Германіи протестантскіе князья (Шмалькальденскій союзъ), побѣдивъ императора Карла V (въ 1552 году), продолжали упорную борьбу, а подчасъ и войну съ его преемникомъ Фердинандомъ, чтобы упрочить за собою такъ дорого купленныя религіозныя и гражданскія права. Въ Великобританіи начинается рядъ жестокихъ религіозныхъ войнъ. Отецъ (Генрихъ VIII) воюетъ за епископальный протестантизмъ съ подданными-католиками, дочь (Марія) казнитъ протестантовъ, другая дочь (Елизавета) воздвигаетъ гоненіе противъ католиковъ и всѣхъ протестантовъ-диссидентовъ... Въ Швеціи, гдѣ еще не остыла Стокгольмская кровавая баня и гдѣ Густавъ Ваза по кровавымъ слѣдамъ пролагаетъ себѣ путь къ престолу, кое-какія права новой вѣрѣ завоевалъ мечъ. Въ Даніи Христіанъ III, хвалившійся предъ нашимъ Грознымъ (въ 1552 году) своими попеченіями о всемірномъ и премирномъ распространеніи славы Божіей, распространялъ новую вѣру мечемъ. И вездѣ почти въ Европѣ этотъ безпощадный мечъ пріобрѣталъ нѣкоторыя права новому вѣроисповѣданію; у насъ же для горсти ремесленниковъ и художниковъ, пришедшихъ подѣлиться съ нами своими небогатыми знаніями, строится молитвенный домъ и богослуженіе отправляется безпрепятственно. Нисколько не стѣсненные въ своихъ религіозныхъ правахъ, эти печатники, переводчики и лифляндскіе дворяне занимаютъ почетнѣйшія должности въ государствѣ, при самомъ дворѣ; плѣнники становятся господами и чуть не вельможами и накопляютъ себѣ огромное состояніе. Во Франціи протестантовъ, или, какъ ихъ называли тамъ, гугенотовъ, разгоняли, били и убивали, когда они сходились на молитву; изъ-за того, чтобы получить возможность безнаказанно, безъ опасности жизни молиться и слушать проповѣдь въ своихъ храмахъ, тамъ завязалась жестокая война, продолжавшаяся, съ девятью перерывами, около 30 лѣтъ (1562—1592 г.) и утихавшая развѣ для того, чтобы разразиться ужасами Варѳоломеевской ночи (1572 г.); у насъ же, вскорѣ по прибытіи жениха царской племянницы (Маріи Владиміровны)— герцога Магнуса, и огромной свиты протестантовъ (200 человѣкъ однихъ всадниковъ), строится для нихъ церковь, тысячи единовѣрныхъ его плѣнниковъ получаютъ право возвратиться на родину, но многимъ, и особенно его блестящей свитѣ, такъ понравилось въ Россіи, что они не хотѣли вернуться домой. И. Соколовъ, стр. 7—8.

Смотря на нихъ, какъ на пособниковъ и споспѣшниковъ въ развитіи общественной жизни и образованія, русское правительство предоставило имъ свободно исповѣдывать свою вѣру и безпрепятственно совершать богослуженіе, тѣмъ болѣе, что по духу своего ученія они не столько вмѣшивались въ политическія дѣла государства, сколько католики, и не столько ревновали о распространеніи своего ученія [1]).

Вотъ почему въ то время, какъ русскіе не хотѣли имѣть никакихъ сношеній, ни торговыхъ, ни промышленныхъ, съ латинянами и ни хотѣли принимать ихъ на службу, протестанты допускались въ Россію по дѣламъ торговымъ и промышленнымъ и принимались на царскую службу. Московское правительство приняло какъ бы за правило вызывать съ запада иностранцевъ только протестантскаго исповѣданія, а „французовъ и иныхъ, которые папежскія вѣры, не нанимать".

При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда, по окончаніи злосчастной тридцатилѣтней войны, всюду царили на Западѣ нищета и разореніе, множество нищихъ бродило изъ края въ край и лучшимъ промышленнымъ и предпріимчивымъ людямъ нечего было взять въ Европѣ, — въ Россію стало больше и больше переселяться иностранцевъ-протестантовъ, находившихъ здѣсь самый радушный пріемъ. Въ „Новой иноземной слободѣ" нѣмцы умѣли уже 4 церкви, — одну реформатскую и три лютеранскія; кромѣ того, лютеране имѣли еще Михайловскую церковь, построенную въ 1643 году у нынѣшнихъ Красныхъ воротъ.

Хорошо извѣстно, какъ благосклонно относился къ протестантамъ Петръ Великій: и прежде они находили въ Россіи такую свободу вѣры, такія права гражданства, обладали такими привиллегіями и выгодами общежитія, какими не пользовались въ собственномъ отечествѣ; теперь же, при Петрѣ, Россія сдѣлалась навсегда ихъ новымъ отечествомъ. При Петрѣ протестантизмъ пользовался не только полною религіозною свободою, но и личнымъ высокимъ его покровительствомъ; онъ самъ иногда посѣщалъ кирки и, какъ видно изъ одной Gesangbuch, самъ пѣлъ тамъ церковныя пѣсни и былъ нерѣдко воспріемникомъ при крещеніи дѣтей у нѣмцевъ. Тамъ, гдѣ до сихъ поръ были лишь „клѣти и каморки" для богослуженія, теперь воздвигаются открытыя для всѣхъ общественныя церкви и учреждаются новыя общины [2]). Однако, всякая

[1]) Въ выпискѣ въ Посольскомъ приказѣ, по поводу челобитной 1695 года двухъ католическихъ патеровъ (Франциска Лефлера и Павла Яроса) о построеніи въ Москѣ каменнаго костела, между прочимъ приведенъ отвѣтъ нашего правительства австрійскому послу Куртцу, когда зашла рѣчь объ изгнаніи іезуитовъ. «А люторы и калвины,—было сказано послу,—хотя отстоятъ еретичествомъ своимъ отъ восточнаго благочестія далѣ католиковъ, однакожъ противности отъ нихъ грекороссійскому благочестію нѣтъ и ни въ какія духовныя дѣла они не вступаются». Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностр. исповѣданій въ Россіи». Приложеніе, стр. XXXVII.

[2]) Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій», стр. 247—249. Н. Соколовъ «Отношеніе протестантизма къ Россіи». Москва, 1880 г., стр. 23, 25.

пропаганда протестантизма и въ царствованіе Петра Великаго была строго воспрещена.

Въ эпоху нѣмецкаго владычества, при императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, протестантское вліяніе сдѣлалось, разумѣется, еще сильнѣе: нѣмцы свободно строили въ Россіи свои кирки выписывали для нихъ пасторовъ и заводили школы [1]). Съ такою же вѣротерпимостью, какъ къ протестантамъ, относились русскіе и къ послѣдователямъ другихъ вѣроисповѣданій, между прочимъ, къ армянамъ [2]).

Армяне, ведущіе свое происхожденіе отъ Гайка (поэтому армянскій народъ называетъ себя также народомъ „гайканскимъ"), правнука Іафета, бывшаго, по преданію, современникомъ и участникомъ столпотворенія вавилонскаго [3]), въ Россіи впервые упоминаются при Владимірѣ Мономахѣ, при которомъ въ Кіевѣ было нѣсколько врачей этой національности. Въ XIV столѣтіи мы находимъ армянъ на Волыни и Подоліи: они занимались здѣсь торговлею и выстроили церкви, именно въ Балтѣ, Луцкѣ, Могилевѣ на Днѣстрѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, во Львовѣ, въ коихъ и отправляли свободно свое богослуженіе [4]). Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича и Алек-

[1]) Самой русской церкви въ это время пришлось вытерпѣть много тяжкихъ бѣдствій отъ протестантовъ, въ особенности отъ Бирона.

[2]) Христіанская вѣра была распространена въ Арменіи просвѣтителемъ св. Григоріемъ (†334), первымъ іерархомъ гайканскаго народа. М. Красноженъ. „Краткій очеркъ церковнаго права". Юрьевъ. 1900, стр. 106. Потомокъ царскаго рода Арсакидовъ, св. Григорій, вслѣдствіе политическихъ смутъ въ Арменіи, еще ребенкомъ былъ увезенъ въ Кесарію Каппадокійскую, гдѣ и воспитанъ былъ въ христіанствѣ. Св. Григорій получилъ епископскій санъ отъ св. Леонтія, епископа Кесаріи Капподокійской. Естественнно, что христіанство, окончательно утвержденное имъ въ Арменіи, носило формы восточнаго православія; непосредственные преемники св. Григорія получали рукоположеніе тоже отъ кесаріе-каппадокійскихъ архіепископовъ. Л. Петровъ. «Восточныя христіанскія общества». СПБ. 1869, стр. 6.

Армяне вмѣстѣ съ православными признаютъ три первые вселенскіе собора, отдѣлились же они отъ вселенской церкви на соборѣ Халкидонскомъ 451 г. Соблюдая свято духовныя постановленія и преданія первыхъ вѣковъ христіанства, армянская церковь сохранила многіе догматы и обряды, признаваемые церковью православною и измѣненные въ разное время римскою. Какъ православные, армяне признаютъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца, а не отъ Отца и Сына, какъ учатъ католики; крестятъ троекратнымъ погруженіемъ, причащаются подъ обоими видами—тѣла и крови Господней, какъ православные; отвергаютъ чистилище. Богослуженіе производится у нихъ на древнемъ армянскомъ нарѣчіи, а проповѣди говорятся на современномъ армянскомъ языкѣ. Монашествующее духовенство слѣдуетъ, какъ и православное, правиламъ св. Василія Великаго, а священники вступаютъ одинъ разъ въ бракъ. Толстой, т. II, стр. 48—50. Всѣхъ армянъ насчитываютъ около яти милліоновъ, изъ которыхъ 2½ милліона уцѣлѣло еще въ Турецкой рменіи, 1.200.000 живутъ въ Россіи, остальные же въ Персіи, Турціи, олгаріи, Румыніи, Австріи, Венгріи и въ другихъ государствахъ. Магда ейманъ. «Армяне. Краткій очеркъ ихъ исторіи и современнаго положенія». СПБ. 1899, стр. 25.

[3]) Одинъ изъ потомковъ Гайка, по имени Арамъ, какъ разсказываютъ рмяне, пріобрѣлъ столь большую славу у окрестныхъ народовъ, что ни стали называть всѣхъ гайкановъ, по его имени, «арменами»

[4]) Толстой, т. II, стр. 55.

сѣя Михаиловича армяне встрѣчаются у насъ уже въ значительномъ числѣ: причиною ихъ пребыванія было желаніе завязать торговыя сношенія съ Россіею.

Въ московскомъ главномъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ сохранился любопытный документъ, характеризующій отношеніе русскихъ къ армянамъ еще въ до-петровское время. Этотъ документъ представляетъ собою челобитную царю Алексѣю Михаиловичу, поданную въ 1666 году армянскими купцами; жалуясь на то, что ихъ не пускаютъ въ православныя церкви, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Астрахани, и что русскіе священники отказываются приходить къ больнымъ и умирающимъ армянамъ, и потому многіе изъ нихъ умираютъ безъ исповѣди и св. причащенія, тогда какъ русскіе, находящіеся въ Арменіи, допускаются въ армянскія церкви и не получаютъ, въ случаѣ нужды, отказа отъ тамошнихъ священниковъ,—они просятъ, чтобы царь повелѣлъ допускать ихъ въ русскіе храмы и не далъ имъ погибать безъ исповѣди и св. причащенія. „А тогда,—прибавляютъ они,—и многіе другіе армяне охотно будутъ поселяться въ Россіи“ [1]).

Императоръ Петръ, способствуя торговымъ сношеніямъ съ Западной Европой, дозволилъ въ 1708 г. армянамъ отправлять туда свои товары чрезъ Нарву и Петербургъ. Въ 1724 г. онъ принялъ посольство албанскихъ армянъ и даровалъ духовенству ихъ покровительственную Высочайшую грамоту [2]); въ этой грамотѣ Петръ предоставлялъ армянамъ для жилища и свободнаго пребыванія удобныя мѣста „въ новополученныхъ персидскихъ провинціяхъ по Каспійскому морю, гдѣ они могли пребывать спокойно и отправлять христіанскую свою вѣру безъ препятствія по своему закону“ [3]).

Спустя два года, въ 1726 г., такая же грамота дана была императрицею Екатериною I. Третья грамота дана была императрицею Екатериною II прямо и непосредственно каѳедрѣ св. Григорія (просвѣтителя Арменіи), по ходатайству армянскаго патріарха-католикоса [4]) Симеона; на основаніи этой грамоты католикосу предоставлялось право имѣть въ своемъ вѣдѣніи по духовнымъ и церковнымъ дѣламъ всѣхъ русскихъ

---

[1]) Дѣла армянскія 1666 г., № 4.

[2]) Въ сентябрѣ 1725 года пріѣхалъ въ С.-Петербургъ армянскій архіепископъ Минасъ-Вартабитъ и обратился въ сѵнодъ съ прошеніемъ отправлять ему въ Петербургѣ армянскую службу. «А безъ позволенія св. сѵнода,—писалъ онъ въ своемъ прошеніи,—отправлять божественную службу я не смѣю». Сѵнодъ разрѣшилъ ему служить въ домѣ, но съ тѣмъ, чтобы отнюдь не строить вновь костела и никого не совращать въ свою вѣру. Полное собр. постан. и распор. по вѣд. прав. исповѣданія. Т. V. № 1655.

[3]) 1-е Полное собраніе законовъ. Т. VII, № 4357.

[4]) Имя католикоса, т. е. верховнаго всеобщаго пастыря, патріархи усвоили себѣ въ 491 г. Патріархъ-католикосъ имѣетъ такое же значеніе въ армянской церкви, какъ папа въ римской; ему подчинены армянскіе патріархи Константинополя, Испагани, Іерусалима; армяне турецкіе, персидскіе, индійскіе, русскіе признаютъ его своимъ главою, и освященное мѵро разсылается изъ Эчміадзина во всѣ страны Востока служа какъ бы знакомъ высшей духовной власти, имѣющей тамъ свой центръ. Толстой. Т. II, стр. 49.

армянъ и посылать къ нимъ, въ случаѣ надобности, уполномоченныхъ лицъ духовнаго званія.

Кучукъ-кайнарджійскій миръ (1774 г.), поставившій христіанъ Востока подъ покровительство Россіи и предоставившій ей огромныя незаселенныя земельныя пространства, оказалъ большое вліяніе на отношеніе Россіи къ армянамъ. По просьбѣ армянскаго архіепископа въ Россіи Іосифа Аргутинскаго, разрѣшено было болѣе, чѣмъ 15 тыс. армянъ изъ Крыма и Турціи переселиться въ Россію; здѣсь они щедро были надѣлены землею, освобождены отъ всякихъ повинностей, даже воинской, и основали городъ Нахичевань. Окончательное же присоединеніе армяно-грегоріанской церкви къ Россіи послѣдовало въ 1828 году, когда по мирному (Туркманчайскому) трактату съ Персіею въ предѣлы Россійской Имперіи вошли ханства эриванское и нахичеванское, переименованныя въ армянскую область, а вмѣстѣ съ ними присоединена была къ Россіи каѳедра первосвященника армянскаго, патріарха-католикоса, находящаяся въ Эчміадзинскомъ монастырѣ, на горѣ Араратѣ [1]). Во время присоединенія къ Россіи армянской области, управленіе дѣлами армяно-грегоріанской церкви находилось въ совершенномъ разстройствѣ. Императоръ Николай I обратилъ на это обстоятельство вниманіе главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій и поручилъ ему вмѣстѣ съ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ составить проектъ новаго устройства и управленія армяно-грегоріанской церкви въ Россіи. Въ то же время графъ Паскевичъ Эриванскій, управлявшій тогда Грузіею, учредилъ для прекращенія безпорядковъ въ армяно-грегоріанской церкви комитетъ, который, въ свою очередь, занялся составленіемъ такого же проекта. Такимъ образомъ составленіемъ устава армяно-грегоріанской церкви одновременно занимались два комитета: тифлисскій, составленный изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ армянскаго народа, и с.-петербургскій, состоявшій изъ высшихъ государственныхъ сановниковъ. Составленіе окончательнаго проекта было поручено департаменту духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій. Этотъ окончательный проектъ былъ разсмотрѣнъ главноуправлявшимъ послѣ Паскевича Эриванскаго Грузіею барономъ Розеномъ, сдѣлавшимъ къ нему съ своей стороны нѣкоторыя дополненія, обсужденъ въ государственномъ совѣтѣ и, утвержденный въ 1838 г. Государемъ Императоромъ, съ незначительными измѣненіями существуетъ до настоящаго времени [2]).

---

[1]) М. М—мъ. Россія и армяне. «Наблюдатель», 1896 г. № 12, стр. 302—329.

[2]) Варадиновъ. «Исторія министерства внутреннихъ дѣлъ». Ч. III, кн. 1 и 2. При составленіи этого устава, законодатель старался остаться на почвѣ древне-церковнаго армянскаго права, повторяя лишь въ своихъ постановленіяхъ церковные каноны, или же создавая новыя постановленія, вполнѣ согласныя съ древнимъ строемъ армянской церкви.

III.

Послѣ этого историческаго очерка о положеніи иновѣрцевъ въ Россіи перейдемъ къ разсмотрѣнію современнаго положенія неправославныхъ христіанъ (по дѣйствующему русскому законодательству) въ нашемъ отечествѣ. При этомъ считаемъ нужнымъ слѣдующее предварительное замѣчаніе. Всякое христіанское государство обязано, конечно, уважать основанную на сущности вѣры свободу совѣсти и религіи своихъ подданныхъ; однако принципъ христіанской терпимости отнюдь не требуетъ и равнаго отношенія государства ко всѣмъ признаннымъ и терпимымъ имъ религіознымъ обществамъ. Справедливость требуетъ, чтобы каждый получалъ свое, насколько это соединимо съ представляемой государствомъ истиной; принципъ справедливости не есть принципъ абсолютнаго равенства. Христіанская терпимость не есть равнодушіе къ своей истинѣ и къ чужимъ религіознымъ заблужденіямъ. Въ области личнаго религіознаго обсужденія государство должно гарантировать полную свободу совѣсти и не можетъ дѣйствовать въ этой области ни мечомъ, ни тюрьмою, ни лишеніемъ гражданскихъ правъ. „Мы, по дарованной Намъ отъ Всевышняго власти, совѣсти человѣческой приневоливать не желаемъ и охотно предоставляемъ каждому христіанину на его отвѣтственность пещись о блаженствѣ души своей“,—говоритъ великій преобразователь Россіи [1]). Но отъ свободы личнаго исповѣданія должно отличать свободу религіознаго соединенія, публичнаго культа, образованія религіозныхъ обществъ; безграничная и безусловная свобода подобныхъ соединеній уже переходитъ границы требованія христіанской вѣротерпимости; такихъ публичныхъ религіозныхъ обществъ государство не можетъ оставить безъ своего надзора и регламентаціи.

Отношеніе русской государственной власти къ иновѣрцамъ на всемъ пространствѣ исторіи русскаго государства, какъ мы видѣли, опредѣлялось двумя принципами: охраненіемъ господствующей православной вѣры, съ одной стороны, и полной вѣротерпимостью къ иновѣрцамъ и невмѣшательствомъ во внутреннюю церковную жизнь ихъ [2]), съ другой стороны. Таковымъ же оно представляется и въ настоящее время. Православная вѣра на Руси искони признавалась единою истинною, а потому господствующею вѣрою въ государствѣ: таковою же она признается въ Россіи и теперь. Первенствующая и господствующая въ Россійской имперіи вѣра, гласятъ наши

---

[1]) Манифестъ Имп. Петра Великаго 16 апрѣля 1702 г. Пунктъ 2. Полн. Соб. Зак. Т. IV, № 1910.

[2]) “Въ Московскомъ государствѣ много разныхъ вѣръ, и мы ни у кого воли не отнимаемъ, живутъ, кто какъ хочетъ“. Цвѣтаевъ. «Изъ исторіи иностранныхъ исповѣданій въ Россіи». Москва. 1886, стр. 290.

основные законы есть христіанская православная каѳолическая восточнаго исповѣданія [1]).

Отсюда вытекаютъ слѣдующія послѣдствія: „Въ предѣлахъ государства одна господствующая православная церковь имѣетъ право убѣждать послѣдователей иныхъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцевъ къ принятію ея ученія о вѣрѣ. Духовныя же и свѣтскія лица прочихъ христіанскихъ исповѣданій и иновѣрцы строжайше обязаны не прикасаться къ убѣжденію совѣсти не принадлежащихъ къ ихъ религіи; въ противномъ случаѣ они подвергаются взысканіямъ, въ уголовныхъ законахъ опредѣленнымъ [2]). Напротивъ, „если исповѣдующіе иную вѣру пожелаютъ присоединиться къ вѣрѣ православной, никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать имъ въ исполненіи сего желанія“ [3]). Преимущество православной вѣры обнаруживается, между прочимъ, въ случаѣ брака лица, принадлежащаго къ православной церкви, съ лицомъ неправославнымъ. Именно, по дѣйствующему русскому законодательству [4]), „если женихъ и невѣста принадлежатъ къ православному исповѣданію, въ семъ случаѣ вездѣ, кромѣ Финляндіи, требуется: 1) чтобы лица другихъ исповѣданій, вступающія въ бракъ съ лицами православнаго исповѣданія, дали подписку, что не будутъ ни поносить своихъ супруговъ за православіе, ни склонять ихъ чрезъ прельщеніе, угрозы, или инымъ образомъ, къ принятію своей вѣры, и что рожденныя въ семъ бракѣ дѣти крещены и воспитаны будутъ въ правилахъ православнаго исповѣданія; 2) чтобы при вступленіи въ сіи браки непремѣнно исполнены и соблюдены были всѣ правила и предосторожности, для браковъ между лицами православнаго исповѣданія вообще постановленныя; 3) чтобы сіи браки были вѣнчаны православнымъ священникомъ въ православной церкви [5]). Когда въ числѣ брачныхъ лицъ одно

---

[1]) Т. I, ч. I. Основ. законы, ст. 40. Ср. ст. 1-ю Т. XI, ч. I, въ которой читаемъ: «Первенствующая и господствующая вѣра въ Россійскомъ государствѣ—есть Христіанская Православная Каѳолическая Восточнаго исповѣданія. Но и всѣ не принадлежащіе къ сей Церкви подданные государства и иностранцы, въ ономъ пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ своей вѣры и богослуженія».

[2]) Т. XI, ч. I, ст. 4.

[3]) Т. XI, ч. I, ст. 5. Ср. Т. XIV. Уст. о предупр. и пресѣч. прест., ст. 75.

[4]) Т. X, ч. I, ст. 67.

[5]) За совершеніе брака между лицомъ православнаго и лицомъ другого христіанскаго исповѣданія, прежде совершенія онаго православнымъ священникомъ, когда нѣтъ въ виду формальнаго удостовѣренія отъ подлежащаго духовнаго начальства, что, по правиламъ ...ркви Восточной, къ сему браку не представляется никакихъ препят...вій, священники римско-католическаго, армяно-григоріанскаго, армя...-католическаго и проповѣдники протестантскихъ исповѣданій, смотря ... тому, оказались или не оказались впослѣдствіи препятствія къ тому ...аку, и по другимъ обстоятельствамъ дѣла, подвергаются: или денеж...му взысканію не свыше пятидесяти рублей, или же временному уда...нію отъ должности на время отъ двухъ до шести мѣсяцевъ, или и ...аленію отъ мѣста» (Улож. о наказ., стр. 1576). По проекту новаго

принадлежитъ къ православному вѣроисповѣданію, то разсмотрѣніе вопроса о томъ, былъ ли бракъ и законно ли онъ совершенъ, равно опредѣленіе уважительности причинъ къ его расторженію, во всякомъ случаѣ подлежитъ рѣшенію духовнаго суда православной церкви. Рѣшеніе сіе имѣетъ быть твердо въ отношеніи къ обоимъ лицамъ.

Такъ какъ при заключеніи смѣшаннаго брака отъ супруга инославнаго отбирается передъ вѣнчаніемъ, какъ сказано выше, особая подписка о томъ, что онъ будетъ крестить и воспитывать дѣтей по правиламъ православной вѣры, то, при отказѣ въ выдачѣ такой подписки, самое вѣнчаніе, очевидно,

---

Угол. Улож. «духовное лицо иновѣрнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, виновное въ совершеніи брака иновѣрца съ лицомъ православнаго вѣроисповѣданія, прежде совершенія онаго православнымъ священникомъ, если не было на сіе надлежащаго разрѣшенія, наказывается арестомъ не свыше одного мѣсяца и, сверхъ сего, удаляется отъ должности на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года; а при повтореніи—навсегда". (Ст. 343, п. 4). Воспрещается пасторамъ вѣнчать браки православныхъ съ лютеранами, причемъ Сенатъ разъяснилъ, что лица, принадлежащія по рожденію и крещенію къ православному исповѣданію, не взирая на конфирмированіе ихъ по обряду евангелическо-лютеранской церкви, не могутъ быть по закону признаваемы принадлежащими къ евангелическо-лютеранскому вѣроисповѣданію, а по своему рожденію и крещенію должны быть почитаемы православными. Противозаконно совершенный пасторомъ надъ двумя православными обрядъ бракосочетанія не можетъ создать дѣйствительнаго по нашимъ гражданскимъ и церковнымъ законамъ брака, а является лишь преступнымъ, учиненнымъ съ явнымъ злоупотребленіемъ власти церковнымъ благословеніемъ, со стороны пастора, супружескаго сожительства, не имѣющаго значенія освященнаго церковью брачнаго союза и посему недѣйствительнаго. Пасторъ, совершившій такой бракъ, подлежитъ отвѣтственности по 1575 ст. Улож. о наказан., которая гласитъ: «Священники римско-католическіе, армяно-грегоріанскіе и армяно-католическіе и проповѣдники протестантскихъ исповѣданій за совершеніе брака, который по закону долженъ быть признанъ недѣйствительнымъ, приговариваются, въ случаѣ, когда сіе учинено ими завѣдомо: къ лишенію духовнаго сана и къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Когда жъ они оказываются виновными токмо въ извинительной, болѣе или менѣе по стеченію особенныхъ обстоятельствъ, ошибкѣ, то подвергаются: въ первый разъ строгому выговору, а во второй—удаленію отъ должности. За совершеніе завѣдомо изъ какихъ-либо корыстныхъ или иныхъ личныхъ видовъ, брака, воспрещаемаго законами, хотя не считающагося недѣйствительнымъ, они подвергаются лишенію духовнаго сана; когда жъ, напротивъ, они только были вовлечены въ извинительную по обстоятельствамъ ошибку, то за сіе въ первый разъ имъ дѣлается лишь строгій выговоръ; въ случаѣ жъ новой такого рода неосмотрительности, они удаляются отъ должности, съ воспрещеніемъ вновь опредѣлять къ мѣсту. Симъ же наказаніямъ и на томъ же основаніи подвергаются и тѣ иностраннаго исповѣданія священники и проповѣдники, которые, хотя не сами совершили воспрещенный законами бракъ, но свидѣтельствомъ, объявленіемъ въ церкви, или иными какими-либо по должности своей дѣйствіями дали другому священнику или проповѣднику поводъ совершить оный». (Рѣш. уголов. кассац. деп. по дѣлу Леціуса 1891 г. № 10). По проекту новаго уголовнаго уложенія, «духовное лицо иновѣрнаго христіанскаго исповѣданія, виновное въ совершеніи брака между лицами завѣдомо православнаго вѣроисповѣданія, наказывается арестомъ. Сверхъ сего, виновный удаляется отъ церковной должности навсегда» (статья 344).

не можетъ имѣть мѣста. На практикѣ, однако, нерѣдко оказывается, что при заключеніи смѣшаннаго брака, подписка отобрана не была. Возникаетъ вопросъ, подлежитъ ли въ такомъ случаѣ не давшій подписки отвѣтственности по Уложенію о наказаніяхъ (по статьѣ 190-й). Отвѣтъ долженъ быть отрицательный, такъ какъ обязанность его крестить дѣтей въ православную вѣру есть обязанность для него условная и основывается на данномъ имъ обѣщаніи (подпискѣ), а если подписки нѣтъ, то нѣтъ и нарушенія обязанности [1]), такъ какъ нѣтъ и самой обязанности. Впрочемъ, о крещеніи и воспитаніи рожденныхъ отъ смѣшаннаго брака дѣтей въ православной вѣрѣ долженъ заботиться супругъ православный, такъ какъ православные за крещеніе своихъ дѣтей въ иную вѣру подвергаются отвѣтственности по уложенію о наказаніяхъ безусловно, независимо отъ того, рождены ли дѣти въ простомъ или смѣшанномъ бракѣ (по 190 ст. Улож. о наказ. [2]).

Правило объ обязанности давать подписку дѣйствовало и въ прибалтійскихъ губерніяхъ до 19-го марта 1865 г., когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе о томъ, чтобы въ этихъ губерніяхъ, при совершеніи браковъ между православными и протестантами, впредь не требовать отъ мѣстныхъ урожен-

[1]) И. Г. Щегловитовъ. "Нарушеніе правилъ о крещеніи дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ". Юридическая Лѣтопись. 1890 г. № 2, стр. 124—125.

[2]) 190-я ст. Улож. о наказ. гласитъ: «Родители, которые, бывъ по закону обязаны воспитывать дѣтей своихъ въ вѣрѣ православной, будутъ крестить ихъ или приводить къ прочимъ таинствамъ и воспитывать по обрядамъ другого христіанскаго исповѣданія, присуждаются за сіе къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ. Дѣти ихъ отдаются на воспитаніе родственникамъ православнаго исповѣданія или, за неимѣніемъ оныхъ, назначаемымъ для сего отъ правительства опекунамъ, также православной вѣры. Тому же наказанію подвергаются опекуны, которые будутъ воспитывать ввѣренныхъ имъ дѣтей православнаго вѣроисповѣданія въ правилахъ другого вѣроученія. При семъ они немедленно устраняются отъ опеки». По проекту новаго уголовнаго уложенія «родитель или опекунъ, обязанный по закону воспитывать своего или находящагося подъ его опекою, не достигшаго четырнадцати лѣтъ малолѣтняго въ правилахъ православной вѣры, виновный въ крещеніи или приведеніи его къ иным таинствамъ иного христіанскаго вѣроисповѣданія или въ воспитаніи его по правиламъ и обрядамъ таковаго, наказывается: заточеніемъ на срокъ не свыше одного года» (ст. 341-я).

Говоря объ отвѣтственности родителей за нарушеніе обязанности воспитывать своихъ дѣтей по правиламъ православной вѣры, не лишнимъ будетъ упомянуть еще объ одномъ практическомъ вопросѣ. Нѣкоторые практики полагаютъ, что такъ какъ 190 ст. Улож. о нак. главнымъ образомъ караетъ крещеніе дѣтей въ другую вѣру, то исчисленіе сроковъ давности должно начинаться съ момента такого противозаконнаго крещенія. Такое мнѣніе не можетъ быть правильнымъ. Изъ содержанія 190-й ст. Улож. о наказаніяхъ видно, что законъ нашъ караетъ не только крещеніе, но и приведеніе къ прочимъ таинствамъ, а равно и воспитаніе дѣтей по обрядамъ другого христіанскаго вѣроисповѣданія. Преступленіе это несомнѣнно представляетъ собою преступленіе длящееся. Оканчивается оно лишь съ того момента, когда родители, по тѣмъ или другимъ причинамъ, устраняются отъ воспитанія ребенка. Только съ этого момента можетъ начаться теченіе давности, но ни въ какомъ случаѣ не съ момента крещенія. И. Г. Щегловитовъ. Юридическая Лѣтопись. 1890 г. № 2, стр. 125—126.

цевъ означенныхъ, установленныхъ въ 67-й ст. предбрачныхъ подписокъ насчетъ крещенія и воспитанія дѣтей, отъ сихъ браковъ рожденныхъ, въ правилахъ православнаго исповѣданія, и такимъ образомъ сочетавшіеся бракомъ протестанты, съ 19-го марта 1865 года по день возстановленія указаннаго въ 67-й ст. закона во всей силѣ, не только не были обязаны давать упомянутыхъ подписокъ, но и имѣли право крестить и воспитывать рожденныхъ отъ этихъ браковъ дѣтей по правиламъ и обрядамъ той церкви, которую они изберутъ, а не исключительно церкви православной, ибо для нихъ постановленное въ 67-й ст. ограниченіе не существовало. Мнѣніе же, что Высочайшимъ повелѣніемъ 19 марта 1865 г. разрѣшалось лишь не требовать предбрачныхъ подписокъ, но не возбранялось православному духовенству принимать таковыя отъ брачущихся лютеранскаго исповѣданія, если они, по волѣ другой стороны, изъявили желаніе или согласіе на выдачу оныхъ, противорѣчитъ точному и буквальному смыслу Высочайшаго повелѣнія, которое, предписывая не требовать помянутыхъ росписокъ, „тѣмъ самымъ устраняло всякое значеніе ихъ и, слѣдовательно, не давало православному духовенству никакого повода принимать отъ брачущихся такія обязательства, которыя въ глазахъ правительства никакой силы не должны были имѣть“ [1]).

Требованіе означенныхъ въ 67-й ст. X т. 1 ч. подписокъ, по отношенію и къ мѣстнымъ уроженцамъ прибалтійскихъ губерній, снова было возстановлено въ полной силѣ Высочайшимъ повелѣніемъ 8 августа 1885 года. Это составило одну изъ самыхъ благодѣтельныхъ и рѣшительныхъ мѣръ незабвеннаго Императора Александра III къ огражденію православія въ Прибалтійскомъ краѣ, ибо въ продолженіе почти 20 лѣтъ, послѣ того, какъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ ослаблено было требованіе примѣненія этого закона, населенію края постоянно внушаемо было, что господствующею, если даже не единственною, вѣрой въ краѣ должна быть лютеранская вѣра, и что всѣхъ дѣтей отъ смѣшанныхъ браковъ обязательно крестить въ лютеранство [2]).

„Въ заключаемыхъ въ Финляндіи бракахъ лицъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій вѣнчаніе производится въ обѣихъ церквахъ. Дѣти, рождающіяся въ сихъ бракахъ, воспитываемы должны быть въ той вѣрѣ, къ которой принадлежитъ отецъ, не допуская о семъ особенныхъ договоровъ. Постановленіе сіе въ отношеніи лицъ, исповѣдующихъ православную вѣру, распространяется на однихъ только коренныхъ жителей Финляндіи; браки же военнослужащихъ православнаго исповѣданія, находящихся въ тѣхъ мѣстахъ, по командѣ и квартированію, должны быть совершаемы православными священниками на

---

[1]) Рѣш. уголов. кассац. департ. прав. сената 1893 г. № 29.

[2]) Состояніе отечественной церкви по всеподданнѣйшему отчету оберъ-прокурора св. синода за 1886 г. „Христ. Чтеніе“ 1889 г. Ч. I, стр. 105.

основаніи общихъ постановленій [1]). Такимъ образомъ, во 1-хъ, коренные жители Финляндіи протестантскаго вѣроисповѣданія, повѣнчавшіеся съ православными женщинами внѣ предѣловъ этой страны, теряютъ право на крещеніе и воспитаніе дѣтей въ протестантской вѣрѣ, но обязаны крестить и воспитывать ихъ по правиламъ православной церкви, и во 2-хъ, наоборотъ, тѣ же коренные жители Финляндіи, повѣнчавшіеся съ женщинами православнаго исповѣданія въ предѣлахъ упомянутой страны, сохраняютъ за собою право, если пожелаютъ, на крещеніе и воспитаніе своихъ дѣтей въ протестантской вѣрѣ и въ томъ случаѣ, если эти дѣти будутъ рождены во время проживанія ихъ родителей внѣ предѣловъ Финляндіи. Преимущество православной вѣры сказывается далѣе и въ томъ, что во всѣхъ краяхъ имперіи, кромѣ губерній прибалтійскихъ, евангелическо-лютеранскіе проповѣдники обязаны приносимыхъ къ нимъ для крещенія младенцевъ, коихъ родители неизвѣстны, отсылать по принадлежности къ православному духовенству [2]).

Такъ какъ православная вѣра въ Россійскомъ государствѣ есть первенствующая и господствующая, то „Императоръ, престоломъ Всероссійскимъ обладающій, не можетъ исповѣдывать никакой иной вѣры, кромѣ православной“ [3]). Этотъ основной законъ Россійской имперіи неукоснительно соблюдался на всемъ протяженіи исторіи Русскаго государства. „Съ самаго крещенія Руси, въ продолженіе болѣе шести вѣковъ,— сказано въ наказѣ посламъ о большомъ дѣлѣ (т. е. о принятіи королевичемъ Владиславомъ православной вѣры),—не было примѣра, чтобы русскій царь не исповѣдывалъ православной вѣры и что, еслибъ это допустить, то вся страна взволнуется“ [4]). Нѣкоторые изъ русскихъ пословъ, перешедшихъ на сторону Сигизмунда, соглашались было возвести самого его на русскій престолъ, но отецъ будущаго перваго русскаго царя изъ дома Романовыхъ, митрополитъ Филаретъ Никитичъ, настаивалъ на выборѣ Владислава, говоря: „будетъ-де крестится, и онъ нашъ государь, а будетъ не крестится, и намъ онъ не надобенъ“ [5]).

Не только самъ Государь Императоръ, но и Супруга Его, а равно и супруга Наслѣдника Всероссійскаго престола должны быть православнаго исповѣданія: „Бракъ мужескаго лица Им-

[1]) Т. Х. Ч. I, ст. 68.

[2]) Томъ XI, ч. 1, ст. 807. „Въ прибалтійскихъ губерніяхъ евангелическо-лютеранскіе проповѣдники совершаютъ св. крещеніе надъ незаконнорожденными дѣтьми матерей евангелическо - протестантскаго исповѣданія, по ихъ на то согласію, а равно и надъ подкидываемыми и находимыми младенцами, коихъ родители неизвѣстны“. Тамъ же, . 276. (Ср. ст. 808 того же тома и 83 ст. т. XIV уст. о предупр. и ›есѣч. прест.).

[3]) Т. I, ч. 1, осн. законы, ст. 41. „Императоръ, яко христіанскій Годарь, есть верховный защитникъ и хранитель догматовъ господвующей вѣры и блюститель правовѣрія и всякаго въ церкви святоагочинія“. (Т. 1. Ч. I, осн. законы, ст. 42).

[4]) Толстой. „Римскій католицизмъ въ Россіи“. Т. I, стр. 90.

[5]) Толстой, стр. 93.

ператорскаго Дома, могущаго имѣть право на наслѣдованіе престола, съ особою другой вѣры совершается не иначе, какъ по воспріятіи ею православнаго исповѣданія" [1]).

Православная церковь, признавая одну себя единою истинною церковью Христовой, принадлежность къ которой является необходимымъ условіемъ для спасенія, не допускаетъ для своихъ послѣдователей свободы перехода изъ православія въ иное, хотя бы христіанское исповѣданіе, и разсматриваетъ лицъ, отпавшихъ отъ православной вѣры, какъ заблуждающихся, заботясь о возвращеніи ихъ въ православіе [2]). Этотъ взглядъ православной церкви не является исключительнымъ: не только православная, но и всякая иная церковь не допускаетъ для лицъ, къ ней принадлежащихъ, свободы выхода и перехода въ другое вѣроисповѣданіе и не считаетъ такого выхода актомъ правомѣрнымъ.

Наше законодательство содержитъ рядъ статей, запрещающихъ отступленіе отъ православія. „Какъ рожденнымъ въ православной вѣрѣ,—говорится въ нашихъ законахъ,—такъ и обратившимся къ ней изъ другихъ вѣръ, запрещается отступить отъ нея и принять иную вѣру, хотя бы то и христіанскую" [3]). „Епархіальный архіерей обязанъ надзирать, чтобы православные христіане не совращались въ иную вѣру, ибо одна господствующая православная каѳолическая восточная церковь имѣетъ право въ предѣлахъ государства убѣждать иновѣрцевъ къ принятію ея ученія" [4]). „Отступившіе отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе отсылаются къ духовному начальству для увѣщанія, вразумленія ихъ и поступленія съ ними по правиламъ церковнымъ. До возвращенія ихъ въ православіе, принимаются правительствомъ, для охраненія ихъ малолѣтнихъ дѣтей отъ совращенія, указанныя въ законахъ (именно, въ уставѣ о предупр. и пресѣч. прест.) мѣры. Въ имѣніяхъ ихъ, населенныхъ православными, на все сіе время назначается опека и имъ воспрещается въ оныхъ

---

[1]) Т. I. Ч. I, ст. 141. „По соизволенію царствующаго Императора члены Императорскаго Дома могутъ вступать въ бракъ, какъ съ особами православнаго исповѣданія, такъ и съ иновѣрными". (Тамъ же, ст. 140).

[2]) Законъ не допускаетъ перехода православнаго лица въ другое, хотя бы христіанское вѣроисповѣданіе, и православная церковь не перестаетъ считать отпадшаго своимъ членомъ, сохраняя его въ вѣдѣніи православнаго духовнаго начальства. „Законодательство наше, по мнѣнію правительствующаго сената, смотритъ на отступленіе отъ православія, какъ на состояніе не только воспрещенное закономъ, но и преступное, которое никогда не можетъ сдѣлаться состояніемъ законнымъ; а слѣдовательно, съ присоединеніемъ православнаго къ другому вѣроисповѣданію, являясь дѣйствіемъ преступнымъ, какъ со стороны присоединившаго духовнаго лица, такъ и со стороны присоединеннаго, не можетъ создать законной принадлежности послѣдняго къ сему вѣроисповѣданію со всѣми проистекающими отъ таковой принадлежности законными послѣдствіями". (Рѣш. уголовн. кассац. деп. 1891 г. № 10).

[3]) Т. XIV устава о предупр. и пресѣч. прест., ст. 36.

[4]) Уст. дух. консист., ст. 23.

жительство" [1]). „Наблюденіе и всѣ по таковымъ дѣламъ распоряженія возлагаются на министерство внутреннихъ дѣлъ, которое въ то же время собираетъ свѣдѣнія о семействѣ лица, отступившаго отъ православія, и если окажутся малолѣтнія дѣти, то о мѣрахъ къ охраненію ихъ православія представляетъ на усмотрѣніе Его Императорскаго Величества установленнымъ порядкомъ" [2]).

Надо при этомъ замѣтить, что „сила постановленій о давности не распространяется на вину перешедшихъ изъ церкви православной въ другое, хотя и пользующееся свободою богослуженія въ Россіи, христіанское вѣроисповѣданіе, и тѣмъ менѣе еще на преступленіе отпадшихъ вовсе отъ вѣры христіанской, какъ безпрерывно продолжающіяся, доколѣ они не обратились къ долгу [3]).

Дѣйствующее законодательство содержитъ также рядъ постановленій, имѣющихъ цѣлью предупредить возможность отпаденія отъ православной вѣры. Такъ, статьею 78-ю устава о предупр. и пресѣч. прест. (Т. XIV) „запрещается римско-католическому бѣлому и монашествующему духовенству въ губерніяхъ западныхъ имѣть въ домахъ, церквахъ и монастыряхъ своихъ для услуженія людей православнаго исповѣданія", а слѣдующею 79-ю статьею „запрещается римско-католическому духовенству дѣтей православнаго исповѣданія посылать въ римско-католическія церкви къ слушанію службы вмѣстѣ съ католиками, преподавать симъ дѣтямъ катихизисъ, или же дѣлать имъ противныя православію внушенія"; наконецъ, статьею 81-ю „запрещается протестантскому духовенству прибывающихъ въ его приходы неизвѣстныхъ ему людей допускать къ причащенію Св. Таинъ безъ взятія отъ нихъ подписки въ томъ, что они не принадлежатъ къ православной церкви".

Не одобряя прозелитизма вообще [4]), государственная власть на Руси не можетъ, конечно, равнодушно относиться къ совращенію изъ православія и принимаетъ строгія мѣры противъ совратителей. Дѣйствующее законодательство содержитъ рядъ статей противъ совратителей, причемъ невыгодныя послѣдствія за совращеніе различны, смотря по тому, произошло ли совращеніе изъ православной вѣры въ нехристіанскую, или въ ересь, или въ расколъ, или въ одно изъ ино-

---

[1]) Улож. о наказ., ст. 188. Въ этой опекѣ не могутъ участвовать ни мужъ отступившей отъ православія, ни жена измѣнившаго православію. (Т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. прест., ст. 38).

[2]) Т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. прест., ст. 39. „Отступившіе отъ вѣры христіанской въ нехристіанскую, или отъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе, а также совратившіеся изъ вѣры православной въ какую-либо ересь, во всякомъ случаѣ назидаются въ истинной вѣрѣ и увѣщаются духовнымъ начальствомъ по правиламъ церковнымъ". (Т. XVI, ч. 1 уст. угол. судопр., ст. 1004, примѣчаніе).

[3]) Улож. о наказ., ст. 162.

[4]) Даже дѣйствія, клонящіяся къ обращенію въ православіе, обставлены, по нашему законодательству, разными ограниченіями (см., напр., т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. прест., ст. 70, прилож. и ст. 73).

странныхъ (христіанскихъ) исповѣданій. „За совращеніе изъ православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе, виновный приговаривается къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и къ ссылкѣ на житье въ Сибирь, или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія“ [1]). „Кто въ проповѣди или сочиненіи будетъ усиливаться привлекать и совращать православныхъ въ иное, хотя христіанское, вѣроисповѣданіе, или же еретическую секту, или раскольническій толкъ, тотъ за сіе преступленіе подвергается: въ первый разъ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ; а во второй—заключенію въ крѣпости на время отъ двухъ лѣтъ и восьми мѣсяцевъ до четырехъ лѣтъ, также съ лишеніемъ нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ; въ третій же разъ онъ присуждается къ лишенію всѣхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ и ссылкѣ на житье въ Сибирь или къ отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія“ [2]). Во всѣхъ случаяхъ, гдѣ совращеніе соединено съ насиліемъ, наказаніе усиливается [3]). Карается не только совращеніе, но и попустительство относительно совращенія; такъ, статья 192 уложенія о наказаніяхъ гласитъ: „Кто, зная, что жена его, или дѣти, или другія лица, за коими ему предоставлено закономъ наблюденіе и попеченіе, намѣрены отступить отъ православнаго исповѣданія, не будетъ стараться отклонить ихъ отъ сего намѣренія и не приметъ никакихъ зависящихъ отъ него по закону мѣръ для воспрепятствованія исполненія онаго, тотъ за сіе приговаривается къ аресту отъ трехъ дней до трехъ мѣсяцевъ, и сверхъ того, если онъ православный, предается церковному покаянію“ [4]).

---

[1]) Уложеніе о наказ., ст. 187. Надо замѣтить, что по закону 12 іюня 1900 г. ссылка на поселеніе и на житье, за цѣлый рядъ преступленій, замѣнена другими наказаніями.

[2]) Тамъ же, ст. 189.

[3]) Тамъ же, ст. 187. По проекту новаго уголовнаго уложенія, „виновный въ совращеніи православнаго въ иное христіанское вѣроисповѣданіе наказывается заточеніемъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ. Если совращеніе учинено посредствомъ насилія или наказуемой угрозы, то виновный наказывается поселеніемъ“ (ст. 338). „Виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, рѣчи или сочиненія, а равно въ распространеніи или публичномъ выставленіи сочиненія или изображенія, возбуждающихъ къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или въ расколоученіе, буде сіе учинено съ цѣлію совращенія оныхъ, наказывается заточеніемъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ“ (ст. 342).

[4]) „Дѣла о совратителяхъ и совращенныхъ изъ православія разсматриваются безъ очереди“. Т. XVI, ч. 2. Законы о судопр. уголовн., ст. 534. „Приговоры по дѣламъ о совращеніи изъ православія въ другія исповѣданія, коими виновные, безъ различія званій, присуждаются къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжную работу или на поселеніе въ Сибирь, изъятые же отъ тѣлеснаго наказанія—къ лишенію всѣхъ или нѣкоторыхъ лично и по состоянію присвоенныхъ имъ правъ и преимуществъ, ссылкѣ на житье въ томскую или тобольскую губерніи, заключенію въ крѣпость или тюрьму, равнымъ обра-

Надо, однако, замѣтить, что для признанія въ дѣйствіяхъ виновнаго признаковъ совращенія изъ православія необходимо, „чтобы рѣшимость отступившаго отъ православія покинуть свою вѣру и присоединиться къ другому христіанскому вѣроисповѣданію явилась результатомъ такой активной дѣятельности совратителя, которая по своей природѣ и значенію соотвѣтствуетъ понятію закона о подстрекательствѣ, т. е. нравственнаго или физическаго въ этомъ направленіи воздѣйствія на лицо совращенное. Законъ требуетъ, чтобы, если не самая мысль объ измѣнѣ своей вѣры, то окончательная рѣшимость осуществить такое намѣреніе созрѣла и получила свое выполненіе подъ вліяніемъ активнаго воздѣйствія совратителя, а слѣдовательно, въ тѣхъ случаяхъ, когда такая рѣшимость явилась у отступившаго не подъ вліяніемъ воздѣйствія лица обвиняемаго, дѣятельность виновнаго можетъ оказаться совмѣщающей въ себѣ признаки какого-либо иного нарушенія постановленій, ограждающихъ неприкосновенность православной церкви, но она не можетъ быть разсматриваема, какъ совращеніе въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ ст. 187 уложенія о наказаніяхъ“ [1]).

Обязывая всякую духовную власть и всякое частное лицо иностраннаго, какъ христіанскаго, такъ и иновѣрнаго исповѣданія, не прикасаться въ дѣлахъ вѣры къ убѣжденію совѣсти послѣдователей другихъ вѣръ, наше законодательство вообще воспрещаетъ „всякое малѣйшее помѣшательство“ церкви православной и всякое отвлеченіе отъ нея [2]). Такъ, „священнослужители иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, которые завѣдомо допустятъ православнаго къ исповѣди, причащенію или елеосвященію по своимъ обрядамъ, подвергается за сіе: въ первый разъ удаленію отъ мѣста на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а во второй—лишенію духовнаго сана“. Даже „за исправленіе сихъ духовныхъ требъ для православнаго по невѣдѣнію, они подвергаются строгому выговору, какъ за несогласную съ важностью ихъ званія неосмотрительность“ [3]). „Лица духовенства иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій, изобличенныя въ преподаваніи катихизиса малолѣтнимъ исповѣданія православнаго, или же въ дѣланіи имъ противныхъ

зомъ приговоры, коими лица духовнаго званія присуждаются къ лишенію сана, съ заключеніемъ или безъ онаго, или къ удаленію въ великороссійскія губерніи, прежде приведенія въ исполненіе, представляются министру внутреннихъ дѣлъ для внесенія чрезъ комитетъ министровъ на Высочайшее усмотрѣніе“. (Тамъ же, ст. 535).

[1]) Рѣшеніе угол. кассац. департ. 1891 г. № 9.

[2]) Т. XI, ч. 1, ст. 4. Т. XIV уст. о предупр. и пресѣч. прест., ст. 77.

[3]) Улож. о наказ., ст. 193. „Дѣйствія пастора, завѣдомо допустившаго крещеніе, по обряду лютеранской церкви, ребенка, рожденнаго отъ матери православнаго исповѣданія, даннымъ имъ на такое крещеніе благословеніемъ и запись имъ младенца въ метрикахъ лютеранской церкви, по мнѣнію уголовн. кассац. департ. (рѣш. общ. собранія 1871 г. № 87), подходятъ подъ дѣйствіе ст. 193 уложенія“. Намъ же кажется, что эти дѣйствія подходятъ скорѣе подъ дѣйствіе слѣдующей 194[1] ст., чѣмъ подъ дѣйствіе 193 ст. улож. о наказ.

православію внушеній, хотя и безъ доказаннаго намѣренія совратить ихъ, подвергаются за сіе: въ первый разъ удаленію отъ своихъ мѣстъ и должностей на время отъ одного года до трехъ лѣтъ; во второй—лишенію духовнаго сана и заключенію въ тюрьмѣ на время отъ восьми мѣсяцевъ до одного года и четырехъ мѣсяцевъ“ [1]). Наконецъ, „священнослужители иновѣрныхъ христіанскихъ исповѣданій, которые совершатъ по своимъ обрядамъ надъ православнымъ конфирмацію, или мνропомазаніе, или иное священнодѣйствіе, знаменующее принятіе въ исповѣданіе иновѣрной христіанской церкви, или же допустятъ совершить или совершатъ по своимъ обрядамъ крещеніе надъ дѣтьми православныхъ, подвергаются за сіе: отрѣшенію отъ должности или лишенію духовнаго сана“ [2]).

Наоборотъ, „если исповѣдующіе иную вѣру пожелаютъ присоединиться къ вѣрѣ православной, никто ни подъ какимъ видомъ не долженъ препятствовать имъ въ исполненіи сего желанія“. „За препятствованіе кому-либо присоединиться добровольно къ церкви православной виновные подвергаются: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Но если для помѣшательства переходу въ православіе,

---

[1]) Улож. о наказ., ст. 194.

[2]) Тамъ же, ст. 194[1]. Ср. ст. 501 т. XI, ч. 1. „Если евангелическо-лютеранскій проповѣдникъ присоединитъ къ своей церкви члена православной церкви, то немедленно отрѣшается отъ должности и лишается сана“.

По проекту новаго уголовнаго уложенія (ст. 343) „духовное лицо иновѣрнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, виновное: 1) въ совершеніи по своимъ обрядамъ надъ завѣдомо православнымъ конфирмаціи, мνропомазанія или иного священнодѣйствія, знаменующаго принятіе въ вѣроисповѣданіе иновѣрной христіанской церкви, или же въ совершеніи по своимъ обрядамъ, или въ допущеніи совершенія крещенія ребенка, завѣдомо подлежащаго крещенію по правиламъ вѣры православной; 2) въ допущеніи лица завѣдомо православнаго вѣроисповѣданія къ исповѣди, причащенію или елеосвященію по обряду своего вѣроисповѣданія; 3) въ преподаваніи катихизиса своего вѣроисповѣданія не достигшему совершеннолѣтія лицу завѣдомо православнаго вѣроисповѣданія; 4) въ совершеніи брака съ лицомъ православнаго вѣроисповѣданія прежде совершенія онаго православнымъ священникомъ, если не было на сіе надлежащаго разрѣшенія,—наказывается: арестомъ на срокъ не свыше одного мѣсяца. Сверхъ сего, виновный въ случаѣ, первымъ пунктомъ сей статьи указанномъ, удаляется отъ церковной должности навсегда; въ случаяхъ же, вторымъ, третьимъ и четвертымъ пунктами указанныхъ, удаляется отъ церковной должности на время отъ шести мѣсяцевъ до одного года, а при повтореніи—навсегда“. „Духовное лицо иновѣрнаго христіанскаго вѣроисповѣданія, виновное въ совершеніи брака между лицами завѣдомо православнаго вѣроисповѣданія, наказывается: арестомъ. Сверхъ сего, виновный удаляется отъ церковной должности навсегда“. (Тамъ же, ст. 344). Вопросъ о томъ, подлежитъ ли лютеранскій пасторъ, допустившій къ конфирмаціи лицо, родившееся отъ православныхъ родителей, но окрещенное, вопреки закону, по обряду лютеранской церкви, уголовной отвѣтственности по 193 и 194[1] ст. уложенія о наказ., уголовнымъ кассаціоннымъ департаментомъ правительствующаго сената (въ засѣданіи 21 марта 1900 года) рѣшенъ отрицательно. Слѣдовательно, стоитъ только православнымъ родителямъ окрестить своего ребенка въ лютеранство, или католичество,—и послѣдній уже не будетъ считаться православнымъ. Явленіе печальное и въ государствѣ, гдѣ православная вѣра есть первенствующая и господствующая, едва ли желательное.

были ими употреблены угрозы, притѣсненія или насилія, то они приговариваются: къ лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ тюрьмѣ на время отъ одного года и четырехъ мѣсяцевъ до двухъ лѣтъ. Сверхъ того, во всякомъ случаѣ, имъ воспрещается управлять тѣми своими населенными имѣніями, въ коихъ находятся православные" [1]).

Такъ проводится въ жизнь въ дѣйствующемъ законодательствѣ первый изъ указанныхъ выше принциповъ — охраненіе господствующей православной вѣры.

Посмотримъ теперь, какъ примѣняется на практикѣ въ нашемъ законодательствѣ второй принципъ, характеризующій отношеніе русской государственной власти къ лицамъ неправославнымъ.

Строго оберегая, какъ мы видѣли, православную церковь отъ нарушенія ея правъ, наше законодательство въ то же время предоставляетъ полную свободу вѣры и всѣмъ къ ней не принадлежащимъ и избѣгаетъ вмѣшательства въ ихъ внутреннія религіозныя дѣла, о чемъ ясно говорятъ намъ основные законы. „Всѣ не принадлежащіе къ господствующей церкви подданные Россійскаго государства, природные и въ подданство принятые, также иностранцы, состоящіе въ россійской службѣ, или временно въ Россіи пребывающіе, пользуются каждый повсемѣстно свободнымъ отправленіемъ ихъ вѣры и богослуженія по обрядамъ оной" [2]). „Свобода вѣры присвояется не токмо христіанамъ иностранныхъ исповѣданій, но и евреямъ, магометанамъ и язычникамъ: да всѣ народы, въ Россіи пребывающіе, славятъ Бога Всемогущаго разными языки по закону и исповѣданію праотцевъ своихъ, благословляя царствованіе Россійскихъ Монарховъ и моля Творца вселенной о умноженіи благоденствія и укрѣпленіи силы Имперіи" [3]). „Господствующая церковь не дозволяетъ себѣ ни малѣйшихъ принудительныхъ средствъ при обращеніи послѣдователей иныхъ вѣроисповѣданій и вѣръ къ православію, и тѣмъ изъ

---

[1]) Т. XI, ч. I, ст. 5. Т. XIV Уст. о предупр. и пресѣч. прест., ст. 75. Улож. о наказ. ст. 191. По проекту новаго Уголовнаго Уложенія „виновный въ воспрепятствованіи, посредствомъ учиненныхъ для сего насилія или наказуемой угрозы, желающему присоединиться къ православной вѣрѣ принять таковую, наказывается: заточеніемъ на срокъ не свыше трехъ лѣтъ" (ст. 345).

[2]) Т. I, ч. I, основ. законы, ст. 44.

[3]) Тамъ же, ст. 45. Ср. ст. 65. Т. XIV, Уст. о предупр. и пресѣ... прест. Въ частности объ армяно-грегоріанской церкви сказано: „армя... грегоріанская церковь въ Россійской Имперіи, наравнѣ съ про... ...тостранными исповѣданіями, пользуется Всемилостивѣйшимъ ...ительствомъ Государя Императора" (Т. XI, ч. I, Уст. иностр. ...т. 1109). И далѣе: „во всей Россійской Имперіи дозволяется с... ...тправленіе вѣры по обрядамъ церкви армяно-грегоріанской ...тобы члены сей церкви, на основаніи общихъ государстве... ...неній, тщательно воздерживались отъ всякаго наруше... ...аго уваженія къ другимъ, свободно въ Имперіи испов... ...мъ, особенно же отъ строго воспрещеннаго сими зак... ...изма". (Тамъ же, ст. 1110).

ковью. Напримѣръ, православные настоятели нашихъ сельскихъ церквей далеко не всѣ еще получаютъ изъ государственной казны содержаніе, да если и получаютъ, то въ очень небольшомъ размѣрѣ, обыкновенно не болѣе 300 рублей [1]). Между тѣмъ все римско-католическое духовенство получаетъ жалованье изъ государственнаго казначейства. (Т. XI. ч. І. Уст. иностр. исповѣд., стт. 98 и 133). Во всѣхъ протестантскихъ исповѣданіяхъ прихожане обязаны дѣлать взносы въ опредѣленномъ размѣрѣ на содержаніе пасторовъ. (Тамъ же, ст. 470, 472 примѣчанія 2-е и 3-е, 916, 997, 1006, 1039, 1044, 1072 примѣчаніе). Точно также приходы армяно-грегоріанской церкви обязаны давать своему приходскому духовенству постоянное содержаніе (тамъ же, стт. 1246, 1247), и кромѣ того это духовенство получаетъ по опредѣленной таксѣ вознагражденіе за совершаемыя имъ требы (тамъ же, ст. 1248 [2]). Такія же точно преимущества имѣютъ инославныя церкви и въ дѣлѣ пріобрѣтенія недвижимости. Православныя духовныя установленія: церкви, монастыри и архіерейскіе дома могутъ пріобрѣтать для себя недвижимость, какъ бы ни была мала ея цѣнность, не иначе, какъ съ Высочайшаго на каждый разъ разрѣшенія. (Т. IX. Зак. о состоян., стт. 386 и 398). Между тѣмъ церкви и духовныя учрежденія евангелическо-аугсбургскаго исповѣданія, безъ всякаго ограниченія цѣнностью, пріобрѣтаютъ для себя недвижимости всегда съ разрѣшенія только министра внутреннихъ дѣлъ. (Т. XI, ч. І., стт. 959 и 960). Церкви евангелическо-лютеранскія, также армяно-грегоріанскаго исповѣданія, пріобрѣтаютъ недвижимости до 300 рублей—съ разрѣшенія своихъ консисторій (лютеранскія—генеральной консисторіи), до 1000 рублей—департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ вѣроисповѣданій, до 5000 рублей—министра внутреннихъ дѣлъ, и только при большей 5000 рублей цѣнѣ недвижимости для пріобрѣтенія ея требуется Высочайшее разрѣшеніе. (Тамъ же, стт. 714 и 1214).

Что касается взаимныхъ отношеній между инославными вѣроисповѣданіями, то законодательство наше совершенно справедливо не допускаетъ вмѣшательства одного вѣроисповѣданія въ дѣла другого. „Тѣ же правила терпимости, — говоритъ 77 ст. XIV тома (Уст. о предупр. и пресѣч. прест.), ко-

[1]) Лишь въ царствованіе Императора Александра III было обращено вниманіе правительства на улучшеніе быта православнаго духовенства (въ особенности сельскаго) путемъ выдачи ежегоднаго содержанія причтамъ наиболѣе бѣдныхъ церквей изъ суммъ государственнаго казначейства. На всеподданнѣйшемъ адресѣ св. синода въ Бозѣ почившій Императоръ собственноручно начерталъ: „Буду вполнѣ радъ, когда мнѣ удастся обезпечить все сельское духовенство“. Исполненіе этого желанія покойнаго Императора продолжаетъ осуществляться въ нынѣшнее царствованіе Императора Николая II.

[2]) Въ послѣдней статьѣ читаемъ: „Даянія за исправленіе духовныхъ требъ назначаются слѣдующія: за молитву родильницѣ десять копѣекъ; за крещеніе младенца двадцать копѣекъ, за свадьбу сорокъ копѣекъ; за погребеніе взрослаго сорокъ копѣекъ, а младенца двадцать копѣекъ. При совершеніи таинствъ покаянія или исповѣди и причащенія Св. Таинъ не полагается никакого даянія“.

торыя сохраняетъ правительство, обязываетъ всякую духовную власть и всякое частное лицо иностраннаго христіанскаго и иновѣрнаго исповѣданія не прикасаться въ дѣлахъ вѣры къ убѣжденію совѣсти послѣдователей другихъ вѣръ. „Запрещается всѣмъ и каждому, ради различія вѣры, вчинать ссоры, или распри, или брань, или чинить поношеніе“ [1]).

„Полиція охраняетъ между всѣми въ городѣ живущими, хотя различныхъ вѣръ, доброе гражданское согласіе, миръ и тишину“ [2]).

Что касается перехода изъ одного инославнаго исповѣданія въ другое, то надо замѣтить, что съ прошлаго 1901 года такой переходъ предоставляется свободному усмотрѣнію лица инославнаго, ранѣе же требовалось каждый разъ особое разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ.

Вопросъ о томъ, какъ должна отозваться эта перемѣна исповѣданія отца или матери на исповѣданіи сыновей и дочерей,—не должны ли малолѣтніе сыновья послѣдовать вслѣдъ за отцомъ въ новое исповѣданіе, а малолѣтнія дочери за матерью, или всѣ малолѣтніе за отцомъ, или остаться до совершеннолѣтія въ томъ исповѣданіи, въ какомъ они крещены, въ русскомъ законодательствѣ не предусмотрѣнъ [3]).

Относительно же браковъ лицъ, принадлежащихъ къ разнымъ инославнымъ вѣроисповѣданіямъ, въ нашемъ законодательствѣ существуютъ слѣдующія постановленія: „Когда лица, въ бракѣ состоящія, оба суть иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій и притомъ различныхъ, то хотя бы они были вѣнчаны въ церквахъ обоихъ исповѣданій, опредѣленіе о дѣйствительномъ существованіи ихъ брака и законности онаго подлежитъ суду того вѣроисповѣданія, коего священникъ произвелъ первое вѣнчаніе, а рѣшеніе объ уважительности причинъ къ расторженію брака и самое расторженіе или нерасторженіе онаго подлежитъ суду того вѣроисповѣданія, къ коему принадлежитъ отвѣтчикъ, но сіе рѣшеніе не можетъ быть постановлено прежде разсмотрѣнія о дѣйствительномъ совершеніи брака и законности онаго. Какъ опредѣленіе о сихъ двухъ случаяхъ, такъ и самое рѣшеніе суда о расторженіи или нерасторженіи брака, означеннымъ порядкомъ произведенное, почитается для обоихъ брачныхъ лицъ равносильнымъ“ [4]). „Браки между лицами иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій (а не православнаго) въ губерніяхъ: виленской, витебской, волынской,

[1]) Т. XIV, уст. о предупр. и пресѣч. преступл., ст. 67.

[2]) Тамъ же, ст. 68.

[3]) Въ нашемъ законодательствѣ предусмотрѣнъ только одинъ случай перемѣны обоими или только однимъ изъ родителей своей вѣры: случай перехода еврея въ христіанство. „По принятіи евреями (мужемъ и женою) христіанской вѣры, совершается св. крещеніе и надъ малолѣтними ихъ дѣтьми до семилѣтняго возраста. Если принимаетъ христіанскую вѣру одинъ отецъ или одна мать, то совершается св. крещеніе въ первомъ случаѣ сыновей, а въ послѣднемъ дочерей“. Приложеніе къ ст. 7-ой, XI т., ч. I. Правила о принятіи евреевъ въ иностранныя христіанскія исповѣданія. Правило 6-е.

[4]) Т. XVI, ч. 2. Законы о судопроизв. гражд., ст. 4?5.

гродненской, кіевской, ковенской, минской, могилевской и подольской совершаются священникомъ той вѣры, къ которой принадлежитъ невѣста. Когда же римско-католическій священникъ не согласится благословить такого брака, то вѣнчаніе можетъ быть предоставлено священнику другого исповѣданія. Дѣти, рождающіяся въ сихъ бракахъ, должны быть крещены: сыновья въ отцовской, а дочери въ той вѣрѣ, которую исповѣдуетъ мать, если о томъ иначе не будетъ постановлено въ брачныхъ договорахъ [1]). Наконецъ, въ заключаемыхъ въ Финляндіи бракахъ лицъ разныхъ христіанскихъ исповѣданій вѣнчаніе производится въ обѣихъ церквахъ. Дѣти, рождающіяся въ сихъ бракахъ, воспитываемы должны быть въ той вѣрѣ, къ которой принадлежитъ отецъ, не допуская о семъ особенныхъ договоровъ" [2]).

Заканчивая настоящую статью, мы, на основаніи данныхъ исторіи, пришли къ заключенію, что охраненіе господствующей православной вѣры, съ одной стороны, и полное невмѣшательство во внутреннюю религіозную жизнь иновѣрцевъ, съ другой, — вотъ тѣ основныя начала, которыми руководилось русское церковное и свѣтское правительство въ своихъ отношеніяхъ къ „иностраннымъ исповѣданіямъ" на всемъ пространствѣ исторіи русскаго государства. Русь берегла свое и не желала чужого [3]). Указанными выше, совершенно справедливыми началами, по отношенію къ иновѣрцамъ, будетъ, конечно, руководствоваться церковная и государственная власть на Руси, и впредь, помня слѣдующій завѣтъ Императора Александра III: „Православной церкви—господство; каждой вѣрѣ—почитаніе; русской народности подобаетъ всеобъединяющая и всеподчиняющая сила, но каждой народности да будетъ свобода во всемъ, что этому объединенію и подчиненію не препятствуетъ".

Проф. **М. Красноженъ.**

---

[1]) Т. X. ч. I, ст. 75.

[2]) Тамъ же, ст. 68. „Постановленіе сіе въ отношеніи лицъ, исповѣдующихъ православную вѣру, распространяется на однихъ только коренныхъ жителей Финляндіи, браки же военнослужащихъ православнаго исповѣданія, находящихся въ тѣхъ мѣстахъ по командѣ и квартированію, должны быть совершаемы православными священниками на основаніи общихъ постановленій". Тамъ же.

[3]) Между прочимъ, въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ" (отъ 2-го ноября 1901 г., № 301, „Границы вѣротерпимости"), по поводу моей статьи: „Къ вопросу о свободѣ совѣсти и вѣротерпимости" (помѣщенной въ № 9.204 „Новаго Времени"). К. Толстой пишетъ: „Наша православная церковь до сихъ поръ относилась вполнѣ правильно и благодушно не только къ инославнымъ христіанамъ, но и къ нехристіанскимъ вѣроисповѣданіямъ. Католическіе и лютеранскіе храмы, еврейскія синагоги и мусульманскія мечети свободно строятся въ нашихъ городахъ, и богослуженіе, сообразно соотвѣтствующему культу, совершается въ нихъ безпрепятственно, съ единственнымъ условіемъ—не быть выносимымъ на улицу. Гуманнѣе, справедливѣе, вѣротерпимѣе поступить невозможно".

Славянскіе мотивы.

I.

Убитый орелъ.

(Изъ *Антонія Совы*, съ чешскаго).

Охотничій замокъ мой спалъ,—
Не слышно, не видно дозора;
Лишь вѣтеръ безсонный качалъ
Вершины дремучаго бора.

Ночь таяла; зорька всплыла,
Туманъ всколыхнулся волнами;
Завидѣлъ я въ небѣ орла
Вблизи надъ сѣдыми скалами...

Прицѣлился, выстрѣлилъ я,—
Царь-птица на землю упала,
Глазами впилася въ меня,
Разбитымъ крыломъ трепетала.

Струилася кровь, какъ ручей,
Изъ раны глубокой, смертельной.
Отъ взгляда орлиныхъ очей
Охватывалъ страхъ безпредѣльный...

Но меркнетъ и царственный взоръ,
Погасли живые алмазы,—
И въ сердцѣ я слышу укоръ,
Всю кровь леденящія фразы:

„Ты думалъ,—убьешь ты орла...
Безумецъ, рабъ жизни безплодной!
Вѣдь эта царь-птица была
Прообразомъ мысли свободной;

„Парила она надъ тобой,
Звала тебя въ ширь безъ предѣла,
На бой вызывала съ судьбой
Во имя великаго дѣла...

„И что же?—убита она,
Твоею рукой безъ пощады!
Такъ пей же страданье до дна,
Оковъ жди, какъ лучшей награды!..“

Орелъ предо мною лежалъ
Трофеемъ живого укора;
А вѣтеръ качалъ и качалъ
Вершины угрюмаго бора...

II.

«Насъ довольно!..»

(Изъ *Святоплука Чеха*, съ чешскаго).

Что? Мало насъ?!. Нѣтъ, лучше замолчите!
Безсиленъ тотъ, кто унывать начнетъ...
Вы древній Римъ, Элладу вспомяните:
Чѣмъ были тѣ, чѣмъ были въ свой чередъ?!.

Легко ли было биться нашимъ дѣдамъ,
Когда на нихъ весь римскій міръ возсталъ!
Но вождь-слѣпецъ повелъ народъ къ побѣдамъ,
И—грозный врагъ предъ Жишкой трепеталъ...

Проснется духъ героевъ вдохновенный,
Поможетъ Богъ намъ выдержать борьбу:
Слабъ только тотъ, въ комъ страхъ раба презрѣнный,
Малъ только тотъ, не вѣритъ кто въ судьбу!..

Аполлонъ Коринфскій.

НАШЪ ФЛОТЪ.

Еще очень недавно, лѣтъ десять тому назадъ, броненосцы въ 12 тысячъ тоннъ считались первоклассными эскадренными единицами. Крейсеръ „Россія“ признавался послѣднимъ словомъ науки. Но наука не остановилась. Англичане стали строить броненосцы въ 14 тысячъ тоннъ, американцы рѣшили нынѣ заложить нѣсколько кораблей въ 18 тысячъ, стоимостью по 25 милліоновъ рублей за каждый. Итальянцы строятъ нѣчто подобное. И у насъ снова идетъ рѣчь о чрезвычайномъ ассигнованіи уже не девяноста милліоновъ, а полумилліарда рублей на кораблестроеніе. Сумма обозначится болѣе или менѣе точно тогда, когда выработана будетъ самая программа судостроенія. Повидимому, ея нѣтъ; ни моряки, ни корабельные инженеры еще не столковались, на что употребить гору золота. Еще 18 февраля въ библіотекѣ морского министерства В. А. Макаровъ спрашивалъ компетентныхъ моряковъ, собравшихся слушать его: „Какія суда намъ надобно строить?“ Отвѣта не получилось. Выяснилось лишь одно, что можно строить и громадные броненосцы, защищенные стале-никкелевою бронею, и неблиндированныя суда въ 3 тысячи тоннъ, а что изъ этого выйдетъ, укажетъ будущее, если въ будущемъ предстоитъ война.

В. А. Макаровъ доказывалъ, что владычество на моряхъ континентальная Россія пріобрѣтетъ посредствомъ „Новиковъ“ [1]), потому что въ „площади попадать не трудно, а въ предметы трудно“. В. А. Дубасовъ полагалъ, что нужны броненосцы.

Съ мнѣніемъ перваго можно бы было согласиться, еслибы въ Гаагѣ собрался международный мирный конгрессъ и господа дипломаты, взявъ за образецъ декларацію 4/16 апрѣля 1856 года, постановили:

1) Бронированіе есть и остается уничтоженнымъ.

2) Броненосцы всѣхъ морскихъ державъ разбираются и полученный изъ нихъ матеріалъ обращается на подѣлку предметовъ первой необходимости мирнаго населенія.

---

[1]) Крейсеръ II ранга «Новикъ» построенъ въ Эльбингѣ, въ 1900 г. длина 360 ф. 5 д., шир. 40 ф., 3080 тоннъ, машина 17,000 силъ, скорость хода 25 узловъ, вооруженіе: VI ор.—120 м.м., IX—ск. и II—3 л.

Пока же такого, и притомъ обязательнаго для всѣхъ государствъ постановленія не будетъ, а Россія признаетъ для себя обязательнымъ и справедливымъ охранять побережье Дальняго Востока, растянувшагося подъ выстрѣлами броненосцевъ шустрыхъ и неугомонныхъ японцевъ, не давшихъ клятвеннаго обѣщанія не попадать въ предметы,—нельзя, безъ риска потерять очень многое, ограничиться картоннымъ флотомъ. Японцы перестали бояться сами и пугать европейцевъ намалеванными драконами.

Еще менѣе можно считаться съ мнѣніями г.г. моряковъ, туманно проповѣдующихъ о чрезвычайномъ, подавляющемъ значеніи водобронныхъ и подводныхъ судовъ. „Вотъ что намъ надобно строить и посредствомъ чего мы овладѣемъ Босфоромъ, Дарданеллами и Средиземнымъ моремъ“,—восклицаетъ г. Nauta. Но гдѣ эти подводныя суда, какія плаванія совершили онѣ? Ни продолжительные и упорные опыты во Франціи и въ Англіи не остановили и не измѣнили кораблестроительной политики этихъ морскихъ державъ, ни здравый смыслъ не допускаетъ на невѣдомую силу возлагать надежды и упованія имперіи, омываемой отдаленнѣйшими другъ отъ друга морями. Защищать портъ или проливъ, конечно, можно подводными судами, но Дарданеллы *не захватить съ помощью ихъ только*, какъ *не предотвратить* и японскаго дессанта въ Дальній или Нью-Чвангъ.

Для Балтійскаго моря, конечно, можно строить флотъ по проекту В. А. Макарова, или даже и вовсе не строить никакого. Весь минувшій XIX вѣкъ мы тщетно расчитывали на охрану балтійскаго побережья флотомъ. Но въ критическія минуты наши корабли сами искали спасенія за фортами, по преимуществу въ Кронштадтѣ. Нынѣ совѣтуютъ форты выдвинуть до Гогланда, вѣроятно для того, чтобы дать балтійскому флоту большій просторъ для мирныхъ занятій въ военное время.

Замѣчательно, что Россія ровно ничего не теряла отъ несостоятельности этого флота и съ честію выходила изъ военныхъ затрудненій благодаря арміи. Черное море съ каждымъ годомъ становится пустыннѣе и нелюдимѣе. Никакія жертвы правительства, никакія мѣры его не поощряютъ русскихъ людей къ созданію коммерческаго флота; рынки ближайшаго востока, нуждающіеся во всевозможныхъ фабричныхъ и мануфактурныхъ произведеніяхъ заполняются нашими сосѣдними государствами—Германіею и Австріею. Черноморская желѣзная дорога обездолитъ окончательно каботажъ, если мы не прекратимъ, наконецъ, конкуренцію желѣзныхъ дорогъ съ морскимъ промысломъ. Путь къ Константинополю, шедшій въ началѣ XIX вѣка чрезъ Вѣну, нынѣ пролегъ чрезъ Берлинъ. На этомъ же трактѣ столько подводныхъ рифовъ и иныхъ препонъ, что никакіе крейсеры и броненосцы не вывезутъ. Во всякомъ же случаѣ участіе черноморскаго флота при ликвидаціи восточнаго вопроса въ Берлинѣ, будетъ очень незначительно, если не сказать откровенно—ничтожно. Удобный и дорогой моментъ

упущенъ и едва ли повторится снова. Тѣмъ не менѣе, нельзя не поддерживать полной боевой готовности черноморскихъ броненосцевъ, когда султанъ ведетъ переговоры съ германскими судостроителями о новыхъ корабляхъ. Мы не можемъ отказаться отъ флота въ Черномъ морѣ до тѣхъ поръ, пока не поставимъ своихъ часовыхъ въ Дарданеллахъ.

Великая и блестящая задача предстоитъ нашему флоту на Дальнемъ Востокѣ. Очистимъ ли мы нынѣ Манчжурію и снова займемъ ее не долѣе, какъ черезъ пять—шесть лѣтъ, или хунгузы помогутъ намъ и мы останемся тамъ (что было бы желательнѣе и вполнѣ справедливо), первый фазисъ борьбы за свободные выходы въ открытое море, за рынки и равноправность на Тихомъ океанѣ начнется морскимъ сраженіемъ. Если въ охранѣ Египта роль англійскаго флота ясна и понятна для Великобританіи, то въ охранѣ отдаленнѣйшихъ нашихъ владѣній, купленныхъ несмѣтными жертвами коренного русскаго населенія, эта роль русскаго флота еще очевиднѣе и понятнѣе всему цивилизованному міру. Надобно только откровенно и не фарисействуя объявить этому міру, что мы, создавшіе великую стальную ленту между Балтійскимъ моремъ и Тихимъ океаномъ на трудовыя народныя сбереженія, не можемъ довѣрить охрану ея хунгузамъ и боксерамъ, какъ не довѣряютъ англичане недавно созданной ими нильской плотины феллахамъ.

Нетрудно израсходовать полмилліарда на кораблестроеніе, но какой же толкъ будетъ отъ кораблей, въ боевую пригодность которыхъ не вѣритъ самая главная часть морскихъ вооруженныхъ силъ имперіи—личный составъ? Впрочемъ, улита ѣдетъ, когда-то будетъ, пятьсотъ милліоновъ и при нашемъ громадномъ бюджетѣ не маленькая сумма! А русскій флотъ между тѣмъ, ограничиваясь 42 милліонами [1]) на судостроеніе, предъявляетъ неотложное требованіе увеличенія личнаго состава и вмѣстѣ съ тѣмъ коренной реформы довольно таки устарѣвшей системы подготовки флотоводцевъ къ службѣ на морѣ на современныхъ корабляхъ.

Современный флотъ такъ рѣзко отличается отъ прежняго, что самый лучшій морякъ, десятки лѣтъ плававшій по морямъ и океанамъ, внимательно изучавшій свою профессію и не лишенный способности быстро усваивать всевозможныя знанія, окажется безпомощнымъ на новѣйшемъ броненосцѣ.

Въ дореформенное время авторитетъ корабельнаго начальства поддерживался жестокими репрессивными мѣрами. Съ сокращеніемъ срока службы нижнихъ чиновъ, репрессивныя мѣры упразднились и главнѣйшее основаніе дисциплины зиждилось на превосходствѣ знаній, на преобладаніи опытности офицеровъ предъ нижними чинами. На кораблѣ въ наше время офицеръ почти всегда является долѣе служившимъ, а слѣдовательно и болѣе опытнымъ въ глазахъ нижнихъ чиновъ

[1]) Общая государственная роспись доходовъ и расходовъ на 1903 годъ. «Правительственный Вѣстникъ» № 1, 1 января с. г.

семилѣтней службы. Тѣ же преимущества старшинства службы давали и даютъ нравственное превосходство командирамъ и адмираламъ предъ всѣми чинами на кораблѣ.

Корабль, какъ стараго, дореформеннаго времени, такъ и еще очень недавняго, до вторженія въ корабельную жизнь и боевую службу всемогущаго электричества, хотя былъ довольно сложною машиною, отлично управлялся флотскимъ офицеромъ, былъ послушнымъ и страшнымъ оружіемъ въ его рукахъ. Морской корпусъ и учебныя плаванія на кадетскомъ отрядѣ, а затѣмъ на транзундской эскадрѣ или на артиллерійскомъ и минномъ отрядахъ подготовляли офицеровъ къ роли начальниковъ. Дальнія плаванія, въ особенности на тихоокеанской эскадрѣ совершенствовали офицеровъ и дѣлали ихъ моряками въ полномъ смыслѣ этого слова.

Подъ именемъ же моряка еще недавно подразумѣвался человѣкъ, отстоявшій много вахтъ, съѣвшій большое количество солонины, сухарей и консервовъ всякаго приготовленія, извѣдавшій штормы и ураганы и, вообще, побывавшій не разъ въ критическихъ положеніяхъ, заставлявшихъ его чуть ли не собственноручно вырубать мачты [1]), выстругивать стеньги и перекраивать паруса. Еще четверть вѣка тому назадъ броненосцы строились съ подъемными винтами, а на палубахъ боевыхъ единицъ высились гигантскія мачты. Еще четверть вѣка тому назадъ штыкъ-болтные и салинговые матросы были первыми людьми на бакѣ, а марсовые квартирмейстеры считались красою флота. Вспоминая объ этомъ, еще и нынѣ Иванъ Камчатскій [2]) увѣряетъ своихъ читателей, что и нынѣ флотъ зиждится лишь на нихъ, что въ неприкосновенности этого званія вся тайна морского могущества Россіи.

Прежній морякъ непремѣнно долженъ былъ быть спортсменомъ и даже немного поэтомъ. Спортъ процвѣтаетъ въ Англіи— чисто морской странѣ. Продолжительные штили среди безбрежнаго океана, чудное небо тропиковъ, удивительныя, еще никѣмъ не написанныя на полотнѣ, но изо дня въ день повторявшіеся на глазахъ моряковъ восходы и закаты солнца въ пассатѣ, гигантскія волны, катящіяся отъ Горна до Австраліи, бѣшеные штормы—все это въ самой прозаической душѣ могло пробудить любовь къ природѣ, развить вкусъ и пониманіе безконечнаго могущества Творца, создавшаго видимый міръ такимъ несказанно прекраснымъ и грандіознымъ.

Появленіе на горизонтѣ паруса возбуждало всегда въ душѣ моряка желаніе помѣриться искусствомъ управленія, потягаться силами. Обогнать соперника, обрѣзать ему носъ, выйти на вѣтеръ—всегда было желательно, но и всегда трудно и сопряжено съ большимъ знаніемъ дѣла, съ опытностью, съ умѣньемъ.

Голова моя уже давно посѣдѣла, глаза перестали быть

[1]) Такъ было еще въ 1890 году съ однимъ изъ нашихъ крейсеровъ отрядившимъ офицера въ Императорской гавани для поиска мачтоваго дерева.

[2]) Иванъ Камчатскій—сотрудникъ газеты «С.-Петербургскія Вѣдомости», сохранившій въ чистотѣ духъ и традиціи флота временъ очаковскихъ и покоренья Крыма.

дальнозоркими, но сердце мое дрожитъ еще и до сихъ поръ отъ восторга при воспоминаніи о парусныхъ гонкахъ, о плаваніяхъ въ эскадрѣ. Единственными свѣтлыми днями въ моей сѣрой, однообразной жизни и до сихъ поръ дни, проводимые на палубѣ паруснаго судна съ высокими, уходящими въ голубое небо стройными мачтами, съ бѣлыми, безукоризненно натянутыми парусами. Командиръ яхты Лазарева „Оріанда", Унковскій, черезъ тридцать восемь лѣтъ послѣ гонки на кронштадскомъ рейдѣ, въ предсмертномъ бреду, высказывалъ постоянный страхъ: „Какъ бы не опоздать на гонку!" [1]).

Старый шляхетный морской корпусъ справлялся со своею многотрудною задачею. Правда, онъ справлялся иногда лучше, иногда хуже. Замѣчательно, что хуже было именно тогда, когда въ дѣло воспитанія и обученія моряковъ вторгался посторонній морской профессіи элементъ, не признававшій никакихъ особенныхъ требованій морской службы и ставившій общее образованіе, всезнайство, выше спеціальнаго. Такъ, напримѣръ, реформа морского корпуса въ половинѣ минувшаго столѣтія, продиктованная теоретиками-профессорами и основанная на идеѣ воспитать и образовать человѣка-гражданина, а не моряка, окончилась полнымъ крушеніемъ, заставившимъ морское министерство вернуться снова къ кадетскому корпусу. Выпущенные энциклопедисты не пожелали плавать и занялись по преимуществу выгодными профессіями на берегу...

Но „не вливаютъ вино молодое въ мѣхи старые". Создавъ новый флотъ въ восьмидесятыхъ годахъ, нельзя было ограничиться только возстановленіемъ прежней надписи на стѣнахъ стараго василеостровскаго зданія. Новые корабли, новые элементы ихъ боевой готовности, новые механизмы и, наконецъ, новыя историческія событія и политическія задачи потребовали и требуютъ настоятельно новыхъ людей, воспитанныхъ и подготовленныхъ по иной системѣ.

II.

Съ 1882 года бюджетъ нашего морского министерства растетъ довольно быстро и нынѣ достигъ 115 милліоновъ. Естественно, что ростъ всякаго флота можетъ считаться правильнымъ и полнымъ лишь тогда, когда съ увеличеніемъ списка кораблей, увеличивается и одухотворяющій элементъ ихъ — личный составъ соотвѣтствующихъ знаній и подготовки.

Въ какой однако пропорціи такое увеличеніе требуется на .момъ дѣлѣ?

Достаточно ли для этого морское училище переименовать › морской кадетскій корпусъ и вмѣсто сорока мичмановъ ыпускать изъ его стѣнъ полтораста?

[1]) «Нравственный элементъ подъ Севастополемъ». С. К. Гершельманъ, тр. 414.

Отвѣты на послѣдніе вопросы даютъ характерныя статистическія свѣдѣнія о личномъ составѣ флотовъ, военнаго и коммерческаго за истекшее столѣтіе.

Въ 1811 году въ англійскомъ военномъ флотѣ, господствовавшемъ на всѣхъ моряхъ и океанахъ, офицеровъ и штурмановъ было 5127, а число матросовъ по указу парламента было доведено до 145,000 [1]). Стоимость же всего тогдашняго флота Великобританіи едва достигала цифры, ассигнуемой нынѣ русскимъ государственнымъ казначействомъ на годовой расходъ морского министерства. Говоря о современныхъ судахъ, надобно имѣть въ виду, что трехдечный корабль дней Нельсона могъ бы легко плавать въ ваннѣ, вмѣщающей въ себѣ воду, выпущенную только изъ котловъ одного эскадреннаго броненосца.

Британскій флотъ никогда еще не достигалъ такихъ громадныхъ размѣровъ, каковъ онъ нынѣ, а между тѣмъ личный составъ его въ 1903 году ограничивается 127,000 служащихъ, т. е. на 23 тысячи человѣкъ онъ менѣе противъ 1811 года.

Въ коммерческомъ флотѣ Англіи въ 1801 году насчитывалось 19,711 судовъ, вмѣстимостью 2.038,000 тоннъ, и 149,766 моряковъ. Въ 1900 году вмѣстимость увеличилась до 8.290,413 тоннъ, личный же составъ служащихъ достигъ только 177,700 моряковъ [2]).

Въ 1801 году на 100 тоннъ вмѣстимости требовалось 7,35 человѣкъ, въ 1900 году на 100 тоннъ приходится лишь 2,16.

По мѣрѣ того, какъ паръ вытѣснялъ парусъ, составъ экипажей измѣнялся и уменьшался. Увѣренность моряковъ въ томъ, что пока будетъ дуть вѣтеръ на землѣ, парусъ останется на кораблѣ, не оправдалась. Парусъ съ каждымъ годомъ теряетъ сотни тысячъ тоннъ вмѣстимости по самой простой и естественной причинѣ: паръ выгоденъ для купца и удобоподчиняемъ для воина. И въ самомъ дѣлѣ, то, что транспортируется по морямъ тремя тоннами вмѣстимости парусного судна, легко исполняется одною тонною парового, такъ какъ паръ даетъ возможность кораблю сдѣлать большее число миль плаванія, и большее число рейсовъ между портами. Работа по перевозкѣ моремъ, требовавшая еще въ 1854 г. труда $4^1/_2$ человѣкъ, въ 1900 году, благодаря усовершенствованіямъ выгрузки, нагрузки и быстротѣ хода, исполнялась однимъ человѣкомъ [3]). Сверхъ всякаго ожиданія, быстрый ростъ парового флота западныхъ морскихъ державъ не имѣлъ особаго вліянія на увеличеніе окладовъ механиковъ и машинной прислуги. Вообще можно сказать, что люди, или, правильнѣе, ихъ трудъ и умѣлость, какъ на сушѣ, такъ и на морѣ, съ каждымъ годомъ оплачиваются дороже, независимо отъ того, управляютъ ли они машиною или парусами, подбрасываютъ ли уголь въ топки, или берутъ рифы у марселей.

[1]) «Исторія Великобританскаго флота» Д. Дремса, т. V, стр. 336.
[2]) Annual report of the commissioner of navigation. p. 61. Washington. 1902 г.
[3]) Annual report, p. 61.

Въ этомъ нетрудно убѣдиться изъ нижеслѣдующей таблицы:

Званія.	Мѣсячное жалованье въ американскихъ долларахъ.					
	Америка.		Англія.		Германія.	
	1894 г.	1902 г,	1894 г.	1900 г.	1887 г.	1900 г.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Старшій механикъ	123,64	139,73	75,02	77,45	71,49	79,73
Кочегаръ . . .	41,85	42,34	19,69	21,33	11,90	14,76
Штурманъ, старш. помощникъ . . .	70,51	77,96	45,87	47,38	38,08	45,22
Матросъ 1 статьи или марсовой [1]).	27,35	29,31	18,23	20,43	10,71	13,09

Очень незначительное повышеніе окладовъ какъ новыхъ спеціалистовъ на морѣ, такъ прежнихъ, безъ которыхъ парусныя суда не могли, да не могутъ и нынѣ плавать благополучно, объясняется скорѣе общимъ поднятіемъ цѣнъ на все вообще, т. е. удорожаніемъ жизни.

Вышеприведенныя статистическія данныя свидѣтельствуютъ о томъ, что паръ и электричество въ значительной мѣрѣ сократили потребность въ мускульной силѣ людей. Надобно ожидать, что сокращеніе потребности въ такой силѣ будетъ прогрессивно увеличиваться и впредь. Подъемъ различныхъ тяжестей, напримѣръ, шлюпокъ, гребля веслами и прочія подобныя работы, требующія нынѣ сотни рукъ, въ ближайшемъ будущемъ будутъ производиться не мускульною силою, а паромъ и электричествомъ.

Въ тѣхъ же данныхъ усматривается, что на корабляхъ создался новый корпусъ необходимыхъ служащихъ—механиковъ и кочегаровъ и что трудъ этихъ новыхъ спеціалистовъ, ограничивающій ихъ дѣятельность въ предѣлахъ машиннаго и кочегарнаго отдѣленія и карьеру не просторнѣе этихъ отдѣленій, оплачивается нѣсколько дороже трудовъ штурмана и матроса.

Но штурманъ, т. е. корабельный чинъ, подготовленный водить по морямъ сложный организмъ, эту совокупность всякихъ механизмовъ и средствъ нападенія и защиты, или торговли и транспортировки, пріученный къ повиновенію и пріучающійся къ требованію отъ всѣхъ чиновъ исполненія долга, имѣетъ надежду достигнуть высшаго званія и положенія—капитана и флотоводца, а матросъ первой статьи или марсовой, изучившій нетрудное дѣло кочегара или машиниста — заработать не менѣе ихъ.

Англійское адмиралтейство, сообразно новѣйшимъ требо-ніямъ морской службы, уже отказалось отъ прежней системы подготовки и обученія моряковъ, намѣтивъ нынѣ новый планъ, объявленный въ письмѣ постояннаго своего секретаря Evan

[1]) Annnal report of the commissioner of navigation for the fiscal year nded june 30, 1902. p.p. 53, 54.

Mac-Gregor'a [1]). Я слишкомъ утомилъ бы читателя и много занялъ бы мѣста на страницахъ журнала переводомъ этого длиннаго и обстоятельнаго письма. А потому и ограничиваюсь здѣсь лишь краткими выдержками изъ него, въ полной увѣренности, что спеціальный нашъ органъ, „Морской Сборникъ", дастъ своимъ читателямъ обстоятельный переводъ съ комментаріями упомянутаго документа.

Съ октября 1903 года англійское адмиралтейство отмѣняетъ традиціонное обученіе корпуса юнговъ, этого главнѣйшаго поставщика моряковъ британскаго флота, парусному и рангоутному дѣлу, замѣняя его гимнастикою, миннымъ и артиллерійскимъ ученьями, начинаетъ систематическое обученіе матросовъ механическимъ и кочегарнымъ работамъ. Званіе марсового матроса или матроса первой статьи (able seaman) будетъ пріобрѣтаться кандидатомъ послѣ испытанія его въ умѣньѣ обращаться со всевозможными машинными инструментами, въ умѣньѣ чистить трубки, обращаться съ паровыми котлами всякихъ системъ и т. д. Въ то же время учреждается новая морская гимнастическая школа, реформируется школа, подготовляющая штурмановъ и пр. и пр.

Новый планъ англійскаго адмиралтейства стремится образовать только исключительно моряковъ-спеціалистовъ для военнаго флота. Адмиралтейству нѣтъ ни малѣйшей заботы о томъ, что подъ британскимъ флагомъ еще плаваетъ достаточное количество парусныхъ судовъ, что матросы-машинисты не найдутъ себѣ мѣста на этихъ судахъ. Быть можетъ, это очень узкій взглядъ, быть можетъ моряки англійской школы не будутъ пригодны на изслѣдованіе полярныхъ льдовъ, производство гидрологическихъ наблюденій и т. д. Но зато эти моряки—воины и умрутъ моряками, зато они до конца дней своихъ будутъ въ спискахъ охранителей наслѣдства Джервиса, Нельсона и Коллингвуда.

Весь флотъ, съ флагмана до послѣдняго матроса, долженъ состоять только изъ *спеціалистовъ*. Само собою разумѣется, что между спеціалистомъ-капитаномъ, командующимъ кораблемъ, т. е. совокупностію всѣхъ механизмовъ, составляющихъ боевую силу эскадренной единицы, и прочими чинами, какъ бы они ни назывались, постоянно завѣдующими какою-либо частью этой единицы, неизмѣримо громадная разница. Первый обязанъ знать, что онъ долженъ и можетъ ожидать и требовать отъ машины, пушки, мины и тарана; вторые должны буквально и толково исполнять эти требованія его и его ближайшихъ помощниковъ—старшаго офицера и лейтенантовъ. Первый—спеціалистъ многосторонній, продолжительное время несшій обязанности лейтенантовъ спеціалистовъ, вторые—узкіе спеціалисты, готовившіеся управлять или минами, или пушками, или механизмами. Первый будетъ адмираломъ, флотоводцемъ, вторые, по выслугѣ извѣстнаго числа лѣтъ или достиженіи опредѣленнаго возраста — обезпеченнаго пенсіею

[1]) Times, 30 March 1903.

существованія. Но всѣ эти чины должны быть специалистами, драгоцѣнными только на кораблѣ, пригодными только для службы на морѣ, для командованія флотами, управленія кораблями и его частями, и полнѣйшею, дешевою посредственностію для иныхъ, чуждыхъ морю и кораблю профессій. Морская служба всегда была тяжелою, полною лишеній, и останется еще долго такою же, несмотря ни на какія усилія техники. Мы же, русскіе люди, не любимъ моря, не любимъ даже воды и водныхъ сообщеній вообще. Ни въ одной морской державѣ не подумали бы засыпать канала, похожаго на Екатерининскій, ни одинъ приморскій городъ въ Западной Европѣ не повернулся бы спиною на взморье, а Петербургъ мечтаетъ уничтожить прекрасный водный путь и не желаетъ любоваться морскою далью.

Естественно, что мы, русскіе, къ морской службѣ можемъ лишь привязать, закрѣпить людей не только обѣщаніемъ карьеры и обезпеченіемъ безбѣдной старости, но и спасительнымъ страхомъ за будущее существованіе ни къ чему, кромѣ флота, не подготовленнаго человѣка. Или служи на кораблѣ въ морѣ и будь спокоенъ за дальнѣйшее существованіе, или работай, какъ сотни тысячъ поденщиковъ-пролетаріевъ.

Я знаю и предвижу всѣ возраженія и противъ такого предложенія, и противъ такой принудительной мѣры. Но нигдѣ, ни въ одной странѣ не ломятся такъ упорно, настойчиво и легкомысленно въ морскія учебныя заведенія,—военныя или коммерческія,—какъ у насъ въ Россіи, не разсуждая о будущей карьерѣ, не учитывая будущихъ благъ въ вознагражденіе за службу на морѣ, къ которой готовятъ и должны готовить ихъ морскія школы. А потомъ, когда казна выроститъ и обучитъ всевозможнымъ знаніямъ ломившихся въ двери, господа энциклопедисты съ неподражаемою смѣлостію увѣряютъ всѣхъ, что они избрали по доброй волѣ, *въ ущербъ своему матеріальному благосостоянію, малооплачиваемую службу на морѣ, подъ защитою которой будто бы крѣпнетъ могущество Россіи!*

Конечно, нельзя не согласиться съ тѣмъ, что положеніе механиковъ невыносимо на военныхъ судахъ, что будущіе дѣйствительные статскіе и тайные совѣтники должны бы были считаться военными людьми и за свой трудъ получать соотвѣтствующее вознагражденіе, что нынѣшнее положеніе и оберъ-офицеровъ на флотѣ крайне тяжелое, удручающее и убивающее въ нихъ всякую энергію. Нельзя не согласиться и съ тѣмъ, что безотрадное положеніе этихъ послѣднихъ вынуждаетъ ихъ искать береговыхъ мѣстъ,- въ конторахъ, канцеля-хъ, на фабрикахъ, заводахъ, въ полиціи и т. д. Тянуть ...мку въ лейтенантскихъ погонахъ до сѣдыхъ волосъ или пол...й потери ихъ, до сорокалѣтняго возраста никому не охота. ...тянуть приходится за избыткомъ оберъ-офицеровъ, выпус-...мыхъ изъ корпуса, и ограниченности вакансій штабъ-офи-...скихъ должностей во флотѣ. Говорятъ, надобно пересмот-...ть законъ о цензѣ. Но это едва-ли поможетъ бѣдѣ. Надобно ...смотрѣть все положеніе о службѣ на кораблѣ и создать

новый корпусъ помощниковъ-спеціалистовъ, будутъ ли это метры или палубные офицеры, или кондукторы, составляющіе особую каютъ-компанію на кораблѣ и приспособленные замѣнить добрую половину оберъ-офицеровъ.

Не странна ли, не удивительна ли и въ самомъ дѣлѣ неподвижность нашего корабельнаго режима, когда все кругомъ измѣнилось, ушло впередъ? Лейтенанты стояли на четыре вахты на лазаревскихъ корабляхъ въ морѣ и на якорѣ, стоятъ и такъ же исправно и нынѣ. Но въ дни Лазарева и Нахимова каждое дуновеніе вѣтра требовало немедленнаго распоряженія опытнаго офицера, шквалъ могъ снести стеньги, подрейфовать съ якоря и т. д. Нынѣ же ходъ корабля зависитъ отъ числа оборотовъ винта, лагъ и лотъ автоматическіе, компасы безукоризненные, якоря и цѣпи внѣ всякихъ сомнѣній, телефоны и электричество дѣйствуютъ безъ осѣчки. Лейтенантамъ остается лишь одно распоряженіе—подметаніе палубы. Зато, какъ въ 1859 году на старомъ двухдечномъ „Выборгѣ" или на „Гангутѣ", при 660 нижнихъ чинахъ, мы имѣли по 27—28 оберъ-офицеровъ, такъ какъ и нынѣ на „Побѣдѣ", „Гангутѣ" и одинаковыхъ съ ними на 620 нижнихъ чиновъ въ каютъ-кампаніи 28 оберъ-офицеровъ и въ ихъ числѣ восемь флотскихъ, не имѣющихъ особыхъ званій. Они стоятъ вахту [1]).

Какъ въ 1859 г. мы посылали сосновые клипера совершать кругосвѣтныя плаванія подъ парусами, такъ и нынѣ нашъ крейсеръ плыветъ въ Австралію вокругъ мыса Доброй Надежды. Что говорить, плаваніе въ высшей степени поучительно, интересно и даже пріятно! Но какую пользу принесетъ оно для офицеровъ, обязанныхъ продолжать службу на броненосцахъ въ 12—15 тысячъ тоннъ, съ стальными башнями, вмѣсто мачтъ, съ скорострѣльными пушками, вмѣсто марселей? Придется переучиваться офицерамъ, придется забывать уроки трехлѣтняго плаванія на парусномъ крейсерѣ или отказаться отъ службы въ военномъ флотѣ вовсе. Что толку въ этихъ высокихъ мачтахъ учебнаго „Герцога Эдинбургскаго", изъ году въ годъ бороздящаго Атлантическій океанъ, съ квартирмейстерами нашего флота, когда этотъ флотъ уже не имѣетъ и не будетъ имѣть рангоута.

Время идетъ и все живое ростетъ и совершенствуется, пользуясь уроками минувшаго, избѣгая ошибокъ предшественниковъ. Казалось бы, и исторія нашего флота даетъ намъ полезныя указанія насчетъ опасности, ожидающей, напримѣръ, нашу Средиземноморскую эскадру очень небольшого состава и сравнительно безсильную. Фрегатъ „Венусъ" доблестно вышелъ изъ опасности въ 1808 году, сдавшись сицилійскому правительству [2]). Но развѣ желательно повтореніе такого случая

Конечно, пріятно и удобно сдѣлать цензъ на Пирейскомъ рейдѣ. Но что сдѣлаетъ русскій адмиралъ, когда внезап

[1]) Памятная книжка морскаго вѣдомства 1902 года, стр. 39—70.
[2]) Записки морского офицера (Броневскаго). Ч. IV, стр. 142 и да

война застанетъ его единственный броненосецъ въ Архипелагѣ. Ни вправо, ни влѣво податься нельзя, ибо вездѣ онъ встрѣтитъ десятки пушекъ противъ одной: бѣжать Суецскимъ каналомъ, по мысли профессоровъ международнаго права — нейтральнымъ, безумно; форсировать Дарданеллы и Босфоръ—безнадежно.

Я выше сказалъ, что Дарданеллъ нельзя захватить *только* съ помощію подводныхъ судовъ. Но съ другой стороны было-бы легкомысленно относиться къ нимъ безъ тщательнаго вниманія, какъ поступаемъ мы въ настоящее время. Англія уже имѣетъ цѣлый кадръ спеціалистовъ для подводныхъ судовъ. Во Франціи эти суда расписаны по портамъ и составляютъ оружіе ихъ защиты. Мы же все еще нянчимся съ единственною подводною лодкою.

Да, недостаточно для созданія морской вооруженной силы бросить полмилліарда рублей на постройку броненосцевъ или утлыхъ корабликовъ В. А. Макарова. Молодое вино нельзя вливать въ мѣхи старые.

А. Бѣломоръ.

Максимъ Горькій.

(Его творчество и его значеніе въ исторіи русской словесности и въ жизни русскаго общества).

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Введеніе.—«Босякъ» въ опредѣленіи Горькаго. —«Босякъ» въ жизни до проповѣди Горькаго и послѣ нея.

I.

Свойства и размѣръ таланта Максима Горькаго, значеніе его произведеній, вліяніе ихъ на читателей—все это вопросы, подлежащіе и обсужденію, и спору. Внѣ всякаго спора и всякаго сомнѣнія стоитъ распространенность сочиненій М. Горькаго среди читающей публики.

Распространенность эта чрезвычайна, и едва ли сравнима съ распространенностью какихъ бы то ни было другихъ книгъ на русскомъ языкѣ. Къ сентябрю 1903 года сочиненія Горькаго были выпущены въ количествѣ экземпляровъ: томъ 1-й разсказовъ—55000, томъ 2-й—57000, томъ 3-й—59000, томъ 4-й—60000, томъ 5-й—52000, пьеса „Мѣщане“—58000 и пьеса „На днѣ“—75000. Итого, сочиненій Горькаго разошлось за какія-нибудь пять лѣтъ, а то и менѣе,—416000 томовъ.

Никогда И. С. Тургеневъ, если сложить всѣ изданія его сочиненій и прибавить огромный выпускъ ихъ въ видѣ преміи къ „Нивѣ“ не имѣлъ такого распространенія.

Принимая во вниманіе, что часть этихъ экземпляровъ сочиненій Горькаго поступила въ библіотеки и читальни и что у каждаго покупателя книги найдется десятокъ знакомыхъ, которые возьмутъ книгу почитать, можно смѣло утверждать, что произведенія М. Горькаго читала вся грамотная Россія.

Почти съ первыхъ шаговъ своей карьеры М. Горькій сталъ такъ популяренъ, что примѣръ этой быстрой популярности во всей исторіи русской словесности стоитъ особнякомъ. Ни Тургеневъ въ эпоху „Дворянскаго гнѣзда", ни графъ Л. Н. Толстой въ эпоху „Войны и мира", ни Достоевскій никогда не имѣли такой популярности, особенно въ первые-то годы литературной дѣятельности. Быстрый успѣхъ Д. В. Григоровича послѣ „Антона Горемыки" ничтоженъ сравнительно съ шумомъ, образовавшимся вокругъ имени Горькаго. Самъ Пушкинъ, въ расцвѣтѣ славы, Пушкинъ—властитель думъ, не достигъ популярности Горькаго.

Очевидно, причина такого успѣха коренится не въ собственныхъ достоинствахъ произведеній Горькаго, не въ художественныхъ ихъ свойствахъ. Какъ бы они ни казались превосходны поклонникамъ Горькаго, но и эти горячіе жрецы недавно водруженнаго кумира сознаются, что, пожалуй, и у Толстого встрѣчаются страницы, равныя по достоинству сочиненіямъ „геніальнаго" Максима. Однако, съ Толстымъ-художникомъ никогда такъ не носились. Поклоненіе Горькому и восхищеніе имъ дошло до предѣловъ, близкихъ къ умопомѣшательству. Въ поклоненіи этомъ много общаго съ болѣзненными, самовнушенными восторгами, которые собираютъ у подножія сценическихъ подмостковъ или концертной эстрады психопатокъ и психопатовъ, ревущихъ и выбивающихъ ладонями хвалу какъ высокому таланту Шаляпина, такъ равно и низменному кривлянью г-жи Вяльцевой. Шумъ ради шума, искусственное возбужденіе самихъ себя до послѣднихъ градусовъ юродства.

Пишущій эти строки лѣтъ десять назадъ видѣлъ въ Одессѣ прощанье тамошней публики съ французскимъ трагикомъ Мунэ-Сюлли Онъ закончилъ свои гастроли ролью Креона въ софокловой „Антигонѣ". Это тонкое созданіе драматическаго генія Мунэ-Сюлли не принадлежитъ къ числу тѣхъ выигрышныхъ ролей, каковыми были другія пять его гастролей, и не можетъ легко восприниматься средней публикой. Но артистъ появлялся въ послѣдній разъ передъ одесскими зрителями, и они не хотѣли упустить случая наораться вволю. По окончаніи пьесы, на артиста посыпался дождь цвѣтовъ, затѣмъ его стали безконечно вызывать, затѣмъ, когда цвѣтовъ уже не стало и вся благоразумная публика начала расходиться, зрители галлереи и заднихъ рядовъ, учащаяся молодежь, приказчики-жидочки и греки, какія-то дѣвицы, столпились у рампы оркестра и начали вопить, бросая на сцену шапки, галоши, даже верхнее платье. Большую люстру въ зрительномъ залѣ погасили и полутемный залъ изображалъ странное зрѣлище. На сценѣ съ полуубранными декораціями, съ обнаженными кулисами, стоялъ жестокій Креонъ въ своемъ полугреческомъ, полувосточномъ царскомъ облаченіи, а темная масса

людей швыряла въ него, чѣмъ попало, точно не почтить его, а истребить собиралась. Мунэ-Сюлли пробовалъ возвращать бросаемые въ него предметы въ залу. Рукоплещущіе бросали ихъ обратно и образовалась какая-то дикая игра въ мячъ галошами, шапками, накидками и пальто. „Странная, хотя интересная публика,—говорилъ Мунэ-Сюлли, сидя въ своей уборной и снимая гримъ и ризы Креона,—чувствуешь себя, какъ съ людоѣдами, и не знаешь, что они сдѣлаютъ: вознесутъ ли тебя на высоту и станутъ молиться, какъ божеству, или зажарятъ тебя на ужинъ".

Въ характерѣ поклоненія М. Горькому много общаго съ описаннымъ случаемъ. Та же стадность, то же бѣснованіе, та же неразумность. Недаромъ самъ Горькій въ Москвѣ, въ фойэ театра гг. Станиславскаго и Немировича-Данченко обругалъ своихъ назойливыхъ поклонниковъ, давъ имъ понять, что онъ „не Венера Милосская, не утопленникъ и не балерина" и что нечего на него таращить глаза.

Мода на М. Горькаго все росла и росла, заражая все новыхъ и новыхъ поклонниковъ. Даже почтенная старушка—академія наукъ заразилась общимъ недугомъ и избрала М. Горькаго почетнымъ академикомъ отдѣла изящной словесности. Совершенно внѣшнія, случайныя обстоятельства дали возможность, по чисто формальнымъ причинамъ, кассировать это непостижимое избраніе.

Мода на М. Горькаго огромная, хотя теперь она идетъ нѣсколько къ уклону. Но чтобы писатель сталъ моднымъ, нужны какія-то особыя причины. Таланта только, даже и большого, здѣсь недостаточно. Въ большинствѣ случаевъ мода на писателя образуется отъ того, что его произведенія какъ разъ соотвѣтствуютъ настроенію читателей въ данное время.

Какое же было настроеніе нашей читающей публики, которому попалъ въ тонъ Горькій? Почему настроеніе это встрѣтило себѣ отвѣтъ именно въ произведеніяхъ Горькаго?

Вотъ тѣ вопросы, которые надо попытаться выяснить, ранѣе чѣмъ приступить къ послѣдовательному критическому разбору произведеній Максима Горькаго.

II.

Читающей публикѣ всѣхъ временъ необходимъ „герой", центральный типъ, не похожій на средняго человѣка. Такой типъ, если авторъ удачно обрисовалъ его, начинаетъ властвовать надъ думами читателя. Такую роль сыграли, напримѣръ, въ свое время Вертеръ Гёте, его же Фаустъ, Чайльдъ-Гарольдъ Байрона, Рене Шатобріана, Оберманъ

Сенанкура, Алеко и Онѣгинъ Пушкина, Демонъ и Печоринъ Лермонтова. Перечисленные типы, при всемъ разнообразіи своихъ оттѣнковъ, силы таланта авторовъ, степени яркости обрисовки характерныхъ чертъ типа, имѣютъ въ себѣ то общее свойство, что они по запросамъ своего духа стоятъ выше средняго уровня, но тѣ же запросы, хотя бы и въ зачаточномъ состояніи, въ туманномъ, неопредѣленномъ видѣ, коренятся и въ каждомъ мыслящемъ существѣ.

Понятно поэтому, что средній человѣкъ, который по своей многочисленности составляетъ главную массу читающей публики, съ особеннымъ интересомъ вслушивается въ то, къ чему онъ не могъ подобрать словъ, но, что, въ скрытомъ состояніи, таилась въ его душѣ и безпокоило его умъ. Впечатлѣніе отъ названныхъ типовъ бывало настолько сильно, что они порождали въ дѣйствительной жизни подражанія и вызывали нѣкоторое позёрство со стороны особенно воспріимчивыхъ читателей.

Перечисленные выше типы проникнуты въ той или иной мѣрѣ недовольствомъ окружающей жизнью, которая ихъ не удовлетворяетъ. Отсюда являются ихъ страданія. Отсюда происходитъ то, что они становятся „лишними людьми" въ кругу среднихъ людей. Но они-то именно, эти-то „лишніе люди" и дѣлались всегда излюбленными „героями" обыденныхъ людей. Каждое время имѣло такихъ людей, и грибоѣдовскій Чацкій происходитъ по прямой линіи отъ мольеровскаго Альсеста („Мизантропъ"); въ гётевскомъ Фаустѣ не умиралъ эсхиловскій Прометей и страданія шекспировскаго Гамлета родственны страданіямъ Ореста того же Эсхила.

Типы, способные занять мѣсто „героевъ" въ глазахъ читателя, мельчаютъ, когда мельчаетъ общество, когда аристократія ума размѣнивается на мелкую монету и распространяется среди массъ, демократизируется, такъ сказать. Въ началѣ такихъ періодовъ развитія человѣческой мысли создатели типовъ начинаютъ относиться къ нимъ критически, объективнѣе. Пушкинъ въ Онѣгинѣ и Лермонтовъ въ Печоринѣ не скрыли недостатковъ и слабостей своихъ героевъ отъ читателя, но тѣмъ не менѣе чувствуется, что поэты относятся любовно къ своимъ созданіямъ, любятъ ихъ, не взирая на ихъ отрицательныя стороны. Уже въ началѣ второй половины XIX вѣка положеніе мѣняется. Тургеневъ безпощаденъ къ своему Рудину. Героичность Рудина, даже въ моментъ его смерти на баррикадѣ, не лишена и комизма.

Чѣмъ далѣе, тѣмъ типъ болѣе мельчаетъ. Общечеловѣческая психологія менѣе уже интересуетъ, требуется пріуроченіе типа къ общественнымъ теченіямъ. Тургеневъ даетъ Базарова. Въ Базаровѣ уже интересны не движенія его души, а его роль нигилиста въ средѣ сверстниковъ и передъ лицомъ отживающихъ отцовъ. Когда

появился Рудинъ, его поняли, быть можетъ, разнымъ образомъ; быть можетъ, нѣкоторые видѣли въ немъ и подлинно обаятельнаго героя, когда другіе усматривали низкій уровень его воли и отрицательныя стороны его характера. Когда же появился Базаровъ, то отцы, какъ и дѣти, отшатнулись отъ него. Первые видѣли въ немъ апоѳеозъ революціонаго проявленія, вторые—каррикатуру на молодежь. Потомъ лишь послѣдніе сдѣлали изъ первоначальнаго нигилиста свой кумиръ.

Базаровъ былъ послѣднимъ изъ русскихъ центральныхъ, художественныхъ типовъ, собственное имя котораго можетъ сдѣлаться нарицательнымъ. Не упоминаемъ о типахъ Достоевскаго, ибо они, какъ и все великое творчество этого крупнаго писателя, стоятъ особнякомъ отъ общаго теченія словесности. Послѣ Базарова, въ продолженіе почти сорока лѣтъ, наша словесность, при большомъ количествѣ новыхъ авторовъ и ихъ произведеній, не даетъ собирательныхъ, центральныхъ типовъ. Изящная литература раскрываетъ и изслѣдуетъ многія стороны жизни, бывшія дотолѣ нетронутыми, и ведетъ за собою читателя въ незнакомую для него среду. Внѣшнія проявленія жизни начинаютъ преимущественно интересовать и занимать вниманіе. Реализмъ описаній вытѣсняетъ изученіе движеній человѣческаго сердца. За это время проходитъ рядъ писателей разныхъ направленій и разной силы дарованія, которые въ теченіе извѣстнаго періода читаются усердно, а нынѣ едва ли не сданы въ архивъ. Помяловскій, Рѣшетниковъ, Глѣбъ Успенскій читаются теперь лишь любителями литературы и не входятъ въ число ходовыхъ книгъ. Высокоталантливый покойный Всеволодъ Гаршинъ, Короленко съ ихъ разсказами тоже поставлены на полку. Слабый драматургъ А. П. Чеховъ заслонилъ собою самого себя, какъ даровитаго разсказчика.

Разсказы трехъ помянутыхъ писателей, едва ли уступающіе въ литературномъ достоинствѣ разсказамъ Горькаго, никогда не имѣли,—скажемъ мимоходомъ,—успѣха повѣствованій босяцкаго Гомера.

Итакъ, читатель, отвернувшись отъ порыва вверхъ, сталъ смотрѣть, за послѣднія сорокъ лѣтъ, на землю и рыться во всемъ томъ, что копошится на этой землѣ. Случалось ему опускаться и нѣсколькими ступенями ниже земли, въ подвалы и вертепы. Туда собирался вести его безвременно умершій Н. Г. Помяловскій въ своемъ ненаписанномъ романѣ „Братъ и сестра“. Туда повелъ его Всеволодъ Крестовскій въ своихъ „Петербургскихъ трущобахъ“. Смотрѣть внизъ стало обычно читателю, но онъ не могъ сосредоточиться, ибо ему не давали типа, не удерживали его на одномъ какомъ-либо явленіи. Картины мѣнялись передъ нимъ съ подвижностью камней въ калейдоскопѣ, не собирая, а разсѣивая лучи его вниманія.

Въ эту пору явился Горькій и сдѣлалъ то, чего до него никто

не дѣлалъ. Онъ далъ типъ, носящій не имя собственное, Коновалова или Орлова, а нарицательное имя „босяка“.

III.

Къ воспринятію „босяка“, какъ типа, общество было достаточно подготовлено. И въ нашей литературѣ „бывшимъ человѣкомъ“ занимались не разъ, а Вс. Крестовскій опускался на „дно“ и вынесъ оттуда даже арго нашихъ вяземскихъ босяковъ. Занимались имъ и въ иностранныхъ литературахъ—Викторъ Гюго въ „Misérables“, Евгеній Сю въ „Mystères de Paris“ и т. д. Эмиль Золя не разъ касался этого типа. Тотъ же Золя, столь распространенный въ Россіи и въ подлинникѣ, и въ многочисленныхъ переводахъ, пріучилъ нашего читателя всѣхъ слоевъ общества къ наготѣ и цинизму описаній, къ площадной ругани,—настолько пріучилъ, что для какой-нибудь дамы высшаго тона, искавшей тщетно въ словаряхъ толкованія тѣхъ словъ, которыя ни въ одинъ словарь не помѣщаются, чтобы понять любезности, отпускаемыя героями Золя, и узнавшей отъ услужливаго кузена, что это тѣ самыя слова, которыми бранятся ломовые извозчики, — для такой дамы крѣпкія словечки Горькаго, вродѣ „рвани коричневой“, казались уже вполнѣ приличными и допустимыми въ обществѣ и развѣ немного своеобразными.

Читатели привыкли смотрѣть внизъ. Они уже забыли, что сверху льются лучи, и искали огоньковъ внизу. Такимъ огонькомъ, все болѣе и болѣе разгорающимся, оказался „босякъ“ Горькаго. Онъ вышелъ на свѣтъ очень характерно очерченнымъ, въ лохмотьяхъ, съ хулою на устахъ. Смыслъ и значеніе его не выяснили себѣ сразу. Видѣли только, что это—нѣчто новое. Новымъ-то собственно было лишь то освѣщеніе, которое придалъ авторъ своему герою, а не самый герой, водившійся въ подонкахъ общества столь же давно, какъ и его братъ, навозный червь, въ навозѣ.

Еслибы Горькій вывелъ своего босяка, испрашивая къ нему состраданія, еслибы онъ „милость къ падшимъ призывалъ“, онъ, при всей яркости своей кисти, при всемъ изученіи описываемой среды, не имѣлъ бы того успѣха, какимъ онъ пользуется нынѣ. Еслибы Горькій говорилъ о правѣ „босяка“ на мѣсто среди людей, подъ условіемъ его нравственнаго возрожденія, его не стали бы слушать. Тогда поняли бы, что этотъ новый босякъ есть тотъ самый, отъ вѣка существующій нищій, которому каждый изъ насъ подавалъ копѣйки, тотъ самый, для котораго мы строимъ ночлежные дома и дома трудолюбія, тотъ самый, кого за бродяжничество мы судимъ и

водворяемъ на мѣсто жительства. Этотъ „тотъ самый“ босякъ не интересенъ. Онъ такъ неопрятенъ, такъ дурно пахнутъ его лохмотья, такъ онъ некрасивъ, съ бойными знаками на своемъ лицѣ. Мы, конечно, по человѣчеству жалѣемъ его и заботимся нѣсколько о немъ. Но что же въ немъ заманчиваго?

Горькій поступилъ иначе. Онъ снабдилъ „босяка“ гордостью. Онъ ничего для него не проситъ, „босякъ“ самъ требуетъ мѣста, и не послѣдняго. Чтобы не быть голословными, мы подтвердимъ это далѣе словами самого Горькаго. Его босякъ не угнетенъ. Ему не надо состраданія. Онъ бросаетъ вызовъ самому небу, не говоря уже о вызовѣ обществу, государству, власти, жизненному укладу. „Босякъ“—не пролетарій, стремящійся стать собственникомъ. „Босякъ“, презрительно, ни къ чему не стремится. У него уже есть самое цѣнное: сознаніе своей очевидной независимости отъ всѣхъ требованій и оковъ общественности, нравственности, религіи.

Сійесъ въ началѣ французской революціи 1789 года, отстаивая права третьяго сословія, спрашивалъ: „что такое теперь третье сословіе?“ — и отвѣчалъ: „ничто!“ — „Чѣмъ оно должно быть?“— „Всѣмъ“...

То же, но короче и опредѣленнѣе дѣлаетъ Максимъ Горькій для босяка. Короче потому, что для доказательства правъ третьяго сословія во Франціи XVIII вѣка надо было вспомнить исторію, всю эту культурную работу третьяго сословія, давшаго на поприщѣ науки и искусства Франціи столько же, сколько наше дворянство дало Россіи, давшаго въ то время, когда феодалы жили грубою силою меча, а духовенство лукавствомъ Рима.

Никакихъ заслугъ „босякъ“, столь высоко поднятый, за собою не имѣетъ. Онъ не имѣетъ ни исторіи, ни прошлаго, ни завѣтовъ, ни преданій. Нельзя же считать за исторію то обстоятельство, что во всякомъ обществѣ всегда есть грязный осадокъ. Нельзя же называть прошлымъ вчерашнюю ночь, столь-же смрадную, какъ нынѣшняя и завтрашняя. Нельзя же давать имя завѣтовъ и преданій тунеядству, лѣни, пьянству, презрѣнію къ чужой собственности, къ семьѣ, къ вѣрѣ въ Бога. Всѣ эти „завѣты и преданія“ близки и родны тому, кто, совлекши съ себя образъ человѣческій, Божіе подобіе, изберетъ грязь своею средою, всяческую распущенность поставитъ себѣ нравственнымъ кодексомъ, а удовлетвореніе на чужой счетъ ближайшихъ физическихъ потребностей—своимъ занятіемъ. Такъ всегда было и такъ всегда будетъ, пока не настанетъ рай на землѣ.

Общество, не потерявшее къ себѣ уваженія, должно бороться съ явленіями столь дикаго и распущеннаго характера, а не восторгаться ими, какъ прелестной и заманчивой новинкой. Иначе выйдетъ то, что вышло у насъ. Смѣлый шагъ Горькаго, беззастѣнчивый

апоѳеозъ босячества, который онъ создалъ, былъ принятъ за новый свѣтъ въ общественномъ сознаніи. Свѣтъ-то онъ—свѣтъ, но и свѣтъ бываетъ разнымъ. Бываетъ свѣтъ солнца, бываетъ свѣтъ лампады, возжигаемой предъ престоломъ Господнимъ, и бываетъ свѣтъ пожара. Источникъ ихъ одинъ и тотъ же, но дѣйствіе ихъ различно. Не свѣтъ новаго откровенія несетъ „босякъ" Горькаго. Не свѣточъ, озаряющій благотворно невѣдомые еще уголки жизни, вложилъ Горькій въ грязную руку „босяка". Этотъ свѣточъ зовется иначе. Это—факелъ революціи. Это—факелъ анархіи, провозвѣстникъ попранія всего, чѣмъ жили, во что вѣрили, чему служили, для чего работали ряды поколѣній.

IV.

Обыкновенно бываетъ такъ, что писатель открываетъ, систематизируетъ, выясняетъ общественное явленіе, которое было всѣмъ извѣстно, но въ общихъ, туманныхъ, неопредѣленныхъ чертахъ.

Съ Максимомъ Горькимъ вышло иначе. Явленіе, всѣмъ давно знакомое, печальное, ужасное, онъ такъ освѣтилъ искусственно, озарилъ его такимъ яркимъ бенгальскимъ огнемъ, что оно получило совсѣмъ особое значеніе. Когда же описанія Максима Горькаго вернулись къ своимъ оригиналамъ, то тѣ возгордились и начали дѣйствовать и жить по Горькому. На улицахъ стали попрошайничать, ссылаясь на Горькаго, и не одинъ кошелекъ любезно открывался для удовлетворенія пьяной жажды героевъ „босячества". „Босяки" обнаглѣли, они стали бить въ лицо мирныхъ обывателей, стариковъ, женщинъ. Они подняли руку на офицеровъ при исполненіи ими служебныхъ обязанностей. Произошло какое-то вавилонское смѣшеніе языковъ. Съ людьми общества вышло то, что, говорятъ, произошло съ одной русской дамой, которая въ Парижѣ въ революцію 1848 года поѣхала смотрѣть баррикады и, не встрѣчая ни одной, спросила у кучки мрачныхъ людей: „что такое баррикада?" Ее вывели изъ собственной кареты, вѣроятно дали ей нѣсколько пинковъ и перевернули ея карету колесами вверхъ, сказавъ при этомъ: „вотъ это и есть баррикада". Такъ и нашимъ поклонникамъ „босяка" приходится на себѣ испытывать привлекательную сладость этого типа. Въ жизни онъ имъ не кажется такимъ милымъ, какъ въ разсказѣ или на сценѣ, въ исполненіи труппы г. Станиславскаго.

Масса читателей, однако, не сознаетъ, что̀ мы натворили: Горькій своимъ авторствомъ, а мы своимъ ему поклоненіемъ и его неумѣреннымъ возвеличеніемъ. Нѣкоторые изъ сторонниковъ Горькаго стараются увѣрить, что „босячества", какъ врага общественнаго, не

существуетъ, что точно есть несчастный парій общества, „босякъ", существо бѣдное, достойное помощи и сочувствія, но никому вреда не дѣлающее. Нѣчто вродѣ шалуна-мальчика, котораго лучше всего покорить можно ласкою и привѣтомъ. При этомъ добавляютъ, что нашъ „босякъ" не болѣе, какъ французскій санкюлотъ конца XVIII вѣка.

Это послѣднее опредѣленіе особенно цѣнно и мы готовы съ нимъ согласиться, но оно не умаляетъ, а лишь усиливаетъ роль, отводимую босяку. Можно всѣ свои историческія познанія ограничить учебникомъ исторіи Иловайскаго, чтобъ понимать роль санкюлотовъ въ 1792, 1793 и 1794 годахъ. Спасибо за такихъ членовъ общества, и если точно въ босякѣ живетъ санкюлотъ, то остается лишь поздравить себя съ цѣнной находкой вреднѣйшаго взрывчатаго вещества.

Пугаться „босяка" нечего, возводить его непремѣнно на степень дѣйствующаго революціонера преждевременно. Онъ и такъ уже зазнался, можетъ зазнаться еще болѣе, но отдавать себѣ отчетъ въ жизненныхъ явленіяхъ, не закрывая на нихъ глазъ,—обязательно и вполнѣ необходимо.

Важно то, что „босякъ" до Горькаго въ жизни и въ сознаніи общества былъ одинъ, а послѣ Горькаго сталъ совсѣмъ другой.

До Горькаго „босякъ" считался общественной язвой, отравляющей общественный организмъ и потому подлежащей изученію и излеченію. Всякая медленность въ этой оздоровительной работѣ можетъ быть поставлена обществу на счетъ, какъ преступное нерадѣніе, приравнено въ духовномъ смыслѣ къ несоблюденію санитарныхъ мѣръ въ матеріальномъ отношеніи. До Горькаго принималось за истину, что общество живетъ въ главныхъ принципахъ правильной жизнью и что уклоненія общества отъ правильнагопути и его законовъ способны порождать дикообразныя явленія, каково босячество.

Теперь, послѣ „откровенія" Горькаго, выходитъ, что общество со всѣми устоями есть ложь и въ поступательномъ пути своемъ, и въ своихъ основоположныхъ завѣтахъ. Оно все сгнило и испортилось до корня и въ немъ только и осталось здороваго, что „босякъ". „Босякъ"—альфа и омега эволюціи человѣческаго духа. Не только большіе центры человѣческой жизни—города, но и деревни кажутся Горькому чѣмъ-то такимъ, гдѣ тошно и грустно,—хорошо лишь среди босяковъ.

Нужно родиться въ культурномъ обществѣ, для того, чтобы найти въ себѣ терпѣніе всю жизнь жить среди него и ни разу не пожелать уйти куда-нибудь изъ сферы всѣхъ этихъ тяжелыхъ условностей, узаконенныхъ обычаемъ маленькихъ ядовитыхъ лжей, изъ сферы болѣзненныхъ самолюбій, идейнаго сектантства, всяческой неискренности,—однимъ словомъ, изъ всей этой охлаждающей чувство и развращающей умъ суеты суетъ. Я родился и воспитывался внѣ этого общества и

по сей пріятной для меня причинѣ не могу принимать его культуру большими дозами безъ того, чтобы, спустя нѣкоторое время, у меня не явилась настоятельная необходимость выйти изъ ея рамокъ и освѣжиться нѣсколько отъ чрезмѣрной сложности и болѣзненной утонченности этого быта.

Въ деревнѣ почти такъ же невыносимо тошно и грустно, какъ и среди интеллигенціи. Всего лучше отправиться въ трущобы городовъ гдѣ, хотя все и грязно, но все такъ просто и искренно.

Вотъ, что говоритъ самъ Горькій (Разсказы, т. II. „Коноваловъ", стр. 49 и 50). Натяжка этого положенія очевидна: въ „трущобахъ городовъ" неизбѣжны свои условности въ общежитіи ихъ обитателей, и можно, лишь съ намѣреніемъ уронить все стоящее внѣ трущобъ, выше ихъ, увѣрять, что въ нихъ нѣтъ „суеты суетъ, охлаждающей чувство и развращающей умъ". Вѣроятно, она есть. Долгій курсъ босячества, пройденный М. Горькимъ, служитъ лучшимъ тому доказательствомъ. Только глубоко развративъ свой умъ, можно договориться въ молодыхъ лѣтахъ до того крайняго предѣла человѣконенавистничества, до котораго договаривается Горькій.

Порицать, во что бы то ни стало, все окружающее, это—занятіе наиболѣе легкое. Гораздо труднѣе найти средство къ уврачеванію порицаемаго. Мы, принадлежащіе къ обществу, полному „всяческой неискренности", знаемъ, чѣмъ лечить язву—„босячество". Худо или хорошо, но намъ понятно, что можно и должно бороться съ алкоголизмомъ, бродяжничествомъ, тунеядствомъ. Мы знаемъ для того мѣры, какъ предупредительныя, такъ и карающія, какъ полицейскія, такъ и воспитательныя. Мы, „полные ядовитыхъ лжей", хотѣли бы всякаго павшаго члена общества вынуть изъ грязной ямы, куда онъ погрузился, физически и нравственно очистить его, поднять до себя, дать ему долю въ общихъ благахъ, въ общей жизни. Теорія иногда, нерѣдко, расходится у насъ съ практикой, мы не дѣлаемъ для падшихъ всего того, что могли бы и должны бы были сдѣлать. За это и полагается намъ упрекъ. Но Горькій на такіе упреки, хотя бы и въ художественныхъ образахъ, не тратится. Онъ просто махнулъ рукой на общество, ничего отъ него не ожидая и видя просвѣтъ лишь въ босякахъ. Реально относясь къ своимъ задачамъ, Горькій живописуетъ жизнь такою, какою она ему кажется, хотя кажется она ему подчасъ совсѣмъ иною, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ. ...къ большинство разрушителей, Горькій вовсе не имѣетъ идеала, ...которому онъ желалъ бы построить новое зданіе на мѣсто раз...шеннаго. Его дѣло только разрушать, и дѣлаетъ онъ это съ усер...мъ, достойнымъ лучшаго примѣненія.

V.

„Босякъ“ рисуется Горькимъ такъ. Въ одномъ изъ своихъ выдающихся разсказовъ — „Коноваловъ“ о художественной сторонѣ котораго будетъ сказано въ свое время, Горькій выводитъ разновидность „босяка“, его не вполнѣ удовлетворяющую. Онъ (разсказъ ведется отъ лица Максима Горькаго) описываетъ свои отношенія къ Коновалову.

Я съ жаромъ расписывалъ ему его жизнь и доказывалъ, что онъ не виноватъ въ томъ, что онъ таковъ. Онъ—печальная жертва условій, существо, по природѣ своей, со всѣми равноправное и длиннымъ рядомъ историческихъ несправедливостей сведенное на степень соціальнаго нуля. Я заключилъ рѣчь тѣмъ, что сказалъ еще разъ:

— Тебѣ не въ чемъ винить себя... Тебя обидѣли...

Онъ молчалъ, не сводя съ меня глазъ; я видѣлъ, какъ въ нихъ зарождается хорошая, свѣтлая улыбка, и съ нетерпѣніемъ ждалъ, чѣмъ онъ откликнется на мои слова.

— Ну, я особливая статья, — сказалъ Коноваловъ. — Кто виноватъ, что я пью? Павелка, братъ мой, не пьетъ,—въ Перми у него своя пекарня. А я вотъ работаю не хуже его—однако, бродяга и пьяница, и больше нѣтъ мнѣ ни званія, ни доли... А вѣдь мы одной матери дѣти. Онъ еще моложе меня. Выходитъ, что во мнѣ самомъ что-то неладно... Не такъ я, значитъ, родился, какъ человѣку это слѣдуетъ. Самъ же ты говоришь, что всѣ люди одинаковые: родился, пожилъ, сколько назначено, и помри! А я на особой стезѣ... И не одинъ я,—много насъ этакихъ. Особливые мы будемъ люди... и ни въ какой порядокъ не включаемся. Особый намъ счетъ нуженъ... и законы особые... очень строгіе законы,—чтобы насъ искоренять изъ жизни! Потому пользы отъ насъ нѣтъ, а мѣсто мы въ ней занимаемъ и у другихъ на тропѣ стоимъ... Кто передъ нами виноватъ? Сами мы предъ собой и жизнью виноваты... Потому у насъ охоты къ жизни нѣтъ и къ себѣ самимъ мы чувствъ не имѣемъ... Каждый человѣкъ самъ себѣ хозяинъ, и никто въ томъ не повиненъ, ежели я подлецъ есть!

Коноваловъ, видимо взятый съ натуры, абсолютно правъ. Горькій въ жизни слышалъ эту правду. Она своею очевидностью должна была бы измѣнить его воззрѣнія на вещи, но онъ упорствуетъ на своемъ, не уступаетъ ни пяди изъ своей теоріи.

Въ устахъ культурнаго человѣка такія рѣчи не удивили бы меня, ибо еще нѣтъ такой болячки, которую нельзя было бы найти въ сложномъ и спутанномъ психическомъ организмѣ, именуемомъ „интеллигентъ“. Но въ устахъ босяка, хотя онъ и интеллигентъ среди обиженныхъ судьбой, голыхъ, голодныхъ и злыхъ полулюдей, полузвѣрей, наполняющихъ грязныя трущобы городовъ,—изъ устъ босяка странно было слышать эти рѣчи. Приходилось заключить, что Коноваловъ—дѣйствительно особая статья, но я не хотѣлъ этого.

Съ внѣшней стороны Коноваловъ до мелочей являлся типичнѣй-

шимъ золоторотцемъ; но чѣмъ больше я присматривался къ нему, тѣмъ больше убѣждался, что имѣю дѣло съ разновидностью, нарушавшей мое представленіе о людяхъ, которыхъ давно пора считать за классъ и которые вполнѣ достойны вниманія, какъ сильно алчущіе и жаждущіе, очень злые и далеко не глупые...

Тутъ безъ прикрасъ Горькій устанавливаетъ свое ученіе. Это—первый его тезисъ: „босяки"—люди, которыхъ давно пора считать за классъ общества. Это назойливое требованіе естественно неосуществимо. На самомъ дѣлѣ: классы общества слагаются въ силу раздробленія занятій и труда. Въ первобытномъ обществѣ воинъ, купецъ, земледѣлецъ заключаются въ одномъ лицѣ: человѣкъ—воинъ, ибо ему необходимо защищаться, онъ—земледѣлецъ, ибо нужно съ семьей кормиться, онъ—купецъ, ибо необходимо вымѣнять предметы, которые у него есть въ избыткѣ, на тѣ, которые есть только у сосѣда, не имѣющаго, наоборотъ, того, чѣмъ ему платять за его товаръ. При ростѣ общества занятія спеціализируются, получаются люди: только воины, только купцы, только земледѣльцы. Спеціализація занятій кладетъ особый оттѣнокъ на носителей каждаго занятія. Эти спеціализировавшіяся части общества называются классами. Но какъ же можно считать за классъ общества людей, которые тѣмъ именно отличаются отъ всѣхъ прочихъ, что не несутъ никакихъ обязанностей и стараются не имѣть никакихъ занятій, которые самодовольно валяются на своемъ гноищѣ и ставятъ себѣ въ заслугу походъ противъ всего живущаго въ обществѣ? Это не классъ общества, а его вредные паразиты. Въ каждомъ почти домѣ, къ сожалѣнію, водятся отвратительныя насѣкомыя: блохи, клопы, тараканы. Человѣкъ страдаетъ отъ нихъ и принимаетъ всѣ мѣры къ тому, чтобы отъ нихъ освободиться, чтобы ихъ вовсе не было. Но никому еще не входило въ голову требовать для нихъ права гражданства наравнѣ съ домашними животными, полезными человѣку.

Право гражданства, право на положеніе отдѣльнаго класса въ обществѣ пріобрѣтается не по прихоти, а вслѣдствіе участія своими трудами въ строеніи общества. Общественный строй, при которомъ одни будутъ работать, а другіе тунеядствовать и босячить, противенъ здравому смыслу, во-первыхъ, и доброй нравственности, во-вторыхъ. Желать такого положенія значитъ быть не радѣтелемъ о „малыхъ сихъ", а злонамѣреннымъ подкапывателемъ общественныхъ основъ, трущобнымъ Мефистофелемъ, демономъ горькой насмѣшки.

— Почему я не могу быть покоенъ? А? Почему?—задается вопросомъ Коноваловъ,—люди живутъ и ничего себѣ, занимаются своимъ дѣломъ имѣютъ женъ, дѣтей и все прочее... Жалуются на жизнь они, но бываютъ и покойны. И всегда у нихъ есть охота дѣлать то, другое. А я—не могу. Тошно. Почему мнѣ тошно?

Понятно—почему. Въ большинствѣ случаевъ съ перепою, а въ общемъ отъ совершеннѣйшей душевной и умственной неуравновѣшенности. Максимъ Горькій иначе на это смотритъ. Онъ говоритъ:

До этой поры я думалъ, что Коноваловъ измѣнился отъ бродячей жизни, что наросты тоски, которые были на его сердцѣ въ первое время нашего знакомства, слетѣли съ него, какъ шелуха, отъ вольнаго воздуха, которымъ онъ дышалъ въ эти годы; но тонъ его послѣдней фразы возстановилъ предо мной пріятеля все тѣмъ же ищущимъ своей точки человѣкомъ, какимъ я его зналъ. Все та же ржавчина недоумѣнія предъ жизнью и ядъ думъ о ней разъѣдали эту могучую фигуру, рожденную, къ ея несчастью, съ чуткимъ сердцемъ. Такихъ „задумавшихся" людей много въ русской жизни, и всѣ они болѣе несчастны, чѣмъ кто-либо, потому что тяжесть ихъ думъ увеличена слѣпотой ихъ ума.

„Ржавчина недоумѣнія предъ жизнью и ядъ думъ"... Какъ это придуманно! Какъ это неестественно! Но не въ неуклюжей, искусственной метафорѣ дѣло, а въ ея смыслѣ. Коноваловъ самъ себя обрисовалъ. Этотъ заболтавшійся забулдыга, который первый находитъ, что противъ него необходимо принять строгія мѣры и особые законы, въ глазахъ Горькаго „недоумѣваетъ" передъ жизнью. Брось онъ пить и займись работой,—и всѣмъ бы недоумѣніямъ наступилъ конецъ.

Настроили люди городовъ, домовъ, собрались тамъ въ кучи, пакостятъ землю, задыхаются, тѣснятъ другъ друга...—

говоритъ Коноваловъ и идеаломъ противопоставляетъ свое босяцкое бродяжество. Въ этомъ съ нимъ Максимъ Горькій соглашается, но въ оцѣнкѣ самого Коновалова, онъ поднимаетъ его на пьеде-сталъ. Такъ, напримѣръ, онъ читаетъ Коновалову книгу Костомарова „Бунтъ Стеньки Разина" и, когда его слушатель начинаетъ принимать горячее участіе въ судьбѣ Стеньки, то Максимъ Горькій съ умиленіемъ восклицаетъ:

Можно было думать, что именно Коноваловъ, а не Фролка—родной братъ Разину. Казалось, что какія-то узы крови, неразрывныя и не остывшія за три столѣтія (?), до сей поры связываютъ этого босяка со Стенькой и босякъ со всей силой живого, крѣпкаго тѣла, со всей страстью тоскующаго безъ «точки» духа, чувствуетъ боль и гнѣвъ пойманнаго триста (?) лѣтъ тому назадъ вольнаго сокола.

Сопоставленіе смѣлое и съ исторіей волжской вольницы несогласное, но характерное, такъ какъ, быть можетъ помимо воли автора, поднимаетъ завѣсу надъ тайнымъ, сокровеннымъ значеніемъ босяка. Здѣсь не мѣсто опредѣлять значеніе Стеньки Разина и его роль, какъ типичнаго представителя одного изъ народныхъ теченій, но этого не тщится сдѣлать и Горькій въ своемъ разсказѣ. Для

Горькаго важно, что Разинъ противился установленной власти и иногда держалъ ее въ трепетѣ. И босякъ являетъ собою противленіе власти. Съ этой-то стороны онъ и цѣненъ его пѣвцу. Нужды нѣтъ, что волжская вольница была, при всемъ неистовствѣ ея похожденій, здоровымъ, хотя и не перебродившимъ элементомъ народной жизни, а босякъ является ея болѣзненнымъ выпотомъ, ея гноемъ. Результаты отъ обоихъ могутъ быть одинаковы. Эти желанные результаты называются смутою и, конечно, голь кабацкая—самый благодарный для смуты элементъ.

Когда эта голь, этотъ „босякъ“ воспѣты, то они и сами могутъ о себѣ возмнить, что они—классъ общества, соль земли, и неумѣренныя похвалы, имъ расточаемыя, заставляютъ ихъ поднимать гордо голову и объединяться съ товарищами по пороку и праздности. А тутъ еще и Панургово стадо довѣрчивыхъ читателей, падкихъ, по невѣдѣнію, какъ котъ на запахъ сала, на все пахнущее протестомъ. Доведись до дѣла,—тѣ же читатели окажутся самыми благонамѣренными людьми; придись гасить пожаръ,—они ведра съ водой на себѣ потащутъ, а пока только фитиль тлѣетъ, они съ дѣтскимъ легкомысліемъ любуются на бѣгущій по немъ огонекъ, не чая себѣ отъ него горя.

Таковъ босякъ въ его отличительныхъ чертахъ, но Коноваловъ—„босякъ“ не дѣйствующій и не собирающійся дѣйствовать. Посмотримъ же на тѣхъ, которые приготовляются къ дѣйствію. Чего имъ хочется и какъ они относятся къ обществу?

VI.

Для отвѣта на поставленный вопросъ особенно пригоденъ разсказъ „Супруги Орловы“ (Разсказы, т. II). Орловъ все время пьянствовалъ, сапожнымъ своимъ ремесломъ занимался плохо и колотилъ жену, какъ только могъ. Бѣдная Матрена, у которой онъ не разъ выбивалъ плодъ изъ чрева, стала даже неспособна къ дѣторожденію. Судьба указала выходъ къ спасенію Орловымъ. Въ городѣ была холера, супруговъ взяли на службу въ холерные бараки. Матрена, стала на путь возрожденія, и пошла по немъ. Когда бараки закрылись, докторша предложила Матренѣ устроить ее при школѣ, и та зажила трудовой жизнью, выучилась грамотѣ, взяла себѣ на воспитаніе двухъ сиротъ изъ пріюта. Мужъ ея, Григорій, который тоже было сначала очувствовался въ баракахъ, потомъ началъ пить, безобразничать, бить жену; хотѣлъ ее снять съ мѣста, но этого не

допустили, и онъ ушелъ „босячить“, какъ опредѣлила его жена.
Максимъ Горькій повѣствуетъ о Григоріи:

Мнѣ удалось познакомиться съ нимъ. Я нашелъ его въ одной изъ городскихъ трущобъ, и въ два-три свиданія мы съ нимъ были друзьями. Повторивъ исторію, разсказанную мнѣ его женой, онъ задумался не надолго и потомъ сказалъ:

— Вотъ, такъ-то, значитъ, Максимъ Савватѣичъ, приподняло меня да и шлепнуло. Такъ я никакого геройства и не совершилъ. А и по сю пору хочется мнѣ отличиться на чемъ-нибудь... Раздробить бы всю землю въ пыль или собрать шайку товарищей! Или вообще что-нибудь этакое, чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты... И сказать имъ: ахъ вы, гады! Зачѣмъ живете? Какъ живете? Жулье вы лицемѣрное и больше ничего! И потомъ внизъ тормашками съ высоты и... вдребезги! Н-да-а! Чортъ те возьми... скучно! И ахъ, какъ скучно и тѣсно мнѣ жить!.. Думалъ я, сбросивъ съ шеи Матрешку:— н-ну, Гриня, плавай свободно, якорь поднятъ! Анъ не тутъ-то было— фарватеръ мелокъ! Стопъ! И сижу на мели... Но не обсохну, не бойсь! Я себя проявлю! Какъ?—это одному дьяволу извѣстно... Жена? Ну ее ко всѣмъ чертямъ! Развѣ такимъ, какъ я, жена нужна? На кой ее... когда меня во всѣ четыре стороны сразу тянетъ... Я родился съ безпокойствомъ въ сердцѣ... и судьба моя—быть босякомъ! Самое лучшее положеніе въ свѣтѣ—свободно и... тѣсно все-таки! Ходилъ я и ѣздилъ въ разныя стороны... никакого утѣшенія... Пью? Конечно, а какъ же? Все-таки водка—она гаситъ сердце... А горитъ сердце большимъ огнемъ... Противно все—города, деревни, люди разныхъ калибровъ... Тьфу! Неужто же лучше этого и выдумать ничего нельзя? Всѣ другъ на друга... такъ бы всѣхъ и передушилъ! Эхъ ты жизнь, дьявольская ты премудрость!

Необходимо добавить, что въ этой тирадѣ Орлова, послѣ фразы „...собрать шайку товарищей!“, стояло первоначально „и перебить всѣхъ жидовъ“. Затѣмъ эта вторая половина, въ виду симпатіи автора къ евреямъ, была въ послѣдующихъ изданіяхъ откинута.

Замыслы Орлова, или, вѣрнѣе, его пьяныя рѣчи, широки. Онъ хочетъ геройства, хочетъ „раздробить всю землю“, мечтаетъ о шайкѣ товарищей, о томъ, „чтобы стать выше всѣхъ людей и плюнуть на нихъ съ высоты“. При этомъ отрицается семья, высказывается готовность и самому разбиться вдребезги, полетѣвъ внизъ тормашками. И, главное,—„скучно!“ Всѣ эти предпріятія и намѣренія возбуждаются скукою и разрѣшаются пьянствомъ. Міръ для „босяка“ Орлова тѣсенъ, ему все противно. Онъ убѣжденъ, что можно было выдумать что-либо лучшее. Это уже недовольство и самимъ міозданіемъ.

Дѣйствительно ли существуетъ такой „босякъ“, какъ Орловъ въ чистомъ видѣ,—мы сомнѣваемся, но вполнѣ увѣрены, что многіе сколько-нибудь грамотные „босяки“ выучили монологъ Орлова столь же твердо, какъ добрый христіанинъ заповѣди Господни. Въ сло-

вахъ Орлова—босяцкій катехизисъ, проповѣдуемый Горькимъ. „Босякъ“,—этотъ новый, кабацкій Фаустъ, не нашедшій въ мірѣ ничего его удовлетворяющаго, этотъ новый, вертепный Демонъ, не желающій благословить ничего во всей природѣ,—идетъ походомъ на Бога, потому что Онъ не такъ создалъ міръ, на людей, потому что они—гады, жулье и лицемѣры, на жену, потому что она ему мѣшаетъ, на города и деревни, потому что они ему противны; „Босякъ“, мечтающій *всѣхъ* передушить (своего рода Калигула, жалѣющій, что у рода человѣческаго не одна голова для ея отсѣченія сразу),—существо, вовсе не безопасное для общественнаго спокойствія. Представьте себѣ скопище такихъ Орловыхъ, напившихся до неистовства водкою и идущихъ, съ готовностью разлетѣться самимъ вдребезги, душить встрѣчнаго и поперечнаго. Это не особенно заманчиво. Тутъ и пугачевщина покажется дѣтской игрою. Съ каждымъ Орловымъ порознь, при хорошей организаціи санаторій для алкоголиковъ и работныхъ домовъ для тунеядцевъ, справиться легко. Это отнюдь не какая-либо новая органическая сила, ее-же ничѣмъ не сломишь,—это просто отбросъ, который можетъ послужить и на пользу, и во вредъ. Все равно, какъ отбросы физической жизни могутъ служить и для удобренія нивы, и для зараженія воды и воздуха, судя по тому, какъ съ ними распорядиться.

Но съ Орловыми, въ массѣ, имѣть дѣло нежелательно. Это—горючій элементъ.

А мы что же дѣлаемъ? Максимъ Горькій воспѣваетъ „босяковъ“, а ликующая публика, вмѣсто того, чтобы понять все зло этого воспѣванія, весь его отвратительный ядъ, все развращающее его значеніе, стонетъ отъ восторга и представляетъ себѣ грязныя босыя ноги Орлова у себя на головѣ и готова цѣловать эти модныя нынѣ ноги и подставлять лицо плевкамъ этого босяцкаго, благоухающаго виннымъ перегаромъ рта.

Дѣлается это, какъ мы уже указывали, безсознательно, но страшна эта самая безсознательность. Простительно легкомысленной дамочкѣ-щеголихѣ сегодня хохотать надъ картинкой, изображающей моды бабушкиныхъ временъ, а завтра, хоть цѣною семейной трагедіи, спѣшить надѣть тотъ же бабушкинъ нарядъ, ставшій моднымъ. Это пошло, смѣшно—и только.

Но не простительно большинству общества, себя уважающаго, кувыркаться передъ всякимъ новымъ моднымъ идоломъ, будь то декадентское кривляніе импотентныхъ поэтовъ, художниковъ и музыкантовъ послѣдней формаціи, будь то сквернословіе босяка и его разнузданная коростовая нагота. Читатель, если онъ уважаетъ себя и если мозги у него работаютъ, долженъ относиться критически къ

предлагаемой ему духовной пищѣ. Нельзя на удочку таланта идти съ неразуміемъ рыбы, никогда не видавшей приманки лукаваго ловца и обрадовавшейся лакомому куску. Подъ живымъ разсказомъ нерѣдко кроется ужасная проповѣдь.

Нашъ безсмертный баснописецъ въ своей баснѣ „Сочинитель и разбойникъ“ казнитъ перваго тяжеле, чѣмъ второго. На удивленіе сочинителя, по поводу такой несоразмѣрности кары, Мегера ему поясняетъ:

Смотри на злыя всѣ дѣла
И на несчастія, которыхъ ты виною!
Вонъ дѣти, стыдъ своихъ семей,
Отчаянье отцовъ и матерей:
Кѣмъ умъ и сердце въ нихъ отравлены?—Тобою
Кто, осмѣявъ, какъ дѣтскія мечты,
Супружество, начальства, власти,
Имъ причиталъ въ вину людскія всѣ напасти,
И связи общества рвался расторгнуть?—Ты.
Не ты ли величалъ безвѣрье просвѣщеньемъ?
Не ты ль въ приманчивый, въ прелестный видъ облекъ
И страсти, и порокъ?
И; вонъ, опоена твоимъ ученьемъ,
Тамъ цѣлая страна
Полна
Убійствами и грабежами,
Раздорами и мятежами,
И до погибели доведена тобой!

Многимъ сочинителямъ, и Максиму Горькому изъ первыхъ, не вредно было бы помнить басню эту наизусть.

Тѣ художественныя достоинства его произведеній, о которыхъ мы будемъ говорить въ послѣдующихъ статьяхъ, не искупаютъ ихъ вреднаго, какъ проповѣди „босячества“, какъ его идеализаціи, значенія.

Не будь этой проповѣди, сочиненія Горькаго никогда не имѣли бы того успѣха, который они имѣютъ.

VII.

Принципы „босяка“ лежатъ не въ немъ только, принимая его, какъ жителя трущобъ. Они забираются и въ среду, носящую по праздникамъ хорошо вычищенные сапоги.

Поучителенъ, какъ примѣръ, разсказъ „Озорникъ“ (Разсказы, т. II). Этотъ озорникъ—рабочій, наборщикъ Гвоздевъ. Набирая статью редактора, онъ послѣ написанной редакторомъ фразы: „Наше фабричное закодательство всегда служило для прессы предметомъ горячаго

обсужденія...", прибавилъ отъ себя: „т. е. говоренія глупой ерунды и чепухи". Въ такомъ видѣ статья, къ великому конфузу редактора, и вышла въ свѣтъ. Пошелъ разборъ между наборщиками, чтобы дознать, кто это совершилъ. Гвоздевъ не запирался и на требованіе объяснить причину своей выходки, объяснилъ:

— Я, пожалуй, скажу... Только, какъ я необразованный человѣкъ, то, пожалуй, непонятно будетъ... Ну, ужъ извините тогда!.. Вотъ, стало быть, въ чемъ дѣло. Вы пишете разныя статьи, человѣколюбіе всѣмъ совѣтуете и прочее такое... Не умѣю я сказать вамъ все это подробно—грамоту плохо знаю... Вы, чай, сами знаете, про что рѣчи ведете каждый день... Ну, вотъ, я и читаю эти ваши статьи. Вы про нашего брата рабочаго толкуете... а я все читаю... И противно мнѣ читать, потому что все это пустяки одни. Одни слова безстыжія, Митрій Павлычъ!.. потому что вы пишете—не грабь, а въ типографіи-то у васъ что? Кирьяковъ на прошлой недѣлѣ работалъ три съ половиной дня, выработалъ три восемь гривенъ и захворалъ. Жена приходитъ въ контору за деньгами, а управляющій ей говоритъ, что не ей дать, а съ нея нужно рубль двадцать получить—штрафу. Вотъ-те и не грабь! Вы что же про эти порядки не пишете? И какъ управляющій лается и мальчишекъ дуетъ за всякую малость?.. Вамъ этого нельзя писать, потому что вы и сами-то этой же политики держитесь... Пишете, что людямъ плохо жить на свѣтѣ,—и потому вы, я вамъ скажу, все это пишете, что ничего больше дѣлать не умѣете. Вотъ и все... И потому подъ носомъ у себя вы никакихъ звѣрствъ не видите, а про турецкія звѣрства очень хорошо разсказываете. Развѣ это не пустяки—статьи-то ваши? Давно ужъ мнѣ хотѣлось, стыда вашего ради, истинныя слова въ ваши статьи вклеить. И не такъ бы еще надо.

Гвоздева выгнали изъ типографіи. Онъ, въ праздничный день, одѣтый довольно прилично, встрѣчаетъ на общественномъ гуляньѣ редактора и вступаетъ съ нимъ въ объясненія. Надо замѣтить, что, какъ оказывается, въ дѣтствѣ редакторъ — сынъ діакона и наборщикъ—сынъ мѣщанина были товарищами игръ.

Гвоздевъ обратился къ редактору съ такой рѣчью:

— Вы, Митрій Павловичъ, не сердитесь на меня за этотъ мой поступокъ. Извините! Я вѣдь это со зла... Нашего брата иногда такое зло разбираетъ, что и виномъ не зальешь... Ну, въ такую вотъ пору и созорничаешь надъ кѣмъ-нибудь: прохожему въ рыло дашь или что другое... Я не каюсь—что сдѣлано, то сдѣлано, но, можетъ, я даже очень хорошо понимаю, что сдѣлалъ-то не совсѣмъ въ мѣру... Перехватилъ.

Высказавъ это Гвоздевъ развиваетъ свою мысль дальше.

— Такъ вотъ, Митрій Павловичъ, значитъ, оно и выходитъ, что я одного съ вами гнѣзда птица... Да! А полеты у насъ разные... И какъ вспомню я, что вѣдь вся разница между мной и моими товарищами бывшими только въ томъ, что не сидѣлъ я въ гимназіи за книгами,—горько мнѣ и тошно бываетъ... Развѣ въ этомъ человѣкъ? Въ душѣ онъ, въ чувствахъ къ ближнему своему, какъ сказано... Ну, вотъ—вы мой ближній, а какую я цѣну имѣю для васъ? Никакой—вѣрно?

Редакторъ, увлеченный своими мыслями, не разслышалъ, должно быть, вопроса своего собесѣдника

— Вѣрно!—сказалъ онъ тономъ искреннимъ и разсѣяннымъ.

Но Гвоздевъ захохоталъ, и онъ спохватился:

— Т.-е. позвольте? Что, собственно, вѣрно?

— Вѣрно, что я для васъ—пустое мѣсто... Есть я или нѣтъ меня, вамъ все равно, наплевать. Зачѣмъ вамъ душа моя? Живу я одинъ на свѣтѣ и всѣмъ людямъ, меня знающимъ, очень надоѣлъ. Потому—у меня характеръ злой, и очень я люблю разные фокусы выкидывать. Однако, у меня чувства вѣдь тоже есть и умъ есть... Я чувствую обиду въ моемъ положеніи. Чѣмъ я хуже васъ? Только моимъ занятіемъ...

— Д-да... это печально!—сказалъ редакторъ, наморщивъ лобъ, сдѣлалъ паузу и продолжалъ, какимъ-то успокоивающимъ тономъ:—Но видите ли, тутъ нужно примѣнить другую точку зрѣнія...

— Митрій Павловичъ! Зачѣмъ точка зрѣнія? Не съ точки зрѣнія человѣкъ человѣку вниманіе долженъ оказывать, а по движенію сердца. Что такое точка зрѣнія? Я говорю про несправедливость жизни. Развѣ можно меня съ какой-нибудь точки забраковать? А я забракованъ въ жизни—нѣтъ мнѣ въ ней хода... Почему-съ? Потому, что не ученъ? Такъ вѣдь ежели бы вы, ученые, не съ точекъ зрѣнія разсуждали, а какъ-нибудь иначе,—должны вы меня, вашего поля ягоду, не забыть и извлечь вверхъ къ вамъ снизу, гдѣ я гнію въ невѣжествѣ и озлобленіи моихъ чувствъ? Или—съ точки зрѣнія—не должны?

Вы люди умные, сто отвѣтовъ мнѣ дадите, и все будетъ — нѣтъ, не должны! А я говорю—должны! Почему? Потому что я и вы—люди изъ одной улицы и одного происхожденія... Вы не настоящіе господа жизни, не дворяне... Съ тѣхъ нашему брату взятки гладки. Тѣ скажутъ: „пшелъ къ чорту!"—и пойдешь. Потому—они издревле аристократы, а вы потому аристократы, что грамматику знаете и прочее... Но вы—свой братъ, и я могу требовать съ васъ указанія пути моей жизни. Я мѣщанинъ, и Хрулевъ тоже, и вы—дьяконовъ сынъ...

— Но, позвольте...—просительно сказалъ редакторъ,—развѣ я отрицаю ваше право требовать?..

Но Гвоздеву совсѣмъ не интересно было знать, что отрицаетъ и что признаетъ редакторъ; ему нужно было высказаться, и онъ чувствовалъ себя въ этотъ моментъ способнымъ сказать все, что когда-либо волновало его.

— Нѣтъ, вы позвольте!—уже какимъ-то таинственнымъ шопотомъ говорилъ онъ, близко склоняясь къ редактору и блестя возбужденными глазами.—Какъ вы думаете, легко мнѣ теперь работать на моихъ товарищей, которымъ я въ старину носы расквашивалъ? Легко мнѣ съ господина судебнаго слѣдователя Хрулева, у котораго я съ годъ тому назадъ ватерклозетъ установлялъ, сорокъ копѣекъ на чай получить? Вѣдь онъ человѣкъ одного со мною ранга... и было его имя Мишка Сахарница... у него зубы гнилые и посейчасъ, какъ тогда были...

Ученіе Гвоздева то же, „босяцкое" же. Онъ бьетъ обывателя по лицу, какъ били въ Петербургѣ и Радомѣ босяки офицеровъ, бьетъ потому, что его „зло разбираетъ". Онъ золъ на тѣхъ, кто выше, кто пробился въ жизни. Онъ не доросъ до сознанія, что во всякомъ дѣлѣ и ремеслѣ можно быть человѣкомъ полнымъ достоинства, но доросъ до безпричинной зависти и неистовой злобы. Ученіе Гвоздева —

ученіе всѣхъ революціонеровъ, мечтающихъ изъ сапожниковъ стать большими господами. Ломоносовы становятся на первое мѣсто силою одной личной самодѣятельности, Гвоздевы хотятъ куда-то возвыситься злобой, нахальствомъ, кулакомъ, а при случаѣ и ножомъ, пока не доживутъ до динамита.

М. Горькій такъ любовно очерчиваетъ Гвоздева и такимъ плюгавымъ выставляетъ его собесѣдника редактора, что нѣтъ сомнѣнія относительно того, на чьей сторонѣ симпатіи писателя.

VIII.

Чтобы оттѣнить свое исповѣданіе вѣры, М. Горькій не ограничился отдѣльными типами „босяковъ“ и „озорниковъ“. Онъ обобщилъ свои идеи, перенеся ихъ въ область фантазіи. Пятый томъ его разсказовъ кончается „Пѣснью о буревѣстникѣ“. Вотъ эта пѣснь цѣликомъ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ, и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ этомъ крикѣ—жажда бури! Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей,—стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ,—имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ... Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ, и поютъ, и рвутся волны къ высотѣ навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ,—гордый, черный, демонъ бури,—смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома,—чуткій демонъ,—онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца,—нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... Громъ грохочетъ...

Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море

ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи, вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..

Вотъ онъ—гимнъ бури и разрушенія, озорная босяцкая Марсельеза, призывный кличъ къ побѣдѣ путемъ бури! И чѣмъ она сильнѣе будетъ,—тѣмъ лучше.

Все нами сказанное вытекаетъ изъ приведенныхъ нами цитатъ, изъ тѣхъ книгъ, которыхъ полмилліона экземпляровъ несутъ по всей Руси Святой проповѣдь „босячества“ и попранія всякой вѣры и всякой нравственности.

Н. Я. Стечькинъ.

ПОЛИТИЧЕСКІЯ ДВИЖЕНІЯ ВЪ ГАЛИЦІИ.

I.

Вѣсти о побѣдахъ русскихъ войскъ на Дунаѣ въ 1877 г. были встрѣчены съ одушевленіемъ славянскими народностями Австро-Венгріи; одни поляки негодовали и сердились, не зная, что дѣлать, и нѣкоторые изъ нихъ пытались поступить въ ряды турецкой арміи. Сила русскихъ войскъ, проявившаяся на поляхъ сраженій, ободрила славянскіе народы Австро-Венгріи, и они начали смѣлѣе отстаивать свои права противъ мадьяръ и нѣмцевъ. Жертвы, понесенныя русскимъ народомъ для освобожденія болгаръ и сербовъ, подняли среди славянъ обаяніе Россіи, и прежнія предубѣжденія хорватовъ и чеховъ противъ русскихъ исчезли и смѣнились чувствами любви и довѣрія.

Но такое настроеніе умовъ славянъ не могло нравиться нѣмцамъ и мадьярамъ, опасавшимся потерять свое верховное положеніе въ имперіи Габсбурговъ, оно же возбуждало и опасенія Германіи. Но когда мадьяры усилили свои угнетенія словаковъ и русскихъ, чтобы, мадьяризовавъ ихъ, избавиться отъ призрака панславизма, то такія мѣры относительно славянъ Цислейтаніи казались разсудительнымъ нѣмцамъ опасными. Вслѣдствіе гнета могли бы славяне, составляющіе большинство населенія Австріи, сплотиться, сблизиться съ Россіей и составить непреодолимую силу. Затѣмъ и Пруссія, желавшая толкнуть Австро-Венгрію на востокъ и на Балканскій полуостровъ, не могла одобрить открытой германизаціи славянъ, которая внушила бы всѣмъ славянскимъ племенамъ, не исключая даже поляковъ, недовѣріе къ австрійской политикѣ. Поэтому, въ руководящихъ сферахъ Австріи возникла мысль, оставивъ попытки германизаціи славянъ, развивать и укрѣплять въ нихъ сознаніе національной индивидуальности.

Къ этому времени большинство нѣмецкихъ политиковъ пришло къ убѣжденію, что Австрія должна служить передовой стражей нѣмецкихъ интересовъ на востокѣ. „Переговоры Іосифа II съ Екатериной II,—говоритъ Бамбергеръ,—полныя противорѣчій воззрѣнія Кауница, Кобленца и Тугута, почти невѣроятная безпечность Австріи во время занятія Россіей Крыма, представляютъ причины, по которымъ монархія Габсбурговъ не сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ должна быть, т. е. восточнымъ госу-

дарствомъ (Ostreich), поставленнымъ между Европой и Азіей“ [1]). По мнѣнію этого историка, Австро-Венгрія должна занять мѣсто Россіи у Чернаго моря и сдѣлаться звеномъ, соединяющимъ Европу съ Азіей. Другіе нѣмецкіе ученые защищали мнѣніе, что Австрія должна стоять на стражѣ Дуная, имѣющаго громадное значеніе для Германіи [2]).

До русско-турецкой войны однако Австрія не задавалась такими планами, какіе ей внушали изъ Берлина, а хлопотала о первенствѣ въ Германскомъ союзѣ, но послѣ такихъ событій, какъ совершившіяся въ 1866 и 1870 годахъ, особенно же послѣ Берлинскаго конгресса, внушенія прусскихъ политиковъ нашли въ Австріи благодарную почву, и она устремила свое вниманіе на востокъ. Слѣдствіемъ этого была перемѣна какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ Австро-Венгріи. Въ началѣ 1879 г. министерство Ауэрсперга было вынуждено подать въ отставку, и его мѣсто заняло министерство гр. *Таафе*, а затѣмъ 3 (15) сентября 1879 г. Австрія заключила союзъ съ Германіей, отказавшись такимъ образомъ отъ вѣкового соперничества съ Пруссіей. Къ этому союзу присоединилась потомъ, какъ извѣстно, и Италія. Всѣ три государства начали лихорадочно вооружаться, и въ ближайшемъ будущемъ можно было ожидать съ ихъ стороны объявленія войны.

По заключеніи союза съ Германіей, гр. Андраши подалъ въ отставку, и его мѣсто занялъ бар. Геймарле. Первымъ дѣломъ новаго министра иностранныхъ дѣлъ было разослать австро-венгерскимъ представителямъ при иностранныхъ дворахъ циркуляръ, излагавшій новое направленіе внѣшней потики Австро-Венгріи. „Новая внѣшняя политика имперіи,—было сказано въ этомъ циркулярѣ,—составляетъ въ ея исторіи *новую эру*. Она связана съ воспоминаніями славнаго прошлаго, съ воспоминаніями тѣхъ временъ, когда императорскія войска истребляли въ славныхъ битвахъ турецкія военныя силы, и Австрія чуть не покорила себѣ всѣ балкано-придунайскія области. Карлъ VI своею семейною политикой направилъ внѣшнюю политику Австріи на другой путь. Когда Австрія одолѣвала возраставшую Пруссію и спорила съ революціонной Франціей о власти въ Германіи и Италіи, Россія вела борьбу съ Турціей. И Меттернихъ думалъ только о сохраненіи положенія Австріи въ Германіи и Италіи. Но послѣ неудачныхъ войнъ 1859 и 1866 г. Австрія должна опять обратить свои взоры къ *востоку*. Андраши не желалъ побѣждать Турцію въ союзѣ съ Россіей, какъ и не хотѣлъ для спасенія Турціи вести войну съ Россіей. Онъ старался, въ согласіи съ Европой и опираясь на Германію, укрѣпить положеніе Австріи оккупаціей важныхъ провинцій Балканскаго полуострова, втянуть автономныя государства бассейна Дуная въ сферу австрійскихъ вліяній и, не жертвуя напрасно силами своего государства для защиты Турціи, обреченной на неминуемую гибель, по-

[1]) Bamberger. „Geschichte der orientalischen Angelegenheiten“. стр. 383.
[2]) O. Peschel. „Abhandlungen zur Erd- und Völkerkunde“. Leipzig. 1879.

ставить преграду панславистическимъ затѣямъ и возможнымъ завоевательнымъ планамъ Россіи [1]).

Не всѣ народы Австро-Венгріи одобряли новую эру австрійской политики,—ей противилось даже большинство австрійскихъ нѣмцевъ, предвѣщая стремленіямъ Австріи стать посредницей между Европой и Азіей, въ виду непрочнаго положенія австрійскихъ финансовъ и ожесточенныхъ споровъ отдѣльныхъ народностей, полное крушеніе; но новую эру поддерживали два государства—Германія и Англія, а изъ многочисленныхъ народовъ Австріи, два народа—мадьяры и поляки. Еще во время русско-турецкой войны львовскій сеймъ приготовилъ императору адресъ, гласившій между прочимъ и слѣдующее: „Народъ польскій никогда не отказывался отъ своей національной самостоятельности. Для Австро-Венгріи панславистическая Россія составляетъ величайшую опасность. Лишь тѣ славянскія племена, которыя не отказываются отъ своей національной самостоятельности, могутъ служить стѣною, защищающею Австро-Венгрію отъ Россіи". Когда правительство Австро-Венгріи рѣшилось на новую эру, поляки со своими стремленіями, направленными противъ Россіи, должны были образовать одинъ изъ ея главнѣйшихъ столбовъ.

II.

Рѣшительное значеніе среди поляковъ получила тогда краковская партія *станчиковъ*. Ея виднѣйшими представителями были: гр. Альфредъ Потоцкій, намѣстникъ Галиціи; гр. Людвикъ Водзицкій, областной маршалъ; Янъ и Станиславъ Козмяны, Станиславъ Тарновскій, министръ для Галиціи Флоріанъ Землковскій, далѣе Юліанъ Дунаевскій, Николай Зыбликевичъ, Казиміръ Бадени, историкъ Шуйскій. Въ основѣ же ея взглядовъ и стремленій лежали воззрѣнія парижскаго кружка Янскаго и Мицкевича сороковыхъ годовъ, т. е. что поляки должны основать свою духовную жизнь на католичествѣ и консервативныхъ началахъ, стараться возвысить папскую власть до всемірнаго господства, обновиться нравственно и просвѣтить простонародье. Къ этимъ началамъ прибавилъ еще Шуйскій мысль, что возстановленіе независимой Польши можетъ произойти лишь при помощи Австріи. Поэтому поляки должны оставить тайные заговоры, какъ безполезные и даже вредящіе польскому дѣлу, вести себя спокойно въ Россіи и Пруссіи, въ Австріи же добиваться значенія руководящаго фактора. Гр. Адамъ Потоцкій первый подалъ мысль просвѣщать польскій простой народъ въ духѣ Мицкевича при помощи школы, газетъ, популярныхъ книжекъ, публичныхъ лекцій.

Скоро поляки достигли рѣшительнаго значенія въ Австріи, и Дунаевскій, одинъ изъ ихъ представителей, былъ назначенъ въ 1880 г. министромъ финансовъ. Теперь они могли приступить къ дѣятельности. Они бросились тотчасъ передъ—

[1]) Meyers „Historisches Taschenbuch". 1880, стр. 117.

-лывать вѣру, языкъ и учрежденія брошеннаго Австріей имъ на жертву галицкаго русскаго народа.

Мицкевичъ приписывалъ католичеству заслугу распространенія польскаго господства надъ Южной Русью; поэтому станчики увидѣли свою первую задачу въ томъ, чтобы укрѣпить католическій духъ среди русскихъ галичанъ и распространить возможно дальше на востокъ католичество. Лучшимъ средствомъ для этого считали они сначала образованный кружкомъ Мицкевича и Янскаго орденъ змартвыхвстанцевъ.

Самою выдающеюся личностью между змартвыхвстанцами былъ въ то время ксендзъ Валеріанъ Калинка, человѣкъ близкій къ Адаму Чарторыйскому и членъ парижскаго бюро ордена до 1863 г. По просьбѣ Шуйскаго и профессора львовскаго университета Лиске, генералъ змартвыхвстанцевъ Семененко отрядилъ Калинку въ Галицію. 21 сент. (2 окт.) 1880 г. Калинка прибылъ во Львовъ, и первымъ его дѣломъ было основать воспитательное заведеніе для русской молодежи, открытое уже 1 февр. 1881 г. [1]).

Цѣль открытія этого заведенія и взгляды Калинки на малорусскій вопросъ заключаются въ слѣдующихъ его словахъ [2]):

„Между Польшею и Россіею,—говоритъ Калинка,—живетъ народъ и не польскій, и не „россійскій". Польша упустила случай сдѣлать его польскимъ вслѣдствіе слабаго дѣйствія ея цивилизаціи. Если же полякъ, во время своего господства и своей силы, не успѣлъ притянуть къ себѣ русина и его передѣлать, то тѣмъ менѣе можетъ сдѣлать это теперь, когда онъ самъ слабъ, а русинъ сильнѣе, чѣмъ прежде. Теперь русинъ сильнѣе вслѣдствіе сознанія своей народности, разслабленія польскаго элемента и проникающаго въ поляковъ демократическаго духа. Сельскій русскій народъ (т. е. галицкорусскій) не сознаетъ своей народности, но не любитъ ляха, какъ своего господина, болѣе богатаго человѣка и послѣдователя другой религіи. Просвѣщенные русины ненавидятъ ляха еще больше, нежели простонародье, въ которомъ эту ненависть поддерживаютъ. Всѣ же русины вмѣстѣ находятся подъ матеріальной властью и подъ нравственнымъ вліяніемъ Россіи, говорящей похожимъ языкомъ и исповѣдующей ту же вѣру... Историческій процессъ, начавшійся при Казимірѣ и подвинутый впередъ Ядвигою, завершенный передвиженіемъ католичества и западной цивилизаціи на 200 миль къ востоку, проигрывается нами, поляками, на нашихъ же глазахъ. Какъ намъ защищаться? Сознанія и желанія народной самостоятельности, которыми русины начинаютъ проникаться (Калинка имѣетъ въ виду русскую украйнофильскую партію), еще недостаточно для того, чтобы охранить ихъ отъ поглощенія Россіей. Отпорная сила поляка заключается въ его душѣ, но между душою русина и москаля нѣтъ коренной разницы... Влить другую душу въ русина—вотъ наша, поляковъ, глав-

---

[1]) St. Tarnovski. X. Waleryan Kalinka. (Przegląd Polski, 1887. I. II).
[2]) Тамъ же, стр. 63.

ная задача... Да будетъ душа эта съ запада! Пусть русинъ соединится своею душою съ Западомъ, а формою съ Востокомъ. Тогда возвратится Россія въ свои естественные предѣлы, и на берегахъ Днѣпра, Дона и Чернаго моря будетъ нѣчто другое... Тогда, быть можетъ, Русь возвратится къ братству съ Польшей но если бы этого и не случилось, то лучше Малая Русь самостоятельная, нежели Русь россійская. Если Грицъ не можетъ быть моимъ, то пусть не будетъ ни моимъ, ни твоимъ. Изъ этого слѣдуетъ для поляковъ правило: не препятствовать развитію самостоятельной Руси, а утверждать среди малороссовъ унію. Только что основанный интернатъ поставилъ себѣ цѣлью воспитывать русиновъ и уніатовъ самостоятельныхъ".

Какъ мы видимъ, цѣль Калинки состояла въ томъ, чтобы русскому народу, подвластному Австріи, привить сознаніе народной отдѣльности отъ великороссовъ и привязанность къ католичеству и въ этомъ смыслѣ дѣйствовать и на малороссовъ въ Россіи.

Чтобы привить русскимъ галичанамъ сознаніе народной отдѣльности отъ великороссовъ, нужно было прежде всего уничтожить ихъ старорусскую партію, которая признавала единство всего русскаго народа и, стоя на почвѣ Брестской уніи, домогалась очищенія уніатскихъ обрядовъ отъ латинскихъ примѣсей и потому не была въ глазахъ латинской іерархіи католической. Къ тому именно послужило происшествіе въ селѣ Гниличкахъ и разыгравшійся вслѣдствіе этого происшествія политическій процессъ во Львовѣ, извѣстный подъ названіемъ процесса Ольги Грабарь и товарищей—Ивана Наумовича, Адольфа Добрянскаго и другихъ.

Жители села Гниличекъ хотѣли учредить у себя самостоятельный приходъ и подали въ 1877 г. прошеніе объ этомъ въ львовскую консисторію. Ихъ желанію однако воспротивились настоятель прихода и консисторія. Когда же гниличане жаловались на дѣлаемыя имъ затрудненія своему помѣщику гр. Делла-Скала, православному румыну, то тотъ сказалъ имъ: „Перейдите въ православіе, а я приглашу вамъ попа не такого гордаго, потому что тамъ есть лучшіе попы" [1]). Эти слова подѣйствовали на гниличанъ, какъ электрическая искра, и возбудили въ нихъ желаніе принять православіе. Но прежде, чѣмъ приступить къ исполненію своего намѣренія, они рѣшили спросить совѣта у Ивана Наумовича, священника въ Скалатѣ, который, какъ простонародный писатель и человѣкъ, содѣйствовавшій, матеріальному и нравственному развитію галицко-русскаго народа, пользовался среди крестьянъ большимъ уваженіемъ и довѣріемъ. Къ нему стекался народъ со всѣхъ сторонъ толпами за совѣтами въ дѣлахъ семейныхъ, хозяйственныхъ и политическихъ, какъ и въ случаяхъ болѣзней. Услышавъ о намѣреніи гниличанъ, Наумовичъ сказалъ: „Православіе есть

---

[1]) Стенографическій отчетъ о судебномъ разбирательствѣ по дѣлу Ольги Грабарь и товарищей. Львовъ. 1882.

вѣра нашихъ отцовъ; если люди желаютъ принять православіе, то можно". Когда же гниличане подъ давленіемъ властей колебались, не зная, какъ поступить, то Наумовичъ опять сказалъ имъ: „Хорошо, оставайтесь въ уніи, православіе, быть можетъ, придетъ современемъ само собой". Но гниличане рѣшились все-таки принять православіе, и Наумовичъ написалъ имъ заявленіе объ этомъ къ властямъ политическимъ и церковнымъ. Такъ поступая, Наумовичъ не совершалъ ничего противозаконнаго, потому что австрійскими законами признается полная свобода вѣроисповѣданія; но онъ хотѣлъ подѣйствовать на римскую курію и заставить ее созвать синодъ изъ австро-уніатскаго духовенства и людей свѣтскихъ для приведенія въ порядокъ запутанныхъ дѣлъ уніатской церкви, на которую сильно напирали латиняне. Вышло однако совсѣмъ иначе, чѣмъ ожидалъ Наумовичъ.

Лишь только переходъ Гниличекъ въ православіе въ концѣ 1881 г. сталъ извѣстенъ, польскія газеты ударили въ набатъ, что Галичина находится наканунѣ своего отпаденія отъ Австріи, а власти приказали немедленно арестовать не только виднѣйшихъ крестьянъ изъ Гниличекъ и Наумовича, но и редакторовъ всѣхъ старорусскихъ газетъ, а также надворнаго совѣтника Адольфа Добрянскаго, угрорусса, поселившагося во Львовѣ вмѣстѣ съ дочерью Ольгою Грабарь. Всѣ арестованные были обвинены въ государственной измѣнѣ. Государственный прокуроръ выступилъ съ обвинительнымъ актомъ, содержавшимъ поверхностный, составленный безъ пониманія сущности дѣла, очеркъ развитія панславизма, и сдѣлалъ заключеніе, что такъ какъ нѣкоторые изъ подсудимыхъ проявили славянофильскія стремленія, признавали національное единство всей Руси и находились въ сношеніяхъ съ Славянскимъ благотворительнымъ обществомъ въ Россіи, то и стремились къ отторженію отъ Австро-Венгріи Прикарпатской Руси. Въ этомъ смыслѣ агитируетъ въ Австро-Венгріи Россія,—это доказываетъ и пребываніе въ Галичинѣ, Буковинѣ и Венгріи Мирослава Добрянскаго, сына Адольфа Добрянскаго и чиновника особыхъ порученій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ въ Россіи.

Тогда-то польскіе шовинисты, желая добиться осужденія подсудимыхъ, начали пускать въ ходъ всѣ возможныя клеветы. Особенно усердствовала „Gazeta Narodowa". Защитникъ подсудимыхъ просилъ судъ вызвать редактора этой газеты въ качествѣ свидѣтеля для подтвержденія сдѣланныхъ имъ доносовъ, но судъ не удовлетворилъ его просьбы. Послѣ семинедѣльнаго разбирательства были приговорены: священникъ Іоаннъ Наумовичъ къ восьмимѣсячному тюремному заключенію, Венедиктъ Площанскій, редакторъ газеты „Слово", къ пятимѣсячному и крестьяне села Гниличекъ къ трехмѣсячному за возбужденіе ненависти и презрѣнія къ австрійскому государству, формѣ правленія и администраціи. Остальные подсудимые были оправданы. Во время процесса ходили слухи, что его затѣяли краковскіе станчики и венгерскій министръ

президентъ Тисса, чтобы нанести ударъ славянофильству въ Австро-Венгріи и старорусской партіи въ Галиціи. Судъ не раскрылъ никакого заговора противъ государства, не раскрылъ и намѣренія отторгнуть Прикарпатскую Русь отъ государства. Цѣль станчиковъ не была достигнута: они надѣялись погубить старорусскую партію, но время показало, что эта партія продолжаетъ существовать и даже окрѣпла.

Процессъ Ольги Грабарь былъ лишь началомъ австро-польскихъ насилій, преслѣдовавшихъ, въ своихъ новыхъ стремленіяхъ на востокъ и въ борьбѣ съ вліяніемъ Россіи, уничтоженіе галицко-русскаго народа. Насколько однако насилія эти касались дѣлъ церкви, австро-польское правительство не могло не испытывать вліянія папы Льва XIII, который, убѣдившись въ безполезности рѣзкихъ наступательныхъ дѣйствій на православіе и государства, задумалъ укрѣпить католичество кроткой, но искусной политикой. Чтобы привлечь къ себѣ сердца славянъ, онъ издалъ въ 1880 г. окружное посланіе къ католическому міру, повелѣвавшее почитать память святыхъ славянскихъ апостоловъ Кирилла и Меѳодія, а въ 1881 г. лѣтомъ состоялось паломничество австро-венгерскихъ славянъ въ Римъ, въ которомъ участвовали, кромѣ другихъ, хорватскій епископъ Дьяковара Штросмайеръ, краковскій епископъ Дунаевскій и польскій историкъ Шуйскій. Но такое вниманіе папы къ славянамъ не замедлило возбудить опасенія поляковъ, какъ бы папа не ввелъ въ католическое богослуженіе въ славянскихъ странахъ церковно-славянскаго языка [1]), а вѣнское центральное правительство опасалось усиленія славянскихъ стремленій. Было поэтому произведено соединенными усиліями вѣнскаго правительства и поляковъ давленіе на папу, и между тѣмъ какъ первое запретило въ 1885 г. чествованіе памяти славянскихъ апостоловъ въ Велеградѣ, вторые усиленно хлопотали въ Римѣ о томъ, чтобы папа не сдѣлалъ какихъ-нибудь уступокъ галицко-русскимъ уніатамъ. Поэтому папа получалъ свѣдѣнія о состояніи уніатской церкви только отъ поляковъ, а именно отъ генерала змартвыхвстанцевъ Семененка и кардинала Ледоховскаго, горячаго покровителя іезуитовъ и поборника свѣтской власти папы. Эти два лица внушали папѣ образъ мыслей іезуита Ст. Заленскаго, утверждавшаго, что унія пала вслѣдствіе брачной жизни бѣлаго уніатскаго духовенства и его русскаго патріотизма [2]), и образъ мыслей польской шляхты, требовавшей устраненія юліанскаго календаря. Скоро дѣло уніи получило такое направленіе, какое желали придать ему поляки, а они уже болѣе не придавали серьезнаго значенія интернату Калинки, а добивались переустройства всей галицко-уніатской церкви въ духѣ римско-католической.

Прежде всего они выдвинули вопросъ о воспитаніи уніат-

[1]) St. Tarnowski. Przegląd Polski. 1881, III.
[2]) St. Salęscki. Kilka uwag nad dzielem X. pralata Likowskiego. Poz. 1880.

скаго духовенства и нашли, что это воспитаніе должно внѣдрять особый духъ въ австрійскихъ малороссовъ. Орденъ змартвыхвстанцевъ не располагалъ нужнымъ для этого числомъ членовъ, и потому польскіе политики вспомнили, что послѣ объявленія Брестской уніи іезуиты такъ воспитали базиліанъ, что они совершенно отдѣлились отъ русскаго народа, латинизовали уніатскую церковь и полонизовали народъ русскій. Вслѣдствіе того было рѣшено поручить базиліанъ іезуитамъ: сначала должны подвергнуться іезуитскому вліянію уніатскіе монахи, а затѣмъ и бѣлое духовенство.

Подходящій случай исполнить это намѣреніе представила распря, происшедшая между галицкимъ уніатскимъ митрополитомъ Іосифомъ Сембратовичемъ и протоигумномъ галицкихъ русскихъ монаховъ Сарницкимъ. Благочестивый митрополитъ обвинялъ игумна въ безнравственной жизни, а тотъ изъ страха предъ наказаніемъ отдался подъ опеку іезуитовъ. 1 (13) мая) 1882 г. папа издалъ буллу „Singulare praesidium“, которою изъялъ орденъ галицкихъ базиліанъ изъ-подъ власти митрополита и отдалъ вмѣстѣ съ Добромильскимъ монастыремъ и домомъ послушниковъ въ вѣдѣніе іезуитовъ. Когда однако намѣстникъ Галиціи созвалъ во Львовѣ конференцію для исполненія папскаго постановленія, то уніатскій перемышльскій епископъ Ступницкій и латинскій архіепископъ Моравскій выразили сомнѣніе въ цѣлесообразности опредѣленія римскаго престола, митрополитъ же Сембратовичъ, наклонивъ голову, сказалъ: „Roma locuta, causa finita“ (Римъ сказалъ—дѣло кончено). Но противъ захвата Добромильскаго монастыря іезуитами заявили протестъ монахи и свѣтскіе люди, и въ 1884 г. отправилась въ Вѣру депутація во главѣ съ профессоромъ университета Шараневичемъ и помѣщикомъ Федоровичемъ съ жалобой на іезуитскій захватъ. Министръ нар. просвѣщ. Конрадъ старался успокоить эту депутацію увѣреніями, что передача монастыря іезуитамъ представляетъ лишь временную мѣру.

Митрополитъ Іосифъ Сембратовичъ не долго послѣ этихъ событій оставался во главѣ галицкой церкви. То былъ владыка въ духѣ восточной церкви—постникъ и молельщикъ, избѣгавшій суеты сего міра, постоянно объѣзжавшій свою паству, поощрявшій ее къ трезвости, трудолюбію и просвѣщенію, не вмѣшивавшійся въ политику и мирившій всѣ партіи. Такой человѣкъ не былъ въ рукахъ поляковъ удобнымъ орудіемъ, и онъ былъ вынужденъ отказаться отъ своего достоинства. Его мѣсто занялъ, въ качествѣ администратора митрополіи, его племянникъ Сильвестръ Сембратовичъ. Вмѣстѣ съ митрополитомъ ушли изъ львовской капитулы крылошане Малиновскій и Жуковскій. Ихъ отрѣшили отъ должности, не сообщивъ имъ причины, вопреки императорскому указу 1787 г. неотъемлемости чина каноника безъ причины и 14 главѣ капитульнаго статута, по которой провинившійся каноникъ долженъ быть сначала наказанъ до своего удаленія. Гр. Потоцкій сказалъ только Жуковскому: „Вы съ Малиновскимъ стояли ближе къ митрополиту“. Одновременно былъ отлученъ папою Іоаннъ Наумовичъ отъ католической церкви.

Администраторъ митрополіи Сильвестръ Сембратовичъ былъ возведенъ въ началѣ 1885 г. въ достоинство митрополита, и уже его первые шаги ознаменовали назначенную ему польскими политиками роль. Онъ началъ издавать политическую газету „Миръ" и во время ближайшихъ выборовъ постарался провести въ вѣнскій рейхсратъ трехъ своихъ кандидатовъ, одобренныхъ польскимъ центральнымъ комитетомъ и отвергнутыхъ русскимъ.

Перемѣна политическаго положенія стала весьма замѣтной. Лица старорусской партіи должны были переносить много непріятнаго. Въ церквахъ начали наблюдать жандармы, совершаетъ ли священникъ богослуженіе по уніатскому обряду; у крестьянъ дѣлались обыски. Къ учителю Савицкому явились разъ жандармы въ полночь, забрали десять русскихъ книжекъ, его же самого заковали въ кандалы и препроводили въ староство въ Подгайцахъ. Здѣсь просидѣлъ онъ въ тюрьмѣ, не зная—за что, пять недѣль. На запросъ русскихъ депутатовъ въ сеймѣ, правительственный комиссаръ отвѣтилъ, что на Савицкаго падаетъ подозрѣніе, что онъ распространяетъ конфискованную прокурорскимъ надзоромъ брошюру „Посланникъ св. апостола кн. Владиміра Великаго" [1]). Въ октябрѣ 1881 г. жаловались русскіе депутаты въ сеймѣ, что жандармы безъ малѣйшаго основанія отнимаютъ у крестьянъ русскія брошюрки и книжки, что сельскіе учителя велятъ дѣтямъ выкрадывать у своихъ родителей книжки и приносить ихъ себѣ, чтобы отдавать ихъ административнымъ властямъ, что староста въ Тернополѣ арестовалъ на почтѣ 20 русскихъ книжекъ, дозволенныхъ цензурою, что въ Волошиновѣ жандармы конфисковали даже циркуляръ перемышльскаго епископа [2]). Изъ газетъ особенно отнимали у крестьянъ „Батьковщину", „Проломъ" и „Вѣче". Въ 1882 г. „Слово" было конфисковано 17 разъ, „Новый Проломъ" въ 1883 г.—24 раза на 100 изданныхъ номеровъ. Осьмиконечные кресты, какъ напоминающіе православіе, были запрещены Римомъ въ 1887 г.

Остріе политическаго курса было готово уже тогда обратиться и противъ русской украйнофильской партіи, которой радикализмъ, нерасположеніе къ римскому католичеству и славянофильство не были по вкусу станчикамъ, стремившимся образовать новую галицко-русскую партію подъ предводительствомъ новаго митрополита. Образовать такую партію вызвался прежде другихъ П. Кулишъ. По его мысли во Львовѣ должно было сосредоточиться центральное управленіе украйнофильскаго движенія, цѣлью котораго было возстановленіе независимой Польши въ предѣлахъ 1771 г. подъ властью одного ь австрійскихъ эрцгерцоговъ. Онъ вступилъ по этому поду въ переговоры съ Юліемъ Чарторыйскимъ, Адамомъ пѣгою, министромъ Землковскимъ и президентомъ рейхсрата іолькою и издалъ во Львовѣ двѣ брошюры: „Крашанка ру-

[1]) Sprawozdanie sejmu, 1881, стр. 156.
[2]) Тамъ же, стр. 426.

синамъ и полякамъ на великдень“ и „Хуторная поэзія“. Въ этихъ брошюрахъ Кулишъ льстилъ полякамъ и открещивался отъ Россіи, но онъ погубилъ себя третьей брошюрой „Vergewaltigung der Basilianer Ordens in Galizien durch die Jesuiten“, въ которой выступилъ противъ католичества и протестовалъ противъ захвата Добромильскаго монастыря іезуитами. Эта брошюра возбудила къ Кулишу недовѣріе поляковъ и правительства, и они прекратили съ нимъ сношенія, а образованіе католической малорусской партіи отложили до болѣе благопріятнаго времени. А такое время, расчитывали они, настанетъ скоро.

III.

Вліяніе поляковъ въ Австріи продолжало быстро возрастать, особенно вслѣдствіе возникшихъ осложненій въ международныхъ отношеніяхъ. Въ концѣ августа 1880 г. Галичину посѣтилъ австрійскій императоръ. Это событіе въ связи съ ожидавшейся войною Австріи съ Россіей наполнило поляковъ новыми надеждами. Поэтому они прекратили совершенно оппозицію противъ центральнаго правительства, отказавшись отъ идеи федеративнаго устройства Австріи и автономіи Галиціи. Они пришли съ теченіемъ времени къ убѣжденію, что, вслѣдствіе своего экономическаго упадка, Галиція не въ состояніи вынести бремя, соединенное съ автономіей по образцу Хорватіи; напротивъ того, отказавшись отъ широкой автономіи и находясь въ непосредственномъ подчиненіи вѣнскимъ властямъ, она можетъ получать отъ центральнаго австрійскаго правительства и рейхсрата пособія. Когда въ началѣ 1881 г. былъ убитъ рукою злодѣя императоръ Александръ II, опасенія европейской войны усилились. Французъ Эдуардъ Марбо писалъ тогда: „Война Германіи съ Россіей неизбѣжна; въ случаѣ побѣды нѣмцы возьмутъ балтійскія провинціи, а Австріи дадутъ Польшу“. Въ 1883 г. Przegląd Polski писалъ еще опредѣленнѣе: „Въ Вѣнѣ хотятъ возстановить Польшу; политика Галиціи должна опереться на Австрію“. Когда въ 1883 г. къ союзу Австріи и Германіи присоединилась еще Италія, надежды поляковъ еще болѣе увеличились. Они были увѣрены, что побѣда будетъ на сторонѣ Австріи и Германіи, потому что Россія подрыта нигилизмомъ, украинскимъ сепаратизмомъ и неудовольствіемъ инородческаго населенія. Увлеченые такими надеждами, поляки старались сблизиться съ Пруссіей. Семья Потоцкихъ завязала тѣсныя сношенія съ берлинскимъ дворомъ и склонила станчиковъ къ пруссофильской политикѣ отъ которой они даже тогда не отказались, когда Бисмаркъ началъ въ 1886 г. насильственную германизацію Познани.

Наибольшаго напряженія достигли международныя отношенія въ 1887 г. Съ декабря 1887 до весны 1888 г. въ Австро-Венгріи войска находились въ боевой готовности. Особенную сенсацію произвели обнародованіе въ началѣ 1888 г. австро-

германскаго союза, публикація нѣмецкаго философа Гартмана о необходимости побѣды надъ Россіей, чтобы Литву, Ждудь, Лифляндію и Курляндію втянуть въ сферу нѣмецкаго вліянія, а на берегахъ Днѣпра образовать новое кіевское королевство, и статья въ „Deutsche Rundschau" 1888 г., предлагавшая создать при Днѣпрѣ и Черномъ морѣ новую Польшу, а поляковъ въ Познани и Пруссіи германизовать окончательно. Ожидая разгрома Россіи, нѣкоторые изъ станчиковъ совѣтовали даже полякамъ отказаться отъ мысли о политической самостоятельности и просто довольствоваться національнымъ существованіемъ подъ покровительствомъ Германіи. Авторъ брошюры „Między Rossyą a Niemcami" (Kraków, 1886) утверждалъ, что Польша не имѣетъ условій, нужныхъ для независимаго политическаго существованія. Она можетъ только стараться сохранить свою „этническую" цѣльность, опираясь на католичество. Поляки должны держаться римско-западной цивилизаціи. Германія побѣдитъ Россію. Представители польскаго народа въ Берлинѣ не должны ссылаться на международные договоры, относящіеся къ Польшѣ.

Но среди всеобщей тревоги умеръ въ 1888 г., въ мартѣ, престарѣлый германскій императоръ Вильгельмъ I, находившійся подъ сильнымъ вліяніемъ своего знаменитаго канцлера Бисмарка, оставивъ свое могущественное государство сыну Фридриху III. Нѣсколько десятковъ дней спустя умеръ и Фридрихъ III, и на престолъ германскій вступилъ его сынъ Вильгельмъ II. Пораженная столь быстрой смертью двухъ своихъ государей, Германія не могла болѣе желать войны, а Вильгельмъ II, вступивъ на престолъ, былъ занятъ больше борьбою съ соціалистическимъ движеніемъ и поднятіемъ обаянія монархической власти среди своихъ подданныхъ, нежели военными замыслами. Вліяніе Бисмарка на международныя отношенія пало, и онъ вышелъ въ 1890 г. въ отставку. Но пока происшедшія въ Германіи перемѣны могли быть оцѣнены по достоинству, военныя приготовленія Австріи и Германіи продолжались. Еще въ маѣ 1890 г. военный министръ Бауэръ говорилъ въ австрійскихъ делегаціяхъ: „Нынѣшнія военныя приготовленія приведутъ или къ упроченію мира, или къ катастрофѣ", а въ берлинскомъ парламентѣ поляки подали свои голоса за увеличеніе вооруженныхъ силъ государства и остались правительственной партіей.

IV.

Въ это же время приступило австрійское правительство къ осуществленію своего давно задуманнаго плана образовать *толическую малорусскую партію*, которая бы провозгласила малороссовъ отдѣльнымъ отъ великороссовъ народомъ и приняла бы, вмѣсто общерусскаго этимологическаго, фонетическое правописаніе. Первые шаги въ этомъ направленіи были сдѣланы еще въ 1886 и 1887 годахъ. Въ 1886 г. Смаль-Стоцкій и

Гартнеръ, профессора черновецкаго университета, выступили съ проектомъ введенія въ австро-русскихъ школьныхъ учебникахъ новаго правописанія, сходнаго съ извѣстной уже кулишовкой и примѣненнаго въ „Малорусско-нѣмецкомъ словарѣ“ Желѣховскаго. По порученію министра народнаго просвѣщенія были образованы въ 1887 г. въ Черновцахъ и во Львовѣ коммиссіи для разсмотрѣнія этого проекта, но такъ какъ онѣ высказались противъ предложенія черновецкихъ профессоровъ, а русское общество въ Галичинѣ и Буковинѣ протестовало противъ введенія новаго правописанія, то его введеніе въ школахъ было отложено до болѣе благопріятнаго момента. Съ другой стороны, Емельянъ Партицкій провозгласилъ въ 1886 г. отдѣльность малорусскаго народа въ своемъ историческомъ изслѣдованіи „Скандинавщина въ древней Руси“, вооружившись противъ взглядовъ историка А. С. Петрушевича на первоначальную русскую исторію. По примѣру нѣмца Бидермана, Партицкій старался доказать, что въ древнее время не было одного русскаго народа, потому что варяго-руссы покорили только отдѣльныя славянскія племена, и слово Русь имѣло первоначально политическо-государственное, а не этнографическо-національное значеніе.

Вопросъ о новой малорусской партіи оставался открытымъ до 1890 г.; когда же въ этомъ году собрался галицкій сеймъ во Львовѣ, то депутатъ *Романчукъ* провозгласилъ въ засѣданіи 25 ноября національную отдѣльность „русскаго“ народа отъ „россійскаго“ и его привязанность къ католичеству и западной культурѣ. Послѣ того галицко-русскіе епископы вмѣстѣ съ представителями новой партіи издали манифестъ къ народу, въ которомъ заявили, что они возобновляютъ программу русскихъ галичанъ 1848 г. для того, чтобы освободить свой народъ отъ гоненій и добиться для него правъ политическихъ и человѣческихъ. Романчукъ полагалъ, что угнетенія галицкаго русскаго народа вызываются духомъ старусской партіи и что достаточно галичанамъ поклясться въ вѣрности Австріи и католичеству, и отношенія къ нимъ австро-польскаго правительства перемѣнятся. Не такъ однако смотрѣло на дѣло большинство галицко-русскаго народа. Оно видѣло въ программѣ Романчука источникъ новыхъ замѣшательствъ, вредныхъ не только для русскаго народа, но и для государства. По его понятіямъ, такая разница между словами „русскій“ и „россійскій“, какую сдѣлалъ Романчукъ, не имѣетъ основанія, потому что въ 16—18 вѣкахъ галичане называли себя „россіянами“, а малороссы и до сихъ поръ называютъ себя „малороссіянами“; точку же о католичествѣ считаетъ галицко-русскій народъ для себя опасной, такъ какъ, исходя изъ нея правительственныя сферы, не видящія въ уніи истиннаго католичества, могутъ потребовать, чтобы Галицкая Русь отказалась отъ своихъ обрядовъ и богослужебнаго языка.

Программа Романчука получила названіе „новой эры“, а ея приверженцы „новоэристовъ“, потому что она была слѣдствіемъ новаго направленія политики, открытой Геймарле и

его преемникомъ Кальноки и названной „новою эрою". Ее приняли сначала преимущественно лица, состоявшія на государственной службѣ—учителя и чиновники. Положеніе этихъ лицъ, зависящихъ отъ польскаго правительства, общества и польскихъ начальниковъ, было дѣйствительно невыносимо. А между тѣмъ имъ говорили, что гоненія на нихъ вызываются тѣмъ обстоятельствомъ, что среди русскихъ галичанъ существуетъ руссофильская партія, признающая національное единство всей Руси и сочувствующая Россіи и православію; съ уничтоженіемъ же этой партіи прекратятся всѣ притѣсненія русиновъ и они получатъ равныя права съ поляками.

Лица, принимавшія участіе въ образованіи новой эры, были вознаграждены въ 1891 г. выборомъ въ депутаты вѣнскаго рейхсрата. Въ ихъ числѣ былъ и Романчукъ. Но онъ повелъ дѣло не въ томъ направленіи, какого требовала новая эра. Онъ отстаивалъ неприкосновенность греко-восточнаго обряда, не думалъ объ истребленіи руссофиловъ, осуждалъ одинаково злоупотребленія всѣхъ партій и требовалъ для Галицкой Руси равноправности. Обманувъ такимъ образомъ ожиданія поляковъ, онъ не могъ долго стоять во главѣ новой партіи и былъ вынужденъ перейти въ оппозицію. Его мѣсто занялъ Барвинскій, избранный, какъ и Романчукъ, въ депутаты рейхсрата и попавшій въ делегаціи, гдѣ, угождая полякамъ, держалъ одну и ту же рѣчь ежегодно объ угнетеніи малороссовъ въ Россіи.

Новая эра не только не ослабила старорусской партіи, но даже ее усилила. Ея члены, закаленные въ трудной борьбѣ, пріобрѣли больше опыта и стали относиться къ другимъ партіямъ съ бо́льшимъ благоразуміемъ. Понимая свое положеніе и видя, что на ихъ долю выпадаютъ одни страданія, они стараются, трудясь на всѣхъ полезныхъ поприщахъ, поддерживать русскую народность и помогать каждой другой партіи, если она что-нибудь предпринимаетъ для блага русскаго народа. Доказательствомъ ея благоразумія служитъ между прочимъ поддержка, оказываемая ею Романчуку при выборахъ въ сеймъ и рейхсратъ. Младорусская же партія распалась вслѣдствіе новой эры на три меньшія партіи: 1) новоэристовъ, поддерживающихъ политику станчиковъ; 2) народниковъ или романчукистовъ, признающихъ малорусскій народный сепаратизмъ, но отстаивающихъ церковныя и политическія права народа, и 3) радикаловъ, обращающихъ главное вниманіе на соціальные вопросы.

Новая эра не только раздѣлила галицкій русскій народъ на партіи, но и произвела переворотъ въ его церкви и школѣ. Правда, съ нею связано учрежденіе новаго галицкаго епископства въ Станиславовѣ, но зато ея попытки латинизаціи галицкой церкви и введенія безбрачія среди бѣлаго уніатскаго духовенства угрожали уничтоженіемъ галицкой русской народности, такъ какъ русская народность въ Галичинѣ тѣсно связана съ греческимъ обрядомъ, а женатое духовенство почти исключительно доставляетъ свѣтскую русскую интеллигенцію. Но еще больше, нежели намѣреніе римской куріи ввести въ

уніатскую церковь латинскіе обычаи и безбрачіе бѣлаго духовенства, встревожила галичанъ статья „Душпастыря" митрополита, утверждавшая, будто сходство уніатскихъ обрядовъ съ обрядами восточной церкви принесло русской народности больше вреда, нежели пользы, и что поэтому галичане должны ввести въ свою церковь „маевыя набоженства", „суппликаціи", процессіи въ день Божьяго Тѣла и другіе латинскіе обряды.

Еще до появленія этой статьи состоялось въ 1893 г. паломничество русскихъ галичанъ въ Римъ съ поздравленіемъ папы по случаю пятидесятилѣтія его епископства. Папа ясно намекнулъ въ своей рѣчи на то, что необходимо болѣе сблизить уніатскіе обряды съ латинскими и преобразовать систему воспитанія галицкаго духовенства. Всѣмъ стало ясно, что Брестская унія перестала существовать, и греко-восточный обрядъ преданъ осужденію. Отвѣтственность за это пала на митрополита, который подвергся, возращаясь во Львовъ изъ Рима, чувствительному оскорбленію. Упомянутая въ папской аллокуціи реформа воспитанія уніатскаго духовенства скоро осуществилась. Императорскимъ постановленіемъ 1(13) іюня 1893 г. русская духовная семинарія въ Вѣнѣ была закрыта. То же постановленіе предписывало закрыть и генеральную духовную семинарію во Львовѣ, учредивъ вмѣсто нея епархіальныя духовныя семинаріи. На средства папы и австрійскаго правительства были открыты въ Римѣ мѣста для русскихъ галичанъ въ греческой коллегіи св. Аѳанасія, въ которой въ 1896 г. воспитывалось 16 галицкихъ кандидатовъ. На этихъ воспитанниковъ страются повліять, чтобы они рукополагались въ безбрачіи. Кромѣ того было рѣшено открыть въ Римѣ также отдѣльную русскую коллегію для воспитанія уніатскихъ священниковъ.

Послѣ провозглашенія новой эры осуществилось также желаніе правительства ввести въ школьные учебники фонетику. По предложенію народнаго учителя Дмитерка педагогическое общество вошло съ ходатайствомъ въ министерство народнаго просвѣщенія о введеніи въ школахъ фонетическаго правописанія. Министръ поручилъ Краевой радѣ школьной высказать по этому вопросу свое мнѣніе, школьная же рада обратилась къ учителямъ среднихъ учебныхъ заведеній и учительскихъ семинарій съ вопросомъ, считаютъ ли они принятое въ школахъ правописаніе, приближающее „малорусскій" языкъ къ „россійскому", соотвѣтственнымъ, или признаютъ желательной его замѣну фонетическимъ. Такъ какъ у многихъ преподавателей были предварительно отняты уроки русскаго языка, а на другихъ уже лежало подозрѣніе въ руссофильствѣ и панславизмѣ, то 63 преподавателя подали голоса за фонетическое и только 21 за этимологическое правописаніе. На этомъ основаніи рада школьная составила коммиссію, которая рѣшила 13 (25) мая 1892 г. ввести въ школахъ фонетическое правописаніе. Это рѣшеніе коммиссіи было утверждено правительствомъ, несмотря на сопротивленіе русскаго населенія, подававшаго императору и министру народнаго просвѣщенія прошеніе

съ 37,000 подписей о томъ, чтобы было оставлено прежнее правописаніе.

Вскорѣ затѣмъ была введена фонетика и въ Буковинѣ. Смаль-Стоцкій и нѣмецъ Гартнеръ составили новую „грамматику русскаго языка“, въ которой употребили новые, ими самими придуманные термины. Противъ русскаго литературнаго языка начался крестовый походъ. Воспитанникамъ львовской духовной семинаріи было воспрещено ему обучаться; книги, написанныя литературнымъ языкомъ, были у учениковъ отняты; студенческія общества „Буковина“ въ Черновцахъ и „академическій кружокъ“ во Львовѣ за употребленіе русской литературной рѣчи закрыты. Различныя вѣдомства начали возвращать все написанное по-русски подъ предлогомъ, что та или другая бумага не написана „чистымъ русскимъ языкомъ“. Вслѣдствіе того, многія лица перестали переписываться съ властями по-русски, а въ школѣ произошла невиданная дотолѣ путаница вслѣдствіе введенія въ малорусскій языкъ многихъ новыхъ словъ, непонятныхъ ни для учениковъ, ни для учителей.

Единственное пріобрѣтеніе галицко-русскаго народа, связанное съ новой эрой, составляетъ возведеніе русскихъ параллельныхъ классовъ при польской гимназіи въ Перемышлѣ на степень самостоятельной русской гимназіи и учрежденіе каѳедры исторіи Восточной Европы въ львовскомъ университетѣ съ русскимъ преподавательнымъ языкомъ и русскихъ параллельныхъ классовъ при польской гимназіи въ Коломыѣ. Зато Галицкая Русь вынуждена теперь выдерживать новый напоръ полонизаціи и латинизаціи. Такъ, въ 1894 г. староство въ Чертковѣ приказало 70 крестьянамъ, принадлежащимъ къ уніатской церкви, возвратиться въ католичество. Когда мѣщане изъ Озерянъ хотѣли устроить у себя новое кладбище, то кн. Сапѣга согласился дать имъ кусокъ земли лишь съ тѣмъ условіемъ, чтобы они за каждую могилу платили костелу въ Озерянахъ. Когда одинъ кузнецъ хотѣлъ пригласить на похороны уніатскаго священника, то латинскій ксендзъ сказалъ: „Не могу видѣть попа... Если приведешь попа, то заплатишь 20 гульденовъ, а если попа не будетъ, то только 10“. Одинъ латинскій миссіонеръ сказалъ крестьянкѣ на исповѣди: „Не ходи въ церковь, а лучше выспись дома“. Другой сказалъ крестьянину: „Дуракъ! Вмѣсто церкви можешь и въ корчмѣ молиться“. Латинское духовенство принялось усердно строить въ Восточной Галичинѣ латинскіе костелы и съ этой цѣлью начало собирать подаянія. Отъ 1851 до 1889 г. возникло въ Восточной Галичинѣ 27 новыхъ латинскихъ приходовъ, 6 экспозитуръ и 200 новыхъ костеловъ. Въ окрестностяхъ Тернополя, гдѣ до 1851 г. не было ни одного костела, воздвигнуто до 1889 г. 20 костеловъ. Въ послѣдніе же годы возникло 30 новыхъ костеловъ, преимущественно вблизи русской границы.

Затѣмъ, по объявленіи новой эры, латинское духовенство и польская интеллигенція начали заставлять крестьянъ латинскаго обряда, но употребляющихъ русскій языкъ, говорить

только по-польски. „Нова Реформа“ (Nowa Reforma) напечатала въ 1894 г. списокъ всѣхъ мѣстностей, населенныхъ послѣдователями латинскаго обряда, говорящими по-русски, чтобъ ихъ передѣлать въ настоящихъ поляковъ. И дѣйствительно, крестьяне и колонисты латинскаго обряда оставляютъ русскій языкъ и начинаютъ говорить ломанымъ польскимъ. Подъ вліяніемъ школы на ихъ слѣды вступаютъ и послѣдователи восточнаго обряда, и, кажется, скоро настанетъ время, когда Галичина будетъ совершенно ополяченной. Къ этому надо еще прибавить громадную эмиграцію русскаго населенія, продающаго свои хозяйства мазурамъ и евреямъ.

Съ началомъ эры гр. Таафе и возникновеніемъ тройственнаго союза связано также передвиженіе польскаго элемента въ русскую православную Буковину. Сюда стали переселяться польскіе чиновники, учителя, монахи, помѣщики и іезуиты. Бѣжавшій изъ Россіи католическій епископъ Фелинскій избралъ своимъ мѣстопребываніемъ городъ Черновцы. Много поляковъ устроилось въ Буковинѣ при желѣзныхъ дорогахъ. Поляки основали въ Черновцахъ свою газету и свои общества, соединились съ украйнофилами и составили вліятельную политическую партію. Такъ какъ они стали распространять среди православныхъ жителей унію, то противъ нихъ возсталъ митрополитъ и румынскіе націоналы, обратившіеся за помощью къ вѣнскому правительству и рейхсрату. Но правительство приняло сторону поляковъ.

Что же думали поляки о достигнутыхъ ими успѣхахъ? Были ли они ими довольны? Куда тамъ! Вѣрные своему историческому характеру, они жалуются еще на незначительные успѣхи своей политики. Такъ, кн. Чарторыйскій въ собраніи помѣщиковъ въ Перемышлѣ въ 1892 г. сказалъ: „Въ своихъ дѣйствіяхъ по русскому вопросу правительство обошло большинство сейма“. Дембовскій высказалъ мнѣніе, что уступки русской народности въ области языка — это „вытаскиваніе камня за камнемъ изъ польскаго зданія“. Такъ же выразился Вивіенъ въ Тернополѣ. Вѣрнѣе оцѣнило ихъ заслуги австрійское правительство, какъ это видно изъ словъ президента Буковины Гоэса, сказанныхъ польской депутаціи въ отвѣтъ на жалобы румынъ, о которыхъ мы только что говорили: „Если бы вы даже,—сказалъ Гоэсъ,—не поручили мнѣ своихъ дѣлъ, то я все-таки занимался бы ими, зная хорошо, что поляки составляютъ не только въ Буковинѣ, но и во всей Австріи элементъ насквозь патріотическій и вѣрный династіи и государству“.

V.

Не успѣли однако поляки еще довести до конца дѣло, возложенное на нихъ нѣмцами и мадьярами, какъ *прежнія международныя отношенія измѣнились неожиданнымъ образомъ*. Положивъ, со вступленіемъ на престолъ Вильгельма II и послѣ

удаленія отъ власти желѣзнаго канцлера, оружіе, Германія уже болѣе его не поднимала, Россія же не только окончила счастливо преобразованіе и перевооруженіе своей арміи и укрѣпила свою западную границу, но и поднялась въ экономическомъ отношеніи и утвердила въ своихъ предѣлахъ спокойствіе и порядокъ, возстановивъ согласіе и единство стремленій между государственный властью и всѣми классами населенія. Она заключила тѣсную дружбу съ Франціей, привлекла къ себѣ Болгарію и сблизилась съ Турціей, чтобы защищать отъ Англіи проливы. Между тѣмъ Австро-Венгрія потеряла свое вліяніе въ Болгаріи и Сербіи, тройственный союзъ уже не обѣщалъ ей никакихъ выгодъ, потому что молодой германскій императоръ сообщилъ другое направленіе политикѣ Германіи; она не могла даже расчитывать на содѣйствіе римской куріи, потому что и папа Левъ XIII не обнаруживалъ желанія бороться съ Россіей.

Всѣ эти событія совершенно измѣнили положеніе Австро-Венгріи. Отстоять свое международное положеніе путемъ войны она теперь не могла уже и думать и, покинутая Германіей, должна была подумать о томъ, чтобы пріобрѣсти дружбу той самой Россіи, съ которой она еще недавно собиралась спорить. Затѣмъ и ея внутреннее положеніе измѣнилось не въ такомъ смыслѣ, въ какомъ было желательно ея правительству, а какъ разъ въ противоположномъ.

Не смотря на противодѣйствіе гр. Таафе въ Австріи и Тиссы въ Венгріи, сознаніе племеннаго единства славянъ, если исключить поляковъ, значительно усилилось. Намѣреніе графа Таафе разобщить австрійскихъ славянъ съ Россіей, при помощи католичества, не увѣнчалось успѣхомъ. Хотя въ 1885 г. старочехъ Ригеръ сказалъ въ Вѣнѣ, что Австріи предназначено отклонить опасности, угрожающія меньшимъ славянскимъ народностямъ, какъ со стороны Германіи, такъ и со стороны Россіи, но католическій епископъ Штросмайеръ поздравилъ въ 1888 г. Россію съ 900-й годовщиной ея крещенія. Когда же въ 1888 г. усилились слухи о предстоящей войнѣ Германіи и Австро-Венгріи съ Россіей, то старочехи заявили, что желаютъ пораженія нѣмцевъ. Въ 1891 году изъ выборовъ въ вѣнскій рейхсратъ вышли побѣдителями младочехи, и они, попавъ въ делегаціи, рѣзко отмѣчали въ своихъ рѣчахъ симпатіи къ Россіи. Одни поляки продолжали по прежнему относиться враждебно къ Россіи, но, не встрѣчая со стороны остальныхъ славянъ въ своей враждѣ поддержки, особенно же видя, что обаяніе Россіи все возрастаетъ, ея враги исчезаютъ или теряютъ силу, и что, наконецъ, самой Австро-Венгріи приходится искать дружбы могущественнаго славянскаго государства, начали и они поговаривать о необходимости отказаться отъ своей вражды къ русскому народу, не достигающей болѣе цѣли и же вредящей самому польскому дѣлу. Перемѣнить свое настроеніе помогла полякамъ и сама Россія, вынужденная принять мѣры противъ нахлынувшихъ въ нее нѣмцевъ, эмиссаровъ Бисмарка, и оградить Привислинскій край отъ напора германизма.

Теперь полякамъ, какъ и Австро-Венгріи, пришлось подумать о томъ, чтобы перемѣнить свою тактику относительно Россіи, и нужно удивляться, какъ скоро и легко перешли они къ другой политикѣ. Это показываетъ, какъ умѣютъ поляки подчинять свои чувства политическимъ соображеніямъ. Но предоставимъ полякамъ говорить самимъ за себя.

Въ 1891 г. Станиславъ Тарновскій, признаваемый поляками однимъ изъ способнѣйшихъ и ученѣйшихъ дѣятелей краковской партіи станчиковъ, написалъ сочиненіе „25 лѣтъ спустя". Изъ опытовъ и размышленій Ст. Тарновскаго" [1]), которое лучше другихъ передаетъ образъ мыслей галицкихъ поляковъ. По мнѣнію Тарновскаго, гражданственность XX вѣка выйдетъ изъ соединенія двухъ началъ—католичества и соціализма (стр. 3—4). Теперь господствуетъ въ мірѣ право сильнѣйшаго (стр. 12). Огромную силу представляетъ теперь Россія. Такой народной страсти и такого постоянства въ стремленіяхъ, какими обладаетъ Россія, не было, пожалуй, примѣра въ исторіи съ тѣхъ поръ, какъ ослабѣло стремленіе мусульманства на западъ; сила этого стремленія, соединенная съ громадностью Россіи, кажется, сообщаетъ ей превосходство предъ могущественной Германской имперіей (стр. 21). Опираясь на двѣ части міра, Россія приготовляется къ той минутѣ, когда будетъ рѣшать судьбы обѣихъ. На своемъ громадномъ пространствѣ она имѣетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ жителей одной крови, одного языка, одной природы, одинаковыхъ чувствъ и одной вѣры, а надъ этой неизмѣримой громадой одну главу, одну волю и одну власть. Лучшихъ условій силы нѣтъ въ мірѣ. А эта матеріальная сила вдохновляется и руководится хитростью, фанатическою любовью къ отечеству и неоспоримыми добродѣтелями самопожертвованія и повиновенія. Русскій народъ хочетъ величія Россіи путемъ православія и самодержавія (стр. 22). Отъ образа мыслей властителя зависитъ быть выразителемъ стремленій своего народа и удовлетворить его чувству отечестволюбія и гордости. Въ Александрѣ III какъ разъ сосредоточивается самосознаніе Россіи (стр. 23). Теперь уже и за предѣлами Россіи стараются сдѣлать русскій языкъ литературнымъ и государственнымъ вездѣ въ славянствѣ (стр. 27). Польскій элементъ въ Россіи придавленъ, но автора радуетъ, что малороссы обладаютъ сознаніемъ отдѣльной народности въ той именно землѣ, которая для Австро-Венгріи имѣетъ больше значеніе, чѣмъ Польша, потому что эта земля простирается къ Дону и отдѣляетъ Россію отъ Чернаго моря (стр. 35). Въ Германіи стараются поляковъ истребить, потому великополяне говорятъ: „москали лучше" (стр. 50). Назначеніе Австріи составляетъ распространять на востокъ западную католическую цивилизацію (стр. 63), но Австрія упустила въ 1854 и 1855 годахъ удобный случай обезпечить за собой нижній Дунай и Балканы и попала въ зависимость отъ Германіи

[1]) Po 25 latach. Z doświadczań i rozmyślań St. Tarnowskiego. Przegląd Polski. XXI. 1.

(стр. 57). Сверхъ того, Австрія разслаблена агитаціей младочеховъ, кошутовцевъ, соціалистовъ, ирридентистовъ въ Тріестѣ и соціально-россійской агитаціей среди молодежи въ Галиціи (стр. 62). Авторъ недоволенъ также австрійскими поляками (стр. 65). Единственная заслуга поляковъ состоитъ въ томъ, что они заняли въ вѣнскомъ парламентѣ сильную позицію; въ этомъ состоитъ ихъ благоразумie (стр. 68). Австрія не желаетъ примиренія поляковъ съ Россіей (стр. 68). Автора тревожитъ демократическое настроеніе поляковъ, и онъ опасается повторенія 1846 года (стр. 94). Онъ противникъ всякихъ заговоровъ и пустыхъ народныхъ манифестацій. Нынѣ свѣтъ подлый, за поляковъ не заступается (стр. 294). Поляки должны сосредоточить свои силы, чтобы выдержать враждебный напоръ; современемъ положеніе поляковъ улучшится, потому что въ нихъ много силы. Задачами польской политики должны считаться: 1) католичество, 2) западная цивилизація, — въ случаѣ борьбы Запада съ Востокомъ держаться перваго, 3) избѣгать заговоровъ и революцій и 4) руководствоваться политическимъ благоразуміемъ, держать языкъ за зубами и владѣть своими впечатлѣніями и увлеченіями (стр. 302).

Если сравнить отзывы краковской партіи станчиковъ о Россіи отъ 1880 до 1890 года съ отзывами Тарновскаго, то мы замѣтимъ начало рѣшительнаго перелома въ воззрѣніяхъ поляковъ на Россію. Прежде они представляли Россію въ состояніи полнаго разложенія, а потомъ преклонились предъ ея могуществомъ. Вообще же ихъ взгляды остались тѣ же. Это мы видимъ изъ отзывовъ ихъ вождей. „Враги Польши,—говорятъ они,—это религіозная терпимость и равнодушіе къ религіи, космополитическая демократія и панславизмъ" [1]. Поляки должны защищать себя отъ германизаціи и славянскаго универсализма, который могъ бы найти выраженіе въ системѣ федеративной [2]. Для народа, потерявшаго свою независимость, очень важное дѣло и большое счастье, если онъ сохраняетъ свои права, свой языкъ и имѣетъ своихъ людей въ правительствѣ. Такимъ образомъ, онъ охраняетъ свою самостоятельность и можетъ возвратить себѣ свое прежнее бытіе [3]. То, чего не совершили Ягеллоны, то долженъ осуществить императоръ Францъ-Іосифъ I, въ жилахъ котораго течетъ кровь Ягеллоновъ [4]. Кромѣ любви къ отечеству и прогрессу, мы имѣемъ своимъ знаменемъ политическій смыслъ (raison d'état, Staatsweisheit), т. е. хладнокровное обсужденіе обстоятельствъ, чтобы ими пользоваться, порядокъ и дисциплину [5]) Толпа (massa) не понимаетъ, въ чемъ состоятъ польскіе интересы. Шляхта составляетъ хребетъ польскаго общества. Руководить

---

¹) Przegląd Polski. XV, 4. стр. 36.
²) Тамъ же, XV, 1, стр. 171.
³) St. Tarnowski. Nasze drogi w ostatnich 100 latach. Kraków, 1895.
⁴) Pisma wojskowe i polityczne Jozefa Popowskiego. Kraków, 1885.
⁵) Z ziemi krakowskiej. Sprawozdanie z zgromadzenia przedwyborczego ·kszej własności. Kraków 1889 (Рѣчь Ст. Тарновскаго).

польскою жизнью должно сеймовое коло [1]). Демократы говорятъ: на демократической почвѣ произойдетъ примиреніе Руси съ Польшей, потому что къ демократической Польшѣ Русь принципіальной ненависти имѣть не можетъ. Такое примиреніе уже произошло во Львовѣ между молодежью. Русская молодежь, однако, подшучивала надъ пѣсней „Еще Польска не згинела“ (еще Польша не погибла—пѣсня польскихъ повстанцевъ). Формулою примиренія будетъ: чернь и царь [2]). Той ненависти къ москалямъ, въ которой именно вся суть, потому что въ ней заключается ручательство и основаніе истинной и отдѣльной Руси (т. е. Малороссіи),—такой ненависти незамѣтно нигдѣ у русинъ (Tej nienawiści do Moskwy, o którą właśnie chodzi jako o rękojmię i podstawe Rusi prawdziwej i odrębnej, tej nie widać nigdzie u Rusinów [3]).

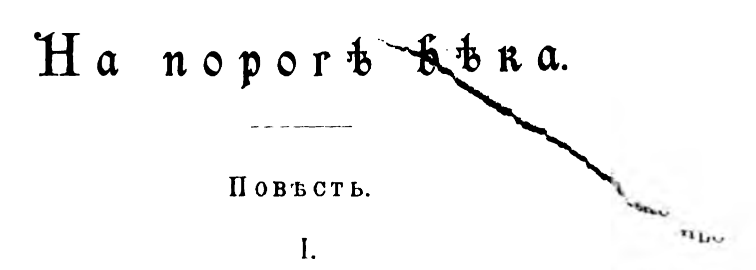
Разрушившая всѣ прежнія мечты нѣмцевъ, мадьяръ и поляковъ перемѣна была рѣшительной: младочехи торжествовали свою побѣду, либеральная нѣмецкая партія возстала противъ католической политики гр. Таафе, во всѣхъ австрійскихъ провинціяхъ усилились соціалисты. Гр. Таафе оказался вынужденнымъ подать въ отставку. Послѣ него, кн. Виндишгрецъ попытался соединить консерваторовъ, либераловъ и поляковъ для совмѣстной дѣятельности. Когда же и онъ потерпѣлъ неудачу и его коалиціонное министерство пало въ 1895 г., то руководство внутренними дѣлами государства попало въ руки галицкаго намѣстника, гр. Казиміра Бадени. Въ томъ же году ушелъ и гр. Кальноки, и его мѣсто занялъ гр. Агеноръ Голуховскій. Такимъ образомъ, Австрія очутилась въ рукахъ польскаго правительства. Система управленія, опиравшаяся на поляковъ и нѣмцевъ, пала. Поляки остались у дѣлъ и даже пріобрѣли еще большее, чѣмъ прежде, вліяніе, но мѣсто ихъ союзниковъ нѣмцевъ заняли чехи, полные славянскихъ чувствъ и расположенные къ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, и оппозиція станчикамъ въ Галиціи усилилась. Противъ нихъ возстали демократы и мазурскіе крестьяне, образовавшіе три партіи: поточковъ, по числу самую незначительную; ксендза Стояловскаго, самую многочисленную, и людовцевъ, съ стремленіями демократовъ 1831—1846 г. Рабочее сословіе Галиціи охватилъ соціализмъ. Недовольство управленіемъ станчиковъ обнаружилось во всей Галиціи: восточной—русской и западной—польской. Каждая изъ польскихъ партій имѣетъ свои особыя воззрѣнія. Партія Стояловскаго сочувствуетъ нѣмецкимъ христіанскимъ соціалистамъ, настроена дружелюбно къ Россіи и прославляетъ власть самодержавную. Партія людовцевъ исполнена польскаго народнаго патріотизма. Соціалистическая партія ставитъ экономическіе вопросы выше національныхъ и даже готова сопротивляться мысли о независимой Польшѣ, опасаясь, какъ

---

[1]) Тамъ же.
[2]) Тамъ же.
[3]) Przegląd Polski. 1885, III, стр. 560.

бы въ ней опять не забрала въ свои руки дѣлъ шляхта. Она не признаетъ и нѣмецкой соціальной республики, а скорѣе склоняется къ монархіи. Тайныя общества имѣютъ революціонный и республиканскій характеръ и мечтаютъ о соединеніи всѣхъ польскихъ земель въ одно цѣлое и потому одинаково направлены какъ противъ Россіи, такъ и противъ Германіи и Австріи.

Л. Николаевъ.

На порогѣ вѣка.

Повѣсть.

I.

Патеръ Бенуа вышелъ на крыльцо своего домика и съ удовольствіемъ оглянулся щурящимися отъ яркаго утренняго солнца глазами. Мѣстность, дѣйствительно, была живописна, совершенно въ духѣ нижнепиренейскихъ ландшафтовъ. Сейчасъ же за домикомъ патера поднималась крутая гора, поросшая соснами, букомъ и липами. Въ расщелинѣ скалы, тутъ же, шумѣлъ потокъ, прыгая по чернымъ камнямъ и дробясь звенящими струйками между пнями, нанесенными зимней непогодой. Впереди раскидывалась гладкая зеленая скатерть долины, прорѣзанная бѣлой лентой дороги, обходившей маленькую церковку и скрывавшейся между домами, съ широкими аспидными крышами, деревни Антиньякъ. Въ сторонѣ виднѣлись трубы и зданія небольшой фабрики деревянныхъ издѣлій. На переднемъ планѣ фабрики стоялъ изящный, какъ игрушка, домъ управляющаго. Вся неширокая долина замыкалась панорамой горъ, которыя заходили другъ за друга, красуясь въ прихотливой смѣнѣ темной зелени сосенъ и яркихъ пятенъ высокихъ прогалинъ.

Патеръ Бенуа, любовавшійся этой картиной, былъ очень молодъ. Черная сутана стройно облекала его высокій юношескій станъ, а матово-бѣлое лицо, съ тонкимъ римскимъ профилемъ и яркими губами, подходило бы болѣе какому-нибудь оперному пѣвцу, дамскому кумиру, еслибы вдумчивое, чистое, ласковое выраженіе черныхъ глазъ не свидѣтельствовало ясно что эти глаза принадлежатъ человѣку, безконечно далекому отъ всякихъ сценическихъ профессій и театральныхъ тріумфовъ.

Юный патеръ только что получилъ антиньякскій приходъ

свое первое священническое мѣсто. Глубоко религіозный по природѣ, онъ былъ весь еще проникнутъ наивнымъ, ученическимъ духомъ школы, въ которой ему посчастливилось избѣгнуть специфически-клерикальныхъ и узко-католическихъ воздѣйствій. Онъ готовился горячо приступить къ своему дѣлу. Онъ зналъ жизнь по книгамъ, по лекціямъ профессоровъ, по церковнымъ проповѣдямъ и обличеніямъ. Онъ имѣлъ теоретическое представленіе о томъ, что на днѣ человѣческаго общежитія копошится страшная гидра страстей. У него было понятіе о схемѣ смертныхъ грѣховъ, перевивающихся между собой на подобіе отвратительнаго клубка змѣй. Онъ зналъ пороки гордости, корысти, любострастія, въ ихъ безличной, алгебраической отвлеченности. Ему было извѣстно, что, кромѣ этой старой, какъ міръ, гидры пороковъ, современность таитъ въ себѣ еще новаго ужаснаго дракона—безвѣріе. Онъ понималъ, что служеніе добру—не легкое дѣло, но чувство, воспитанное долгими молитвами, давало ему смѣлость, и онъ съ юношескою отвагой глядѣлъ впередъ...

Такъ какъ было воскресенье, то патеръ пошелъ въ церковь. Храмъ поражалъ малыми размѣрами, ветхостью и убогостью. Стѣны, насквозь сырыя, чернѣли; алтарь былъ одѣтъ коленкоромъ и кусочками дешеваго шелка, старые мѣдные подсвѣчники погнулись, церковныя облаченія висѣли клочьями облѣзлой парчи. Но патеръ не приходилъ въ ужасъ; онъ зналъ, что были времена, когда и холстинныя ризы не мѣшали достойному служенію Богу. Бенуа не смущался и во время обѣдни, когда, обращаясь лицомъ къ паствѣ, онъ видѣлъ передъ собою только группу сморщенныхъ старухъ и стариковъ, смотрѣвшихъ на него мутными глазами живыхъ мертвецовъ. Онъ зналъ, что прошли времена кипучаго религіознаго чувства, которое трепетало одинаково и подъ кольчугой рыцаря, и подъ кафтаномъ горожанина. Теперь, разумѣется, не то. Но если человѣчество впало въ болѣзнь, развѣ нужно оплакивать его, какъ покойника? Развѣ всѣ болѣзни смертельны? Развѣ великая драма борьбы добра со зломъ можетъ кончиться побѣдою зла? Развѣ можетъ умереть истина? Общество нуждается, думалъ патеръ, не въ плакальщикахъ, а во врачахъ.

По окончаніи службы, молодой священникъ бодро сошелъ по шаткимъ ступенямъ церкви и направился вдоль деревенской улицы. Онъ смотрѣлъ на обступившіе его домики глазами собственника. Они казались ему чѣмъ-то вродѣ лазарета, ввѣреннаго его попеченію. Онъ мысленно входилъ въ нихъ и благословлялъ темноту ихъ внутренней убогости. Въ его юно-

шеской груди вспыхивало желаніе повторить тутъ же, среди пыльной улицы, виѳлеемскую пѣснь о мирѣ и благоволеніи. Онъ весело и бодро раскланивался со встрѣчавшимися, какъ бы говоря имъ: „Ничего, ничего, не надо падать духомъ! Велики прегрѣшенія человѣческія, но велика и милость Божія!“

Деревня, несмотря на праздничный день, была, по обыкновенію, тиха и уныла. Только изъ кафе Перена, на углу площадки, слышались оживленные голоса. Тутъ, передъ домомъ съ огромной вывѣской, золотомъ по красному полю: „Свиданіе друзей“, за столиками, въ тѣни деревьевъ, размѣщалась многочисленная публика раннихъ посѣтителей. Это были рабочіе съ фабрики, по большей части, изъ мѣстныхъ жителей. Всѣ лица, молодыя и старыя, почти сплошь некрасивыя и морщинистыя, были одинаково выбриты, по испанской модѣ. Между синими и сѣрыми блузами попадались пиджаки съ яркими галстухами. Мягкіе пиренейскіе береты сумрачно свисали на глаза. Между мужчинами были и женщины, также работавшія на фабрикѣ.

Проходя мимо деревянной рѣшетки, отдѣлявшей кафе отъ улицы, патеръ приподнялъ свою плюшевую шляпу и привѣтливо сказалъ:

— Здравствуйте... А я надѣялся видѣть васъ въ церкви...

— Въ церкви?—съ удивленной улыбкой воскликнулъ молодой человѣкъ, рыжій, съ веснушками по всему лицу.—Слышишь, Ригоберъ, господинъ аббатъ надѣялся видѣть насъ въ церкви!

— Слышу, Игнасъ,—отвѣчалъ сидѣвшій напротивъ рабочій, среднихъ лѣтъ, высокій, съ широкими скулами и плотно сжатыми губами.—Слышу,—повторилъ онъ, сосредоточенно смотря на свою кружку съ виномъ, между тѣмъ, какъ присутствовавшая публика, находя завязавшійся разговоръ забавнымъ, хохотала.

— Я не понимаю, что же тутъ удивительнаго,—промолвилъ Бенуа.

— Онъ не понимаетъ!—залился смѣхомъ Игнасъ, потирая руки и топоча ногами въ припадкѣ веселости.

— Понять это, господинъ аббатъ, не трудно,—заговорилъ Ригоберъ тономъ резонера, все такъ же сосредоточенно смотря въ одну точку и поводя пальцемъ по столу.—Человѣкъ, какъ и всякій организмъ, долженъ наблюдать за приходомъ и расходомъ своихъ силъ. Если пустить расходъ слишкомъ широко, то наступитъ банкротство. Предположимъ, что мы запрягли воловъ и ѣдемъ на нихъ день, ночь, недѣлю, безъ остановки;

разумѣется, волы поколѣютъ. Тоже и люди. И вотъ, вполнѣ справедливо, что человѣкъ, проработавъ шесть дней, идетъ въ кафе, чтобы отдыхомъ и усиленнымъ пріемомъ пищи возстановить въ себѣ понесенную убыль.

— Конечно,—возразилъ патеръ,—вы правы въ извѣстномъ отношеніи, но вѣдь сказано: шесть дней—труду, седьмой—молитвѣ.

— Э-э!—раздалось откуда-то рѣзкое восклицаніе.—Отправляйтесь-ка лучше съ этими проповѣдями къ счастливцамъ; они шесть дней служатъ золотому тельцу, пусть ужъ на седьмой, для разнообразія, приходятъ къ вамъ.

Обернувшись въ сторону говорившаго, Бенуа увидѣлъ маленькаго брюнета, съ ввалившимися щеками, съ пышными кудрями подъ черной итальянской шляпой и съ красивымъ ртомъ, которому опущенные углы придавали непріятную, брезгливую гримасу. Онъ говорилъ, гордо отвалившись на спинку скамьи, и, упомянувъ о „счастливцахъ“, махнулъ рукой съ злобнымъ презрѣніемъ по тому направленію, гдѣ вдали виднѣлись трубы фабрики.

— Въ старину,—замѣтилъ патеръ,—слово истины интересовало не однихъ счастливыхъ.

Маленькій брюнетъ пожалъ плечами и со скучающимъ видомъ отвернулся. Въ разговоръ вступилъ снова Ригоберъ.

— Въ старину было другое дѣло. Тогда и проповѣдники были другіе... Теперь на амвонѣ иной разъ можно видѣть такого толстяка, что ему бы въ пору быть въ пивной за прилавкомъ.

— Ха-ха,—обрадовался Игнасъ. — Вродѣ патера Гильома въ Аврикурѣ!

— Или аббата Антоніо въ Приньякѣ!.. Или каноника Бажо!—захохотали въ толпѣ.

— Да,—продолжалъ Ригоберъ,—и притомъ, вообще, всѣ эти парчи, золото, тіары, брильянты!..

— Позвольте, друзья мои,—возразилъ Бенуа, преодолѣвъ въ сердцѣ скользнувшую спазму грусти,—не надо судить по внѣшности. Я лично знавалъ толстяковъ съ болѣе чистой, безхитростной душой, чѣмъ у иной высохшей, быть можетъ, отъ злости, муміи. Что же касается до парчей и золотыхъ ризъ, то вѣдь это дары благочестивыхъ людей. И ничего въ этомъ нѣтъ дурного. Развѣ каждый изъ васъ не старается украсить, положимъ, рамку для любимаго портрета?

— Такъ-то такъ,—промолвилъ Ригоберъ,—да рѣчи-то ваши устарѣли. Все-то смиреніе, терпѣніе, да загробныя обѣщанія, жизнь ставитъ ребромъ вопросы о борьбѣ за кусокъ хлѣба.

— Сказано,—возразилъ Бенуа,—не однимъ хлѣбомъ живъ человѣкъ.

— Разумѣется, не однимъ хлѣбомъ, а и мясомъ, сыромъ, виномъ!—крикнулъ кто-то среди общаго смѣха.

— Я говорю,—продолжалъ Бенуа,—что у человѣка не одинъ желудокъ, а еще и душа.

— Душа!—воскликнулъ маленькій брюнетъ, оборачиваясь рѣзкимъ движеніемъ къ патеру.—Что это за органъ такой? Гдѣ онъ помѣщается?

— Когда-то это слово было понятно самымъ скромнымъ рыбарямъ,—отвѣчалъ Бенуа.

— Перевелись теперь скромные люди,—отозвался Ригоберъ, продолжая задумчиво размазывать по столу пролитое вино.

— Вотъ у насъ теперь какія нераскаянныя Магдалины! — крикнулъ рыжій Игнасъ, ущипнувъ сосѣдку, кокетливо повязанную платкомъ.

Дѣвушка вздрогнула отъ неожиданной ласки и, широко улыбаясь, отвѣсила кавалеру полновѣсный ударъ, промолвивъ:

— Вотъ у насъ какіе рыбари... въ мутной водѣ и въ чужомъ карманѣ!

Патеръ укоризненно покачалъ головою, приподнялъ шляпу и пошелъ своей дорогой.

II.

Въ продолженіе всего разговора рабочихъ съ патеромъ, въ дверяхъ кафе стоялъ, улыбаясь, молодой человѣкъ, средняго роста, съ быстрыми черными глазками на смугломъ лицѣ, съ горбатымъ носомъ и красивыми, юношескими усами, оттѣнявшими яркій ротъ, складывавшійся въ привычную, иронически-безпечную усмѣшку. Темно-зеленая куртка обтягивала его стройную фигуру, а сдвинутая на затылокъ шляпа съ орлинымъ перомъ открывала высокій, хорошо развитой лобъ молодого человѣка. Это былъ Гаспаръ Ландри, мѣстный лѣсничій.

Когда Бенуа отошелъ отъ рѣшетки, Ландри также оставилъ кафэ и быстро догналъ патера.

— Здравствуйте, г. аббатъ, — сказалъ онъ.—Вы, конечно, собираетесь миссіонерствовать? Предупреждаю, вамъ придется дѣйствовать въ „странѣ невѣрныхъ“. Это не старинные баски Пьера Лоти. Тутъ фабрика, вблизи желѣзная дорога...

— Здравствуйте, господинъ Ландри, — отвѣчалъ Бенуа. —

Да, да, печальныя сумерки очень сгустились съ началомъ новаго вѣка... Не знаете ли, кто этотъ человѣкъ, въ черной шляпѣ и съ иностраннымъ акцентомъ?

— Какъ же! Это синьоръ Джіакомо,—онъ рисовальщикъ на здѣшней фабрикѣ... Замѣчательная личность. Не одну сотню фабрикъ онъ пересчиталъ и нигдѣ не нашлось мѣста, приличнаго его достоинствамъ. Онъ путается въ рядахъ четвертаго сословія, хотя по духу принадлежитъ къ пятому. Онъ вполнѣ годится въ представители необутаго, голодающаго человѣчества.

— И жаждущаго?

— И жаждущаго, о, да! Еще ни разу не удавалось наполнить до краевъ этотъ, казалось бы, маленкій, но бездонный боченокъ. Во всякомъ случаѣ, синьоръ Джіакомо—капелька той волны, которая грозно надвигается на человѣчество.

— Господь милостивъ. Велики были египетскія казни, а не одолѣли Израиля.

— Объ Израилѣ не безпокойтесь, онъ не погибнетъ, а вотъ другимъ народамъ придется, пожалуй, круто... Ну, да не въ томъ дѣло. Я только хотѣлъ посовѣтовать вамъ по дружбѣ. оставьте безполезные проповѣдническіе опыты.

— Это мой долгъ.

— Оставьте. Вы только испортите себѣ жизнь.

— Развѣ жизнь не есть исполненіе долга?

— Эхъ, какой вы!.. Бросьте старыя прописи. Человѣкъ живетъ одинъ разъ и нужно, чтобы жизнь прошла, по возможности, какъ праздникъ. Ваши благочестивыя иллюзіи создаютъ только мучениковъ... А иногда и мучителей. Вдумайтесь въ дѣло хорошенько. Человѣкъ влетаетъ въ жизнь и вылетаетъ изъ нея. Въ сущности, у насъ нѣтъ ни прошедшаго, ни будущаго. Только одинъ мигъ настоящаго. Какое вамъ дѣло до мѣста кратковременнаго пребыванія и до случайныхъ сожителей? Вѣдь мы, все равно, что на желѣзнодорожной станціи. Развѣ не глупо, въ ожиданіи поѣзда, который вотъ-вотъ умчитъ насъ прочь, входить душою въ жизнь вокзала, котораго мы больше не увидимъ, въ жизнь людей, съ которыми мы больше не встрѣтимся? Нѣтъ, вамъ больно, изволите видѣть, что начальникъ станціи получаетъ мало жалованья, что сидящій рядомъ пассажиръ страдаетъ зубами, что сторожъ недостаточно благочестивъ! Вы набиваете себя непріятными впечатлѣніями, вы тянетесь съ совѣтами, надоѣдаете, мучитесь, мучите! Глупо!

— Но, дорогой господинъ Ландри,—возразилъ Бенуа, улы-

баясь, — ваша философія можетъ привести къ ужасающей праздности и скукѣ.

— О, не безпокойтесь! Человѣку достаточно хлопотъ со своею собственной персоной. Я, напримѣръ, собираю медъ, какъ пчела, и не замѣчаю дня.

— И вы довольны?

— Довольнѣе многихъ.

— И не бываетъ у васъ минутъ тоски?

— Ничего. У меня есть противъ этого средство: я пью.

— Какъ пьете?—не понялъ патеръ.

— Такъ, пью. Пью вино, пиво, абсентъ, ликеры, пью все, кромѣ воды. И вино дѣйствуетъ на меня великолѣпно. Еще при совмѣстной жизни съ женою, въ случаѣ супружеской размолвки, я, бывало, сейчасъ же беру шляпу и бѣгу въ кафе. Возвращаюсь, нагруженный виномъ по уши, веселый, совершенно позабывшій о ссорѣ. И жена довольна. Ей не нужно дуться, выдерживать роль, потому что нелѣпо препираться съ пьянымъ.

— Гдѣ же ваша жена?

— Она въ Бордо и, какъ я слышалъ, устроилась очень недурно... Мы разошлись. Послѣ пламенной любви, наступило, какъ это частенько бываетъ, охлажденіе. Все равно, какъ фейерверкъ: сначала яркая золотая нить въ полнеба, а затѣмъ, хлопъ,—и обгорѣлая палка! Многіе продолжаютъ тянуть лямку лжи, вражды, а мы пожали другъ другу руки—и въ разныя стороны.

— Такъ просто?

— Въ жизни нужно какъ можно меньше мудрить. Надо имѣть легкій духъ, легкое сердце. Такъ-то, дорогой аббатъ. До свиданія. Переходите-ка въ мою вѣру.

Продолжая свой путь, патеръ съ улыбкою покачивалъ головой надъ болтовней лѣсничаго. Вокзалъ!.. Да хотя бы и вокзалъ, все-же его кто-нибудь построилъ, о немъ кто-нибудь думалъ, заботился. Иначе, вмѣсто удобнаго пріюта, было бы дикое поле... И потомъ это представленіе о жизни, какъ о поѣздѣ, вылетающемъ на минуту изъ пустой бездны и опять уносящемся въ нее!.. Бенуа попробовалъ стать мысленно на такую точку зрѣнія и тотчасъ же почувствовалъ въ сердцѣ леденящее вѣяніе мірового безсмыслія, смертельную тоску сиротства. Ему показалось, что изъ всего окружающаго разомъ вынута внутренняя животворящая душа, и вся природа обратилась въ сожженный, призрачный содомскій садъ, который при первомъ прикосновеніи обращается въ безформенную груду

пепла... Разумѣется, лѣсничій болталъ пустяки, но вотъ что замѣчательно: этотъ человѣкъ смѣло заявляетъ, что онъ счастливъ. Онъ счастливъ, тогда какъ тысячи людей вдумчивыхъ, заботливыхъ, способныхъ видѣть высоту небесъ и глубину человѣческихъ нуждъ, оказывались безсильными выбиться изъ-подъ гнета меланхоліи и грусти. Что же это? Неужели рецептъ человѣческаго счастья состоитъ въ легкомысліи, въ легкосердечіи, въ расчетливомъ эгоизмѣ?... Бенуа съ негодованіемъ пожалъ плечами и раскрылъ свой молитвенникъ.

Накрытый столъ уже ожидалъ его дома. Старая служанка, Жанна, унаслѣдованная патеромъ отъ предшественника, принесла, съ обычной молчаливой хлопотливостью, тарелку ароматнаго лукового супа. Бенуа съ юношескимъ аппетитомъ приступилъ къ кушанью, составлявшему его ежедневный обѣдъ.

III.

Патеръ оканчивалъ вечернюю поливку своего огорода. Онъ обошелъ маленькія гряды картофеля, капусты, лука, фасоли, и уже въ темнотѣ сумерокъ спѣшилъ подвязать любимый кустъ чайной розы, когда къ нему прибѣжала дѣвочка-прислуга отъ госпожи Бюрте. Зять этой старушки сильно заболѣлъ и патера просили придти какъ можно скорѣе.

Бенуа тотчасъ же отправился въ деревню, почти бѣгомъ, спотыкаясь въ наступившемъ мракѣ. Запыхавшись и съ волненіемъ, онъ переступилъ порогъ маленькаго домика. Первая комната, съ грубой, топорной мебелью, слабо освѣщенная керосиновой лампочкой, прибитой къ стѣнѣ, была пуста. Бенуа осторожно кашлянулъ, чтобы извѣстить о своемъ присутствіи. Тогда въ боковую низкую дверь вошла хозяйка, худая старушка, съ рѣзкими чертами лица и глубокими морщинами вокругъ ввалившагося рта.

— Ахъ, господинъ аббатъ,—сказала она,—простите, что я побезпокоила васъ напрасно. Но у Андрэ сдѣлался сильный припадокъ и мнѣ показалось, что это конецъ... Теперь ему лучше, но Господь знаетъ, надолго-ли... Вотъ уже два года, какъ эти припадки держатъ всѣхъ насъ въ ежеминутномъ страхѣ... Ахъ, господинъ аббатъ, а вѣдь наши дѣла пошли было какъ нельзя лучше. Андрэ получилъ мѣсто надсмотрщика на фабрикѣ, у насъ очень приличный заработокъ, и нужно же приключиться этой болѣзни, которая ставитъ все вверхъ дномъ!

Старушка приложила конецъ платка къ глазамъ, потомъ отворила дверь въ спальню, приглашая патера войти.

При яркомъ свѣтѣ висячей лампы, Бенуа увидѣлъ жуткую картину. На кровати, обложенный подушками, сидѣлъ Андрэ, высокій, крѣпко сложенный человѣкъ лѣтъ тридцати; спутанные волосы и борода ложились темною тѣнью на его мертвенно-блѣдное лицо. Полузакрытые глаза его смотрѣли въ пространство, съ апатичнымъ выраженіемъ отдыха послѣ только-что испытаннаго сильнаго страданія. Рядомъ съ нимъ сидѣла его жена, Жозефина, обхвативъ мужа обѣими руками и прислонивъ голову къ его плечу. Лицо молодой женщины, кругловатое, съ безпорядочными прядями свѣтлыхъ, жидкихъ волосъ, съ желтоватымъ отливомъ кожи и съ красными отъ слезъ глазами, свѣтилось радостью,—тою жуткою радостью, которая цѣпляется за летучій призракъ настоящей пріятной минуты и не замѣчаетъ, что за спиною человѣка, подвинувшись вплотную, стоитъ черная фигура горя, готовая каждый мигъ опустить на жертву свои черныя крылья.

Въ сторонѣ, у стола, сидѣлъ фабричный докторъ, сѣдоватый, курчавый мужчина той комплекціи, о которой говорится: плохо скроенъ, но крѣпко сшитъ. Онъ составлялъ рецептъ и приговаривалъ низкимъ басомъ:

— Ну, да, конечно, у молодца angina pectoralis... Вылечить я не берусь. Мы не Боги. Ну-да... Но мы можемъ облегчать страданія...

Слова науки падали, точно медленные, тяжелые удары погребальнаго колокола. Всѣ молчали. И вдругъ, среди томительной тишины, раздался безпечный, веселый смѣхъ:

— Гы-гы!... Гы-гы!..

Изумленный патеръ оглянулся и увидѣлъ въ дальнемъ углу полнаго, краснощекаго юношу лѣтъ шестнадцати. Его свѣтлые глаза блаженно сіяли. Онъ заложилъ руки за затылокъ, въ позѣ безграничнаго счастья, и смѣялся, словно въ комнатѣ происходила какая-нибудь забавная исторія.

Никто изъ присутствующихъ не обратилъ вниманія, а старушка сказала патеру:

— Это мой сынъ, Жакъ... У него мозги не въ порядкѣ. Онъ такъ и родился...

Бенуа посидѣлъ нѣсколько времени при больномъ, стараясь участливыми словами поддержать его духъ. Надо мужественно терпѣть страданія... Вѣдь именно въ стойкости передъ несчастьями проявляется истинная человѣческая доблесть. Развѣ не смотримъ мы съ чувствомъ благородной гордости на ду-

шевную силу Іова, и развѣ намъ не противно видѣть малодушіе человѣка, который, подъ ударами горя, извивается и воетъ, какъ раздавленное животное?.. Надо надѣяться на милость Божію. Иной разъ, въ непогоду, кажется, что сѣрыя тучи навсегда овладѣли небосклономъ и что не будетъ больше ясныхъ дней. А между тѣмъ вдругъ срывается вѣтеръ, оковы мрака распадаются, и на насъ брызжутъ ликующіе лучи открывшагося солнца... Терпѣть и надѣяться... Что же еще можно посовѣтовать страдающему человѣку, если бѣда не изъ тѣхъ, которыя отбрасываются усиліемъ воли и руки?..

Когда Бенуа возвращался домой, ночь уже совсѣмъ вступила въ свои права. Тишина и мирный отдыхъ царствовали повсюду. Звѣзды мерцали съ покойной вѣрой въ незыблемость своего вѣковѣчнаго механизма. Ночные кузнечики, исполняя разъ навсегда заданный урокъ, оглашали звономъ долину. Въ воздухѣ проносился ароматъ хвои, словно дыханіе мирно спавшихъ лѣсовъ. Только огоньки въ деревнѣ мигали какъ будто трепетомъ неувѣренности и неудовлетворенности. И ощущеніе такой же неудовлетворенности шевелилось въ душѣ Бенуа. Онъ шелъ въ непріятномъ состояніи духа, словно онъ чего-то не сдѣлалъ или не додѣлалъ. И ему было неясно, какъ именно слѣдовало бы поступить, и даже можно ли было что-нибудь сдѣлать...

Подобное же чувство неудовлетворенности не разъ преслѣдовало его и впослѣдствіи. Онъ страстно хотѣлъ приносить пользу, онъ безъ малѣйшей лѣни шелъ туда, гдѣ видѣлъ или подозрѣвалъ присутствіе несчастья. А такихъ мѣстъ было сколько угодно. Патеръ искалъ сближенія съ рабочими, за озлобленіемъ которыхъ чувствовалось горе нравственной темноты и матеріальныхъ лишеній. Онъ посѣщалъ больныхъ, онъ не проходилъ мимо домовъ, которыхъ коснулось какое-нибудь изъ человѣческихъ бѣдствій. Но никогда не случалось, чтобы онъ, вернувшись домой, самодовольно потиралъ руки, какъ человѣкъ, успѣшно окончившій свое дѣло.

Бенуа пугливо гналъ отъ себя мысль, что дѣло, за которое онъ взялся, дѣло искорененія людского горя, заключаетъ въ себѣ великія трудности. Онъ упорно обращалъ свое вниманіе не на эти трудности дѣла, а на слабость дѣятеля, и потому горькое чувство недовольства собою часто отравляло его сердце. Мало-по-малу жизнь пыталась наложить свою руку на благородную удаль, съ которою онъ пріѣхалъ въ Антиньякъ, на его юношескую смѣлость Давида, съ которою онъ готовился вступить въ единоборство съ Голіаѳомъ—олицетвореніемъ че-

ловѣческихъ пороковъ и несчастій. Не разъ вспоминались ему слова доктора у постели Андрэ: „вылечить не беремся, мы можемъ только облегчать страданія“. Но утѣшительность этихъ словъ казалась ему слишкомъ скромной, и онъ все еще не хотѣлъ ставить это изреченіе девизомъ своего труда.

IV.

Отдавая почти все время несчастнымъ, Бенуа рѣшилъ посѣтить и „счастливцевъ“, какъ съ враждебной завистью называли въ деревнѣ управляющаго фабрикою, Октава Брена, и жену его, Мадлэну. Гордость и презрѣніе, думалъ патеръ, одинаково дурны по отношенію къ верхнимъ ступенямъ общественной лѣстницы, какъ и къ нижнимъ.

Однажды, послѣ своего ранняго обѣда, собравшись сдѣлать этотъ долго откладываемый визитъ, патеръ отправился къ дому управляющаго прямой тропинкой, черезъ лугъ. Уже недалеко отъ фабрики, въ сторонѣ, онъ замѣтилъ группу дѣтей, столпившихся вокругъ чего-то. Подойдя къ нимъ, Бенуа увидѣлъ въ центрѣ группы мальчика лѣтъ тринадцати, державшаго веревочку, на которой былъ привязанъ молодой орелъ. Орленокъ припалъ къ землѣ, растопыривъ крылья. Съ грозно раскрытымъ клювомъ и сверкающими глазами, онъ обнаруживалъ явную рѣшимость погибнуть смертью героя, а мальчикъ, весело смѣясь и лихо сдвинувъ беретъ на затылокъ, дергалъ веревочку и хворостинкой хлесталъ птицу по головѣ. Окружающая юная публика хохотала, потѣшаясь зрѣлищемъ.

— Что вы дѣлаете? Какъ вамъ не стыдно мучить несчастнаго орленка?—воскликнулъ Бенуа.

— А что? — возразилъ мальчикъ, насмѣшливо оглянувшись на патера.

— Какъ что? Неужели у васъ нѣтъ состраданія? Вѣдь вы убьете его!

— Ну, такъ что же?—задорно спросилъ шалунъ и, помолчавъ, прибавилъ.—Я могъ бы убить и человѣка.

Бенуа понималъ, что эти слова—дрянное фанфаронство распущеннаго ребенка, но тѣмъ не менѣе сильно возмутился.

— Перестаньте говорить глупости!—воскликнулъ онъ.—Вы прекрасно знаете, что нельзя лишать жизни своего ближняго.

— Почему нельзя?

— Во-первыхъ, это—смертный грѣхъ.

Мальчикъ протяжно свистнулъ.

— Во-вторыхъ, это мерзко и возмутительно само по себѣ... Вѣдь, если вы смотрите куда-нибудь, а вамъ умышленно заслоняютъ свѣтъ, или, если вы прислушиваетесь къ чему-нибудь, а вамъ нарочно мѣшаютъ, то вѣдь вы сердитесь на мѣшающаго человѣка, вы считаете его дурнымъ, вы браните его? А убійца дѣлаетъ въ милліонъ разъ хуже; онъ позволяетъ себѣ, по прихоти или изъ корысти, отнимать у своего ближняго весь Божій міръ!.. Да неужели вы такой дикарь, что на самомъ дѣлѣ не понимаете этого? Что же вы дѣлаете въ школѣ?.. Погодите, любезный, учитель дастъ вамъ добрый нагоняй!

— Ему-то? Марселю? — сказалъ изъ толпы восьмилѣтній мальчикъ, все время стоявшій съ заложенными назадъ руками и смотрѣвшій на патера съ серіознымъ любопытствомъ.

— Да, ему.

— Но вѣдь онъ сынъ мэра?..

— Такъ что же? Для школы нѣтъ различій, ей одинаково дороги и сынъ перваго вельможи, и сынъ послѣдняго поденщика,—возразилъ Бенуа.

Съ этими словами, онъ, забывъ о визитѣ, направился въ деревню къ учителю. За его спиной тотчасъ же дружный дѣтскій хоръ запѣлъ пѣсню, въ которой часто повторялись слова: „воронъ, черный воронъ“.

Учитель радушно встрѣтилъ патера на порогѣ своей бѣдно меблированной гостиной. Пощипывая рыжеватую бородку, которою обросло кустиками его костлявое, глинистаго цвѣта лицо, и суетясь всей своей маленькой фигуркой въ старомъ пиджакѣ съ короткими рукавами, онъ усаживалъ гостя на диванъ, между тѣмъ, какъ въ сосѣдней комнатѣ разливался громкій плачъ грудного ребенка.

Бенуа тотчасъ же приступилъ къ объясненію. Онъ говорилъ о случаѣ дѣтской жестокости, объ увѣренности дѣтей, что въ школѣ нѣтъ безпристрастія и, вообще, о печальномъ состояніи народнаго образованія, которое не хочетъ бороться съ ростомъ очевиднаго народнаго одичанія. Учитель сначала слушалъ, привѣтливо улыбаясь, потомъ сталъ обижаться и кончилъ тѣмъ, что разсердился.

— Господинъ аббатъ, мнѣ кажется, вы вмѣшиваетесь не въ свое дѣло. Извините, но это такъ... Нынѣшнее народное образованіе отказывается отъ всякихъ услугъ духовенства. Намъ не надо никакихъ данайскихъ даровъ, хе-хе... Вы знаете, государство въ послѣднее время приняло рѣшительныя мѣры. Ему, понимаете, не нужно больше клерикализма, конгрегацій и другихъ подобныхъ штукъ.

— Я знаю, господинъ Фрюмансъ, но считаю эти мѣры большой ошибкой.

— Напрасно, господинъ аббатъ, напрасно. Онѣ имѣютъ многое за себя. Будемъ говорить правду, вѣдь ваша братія представляетъ собою огромную группу людей, подчиненныхъ власти, которая дѣлаетъ васъ интернаціональными существами, чуждыми всякому правительству, всякому выраженію народной воли. Вы внушаете повиновеніе не божескимъ законамъ, — предполагая, что таковые существуютъ, — а церковнымъ... Да и какая можетъ быть у васъ преподавательская свобода, когда вы разъ навсегда связаны обѣтами и духъ вашъ порабощенъ?.. Такъ-то, любезный аббатъ, складывайте-ка оружіе. Повоевали и довольно. Согласитесь, что и ваше прошлое, вашу историческую роль нельзя помянуть добрымъ словомъ. Двѣсти лѣтъ вы натравляли французовъ другъ на друга, разжигали костры, плодили убійства... Вспомните Варѳоломеевскую ночь, вспомните звѣрства при Людовикѣ XIV!..

— Господинъ Фрюмансъ, вы дѣлаете ту же ошибку, которую сдѣлала въ наши дни и Франція. Вы отождествляете служителей дѣла съ самимъ дѣломъ. Но вѣдь это не одно и то же. Люди могутъ ошибаться, могутъ пятнать дѣло своими личными грѣхами, пороками времени, но развѣ чистое дѣло становится отъ того грязнымъ? Прислушайтесь, напримѣръ, что говорятъ слуги какого-нибудь великаго человѣка. Даже желая возвеличить хозяина, они могутъ наговорить много вздора, но развѣ отъ того исчезаетъ величіе хозяина?.. Франція потеряла чутье истины и, вмѣстѣ съ духовенствомъ, изгоняетъ религію.

— Вы забываете, что мы живемъ въ XX вѣкѣ, хе-хе,—возразилъ учитель и началъ съ самодовольно-ироническимъ видомъ приводить банальныя указанія на противорѣчія между католическими тезисами и научными данными.

— Не оставимъ ли мы эту тему?—промолвилъ патеръ.— Мнѣ кажется, у васъ нѣтъ для нея соотвѣтственныхъ струнъ... Это бываетъ. Хотя не часто, но бываетъ. Для всего нужна соотвѣтственная способность. Что, напримѣръ, для лишеннаго музыкальнаго слуха — музыкальная симфонія? Или не кажется ли иному человѣку, присутствующему на философскомъ диспутѣ, что онъ слушаетъ бесѣду умалишенныхъ? Я думаю, вамъ самимъ случалось слышать разсказы иного зрителя о театральномъ представленіи. Сперва, говоритъ онъ, на сцену вышелъ старикъ и долго на что-то жаловался, потомъ выскочилъ изъ-подъ земли франтъ въ красномъ и обратилъ ста-

рика въ молодого человѣка... Этому зрителю кажется, что передъ нимъ происходило явное посмѣяніе надъ здравымъ смысломъ и законами трезваго реализма, а на самомъ дѣлѣ онъ видѣлъ „Фауста“... Такъ и въ вопросахъ религіи... Я скажу только одно: Франція напрасно отворачивается отъ религіи. Религія даетъ міросозерцаніе, котораго безъ религіи у васъ нѣтъ. Конечно, науки весьма почтенны въ своей сферѣ, но всѣ онѣ обрываются на полусловѣ, лишены высшаго, объединяющаго синтеза. Онѣ молчатъ и осуждены на молчаніе своею сущностью относительно многихъ вопросовъ, которыми люди не перестанутъ задаваться... Ахъ, господинъ Фрюмансъ, вы слишкомъ поспѣшили со своей эмансипаціей! Вы обезсилили самихъ себя. Вы поставили себя въ необходимость давать народу разрозненныя, отрывочныя знанія, безъ порядка, безъ системы, безъ той цѣлостности, которая только и можетъ успокоить умъ и душу. Вы возбуждаете интеллектуальныя потребности, но не удовлетворяете ихъ. Вы выбросили на улицу глубочайшіе вопросы морали и политики, и эти вопросы, за отсутствіемъ правильнаго пониманія, рѣшаются кое-какъ. Тѣ стороны души, на которыхъ вы не въ силахъ ничего посѣять, сами собою проростаютъ плевелами. Неужели вы не видите дрянного скептицизма, который носится въ воздухѣ и производитъ повальныя зараженія? На васъ ложится грѣхъ и за соціальные недуги современности. Ваши немощные „начатки образованія“ даютъ народу вредную иллюзію просвѣщенія. Бѣдняга, человѣкъ четвертаго сословія, пьянѣетъ отъ вашихъ рубленныхъ истинъ, отъ вашихъ недомолвокъ и обмолвокъ, сливающихся съ науськиваніемъ сознательныхъ и безсознательныхъ софистовъ. Онъ впадаетъ въ жалкое тщеславіе, въ грустное фанфаронство. Вы безсильны показать ему небо и онъ преисполняется низменными инстинктами, завистью, озлобленіемъ, онъ разражается угрозами противъ буржуазіи, собственниковъ, арміи, правительства. Вы не научили его отличать черное отъ бѣлаго, и онъ считаетъ законными средствами дѣйствія—грабежъ, поджогъ, убійство...

— Позвольте, почтеннѣйшій аббатъ, — воскликнулъ учитель,—ужъ въ этомъ-то отношеніи вашей вины больше. Вспомните-ка свои вѣчныя проповѣди о бѣдности и богатствѣ, о разныхъ тамъ верблюдахъ, не пролѣзающихъ сквозь игольное ушко, и прочее.

— Нѣтъ, господинъ Фрюмансъ, наши усилія клонились только къ тому, чтобы поднять высшіе, духовные интересы надъ матеріальными... Пожалѣть бѣднаго не значитъ проповѣдывать грабежъ.

— А ваши ученія о равенствѣ людей: нѣтъ-де ни эллина, ни іудея, ни раба, ни господина?

— Эти ученія указываютъ на родственность между людьми, какъ носителями богоподобія, какъ личностями, сохраняющими въ себѣ общее духовное сокровище. Наше равенство не падало до нравственнаго безразличія, до смѣшиванія въ кучу людей разной духовной цѣнности. Наше ученіе о равенствѣ говорило, что всякій человѣкъ имѣетъ достоинство, если онъ человѣкъ, то есть, если онъ заслужилъ это почтенное званіе своими духовными качествами и поступками. Наше ученіе старалось двинуть человѣка вверхъ, а не предоставляло ему опускаться, звѣрѣя въ ложной увѣренности, будто ему принадлежитъ какое-то прирожденное привиллегированное право на уваженіе.

— Ну, да, разсказывайте!.. А ваше вѣчное отодвиганіе государства на задній планъ?

— Мы не проповѣдовали презрѣнія къ государству, мы говорили только о важномъ значеніи вопросовъ совѣсти. Выдвигать совѣсть не значитъ унижать государство. Законы совѣсти не устраняютъ государственныхъ законовъ. Пусть государство дѣлаетъ свое дѣло, но при свѣтѣ совѣсти. Религіозный человѣкъ не обязанъ искать въ религіи правилъ, какъ ему пахать землю, торговать, отправлять судейскія или административныя обязанности, но онъ будетъ дѣлать свое дѣло религіозно. Въ его поступкахъ не будетъ безбожности. Понятна ли вамъ наша точка зрѣнія?

— Ну, да, вы всѣ мастера прятать концы въ воду!.. А я нахожу, что нынѣшніе фанатики и головорѣзы, о которыхъ вы упомянули, какъ двѣ капли похожи на разныхъ вашихъ пророковъ. Тотъ же пылъ пропаганды, та же страсть мученичества! Нужно быть по-истинѣ мистикомъ, вѣрующимъ въ чудеса, чтобы мечтать о внезапномъ перерожденіи общества!

— Господь съ вами, господинъ Фрюмансъ! Развѣ можно такъ обманываться нѣкоторыми, чисто внѣшними чертами! Пророкъ горитъ яснымъ сознаніемъ великой цѣли и дѣйствуетъ только чистыми средствами, а вы сравниваете его съ психопатами, которые довольствуются самой смутной, наивной идеей и дѣйствуютъ съ нравственнымъ безразличіемъ нервнаго припадка. Вѣдь такъ можно отождествить и сумасшедшаго съ героемъ! Кстати, вашъ же ученый, Ламброзо подводитъ современное „самопожертвованіе изъ-за идеи“ подъ опредѣленный видъ душевной болѣзни...

Помолчавъ съ минуту, патеръ продолжалъ:

— Ахъ, господинъ Фрюмансъ, едва-ли было когда-нибудь время болѣе печальное, болѣе немощное духомъ!.. Нѣтъ, вы слишкомъ поспѣшили отвернуться отъ насъ! Вѣдь вамъ рѣшительно нечѣмъ замѣнить наше міровоззрѣніе. Вы ровно ничего не прибавили къ евангельскому ученію. Ваши теоріи относятся къ нашему credo, какъ... копіи съ картинъ Рафаэля, сдѣланныя рукою варвара. Даже тѣ новѣйшія, разрушительныя ученія, которыя однихъ ужасаютъ, а другихъ воспламеняютъ, развѣ они не представляютъ собою только вопіющія, безсмысленныя извращенія нашихъ идей?.. Ну, что вы можете преподать своимъ ученикамъ о морали? Вы выдвигаете противъ порока и преступленія кару закона? Но вѣдь это мораль звѣринца! Вы будете говорить о нравственной гигіенѣ, объ умѣломъ управленіи потребностями? Но вѣдь это—плоское благоразуміе, уравновѣшенный эгоизмъ. Гдѣ тутъ авторитетность нравственнаго закона? Гдѣ стимулы къ великому и благородному? Ваше ученіе не дастъ человѣку власти надъ страстями. Тутъ все равно, что совѣты медицинской гигіены не объѣдаться, не пьянствовать, если хочешь быть здоровымъ и долго жить. Но если мнѣ пріятнѣе пьянство и дебошъ, чѣмъ долгая, здоровая, прѣсная жизнь? Гигіенисту въ такомъ случаѣ остается только развести руками. Такова и ваша мораль... Ахъ, вы готовите себѣ ужасное будущее! Да оно уже и теперь чувствуется. Развѣ вы не видите вокругъ себя озвѣрѣнія, преступности среди молодежи, наивной жестокости, отсутствія брезгливости къ злу, отсутствія ужаса къ преступленію, чудовищной слабости мотивировки злодѣяній? А эта убогость идеаловъ, плоскость общественныхъ девизовъ!.. Прежде человѣкъ, готовившійся вступить въ общество, старался, такъ сказать, оправиться, душевно почиститься, подтянуться, теперь же онъ ломится, какъ животное въ разгороженный сарай, ломится, морально растрепанный, съ уличной бранью, съ легкомысленной, наглой болтовней. Прежде писатель скромно приносилъ къ алтарю общаго труда плоды своихъ думъ, плоды осторожной критики настоящаго и поисковъ лучшаго будущаго. Теперь же онъ выкрикиваетъ свои непродуманныя слова и грошовыя мысли, точно пьяница въ пивной. О, Господи!

— Эге, любезный аббатъ,—разсмѣялся учитель,—вы горячитесь. Это едва ли идетъ къ вашему сану.

— Нѣтъ, почему же?—возразилъ Бенуа, конфузясь.—Языческая мораль, правда, настаивала на полной безстрастности, но христіанство этого не требуетъ. Св. Августинъ говоритъ,

что не въ томъ дѣло, что человѣкъ гнѣвается, а въ томъ, чѣмъ вызывается гнѣвъ и какъ онъ проявляется...

Послѣ небольшой паузы, учитель, мѣняя тонъ, сказалъ:

— Такъ-то такъ... Но разсужденія—одно, а жизнь—другое. Конечно,—кто противъ этого будетъ спорить?—стойкость убѣжденія, школьное безпристрастіе и все такое. Однако, что вы подѣлаете, когда человѣку нужно ѣсть и когда вокругъ него такой концертъ?

Онъ кивнулъ по направленію къ своимъ домашнимъ комнатамъ, откуда теперь слышалось уже тріо дѣтскихъ плачущихъ голосовъ.

— Да и то нужно сказать,—прибавилъ онъ,—нравственное воспитаніе—дѣло не школы, а семьи...

V.

„Нравственное воспитаніе—дѣло семьи",—мысленно повторилъ патеръ и, простившись съ учителемъ, прямо отъ него пошелъ къ мэру.

Мэръ, Бруно Мартенъ, владѣлецъ лучшей бакалейной лавки въ Антиньякѣ, пожилой человѣкъ, съ большимъ животомъ, лысиной во всю голову и длинной сѣдой бородой, сидѣлъ за столомъ и оканчивалъ обѣдъ въ обществѣ жены и пріятеля, Перена, хозяина знаменитаго „Свиданія друзей". Жена мэра была маленькая, худая женщина, съ тонкимъ носомъ и вѣчно опущенными узкими глазками. Перенъ не уступалъ мэру въ толщинѣ, но обладалъ богатой, львиной шевелюрой съ сильной просѣдью; его бритое, обрюзгшее лицо отливало нездоровой желтизною. Когда вошелъ Бенуа, служанка собирала со стола обѣденную посуду и разставляла кофейныя чашки.

— А-а, любезный аббатъ,—воскликнулъ мэръ, дѣлая привѣтственный жестъ пухлой рукой,—вы завернули къ намъ очень кстати. Мы тутъ благодушествуемъ съ пріятелемъ, и вы не откажетесь выпить съ нами чашечку кофе.

— Благодарю васъ,—отвѣчалъ патеръ, раскланиваясь со всѣми.—Я собственно пришелъ по маленькому дѣлу...

— Охъ, чувствую,—перебилъ его Мартенъ, со смѣхомъ, отъ котораго колыхался его животъ,—что-нибудь по части благотворенія?.. Ну, что-жъ, мы никогда не отказываемся.

— Разумѣется,—сдержанно поддержалъ Перенъ, между тѣмъ какъ жена мэра обнаружила нѣкоторое волненіе. Ея цѣпкіе пальцы, засуетившіеся между чашками, очевидно, были не изъ тѣхъ, которые охотно разстаются съ деньгами.

— Нѣтъ,—возразилъ Бенуа,—дѣло вотъ въ чемъ. Я только что видѣлъ вашего сына...

И онъ разсказалъ во всѣхъ подробностяхъ о своей встрѣчѣ съ мальчикомъ.

— Ахъ, проказникъ!—воскликнулъ мэръ, снова заколыхавшись отъ смѣха.—Гдѣ онъ могъ добыть орленка?

— О, ужъ онъ такой!..—промолвила его жена, скромно опуская глаза съ плохо скрытой материнской гордостью.

Патеръ удивленно окинулъ взоромъ обоихъ родителей.

— Я хотѣлъ поставить вамъ на видъ,—сказалъ онъ,—предосудительную жестокость, которую обнаружилъ вашъ сынъ.

— Ахъ, вы вотъ о чемъ! — произнесъ Мартенъ, опуская углы рта, а жена его покраснѣла и нахмурилась.

— Что-же вы хотите!—примирительно замѣтилъ Перенъ.— Еще Лафонтенъ, кажется, сказалъ: дѣтство—возрастъ, не знающій жалости.

— Неужели ребенку нельзя поиграть съ птицей!—какимъ-то шипящимъ звукомъ отозвалась мать.

— Мнѣ кажется,—сказалъ патеръ, волнуясь, — что воспитаніе ребенка заключается въ очищеніи его души отъ дурныхъ инстинктовъ... Я уже разсказалъ обо всемъ учителю и, надѣюсь, онъ сдѣлаетъ вашему сыну необходимое внушеніе.

— Ого, посмѣетъ онъ!—воскликнулъ мэръ и побагровѣлъ отъ гнѣва.

— Почему же не посмѣетъ? — возразилъ Бенуа, сверкая глазами. — Я думаю, что въ школѣ единственный законъ— справедливость. Можетъ быть, вамъ желательно ввести въ нее законъ силы? Силы сословной, имущественной и такъ далѣе?.. Въ такомъ случаѣ, вы отравляете школу, а вмѣстѣ съ нею и всю общественную атмосферу. Общество, пренебрегающее справедливостью и опирающееся на силу,—вулканъ. Сила—оружіе о двухъ концахъ. Сегодня оно у васъ, завтра—у другихъ. Сегодня имъ злоупотребляетъ третье сословіе, завтра имъ можетъ безчинствовать четвертое. Если вы объявляете себя сторонниками силы, то не будьте въ претензіи, когда, при поворотѣ общественнаго колеса, она придавитъ васъ всею своею тяжестью.

— Любезный аббатъ,—иронически замѣтилъ мэръ,—все это могло бы послужить вамъ темой для воскресной проповѣди.

— Хе-хе,—отозвался Перенъ,—въ церкви оно было бы на мѣстѣ.

Патеръ не обратилъ вниманія на эти колкія замѣчанія и продолжалъ:

— Если вы такъ относитесь къ школѣ, то я не понимаю, зачѣмъ вы посылаете въ нее вашего сына?

— Какъ зачѣмъ?—захохоталъ Мартенъ. — Вотъ прекрасно! Надѣюсь, вы не отвергаете просвѣщенія?

— Просвѣщеніе! — воскликнулъ патеръ. — Едва ли существуетъ на свѣтѣ большее лицемѣріе, чѣмъ это наше поклоненіе просвѣщенію! Всѣ кричатъ о немъ, всѣ ломятся въ учебныя заведенія. Подумаешь, какое благородное рвеніе къ наукѣ, къ знанію! А присмотритесь къ дѣлу—и вы увидите въ учебныхъ заведеніяхъ царство лѣни, отсутствіе вкуса къ научной работѣ. Тутъ главный стимулъ, просто, жажда диплома. Приглядитесь къ общежитію—и вы замѣтите, что на вѣсахъ мнѣнія того общества,—которое фарисейски кричитъ о просвѣщеніи, учитель является истиннымъ паріей, а профессоръ стоитъ далеко ниже какого-нибудь удачливаго банкира, я уже не говорю о сравненіи съ депутатами, сенаторами и прочей чиновной братіей. Въ виду этого, право, было бы лучше сбросить маску и сказать честно, что мы цѣнимъ такъ называемое просвѣщеніе только, какъ общественную лѣстницу, по которой можно карабкаться вверхъ.

— Ну, да, конечно, и это, — сказалъ Мартенъ. — Всякому пріятно, если его сынъ сдѣлаетъ хорошую карьеру.

— Кстати,—обратился къ нему Перенъ, — помните ли вы сына Сильвестра Симона? Ну, этого вислоухаго мальчишку, который бѣгалъ тутъ по улицамъ, съ вѣчнымъ хроническимъ насморкомъ?.. Онъ кончилъ университетъ и теперь пристроился къ префектурѣ въ Монпелье.

— Ну, вотъ, видите ли, — отозвался мэръ. — Какъ же съ этимъ не считаться?

— Да, да, — воскликнулъ патеръ, — тутъ именно кроется язва, которая вмѣстѣ съ разными другими болѣзнями разъѣдаетъ несчастную Францію! Мы заражены мерзкимъ презрѣніемъ къ труду. Мы носимъ старыя колодки аристократическихъ традицій. Наши нравы составляютъ какой-то нелѣпый пережитокъ... Америка прогрессируетъ, потому что въ ней уважается трудъ и она не знаетъ неблагородныхъ профессій, унизительныхъ общественныхъ положеній. А мы все еще отличаемъ благородныя профессіи отъ низкихъ, мы во что бы то ни стало стараемся выбиться изъ трудового класса. Для нашего торговца или ремесленника до сихъ поръ жалкій писецъ префектуры представляется завиднымъ идеаломъ, мы тянемся къ чиновничеству, мы изо всѣхъ силъ толкаемъ сыновей въ касту дипломщиковъ. За это наше безуміе мы несемъ и бу-

демъ нести тяжкое наказаніе. Народъ, не умѣющій уважать честный трудъ во всѣхъ отрасляхъ общежитія, погибнетъ. Онъ не выдержитъ великой международной конкуренціи. Отцы понесутъ наказаніе за свой грѣхъ въ самихъ дѣтяхъ, которыхъ они отрываютъ отъ трезвой почвы настоящаго дѣла. Не всѣ изъ вашихъ сыновей возьмутъ призы въ спортѣ карьеризма. Большинство останется за флагомъ. И вотъ вамъ классъ неудачниковъ, неприспособленныхъ, озлобленныхъ противъ цивилизаціи, которая оказывается слишкомъ трудной для нихъ. Эти-то именно люди являются опасными врагами культуры. Изъ нихъ-то набираются арміи для всякихъ катастрофъ. Они ждутъ случая, чтобы идти на приступъ, потому что терять имъ нечего, а надежда, разумѣется, обманчивая, обѣщаетъ имъ золотыя горы при генеральной ломкѣ общества.

— Ха-ха, что вы на это скажете, Перенъ?—смѣялся мэръ.— Не кажется ли вамъ, что мы вернулись къ дѣтскому возрасту и попали въ науку къ строгому ментору?

Оба пріятеля хохотали, потрясая животами.

Бенуа смотрѣлъ на нихъ. Жена мэра ушла раньше, унеся чашки, которыя звенѣли въ ея дрожавшихъ отъ злости рукахъ. Патеръ готовъ былъ вспыхнуть гнѣвомъ на этихъ безпечныхъ, жирныхъ буржуа, но его удержало чувство жалости: всѣмъ было извѣстно, что оба пріятеля, подъ личиной дружбы, питали другъ къ другу злобную вражду. Они строили взаимныя козни: Мартенъ собирался открыть кафе, чтобы разорить Перена, а Перенъ пускалъ въ ходъ всѣ пружины, чтобы сдѣлаться мэромъ. Все это въ корень подсѣкало жизнь обоихъ и обращало ихъ существованіе въ сплошное бѣдствіе.

VI.

Уже вечерѣло, когда патеръ вошелъ, наконецъ, въ домъ управляющаго фабрикой, Октава Брена. Пока Бенуа ставилъ въ уголъ передней зонтикъ и отряхивалъ запылившуюся сутану, въ сосѣдней комнатѣ слышались голоса.

— Гдѣ Пьеръ? Я звоню его полчаса,—раздраженно говорилъ знакомый патеру баритонъ Октава.

— Ему нужно было сбѣгать на минуту въ деревню и я пустила его, — капризно-скучающимъ тономъ отвѣчала его жена, Мадлена.

— Ну, вотъ, всегда такъ!.. Ты ни въ чемъ не можешь отказать этому красавчику!

— Перестань болтать вздоръ...

Патеръ поспѣшилъ войти въ гостиную.

— А, пожалуйте! — направился къ нему Октавъ, съ выраженіемъ радушія въ полномъ, обросшемъ короткой черной бородой лицѣ и во всей коренастой, здоровой, рабочей фигурѣ.—А мы тутъ немножко ссоримся съ женой,—прибавилъ онъ звукомъ дѣланной шутки.—Плохая хозяйка ваша духовная дочь. Надо признаться, семейная жизнь не по ея натурѣ. Ей нужно общество... Общество молодыхъ людей.

— Стыдно тебѣ!—воскликнула Мадлена.

Гримаса досады исказила ея блѣдное лицо, съ мелкими, словно точеными чертами, подъ пышной волной черныхъ волосъ. Молодая женщина сидѣла, утонувъ въ большомъ креслѣ всей своей миніатюрной фигурой севрской статуэтки.

— Нисколько не стыдно!—возразилъ взволнованно Бренъ.— Передъ духовнымъ отцомъ нечего скрываться, и я прямо скажу, что меня измучили твои наклонности. Постоянно, гдѣ бы мы ни были, я долженъ озираться кругомъ, въ ожиданіи чего-нибудь... предосудительнаго.

— Ты бредишь.

— Развѣ я говорю неправду?.. Знаете ли, господинъ аббатъ, когда мы жили въ Монпелье, одна дама такъ и сказала ей: „вы хотите отбить у меня мужа". Какъ вамъ это нравится, господинъ аббатъ?

— Она пошутила. Неужели ты не понялъ? — возразила Мадлена.

— Какія ужъ тутъ шутки!.. У тебя это въ крови. Твой отецъ, капитанъ Дюбюкъ, до сѣдыхъ волосъ остался неисправимымъ ловеласомъ.

— Оставь въ покоѣ моего отца! Займись лучше своей генеалогіей.

— Да вотъ вамъ, господинъ аббатъ, недавній случай. На прошлой недѣлѣ были мы въ Тулузѣ. Я цѣлый день бѣгалъ по дѣламъ, она по магазинамъ. И вотъ случайно на улицѣ я увидѣлъ впереди себя свою супругу. Ну, думаю, прослѣжу, что-то будетъ. И что-же? На встрѣчу попадается какой-то пошлый франтъ, вродѣ опереточнаго тенора, а она, моя жена, дѣлаетъ ему глазки! Какъ вамъ это нравится, господинъ аббатъ?

— Ложь, все ложь!

— Какая же ложь, когда я видѣлъ собственными глазами?

— Боже милосердный!—истерически воскликнула Мадлена.— Этотъ человѣкъ убьетъ меня!.. Вы не повѣрите, господинъ

аббатъ онъ ловитъ каждое мое слово, каждый взглядъ и всюду отыскиваетъ дурное намѣреніе... У меня не было ни одного развлеченія, которое бы онъ не отравилъ, ни одной минуты самой невинной радости, которую бы онъ не растопталъ...

— Тебѣ съ твоими наклонностями не слѣдовало выходить замужъ. Нѣтъ, нѣтъ!—воскликнулъ Октавъ, потрясая рукой.

— Боже милосердный, у меня нѣтъ больше силъ выносить муки! Этотъ человѣкъ думаетъ, что жена—движимая собственность мужа!.. Господинъ аббатъ, я не уродъ, не очень глупа,—развѣ не естественно, что люди находятъ интересъ въ моемъ обществѣ? А онъ этого не выноситъ. Я недурно играю на фортепьяно; разумѣется, всегда есть люди, готовые послушать. А онъ этого не можетъ терпѣть. Онъ ежеминутно слѣдитъ, чтобы кто-нибудь не взглянулъ на меня съ пріязнью, чтобы не заговорили со мной съ интересомъ, чтобы я не пошутила, не посмѣялась... Ахъ, господинъ аббатъ, конечно, это грѣшно, но нѣтъ дня, чтобы я не желала смерти. Что для меня каждый будущій день, какъ не новый приступъ муки?

— Господь съ ними, съ твоими талантами! — возразилъ Бренъ, весь дрожа. — Самая простая женщина можетъ дать счастье мужу, а ты мнѣ не дала счастья, нѣтъ, нѣтъ, не дала!

— Такъ ты бы и женился на кухаркѣ,—разрыдалась Мадлена и выбѣжала изъ комнаты.

Октавъ, отдуваясь, заходилъ по комнатѣ тяжелыми шагами, а Бенуа сидѣлъ, удрученный неожиданной сценой и жалостными обращеніями къ нему обоихъ супруговъ, словно ожидавшихъ отъ него суда и примиренія.

— Видѣли, какое существованіе? — сказалъ Октавъ, останавливаясь передъ патеромъ, и затѣмъ снова принимаясь шагать. — Разумѣется, — продолжалъ онъ, — виноваты родители. Пошлые люди! Вѣчно на умѣ гости. Вѣчная погоня за генералами, депутатами, сенаторами. У нихъ былъ одинъ разговоръ: „Ахъ, сегодня намъ сдѣлалъ визитъ генералъ Иксъ! На завтра мы приглашены къ сенатору Зетъ!“ И все это цѣною самой унизительной лести. Фу, холопство!

Шаги Октава ускорялись, по мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ.

— Ну, конечно, молодая дѣвушка въ такой средѣ опошлилась. Сегодня участіе въ живыхъ картинахъ, живописные костюмы, восхитительныя позы. Завтра участіе въ концертѣ: „Ахъ, какъ вы чудно исполнили сонату! Какъ вышелъ у васъ ноктюрнъ!..“ Эта публичная выставленность не проходитъ даромъ... Однако, если дѣвушка вышла замужъ, должна же она

понять измѣнившееся положеніе? Тутъ ужъ слѣдуетъ забыть о талантахъ, о восторгахъ публики, а помнить о мужѣ. Человѣкъ женится для себя, а не для салонныхъ шаркуновъ, чортъ ихъ возьми! Не такъ ли, господинъ аббатъ!

— Мнѣ кажется, господинъ Бренъ,—отвѣчалъ патеръ, несмѣло поднимая на Октава свои глаза газели,—вы немного... строги къ своей женѣ. Конечно, жена имѣетъ обязанности по отношенію къ мужу, но все-же она остается человѣкомъ. У нея могутъ быть личные вкусы, наклонности, и я не думаю, чтобы у кого-нибудь было право налагать на нихъ руку. Даже если жена... обнаруживаетъ слабости, то и тутъ нельзя забывать о снисхожденіи. Ахъ, господинъ Бренъ, у всѣхъ у насъ есть слабости. Всѣ мы должны молиться о прощеніи грѣховъ, но эта молитва была бы нелѣпа, возмутительна, еслибы мы въ то-же время не прощали грѣховъ другихъ людей по отношенію къ намъ.

— Довольно странная теорія для духовнаго лица!—рѣзко воскликнулъ Октавъ.—Развѣ не сказано: жена да боится мужа и да повинуется ему? Я думаю, что, исходя изъ такой точки зрѣнія, довольно мудрено придти къ феминизму, съ его нелѣпыми крайностями.

— Господинъ Бренъ, христіанство никогда не проповѣдовало обезличенія женщины. Христіанство предъявляетъ къ женщинѣ тѣ же нравственныя требованія, что и къ мужчинѣ. Жена сама, лично, а не мужъ за нее, отвѣтственна за свои помышленія и поступки. Значитъ, христіанство считаетъ ее человѣкомъ и ни о какомъ рабствѣ тутъ не можетъ быть рѣчи.

— Странно, странно,—ворчалъ Октавъ.—Впрочемъ, ха-ха,—саркастически засмѣялся онъ,—идеи женской эмансипаціи какъ разъ на руку вамъ... Кавалерамъ въ черной сутанѣ!

Бенуа не отвѣтилъ ни слова, а Бренъ продолжалъ ходить изъ угла въ уголъ. Затѣмъ онъ разомъ остановился и промолвилъ:

— Простите меня, дорогой аббатъ. Я сказалъ глупость. Вы знаете, горе плохой суфлеръ... Вотъ что, господинъ аббатъ, мнѣ нужно идти на фабрику, а вы, будьте добры, посидите еще, поговорите съ женою. Вѣдь таково ужъ ваше дѣло—врачевать душевныя раны.

Онъ грустно улыбнулся, простился и ушелъ, а патеръ продолжалъ сидѣть на своемъ мѣстѣ. Нѣсколько минутъ спустя, дверь пріотворилась и изъ нея выглянуло лицо Мадлены. Ея черные большіе глаза, подъ вьющимися прядями волосъ, раздѣленными проборомъ посрединѣ головы, покраснѣли отъ

слезъ; рѣзко очерченныя ноздри ея маленькаго носа также порозовѣли, а вокругъ полныхъ, яркихъ губъ, надъ мелкими зубами, легли складки огорченія.

— Вы одни, господинъ аббатъ?—сказала она, садясь противъ патера.—Ну, вотъ, вы видѣли... Вы теперь знаете, какой это человѣкъ. Это не мужъ, это подозрительный сыщикъ и безжалостный судья. Ахъ, онъ никогда не пожалѣлъ меня! Знаете, господинъ аббатъ, я часто завидую людямъ, которые ложатся вечеромъ въ постель и умираютъ во снѣ.

— Нехорошо падать духомъ,—робко промолвилъ патеръ.—Не надо ничего преувеличивать. Вы знаете, любовь... Человѣческая любовь склонна къ требовательности...

— Какая тутъ любовь! Любовь не можетъ быть безжалостной.

— Человѣческое сердце, вы знаете, способно поддаваться мучительнымъ страстямъ... Напримѣръ, ревность...

— И вовсе не ревность! Даже въ ней бываютъ минуты просвѣтлѣнія и усталости. Тутъ просто неугомонное, мелкое самолюбіе, которое вѣчно боится, чтобы его не унизили, не заслонили, не обокрали. Здѣсь врожденная безсознательная злобность, которой нужны, какъ воздухъ, чужія страданія. А я какъ разъ удобна для этого, потому что никакъ не могу загрубѣть, пріобрѣсти нечувствительность къ мукамъ.

Слезы опять хлынули изъ глазъ Мадлены.

— Не надо преувеличивать,—повторилъ патеръ.—И потомъ... вспомните хорошенько, поройтесь въ совѣсти, можетъ быть, и вы когда-нибудь были... не совсѣмъ правы передъ мужемъ.

Мадлена смущенно опустила голову. Патеръ сконфузился еще больше. Нельзя не признать, что въ эту минуту оба они представляли собой красивую, поэтичную картину.

— И вотъ,—сказалъ Бенуа, справившись со своимъ смущеніемъ,—вы уже сами въ долгу передъ мужемъ, сами до извѣстной степени причина своихъ страданій. Вы уже не жертва безвинно свалившагося несчастья. А подумайте, есть вѣдь люди, пришибленные горемъ, дѣйствительно упавшимъ, какъ снѣгъ на голову. Однако и они имѣютъ мужество, не проклинаютъ свою судьбу. Не надо обращаться къ библейскому Іову, чтобы найти примѣры... Я какъ-то былъ въ По и зашелъ въ санаторіумъ для чахоточныхъ. Великолѣпное зданіе съ великолѣпными балконами, а тутъ длинный рядъ стоящихъ другъ возлѣ друга коекъ. И вотъ, на этихъ койкахъ, я увидѣлъ людей... Съ желтыми лицами, обложенные одѣялами и мѣхами, они по цѣлымъ часамъ лежатъ, устремивъ неподвижный, лихорадочный взоръ въ пространство. Какъ вы полагаете, легки

ли ихъ думы?.. Тягучіе дни, недѣли, мѣсяцы. Отъ времени до времени сосѣднія койки подозрительно пустѣютъ. Въ настоящемъ—жуткая, безсильная борьба съ недугомъ, въ будущемъ—могила... И все это потому, что какому-то безсмысленному микробу случилось забраться въ человѣческую грудь!

Мадлена слушала, не сводя глазъ съ Бенуа. Не всякое слово убѣждало ее, но сочувственный тонъ рѣчи патера трогалъ ее. Мадлена смотрѣла на бѣлый лобъ Бенуа, съ черными бровями, сдвинутыми сѣтованіемъ о ея судьбѣ, на кроткіе глаза его, полные участья, на яркія губы, трепетавшія раздѣленнымъ съ нею горемъ,—и ея душа потянулась къ нему. Между тѣмъ Бенуа продолжалъ:

— Вы жалуетесь на свои страданія. Вѣрю, что вамъ не легко, но, подумайте, вѣдь и мужъ вашъ не покоится на розахъ. Вѣдь не станете же вы утверждать, что уходя въ свой кабинетъ, послѣ размолвки съ вами, онъ насвистываетъ веселую арію. Нѣтъ, онъ также страдаетъ, онъ одиноко, сиротливо глотаетъ горькія слезы. Дайте волю своему воображенію, представьте себѣ своего мужа согнувшимся отъ горя, съ тоскою о васъ,—достанетъ ли у васъ духа для озлобленія?

— Ахъ, я не злюсь,—воскликнула Мадлена,—мнѣ просто нечѣмъ дышать. Ну, да что тамъ!.. Васъ же, дорогой аббатъ, я не знаю, какъ благодарить... Повѣрьте, я умѣю цѣнить участье.

Прощаясь, она горячо пожала руку патера и смотрѣла на него долгимъ взоромъ, пока онъ застѣнчиво откланивался и выходилъ изъ гостиной.

„Вотъ они, „счастливцы", которымъ завидуетъ вся деревня!—думалъ Бенуа, идя домой.—И есть же мудрецы, которые увѣряютъ, будто человѣческое счастье и несчастье всецѣло зиждутся на „экономической основѣ"! Есть же наивные люди, которые думаютъ, будто, разломивъ краюшку хлѣба на равныя части и роздавъ всѣмъ по куску, можно осушить великое, многообразное море людскихъ бѣдствій!"

Послѣ этого дня, патеръ причислилъ домъ управляющаго къ ввѣренной ему клиникѣ человѣческихъ страданій и нерѣдко посѣщалъ его. По большей части, онъ не заставалъ мужа и бесѣдовалъ съ женою. Требовалась вся дѣтская наивность юнаго монаха, чтобы не замѣчать, что взоры благодарной Мадлены становились все привѣтливѣе, а рукопожатія теплѣе. Мадлена искала случая видѣться съ патеромъ, бывала каждый разъ у обѣдни и, наконецъ, пришла однажды къ нему, въ его домикъ.

— Господинъ аббатъ,—рѣшительно сказала она,—я пришла посовѣтоваться съ вами о разводѣ.

— О, что вы говорите!—съ испугомъ воскликнулъ онъ.

— У меня нѣтъ больше силъ. Этотъ человѣкъ угнетаетъ меня, то язвительными словами, то тяжелымъ, недовольнымъ молчаніемъ. Когда нѣтъ на лицо ни малѣйшихъ причинъ, онъ бросаетъ обвиненія на удачу. Такъ охотникъ стрѣляетъ по кустамъ, на всякій случай, нѣтъ ли тамъ дичи... Съ меня довольно, пора кончить.

— Но, госпожа Бренъ, нельзя говорить о такихъ вещахъ легкомысленно!

— Боже мой, развѣ я легкомысленна? Развѣ мнѣ легко было придти къ мысли о разводѣ? Вѣдь мы уже пять лѣтъ женаты. Пять лѣтъ—вѣдь это часть моей жизни, часть меня самой! Какъ бы ни была плоха эта часть, но она дорога мнѣ. Вѣдь и уродливый ребенокъ дорогъ матери... Развѣ легко послѣ пятилѣтнихъ стремленій къ благополучной жизни бросить дѣло недодѣланнымъ? Пять лѣтъ рыть землю, въ надеждѣ дорыться до золотоносной жилы, и придти къ заключенію, что земля ничего не можетъ дать, кромѣ камней! Развѣ легко признать свое пораженіе, свое ужасное банкротство?.. Я знаю, большинство людей склонны къ пассивности. Они бредутъ по извѣстной дорогѣ не потому, что она имъ кажется хорошей, а потому, что случай поставилъ ихъ на нее. Но есть же люди, имѣющіе мужество признать свою неудачу и начинающіе новую жизнь съ новой энергіей.

— Ахъ, нѣтъ, не то!—возразилъ Бенуа, волнуясь.—Вы только подумайте, ради чего будетъ разорванъ вашъ супружескій союзъ? Да, да, ради чего? Ради какихъ манящихъ перспективъ?.. Какъ бы тамъ ни было, но господинъ Бренъ любитъ васъ. Да, да, не спорьте, онъ любитъ васъ, а это чего-нибудь стоитъ. О, это многаго стоитъ! Неужели вы думаете, что любовь такая заурядность, которая, какъ мусоръ, валяется по улицамъ?.. И затѣмъ—разводъ... Я знаю, теперь это въ модѣ. Но если люди добьются легкихъ разводовъ, то когда-нибудь глубоко раскаются. Христіанство не напрасно внушаетъ крѣпость союзовъ. О, христіанство—великій психологъ! Оно понимаетъ, что величайшее горе для людей—неустойчивость чувствъ и характеровъ. Обѣщать и не исполнять, метаться изъ стороны въ сторону, начинать что-нибудь и бросать начатое,—развѣ не въ этомъ именно хаосѣ формируется шаткій человѣкъ, дрянное существо на соломенныхъ ногахъ? И глубоко несчастный человѣкъ?.. Потому-то христіанство настаиваетъ на твердости обѣтовъ. Изъ лег-

кости разводовъ родится шаткость жизни, неустойчивость отношеній, безобразная пляска чувствъ и вожделѣній. Среди хаоса летучихъ впечатлѣній, любой капризъ разлучаетъ людей, случайная шероховатость жизни ведетъ къ несоразмѣрно огромнымъ послѣдствіямъ. Однимъ словомъ, тутъ житейская мелочь становится господиномъ надъ человѣкомъ. Тутъ передъ нами картина истиннаго людского ничтожества.

Патеръ горячился не на шутку. Голосъ его громко звучалъ, а на матово-блѣдныхъ щекахъ выступилъ румянецъ. Мадлена, притихшая, смотрѣла на патера трепетно мерцавшими глазами.

— И потомъ,—продолжалъ Бенуа,—эта легкость признанія неудачъ, какъ вы говорите, легкость начинанія новой жизни съ новой энергіей очень опасна именно женщинѣ. Неужели вы не понимаете, что исканіе золотоносныхъ жилъ въ одномъ, въ другомъ, въ третьемъ мѣстѣ неизбѣжно уничтожитъ лучшія свойства женщины? Придастъ ей характеръ какой-то... захватанности? Эта горнопромышленность сотретъ нѣжный рельефъ женской природы, притупитъ ея чуткость, наложитъ на ея чувства и помыслы печать пошлости. Женщинѣ при этомъ грозитъ судьба бездомнаго горемыки, всю жизнь прожившаго по постоялымъ дворамъ. Придетъ, наконецъ, старость и вмѣстѣ съ нею страшное сиротство. Женщина всю жизнь не могла выносить тяжести супружескихъ узъ, она считала твердость обѣтовъ наслѣдіемъ стариннаго варварства, она одарена была способностью бросаться съ новой энергіей въ новую жизнь, и вотъ теперь ей некуда преклонить свою усталую, никому больше не нужную, сѣдую голову!..

Патеръ умолкъ и затѣмъ, упавшимъ голосомъ, прибавилъ:

— Конечно, я напрасно говорю все это. Когда и кого убѣждали слова!

— Не думайте такъ, дорогой аббатъ,—возразила Мадлена,—ваши слова не пролетаютъ мимо моихъ ушей.

Прощаясь, она протянула обѣ руки патеру и, глядя на провожавшую служанку, сказала шутя:

— Господинъ аббатъ, возьмите меня на мѣсто Жанны.

Въ этой шуткѣ звучала тоска и еще что-то, отъ чего сердце Бенуа безсознательно встрепенулось, какъ испуганная птица

VII.

Занимаясь съ любовью своимъ миніатюрнымъ огородомъ и садомъ, Бенуа однажды рано утромъ отправился за жердями для цвѣтовъ. По дорогѣ въ лѣсъ, возлѣ деревни, патера догнала толпа рабочихъ, шедшихъ на фабрику. Тутъ были почти всѣ, которыхъ мы видѣли въ кафэ Перена.

— Гуляете, господинъ аббатъ?—крикнулъ Игнасъ, поравнявшись съ Бенуа.

— Да, въ томъ-то и бѣда, что есть люди трудящіеся, а есть и гулящіе,—промолвилъ съ обычной медлительностью Ригоберъ.

— И гуляющій сидитъ верхомъ на трудящемся,—саркастически прибавилъ Джіакомо.

— Друзья мои,—возразилъ Бенуа,—вы судите невѣрно.— Трудъ бываетъ разный, не одинъ физическій. Кто занимается наукой, кто искусствомъ. Одинъ судитъ въ судѣ, другой управляетъ общественными дѣлами...

— Давно пора положить конецъ всей этой породѣ,—перебилъ Джіакомо.

— Позвольте, но Араго, Рафаэль, Россини...

— Шуты, услаждающіе жизнь кучки эксплуататоровъ,— отозвался итальянецъ.

— Какъ же такъ все отрицать? Вѣдь это, говоря словами Вольтера, перспектива ползанія на четверенькахъ. Нельзя же не считаться съ достигнутымъ уровнемъ цивилизаціи, съ выработаннымъ укладомъ общества и государства.

— Бросьте! Все это—химера, огромная отвратительная бойня, кладбище для лучшихъ людей,—возразилъ Джіакомо и запѣлъ чистымъ голосомъ природнаго артиста:

Nègre de l'usine,
Forçat de la mine,
Hôte du champ...

— При такой смѣлости отрицанія,—сказалъ патеръ,—нужно было бы имѣть опредѣленный идеалъ лучшаго.

— Идеалъ!—насмѣшливо повторилъ Джіакомо.—Дѣло яснѣе яснаго: людямъ нужна свободная организація, свободные договоры, которые бы всякій человѣкъ могъ каждую данную минуту заключать и нарушать.

— Позвольте,—возразилъ Бенуа,—неужели вамъ это кажется яснымъ? На мой взглядъ, тутъ смутныя фразы, со дна

которыхъ свѣтится афоризмъ Раблэ: „fais ce que veux". Другими словами: всякій самъ себѣ господинъ и—кто въ лѣсъ, кто по дрова. Нѣтъ, дорогой Джіакомо, необходима гораздо болѣе точная формулировка.

Вспыльчивый итальянецъ разразился бранью и воскликнулъ:

— Точная, точная!.. Какъ-то разъ, въ германскомъ рейхстагѣ, пристали также къ Бебелю, чтобы онъ точно изобразилъ рай, который онъ обѣщаетъ обществу. Бебель отвѣтилъ отлично: „Я не спрашиваю,—сказалъ онъ,—какъ вы представляете себѣ будущую жизнь, которую обѣщаете послѣ смерти, и вы не должны спрашивать насъ о раѣ, который обѣщаемъ мы".

— Ахъ, нѣтъ, мой другъ,—возразилъ Бенуа,—это не одно и то же. Нашъ рай находится въ потустороннемъ мірѣ, а вашъ требуетъ ломки существующихъ на землѣ порядковъ. Нужно же намъ знать, ради чего рекомендуются крупныя и разрушительныя мѣры. Тутъ нельзя довольствоваться смутными грезами... Ахъ, друзья мои, не лучше ли, вмѣсто психопатическихъ судорогъ, добросовѣстно содѣйствовать улучшенію хода цивилизаціи? Вѣдь прогрессъ существуетъ, его нельзя отрицать.

— Подите вы со своимъ прогрессомъ!—крикнулъ Джіакомо.—Признаки вашего прогресса—тюрьмы да богадѣльни, наряду съ дворцами и магазинами. Прогуляйтесь по сіяющимъ электричествомъ улицамъ городовъ, очаговъ вашей цивилизаціи, за каждымъ угломъ вы увидите дрожащаго отъ голода и холода нищаго.

— Ну, да, разумѣется,—вздохнулъ патеръ.—Но нужно и то сказать: тюрьмы и больницы, конечно, не бросаются въ глаза тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, однако отсутствіе ихъ не уменьшаетъ числа воровъ и больныхъ. Не надо предполагать, что ихъ плодитъ цивилизація и что нецивилизованное состояніе даетъ больше благополучія. Въ дебряхъ Азіи и Африки люди тысячами мрутъ отъ голода и эпидемій... Конечно, вы правы: нищіе, убогіе... Но, согласитесь, цивилизація не отворачивается отъ нихъ, напротивъ...

— Это вы что же?—воскликнулъ Джіакомо, останавливаясь и грозно сверкая глазами.—Вы, кажется, хотите намъ пѣть о благо-тво-рительности?

— Я не понимаю, что васъ такъ возмущаетъ?

— Эхъ!—произнесъ Джіакомо, едва справляясь съ гнѣвомъ.—Неужто трудно понять, что благотворительность, это—плевокъ въ нашу сторону, оскорбленіе, вызывающее въ насъ

жгучую горечь и злобу? Не хотимъ мы милостыни! Не фальшивая, обидная сентиментальность нужна людямъ, а правильное пониманіе интересовъ, солидарность. Эта солидарность уже теперь даетъ общества взаимнаго страхованія, взаимной помощи, кооперации и такъ далѣе. Тутъ нѣтъ никакой унизительной подлости. Просто, человѣкъ внесъ плату и имѣетъ право на извѣстную выгоду. Понимаете ли, человѣкъ пользуется своимъ правомъ, а не чьею-то милостью. А ваша игра въ альтруизмъ годится только для старыхъ дамъ и свѣтскихъ шалопаевъ, которые желаютъ дешево купить спасеніе души, да наполнить бездѣльную праздность эффектными ролями президентовъ, секретарей, казначеевъ и прочихъ гороховыхъ шутовъ.

— Хотя разговоръ и раздражаетъ васъ,—возразилъ Бенуа,—но я считаю долгомъ сказать, что вы очень ошибаетесь. Существу благотворительности вовсе чужды и гордость дающихъ и униженіе берущихъ. То и другое одинаково составляетъ болѣзненный наростъ на благотворительности. Обидчивость снизу такъ же мало обусловливается существомъ дѣла, какъ и презрѣніе сверху. Подумайте, что представляетъ собою доброе дѣло, если съ него снять болѣзненную кору недоразумѣній? Что такое поступокъ самарянина на „кровавой дорогѣ"?.. Люди бредутъ по тяжелому жизненному пути съ разными силами, съ разной удачей. Одни карабкаются вверхъ, другіе соскальзываютъ внизъ, третьи падаютъ. Но тѣмъ не менѣе всѣ люди — братья во Христѣ, родственники по единству своей сущности. И вотъ, чувствованіе этой родственности побуждаетъ человѣка, стоящаго на ногахъ, протягивать руку упавшему. Такимъ образомъ совершается то, что называется добрымъ дѣломъ, и я рѣшительно не понимаю, почему въ протягивающемъ руку помощи необходимо подозрѣвать презрительную гордость, и почему берущій протянутую руку долженъ чувствовать униженіе? Примѣняя дѣло къ себѣ, я совершенно не понимаю, почему бы я ощущалъ обиду, еслибы, положимъ, вы помогли мнѣ подняться на гору, которая мнѣ лично не по силамъ? Почему бы я злобно скрежеталъ на васъ зубами, еслибы вы, видя мой голодъ и чувствуя естественную людямъ родственность, предложили бы мнѣ кусокъ своего хлѣба? Я даже увѣренъ, что мнѣ было бы въ тысячу разъ дороже получить помощь, согрѣтую вашимъ личнымъ сочувствіемъ ко мнѣ, чѣмъ законную ассигновку изъ канцеляріи бездушнаго общественнаго учрежденія.

Джіакомо съ угрозой надвинулся на патера, но тотъ отстранилъ его рукой и продолжалъ:

— Разумѣется, вы правы, вокругъ благотворительности нагромождены горы злоупотребленій, но, повѣрьте, по существу своему, она... первая звѣзда на нашемъ небосклонѣ. Я убѣжденъ, что именно изъ ея зерна, когда оно очистится отъ болѣзненной коры, выростетъ человѣческое счастье. А всѣ ваши правильно понятые интересы, расчетливыя солидарности, бездушные механизмы разверстки и равновѣсія,—съ ними далеко не уѣдешь. Отождествленіе общаго блага съ суммой благъ отдѣльныхъ людей — старая философская ошибка. Увѣрять эгоистовъ, что ихъ личная польза обусловливается общей пользой,—пустая наивность. Смышленый эгоистъ всегда сообразитъ, что вмѣсто окольнаго пути, вмѣсто смутныхъ расчетовъ получить изъ общей кладовой проблематичную долю, лучше идти прямой дорогой къ удовлетворенію личныхъ интересовъ. Объ общемъ дѣлѣ онъ будетъ предоставлять заботиться кому-нибудь другому. На это намекалъ уже тысячелѣтія назадъ Аристотель. Да и факты говорятъ противъ васъ. Пока „солидарныя“ предпріятія даютъ выгоды, ну, дѣло еще иногда держится, а чуть убытокъ или заминка—и разладъ. Вспомните „солидарность интересовъ“ въ Пульмановской компаніи желѣзныхъ дорогъ. Какъ только понадобилось уменьшить дневную заработную плату съ десяти франковъ на семь съ половиной, чтобы не распускать лишнихъ рабочихъ, сейчасъ же вспыхнула свалка, разбили мастерскія, подожгли зданія, устроили забастовку, произошли такія ужасныя сцены, что объявлено было военное положеніе и раздались выстрѣлы... Ахъ, эгоизмы никогда не придутъ къ соглашенію. Если человѣкъ человѣку— волкъ, то махните рукой на людскую судьбу. Но не надо клеветать на нашу природу. Для общежитія у насъ есть натуральная амальгама, это—наша родственность, альтруизмъ, любовь. Ее-то нужно раздувать, какъ священный огонь, на нее одна надежда.

— Надоѣли вы со своими сладостями!—воскликнулъ Джіакомо.—Что вы намъ повторяете дѣтскія сказки о какомъ-то любовномъ возлежаніи рядомъ волковъ и ягнятъ! По вашему, намъ бы слѣдовало растянуться довѣрчиво возлѣ Октава, пока бы онъ не переѣлъ всѣхъ по очереди. Нѣтъ, любезный проповѣдникъ, если ягнята хотятъ уцѣлѣть, имъ нужно отростить аршинные зубы.

Толпа рабочихъ отозвалась на слова итальянца сочувственными криками, между тѣмъ Ригоберъ началъ своимъ обычнымъ тономъ доктринера:

— А вотъ мы выберемъ депутацію для переговоровъ съ нашимъ волкомъ...

— На какія штуки пустилось это прожорливое животное!— перебилъ его маленькій, юркій человѣчекъ, токарь Филиппъ, дрожа отъ негодованія.—То въ край урѣзывалъ жалованье, а теперь еще съ штрафами наступаетъ на горло. Вычеты за порчу матеріала! Скажите, пожалуйста, будто кто нарочно, для потѣхи, портитъ его проклятый матеріалъ.

— Волкъ! Ненасытная утроба!—кричали въ толпѣ...

Бенуа въ самомъ тяжеломъ состояніи духа вернулся домой Онъ снялъ съ полокъ своей библіотеки давно уже проштудированныя книги по соціальнылъ вопросамъ, Съ новымъ вниманіемъ онъ углубился въ отмѣченныя и подчеркнутыя мѣста, и опять пришелъ къ прежнему выводу. Идеи, охватывающія, словно степной пожаръ, современность, напрасно тянутся къ наукѣ, ища въ ней основъ для себя. Эти идеи представляютъ собою лишь объективированныя матеріальныя потребности людей. Эти потребности наталкиваются въ окружающемъ мірѣ на препятствія и, обходя ихъ, облекаются въ форму теоріи и ученій, могущихъ служить лозунгомъ для чувства, но не аргументами для разума. Матеріальная потребность, вожделѣніе, аппетитъ—ненадежный вожатый. Развѣ библейская „чечевичная похлебка" не сыграла, въ союзѣ съ чувствомъ голода, совершенно неподобающей, важной и губительной, роли? Бенуа боялся именно этой современной „чечевичной похлебки".

Разумѣется, онъ не закрывалъ глазъ отъ недостатковъ современности. Ему ли, живущему лицомъ къ лицу съ бѣднотой, ему ли было не знать о страданіяхъ всевозможныхъ лишеній? Посѣщая дома деревни, онъ часто съ трудомъ сдерживалъ слезы. Заходя на фабрику, во время обѣденнаго перерыва работы, онъ наблюдалъ трогательныя сцены. Къ рабочимъ изъ мѣстныхъ жителей приходили жены и приносили корзинки со скудной пищей. Мужъ принимался за нее съ меланхолической жадностью, какъ утомленный рабочій волъ. Жена скромно присутствовала при этомъ священнодѣйствіи насыщенія кормильца; часто тутъ же копошились пришедшія съ матерью маленькія дѣти. Если что-нибудь оставалось изъ пищи, тогда доѣдала жена, а Бенуа казнилъ себя мыслью о своей олной чашкѣ вкуснаго луковаго супа. Затѣмъ рабочій растягивался переваривать съѣденное на какую-нибудь грязную пону или рогожу, а патеръ съ болью въ сердцѣ думалъ о мфортѣ своей узкой желѣзной кровати. Бенуа не отрицалъ эбходимости „чечевичной похлебки"; онъ пламенно желалъ,

чтобы ея было какъ можно больше и чтобы она была какъ можно вкуснѣе. Но когда онъ видѣлъ проповѣдниковъ, стремившихся придать „похлебкѣ“ значеніе высшаго кумира, разжигавшихъ низкія человѣческія страсти и призывавшихъ людей ломиться къ этому кумиру, не разбирая дороги, сбрасывая все на пути, тогда Бенуа ясно понималъ, что спутавшаяся современность роетъ бездну, въ которую можетъ провалиться все, не исключая и страстно желаемой „похлебки“. Сознавая это, патеръ отъ всего сердца хотѣлъ помочь людямъ разобраться въ клубкѣ накопившихся софизмовъ и стряхнуть съ себя гипнозъ переживаемаго смутнаго времени.

Пока Бенуа просматривалъ свои книги, депутація рабочихъ, состоявшая изъ столяра Ригобера, токаря Филиппа и еще одного слесаря, явилась къ управляющему. Октавъ Бренъ принялъ ихъ во дворцѣ, у своего крыльца, и сумрачно выслушалъ жалобы на штрафы.

— Вычеты дѣлаются, — отвѣчалъ онъ сухо, — не въ видѣ штрафа или наказанія, а въ возмѣщеніе убытковъ, согласно заключенному съ каждымъ изъ васъ договору. Поэтому я не понимаю, чего вамъ нужно отъ меня.

— Размѣры нашего жалованья,—отвѣчалъ Ригоберъ,—не даютъ возможности сокращать его еще больше штрафами.

— Мы не рабы, чтобы трудиться на васъ даромъ, — вмѣшался Филиппъ.

— Кто недоволенъ, тотъ можетъ уходить, разумѣется, заблаговременно предупредивъ контору и расчитавшись за причиненный убытокъ,—возразилъ рѣзкимъ тономъ Бренъ.— Все это оговорено контрактами и стоитъ на почвѣ закона. Статья 1780 гражданскаго кодекса, видоизмѣненная закономъ 27 ноября 1890 года, точно опредѣляетъ взаимныя обязанности возмѣщенія убытковъ. Если есть идіоты и негодяи, которые внушаютъ вамъ глупый предразсудокъ, будто договоры обязательны для хозяевъ и необязательны для рабочихъ, то законъ долженъ вбить вамъ въ голову, что тутъ нѣтъ мѣста дѣтскимъ капризамъ, что контракты—не поэзія и сентиментальность, а серьезный жизненный фактъ, и что безъ стойкости договоровъ все обращается въ безсмысленный хаосъ. Вотъ все, что я могу вамъ сказать. Ступайте.

— — —

VII.

Такой результатъ совѣщанія сильно взволновалъ рабочихъ. Они горячились цѣлый день. Страсти не улеглись и къ вечеру, когда большая группа фабричныхъ наводнила „Свиданіе друзей". Бенуа, снѣдаемый своими заботами, умышленно направилъ обычную вечернюю прогулку мимо антиньякской площади. Слыша оживленные крики въ кафэ, онъ подошелъ и, опершись на деревянную рѣшетку, ласково сказалъ:

— Вы все волнуетесь, господа... А мнѣ бы хотѣлось побесѣдовать съ вами.

— Чего приползъ еще этотъ сладкопѣвецъ!—воскликнулъ Филиппъ.

— Нѣтъ, отчего же,—возразилъ Ригоберъ, никогда не уклонявшійся отъ разсужденій,—можно и побесѣдовать.

— Друзья мои,—сказалъ Бенуа,—не думайте, что я, какъ монахъ, не понимаю человѣческихъ нуждъ. Я знаю, что потребности все растутъ, но нужно же ихъ сортировать и контролировать, чтобы низшія не подавили высшихъ. Я не фанатикъ аскетизма, я ничего не имѣю противъ роста потребностей, но нужно же, чтобы у человѣка имѣлось достаточно энергіи и ума для ихъ удовлетворенія. Иначе, когда этого нѣтъ, когда хотятъ насытить аппетиты во что бы то ни стало, всякими путями, тогда человѣкъ неминуемо деморализуется и подлѣетъ. Я знаю недостатки окружающаго, рѣзкіе контрасты общественныхъ положеній. Разумѣется, тутъ нетрудно разжечь между людьми зависть и ненависть, но, друзья мои, неужели вы не видите, что зависть и ненависть — никуда не годные совѣтчики и вожаки?

— Зачѣмъ зависть?—возразилъ Ригоберъ.—Тутъ не въ ней дѣло.

И онъ сталъ излагать тягуче и, очевидно, съ чужого голоса, мысли о несправедливостяхъ, разъѣдающихъ жизнь и фатально возрастающихъ вмѣстѣ съ прогрессомъ.

— Но вы подчеркиваете, — воскликнулъ патеръ, — только недостатки, а не видите улучшеній. Вѣдь дары прогресса простираются на всѣхъ, хотя бы и не въ равной пропорціи. Развѣ всѣ пользуются нынѣшними удобствами передвиженія, усп[...]ывающимся свѣтомъ знанія, гигіены, химіи, техники и такъ [да]лѣе? То же въ области морали и политики. Развѣ отношенія [хо]зяевъ къ рабочимъ теперь такія же, какъ вѣка тому назадъ? Развѣ вы не замѣчаете заботъ закона, разныхъ видовъ

страхованій, усилій государства контролировать условія труда? Вотъ и нужно идти дальше, по пути этихъ улучшеній, а не разорять культуру, созданную вѣковыми трудами человѣчества.

— Все это палліативы,—отвѣчалъ Ригоберъ.

Нѣтъ, по его мнѣнію, только тогда уладится дѣло, когда общество или государство станетъ единственнымъ хозяиномъ и само будетъ распредѣлять между людьми жизненныя блага. Всякій человѣкъ имѣетъ право на существованіе, на полное развитіе всѣхъ своихъ способностей, на общее богатство, безъ иныхъ границъ, кромѣ своихъ нуждъ, нуждъ другихъ людей и естественной невозможности. Отсюда и вытекаетъ законъ справедливости: „de chacun selon ses facultés, à chacun selon ses besoins".

— Ахъ, — возразилъ Бенуа, — я боюсь, что этотъ законъ особенно по сердцу тѣмъ, у кого больше потребностей, чѣмъ способностей и трудолюбія!.. И потомъ, нельзя же предоставить все всѣмъ? Нельзя распахнуть двери общаго богатства передъ первымъ пришедшимъ, на общій произволъ?

— Зачѣмъ произволъ? — сказалъ Ригоберъ. — Государство ужъ расцѣнитъ, кто чего стоитъ. Рабочій ли, скажемъ, докторъ ли, артистъ,—всѣмъ своя такса. Вотъ тебѣ, милый другъ, чекъ по числу часовъ твоего труда, отправляйся съ нимъ въ общую кладовую, вымѣняй нужные тебѣ продукты; стоимость же этихъ продуктовъ опредѣлена по числу часовъ, потребовавшихся на ихъ выработку. Просто и безобидно.

— Вы думаете, что это просто? Но вѣдь тутъ поднялись бы непреодолимыя трудности! При распредѣленіи благъ, нужно было бы принять въ соображеніе неравенство въ трудѣ отъ условій разныхъ мѣстностей, климатовъ, почвы, удобствъ работы. Надо было бы уравнять всѣхъ рабочихъ въ природныхъ дарованіяхъ, въ силѣ, въ ловкости, чтобы усилія каждаго были одинаково вознаграждаемы! Вы только вдумайтесь въ это, и передъ вами откроется перспектива затрудненій, неизбѣжно упирающихся въ невозможность... И притомъ, нежели вы не видите, во что обратилось бы тогда государство? Оно должно было бы получить неслыханное всесиліе, потому что въ противномъ случаѣ, еслибы отдѣльная личность сохранила за собою право спорить съ государствомъ, то вся постройка тотчасъ же распалась бы прахомъ. Вы разсуждаете о государствѣ апріорно, вы считаете его идельно могучимъ, умнымъ, справедливымъ. Но вѣдь за государствомъ всегда будутъ стоять люди. Вмѣсто нынѣшнихъ собственниковъ, возникнетъ армія

чиновниковъ, для управленія всѣмъ, для распредѣленія всѣхъ благъ, для улаживанія всѣхъ притязаній и споровъ. Въ экономическій распорядокъ неизбѣжно войдетъ политика. Вмѣсто экономической борьбы, разгорится борьба политическая. Выборное начальство, о которомъ вы мечтаете, будетъ рождаться въ прихотливой игрѣ страстей и партій, какъ мы видимъ это на примѣрахъ нынѣшнихъ выборовъ. Конечно, та партія, которая захватитъ всемогущую власть распредѣлять общее богатство и таксировать достоинство каждаго человѣка, постарается истребить всѣ оппозиціонныя партіи. Такимъ образомъ экономическое рабство приведетъ за собой рабство политическое. Вѣдь и теперь, напримѣръ, въ нынѣшнихъ синдикатахъ деспотическій духъ рѣзко бьетъ въ глаза.

Ригоберъ спорилъ, обнаруживая твердую увѣренность, что будущее нельзя сравнивать съ настоящимъ. Онъ держался мнѣнія лафонтеновской басни, что если сѣсть иначе, то музыка пойдетъ другая.

— Потомъ еще вотъ что,—продолжалъ Бенуа.—Вы говорите, что государство или общество должно стать единственнымъ хозяиномъ. Но какъ же быть съ мелкими земельными участками? Вѣдь во Франціи двадцать милліоновъ крестьянъ-собственниковъ, горячо привязанныхъ къ землѣ. Конечно, ихъ можно волновать, натравляя ихъ невѣжественную жадность на грабежъ крупныхъ имѣній, но вѣдь это гнусный, низкій обманъ. Еслибы вы честно объявили имъ, что предполагается отобрать ихъ участки въ казну, то, повѣрьте, вы бы встрѣтили жестокій отпоръ.

— Зачѣмъ въ казну?—возразилъ Ригоберъ.—Мелкіе участки могутъ остаться. Я читалъ по этому предмету брошюру. Тамъ прямо сказано, что участки, удовлетворяющіе, но не превышающіе нуждъ мелкаго владѣльца, который обрабатываетъ землю самъ,—остаются.

— Ахъ, эти брошюры!—воскликнулъ Бенуа.—Во-первыхъ, такое рѣшеніе вопроса идетъ въ разрѣзъ съ общими принципами вашего идеала. Во-вторыхъ, что это значитъ: если владѣлецъ обрабатываетъ землю самъ? А если, положимъ, онъ беретъ себѣ помощника.

— Д-да,—замялся Ригоберъ,—въ брошюрѣ сказано, что это ничего, при условіи, если и самъ владѣлецъ участвуетъ въ работѣ.

— Какъ же понимать это участіе? Въ видѣ управленія работами или непремѣнно въ личномъ хожденіи за плугомъ? И въ послѣднемъ случаѣ, сколько именно бороздъ долженъ про-

вести владѣлецъ, чтобы онъ могъ считаться непосредственнымъ участникомъ въ работѣ?.. Ахъ, дорогой другъ, вы видите сами всю шаткость этихъ брошюръ! Повѣрьте, онѣ требуютъ самаго строгаго и осторожнаго отношенія къ себѣ. Многія, очень многія изъ нихъ написаны озлобленными людьми, завистливыми неудачниками, или интриганами. Еслибы вы знали, сколько хитрецовъ, подъ прикрытіемъ разрывныхъ брошюръ и газетокъ, проползли въ парламентъ или обзавелись дорогими домами!.. Но, Богъ съ ними, будемъ продолжать бесѣду. Вы говорили о распредѣленіи богатствъ, но вѣдь прежде, чѣмъ распредѣлять, ихъ нужно добыть?

— Разумѣется,—отвѣчалъ Ригоберъ и началъ охотно излагать, какъ государство будетъ назначать каждому человѣку урокъ, сообразно способностямъ. Умственный трудъ будетъ поручаться тѣмъ, кто докажетъ свою пригодность къ нему по экзамену. Чтобы работники не накоплялись въ однѣхъ областяхъ труда и не избѣгали другихъ, власть урегулируетъ часы работы. Для привлекательнаго труда—больше часовъ, для менѣе пріятнаго—меньше, такъ что работа въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ быть доведена всего до какихъ-нибудь десяти минутъ въ день. Конечно, при надобности, допустимо и прямое принужденіе.

— Ну, вотъ видите,—замѣтилъ Бенуа.—Насъ, французовъ, уже съ давнихъ поръ упрекали въ наклонности все возлагать на государство. Отъ этой наклонности въ народѣ неминуемо слабѣетъ энергія, духъ самостоятельной иниціативы и важное чувство отвѣтственности за свои дѣйствія. Благодаря этой пагубной наклонности, у насъ происходитъ ужасающій ростъ чиновничества. Пятьдесятъ лѣтъ назадъ оно стоило намъ около двухсотъ пятидесяти милліоновъ, теперь—болѣе шестисотъ. Бюрократизмъ все больше и больше охватываетъ насъ. Оглянитесь кругомъ, всѣ стремятся въ чиновники. Въ торговлѣ, въ земледѣліи, въ промышленности остаются только отбросы. Всѣ ломятся къ дипломамъ и держатъ экзамены. Нашъ вѣкъ—поистинѣ вѣкъ экзаменовъ. Совсѣмъ китайская система... Не думаете ли вы, что чиновничье хозяйничаніе обогащаетъ страну? Напротивъ, тутъ насъ губятъ проволочки. бумажность и дороговизна. Я читалъ, напримѣръ, въ отчетѣ по флоту, что двадцать три тысячи ложекъ, продающихся на улицахъ Тулона по два су, намъ обошлись по пятидесяти сантимовъ. Рисъ на Крайнемъ Востокѣ, на своей родинѣ, намъ обходится на шестьдесятъ процентовъ дороже, чѣмъ въ Тулонѣ. Еслибы такъ хозяйничалъ какой-нибудь частный человѣкъ, то сейчасъ

же разорился бы. А вѣдь тотъ порядокъ, о которомъ вы мечтаете, не устраняетъ этихъ бѣдъ, а напротивъ, увеличиваетъ ихъ во сто разъ. Чѣмъ вы замѣните личный интересъ, этотъ стимулъ изобрѣтательности, смѣлой предпріимчивости, предусмотрительности, выдержки, бережливости, заботы о будущихъ поколѣніяхъ? Неужели вы надѣетесь на безчисленную толпу чиновниковъ, которыхъ будутъ выдвигать случайности вотировокъ? Да вѣдь съ ними неизбѣжно выдвинется казенная рутина, лѣнь, вялость. Тутъ будетъ даже хуже, чѣмъ теперь, потому что для недобросовѣстности не будетъ отпора; противъ агентовъ всесильнаго государства безсильный индивидъ будетъ лишенъ права иска и всякихъ средствъ самозащиты. Ахъ, дорогой Ригоберъ, даже въ мечтахъ необходимо считаться съ фактами, сообразоваться со свойствами человѣка! Повѣрьте, стремясь къ лучшему, вовсе не нужно давить личный интересъ. Надо только желать всѣми силами, чтобы это могучее орудіе, не уклоняясь въ дурную сторону, устремлялось по пути благородныхъ цѣлей, въ тѣ области, гдѣ нѣтъ враждебной людской тѣсноты, и гдѣ всѣмъ свободно и привольно. Вѣдь, отстраняя личный интересъ, вы неминуемо приходите къ принужденію, къ насилію, къ тираніи. Я рѣшительно не понимаю, какимъ образомъ люди, какъ будто горячо любящіе свободу, отдаются мечтѣ о жизненномъ укладѣ, при которомъ индивидъ совершенно теряетъ возможность распоряжаться собою?

— Да что вы тутъ поете о свободѣ!—воскликнулъ токарь Филиппъ, вѣрный другъ отсутствовавшаго Джіакомо.—Ахъ, свобода мысли, слова, ассоціацій! Да на что она, эта свобода, когда ее нельзя реализировать? Довольно болтать глупости. Надо все перевернуть вверхъ дномъ. Пролетарію нечего терять, кромѣ цѣпей, а выиграть онъ можетъ все. Пусть будетъ хаосъ и разрушеніе. Надо похоронить старый міръ и ничего не брать изъ него, уходя... Ненависть горитъ въ нашихъ жилахъ, и нѣтъ у насъ жалости къ эксплуататорамъ всѣхъ возрастовъ и половъ!

Этотъ вопль озлобленія, безъ малѣйшаго проблеска критической мысли и сдерживающаго, человѣчнаго чувства, воспламенилъ толпу, и патеру пришлось удалиться подъ шумъ криковъ этихъ людей, жалкихъ своимъ невѣжествомъ и убогой душевной нищетой.

IX.

Въ тотъ вечеръ, когда Бенуа пробовалъ объясняться съ несговорчивой паствой, Мадлэна Бренъ гуляла по своей любимой дорогѣ, соединяющей деревни Антиньякъ и Мустиконъ. Тутъ узкое бѣлое полотно шоссе идетъ по ребру горы. Справа дорогу затѣняютъ могучими вѣтвями громадныя елки; безчисленная колоннада стройныхъ деревьевъ круто уходитъ вверхъ, по уступамъ скалъ, и исчезаетъ въ вышинѣ. Слѣва вытягивается рядъ тонкихъ, молодыхъ сосенъ, сквозь которыя, словно сквозь прозрачную рѣшетку, зеленѣетъ приволье раскинувщихся внизу луговъ.

Мадлэна тихо шла, вдыхая ароматъ сосны и хвои и прислушиваясь къ щебету птицъ. Пернатое царство заканчивало свой вечерній гимнъ, радуясь прошедшему дню и не думая о завтрашнемъ. Духъ мира, вѣявшій отовсюду, проникалъ въ наболѣвшую душу молодой женщины и сообщалъ ей непривычное легкое чувство покоя и беззаботности.

Она уже возвращалась домой, когда впереди, въ просвѣтѣ между деревьями, мелькнула фигура Ландри, мчавшагося на велосипедѣ. Лѣсничій замѣтилъ Мадлэну и, снявъ шляпу, съ радостной улыбкой, поѣхалъ на встрѣчу; потомъ онъ сдѣлалъ ловкій поворотъ, соскочилъ съ велосипеда и пошелъ рядомъ.

— Здравствуйте, какъ поживаете?—весело сказалъ онъ. — Васъ нигдѣ не видно. Вы--какъ спящая красавица въ заколдованномъ лѣсу.

— Ну, гдѣ ужъ тамъ спящая въ заколдованномъ лѣсу! — возразила Мадлэна ему въ тонъ.—Вокругъ нашего дома такой стукъ машинъ, что не до сна.

— Я хотѣлъ сказать, что вы рѣдко показываетесь, какъ... зимнее солнышко.

— Откуда у васъ столько поэзіи? Мнѣ кажется, вамъ были бы больше къ лицу метафоры изъ... поваренной книги.

— Вотъ прекрасно! Вы намекаете на мой, всѣмъ извѣстный аппетитъ? Но развѣ я виноватъ, что природа дала мнѣ здоровыя челюсти и зубы?

— Ахъ, не говорите о зубахъ... въ лѣсу! Мнѣ вспоминается несчастье, которое принесъ разговоръ о зубахъ Красной Шапочкѣ.

— Вы боитесь, что я васъ съѣмъ? Признаюсь, въ данномъ случаѣ, я бы дорого далъ, чтобъ быть волкомъ. Но я не волкъ Во мнѣ нѣтъ мрачности. Я люблю веселье.

— Воображаю веселье въ вашемъ лѣсномъ гнѣздѣ!

— Почему же нѣтъ? Мой домикъ восхитителенъ. Кругомъ шумятъ дружески надвинувшіяся деревья. Граціозныя елки, какъ вѣрныя рабыни, заглядываютъ ко мнѣ въ окна и навѣваютъ чудныя грезы, когда я сплю.

— Хотѣла бы я знать ваши сновидѣнія!.. Вѣроятно, все безчисленныя проглоченныя Красныя Шапочки.

— Не стану спорить, иной разъ, дѣйствительно, во снѣ проносятся гирлянды прелестныхъ головокъ, хороводы чудныхъ образовъ.

— Не хвастайтесь, сознайтесь, что въ этихъ гирляндахъ и хороводахъ немало косоглазыхъ и кривобокихъ.

— Это ничего, въ общей массѣ букета все выходитъ очаровательно.

— Во всякомъ случаѣ, безпокойные сны.

— Нисколько! Я просыпаюсь бодрымъ, подъ птичій щебетъ, и самъ свищу не хуже любого дрозда... Нѣтъ, вотъ что, навѣстите меня въ моей лѣсной глуши. Вѣдь это совсѣмъ близко. Вотъ тропинка, три-четыре минуты хода.

— Благодарю васъ, мы съ мужемъ давно собираемся зайти къ вамъ.

— Ну, вотъ, съ мужемъ! Къ чему такая оффиціальность! Вы просто, безъ церемоніи, гуляя...

— Какая несносная привычка у васъ—говорить, не думая.

— Я пробовалъ думать, но выходитъ хуже. Все лучшее въ жизни—необдуманное, нечаянное.

— До свиданія, лѣсной человѣкъ,—сказала Мадлэна, кивнувъ ему головой и поворачивая на дорожку, спускавшуюся короткими зигзагами къ деревнѣ.

— До свиданія. А я все-таки буду ждать васъ,—отвѣчалъ лѣсничій, глядя ей вслѣдъ.

— Послушайте, г. Ландри,—обратилась къ нему Мадлэна,—мнѣ не нравится вашъ цинизмъ, отсутствіе стыда.

— Охъ, стыдъ!.. Я не настолько эгоистъ, чтобъ быть стыдливымъ.

— Это еще что за философія?

— Ну, разумѣется, стыдъ коренится въ эгоизмѣ. Одинъ кономистъ прекрасно объяснилъ, что сущность стыда, какъ и всего на свѣтѣ, въ интересѣ. Стыдъ водворился въ сердцахъ женщинъ съ того дня, когда онѣ поняли, что ихъ красота представляетъ собою цѣнность въ точномъ смыслѣ слова, то есть нѣчто такое, что можетъ быть обмѣнено на разныя блага, Такимъ образомъ, стыдъ—инстинктъ собственности, инстинктъ

защиты цѣнности. И въ самомъ дѣлѣ, обратите вниманіе на то, что разъ мѣна состоялась,—стыдъ исчезаетъ. Его ужъ нѣтъ, когда, путемъ ли брака, или просто любви, благо получено въ обмѣнъ. Бальзакъ отлично сказалъ, что между любящими нѣтъ стыда. То же самое мы видимъ, когда происходитъ обмѣнъ на здоровье: самая стыдливая женщина обнажается передъ докторомъ. Или когда дѣло идетъ о кускѣ хлѣба. Вспомните извѣстную очаровательную и скромную Марію Ренаръ, которая позировала у художниковъ, ради своей больной матери.

— Охъ, мнѣ что-то знакомы эти разсужденія!.. Признайтесь, вы повторяете болтовню Марселя Прево изъ „Фигаро"?

— Я не претендую на творчество. Я вообще охотно предоставляю своимъ ближнимъ шить мнѣ сапоги, печь хлѣбы, высиживать счастливыя мысли. Пусть трудятся на мою потребу. Я похваливаю, подбадриваю и пользуюсь тѣмъ, что мнѣ годится.

— Вы думаете, что это очень величественно, барственно? Но вѣдь и домашнія животныя питаются изъ корыта, которое имъ приготовили другіе.

— Ужъ если дошло до такихъ сравненій, то я скажу вамъ прямо, что желалъ бы больше походить на животныхъ у корыта, чѣмъ на вола подъ ярмомъ... Главный же выводъ изъ разговора для меня такой, что въ вашемъ обществѣ не задремлетъ ни умъ, ни сердце. Охъ, особенно сердце!

— Прощайте, лѣсной человѣкъ...

X.

На другое утро Ландри, зайдя къ патеру, засталъ его въ дурномъ расположеніи духа.

— А вы все миссіонеротвуете? Бросьте!—сочувственно сказалъ онъ и, желая разсѣять Бенуа, прибавилъ.—Впрочемъ, я и самъ намѣреваюсь вступить на путь благотворенія.

— Что же вы предполагаете дѣлать?—разсѣянно спросилъ патеръ.

— Я думаю заняться утѣшеніемъ одной скучающей жены... Вчера я встрѣтилъ госпожу Бренъ и приглашалъ ее посѣтить мою отшельническую келью. Мнѣ кажется, что она кончитъ тѣмъ, что возьметъ протянутую ей руку помощи.

При этихъ словахъ, сердце молодаго патера безсознательно сжалось, и онъ сказалъ, укоризненно качая головой:

— Зачѣмъ это? Зачѣмъ?.. Надо уважать семью, надо беречь священный огонь домашняго очага.

— О, очагъ! Устарѣло это, дорогой патеръ! Нѣкогда „домъ", правда, былъ чѣмъ-то обособленнымъ, цѣлостнымъ, самодовлѣющимъ, гдѣ жена являлась жрицей и хранительницей священнаго огня. Но все это прошло. Теперь эти „кустарные" порядки отходятъ въ сторону. Какія дѣла теперь дѣлаются въ домѣ? Прядутъ ли тамъ шерсть? Пекутъ ли хлѣбы? Я увѣренъ, что скоро люди совсѣмъ переберутся на жительство въ общіе отели. Погасаютъ огни очаговъ и нечего тамъ беречь. Я уже давно замѣчалъ, куда клонится дѣло, а теперь такой взглядъ на очагъ становится популярнымъ. Я нашелъ его, между прочимъ, даже въ юмористической статейкѣ англичанина Джерома.

— А дѣти?—замѣтилъ патеръ.

— Что-жъ дѣти? И тутъ „кустарное" воспитаніе смѣняется инымъ. Ужъ и теперь часто нѣсколько семействъ соединяются въ общій кружокъ, и матери, по очередному дежурству, наблюдаютъ за общими дѣтьми. Современемъ кормленіе и воспитаніе дѣтей перейдетъ къ спеціалистамъ, какъ въ „Республикѣ" Платона... Такъ-то, дорогой аббатъ! Защищать очагъ все равно, что защищать промышленность убогихъ мазанокъ, когда рядомъ поднимаются грандіозныя фабричныя зданія.

— Вамъ не жаль уюта прежней жизни?

— Знаете ли, господинъ аббатъ, порядочно душно бывало въ этихъ уютныхъ домашнихъ уголкахъ. Легкія современнаго человѣка требуютъ вентиляціи, свѣжаго воздуха, простора. Да и пустое дѣло—плакать о томъ, что прошло. На мѣстѣ опадающихъ листьевъ выростаютъ новые. Все по непреложнымъ законамъ эволюціи!

Бенуа покачалъ головой и промолвилъ:

— Удивительное время мы переживаемъ. Съ одной стороны, какъ будто крайняя любовь къ свободѣ, а съ другой — вѣра въ непреложные законы эволюціи. Но преклоненіе передъ неумолимымъ рокомъ—вѣдь это же истинное рабство, полное безличія и безсилія. Вѣдь тиранія рока въ тысячу разъ хуже тираніи самаго ужаснаго изъ деспотовъ. Тиранія деспота вызываетъ на борьбу, будитъ энергію, а мертвый гнетъ эволюціи совершенно стираетъ человѣческую личность. Съ эволюціей нельзя бороться, противъ нея ни къ чему усилія, благородный порывъ души, подвигъ.

— Потому то я и поднимаю, не мудрствуя лукаво, кубокъ въ честь текущаго солнечнаго дня.

— Веселье рабовъ!

— Нѣтъ, это только трезвое пониманіе условій жизни и отсутствіе нелѣпаго донкихотства.

— Но вы ошибаетесь, господинъ Ландри. Человѣчество вовсе не похоже на какую-нибудь планету, движеніе которой напередъ и разъ навсегда опредѣлено данной круговой линіей. Человѣчество въ каждомъ шагѣ впередъ участвуетъ само, создавая себѣ руководящіе идеалы лучшей, желательной жизни.

— Ну, это поэзія. Я предпочитаю просто жить и веселиться.

— Но, вѣдь, это также поэзія, только, простите меня, убогая.

— Дѣло вкуса, господинъ аббатъ. Развѣ вы можете доказать, что мой идеалъ хуже другихъ?

— Доказать я не могу, но войдите въ духовный міръ людей иного склада, людей вдумчивыхъ, съ широкимъ сердцемъ, съ глубокой мыслью. Познакомьтесь съ поэзіей долга и она васъ увлечетъ.

— Нѣтъ, не увлечетъ. На днѣ вдумчивой поэзіи всегда горькій осадокъ. А веселая застольная пѣсня никогда не измѣнитъ. Она все искрится и играетъ въ ясномъ воздухѣ... Знаете ли, любезный аббатъ, я чувствую къ вамъ симпатію и мнѣ грустно думать, что вамъ грозитъ куча разочарованій.

— Ахъ, вы грустите о моей участи?—воскликнулъ съ улыбкой Бенуа.—Но вы такимъ образомъ измѣняете своей философіи безпечнаго веселья?

— О, не безпокойтесь, моя грусть легка, какъ паръ. Она меня не разоритъ.

Когда лѣсничій ушелъ, Бенуа съ состраданіемъ смотрѣлъ въ окно на его удалявшуюся фигуру. Этотъ человѣкъ надѣется достигнуть счастья, наполняя всю жизнь ловлей летучихъ, вздорныхъ удовольствій! Какимъ чудомъ могло сохраниться такое тощее, урѣзанное жизневоззрѣніе, послѣ вѣковъ христіанской проповѣди, послѣ тысячелѣтій, наполненныхъ усиліями великихъ людей, объяснявшихъ многостороннее богатство Божьяго міра и благородную широту человѣческой души?..

Патеръ взглянулъ на книги своей библіотеки, стоявшія рядами томовъ и томиковъ на полкахъ. Вотъ великіе язычники. Вотъ Сенека, краснорѣчиво убѣждавшій въ необходимости оградить человѣческій разумъ, эту искру Божію, отъ буйной, слѣпой, безчинствующей гидры страстей. Вотъ Эпиктетъ, одинаково презиравшій физическія страданія и наслажденія,—рабъ

и философъ, пѣвшій суровымъ голосомъ „гимнъ Богу". Богу, а не плоти... Вотъ Маркъ Аврелій, императоръ и философъ; съ такимъ вниманіемъ изучавшій свою душу и съ такой радостью находившій въ ней драгоцѣнную жемчужину,—чувство родственной любви къ ближнимъ... Вотъ св. Августинъ, богатырь, совершившій великій подвигъ,—побѣдившій бурю страстей своей африканской натуры и повернувшій свою упрямую волю отъ земныхъ низинъ къ ясной вышинѣ небесной лазури. Вотъ св. Францискъ, съ безхитростнымъ, чистымъ сердцемъ, съ безграничной любовью ко всему живущему на свѣтѣ, отъ человѣка до послѣдней убогой птички, затерянной въ лѣсной глуши... И послѣ всего этого, сводить идеалъ къ какому-то кубку, къ какимъ-то грязнымъ утѣхамъ!

Патеръ возмущался, а между тѣмъ со дна его души просачивалась тревожная мысль. Стоическіе мудрецы оправдывали самоубійство... „Жизнь никого не удерживаетъ, — говорили они.—Цѣною одной царапины ланцетомъ ты можешь получить свободу". Вѣдь это не крикъ жизнерадостности! Напротивъ, это усталый взоръ, успокоительно бросаемый на открытую дверь... Бенуа вспомнилъ взглядъ Августина на исторію человѣчества: эта исторія родилась въ братоубійствѣ, въ крови, пролитой Каиномъ, и съ тѣхъ поръ идетъ, среди крови, несчастія, страданій... Патеръ вспомнилъ предсмертный грустный вздохъ св. Франциска... Потомъ мысль Бенуа скользнула по фактамъ ближайшей среды. Мятущаяся въ жалкомъ озлобленіи душа Джіакомо, унылое доктринерство Ригобера, неисходная бѣда, нависшая надъ домикомъ Бюрте, хроническая мука у Бреновъ, противное пыхтѣніе скрытой борьбы между мэромъ и Переномъ... И на этомъ печальномъ фонѣ выдвигается фигура одного лѣсничаго, который заявляетъ, что онъ счастливъ, потому что ни во что не желаетъ вдумываться и ни къ чему не хочетъ относиться серьезно!.. Но подожди, хвастливый счастливецъ, у тебя есть соперникъ, далеко опередившій твое благополучіе. Твое счастье искусственно, а потому можетъ въ одинъ прекрасный день измѣнить, а его счастье натурально. Ты не хочешь ни о чемъ задумываться, а онъ не можетъ... Въ воображеніи патера ясно выступалъ обликъ сына госпожи Бюрте, съ его вѣчно довольнымъ лицомъ, съ его вѣчно радостной улыбкой. Бенуа вспомнилъ его вѣчно счастливое: „гы-гы!"—раздававшееся диссонансомъ среди окружающей жизни, съ ея скрытыми вздохами и полуподавленными стонами...

Неужели мученія составляютъ, дѣйствительно, неизбѣжный удѣлъ человѣчества? Неужели оно осуждено переходить отъ

недовольства настоящимъ къ будущему, чтобъ быть недовольнымъ этимъ будущимъ, когда оно станетъ настоящимъ, и устремляться съ тѣмъ же успѣхомъ къ новому будущему? Не обращается ли въ такомъ случаѣ служеніе людямъ въ Сизифову работу?.. Патеру опять пришли на память слова врача у постели Андрэ: „вылечить не беремся, но мы можемъ облегчать страданія". Конечно, эта формула скромна, но, если нѣтъ лучшей, то не приходится ли остановиться на ней? Если человѣкъ вѣрно и честно пройдетъ свой жизненный путь подъ этимъ девизомъ и если на его могильной плитѣ будетъ вырѣзано: „онъ не далъ людямъ счастья, но облегчалъ ихъ страданія", то и эта эпитафія не слишкомъ позорна..

XI.

Отношенія между рабочими и фабрикой все больше обострялись. Въ виду этого, патеръ рѣшилъ однажды вечеромъ пойти къ управляющему и попытаться склонить его къ смягченію конфликта. Несмотря на то, что Октавъ принялъ его довольно сухо, Бенуа тотчасъ же приступилъ къ дѣлу.

— Рабочіе неспокойны, господинъ Бренъ,—сказалъ онъ.— Броженіе не прекращается, недовольство растетъ.

— Да, мнѣ это извѣстно,—раздраженно отвѣчалъ Октавъ.— Я приму свои мѣры. Итальянскій бродяга, Джіакомо, уже получилъ расчетъ, хотя все еще, какъ мнѣ говорили, проживаетъ въ деревнѣ.

— Вотъ именно о мѣрахъ я бы и хотѣлъ поговорить, господинъ Бренъ... Для леченія болѣзни, прежде всего надо знать ея причины.

— Какія же причины?—перебилъ Октавъ.—Причина тутъ одна—распространеніе зажигательныхъ ученій, стремящихся перевернуть вверхъ дномъ все на свѣтѣ. Науськиваніе пролетаріата на „гнилые" устои общества.

Онъ иронически подчеркнулъ слово „гнилые".

— Нельзя не сознаться,—возразилъ Бенуа,—что это общество не безукоризненно. Въ немъ, дѣйствительно, есть рѣжущіе контрасты между тяжкимъ трудомъ и возмутительной праздностью, между вопіющей бѣдностью и безстыдной роскошью... Нравственные принципы у насъ расшатаны, сила нерѣдко переходитъ въ насиліе, культъ золотого тельца ослабляетъ чувство долга, чести, патріотизма. Деньги часто окружаютъ ореоломъ недостойныхъ людей и клеймятъ презрѣніемъ

хорошихъ. Капиталисты иногда обнаруживаютъ слишкомъ много эгоизма, вступаютъ въ соглашенія, вредныя для общества, создаютъ разные тресты...

— Ахъ, ты, Боже мой!—воскликнулъ Бренъ.—Я прекрасно знаю все это. Я знаю, что наше общество перепачкано грязью всевозможнаго мошенничества, шалопайства, пошлости и холопства. Я знаю это и едва ли кто больше меня желалъ бы выбросить вонъ всю эту мерзость. О, намъ нужна огромная и безпощадная метла! Но изъ этого-то сознанія и вытекаетъ моя злоба къ нынѣшнимъ зажигательнымъ ученіямъ. Они мѣшаютъ очисткѣ, они создаютъ смуту, въ которой отлично укрывается всякая нечисть. Гдѣ ужъ тамъ срывать маски фальшиваго величія, хватать на мѣстѣ преступленія слишкомъ длинныя руки, бить по физіономіи зазнавшуюся наглость, плевать на лукавое холопство, когда подъ всѣ углы общественнаго зданія подкладываются бомбы! Если въ домѣ пожаръ, то тутъ ужъ не до того, чтобы производить ремонтъ, покраску, побѣлку, вентиляцію, дезинфекцію... Вотъ результатъ нелѣпыхъ химеръ, которыя проповѣдываются разными идіотами!

— Если нынѣшнія ученія—химеры,—сказалъ патеръ,—то мѣра борьбы съ ними совершенно ясна. Нужно раскрыть ихъ ошибочность... Почему бы вамъ, господинъ Бренъ, не объяснить своимъ рабочимъ, что внушенія, которыми ихъ смущаютъ, не выдерживаютъ здравой критики?

— Вы очень наивны, господинъ аббатъ, — саркастически разсмѣялся Октавъ. — Внѣ всякаго сомнѣнія, что отъ всѣхъ этихъ зажигательныхъ брошюръ и прокламацій вѣетъ поразительнымъ скудоуміемъ. Несомнѣнно, что онѣ не имѣютъ солидныхъ опоръ ни въ экономической, ни въ какой другой наукѣ, но неужели вы думаете, что передъ нами происходитъ какое-то академическое исканіе истины? Ха-ха! Нѣтъ, господинъ аббатъ, тутъ не что иное, какъ свалка, война, осада нашей цивилизаціи. Это даже не борьба между общественными классами. Какіе у насъ классы, когда ходъ вещей уже давно перетрясъ общество, какъ мѣшокъ съ орѣхами? Передъ нами возстаніе враговъ современной культуры, желающихъ смести ее съ лица земли. Здѣсь дѣло вовсе не въ какихъ-нибудь новыхъ научныхъ открытіяхъ, не въ ложныхъ или вѣрныхъ новыхъ теоріяхъ. Движеніе стимулируется не силлогизмами или софизмами разума, а просто голоднымъ аппетитомъ и нагрѣвшейся до бѣлаго каленія завистью. Вы знаете, on ne souffre également que du bonheur des autres... Я увѣренъ, что тѣ изъ нынѣшнихъ вожаковъ, которые не безнадежно глупы, пони-

маютъ, что нельзя достигнуть равенства богатства, но они надѣются, по крайней мѣрѣ, добиться равенства бѣдности. Если не мнѣ, такъ никому! Надо создать, какъ видите, власть, которая бы опрокинула нашу цивилизацію и наградила побѣдителей тѣмъ, что будетъ отнято у побѣжденныхъ. Тимуръ и Чингисханъ не говорили ничего другого, когда вели свои полчища. Вы понимаете всю общепонятность, а слѣдовательно, и силу этихъ кличей? На нихъ съ восторгомъ отзываются толпы всякаго рода неудачниковъ, число которыхъ въ наше время страшно возрасло. Ихъ становится съ каждымъ днемъ больше, потому что высокая и сложная культура тяжела для лѣнтяевъ и бездарностей. И неудачники плодятся повсюду, въ промышленности, въ торговлѣ, въ наукѣ, искусствѣ, ремеслахъ. А тутъ мы сами еще плодимъ искусственно неудачниковъ своими предразсудками и школьными порядками. У насъ легіоны баккалавровъ, лицеистовъ, не нашедшихъ мѣста въ жизни, а потому и недовольныхъ. Недовольные же недоучки—худшіе изъ недовольныхъ. Они особенно страстно ненавидятъ міръ, не признающій ихъ талантовъ. Маратъ, Сенъ-Жюстъ, Робеспьеръ были превосходными типами такого рода непонятыхъ полуученыхъ... Вы спросите, почему наши дипломники не идутъ на полезную работу, въ промышленность, въ торговлю, въ ремесло? На это двѣ причины. Во-первыхъ, они неспособны. Наши школы приготовили ихъ только къ легкому бюрократическому труду. Во-вторыхъ, надо считаться съ нашими предразсудками. Мы—демократы, но въ насъ живетъ неизлечимое презрѣніе къ ручному труду. Самый послѣдній чиновникъ бюро, какой-нибудь почтовый экспедиторъ считаетъ себя выше механика или наборщика, хотя, разумѣется, чтобъ быть механикомъ или наборщикомъ, нужно больше ума и таланта, чѣмъ для канцелярскаго писанія. Примите во вниманіе преимущество, которое у насъ имѣетъ сюртукъ надъ блузой. Ахъ, еслибы устранить престижъ пиджака и сюртука, это бы дало Франціи гораздо болѣе важную реформу, чѣмъ всѣ конституціи, которыя писались у насъ за послѣднее столѣтіе разными адвокатами безъ практики!

Октавъ засмѣялся, поблескивая злыми глазами, потомъ продолжалъ:

— Къ этой арміи неудачниковъ присоединяются ряды всякаго рода неприспособленныхъ и вырождающихся личностей,— алкоголиковъ, рахитиковъ, неврастениковъ, эпилептиковъ и такъ далѣе. Мы сберегаемъ, по добротѣ души, толпу существъ, осужденныхъ природою на уничтоженіе. И вотъ, — истинная

иронія хода дѣлъ! — за наши гуманныя заботы, эти полувылеченные, съ ядомъ въ крови, плодятся, отравляютъ собою общество и комплектуютъ силы нашихъ враговъ. Такимъ-то образомъ формируется волна, поднимающаяся надъ нашей цивилизаціей. Какова бы ни была внутренняя дрянность этой волны, отъ того не уменьшается опасность. Вѣдь и дѣтская рука можетъ сжечь величайшее сокровище искусства, на которое потребовался трудъ вѣковъ. Варвары, осаждавшіе древній Римъ, были менѣе опасны, потому что наши варвары находятся въ нашихъ стѣнахъ.

— Но, господинъ Бренъ, что же вытекаетъ изъ всего, что вы сказали?—спросилъ патеръ.

— А вотъ что. Наша цивилизація представляетъ собою крупную цѣнность. Конечно, она не безъ пятенъ, но, во всякомъ случаѣ, въ ней есть идеи, принципы, вѣрованія и учрежденія высокой цѣны. И никакъ нельзя допустить, чтобы это наше дорогое, наслѣдственное достояніе было смыто мутною волною. Слѣдовательно, намъ нужно дружно и всѣми силами подняться на защиту его. Это ясно, какъ день, а между тѣмъ этого какъ будто не понимаютъ люди, стоящіе на стражѣ нашей культуры. Они обнаруживаютъ нерѣшительность, словно сами сомнѣваются въ правотѣ своего дѣла. Они во что бы то ни стало хотятъ сохранить миръ, но вѣдь это именно вѣрный путь къ жестокой войнѣ. Они дѣйствуютъ ощупью, боязливо, словно надѣясь спастись сдѣлками всякаго рода, но они забываютъ, что самая глупая политика—полумѣры, компромиссы, желаніе угодить всѣмъ. Въ жизни слабость характера обыкновенно карается сильнѣе, чѣмъ преступленія. Въ современной буржуазіи гнѣздится болѣзнь: „je m'enfichisme", скептическое равнодушіе, и трудно сказать, кто худшіе враги общества, тѣ ли, кто нападаетъ на него, или тѣ, которые не хотятъ потрудиться на его защиту... Нѣтъ, довольно. Довольно уступчивости и компромиссовъ съ врагами цивилизаціи. Довольно гипнотизировать себя нелѣпыми двусмысленностями, довольно считать вора—человѣкомъ извѣстныхъ экономическихъ взглядовъ, а проповѣдника убійства — политическимъ дѣятелемъ, законно пользующимся свободой мысли и слова. Нѣтъ, преступникъ есть преступникъ, и общество не можетъ его терпѣть. Теперь во Франціи, да и во всемъ свѣтѣ, могутъ быть только двѣ партіи: партія порядка и партія безпорядка, и нѣтъ для этихъ партій почвы для соглашенія. Пока невѣжественныя массы, поднимаемыя хитрецами или психопатами, будутъ терроризовать общество, до тѣхъ поръ немыслимы ни-

какія мѣры къ улучшенію жизни, никакія реформы, никакія духовныя обогащенія. Довольно этой затянувшейся игры.

— Господинъ Бренъ, ваши слова звучатъ слишкомъ жестко,—возразилъ Бенуа.—Конечно, нельзя бросать цивилизацію на жертву людямъ, которые хотятъ ее разрушить и не имѣютъ ровно ничего лучшаго, чѣмъ ее замѣнить. Надо защищаться стойко, но безъ жестокости, безъ катастрофъ. Для чего общественнымъ классамъ обмѣниваться укорами? Вѣдь Богъ знаетъ, кто больше заслуживаетъ горькихъ упрековъ: эгоизмъ ли буржуазіи, или крайности ея враговъ? Эти, правда, опьянѣли отъ новаго вина, но и тѣ до сихъ поръ подъ парами... кислаго вина старыхъ привиллегій. Пусть аристократія ума и труда войдетъ благожелательно въ суть дѣла. Общественная жизнь—сѣть интересовъ, связывающая всѣ классы. Всякое мудрое улучшеніе въ бытѣ рабочаго народа составляетъ общій прогрессъ. Не упорствомъ съ одной стороны и не насиліями съ другой устранится распря и разрѣшатся проблемы, мучащія вѣкъ. Не надо разрывать нити, нужно распутывать ихъ общими силами... Не слѣдуетъ забывать, господинъ Бренъ, что любовь сильнѣе силы, а жалость выше справедливости.

— Ахъ, жалость!—воскликнулъ Октавъ.—Вотъ оно, ненавистнѣйшее чувство! Развѣ вы не знаете, что это чувство всегда приводило къ бѣдствіямъ? Развѣ ваши средневѣковые предки не тащили еретиковъ на костеръ, изъ жалости, чтобы спасти ихъ души отъ ада?.. Жалость, какъ ржавчина, разъѣдаетъ все. Великую услугу человѣчеству оказало бы Божество, еслибы разомъ истребило всю проклятую породу филантроповъ. Жалость! Да вѣдь именно она отравляетъ современную литературу, искусство, жизнь. Именно она отнимаетъ здравый смыслъ и мужество у многихъ нынѣшнихъ защитниковъ цивилизаціи. „Ахъ, бѣдные грабители! Несчастные воры, убійцы!"—стонемъ мы, а эти страдальцы тѣмъ временемъ наступаютъ намъ на горло... Я удивляюсь, неужели вы не видите, что современная слезливая сантиментальность, какъ двѣ капли воды, похожа на ту чувствительную гуманность, которая разсиропила правящіе классы передъ революціей и привела къ террору и Наполеону? Тогда тоже все жалѣли, пока гильотина не доказала, что въ борьбѣ нужно защищаться.

— Но, господинъ Бренъ,—возразилъ патеръ,—отбрасывая гуманность и жалость, вы измѣняете той самой цивилизаціи, которую защищаете. Гуманныя идеи и чувства, несомнѣнно, драгоцѣннѣйшій перлъ въ вѣнкѣ нашей культуры.

— Все хорошо на своемъ мѣстѣ,—рѣзко сказалъ Октавъ.

На этомъ разговоръ окончился. Бренъ простился съ патеромъ такъ же сухо, какъ и встрѣтилъ его.

XII.

Когда Бенуа проходилъ полянкой, у дома управляющаго, къ нему подошла Мадлэна, очевидно, поджидавшая его. Она сейчасъ же начала жалобы на невыносимую тяжесть своей жизни. Непріятности не уменьшаются. Напротивъ, онѣ растутъ съ каждымъ днемъ. Нисколько не помогаетъ и то, что нѣтъ никакихъ внѣшнихъ причинъ для ссоры. Подозрительность „этого человѣка“ переходитъ всякія границы.

— Знаете ли, дорогой аббатъ,—наконецъ сказала она,— этотъ человѣкъ даже подозрѣваетъ... Онъ ревнуетъ меня къ вамъ...

Эти слова какъ будто толкнули патера въ грудь. Онъ пошатнулся и воскликнулъ съ испугомъ, вспыхнувшимъ въ его чудныхъ, кроткихъ глазахъ:

— Великій Боже!..

Затѣмъ онъ опустилъ голову и тихо промолвилъ:

— Вѣдь я—монахъ.

— Да... вы—монахъ,—какъ эхо, повторила Мадлена, также опуская лицо, обычная блѣдность котораго разомъ еще болѣе усилилась.

Бенуа поклонился и скорыми шагами пошелъ домой. Запершись въ своей комнатѣ, сидя за маленькимъ столикомъ, передъ распятіемъ изъ чернаго дерева и слоновой кости, онъ погрузился въ тревожныя мысли, которыя поднялись и вихремъ закружились въ его головѣ отъ словъ Мадлены. Провѣряя все свое знакомство съ молодой женщиной, онъ съ ужасомъ увидѣлъ, что это знакомство окутано какою-то сомнительною атмосферою. Что же это? Значитъ, Бренъ не совсѣмъ не правъ въ своихъ подозрѣніяхъ? Значитъ, онъ имѣетъ основаніе преслѣдовать свою жену упреками и порицаніями?..

Задавшись этими вопросами, Бенуа тотчасъ же, съ внезапнымъ приливомъ горячаго чувства, рѣшилъ ихъ отрицательно. Нѣтъ, нѣтъ, этотъ человѣкъ не правъ! Онъ хочетъ добиться юбви насиліемъ, суровой требовательностью, мстительными ками. Какъ Моисей добылъ изъ камня воду, такъ Бренъ наѣется палкой выбить родникъ любви. Надо быть слѣпымъ и кестокимъ человѣкомъ, чтобы пускать въ ходъ такіе негодные пріемы. Мягкія чувства не рождаются на пыткахъ. Кто хочетъ видѣть глаза любимаго существа ласково устремленными на

себя, тотъ долженъ окружить это существо свѣтлымъ, легкимъ воздухомъ ласки, открытой довѣрчивости, безхитростной преданности...

Въ воспаленной мысли Бенуа ярко рисовалась цѣлая программа отношеній. Безсознательно онъ ставилъ себя на мѣсто Октава и создавалъ въ воображеніи идеальный союзъ, въ центрѣ котораго помѣщалась Мадлена. Полное единеніе проникаетъ жизнь двухъ людей, которые любовью сливаются въ одно духовное нераздѣльное цѣлое. Всѣ мысли и чувства одного находятъ отзвукъ и дополненіе въ душевныхъ струнахъ другого. Двойная впечатлительность для воспріятія радостей, двойныя силы для бремени несчастья. Конечно, могутъ быть минутныя размолвки, но онѣ—словно красивыя тучки, быстро проносящіяся мимо солнца. Нужно видѣть, что происходитъ въ томъ случаѣ, когда одного изъ нихъ постигаетъ бѣда! Другой на крыльяхъ летитъ на помощь, готовый лечь костьми. И эта готовность самопожертвованія не проглатывается любящимъ человѣкомъ, какъ желудь грубымъ животнымъ, а глубоко цѣнится, вызывая сердечное рукопожатіе или слезу молчаливой благодарности. Такимъ образомъ преданность мягко перевивается съ благодарностью, память о прежнемъ счастьѣ примыкаетъ къ настоящему благополучію и сливается съ бодрой увѣренностью въ будущее. Все это вмѣстѣ обращаетъ жизнь въ сладостно-плѣнительный потокъ блаженства...

Убаюканный такими мечтами, Бенуа вдругъ очнулся. Боже милостивый, откуда взялись эти грезы? Развѣ имъ мѣсто въ душѣ монаха?..

Услужливыя лукавыя соображенія поспѣшили ему на помощь. Что же тутъ дурного? Какой грѣхъ въ дружеской симпатіи къ ближнему, все равно, мужчина или женщина этотъ ближній? Развѣ запрещено любоваться св. Цециліей и соединять гимнъ своей души съ ея небеснымъ гимномъ? Что дурного въ дружественной перепискѣ Абеляра и Элоизы? Развѣ не имѣлъ св. Францискъ въ св. Кларѣ преданнаго, нѣжнаго товарища по высокому, святому труду?..

Но честность Бенуа не позволила усыпить себя лукавымъ доводамъ. Нѣтъ, здѣсь не ближній и не дружба. Тутъ что-то совсѣмъ другое, гораздо менѣе чистое. Тутъ не полетъ къ небу, а напротивъ, паденіе въ грязь земныхъ вожделѣній. Да, несомнѣнно, это—паденіе... Сердце Бенуа заметалось въ ужасѣ и его взоръ съ отчаяніемъ устремился на распятіе. Онъ искалъ подъ его сѣнью защиты отъ страстей, ворвавшихся въ душу, какъ средневѣковый путникъ искалъ спасенія отъ разбойни-

ковъ, припадая къ придорожному кресту. Бенуа спѣшилъ погрузиться въ молитву, онъ старался воскресить передъ собой видѣнія, наивныя, дорогія видѣнія дѣтскихъ лѣтъ: разверзшееся небо и тамъ лучезарные образы, взирающіе съ снисхожденіемъ на людскія немощи, кроткій ликъ Заступницы за всѣхъ пошатнувшихся на жизненномъ пути, за всѣхъ скорбящихъ.

Мало-по-малу душевная буря патера улеглась. Онъ чувствовалъ въ себѣ свѣжее вѣяніе возвращавшейся чистоты и смотрѣлъ на распятіе съ благодарностью, съ не обсохшими еще слезами, съ радостью успокоенія, какъ смотритъ выздоравливающій человѣкъ, отъ котораго только что отошла грозная тѣнь опасной болѣзни. И вдругъ, по мѣрѣ того, какъ онъ глядѣлъ, его вниманіе стало сосредоточиваться на внѣшнихъ очертаніяхъ креста. Продольный стержень, перекладины, вверху дощечка, внизу подпорки... Этотъ путеводный символъ христіанства нѣкогда былъ просто инструментомъ пытки, орудіемъ казни. Это—продуктъ человѣческой изобрѣтательности, совершенствующейся техники. Мастеръ, впервые сколотившій крестъ, обнаружилъ много смышлености, таланта. Съ какою находчивостью и пониманіемъ цѣлесообразности онъ размѣщалъ части механизма! Вотъ перекладина, на ней очень удобно прибивать руки; вотъ мѣсто для гвоздей къ ногамъ, наверху доска для надписи, тутъ можно помѣщать имя осужденнаго приговоромъ человѣческой мудрости и справедливости... И на этомъ остроумномъ произведеніи изобрѣтательной техники—окровавленное тѣло Спасителя міра!..

Бенуа съ ужасомъ всплеснулъ руками, и въ его головѣ вспыхнула мысль: не заключаетъ ли въ себѣ этотъ великій символъ, между другими высокими нравственными уроками, еще и предостереженіе противъ увлеченій внѣшнею культурой? И въ самомъ дѣлѣ, развѣ не это увлеченіе всегда сбивало людей съ настоящаго пути? Развѣ не оно привело насъ въ переживаемое время къ тяжелой смутѣ? Вѣкъ пышнаго расцвѣта внѣшней культуры, безчисленныхъ изобрѣтеній, культа физическихъ удобствъ и комфорта, этотъ вѣкъ втянулъ души въ сферу жадности къ матеріальнымъ благамъ, искусственно разжегъ аппетиты и страсти. Въ людяхъ созрѣла наклонность видѣть высшее благо въ удовлетвореніи физическихъ потребностей. Людской потокъ бурно стремится по этому руслу, хотя ошибочность направленія очевидна: странно было бы утверждать, будто накопленіе внѣшнихъ благъ сообщило нашему вѣку ореолъ общаго счастья или привело къ увеличенію суммы

довольства каждой отдѣльной личности. Напротивъ. Матеріальныя блага по своей сущности тѣсны. Накрытый пиршественный столъ никогда не можетъ быть достаточно длиненъ для жадности, не желающей полагать себѣ предѣлы. Количеству драгоцѣнныхъ металловъ и камней всегда существуютъ естественныя границы. Поэтому люди, ломящіеся въ узкія двери внѣшняго благополучія, должны толкать другъ друга, давить и попирать одинъ другого. И вотъ причина той вражды человѣка къ человѣку, которая отравляетъ наши дни. Вотъ причина той мерзкой зависти, которая проникаетъ своимъ ядомъ всю нашу жизнь, сверху донизу, со всѣми ея стремленіями, доктринами, теченіями и настроеніями. И никакая перемѣна мѣстъ за пиршественнымъ столомъ, никакія ухищренія въ раздачѣ порцій не помогутъ людямъ. На этомъ пути насъ могутъ ожидать только завистливыя препирательства, накопляющіяся недовольства, растущая вражда, озлобленная борьба, взаимное истребленіе и смерть.

Изъ эгоистическихъ песчинокъ никогда не сложится зданіе общаго мира. Пока господствуютъ жадные эгоизмы, они разнесутъ вдребезги всякій жизненный укладъ, какой бы ни придумала мудрость самыхъ великихъ мудрецовъ. Есть люди, вродѣ Эмиля Зола, окончательно впавшаго передъ смертью въ духовную слѣпоту, которые ожидаютъ, что золотой вѣкъ выйдетъ изъ современности, запятнанной раздоромъ, опозоренной преступленіями, нерѣдко совершаемыми юношами, чуть не дѣтьми. Жестокое заблужденіе! Для возможнаго лучшаго будущаго человѣческая природа должна дать совсѣмъ другіе, совершенно новые побѣги. Людей можетъ спасти, какъ это уже и бывало въ исторіи, только поворотъ душъ въ другую сторону, по направленію къ высшимъ благамъ, гдѣ не нужно спорить изъ-за мѣста, завидовать и враждовать.

Но кто кликнетъ новый кличъ? Кто разбудитъ заснувшіе благородные мотивы? Кто повернетъ напоръ страстей къ чистымъ и вѣрнымъ упованіямъ? Кто укажетъ людямъ высокія цѣли, устранитъ битву соперничества, уврачуетъ остроту вражды и откроетъ возможность очищеннымъ душамъ мирно найти чистую форму общежитія?

Для такого дѣла нужна могучая, сверхчеловѣческая сила, думалъ Бенуа, и въ его сердцѣ болѣзненно отзывалась мысль, что современная, насыщенная нездоровымъ электричествомъ атмосфера разразится страшной грозой. Ложныя тенденціи вѣка дойдутъ до крайняго своего развитія, до очевиднаго абсурда. Борьба и враждебное соперничество приведутъ къ

великимъ несчастьямъ, люди испытаютъ тяжкія бѣды и гложущее разочарованіе на пути своихъ матеріальныхъ вожделѣній. И тогда только глаза всѣхъ откроются, мрачныя тучи недомыслія освободятъ небесный сводъ и оттуда проглянетъ на землю кроткое свѣтило истины.

XIII.

Октавъ Бренъ, разставшись съ Бенуа, долго ходилъ изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Онъ думалъ о забавной идеѣ патера вступать въ разговоры съ рабочими, читать имъ лекціи, съ цѣлью разъясненія ихъ заблужденій. Эта мысль заставляла его саркастически пожимать плечами и презрительно улыбаться. Однако онъ кончилъ тѣмъ, что ко времени перерыва работы на фабрикѣ сошелъ въ главную мастерскую и обратился къ собравшимся рабочимъ съ рѣчью:

— Я знаю, что вы все больше и больше недовольны мною,— громко сказалъ онъ, окидывая взоромъ хмурую аудиторію.— Безъ сомнѣнія, это объясняется тѣмъ, что разные невѣжественные проповѣдники находятъ въ васъ достойныхъ себя учениковъ.

Насмѣшливый ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ рабочихъ.

— Ну, да,—воскликнулъ Бренъ,—эти идіоты напрасно напяливаютъ на себя ученыя тоги. Сквозь дыры этихъ тогъ ясно просвѣчиваетъ тупоуміе, дрянные инстинкты, въ лучшемъ случаѣ—психопатическая сантиментальность. У нихъ вовсе нѣтъ, какъ и у васъ, ни экономическихъ, ни политическихъ знаній, а въ этихъ областяхъ нельзя обходиться произвольными импровизаціями. Ваши проповѣдники путаются въ смутныхъ тезисахъ и неопредѣленныхъ чаяніяхъ, но напрасно вы думаете, что можно построить общество на фикціяхъ, подрываемыхъ каждую минуту фактами. Васъ опьяняютъ призрачныя обѣщанія и вы готовы, со спокойствіемъ невѣдѣнія, увлечь міръ къ погибели. Вы готовы пожертвовать свободой грубымъ фетишамъ, сдѣланнымъ руками идіотовъ или мошенниковъ. Вы готовы лѣзть въ ловушку, гдѣ васъ сдавитъ деспотизмъ, какого еще не бывало на свѣтѣ. Мы можемъ судить объ этомъ будущемъ блаженствѣ хотя бы, напримѣръ, по той цѣпкости, съ которой существующіе синдикаты хватаютъ за горло каждаго, кто позволяетъ себѣ уклониться на-волосъ отъ общей команды!.. Появлялись уже ласточки возвѣщаемой весны. Уже пробовали организоваться ячейки будущаго блаженства, съ

точнымъ указаніемъ дней и часовъ для отправленія супружескихъ обязанностей и съ колоколомъ, который долженъ подавать для этого сигналъ... Я ставлю вамъ на видъ, что еслибы мечты вашихъ проповѣдниковъ осуществились, то Францію немедленно постигъ бы обычный конецъ: эра цезарей и нашествіе чужихъ народовъ. Изъ дѣла вашихъ учителей ничего не выйдетъ путнаго, потому что это дѣло—паръ, хотя быть можетъ, и кровавый паръ... Когда я читаю волнующія васъ книжки, брошюры и газетки, мнѣ кажется, что я въ Шарантонѣ. Это истинный сумасшедшій бредъ.

Въ заднихъ рядахъ слушателей раздался язвительный смѣхъ токаря Филиппа.

— Ну, да,—сказалъ Бренъ, бросая взглядъ въ его сторону,—и еслибы у васъ была хоть капля критическаго смысла, вы бы видѣли это такъ же, какъ и я. Ужъ не будемъ говорить о мелкихъ мошкахъ, расплодившихся въ сыромъ туманѣ современности, но обратите вниманіе хотя бы на прославленнаго Элизэ Реклю, который ровно ничему не научился изъ своей географіи. Какъ вамъ нравится его этическое ученіе, по которому цѣнность поступка опредѣляется не свойствомъ самаго дѣйствія, а намѣреніемъ? Вѣдь, этакъ я, стремясь, положимъ, ко благу человѣчества, о которомъ имѣю дикое представленіе, совершенно вправѣ грабить, воровать, поджигать, убивать? Какую голову надо имѣть, чтобы изъ добродушнаго географа обратиться въ фанатическаго болтуна и сохранять невинное спокойствіе духа среди безумія и преступленій своихъ учениковъ?.. Не лучше и ваши наставники изъ русскихъ баричей, которые вывезли изъ покинутаго отечества зудъ оскорбленныхъ самолюбій и учатъ васъ мудрости, пріобрѣтенной въ юнкерскихъ и тому подобныхъ школахъ. Господа, я требую отъ васъ только критическаго отношенія къ тому, что вамъ проповѣдуютъ. Когда вамъ говорятъ, напримѣръ, о всеобщемъ равенствѣ, поймите, что тутъ или наивная мистификація, или вопіющая безсмыслица. Или это равенство—простой предлогъ перевернуть общество, верхъ поставить внизъ, а низъ наверхъ; но, господа, центръ тяжести въ обществѣ, какъ и во всякомъ предметѣ, не передвигается по произволу. Или же идея равенства представляетъ собою отрицаніе очевидности. Нельзя равнять лошадь и осла. Ренанъ вѣситъ больше, чѣмъ почтальонъ. Смыслъ человѣка не въ мясѣ и костяхъ, а въ интеллектуальныхъ и нравственныхъ свойствахъ. Человѣческое общество не стадо, которое можно считать по числу головъ. Ваши учителя задаются неисполнимой задачей свести всѣхъ

людей къ среднему типу, обратить общество въ мѣсиво изъ посредственныхъ индивидовъ, умирающихъ въ среднемъ возрастѣ отъ среднихъ болѣзней, изобрѣтенныхъ статистикой. Господа, силу, честь и славу цивилизаціи дѣлаетъ именно, разнообразіе нашихъ способностей, которыя взаимно дополняютъ другъ друга.

Бренъ остановился, ожидая возраженій, но такъ какъ аудиторія мрачно молчала, то онъ продолжалъ:

— Вамъ говорятъ о борьбѣ между общественными классами но какіе же у насъ классы? Это—старое выраженіе, которымъ пользуются лукавые люди для своихъ цѣлей. Въ чемъ разница между буржуа и человѣкомъ такъ называемаго четвертаго класса? Теперь всякій имѣетъ возможность достигать всего, и сыновья крестьянъ становятся президентами республики. Вы укажете на имущественное различіе, но развѣ оно проводитъ между людьми какія-нибудь неподвижныя кастовыя перегородки? Согласитесь, что всѣ мы живемъ на подвижной общественной лѣстницѣ. Никому нѣтъ запрета восходить вверхъ и никто не гарантированъ отъ спуска внизъ. Гдѣ тутъ пропасть между классами, когда всѣ мы стоимъ плечо къ плечу и каждый, по отношенію къ сосѣду, то немного болѣе буржуа, то немного болѣе рабочій?.. Васъ науськиваютъ на буржуазію вамъ говорятъ: „вы работаете, а она наслаждается жизнью“ Но, господа, вѣдь буржуа, которымъ вы завидуете, ваши же братья, они вышли изъ вашихъ же рядовъ трудомъ, талантомъ и сбереженіями. Дверь въ буржуазію не заперта для васъ. Нельзя ломиться туда ни съ чѣмъ, но добросовѣстный трудъ и умъ обезпечиваютъ вамъ почетный пріемъ. Хозяинъ фабрики, на которой мы съ вами работаемъ, началъ съ того что вытачивалъ въ Бріенцѣ фигурки медвѣжатъ по шести су за штуку. Я изо всѣхъ силъ работалъ въ политехнической школѣ, работалъ безъ отдыха, впроголодь, въ то время, какъ нѣкоторые изъ товарищей пьянствовали по кабачкамъ и орали пѣсни о несправедливостяхъ общества. И вотъ я — буржуа, имѣющій несчастье вызывать вашу зависть и вражду, а товарищи-гуляки выглядываютъ изъ-за угловъ Монмартра, въ заплатахъ, въ ливреѣ людей пятаго класса, подозрительно и завистливо косящагося на васъ.

Тутъ Ригоберъ, нахмуривъ брови, возразилъ намѣренно небрежнымъ тономъ:

— Не всегда дѣло въ трудѣ, нечего напрасно говорить... Положимъ, напримѣръ, что человѣкъ, предвидя разростаніе города, пріобрѣлъ подгородній участокъ. Ну, онъ и можетъ

лежать себѣ, куря трубку, и, не пошевеливъ пальцемъ, не принеся ни на сантимъ пользы обществу, онъ въ десять лѣтъ становится богачомъ. Въ новомъ городѣ для него самъ собою выростаетъ дворецъ.

— Конечно, — отвѣтилъ Бренъ, — бываютъ случайности, жизнь не безъ дурныхъ сторонъ, но нельзя же не видѣть, что, говоря вообще, лѣнтяевъ наше время не гладитъ по головкѣ. Лѣнтяй самъ лично, или въ ближайшемъ потомствѣ, осужденъ на гибель. Одинъ трудъ двигаетъ и поднимаетъ.

— Мало толку прославлять трудъ,—замѣтилъ Ригоберъ,— надо вникнуть, въ какія условія онъ поставленъ.

— Да, вы все недовольны условіями своего труда, — сказалъ Бренъ.—Я не врагъ улучшенія этихъ условій, но тутъ необходима точность постановки вопросовъ и внимательное изученіе обстоятельствъ. Ваши же заявленія крайне смутны неопредѣленны и не обоснованы. Напримѣръ, вы добиваетесь отъ меня восьмичасового труда, но я не знаю, откуда взялась эта норма? Почему восемь часовъ, а не девять и не семь? Не потому ли, что это число опредѣлили англійскіе рабочіе союзы? Но въ Австріи высказываются за шесть часовъ, Гиндманъ требуетъ четырехъ часовъ, Лафаргъ—трехъ, а въ Нью-Іоркѣ нѣкій докторъ Жоанъ утверждаетъ, что довольно и одного часа съ половиной. Также и о жалованіи. Вы говорите, что получаете слишкомъ мало. Вамъ, кажется, что плата опредѣляется моею прихотью. Вы разсуждаете такъ: „хозяинъ богатъ, ему стоитъ только захотѣть, вынуть деньги изъ кармана и увеличить жалованье". Но позвольте вамъ сказать, что дѣло совсѣмъ не такъ просто. Въ нашихъ съ вами отношеніяхъ есть еще участникъ. Онъ стоитъ какъ будто въ сторонѣ, спокойно, молчаливо, а въ сущности онъ-то все и опредѣляетъ. Я говорю о покупателѣ, на котораго мы всѣ работаемъ. Мы споримъ о часахъ, о платѣ, а онъ рѣшаетъ сразу: я не покупаю, мнѣ дорого! И никто не можетъ заставить его покупать. Передъ этимъ все падаетъ... И потомъ, я хотѣлъ сказать вамъ вотъ что. Всѣ наши съ вами условія опредѣляются напередъ въ договорѣ. Разъ придя къ соглашенію, надо же держаться своего слова. Я знаю, что теперь распространилась мода относиться къ договорамъ презрительно, но эта мода не доведетъ насъ до добра. Шаткость договоровъ убиваетъ въ странѣ благородное чувство законности и создаетъ смутную атмосферу, въ которой не можетъ быть правильной дѣятельности. Въ этой атмосферѣ привольно развивается только насиліе всякаго рода и наглость.

— Хороши договоры!—воскликнулъ Ригоберъ, иронически качая головой.—Соглашеніе между волками и овцами! Договоръ между сытымъ и голоднымъ!.. Если человѣку каждый день нужно добыть хлѣба, тутъ ужъ не до разсужденій о выгодахъ, бери, что даютъ.

— Преувеличиваете, друзья мои!—воскликнулъ Бренъ. — Если вы нуждаетесь въ насъ, то и намъ нельзя обойтись безъ васъ. И трудно рѣшить, чья нужда больше. У рабочаго нѣтъ сбереженій и онъ поставленъ въ необходимость искать работы, но если я затратилъ деньги на машины, закупилъ матеріалъ, имѣю срочные заказы подъ страхомъ неустоекъ,—развѣ мнѣ не нужны во что бы то ни стало рабочіе? Развѣ остановка фабрики не приведетъ меня къ разоренію?.. Вы преувеличиваете контрастъ между положеніемъ рабочихъ и хозяевъ. Вамъ кажется, что хозяева блаженствуютъ, но это далеко не такъ. Примите во вниманіе разнаго рода законы, которыми ограничивается свобода хозяина, обремененіе его платой въ разныя кассы обезпеченія, угнетеніе прогрессивными налогами, ревниво слѣдящими за доходностью предпріятій, синдикаты и стачки рабочихъ, висящія какъ Дамокловъ мечъ, общую враждебность, непремѣнно желающую въ хозяинѣ видѣть эксплуататора, угрозы всегда возможныхъ несчастныхъ случаевъ и неудачъ риска... Примите все это во вниманіе и повѣрьте, что очень многіе изъ нынѣшнихъ хозяевъ — хозяева только по имени. Живя изо дня въ день, среди всякаго рода трудностей и униженій, они продолжаютъ свое дѣло какъ-бы по инерціи и ясно сознаютъ, что лучше было бы бросить все.

— Вотъ несчастные! — насмѣшливо вздохнулъ кто-то въ толпѣ.

Бренъ пропустилъ мимо ушей это замѣчаніе и продолжалъ:

— Я повторяю, не впадайте въ преувеличенія, развивайте въ себѣ способность критики. Не надо, какъ говорилъ Тьеръ, ни къ чему относиться трагически, но нужно ко всему относиться серьезно. Ваши проповѣдники поджигаютъ васъ именно фальшивыми гиперболами и ложными ссылками на науку. Они продолжаютъ ораторствовать о разныхъ „желѣзныхъ законахъ", хотя эти „законы" давно опровергнуты фактами. Вамъ твер-ть о какомъ-то рокѣ, который неумолимо ведетъ бѣдность большей бѣдности, а богатство къ большему богатству. ѣжду тѣмъ дѣйствительность говоритъ совсѣмъ другое. Передъ ми происходитъ очевидное дробленіе богатствъ. Число рантье-въ, акціонеровъ и собственниковъ все увеличивается. Че-ре пятыхъ національныхъ доходовъ во Франціи находится

въ рукахъ крестьянъ, рабочихъ, маленькихъ буржуа, мелкихъ рантье. Большія богатства становятся рѣже. Изъ пятисотъ тысячъ ежегодныхъ наслѣдствъ только какія-нибудь двѣ съ половиной тысячъ превышаютъ сумму въ двадцать тысячъ франковъ. Доходность предпріятій все уменьшается, тогда какъ цѣна работы все ростетъ. За тридцать лѣтъ доходъ рабочихъ классовъ поднялся на шестьдесятъ процентовъ, а доходъ имущихъ классовъ опустился на тридцать процентовъ. Такова дѣйствительность... И я говорю поэтому, что для вражды между нами нѣтъ серьезныхъ основаній. Напротивъ, здравый смыслъ совѣтуетъ намъ соединиться для дружной работы на пользу цивилизаціи. Вѣдь, всякое благо, добытое цивилизаціей, распредѣляется на всѣхъ. Примѣненіе пара, электричества и такъ далѣе снабжаетъ самаго послѣдняго изъ насъ такими удобствами, о которыхъ не могъ и мечтать придворный кавалеръ „короля-солнце". Теперь самый простой человѣкъ живетъ комфортабельнѣе, чѣмъ гордый феодалъ средневѣковья. Лукавые друзья твердятъ вамъ въ уши, будто вы—паріи нынѣшней цивилизаціи, но это вопіющая неправда. Я прямо скажу, что положеніе рабочихъ никогда не было выше, чѣмъ теперь. Рабочій—истинный бенефиціантъ нашей цивилизаціи. Все вокругъ него никнетъ, а его дѣла идутъ въ гору. Если прислушаться къ дебатамъ въ парламентѣ, то можно подумать, что рабочій классъ—единственная забота государства. Правительство вѣчно извиняется, что недостаточно печется о нуждахъ рабочихъ. Предприниматели съ своей стороны слѣдуютъ общему движенію. И между тѣмъ никогда рабочіе не обнаруживали большаго недовольства, никогда отношенія между ними и хозяевами не были такъ натянуты, такъ отравлены ненавистью. Это я считаю несчастьемъ вѣка. Тутъ прискорбное недоразумѣніе. Идя противъ прогресса, вы идете противъ себя, противъ вѣрнаго пути улучшеній. Нѣтъ глупѣе идеи, какъ улучшить общество, разрушая его! Все, что есть драгоцѣннаго на свѣтѣ: гуманныя побужденія, чувство родственности къ послѣднему бѣдняку, умѣнье уважать личность, подъ какой бы то ни было внѣшней оболочкой, чувство совѣстливости при пользованіи жизненными благами,—все это добыто вѣками мирной культуры сердца. Все это слѣдовало бы развиват дальше, а въ васъ раздуваютъ огонь пошлой зависти и вражды Вашими руками хотятъ отдать современность на жертву законамъ войны и обычаямъ насилія. Какая странная дорога въ обѣтованную землю всеобщаго братства! Нѣтъ, этимъ путемъ можетъ придти только грубое варварство, въ которомъ надолг

заглохнутъ нѣжные ростки благородныхъ душевныхъ стимуловъ. Не такъ ли, господа?

Слушатели отвѣтили угрюмымъ молчаніемъ, и даже Ригоберъ, охотникъ поговорить, не поронилъ ни слова.

— Во всякомъ случаѣ, подумайте о томъ, что я сказалъ,— закончилъ свою рѣчь Октавъ и отправился домой. Онъ шелъ, сердито насмѣхаясь надъ своей попыткой. Надѣяться аргументами повернуть потокъ стихійныхъ чувствъ и вѣрованій! Желая посмѣяться надъ забавной затѣей патера, онъ послалъ къ нему записку, съ просьбой придти сегодня или завтра.

Бенуа, получивъ приглашеніе, сейчасъ же поспѣшилъ на фабрику. Полная луна освѣщала всю мѣстность яркимъ свѣтомъ. Дома Антиньяка сверкали аспидными крышами, на церковномъ куполѣ горѣлъ крестъ, дальше отчетливо вырисовывались фабричныя трубы, а еще дальше горы и лѣса очерчивались рельефной ломаной линіей на свѣтломъ небѣ. Бѣлыя ленты шоссе были видны, какъ на ладони. Вонъ извивается чистиной дорога въ Артигъ, вонъ пошло горою шоссе въ Мустиконъ, а вонъ сквозитъ между деревьями тропинка къ дому лѣсничаго. Патеръ, занятый мыслями о фабрикѣ, равнодушно оглядывалъ знакомую картину, какъ вдругъ вдали, на залитомъ луною перекресткѣ дороги въ Мустиконъ и тропинки къ лѣсничему, мелькнула женская фигура. Она тотчасъ же исчезла въ лѣсной чащѣ, но патеру показалось, что онъ узналъ въ ней Мадлэну. Разсмотрѣть промелькнувшую фигуру не было никакой возможности, тѣмъ не менѣе Бенуа, разомъ вспомнивъ слова Ландри, его гнусныя признанія, съ непонятной увѣренностью рѣшилъ, что это была Мадлэна. Жгучій электрическій токъ пробѣжалъ по всему его тѣлу, а въ сердце впилась внезапная боль тоски, отчаянія невозвратной утраты и мучительной ревнивой злобы. Патеръ забылъ о приглашеніи Брена, о фабрикѣ, о рабочихъ, и вернулся домой.

Запершись на ключъ въ свой комнатѣ, онъ остался лицомъ къ лицу съ проснувшимся въ душѣ звѣремъ страсти. Этотъ звѣрь, котораго Бенуа никогда не чувствовалъ въ себѣ, сразу вырвался на свободу, далеко разметавъ всѣ путы и сдержки. Куда-то исчезла широта симпатій и заботъ любящаго пастыря о отношенію къ любовной паствѣ. Душа Бенуа сразу съузилась и заклокотала, какъ бурный потокъ между тѣсными скалами. Мучительныя, нечистыя видѣнія давили его голову. Ландри, этотъ отвратительный сатиръ, дождался своей жертвы! Онъ сжимаетъ въ настоящую минуту хрупкое, нѣжное тѣло Мадлэны, онъ цѣлуетъ ея губы. Ея глубокіе глаза застилаются

туманомъ страсти!.. А онъ, Бенуа, связанный по рукамъ и ногамъ обѣтами, осужденъ лежать здѣсь заживо погребеннымъ тѣломъ. Обѣты! Не пустыя ли это человѣческія выдумки, въ сравненіи съ трезвымъ закономъ природы? Ахъ, стремленія въ горній міръ! Презрѣніе къ земнымъ, низменнымъ чувствамъ. Но, можетъ быть, эти низменныя чувства гораздо приличнѣе бренному существу, чѣмъ мечты о вѣчномъ?.. Если бы онъ, Бенуа, не увлекался горделивыми фантазіями, искусственно не отрывался отъ естественныхъ условій человѣческой жизни, то онъ теперь держалъ бы въ своихъ рукахъ маленькія, трепещущія ручки, а дорогая чернокудрая головка прижималась бы къ его груди...

Бунтующая чувственность овладѣла юношей и била его жестокимъ пароксизмомъ лихорадки, а между тѣмъ со дна его души мучительно поднималась мысль о грязномъ нравственномъ паденіи, о крушеніи завѣтныхъ идеаловъ, объ измѣнѣ священнымъ клятвамъ. Въ борьбѣ между позорными желаніями, жгучими ощущеніями ревности и смертельной тоской объ утратѣ прежней душевной чистоты, Бенуа метался въ тѣсныхъ стѣнахъ своей убогой комнаты, одинокій, изнемогающій подъ вражескимъ напоромъ нежданнаго грѣха. Наконецъ, подъ утро, онъ заснулъ. Какъ будто пользуясь этимъ торжествующій врагъ, въ тяжеломъ, нечистомъ снѣ, придавилъ колѣномъ грудь безпомощно распростертой жертвы...

Невесело было пробужденіе патера на слѣдующее утро. Его всегда ясные глаза потускнѣли. Стыдъ и презрѣніе къ себѣ давили его, какъ могильная плита. Такъ вотъ онъ—пастырь, которому ввѣрена паства! Пастырь, обязавшійся руководить людьми, помогать имъ, лечить ихъ душевные недуги! Никогда и ни къ кому не было больше примѣнимо изреченіе: „врачъ, исцѣлись самъ“! И въ самомъ дѣлѣ, если можно жить еще, продолжать существованіе, то только подъ однимъ условіемъ: необходимо исцѣлиться отъ страшной болѣзни, надо очиститься отъ постигшей душевной проказы, надо вымолить прощеніе тяжкаго грѣха... Бенуа рѣшилъ ѣхать въ Лурдъ, знаменитую католическую святыню, находящую невдалекѣ отъ Антиньяка, въ той же мѣстности пиренейскихъ отроговъ.

XIV.

Бенуа ѣхалъ по желѣзной дорогѣ до Монтрежо и по вѣткѣ отъ этой станціи до Лурда, не отрывая глазъ отъ молитвенника. Ему было стыдно смотрѣть на людей. Онъ считалъ себя

недостойнымъ видѣть солнечный свѣтъ, который такъ щедро и благодушно золотилъ бархатисто-зеленые холмы долины Тарба, по которой бѣжалъ поѣздъ. Бенуа искалъ спасенія въ молитвѣ, въ усиліяхъ слиться съ настроеніями, далекими отъ болотныхъ тумановъ жизненныхъ низинъ. И его больная душа начала мало-по-малу робко отзываться на эти настроенія. Буря грязныхъ вожделѣній разсѣивалась, видѣнія нечистаго воображенія таяли. Надъ хаосомъ взбудораженныхъ страстей снова всходило постепенно чистое, драгоцѣнное солнце душевнаго равновѣсія. Уже одно приближеніе къ святынѣ изгоняло изъ сердца патера порочные, злобные порывы страшной ночи.

Съ чувствомъ умиленія, съ едва сдерживаемыми слезами Бенуа оставилъ вагонъ на лурдской станціи и пошелъ крутымъ спускомъ въ городъ, который всего полвѣка тому назадъ былъ глухой деревенькой, а теперь сталъ мѣстомъ, куда стекаются со всего католическаго міра паломники на поклоненіе Лурдской Богоматери.

Недалеко отъ станціи горная дорога обращается въ улицу, которую обступаютъ высокіе дома. Медленно подвигаясь, Бенуа смотрѣлъ на эти дома и они пріятно ласкали его взоръ, потому что были выстроены, очевидно, для того, чтобы дать людямъ пріютъ, а не съ цѣлью тѣшить чье-нибудь тщеславіе или нѣжить хитроумнымъ комфортомъ чье-нибудь заплѣснѣвѣлое въ сибаритствѣ тѣло. Нигдѣ не сіяли наглой позолотой рестораны и кафе, эти храмы новомоднаго культа плоти. Проходя мимо оконъ скромныхъ столовыхъ, Бенуа видѣлъ за ѣдою людей, которые, какъ ему казалось, понимали, по крайней мѣрѣ въ дни пребыванія здѣсь, что человѣкъ ѣстъ, чтобы жить, а не живетъ, чтобы ѣсть. Вмѣсто магазиновъ, украшающихъ современные города и расчитанныхъ на суету суетъ, царящую въ душѣ прохожихъ, тутъ шли непрерывной вереницей витрины съ четками, образками и статуэтками мѣстной святыни, статуэтками изъ бѣлаго мрамора, съ голубымъ поясомъ и золотыми розами на ногахъ. Это—сувениры, которые будутъ увезены отсюда паломниками и которые, во всякомъ случаѣ, никогда не натолкнутъ человѣка своимъ видомъ на дурной помыселъ или злое дѣло.

Среди людей, наполнявшихъ улицу, не слышалось ни громкихъ криковъ, ни взрывовъ смѣха. Всѣ проходили, останавливались, разговаривали съ тѣмъ видомъ, какой имѣетъ человѣкъ, занятый серьезнымъ, важнымъ дѣломъ. Разумѣется, это не были святые, но они пришли сюда, предварительно сбросивъ свою поношенную житейскую одежду и, такъ сказать,

облекшись въ ту душевную чистую рубашку, въ которой каждый хотѣлъ бы быть въ свой смертный часъ. Вообще, вся улица, полого огибавшая гору съ старымъ замкомъ на вершинѣ, и всѣ переулки носили на себѣ характеръ какъ бы преддверія храма. Повсюду, за зелеными холмами, окаймлявшими горизонтъ, шумѣли бури страстей, вздымались волны вражды, злобы и раздора, но тутъ вѣяло тишиной, которой такъ жаждало наболѣвшее сердце Бенуа.

Спускаясь по гладкому асфальту улицы, патеръ вышелъ на широкую луговину, окруженную невысокими горами и прорѣзанную шоссированными дорогами. Мѣстами были раскиданы деревья, а вдали величественно поднималась грандіозная двухъярусная церковь. Здѣсь полвѣка назадъ былъ пустырь, на которомъ Бернадетта Субиру, четырнадцатилѣтняя скромная деревенская дѣвочка, собирала упавшія съ деревьевъ сухія вѣтки, какъ нѣкогда библейская Руфь собирала рѣдкіе колосья на сжатыхъ поляхъ Вооза... Бенуа взялъ дорогу вправо, берегомъ Гава, пѣнящагося по каменистому ложу, затѣмъ обогнулъ церковь и подошелъ къ знаменитому гроту Массабіель. Тутъ Бернадетта, благочестивая по природѣ, но совершенно невѣжественная въ религіи, увидѣла чудное видѣніе неземной красоты. На этомъ мѣстѣ ребенокъ, едва умѣвшій лепетать молитву, въ первый разъ зажегъ маленькую восковую свѣчку. Этотъ скромный, трепетный огонекъ не погасъ; ему суждено было вырости въ яркое пламя. Патеръ видѣлъ передъ собою цѣлый костеръ изъ многихъ сотенъ свѣчей, бросавшихъ сильный свѣтъ на бѣломраморную статую Богоматери, въ правой сторонѣ грота, и на безчисленные, прибитые къ стѣнамъ ниши костыли, посохи и носилки, которые были оставлены здѣсь исцѣленными больными.

Конечно,—думалъ Бенуа,—есть много людей, которые пожмутъ плечами и скажутъ: „греза!“ Ахъ, это презрѣніе къ грезамъ!.. Если понимать подъ этимъ словомъ все, выходящее изъ предѣловъ точно взвѣшеннаго и измѣреннаго, то неужели можно не видѣть, что громадную часть человѣческой жизни составляютъ именно „грезы“? Но онѣ бываютъ чистыя и нечистыя, въ этомъ суть дѣла.

Среди духовныхъ сокровищъ людей,—думалъ Бенуа,—великое мѣсто занимаетъ чарующій образъ Богоматери. Съ первыхъ моментовъ христіанской эры, человѣческое сердце потянулось къ этому образу, чувствуя въ немъ символъ единенія земного съ небеснымъ. Словно земля могучимъ усиліемъ породила чудный цвѣтокъ, поднявшійся къ ступенямъ Божьяго

трона. Изъ вѣка въ вѣкъ человѣческіе глаза устремлялись къ этому женскому образу, ища отвѣтнаго, неизреченно добраго взора Матери Заступницы, которой знакомы людскія радости и горе. Изъ вѣка въ вѣкъ слово художника, рѣзецъ скульптора и кисть живописца старались закрѣпить внѣшними чертами идеалъ женской чистоты и материнской доброты, высшее духовное величіе во внѣшнемъ сосудѣ высшей красоты. Сюда, въ это горнило общаго благоговѣйнаго творчества, каждый несъ все, что имѣлъ драгоцѣннѣйшаго въ своей душѣ. Изъ поколѣнія въ поколѣніе росли эти взносы лучшихъ помысловъ, чистѣйшихъ душевныхъ побужденій, завѣтнѣйшихъ мечтаній о нравственномъ добрѣ. Наряду съ геніемъ Рафаэля, тутъ участвовали милліоны скромныхъ смертныхъ; наряду съ крупными капиталами, сюда падали маленькія лепты, трогательныя въ своей убогости, вызывающія слезы умиленія, затрогивающія душевныя струны у всякаго, кто ихъ видитъ, и неудержимо увлекающія за собою въ высь сладостныхъ грезъ о добромъ и прекрасномъ. Такою лептою была и молитва Бернадетты на порогѣ этого грота. Молитва, пропѣтая тоненькимъ одинокимъ голосомъ дѣвочки, теперь звучала торжественнымъ тысячеустнымъ гимномъ.

Бенуа, оглядываясь кругомъ, видѣлъ толпу богомольцевъ обоего пола и разныхъ возрастовъ. Всѣ эти люди, мужчины и женщины, старые и молодые, стоя на колѣняхъ или распростертые на землѣ, со скромной сдержанностью или съ откровенной экспансивностью, составляли какъ бы одно существо, одну наболѣвшую душу, одно сокрушенное сердце, жаждавшее небесной помощи и исцѣленія. Бенуа чувствовалъ себя въ атмосферѣ вѣры и любви, роднившей его со всѣми присутствовавшими, и это сообщало ему бодрость. Увлекаясь потокомъ общаго чувства, онъ присоединялъ свой голосъ къ общей молитвѣ: „Je vous salue, Marie, pleine de graces...“

На мраморную каѳедру, у грота, взошелъ монахъ съ пачкой записокъ и началъ ихъ читать:

— Насъ просятъ помолиться объ одномъ больномъ, страдающемъ болѣе пятнадцати лѣтъ... Одинъ человѣкъ проситъ насъ помолиться о прощеніи его большого грѣха... Мать проситъ помолиться о возвращеніи ея сына на путь добра...

На каждое обращеніе монаха толпа богомольцевъ отзывалась страстнымъ порывомъ мольбы къ небесной Заступницѣ и Утѣшительницѣ. Бенуа также горячо молился о бѣдахъ неизвѣстныхъ страдальцевъ и въ то же время съ радостью чувствовалъ, что его собственная душа какъ будто обнажается,

сбрасывая съ себя одежды, загрязненныя вспышкою порока. Онъ уже не ощущалъ того ужаса, который леденитъ человѣка, сознающаго, что ядъ заразы разлитъ во всемъ его существѣ. Надежда вернуться къ прежней чистотѣ трепетала въ его груди. Онъ уже могъ вспоминать о Мадлэнѣ, какъ о сестрѣ, безъ отвратительныхъ судорогъ бунтующей плоти. Мысль о страданіяхъ Мадлэны сливалась у него съ сокрушеніемъ о собственномъ грѣховномъ помраченіи, и онъ молился одновременно объ общей ихъ бѣдѣ. Поднимая горящіе глаза на бѣломраморную статую, онъ просилъ о помощи, которая можетъ двигать человѣка по ступенямъ нравственнаго совершенствованія, о дарованіи чувства христіанскаго покоя—земного предвкушенія блаженства избранныхъ, о дарованіи силъ на подвигъ добродѣтели, которая сначала пугаетъ своимъ величіемъ, но сопровождается радостью, тогда какъ порокъ сначала манитъ наслажденіями, но ведетъ къ горечи и печали. „Наша душа,—молился Бенуа,—гостиница, въ которой проходятъ дрянныя страсти, пошлыя мысли, толпа пустыхъ желаній. Дай же силу превратить ее въ храмъ, достойный Тебя. Въ минуты упадка духа, дай мужество, которое понадобилось Тебѣ самой у подножія креста“.

Взоръ патера упалъ на источникъ, протекавшій изъ грота въ писцины для погруженія больныхъ. Глядя на этотъ ручеекъ, Бенуа молился о спасеніи отъ потока мелкихъ побужденій, который утекаетъ и стремится въ бездну. Онъ молился о доступѣ къ цѣлящему и воскрешающему источнику, о которомъ говорилъ Христосъ самарянкѣ. Все болѣе и болѣе Бенуа чувствовалъ въ себѣ возможность, отрѣшившись отъ себя, вернуться къ заботамъ о ближнихъ. Воспоминаніе о лурдскихъ каменьщикахъ, которые по собственному почину первые прибрали гротъ Бернадетты, навело патера на мысль объ антиньякскихъ рабочихъ. И съ приливомъ новой энергіи, онъ беззвучно шепталъ: „Сколько на свѣтѣ потерявшихъ вѣру, озвѣрѣвшихъ отъ бѣдствій и отъ стремленія къ жизненнымъ утѣхамъ, готовыхъ идти путемъ преступленія на завоеваніе благъ, распадающихся, какъ яблоки Содома!.. Умоли Сына, спускавшагося въ адъ, сойти въ пучину нашего неразумія и слѣпой жадности. Пусть увеличивается матеріальное благополучіе тружениковъ пусть вырастаютъ для нихъ дворцы, но пусть въ этихъ дворцахъ воскреснутъ мысли и чувства, озарявшія скромную мастерскую Твоего земного супруга, святого Іосифа“.

Юношеская бодрость вернулась къ Бенуа. Когда наступилъ вечеръ и богомольцы, съ зажженными свѣчами, образовал

процессію, которая безконечной вереницей огоньковъ потянулась въ гору, вокругъ церкви, Бенуа сталъ въ ряды и его молодой голосъ присоединился къ гимну, звучавшему трогательными переливами по всему протяженію процессіи: „Ave, ave, Maria!..“

Бенуа уже не чувствовалъ въ себѣ ни одной изъ тѣхъ мучительныхъ эмоцій, которыя омрачали недавнюю страшную ночь. Онъ прославлялъ чудо, совершенное надъ нимъ духовной купелью у лурдскаго грота. Но, разумѣется, такого рода чудеса совершались и до Лурда, и могутъ совершаться внѣ Лурда. Психологическій смыслъ этого явленія такъ же простъ, какъ просто все великое. Помимо непосредственной небесной помощи, человѣкъ одаренъ и собственными средствами совершенствованія. Сама молитва, какъ атмосфера чистыхъ мыслей и чувствъ, представляетъ собою духовную купель, отмывающую грязь дрянныхъ помышленій и побужденій. Молящійся стремится къ небесной выси, все его существо напрягается въ порывѣ къ чистотѣ, и это стремленіе вырываетъ человѣка изъ липкой тины порока. Здѣсь благородная страсть вступаетъ въ битву съ дурными страстями, и такъ какъ она имѣетъ на своей сторонѣ горячее сочувствіе и упорную волю человѣка, то и побѣждаетъ своихъ противницъ. Тайна добродѣтели лежитъ не въ соображеніяхъ разсудка, не въ утилитарныхъ вычисленіяхъ пользы и вреда поступковъ, а именно въ молитвенномъ стремленіи къ идеалу...

Бенуа провелъ три дня среди лурдскихъ холмовъ, обвѣваемыхъ свѣжимъ ароматомъ луговъ, и на четвертый, къ вечеру, успокоенный за себя, снова готовый болѣть душою о другихъ, вернулся домой. Старая Жанна, обрадованная его возвращеніемъ, заспѣшила накрывать на столъ, но ея руки, разставлявшія хлѣбъ, масло, овечій сыръ, плохо слушались, вслѣдствіе очевиднаго волненія. Преодолѣвая свою обычную молчаливость, служанка заговорила отрывистымъ, задыхающимся голосомъ:

— Что тутъ было, господинъ аббатъ!.. Что только тутъ было!.. Рабочіе совсѣмъ сошли съ ума. Бросили работу и не хотятъ никого слушать... А третьяго дня ночью кто-то выстрѣлъ въ окно управляющаго. По счастью, пуля пролетѣла мимо сподина Брена.

— Боже милостивый! Кто же это сдѣлалъ?—спросилъ паэъ, ходя изъ угла въ уголъ, словно ушибленный извѣстіемъ.

— Неизвѣстно... Говорятъ, Джіакомо. Но его нигдѣ не могли йти. Онъ, должно быть, ушелъ въ горы... Господинъ префектъ

прислалъ отрядъ жандармовъ и солдаты теперь охраняютъ фабрику.

Бенуа, глубоко пораженный, съ ужасомъ думалъ о быстротѣ развитія этой трагедіи человѣческаго неразумія и озлобленія. Какъ остановить этотъ снѣжный комъ, несущійся впередъ, наростающій ежеминутно и обращающійся въ лавину? Кричать? Предупреждать? Умолять? Но никто не хочетъ и не можетъ слышать, среди разбушевавшихся стихій, среди свиста бури и грохота сорвавшихся съ мѣста твердынь. Распростереть руки и стать самому навстрѣчу лавинѣ? Но этотъ актъ самопожертвованія будетъ въ одинъ мигъ сметенъ безслѣдно съ лица земли...

Продолжая ходить по комнатѣ, патеръ случайно взглянулъ на столъ и увидѣлъ конвертъ.

— Письмо? — спросилъ онъ.

— Да, это принесла госпожа Бренъ, — отвѣтила Жанна и, вздохнувъ, вышла изъ комнаты.

Бенуа сѣлъ къ окну, разорвалъ конвертъ и, въ густѣющемъ сумракѣ вечера, прочиталъ слѣдующее:

„Дорогой аббатъ, когда вы вернетесь, меня уже не будетъ въ Актиньякѣ. Я ухожу. Человѣческому терпѣнію есть предѣлъ. Я ухожу не на поиски какой-нибудь новой жизни, съ новыми впечатлѣніями и новыми радостями. Мнѣ нуженъ только уголъ, гдѣ бы я могла спокойно и непозорно спрятаться со своей смертельной усталостью. Прощайте. Нѣтъ словъ выразить мою благодарность за то вниманіе, съ какимъ вы всегда относились ко мнѣ“.

Патеръ, продолжая держать письмо, весь осунулся въ своемъ креслѣ. Щемящее чувство тоски тяжелою волною охватило его душу. Онъ видѣлъ гдѣ-то въ туманной дали удаляющуюся фигуру Мадлены, бредущую въ сиротливомъ одиночествѣ, согнувшуюся подъ холоднымъ вѣтромъ жизненныхъ невзгодъ, беззащитную, слабую... Еще одна человѣческая трагедія! Еще одинъ эпизодъ изъ быта „долины скорби“! Еще страница изъ той хроники человѣческихъ судебъ, которую люди лихорадочно перелистываютъ, въ страстной надеждѣ найти чарующее, неуловимое, эфемерное слово: „счастье“...

Бѣлый листокъ письма въ рукѣ патера все темнѣлъ, по мѣрѣ наступленія ночи. Но потомъ листокъ вдругъ началъ покрываться розовой окраской, все больше и больше, и наконецъ зардѣлся яркимъ багровымъ пятномъ. Бенуа долго не замѣчалъ этого, но потомъ очнулся, взглянулъ въ окно и остолбенѣлъ. Полъ-неба пылало заревомъ. За темными домами

деревни, возлѣ черныхъ трубъ фабрики, поднимались, крутились и бушевали столбы огня. Фейерверкъ искръ взлеталъ вверхъ и сверкалъ въ густыхъ клубахъ чернаго дыма... Бенуа, безъ шляпы, бросился туда. Луга Антиньяка, какъ всегда, наполняли воздухъ чуднымъ ароматомъ, кузнечики, по своему обыкновенію, стрекотали въ травѣ, лѣса съ обычной важностью облегали горизонтъ, но патеръ не видѣлъ ничего. Спотыкаясь, чуть не падая, онъ бѣжалъ къ мѣсту пожара. Вотъ пламя все ближе и ближе, въ воздухѣ уже почувствовался сильный запахъ гари, уже видны очертанія отдѣльныхъ зданій, жадно пожираемыхъ огнемъ. До Бенуа доносились крики людей, сливавшіеся въ одинъ, какъ будто жалобный, стонущій звукъ: „а-а-а!..“ Патеръ взбѣжалъ на маленькій пригорокъ, вблизи фабрики, и передъ его глазами открылась вся картина, въ яркомъ освѣщеніи пожара. Онъ увидѣлъ не захваченный огнемъ домъ управляющаго и на крыльцѣ широкую фигуру Октава Брена, равнодушно и какъ будто презрительно прислонившагося къ двери, со сложенными по-наполеоновски руками. Отъ черныхъ трубъ фабрики подвигалась большая толпа рабочихъ. Патеръ хорошо ихъ видѣлъ. Вотъ длинный Ригоберъ, въ надѣтомъ на глаза беретѣ, вотъ маленькій, юркій Филиппъ, размахивающій какимъ-то оружіемъ, вотъ рыжая голова Игнаса, вотъ группа женщинъ... Въ промежутокъ между фабрикой и домомъ управляющаго пробѣжала кучка солдатъ и быстро выстроилась въ шеренгу. Крики усилились, прерываемые не то истерическимъ воплемъ неисходнаго горя, не то яростнымъ ревомъ безудержной злобы. Вдругъ послышался сухой трескъ выстрѣловъ и дымокъ отъ ружей затянулъ вуалемъ страшное зрѣлище.

Патеръ, обхвативъ руками голову, собирался ринуться впередъ, въ жерло возмутительнаго горнила, въ которомъ человѣческая исторія мастеритъ свою эволюцію, когда до него донесся откуда-то вблизи веселый, безпечный, жизнерадостный смѣхъ: „гы-гы!..“ Бенуа оглянулся, увидѣлъ возлѣ себя идіота и съ ужасомъ устремилъ глаза на его пышащую довольствомъ физіономію, какъ на леденящее душу лицо загадочнаго сфинкса.

К. Ярошъ.

Вѣянье ночи.

О, подойди ко мнѣ, божественная ночь!
Коснися влажными устами,
Дохни мнѣ на чело: колдуй или пророчь,
Но только дольше будь съ мечтами.

И ночь ко мнѣ пришла по искристой травѣ
Неторопливо и неслышно,
Съ алмазною чалмой на черной головѣ,
Благоухающая пышно.

И долго я глядѣлъ въ померкшія черты,
Загадкой мучаясь нескромной;
Въ нихъ былъ намекъ на смерть, зачатки красоты
И ужасъ, ужасъ тайны темной.

Звала-ль она меня.—былъ страшенъ тихій жестъ,
Дышала-ль,—щеки холодѣли.
Молчала-ль,—тишина глубокая окрестъ
Текла безъ жизни и безъ цѣли.

И былъ окованъ я дремотною тоской,
Но все уйти отъ ней боялся...
Казалося, она сливалася со мной,
А я... я съ вѣчностью сливался.

К. Фофановъ.

РУССКІЯ РѢЧИ.

XIV.

Духовная сущность и свобода писателя.

Въ одной изъ первыхъ главъ „Русскихъ рѣчей“ мнѣ пришлось говорить о томъ, какъ русскому обществу „дѣлаютъ голову“. Въ числѣ „дѣлателей головы“ особо видное мѣсто занимаютъ писатели. Взаимодѣйствіе общества, школы и литературы такъ непрерывно и сильно, что мудрено сказать, какая изъ этихъ, то союзныхъ, то борющихся силъ проявляется могущественнѣе и рѣзче; трудно бываетъ порою, въ этомъ круговоротѣ и „обмѣнѣ веществъ“, отличить даже причину отъ слѣдствія. Такъ, напримѣръ, казалось бы, что въ каждую данную минуту общество состоитъ изъ людей, подготовленныхъ школою и затѣмъ ведомыхъ по пути развитія литературой. Но, съ другой стороны, литература, какъ показываетъ жизненная практика, сильно вліяетъ на школу, въ лицѣ ея руководителей и питомцевъ. Въ настоящее время нерѣдко встрѣчаются даже педагоги, восторгающіеся Максимомъ Горькимъ и обучающіе своихъ питомцевъ на государственный счетъ пугачевской морали босячества. Съ третьей стороны, общество, дающее школѣ контингентъ учащихъ и учащихся, а литературѣ ея жрецовъ,— стихійно вліяетъ на тѣхъ и другихъ. Когда нравы общества грубы и бытовой, практическій матеріализмъ преобладаетъ надъ возвышенными стремленіями,—понижается культурный уровень школы, становящейся ареною явленій, унизительныхъ для ея достоинства, да и для достоинства всего класса, претендующаго на образованность; когда служащее низкимъ стремленіямъ общество побѣдоносно вліяетъ на писателя, то этотъ послѣдній можетъ дойти до уровня пьянаго илота.

Картина такого паденія достойна гамлетовской скорби, ибо писатель есть учитель по преимуществу, прямой потомокъ первоучителей человѣчества,—и роль илота столь же мало ему подобаетъ, какъ и священнику.

Весьма замѣчательно, что такое общество, которое понижаетъ уровень писателя, утрачиваетъ, въ наказаніе себѣ, самое понятіе призванія и назначенія литературы, перестаетъ ее уважать, т. е., по просту говоря, *хамѣетъ;* слѣдуя за вождями модными, а не уважаемыми по заслугамъ, оно становится всею своею грузной массой на наклонную плоскость, ведущую къ помойной ямѣ.

Нѣчто подобное, увы, замѣчается у насъ теперь, да и не у насъ однихъ, а въ образованномъ обществѣ почти всѣхъ странъ, воспріявшихъ такъ называемую европейскую цивилизацію. Только у насъ это явленіе рѣзче, во-первыхъ потому, что мы моложе и воспріимчивѣе ко всякой инфекціи, а во-вторыхъ потому, что зарубежные враги и домашніе смутьяны упорно и умѣло прививаютъ намъ ядъ, разлагающій не только жизненныя формы, но и самые идеалы, безъ которыхъ и общество, и школа, и литература утрачиваютъ творческую силу. Вопросъ объ этомъ печальномъ явленіи у насъ необходимо, поэтому, разсматривать въ связи съ общественной и духовной эволюціей другихъ народовъ. Необходимо свести несущественныя разновидности къ одному знаменателю, выяснить сущность писательскаго призванія и характеръ отношеній писателя къ обществу.

За послѣднія нѣсколько лѣтъ очень часто обсуждаются вопросы о сущности литературы, особыхъ примѣтахъ писателя и т. д. Во Франціи и Англіи этимъ вопросамъ посвящена цѣлая литература; и русское общество не изъ одной только подражательности интересуется ими,—но повинуется въ данномъ случаѣ чувству, которое можно назвать инстинктомъ самосохраненія. Кромѣ ряда помѣщавшихся въ „Книжкахъ Недѣли“ весьма интересныхъ статей М. О. Меньшикова, вышедшихъ затѣмъ отдѣльною книгой, извѣстной статьи графа Л. Н. Толстого объ искусствѣ и множества другихъ изслѣдованій и очерковъ, посвященныхъ тѣмъ же предметамъ, во многихъ засѣданіяхъ здѣшняго неофилологическаго общества поднимались эти вопросы, съ цѣлью не только научною, но и поневолѣ практическою: въ наше время духовнаго кризиса они носятъ болѣзненный характеръ. Пока сердце не болитъ, мы забываемъ о немъ; а начнутся перебои—и вспомнимъ невольно!..

Дѣло неладно: понятія спутались, руководящія начала и священныя традиціи потонули въ „пѣнистомъ океанѣ печатнаго слова“, какъ выражается Томасъ Карлейль. И публика, и даже сами писатели обходятся безъ этихъ руководящихъ началъ и традицій, которыя, по некультурному мнѣнію многихъ, представляютъ собою устарѣвшій хламъ. Даже среди талантливыхъ писателей встрѣчаются люди, смотрящіе на дѣло съ ремесленной, промышленной точки зрѣнія. Интересный примѣръ такого непониманія я приведу ниже, а покуда замѣчу, что обиліе разсужденій о сущности писательскаго призванія, будучи вызвано печальнымъ состояніемъ современной литературы, вмѣстѣ съ тѣмъ несомнѣнно признакъ хорошій:

язва найдена, лекарство противъ нея изыскивается и съ Божьей помощью найдется. Цѣлебные элементы есть въ душѣ у каждаго писателя, который достоинъ этого высокаго имени.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышли въ „Книжкахъ Недѣли“ интересныя воспоминанія г. Фаресова о покойномъ Н. С. Лѣсковѣ; авторъ близко зналъ его и совершенно точно приводитъ его слова, которыя мнѣ не разъ приходилось слышать отъ Лѣскова за время моей долгой пріязни съ этимъ глубоко-характернымъ художникомъ слова.

— „Писатель — это мученикъ,—говаривалъ Лѣсковъ,—кто смотритъ иначе, тому лучше не вступать въ литературу; отличительной чертой литератора я считаю *готовность страдать за свои убѣжденія*... Онъ не напишетъ ни одной строчки ни за какія деньги, если усомнится въ ея достоинствѣ. Только бездарности бываютъ всегда довольны своими произведеніями. Но не стоитъ останавливаться на литературномъ пруженіи тѣхъ писателей, которые говорятъ, что у публики желудки луженые и все переварятъ. Настоящій литераторъ никогда не будетъ такимъ циникомъ. Служа перомъ безсмертнымъ истинамъ, онъ ощущаетъ писательскую гордость,—*и хотя бы вокругъ него все, симпатизирующее ему, вымерло, не умретъ ничего въ немъ самомъ*. Съ этимъ ему легко нести свой крестъ“...

Будучи подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ своего тернистаго писательскаго пути, Лѣсковъ впадалъ даже въ нѣкоторую крайность и находилъ, что писатель „долженъ *всегда* идти противъ господствующихъ взглядовъ“, имѣя лучшій и болѣе критическій взглядъ на положеніе вещей.

Это не всегда вѣрно само по себѣ и не ко всякому писателю примѣнимо. Напримѣръ, *опережать* какое-либо теченіе— не значитъ идти противъ него.

Гордясь тѣмъ, что онъ никогда не принадлежалъ къ числу писателей „фаворитныхъ“ и „добродѣтельныхъ“ въ партійномъ смыслѣ, покойный Лѣсковъ говаривалъ: „Мнѣ всегда подозрителенъ писатель, никогда не выносившій на своей груди гнѣва толпы и зазнавшійся отъ ея восторговъ“.

Нѣкоторымъ диссонансомъ наряду съ этими возвышенными словами звучитъ помѣщенное на другой страницѣ указанныхъ воспоминаній слѣдующее разсужденіе Лѣскова, которое можетъ быть объяснено только случайною неловкостью выраженія:

— „Мы не получаемъ,—говоритъ онъ,—ни чиновъ, ни жалованья, ни пенсій. Всѣ наши радости сосредоточены во вдохновенныхъ нашихъ занятіяхъ. *Ничего почти въ награду*“...

Это сопоставленіе вдохновенныхъ радостей съ отсутствіемъ награды отдаетъ неудовлетвореннымъ матеріализмомъ.

По поводу всѣхъ этихъ реченій одинъ извѣстный романистъ написалъ тогда же въ большой газетѣ фельетонъ въ болѣе „современномъ“ духѣ и пришелъ къ выводамъ, которыхъ никакъ нельзя было бы ожидать отъ человѣка, обладающаго талантомъ и поэтому, казалось бы, призваннаго служить истинѣ, добру и красотѣ.

По его мнѣнію, во-первыхъ, готовность страдать за свои убѣжденія не является характерною принадлежностью писателя, а необходима во всякой дѣятельности. Трудъ писателя, какъ и всякаго другого представителя свободной профессіи, какъ напримѣръ, *ремесленника*, оплачивается различно, смотря по степени его талантливости. Въ чинахъ нѣтъ никакой надобности. Надо устроить только всякія учрежденія взаимопомощи, быть талантливымъ и усерднымъ,—и „можно жить безбѣдно".

Причемъ же тогда страданія? И какія, молъ, тутъ страданія, если все обстоитъ столь благополучно?! Можно бы возразить, однако, что сапожнику меньше приходится страдать за убѣжденія, чѣмъ писателю. Между этими „профессіями", смѣю думать, есть нѣкоторая идейная и бытовая разница, по крайней мѣрѣ въ глазахъ людей, уважающихъ литературу.

Чтобы „радикально" опровергнуть взглядъ Лѣскова, фельетонистъ приводитъ характерный случай изъ жизни Достоевскаго.

Отецъ одного молодого поэта принесъ геніальному писателю стихи своего сына и пожелалъ услышать мнѣніе о нихъ.

Достоевскій прочелъ и нахмурился:

— Зачѣмъ все это пишется? *Для того, чтобы быть писателемъ, надо прежде всего страдать!..*

Обиженный отецъ, привыкшій смотрѣть на всякую дѣятельность, и въ томъ числѣ на литературную, какъ на *карьеру*, взялъ тетрадку обратно и ушелъ, а Достоевскій закричалъ ему вдогонку: „Лучше не быть тому писателемъ, кто самъ не страдалъ и не хочетъ страданій!"..

Эта фраза кажется автору фельетона верхомъ нелѣпости: ну, какой здравомыслящій человѣкъ хочетъ страданій?! Всякому хочется побольше радостей,—а писатель такой же человѣкъ, какъ и всѣ! Ему нуженъ-де только талантъ и талантъ: „писатель съ талантомъ—свѣтильникъ во тьмѣ; писатель безъ таланта—жалкій писатель"!

Такъ называемой большой публикѣ этотъ некультурный фельетонный взглядъ, вѣроятно, понравился: въ немъ нашли много успокоительнаго здраваго смысла и писательской скромности. Припомнили, кстати, что Достоевскій „былъ человѣкъ ненормальный"! Ну, какъ представить себѣ господина, который собирается стать писателемъ и потому „хочетъ страданій"?! Въ буржуазной головѣ такое понятіе не укладывается. Съ ея точки зрѣнія ясно, что и самъ великій Пушкинъ былъ не въ своемъ умѣ, когда сказалъ: „я жить хочу, чтобъ мыслить и страдать!"

Да-съ, господа, талантъ прежде всего,—а въ остальномъ писатель такой же человѣкъ, какъ и всѣ.

И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ!

Особыхъ примѣтъ у него нѣтъ, кромѣ развѣ потертаго костюма и нервно-безцеремоннаго выраженія; даже длинные волосы встрѣчаются все рѣже...

Но лишь божественный глаголъ
До слуха чуткаго коснется...

Позвольте-съ! Во-первыхъ, что такое „божественный глаголъ"?! Наборъ словъ въ державинскомъ духѣ, высокопарная чепуха!

Такъ думаетъ большая часть людей поверхностныхъ, особенно съ легкой руки гг. фельетонистовъ, толкующихъ съ кондачка объ этомъ важномъ предметѣ и предпочитающихъ поддѣлываться подъ ходячіе взгляды, нежели повышать ихъ.

Казалось бы, что не стоитъ и возражать противъ такихъ сужденій. Но вопросъ объ особыхъ примѣтахъ писателя и борьбѣ его за духовную свободу представляетъ въ настоящее время одно изъ самыхъ больныхъ мѣстъ нашей культуры; то или иное рѣшеніе его влечетъ за собою различныя глубокія послѣдствія, какъ принципіальныя, такъ и практическія, ибо литература, питаясь жизненными фактами, вмѣстѣ съ тѣмъ гипнотически вліяетъ па общество и создаетъ жизненныя явленія, наряду съ ихъ описаніемъ и критикою.

Поэтому надо выяснить, что такое писатель, каковы его признаки и историческія судьбы, въ связи съ развитіемъ общества; неизбѣжны ли страданія въ борьбѣ за духовную свободу и возможно ли оградить эту свободу въ нашъ вѣкъ своеобразнаго экономическаго рабства и умственнаго опошленія.

I.

Что такое писатель? Начну съ такого опредѣленія, которое какъ будто носитъ анекдотическій характеръ, но въ сущности содержитъ указаніе на самый генезисъ вопроса.

Къ одному беллетристу приходилъ перебѣлять рукописи старый сенатскій писарь, типичнѣйшая канцелярская машина дореформенныхъ временъ: въ фризовой шинели, бритый, съ тонкими губами, безжизненными глазами маньяка и жидкою сѣдиною, зачесанною впередъ на виски.

Старикъ не писалъ, а рисовалъ буквы, могъ работать до безконечности и отличался убійственною молчаливостью. Однажды онъ, во время перерыва работы, оглядывая мутнымъ взоромъ стѣны кабинета, вдругъ обратилъ вниманіе на одинъ портретъ:

— Кто это?—спросилъ онъ равнодушнымъ тономъ, шамкая губами и растягивая слова.

— Пушкинъ...

— Но слыхалъ... онъ что же... служитъ гдѣ-нибудь?

— Служитъ... въ царствіи небесномъ.

— Аа... значитъ, въ государственной концеляріи?—спросилъ старикъ не безъ юмора, предположивъ, очевидно, что беллетристъ упомянулъ о самомъ что ни на есть хорошемъ мѣстѣ службы.

— Нѣтъ, онъ умеръ... Вѣдь это Пушкинъ, писатель Пушкинъ...

— Аа... пи-са-тель? Это хо-ро-шо...

Пауза. Старикъ сталъ внимательно вглядываться въ лицо великаго поэта: губы и подбородокъ выбриты, взоръ спокоенъ, руки сложены на груди.

Все, кажется, въ порядкѣ. Вдругъ писарь сдѣлалъ брезгливую гримасу:

— А почему же волосы... того?

— Что?

— Прическа не въ аккуратѣ... Вѣрно зашибалъ?..

Вздохнувъ, онъ продолжилъ, пріосаниваясь:

— Вотъ, у насъ, въ сенатѣ, былъ писатель... Скоропостижный...

— Что? Умеръ?

— Нѣтъ, спился. Фамилія Скоропостижный... Изъ духовныхъ былъ. Любилъ, хе-хе, за галстухъ. А ужъ вотъ былъ писатель! Тремя почерками писать могъ: и прямо, и съ отвальцемъ назадъ, а ужъ если для богатыхъ купцовъ прошеніе. по полтиннику за листъ по широкому номеру,—такъ онъ вамъ такого эльзевирцу подпуститъ, что прямо слеза прошибаетъ. И я замѣчалъ-съ, что начальство, при всей своей строгости, признавало такія прошенія подлежащими удовлетворенію-съ! Талантъ... Вотъ ужъ именно это отъ Бога-съ!..

И бросивъ брезгливый взглядъ на курчавую голову Пушкина, канцелярскій философъ углубился въ работу...

Отъ Бога-съ! Не только сущность, но и самая техника писанія—высшій даръ Божій человѣку. Животныя, такъ или иначе, переговариваются между собою; но только человѣку дано посредствомъ письменности побѣждать время и пространство.

Называя созданіе письменности *героическимъ трудомъ*, Томасъ Карлейль говоритъ: „Книга запечатлѣваетъ въ себѣ душу всѣхъ прошедшихъ вѣковъ. Все, что человѣчество дѣлало, о чемъ мыслило и чѣмъ оно было,— все это покоится, какъ будто бы объятое магическимъ сномъ,—тамъ, на страницахъ книгъ. Книга—величайшее сокровище человѣка! Литература, постольку, поскольку она литература, есть апокалипсисъ природы, раскрытіе открыто лежащей тайны, или, какъ выражается Фихте въ своихъ эрлангенскихъ лекціяхъ,—непрерывное откровеніе божественнаго въ земномъ и человѣческомъ“..

Итакъ, литература есть не только отраженіе жизни, но и *откровеніе*.

Она—*сама по себѣ жизнь*, болѣе тонкая и духовная, чѣмъ то, что принято называть жизнью въ обычномъ смыслѣ слова. Она не только создаетъ свои, отвлеченно-литературныя явленія: нѣтъ, ея власть простирается и на факты реальной жизни! Она создаетъ монархіи, парламенты, революціи, поддерживаетъ или разрушаетъ семью, общину, церковь и т. д. Отвлеченныя литературныя произведенія порождаютъ живыхъ, реальныхъ людей, съ тѣмъ или инымъ духовнымъ и даже физическимъ обликомъ.

Такого взгляда держались сотни мыслителей и критиковъ, начиная съ авторовъ священнаго писанія и кончая злополуч-

нымъ „декадентомъ въ своей жизни“, Оскаромъ Уайльдомъ, который въ своихъ „Intentions“ весьма интересно говоритъ о силѣ внушенія литературы. И впрямь: развѣ Гамлетъ навязался въ цѣльномъ видѣ Шекспиру и сдѣлалъ его творцомъ одного изъ величайшихъ въ мірѣ художественныхъ произведеній? Нѣтъ! Шекспиръ, собравъ изъ жизни матеріалъ по крупицамъ, создалъ Гамлета, какъ типъ,—и потомъ отъ этого типа народилось и продолжаетъ нарождаться множество Гамлетовъ, большихъ и малыхъ.

А нашъ Марлинскій?! Далеко ему до Шекспира, какъ до звѣзды небесной, — а сколько онъ расплодилъ такъ называемыхъ „московскихъ черкесовъ“, незаконныхъ духовныхъ дѣтей Амалатъ-бека! Если всмотрѣться въ авторскую личность Лермонтова и попытаться воспроизвести ея писательскую родословную,—то не найдетъ ли безпристрастный критикъ, что въ жилахъ даровитаго „невѣдомаго избранника“, отрекавшагося отъ байроническаго плаща, текла художественная кровь Марлинскаго?!

А какое огромное потомство у самого Лермонтова! Какъ песокъ морской! Я уже не говорю о такъ называемыхъ „поющихъ поэтахъ“, произведенія которыхъ—вода изъ лермонтовской ванны! Нѣтъ, обратите вниманіе на то, скольких мирныхъ обывателей, начиная съ кандидатовъ на судебныя должности, продолжая юными рабами латинской грамматики и кончая наиболѣе развязными изъ штабныхъ писарей, Лермонтовъ силою внушенія превратилъ въ каррикатуры Демона и Печорина! Сколько титулярныхъ совѣтницъ, томныхъ институтокъ и шустрыхъ бѣлошвеекъ пустилось играть небезопасныя роли Тамары и княжны Мери!..

Внушеніе—слишкомъ жалкое, плоское, привать-доцентское опредѣленіе великой тайны человѣческаго духа, или точнѣе одной изъ тайнъ мірозданія! Недаромъ въ священномъ писаніи сказано: *Въ началѣ бѣ Слово.*

Что же такое писатель? Кто этотъ магъ и волшебникъ, владѣющій словомъ и, даже послѣ своей смерти, заставляющій людей проникаться этимъ словомъ, родиться отъ него?

Въ древнія времена, когда все знаніе (иногда весьма обширное и глубокое, какъ въ Индіи и Египтѣ) сосредоточивалось въ рукахъ могущественнаго меньшинства, тщательно охранявшаго тайну этой силы,—жизнь подчиненнаго большинства отличалась животнымъ характеромъ, была полна животныхъ радостей и страховъ. Тогда появлялся человѣкъ, происходившій, очевидно, изъ меньшинства, одареннаго знаніемъ, или просто избранникъ небесъ“—и *безъ всякой надобности для своего матеріальнаго, животнаго благополучія,* говорилъ народу великія слова. Смертнымъ онъ говорилъ о безсмертіи, преходящимъ—о вѣчности, невольникамъ лжи - о высшей правдѣ. Онъ говорилъ отъ имени бога, кто бы ни былъ этотъ богъ: умершій ли предокъ, Ормуздъ, Зевесъ или Іегова. Онъ былъ непремѣнно *искрененъ*: увѣровавъ въ высшую силу, или, хотя бы, въ отвлечен-

ную идею (какъ, напримѣръ, Сакья-Муни) онъ *заговорилъ, потому что не могъ не заговорить.*

Будучи исключеніемъ изъ массы, этотъ непрошеный проповѣдникъ являлся *ненормальнымъ* человѣкомъ съ точки зрѣнія современныхъ ему матеріалистическихъ понятій. Если же считать животную жизнь и невѣжество ненормальными для человѣка, а общеніе съ божествомъ и стремленіе къ проникновенію въ тайны міровыхъ законовъ естественнымъ человѣческимъ призваніемъ,—то упомянутый проповѣдникъ былъ праотцемъ истинно-культурнаго человѣка. Онъ являлся, вмѣстѣ съ тѣмъ, *прототипомъ, праотцемъ писателя.*

Человѣческое стадо признавало его, въ широкомъ смыслѣ слова, ненормальнымъ, т. е. или божественнымъ, или преступнымъ, или... безумнымъ, т. е. „одержимымъ". Въ первомъ случаѣ отъ него требовались *чудеса*, и онъ основывалъ просвѣтительные культы.

Во второмъ, особенно когда онъ былъ непріятенъ властному меньшинству,—его прогоняли или побивали каменьями. Надо полагать, что это случалось нерѣдко.

Въ указанной выше, весьма своеобразной и въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрной статьѣ объ искусствѣ, графъ Толстой говоритъ, что въ каждое данное историческое время существуетъ высшее пониманіе смысла жизни, выражающееся *въ религіозномъ сознаніи*, ясно высказанномъ передовыми людьми и чувствуемомъ всѣми. Эти слова, приложимыя, однако, далеко *не ко всякому времени*, въ полной мѣрѣ должны быть отнесены къ началу исторіи, когда вся умственная и нравственная жизнь людей проникалась и опредѣлялась религіей. И врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію, что письменность, изобрѣтенная человѣкомъ, котораго непосредственное потомство обожествляло, котораго Карлейль называетъ героемъ, а мы просто назовемъ первымъ писателемъ —первыя строки свои посвятила Богу.

Такъ было вначалѣ, такъ оно въ тайникахъ своей сущности осталось и до сихъ поръ. Недаромъ Жуковскій говоритъ о высшемъ родѣ литературы: „поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли!" Лучшаго опредѣленія до сихъ поръ не придумано.

Первая рукописная книга была плодомъ безкорыстнаго акта, являлась или послѣдствіемъ проповѣди, или замѣной ея. Изъ почтенія къ безсмертной идеѣ авторъ даже нерѣдко скрывалъ свое смертное имя.

Когда расширился кругъ людей, способныхъ не только читать, но и критиковать, картина мѣняется и начинается *искушеніе* для первобытнаго писателя. Раздаются хвалы и порицанія, появляется спросъ на книгу, возникаетъ *зародышъ книжнаго рынка*. Тщеславіе и корысть посягаютъ на душу писателя. Требованія критики и рынка, въ связи съ упадкомъ тѣхъ или иныхъ вѣрованій и наступленіемъ скептицизма, порождаютъ свѣтскую литературу, свѣтскую не только по формѣ и сюжетамъ, но и по внутреннимъ тенденціямъ.

Постепенно происходитъ рядъ явленій, который можетъ быть названъ *демократизаціей духа*. Высокая истина, ставъ

достояніемъ толпы, неподготовленной къ ея воспріятію, извращается, утрачиваетъ свой истинный смыслъ и чистоту; объективное знаніе, будучи благотворною зиждительною силой во власти благого разума, становится силою безразличною или вредною во власти разума безпринципнаго, или низкихъ инстинктовъ.

Въ этомъ *трагизмъ исторіи писателя.* Имъ создана аудиторія, которая качествечно ниже его и слабѣе его вначалѣ, а потомъ подавляетъ его своей массой, диктуетъ ему свои законы, превращаетъ слабаго писателя въ раба или гаера, посредственнаго мучитъ и заставляетъ бороться за авторскую личность и покоряется только сильному. Матеріализмъ, не философскій, а инстинктивный, бытовой, животный,—становится, какъ чудовище, передъ писателемъ и преграждаетъ ему путь.

Писатель самъ вызвалъ его изъ мрака безсловесности, онъ самъ положилъ начало демократизаціи духа, выполняя свою трагическую миссію, сообщая многимъ то, что было вполнѣ доступно ему одному, да и то въ мысли и чувствѣ больше, чѣмъ въ словахъ.

II.

Соблазны ростутъ,—и нѣкоторые писатели начинаютъ колебаться, *писать для тщеславія или корысти*, ostentationis aut quaestus causa. Сильнѣйшіе, какъ Гомеръ, Эсхилъ, Виргилій и другіе вѣчные творцы, остаются вѣрными себѣ, и даже въ свѣтскихъ произведеніяхъ не порываютъ связи съ божественнымъ источникомъ литературы. Положимъ, искушенія, которымъ подвергаются первые писатели, вначалѣ не особенно велики: книга, въ силу своей рѣдкости, дороговизны и глубины содержанія, а также вслѣдствіе тогдашней медленности соціальныхъ перемѣнъ, доступна лишь умственной аристократіи того времени. Но демократизація духа уже началась.

Она, строго говоря, началась съ того момента, когда прототипъ писателя, проповѣдникъ, провозгласилъ равенство людей передъ высшею силой, или идеей. Отъ принятія этого тезиса до признанія полнаго равенства людей между собою оставался одинъ шагъ—и онъ сравнительно скоро былъ сдѣланъ въ смутномъ дотолѣ сознаніи нѣсколькихъ людей. Солнце этой благородной фикціи взошло и оно должно было совершить свой путь.

Въ сущности, весь историческій процессъ, направленіе котораго должно считать уже опредѣлившимся, можетъ быть названъ гигантскою попыткою людской семьи разрѣшить богочеловѣческую задачу: опредѣлить отношеніе людей къ создавшей ихъ Силѣ, къ природѣ и между собою. Тайны науки похищаются у завладѣвшихъ ею монополистовъ, письменность развѣтвляется на неисчислимыя, частью прикладныя отрасли; но главный тройственный стволъ ея,—философія, религія и искусство (служеніе истинѣ, добру и красотѣ) стремится къ небу, несмотря на всѣ препятствія.

Въ области соціальной демократизація духа, какъ это ни странно на первый взглядъ, создаетъ монархію. Монархъ есть, въ сущности, первый вѣнчанный демократъ, первый вооруженный носитель идеи равенства людей передъ Божествомъ и земною властью, а стало быть, и между собою. Эта идея явно противорѣчитъ земной дѣйствительности, но по задачѣ божественна,—и вотъ въ чемъ, быть можетъ, коренится происхожденіе словъ „Божіей милостью", вытекающихъ изъ самой сущности вещей. Демократизація духа, съ цѣлью *очеловѣченія человѣка*, сообщеніе высшихъ знаній и правъ возможно большему числу людей, остававшихся дотолѣ въ пренебреженіи, есть богочеловѣческая задача литературы,—и, быть можетъ, поэтому великихъ жрецовъ искусства называютъ „поэтами Божіей милостью", какъ монарховъ мысли.

Но, какъ выше сказано, *сообщить знаніе и высокія понятія легче, нежели воспринять ихъ*, особенно если воспринимающій зараженъ наслѣдственными пороками и душевными недугами, внушенными природой, выработанными многовѣковымъ рабскимъ или животнымъ состояніемъ. Тотъ, кого природа и исторія предназначили для рабства, *остается и по освобожденіи только разнузданнымъ*, т. е. болѣе лукавымъ или буйнымъ рабомъ.

Истинная перемѣна къ лучшему достигается лишь *перемѣною нравовъ*, а послѣдняя отнюдь не обезпечивается прогрессивными реформами, которыя нерѣдко на дѣлѣ понижаютъ культурный уровень массы, вмѣсто того, чтобы повышать его. Сущность жизни, оставаясь неизмѣнною, побѣждаетъ и извращаетъ какія угодно новыя ея формы. Припомню случай, который я уже пересказалъ стихами въ своемъ сборникѣ „Восточные мотивы". Какой-то миссіонеръ прибылъ однажды на острова далекаго океана, населенные людоѣдами. Когда онъ сталъ отговаривать этихъ людей отъ людоѣдства, они возразили ему, что сами природныя условія заставляютъ ихъ придерживаться этого гнуснаго обычая: бываютъ мѣсяцы, когда у нихъ очень много рыбы и птицъ, но бываетъ и время, когда буквально ѣсть нечего; тогда они садятся въ челны, совершаютъ набѣгъ на сосѣдніе острова, мужчинъ убиваютъ, молодыхъ женщинъ берутъ на племя, а старыхъ... ѣдятъ. Миссіонеръ научилъ дикарей заготовлять рыбу и птицу впрокъ, чтобы устранить печальную необходимость ѣсть старухъ. Обративъ всѣхъ въ христіанство и благословивъ ихъ на новую жизнь, онъ отплылъ. Прошло нѣсколько лѣтъ—и благодушный патеръ вновь пріѣхалъ къ своимъ прозелитамъ и былъ принятъ ими, какъ истинный благодѣтель, какъ насадитель спасительныхъ познаній: „Дай вамъ Богъ здоровья,—сказали ему дикари,—вы насъ воистину просвѣтили! Теперь, благодаря вамъ, у насъ имѣются всегда въ запасѣ соленыя... старухи"!..

Въ непомѣрно-быстромъ увеличеніи аудиторіи, состоящей преимущественно изъ людей, духъ которыхъ исторически неподготовленъ къ воспринятію истины и передачѣ ея слѣдующимъ поколѣніямъ,—въ этомъ роковомъ явленіи заключается главная опасность для писателя, да и для истинной культуры. *Въ храмъ идеала вторгаются инстинкты—и начинается торгъ.*

Изобрѣтеніе пороха и книгопечатанія производитъ какъ бы татарское нашествіе душевно-грубыхъ цѣнителей, покровителей и покупателей книги. Писатель взятъ врасплохъ: онъ заражается общественнымъ недугомъ, какъ врачъ въ больницѣ. Когда праотецъ писателя шелъ проповѣдывать истину, онъ видѣлъ передъ собою открытаго врага и былъ готовъ на муки. А тутъ ему приносятъ *тайную заразу* тѣ соціальныя условія, которыя онъ самъ же, отчасти, вызвалъ къ жизни.

Положимъ, въ историческій моментъ этого перваго кризиса онъ былъ во всеоружіи христіанской религіи, открыто руководившей жизнью. Но самое религіозное пониманіе было такъ грубо, что нерѣдко истинно-христіанская, истинно-человѣчная мысль задыхалась подъ гнетомъ формальнаго культа, а носитель ея погибалъ въ мукахъ. Въ одномъ словѣ „инквизиція“ все сказано.

Въ тотъ же роковой моментъ поднялась изъ праха вѣковъ античная красота и зажгла зарю Возрожденія. Въ ней было много матеріалистическаго, язычески чувственнаго—и удесятерились соблазны, туманившіе душу писателя. Папскія вакханаліи, подрывавшія самую вѣру, всеобщая роскошь образованныхъ классовъ и пресыщеніе породили *скептицизмъ*, который, по мѣткому замѣчанію Карлейля, представляетъ собою *черную немочь, губительный недугъ жизни, ея духовный параличъ*.

Писатели одни изъ первыхъ заболѣли этимъ недугомъ и предали не сжиганію, а попранію все, чему дотолѣ поклонялись люди. Западная аристократія нравственно пала и утратила инстинктъ самосохраненія, которымъ въ высочайшей мѣрѣ обладала поднимавшая уже голову корыстная буржуазія. Народная масса изнемогала подъ гнетомъ неумѣло-привилегированныхъ утѣснителей. Одни писатели пошли въ услуженіе къ буржуазіи, другіе искренно возмутились народнымъ стономъ, третьи продолжали забавлять аристократію разрушеніемъ и осмѣяніемъ прежнихъ святынь. Всѣ вмѣстѣ вызвали стихійное теченіе, которое ихъ обезличило, свалило и понесло, какъ полая вода.

Писатели посѣяли революцію, народъ потрудился на этой кровавой нивѣ, а буржуазія собрала всѣ плоды въ свои житницы. Она воцарилась надолго и жестоко.

Въ первое время она обладала большимъ духовнымъ содержаніемъ, такъ какъ находилась подъ обаяніемъ побѣжденнаго врага, считала себя въ долгу у своего союзника-народа и, какъ всякая молодая сила, вѣрила въ свое призваніе. Она сразу, повидимому, искренно провозгласила формальное равенство всѣхъ передъ закономъ. Истинная сущность буржуазнаго міросозерцанія проявилась только впослѣдствіи, съ развитіемъ техники и образованіемъ денежнаго феодализма. Тогда же обнаружилась и вся *ограниченность воздѣйствія объективнаго правового порядка*, играющаго преимущественно роль культурной *изгороди*, по обѣ стороны которой фактически могутъ совершаться всякія нарушенія права въ смыслѣ

болѣе глубокомъ и жизненномъ, — *нарушенія кровныхъ человѣческихъ интересовъ.* Обнаружилось также, что идеализмъ буржуазіи—поверхностный, школьный, взятый на-прокатъ и весьма легко уступающій голосу страстей, облеченныхъ въ форму приличную, съ виду мирную и, главное, безнаказанную.

Особенно жирнымъ пятномъ буржуазное міросозерцаніе разлилось по Франціи, гдѣ традиціонныя перегородки ранѣе перегнили. Въ Германіи, благодаря всесословной практичности ея населенія, соціальная борьба приняла болѣе мирный характеръ, вслѣдствіе чего тамъ могъ развиться, по крайней мѣрѣ на время, истинный идеализмъ, нынѣ уступающій мѣсто наступательному безпринципному ницшеанству.

И французскіе, и нѣмецкіе писатели, почуявъ тлетворное дыханіе „матеріи", вначалѣ попытались сдѣлать все, чтобы не угашать духа. Французскія попытки, большею частью, не удавались, быть можетъ, потому, что служители аполлонова алтаря подходили къ нему съ волею, ослабленною страстями и суетой, съ нечистою душою и руками.

Плодами этихъ попытокъ явились ложный сентиментализмъ и романтическій прыжокъ въ окно изъ душной буржуазной комнаты. Все это было крикливо, пестро и мишурно. Лакей Рюи Блазъ, совсѣмъ не типичный для своей профессіи, попираетъ душевнымъ величіемъ вельможу. „Дама съ камеліями",—камелія сама,—оказывается такой героиней, что хорошимъ матерямъ семейства передъ нею приходится прятаться въ кусты.

Почему непремѣнно лакей и гетера? Если писатели хотѣли не просто льстить и продавать свои книги выдвигавшимся лакеямъ и гетерамъ, а дѣйствительно реабилитировать человѣческую натуру, возжечь надежду на торжество духа, — то это имъ не удалось! Такая священная задача доступна только здоровому, искреннему, *реальному* творчеству, проникнутому религіознымъ духомъ. Но такое творчество появляется лишь послѣ того, какъ искренній, серіозный идеализмъ сдѣлалъ свое дѣло.

Въ Германіи подъемъ идеализма въ началѣ прошлаго вѣка, героическая борьба съ надвигавшеюся тучей буржуазнаго міросозерцанія, самоотверженныя, пламенныя попытки очеловѣчить человѣка,—все это вмѣстѣ составляетъ грандіознѣйшее въ мірѣ зрѣлище. Въ воспоминаніи объ этой титанической борьбѣ за идею будущіе представители духа почерпнутъ силу, найдутъ вѣрный компасъ для плаванія средь „океана печати", все болѣе мутнаго и пѣнистаго!..

Германская метафизика озаряетъ немеркнущими лучами безконечное пространство. Лессингъ, Шиллеръ, Гёте бросаютъ въ міръ огненныя слова, направляютъ противъ несмѣтныхъ полчищъ темной силы свои безсмертныя художественныя воплощенія богатырей. И богатыри вначалѣ побѣждаютъ, но потомъ ихъ томятъ измором и... берутъ въ плѣнъ. Въ плѣну, впрочемъ, съ ними обходятся прилично: одѣваютъ въ красивые тисненые машиной переплеты и заключаютъ въ тем

ницы банальныхъ полированныхъ шкаповъ. Ихъ изрѣдка провѣтриваютъ, съ ними ведутъ холодно-почтительныя бесѣды,— а дѣтей даже заставляютъ говорить съ ними, чтобы дѣти знали естественныхъ враговъ нормальнаго буржуазнаго человѣка.

И умныя, хорошія дѣти не шумятъ, не мѣшаютъ папашѣ фальсифицировать вино, придумывать неоффиціальные и незамѣтные налоги на обывателя, или свершать мнимо-безкровную жертву—стричь грюндерскіе купончики... Дѣти бесѣдуютъ съ мертвыми богатырями, въ ожиданіи болѣе „благоразумной" дѣятельности и болѣе скотски-живыхъ развлеченій.

Портреты великихъ творцовъ, заключенные въ багетныя золоченыя рамы, глядятъ со стѣнъ, оклеенныхъ пошлыми обоями. И человѣку, понимающему весь трагизмъ ихъ пребыванія въ этихъ лавочкахъ, просто удивительно: какъ они языка не высунутъ и не покажутъ его своимъ тюремщикамъ?..

III.

Матеріализмъ бытовой воцарился, къ сожалѣнію, не только надъ умами, но и надъ нравами, найдя въ нихъ готовую животную подпочву. Прикладныя стремленія замѣняютъ безкорыстную мысль, техника оттѣсняетъ искусства, мертвая машина не только замѣняетъ живого человѣка, но воцаряется надъ нимъ, немедленно понижая его творческій уровень. Общество человѣческое подвергается особой казни, передъ которою египетскія казни были дѣтскою забавою.

Провозглашается *единовластіе матеріи*, матеріализмъ возводится въ культъ, посягая не только на карманы, но и на самую душу обывателя. Устанавливается рабство, и даже нѣчто худшее, чѣмъ рабство: *вольная и невольная продажа свободы, чести и чего угодно*. Правовыя понятія этому не препятствуютъ, потому что они слишкомъ объективны и формальны для жизненныхъ запросовъ.

Буржуазія одѣла право въ свою ливрею, заковала его въ свои кандалы.

Идеаломъ вольной химіи и техники является замѣна простого и естественнаго искусственнымъ, — то есть, говоря по просту, *фальсификація*. Идеаломъ матеріалистическаго культа является *превращеніе человѣка въ дрессированное и практично-мыслящее животное, или въ звѣря*,—смотря по различію характеровъ и настроеній. Представители этого миленькаго культа, служа, въ сущности, интересамъ большихъ капиталистовъ, располагаютъ и большими средствами, и полчищемъ герольдовъ, и умѣніемъ воздѣйствовать на публику, вступая въ союзъ съ ея слабостями. Тутъ пріобрѣтаютъ особое разлагающее значеніе *еврейская* психологія, еврейскій расовый культъ *золотого тельца*,—своего рода Ваала, пожирающаго или уничтожающаго носителей идеала и попирающаго цѣлые народы. Зыблются нравственныя начала, зыблется или под-

гниваетъ арійская государственность и общественность подъ натискомъ или просачиваніемъ этой мутной волны.

Добрая половина людей, примыкающихъ, по недоразумѣнію, или по инерціи, къ модному разлагающему теченію,—въ сущности духовно принадлежитъ къ числу друзей народа, государственнаго порядка и христіанскихъ началъ; зараза овладѣла ими случайно, по ихъ недомыслію или неосторожности. Такъ умѣренный и трезвый, но неопытный человѣкъ можетъ отравиться поддѣльнымъ виномъ.

Знаменитые ученые фальсифицируютъ питательные продукты, вытѣсняютъ нравственныя понятія изъ области права, торгуютъ знаніемъ и вдохновеніемъ. Тѣ, на кого общество смотритъ съ надеждою, оправдываютъ ее лишь на словахъ, а на дѣлѣ измѣняютъ ей...

Но совѣсть не умираетъ, душа человѣческая томится. Одни, подобно алкоголикамъ, жаждутъ окончательнаго озвѣрѣнія—и невѣрно понятая вѣсть о физіологическомъ родствѣ человѣка съ обезьяной принимается ими съ шумнымъ восторгомъ, какъ благодѣтельное открытіе; они даже идутъ дальше и, такъ сказать, громко хрюкаютъ!.. Другіе жаждутъ выхода, или хоть воплей отчаянія. Такому спросу отвѣчаетъ небезуспѣшно и предложеніе.

Писатель уже не такъ выдѣляется, какъ прежде: по вѣрному замѣчанію Карлейля, онъ идетъ въ густой толпѣ людей, столь поразительно похожихъ на него, что подлинника отъ поддѣлки почти никто не отличаетъ.

Графъ Л. Н. Толстой совершенно правильно указываетъ, что само общество, въ виду обилія поддѣлокъ и извращенія вкуса, утрачиваетъ способность отличать брильянтъ отъ стекла. Еще болѣе вѣрно замѣчаніе того же автора, что искусство, ставъ профессіей, значительно ослабѣло, *вслѣдствіе утраты искренности*. Одни писатели пускаются во всѣ тяжкія, открываютъ *торговлю мыслями и чувствами*, распивочно и на выносъ; другіе, болѣе или менѣе искренно, испускаютъ вопли отчаянія, и общество, вопреки своему матеріализму, прислушивается къ нимъ. Чувство міровой скорби не менѣе властно, чѣмъ самый матеріализмъ.

Байронъ сыгралъ свою трагическую симфонію, потрясающее впечатлѣніе которой кое-гдѣ нарушается почти промышленною расчитанностью эффектовъ; занылъ Леопарди; Шелли, въ отчаяніи, залетѣлъ въ поднебесные туманы; Мюссе съ горькой ироніей спросилъ: „Dors-tu content, Voltaire?!“..

Третьи, какъ бы въ изступленіи, хохочутъ надъ всѣмъ, все выцыганиваютъ и пачкаютъ грязью. Это похмѣлье матеріализма, въ связи съ ненавистью къ нему! Таковъ Гейне, этотъ сильный, но больной пересмѣшникъ, жонглирующій великими идеями и издѣвающійся надъ всѣмъ,—причемъ, однако, трудно выяснить, гдѣ кончается похмѣлье и гдѣ начинаются еврейскія торговыя соображенія, въ расчетѣ на бойкій спросъ. Онъ, вообще, представляетъ собою одну изъ интереснѣйшихъ, мучительнѣйшихъ загадокъ литературной клиники. Гдѣ-же ему

исцѣлить наболѣвшую человѣческую душу?! Эта задача уже не по силамъ ни старому идеализму, которому не хватаетъ реальныхъ словъ для народившихся новыхъ понятій,—ни міровой скорби, которая сама себѣ выколола глаза въ тотъ моментъ, когда нужно было зрѣніе особенно напряженное, зрѣніе мистическое, чтобы видѣть во тьмѣ!

Духовная природа человѣка, среди полнаго торжества животной жизни, не разъ требовала *мистицизма*: и онъ появлялся, — но неосмысленный, чувственный, болѣзненный, въ формѣ глупыхъ суевѣрій и кликушества, съ которыми и было ошибочно связано понятіе мистицизма. Его зрячесть во тьмѣ была зрячестью кошки, а кошка не можетъ замѣнить пророка!

Чтобы зачерпнуть воды живой и утолить духовную жажду общества, литература должна была искренно, сердцемъ вернуться къ мистическому первоисточнику истины и добра, — *къ религіи*. И заслуга самого смѣлаго, самаго яркаго почина въ этомъ дѣлѣ въ нынѣшнемъ вѣкѣ принадлежитъ русской литературѣ. Геній Достоевскаго съ мистической прозорливостью нашелъ, во мракѣ и грязи, искру божественнаго огня, показалъ ее и зажегъ ею сердца! Гигантская работа Владиміра Соловьева является рѣшительнымъ шагомъ въ области пророческой мысли, по пути къ тому синтезу, который Б. Н. Чичеринъ удачно называетъ *универсализмомъ*, т. е. высшимъ соглашеніемъ разнообразныхъ элементовъ человѣческаго духа, съ указаніемъ мѣста и значенія каждаго въ общей системѣ. Тотъ же Чичеринъ въ своей „Соціологіи", бодро глядитъ въ будущее, предвидитъ наступленіе такой гармоніи и въ литературѣ, и въ обществѣ. Герберту Спенсеру, рѣзко предсказывающему побѣду соціализма и „грядущее рабство" личности, русскій мыслитель отвѣчаетъ не менѣе рѣзко: „Соціализмъ неосуществимъ, и именно потому, что онъ слишкомъ низокъ, а не слишкомъ высокъ для человѣческой природы"...

IV.

Названные русскіе писатели слишкомъ крупные люди, чтобы по нимъ можно было судить с современномъ положеніи большинства писателей и о трудности ихъ борьбы за духовную свободу. Внѣшнія матеріальныя условія, въ которыхъ находится письменность, до крайности затрудняютъ борьбу. Въ доброе старое время существовала *рукопись*, потомъ появилась *книга*. Книгу вытѣсняетъ такъ называемый *толстый журналъ*, вытѣсняемый въ свою очередь *журналомъ иллюстрированнымъ*, который даетъ и беллетристику, и картинки, и популярно-научныя свѣдѣнія, и олеографіи, и вышитыя подушки, и все, что хотите, въ видѣ премій, начиная съ контрамарки дешевой столовой, продолжая выпиленной рамочкой и кончая чуть не билетомъ на кладбищенское мѣсто.

Послѣднее слово печати принадлежитъ, однако, не ему, а ежедневной *газетѣ*, этой всесильной нынѣ мелочной лавочкѣ

мысли. Содержаніе лавочки стоитъ дорого, и предпринимателю нужно расширять кругъ потребителей, т. е. угождать имъ. Ясно, поэтому, что газета, сравнительно съ книгой, является менѣе высокимъ органомъ литературы; въ большинствѣ случаевъ она отрицательно вліяетъ и на писателя, и на публику. Даже самая честная газета есть все-таки не лучшій видъ серьезной письменности, сопряженный съ особенною трудностью служенія истинѣ и добру, хотя бы потому, что газета даетъ свѣдѣнія, собранныя на-скоро, не подвергнутыя зрѣлой оцѣнкѣ!

А если она находится въ рукахъ людей безъ серьезнаго нравственнаго и умственнаго ценза, какъ нынѣ большая часть популярничающей уличной прессы, или крупные органы, пристраивающіеся къ финансовымъ тузамъ и стачкамъ?!

Легко можно себѣ представить, какіе ужасы она можетъ вытворять, какимъ орудіемъ шантажа и систематическаго развращенія она можетъ быть въ грязныхъ рукахъ. Во что можетъ превратиться критика! Она можетъ похоронить въ молчаніи какое угодно крупное произведеніе и раздуть наглую бездарность. И чѣмъ больше полуобразованныхъ, лѣниво-мыслящихъ читателей, получающихъ свѣдѣнія о внѣшнемъ мірѣ и крохи кое-какихъ познаній исключительно при посредствѣ газетъ,—тѣмъ хуже для истинной литературы, которая отдѣлена отъ толпы своевольными газетными феодалами. Захотятъ—пропустятъ, захотятъ—убьютъ, или надолго заключатъ произведеніе глубокой мысли въ темницу неизвѣстности.

Никогда не забуду послѣдняго свиданія своего съ покойнымъ Вестужевымъ-Рюминымъ, происшедшаго незадолго до его смерти. Разговорившись о литературѣ, онъ вдругъ сдѣлалъ болѣзненную гримасу и, указавъ на газету, брезгливо спросилъ: „Вамъ это не внушаетъ суевѣрнаго страха?!!“

Еще бы не внушать страха, когда вся серіозная книжная литература состоитъ почти въ крѣпостной зависимости отъ разбойничьихъ становъ, именуемыхъ газетами! Намъ, русскимъ, сравнительно еще хорошо, такъ какъ у насъ, по крайней мѣрѣ, есть еще газеты, русскія не только по имени—и эта часть печати стоитъ значительно выше иностранной; на ней сказываются въ большей или меньшей мѣрѣ религіозныя основы, народолюбіе, честность мысли и тотъ особенный универсализмъ, который свойственъ русскому духу.

Обществу должна быть особенно дорога газета честная, въ достойномъ веденіи которой есть несомнѣнный *героизмъ*, отказъ отъ барышей, готовность на всякія непріятности.

Такъ или иначе, газета вызвана жизнью и неустранима. Поэтому, конечно, все изложенное должно являться для наиболѣе идейныхъ писателей стимуломъ только къ тому, чтобы *идти въ газеты*, съ цѣлью умѣрять наносимое ими зло и не давать ему разростаться, — идти съ цѣлью сѣять „разумное, доброе, вѣчное“!...

А разростись газетному злу недолго. Плоды уличной прессы встрѣчаются на каждомъ шагу, и какіе пышные, махровые!

Цѣлая вакханалія лжи и издѣвательства надъ чѣмъ угодно! Мѣщанка NN, служащая днемъ въ суровской лавкѣ, а вечеромъ надѣвающая модный лифъ, отправилась отдыхать душой въ какой-нибудь танцклассъ и раскроила тамъ своему пріятелю черепъ глинянымъ кувшиномъ изъ-подъ оранжъ-амера. Затѣмъ она не убѣжала, а гордо отдалась въ руки правосудія: она *хочетъ суда*, потому что вспоена помоями „развивающей" уличной по духу прессы и практически понимаетъ современную жизнь. Ее оправдаютъ! Адвокатъ,—духовно близкій автору прочитаннаго ею уголовнаго романа,—скажетъ, что эта женщина—Гамлетъ въ юбкѣ, или Офелія, но только не въ тихомъ, а въ болѣе энергичномъ экстазѣ или помѣшательствѣ! Не все же тихо съ ума сходить! Подобно героинѣ любой пошлой модной пьесы, новая Офелія произнесетъ „я жить хочу!" — и дѣло въ шляпѣ. Ее непремѣнно оправдаютъ, на страхъ другимъ обывательскимъ черепамъ и во славу человѣкоубійственнаго сентиментализма!..

Все охвачено духомъ лжи, находится въ чаду, парализующемъ чувствилища, которыми здоровый человѣкъ воспринимаетъ истину. И найдется доморощенный поэтъ, обезьяна французскаго декадента, который придетъ въ восторгъ отъ „жеста съ кувшиномъ оранжъ-амера"! Le geste est beau! Ахъ, какой удивительный символизмъ въ словахъ „Oranges-amères"! „Orange"—апельсинъ... словно музыка изъ „Миньоны"!.. А затѣмъ слово „amer",— *горькій*! Какое пророческое сочетаніе, какая раздвоенность, какая художественная недосказанность!

Положимъ, убійство—поступокъ противообщественный... Но вѣдь „все противообщественное прекрасно и все прекрасное противообщественно". Остальное—пошлость! Послѣднія слова декадентъ произнесетъ особенно торжественно, подобно тому, какъ Гамлетъ произноситъ свое „The rest is silence!"

Мудрено писателю отстаивать духовную свободу, когда, по выраженію Карлейля, „герои ушли, шарлатаны остались!"

V.

Какъ только заходитъ рѣчь о свободѣ писателя, обыкновенно первымъ долгомъ выдвигается вопросъ о *цензурѣ*, причемъ проявляется превеликая путаница понятій. Во-первыхъ, принято считать, что и de facto цензура одна; а между тѣмъ, ихъ три. Первая изъ нихъ, правительственная, исходя изъ коренныхъ государственныхъ принциповъ, говоритъ: *такъ* нельзя. Кто признаетъ цѣлесообразность государства, какъ учрежденія, воспитывающаго общество и руководящаго имъ, тотъ долженъ признавать и необходимость цензуры, вооруженной знаніемъ общественной психологіи, проникнутой идеалами гуманнаго государства и *въ крайнихъ случаяхъ*, ради огражденія общественнаго спокойствія говорящей во имя ихъ: „*Такъ* нельзя". Она нерѣдко стѣсняла публицистическіе порывы первныхъ или мя-

тежныхъ жрецовъ повременной печати, мѣшала иногда торопливому, горячему служенію вопросамъ дня, прикрывала порою то, что для блага страны слѣдовало обнаружить; но безусловно никогда она не наносила вреда высшимъ формамъ литературы: *ни одно великое произведеніе не осталось подъ спудомъ и не погибло по винѣ этой цензуры.* На-ряду съ этимъ можно указать много примѣровъ, когда ея умѣряющее воздѣйствіе приносило пользу обществу, въ которомъ готовы были разыграться дикія страсти.

Писатель, желающій *разумной*, а не хаотической свободы печати и вмѣстѣ, конечно, добра и покоя обществу, можетъ желать только *свободы содержанія* литературныхъ произведеній, *свободы мысли, а не формы ихъ.* Государству и обществу нужна свобода мысли, свобода критики,—но именно разумная свобода въ культурныхъ формахъ, а не вакханалія или заразительная истерія, вносящая смуту, а не ясность мысли. Во всякомъ случаѣ, слава Богу, что постепенно проходятъ времена, когда запрещались въ поваренной книгѣ „цыплята на вольномъ духу", но это не значитъ, что умная и проникнутая гражданскими идеалами правительственная цензура вовсе не нужна. Кстати, надо отмѣтить, что у нея есть важное положительное качество: она касается *одного* опредѣленнаго произведенія, не предрѣшая судьбы слѣдующихъ, могущихъ вылиться изъ-подъ того же смѣлаго пера.

Совершенно лишена какихъ бы то ни было положительрыхъ чертъ *другая цензура,* неофиціальная и замѣтная только тѣмъ, кому понятна сущность общественной жизни. Эта цензура *посягаетъ прямо на содержаніе письменности,* не стѣсняясь притомъ въ выборѣ средствъ для своего давленія. Она обыкновенно находится въ рукахъ преобладающаго общественнаго класса, овладѣвшаго большинствомъ газетъ и разными модными многолюдными учрежденіями. Она стѣсняетъ свободу самой мысли и старается упразднить ее, чтобы всѣхъ и все привести къ одному знаменателю. Во времена реакціонныя она мысли объ освобожденіи крестьянъ называетъ преступленіемъ и на каждомъ шагу указываетъ на необходимость тѣлеснаго наказанія. Въ такъ называемыя либеральныя времена, она требуетъ молчанія о промышленныхъ стачкахъ и эксплуатаціи одного класса или народа другимъ, порицаетъ религіозность и преданность государственной идеѣ.

Эта цензура, при посредствѣ принадлежащихъ ей органовъ печати и болтуновъ, кричитъ: „Это низость, проповѣдь мракобѣсія, шпіонство. Ату его! Душить его надо, мстить ему и памяти его!" Или: „Это нигилизмъ, трясеніе основъ, измѣна отечеству! Арестовать его!".. Начинается съ преувеличенія и сейчасъ доходитъ до лжи. Мстительная ложь проникаетъ даже въ исторію литературы, въ хрестоматіи и словари, чуть не въ руководства!..

Большая часть печати, нуждающейся въ матеріальномъ сочувствіи толпы, раболѣпствуетъ передъ этой цензурой, совершенно забывая о призваніи литературы. Это одна изъ гнуснѣй.

шихъ формъ *террора*, передъ которою, если строго разобрать, меркнутъ ужасы инквизиціи... Писатель робѣетъ, ежится, вступаетъ въ позорные компромиссы. Пуще огня онъ боится „передовыхъ“ студентовъ, бойкотирующихъ „писемъ въ редакцію“, боится утраты популярности и тѣмъ самымъ зачастую пріобрѣтаетъ только ея фикцію.

Авторская личность уменьшается, эскамотируется, исчезаетъ, точно шарикъ въ рукахъ у фокусника. Кругъ читателей грубѣетъ, смѣется фокусамъ и обращается къ прежнему своему пророку съ наглымъ требованіемъ: „Circenses! Забавляй меня, такой-сякой!“...

Естественнымъ продуктомъ этой цензуры является *третья*, которую проще назвать *рыночной* и которой принадлежитъ еще, увы, большое будущее. Это *цензура издательская*, которая не столько запрещаетъ, сколько требуетъ и *заказываетъ*, уже всецѣло руководясь только вкусами большой публики, или, вѣрнѣе, слабостями ея. Ея угрозы—голодъ и отсутствіе извѣстности; ея даръ—низведеніе писателя на уровень холопа и шута.

Къ этому дару, къ этой низкой роли его приготовила вторая, партійная цензура, лишившая его духовной самобытности; третья затѣмъ велитъ ему „потрафлять хорошимъ господамъ“. Онъ и потрафляетъ.

Немудрено, что при такихъ условіяхъ сама публика не уважаетъ податливаго писателя, а къ самостоятельному зачастую проявляетъ грубую нелюбовь; дурнымъ общественнымъ элементамъ, вродѣ гоголевскаго городничаго или разбойниковъ промышленности и темныхъ общественныхъ дѣльцовъ, ненавистны рѣдкіе независимые писатели, которыхъ, вдобавокъ, систематически травитъ и опорочиваетъ вторая, партійная цензура, большею частью *двухсторонними доносами*: *по начальству и публикѣ*; а лучшая часть общества перестала относиться съ уваженіемъ къ писательской профессіи, въ рядахъ которой насчитывается слишкомъ много всякаго сброду. Да и какъ отличить добросовѣстнаго слугу правды отъ продажнаго писаки, когда послѣдній пишетъ зачастую болѣе „занятно“? Личность неизвѣстна, интонаціи не слышно, бумага не выдаетъ лжи, а вдумываться въ писанія некогда, такъ какъ въ завтрашнемъ номерѣ газеты будетъ новый калейдоскопъ фактовъ и бойкихъ фразъ.

Положеніе воистину трагическое и требующее настоящаго героизма отъ писателя,—героизма ежедневнаго, ежеминутнаго, въ теченіе всей жизни. Писателю временъ упадка римской имперіи или при инквизиціи было легче, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что расправа была коротка и самолюбіе не такъ страдало. Да и величайшій бичъ истинной литературы,—рыночное отношеніе къ книгѣ,—почти не существовалъ въ ту пору, когда писательство было не профессіей, а призваніемъ.

VI.

Послѣ всего вышеизложеннаго, надо полагать, само собою выясняется, что̀ такое писатель и каковы его особыя примѣты. Карлейль, считающій его героемъ, и Фихте, называющій его пророкомъ, требуютъ отъ него глубокаго проникновенія божественной идеей, требуютъ извѣстной *святости*. Л. Н Толстой тоже требуетъ религіозности, но какъ настоящій мрачный сектантъ, съуживаетъ ея сферу, *отрицая красоту*, косвенно пробуждающую „чувства добрыя".

Названные выше мыслители правы въ принципѣ. Но можно ли требовать святости въ началѣ духовно-стараго двадцатаго вѣка? Можно ли требовать отъ всякаго просто-талантливаго писателя, чтобъ онъ былъ большимъ героемъ или пророкомъ?

Обязательна можетъ быть религіозность только въ болѣе широкомъ и производномъ смыслѣ слова. Во-первыхъ, писатель долженъ считать свое дѣло святымъ, писать только по призванію; стало, быть у него должна быть вѣра въ Высшую Истину и любовь къ людямъ, т. е. тѣ мысли и чувства, которыя являются истинными стимулами и духовнымъ содержаніемъ благороднаго литературнаго творчества. Эти мысли и чувства неизбѣжно приведутъ писателя къ религіи, если онъ человѣкъ послѣдовательный: *внѣ религіи нельзя найти ни критерія нравственности, ни источника любви*. Если же онъ и не дойдетъ до религіи, то все-же возвышенный взглядъ его на свое дѣло, и все то, что онъ скажетъ искренно и безкорыстно, послужитъ, такъ сказать, „проведенію дороги черезъ хаосъ". Самъ того не зная, онъ будетъ, если не носителемъ, то слугою божественной идеи.

Стало быть, сущность вопроса заключается, прежде всего, въ отношеніи писателя къ своему дѣлу. Есть, напримѣръ, благородные матеріалисты-теоретики, такъ сказать, рыцари матеріализма, одушевленные любовью къ человѣчеству и жаждой правды. Конечно, они заслуживаютъ полнаго почтенія и объективнаго сочувствія. Ихъ было много у насъ въ 60-е годы и ихъ работою добыто много полезнаго фактическаго матеріала. Если согласиться съ такимъ мнѣніемъ о плеядѣ этихъ дѣятелей, то надо признать, что однимъ изъ основныхъ принциповъ писательской дѣятельности должна быть *терпимость* и даже *объективное уваженіе ко всякой непродажной искренней мысли*, благодарное признаніе плодовъ ея. Съ этой точки зрѣнія можно одинаково уважать за искренность и прямоту людей самыхъ различныхъ лагерей, не раздѣляя взглядовъ того или другого, но признавая, что каждый изъ нихъ даетъ частицу истины.

Идеаломъ писателя, мыслящаго возвышенно и справедливо, доженъ быть *универсализмъ*. Ему, по выраженію Чичерина, ничто не можетъ быть чуждо, такъ какъ онъ призванъ указать и вызвать къ жизни высшую гармонію Сущаго. Всѣ великіе писатели универсальны для своего времени; само собою

разумѣется, что *содержаніе универсализма постоянно осложняется*, сообразно съ историческимъ развитіемъ человѣчества,—и чѣмъ дальше, тѣмъ эта задача становится труднѣе; оттого подобные писатели такъ рѣдки. По нимъ можно прослѣдить всю исторію человѣческаго развитія, какъ по неугасимымъ маякамъ.

Остальные, менѣе крупные писатели, достигаютъ этой полноты лишь по приближенію, — а таковыхъ большинство. Поэтому остановимся на болѣе широкой и скромной формулѣ, подъ которую могли бы подойти истинные писатели всѣхъ направленій и калибровъ: писатель есть человѣкъ, пишущій *исключительно по призванію то, что онъ считаетъ истиннымъ и полезнымъ для людей.*

Ясно, что онъ всегда *страдалъ* и съ каждымъ днемъ его страданья должны увеличиваться. Во-первыхъ, отличительныя свойства идеала, побуждающаго его писать, суть абсолютность и недостижимость, и, стало быть, на языкѣ жизненной практики, *идеалъ—синонимъ страданія.* Каждый шагъ, приближающій къ нему, все болѣе обнаруживая земныя несовершенства, усугубляетъ рознь между мечтой и дѣйствительностью, вызываетъ тревогу, предвѣщаетъ неравную борьбу съ тѣми, кому эта дѣйствительность выгодна или дорога.

Во-вторыхъ, самое *творчество есть страданіе*, если согласиться съ тѣмъ, что усиліе, не вполнѣ успѣшное, всегда мучительно. Отъ смутнаго чувства нужно перейти къ единственной лучшей мысли, отринувъ прочія, и облечь ее въ единственную лучшую форму, также отринувъ прочія. Въ обоихъ случая происходятъ процессы выбора и передачи или превращенія, — и для обѣихъ функцій аппаратъ не годится: творческое чувство неизмѣримо полнѣе и шире, чѣмъ мысль, а мысль неизмѣримо обширнѣе и вѣрнѣе, чѣмъ ея литературное выраженіе. Иногда творческое чувство безусловно непередаваемо мыслью и словами и доступно только музыкѣ, у которой, въ свою очередь, есть свои крайніе предѣлы.

Итакъ, мысль есть страданіе, какъ сказалъ Флоберъ; а нашъ великій художникъ слова Тютчевъ, сѣтуя на узкіе предѣлы литературной передаваемости, даже говоритъ: „Мысль изреченная есть ложь". Втеченіе всей своей работы писатель ведетъ отчаянную *борьбу съ языкомъ*, изобрѣтаетъ новыя слова, устраняетъ опошленныя выраженія, придумываетъ новыя сочетанія. Недаромъ великій Гете, въ разговорѣ съ Эккерманомъ, называетъ языкъ *чудовищемъ* (Ungeheuer).

Въ борьбѣ съ языкомъ необходима строгая критическая дѣятельность ума, а между тѣмъ она нерѣдко слабѣетъ именно во время творческаго возбужденія. Оттого великіе писатели даютъ вылежаться своимъ произведеніямъ. Когда покойному жанристу Өедотову сказали по поводу какого-то этюда: „ахъ, какъ просто!"—онъ отвѣчалъ: „Да, просто, когда передѣлаешь разъ сб-сто". Вспомните Гоголя, сжигающаго свою рукопись!

Стоитъ взглянуть на любую черновую тетрадь серіознаго писателя, прочесть его письма, обнародованныя нескромными

людьми,—и откроется цѣлый океанъ страданія. Возьмемъ, напримѣръ, весьма интересную во многихъ отношеніяхъ переписку Флобера. Вотъ, что говоритъ онъ Луизѣ Коллэ, которую называетъ своей музой: „Чѣмъ дальше, тѣмъ больше я сознаю свою неспособность къ выраженію идеи... Я совершенно изнемогъ отъ постояннаго раздраженія, вызываемаго во мнѣ этою работой... Гдѣ граница между вдохновеніемъ и и помѣшательствомъ, между идіотствомъ и экстазомъ? Развѣ не нужно быть художникомъ, чтобы видѣть иначе, чѣмъ другіе люди? Искусство не игра ума, а спеціальная атмосфера... Оно, подобно іудейскому Іеговѣ, требуетъ жертвоприношеній. Рви же плоть свою, бичуй себя, валяйся въ пеплѣ, унижай прахъ, плюй на свое тѣло, вырви сердце изъ груди! Ты будешь одинокъ, ноги твои будутъ окровавлены, адское чувство отвращенія будетъ твоимъ спутникомъ; ничто, радующее другихъ, не будетъ радовать тебя; что для нихъ является ничтожнымъ уколомъ, то станетъ для тебя мучительною раной! Ты затеряешься въ толпѣ. Только вдали, на горизонтѣ, будетъ сіять для тебя слабый свѣтъ. Но онъ будетъ все рости, сдѣлается громаднымъ, какъ солнце, золотые лучи его озарятъ твое лицо, проникнутъ въ тебя, ты весь просвѣтлѣешь, почувствуешь себя воздушнымъ, состоящимъ изъ одного духа!"..

Развѣ каждая строка въ этихъ отрывкахъ не говоритъ о страданіи? Положимъ, здѣсь кстати замѣтить, что Флоберъ, какъ видно изъ той же переписки, натура неуравновѣшенная, раздвоенная. Какъ личность, онъ буржуазный, прозаичный эгоистъ, даже по отношенію къ любимой женщинѣ. Авторъ въ немъ неизмѣримо выше человѣка и борьба между обѣими натурами доходитъ до настоящей пытки...

Неуравновѣшенность и двойственность натуры есть одинъ изъ серіознѣйшихъ источниковъ писательскаго страданія. У человѣка, ставшаго писателемъ, появляется какъ бы вторая духовная природа, управляемая собственными законами и большею частью стоящая выше личной натуры того же человѣка, съ которою она ведетъ ожесточенную борьбу. Напримѣръ, Лѣсковъ былъ очень физическій человѣкъ съ кипучими страстями и нравственнымъ обликомъ матеріалиста, а въ литературѣ онъ являлся однимъ изъ крупнѣйшихъ представителей идеализма. Нерѣдко творецъ возвышенныхъ произведеній является безнравственнымъ, какъ Мюссе, или мелко-тщеславнымъ и стяжательнымъ, какъ Гюго или Фетъ. Весьма характерно, что біографіи крупныхъ писателей всегда наносятъ ущербъ обаянію ихъ произведеній.

Случаи, когда частная личность писателя подавляетъ авторскую, встрѣчаются все чаще въ наше время, какъ результатъ демократизаціи духа, убивающей волю, и господства матеріализма, замѣняющаго призваніе профессіей. Эти явленія привели бы къ смерти литературы, еслибы литература не была безсмертна и не выдвигала хоть изрѣдка крупныхъ характеровъ. У Некрасова огромный талантъ былъ подавленъ сравнительно малою личностью; все недолговѣчное, некрасивое и фаль-

шивое въ его произведеніяхъ, т. е. бо̀льшая часть этихъ последнихъ, есть плодъ именно личной слабости, а все возвышенное создано талантомъ. А на-ряду съ этимъ не очень крупное дарованіе Алексѣя Толстого, при посредственномъ умѣ, создало безсмертныя произведенія, благодаря возвышенной личности. Геніальныя произведенія гр. Л. Н. Толстого принадлежатъ *огромному художнику*, а слабыя попытки фальсификаціи или произвольнаго извращенія христіанства *гораздо менѣе крупному личному характеру его*, обуянному самомнѣніемъ и другими слабостями.

У истиннаго писателя есть еще страданія, происходящія отъ того, что̀ онъ пишетъ, т. е. что̀ онъ духовно переживаетъ. Что долженъ былъ испытывать авторъ Карамазовыхъ? А Данте? Недаромъ жители Вероны, встрѣчая Данта и глядя на это царственно-печальное лицо, говорили: „Вотъ человѣкъ, который побывалъ въ аду". Что было на душѣ у Шекспира, глубже другихъ постигшаго трагизмъ человѣческой жизни?! *Все великое печально, какъ выраженіе духа, томящагося въ земной неволѣ.*

Жизнь писателя въ обществѣ также нелегка. Литературная среда не вполнѣ нормальна, какъ среда: подлѣ настоящихъ писателей трутся поддѣльные, очень ловко замаскированные,—и у всѣхъ нервы разстроены страданіями тщеславія, срочною работою; много недобрыхъ чувствъ и мало прочныхъ радостей. Не только для того, чтобы черпать сюжеты и краски, но и для того, чтобы жить душою,—надо вращаться въ обществѣ. Но и тамъ скверно: скучно, мелкіе разсчеты, отсутствіе искренняго интереса къ литературѣ! Партійная или просто банальная газета загипнотизировала умы и подчинила самое публику цензурѣ партійной или торгашеской.

Несомнѣнно, что въ этомъ *виноваты*, въ значительной мѣрѣ, *сами писатели*. Такъ называемый успѣхъ достигается тремя способами: или писатель подлаживается подъ модные вкусы, когда онъ духовно низокъ; или онъ отвѣчаетъ на запросы общества, которому духовно равенъ, отличаясь только способностью более или менѣе красиво выражать настроенія того же общества,—и тогда шумность успѣха обратно пропорціональна его прочности; таковъ, напримѣръ, Надсонъ. Или, наконецъ, писатель, безцензурный въ широкомъ смыслѣ слова, мыслящій вполнѣ свободно, силою таланта и стойкостью убѣжденій покоряетъ публику. Таковъ русскій витязь Достоевскій, зажегшій тысячи сердецъ во время почти всеобщаго, всесторонняго отрицанія и скептицизма.

Врядъ ли чувства публики къ нему можно назвать любовью! Юбилей можно справить пьянымъ обѣдомъ, могилу забросать цвѣтами и даже „освятить" демонстраціей; но рознь между героемъ и толпой, скрытая или явная, — фактъ неизбѣжный. Не надо забывать, что Пушкина, въ сущности, загубилъ свѣтскій кругъ, не знавшій, „на что̀ онъ руку поднималъ!" А такъ называемый „либеральный лагерь" по временамъ покушается произвести насиліе надъ самою тѣнью геніальнаго поэта, посмертно вербуя въ ряды своихъ крикли-

выхъ гусей этого могучаго орла, созданнаго для воли на лазурномъ просторѣ небесъ!..

VII.

Итакъ, англійскій мыслитель правъ, требуя героизма отъ писателя. Чтобъ не ходить далеко, напомнимъ, что наша родная литература богата примѣрами героизма. Жуковскій и Гоголь, — первый устами, второй перомъ, — говорятъ правду грозному Императору. Писатели сороковыхъ и 50-хъ годовъ пишутъ противъ крѣпостничества во время его преобладанія. Чичеринъ бросаетъ смѣлый укоръ всесильному Герцену за недостатокъ истиннаго патріотизма и терпѣливой любви къ народу; графъ Ал. Толстой одинаково смѣлъ и честенъ по отношенію къ сильнымъ міра и господствующимъ общественнымъ теченіямъ.

> Дружно гребите, во имя прекраснаго,
> Противъ теченія,—

говоритъ онъ звучнымъ стихомъ.

О титанѣ-Достоевскомъ и говорить нечего. Ученикъ и другъ его Владиміръ Соловьевъ жертвуетъ всѣмъ благополучіемъ земнымъ: во время разгара естественной послѣ 1 марта реакціи, онъ напоминаетъ о христіанскомъ всепрощеніи, а затѣмъ, что еще возвышеннѣе, рискуетъ популярностью въ наиболѣе шумныхъ интеллигентныхъ кругахъ, указывая на духовныя основы *христіанскаго самодержавія*... Онъ думаетъ такъ или иначе — и говоритъ, не справляясь ни съ чьими взглядами и не боясь ничьего гнѣва!

Это все герои, люди большіе. А что дѣлать болѣе скромнымъ труженикамъ печати? Какъ отстоять святыню своего дѣла и цѣльность своей, хотя бы маленькой авторской личности?

Отвѣтъ одинъ: *вырабатывать личный характеръ*, вопросъ о которомъ, почему-то, за послѣднее время, въ пренебреженіи. *Даже школа о немъ совершенно забыла,—и въ этомъ ея главный, тягчайшій грѣхъ, въ этомъ ея позорное безсиліе...*

Надо идти на страданія и умѣть ихъ выносить безъ лишняго крику. Не надо забывать, что неумѣнье страдать зачастую комично, а иногда вызываетъ не только зѣвоту, но и ожесточеніе въ публикѣ. Міровая скорбь хороша, да и то въ свое время,—а банальное нытье на давно исчерпанныя темы, коренящееся иногда только въ убожествѣ авторской мысли, въ страданіи тщеславія, желудка или кармана, является признакомъ дурного литературнаго тона. Оно еще больше дискредитируетъ литературу въ глазахъ общества.

Чтобы матеріальныя условія не душили писателя, надо, по возможности, освободить отъ нихъ свое святое дѣло, не принимать ихъ въ серіозный разсчетъ: не надо смотрѣть на литературу, какъ на источникъ дохода, а надо находить отраду въ самомъ процессѣ творчества. Зарабатывать можно и

другимъ ремесломъ, а въ литературѣ, въ служеніи высокому призванію, надо искать духовныхъ радостей и мукъ!.. Въ крайнемъ случаѣ,—если призваніе и профессія совпадаютъ,—надо сократить свои потребности. Ясно, что писатель, предающійся фактически многоженству, посвящающій досуги прожиганію жизни и склонный вообще къ роскоши, будетъ всегда интриганомъ, кондотьеромъ еврейскихъ и иныхъ финансистовъ, фальсификаторомъ какихъ угодно понятій, идеаловъ и программъ. Этотъ типъ, къ сожалѣнію, насаждается именно крупными газетами, огромные бюджеты которыхъ развиваютъ „лихачество пера", нерѣдко съ шантажнымъ оттѣнкомъ и во всякомъ случаѣ съ утратой уваженія къ высшимъ идеаламъ литературы.

Жестокій кризисъ литературы, какъ профессіи, даже весьма желателенъ: тогда всѣ ремесленники и торговцы, именующіе себя литераторами, перешли бы къ болѣе выгоднымъ и нормальнымъ для нихъ занятіямъ. Эта сторона дѣла, впрочемъ, еще не такъ опасна.

Гораздо опаснѣе *жажда популярности*. Партійная цензура зиждется на этой жаждѣ, одною рукою раздавая незаслуженные вѣнки, а другою—подавляя свободныхъ авторовъ или шантажно имъ угрожая. Нужно побѣдить это искушеніе,—и такая побѣда по плечу не однимъ только знаменитымъ героямъ. Могутъ же безымянные солдатики умирать за отечество, зная, что о нихъ даже исторія скажетъ коротко: „Выбыло изъ строя столько-то нижнихъ чиновъ". Они дѣлаютъ это не потому, чтобы каждый солдатъ хотѣлъ и непремѣнно надѣялся быть генераломъ: они выше этого, потому что служатъ великой идеѣ.

Только на такомъ служеніи основано все прочное и возвышенное на землѣ. Только оно даетъ духовную свободу.

Пусть каждый, вступающій въ священный храмъ литературы, скажетъ себѣ: „Не хочу быть яркимъ электрическимъ фонаремъ на дверяхъ растлѣннаго кафешантана. Я предпочитаю быть *еле видной восковой свѣчечкой предъ алтаремъ моей Святыни!!!*"

В. Величко.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Замѣтки по вопросу о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности Я. Демченко. Кіевъ, 1903.

Въ этой небольшой книгѣ (67 стр.) дается полное и ясное представленіе о нуждахъ крестьянскаго хозяйства и затрудненіяхъ землевладѣльцевъ, выясняются вызывающія ихъ сложныя причины, перечисляются мѣры для устраненія, или, по крайней мѣрѣ, ослабленія нежелательныхъ явленій въ сельскохозяйственной промышленности и бытѣ.

Авторъ книги, „старый и давній хозяинъ и земскій служилый человѣкъ“, какъ практикъ, приступаетъ къ вопросу съ практической стороны. Познакомивъ съ раціональнымъ помѣщичьимъ хозяйствомъ и способомъ веденія хозяйства крестьянами (въ большинствѣ мѣстностей тотъ же трехпольный сѣвооборотъ, но производящійся не тѣмъ порядкомъ, что у владѣльцевъ), онъ говоритъ, что именно въ этой-то разницѣ въ способѣ воздѣлыванія земли и заключаются причины, почему помѣщикъ, по сравненію съ крестьянами, пашетъ, сѣетъ и убираетъ только 60% своихъ полей, а зерна и соломы получаетъ въ два раза больше.

По мнѣнію автора, ближайшею цѣлью правительственныхъ мѣропріятій и упорядоченій должно быть послѣдовательное усвоеніе и достиженіе крестьянскими хозяйствами правильно веденнаго трехпольнаго сѣвооборота съ удобреннымъ паромъ, т. е. увеличеніе производительности крестьянскаго хозяйства, а никакъ не увеличеніе размѣровъ его, потому что крестьяне не могутъ правильно эксплоатировать и того, будто бы недостаточнаго количества земли, которымъ они теперь владѣютъ [1]), а между тѣмъ, чѣмъ меньше участокъ, тѣмъ легче съ нимъ управиться и довести хозяйство на немъ до совершенства.

Увеличеніе производительности крестьянскихъ земель почти въ два раза—дѣло величайшей экономической важности. Крестьянское земледѣліе обнимаетъ у насъ пространство не вдвое, а вчетверо больше, чѣмъ владѣльческое. Получить на крестьянскихъ поляхъ по 70 — 80 пуд. хлѣба, вмѣсто 35—40,—разница составила бы колоссальную сумму. Крестьянскій бюджетъ удвоился бы, и гдѣ была крайняя нужда, тамъ былъ бы достатокъ, а гдѣ былъ достатокъ,—явилось бы богатство. И такое увеличеніе производительности кре-

[1]) Размѣры крестьянскаго землевладѣнія по отдѣльнымъ раіонамъ черноземной области находятся въ обратно-пропорціональномъ отношеніи къ крестьянскому оскудѣнію „Устои народнаго хозяйства Россіи“. *В. Гурко*. Спб. 1902, 48 стран.

стьянскихъ земель—по естественнымъ условіямъ вполнѣ достижимо, слѣдуетъ только для того приспособить общественныя условія, которыя мѣшаютъ крестьянамъ примѣнять у себя раціональный способъ веденія хозяйства, практикуемый на виду у нихъ и даже ихъ руками во владѣльческихъ экономіяхъ.

Причины обѣднѣнія и даже разоренія многихъ владѣльцевъ-хозяевъ авторъ видитъ, во-первыхъ, въ томъ, что трехпольный сѣвооборотъ съ удобреннымъ паромъ, составляющій въ настоящее время идеалъ, не вполнѣ достигнутъ и не сполна усвоенъ даже владѣльческимъ хозяйствомъ; кромѣ того, онъ уподобляетъ владѣльческія хозяйства разсохшейся бочкѣ, изъ которой, пока ее до мѣста довезешь, половина воды утечетъ. Крестьянинъ или рабочій по найму далеко не такъ старательно работаетъ, какъ у себя дома на своемъ хозяйствѣ и хуже всего работаетъ именно въ самую горячую пору, когда бываетъ увѣренъ, что безъ него не обойдутся и не прогонятъ его. Всякія издѣльныя работы соотвѣтствуютъ договору только количествомъ, но не качествомъ. Сколько колосьевъ остается на владѣльческомъ полѣ послѣ уборки хлѣба, какъ плохо связаны снопы, какъ плохо сложены копны, скирды. Какъ все это прорастаетъ и гніетъ во время большихъ и частыхъ дождей. Обхожденіе съ хозяйскимъ скотомъ, хозяйскимъ кормомъ, орудіями, инструментами—варварское, возмутительное! Во многихъ мѣстностяхъ, ради болѣе центральнаго положенія и во избѣжаніе воровства, экономіи и усадьбы переселились въ поля и степи, но и это мало помогаетъ. При сторожахъ, при ключникахъ исчезаютъ инструменты изъ мастерскихъ, веревки, цѣпи, упряжь, мѣшки, колеса съ возовъ и проч., и проч. Хлѣбъ крадутъ и изъ магазиновъ, и изъ мельницъ, при перевозкахъ, при молотьбѣ и изъ копенъ на полѣ. Не вездѣ, конечно, одинаково,—гдѣ больше, гдѣ меньше. Крадутъ порознь, крадутъ и въ союзѣ, свои рабочіе и чужіе, начальствующіе и подчиненные.

Мужикъ относится къ владѣльцу, даже къ бывшему своему помѣщику, далеко не сочувственно, скорѣе завистливо и злобно. Земли у него мало, а у помѣщика много. Зачѣмъ помѣщику такъ много земли, когда у насъ мало? Басни о передѣлѣ земли распространены во многихъ мѣстностяхъ и мужики тщетно ждутъ этого передѣла 20—30 лѣтъ и, не дождавшись желательнаго, злобствуютъ, и злобу свою проявляютъ всякими способами: нарушаютъ и изъ года въ годъ передвигаютъ межи, захватываютъ цѣлые участки, травятъ поля, воруютъ, что попало, отнюдь не считая этого грѣхомъ, поджигаютъ больше изъ принципа, чѣмъ въ отместку. Дурные инстинкты въ невѣжественномъ народѣ прививаются и развиваются разными агитаторами въ теченіе болѣе 30 лѣтъ. Сколько они причинили вреда самому народу даже въ матеріальномъ отношеніи,—трудно опредѣлить. Имѣя въ виду передѣлъ земли, вѣря въ него хозяйственные крестьяне долго опасались покупать землю у помѣщиковъ, не смотря на ...годныя цѣны въ 30—50 р. за десятину. Они стали покупать ...млю только съ восьмидесятыхъ годовъ, когда увидѣли, что умные ...юди не зѣваютъ, и когда цѣна на землю достигла уже 100—150 руб.

Теперь же они и рады бы покупать землю, да цѣна на нее ...00—350 руб.) почти недоступна для нихъ, и вотъ они досадуютъ, ...о раньше не умѣли воспользоваться выгодными цѣнами.

Урожаи на владѣльческихъ земляхъ сравнительно хороши, но еще далеки отъ идеала, и при лучшихъ рабочихъ и служащихъ, при большемъ приложеніи оборотнаго капитала они могли бы быть больше хотя на 50%, а эти 50% составили бы богатство неисчислимое.

Какъ убѣжденный противникъ общиннаго землевладѣнія, авторъ считаетъ необходимымъ прежде всего допустить личное землевладѣніе и отдѣльное, не связанное съ общиной подворное хозяйство. „Нѣтъ надобности,—говоритъ онъ,—обязывать цѣлое общество переходить съ общиннаго на подворное владѣніе, но желающимъ получить свой выдѣлъ изъ общества должна быть предоставлена полная къ тому возможность.

Конечно, увеличеніе отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ одномъ и томъ же обществѣ можетъ происходить только посредствомъ упраздненія другихъ, болѣе мелкихъ, несостоятельныхъ и убыточныхъ, но ликвидація такихъ хозяйствъ будетъ къ лучшему, а не къ худшему. Несостоятельный хозяинъ найдетъ работу у состоятельныхъ съ большей для себя выгодой, чѣмъ гадить свой надѣлъ, съ которымъ онъ теперь волей или неволей связанъ. Бо̀льшая же часть ликвидировавшихъ можетъ за вырученныя отъ ликвидаціи средства пріобрѣтать землю на сторонѣ съ помощью крестьянскаго поземельнаго банка. Чтобы увеличить и облегчить операціи такого рода, слѣдуетъ только ограничить скупки земель капиталистами въ однѣ руки въ обширныхъ размѣрахъ. Не только безъ всякаго вреда, но съ большою пользой въ политико-экономическомъ отношеніи можно ограничить размѣръ земельнаго владѣнія для однихъ сословій въ 2—3 тысячи десятинъ, для другихъ въ 5—10 тысячъ десятинъ. Тогда наши быстро растущіе капиталы не направлялись бы односторонне на мобилизацію земли и не содѣйствовали бы неестественному росту цѣнъ на нее, а направились бы на другія, болѣе нуждающіяся въ оживленіи отрасли промышленности и кредита.

При личномъ землевладѣніи и подворномъ хозяйствѣ безъ общихъ выгоновъ улучшеніе крестьянскаго хозяйства могло бы идти двумя путями: 1) образованіемъ болѣе крупныхъ и сильныхъ крестьянскихъ хозяйствъ въ 15—30 десятинъ съ рабочимъ скотомъ и машинами и 2) распространеніемъ огородной культуры въ хозяйствахъ малоземельныхъ, не превышающихъ 2—4 десятинъ. Кромѣ того, авторъ указываетъ еще на одинъ способъ улучшенія крестьянскаго хозяйства, это—веденіе хозяйства цѣлымъ обществомъ сообща, по примѣру частныхъ крупныхъ владѣльцевъ. При такомъ хозяйствѣ и урожаи были бы вдвое и втрое выше, чѣмъ въ настоящемъ безтолковомъ крестьянскомъ хозяйствѣ, и, пожалуй, вдвое и втрое выгоднѣе современнаго раціональнаго помѣщичьяго хозяйства (выше уподобленнаго разсохшейся бочкѣ), потому что рабочій для своей общины работалъ бы не такъ лукаво, какъ для владѣльца, съ орудіями, кормомъ, скотомъ обращался бы внимательнѣе, всякую работу исполнялъ бы аккуратнѣе и добросовѣстнѣе; рабочіе, какъ участники въ хозяйствѣ, сами бы наблюдали другъ за другомъ. Въ такомъ хозяйствѣ не оставалось бы на полѣ въ видѣ колосьевъ и осыпки по 15—20 пудовъ зерна на десятину, какъ теперь на владѣльческихъ поляхъ. снопы, копны могли бы противостоять непогодѣ, не было бы воровства, поджоговъ, умышленныхъ потравъ и другихъ злоупотребленій.

Переходя къ разсмотрѣнію другихъ явленій, имѣющихъ существенное значеніе для сельско-хозяйственной промышленности и быта, авторъ прежде всего касается вопроса о лишнихъ праздникахъ, безусловно разорительныхъ для сельскаго хозяйства; затѣмъ онъ считаетъ необходимымъ упорядоченіе суда и полиціи, и въ заключеніе очень подробно излагаетъ свои взгляды на цѣлесообразность уголовныхъ наказаній и на неравномѣрность податныхъ обложеній.

Политическая исторія XIX вѣка. Исторія внѣшнихъ сношеній европейскихъ державъ съ 1814 г. по 1878 г. Профессора А. Дебидура. Разрѣшенный авторомъ переводъ студентовъ Императорскаго с.-петербургскаго университета, подъ редакціей привать-доцента Ал. Пиленка. Томъ I. Священный союзъ. С.-Петербургъ, 1903. (Библіотека общественныхъ знаній. Выпускъ I).

Въ небольшомъ кружкѣ лицъ возникла симпатичная мысль примѣнить, въ видѣ опыта, къ дѣлу вспоможенія студентамъ принципы трудовой помощи. Для начала выбранъ былъ заработокъ въ видѣ гонорара за переводныя и корректорскія работы. Въ результатѣ появилось настоящее изданіе.

Выборъ именно труда профессора Дебидура объясняется въ предисловіи къ книгѣ слѣдующими соображеніями. Въ русской литературѣ уже давно замѣчается недостатокъ такого сочиненія, которое въ популярной, но строго-научной формѣ излагало бы внѣшнюю исторію Европы въ новѣйшее время. Именно эти вопросы и разработаны у профессора Дебидура, и потомъ съ большимъ умѣньемъ.

Въ введеніи къ своему труду авторъ даетъ общую картину международныхъ отношеній, послужившихъ основаніемъ къ созванію Вѣнскаго конгресса. Ослабленная Франція была приведена въ полное безсиліе. Все заставляло предполагать, что четыре державы, въ рукахъ которыхъ были судьбы Европы, приступятъ къ дѣлежу 32 милліоновъ завоеванныхъ ими людей, но для этого необходимо было сохранить то единодушіе, которымъ они отличались до и во время войны. Между тѣмъ, несмотря на видимое согласіе, у нихъ существовали коренныя различія взглядовъ и глубокія противорѣчія интересовъ. Ихъ единодушіе повело къ униженію Франціи; послѣдующія же ихъ разногласія дали ей возможность возстановить, хотя бы на время, свой авторитетъ.

Первая глава посвящена описанію вѣнскаго конгресса. Искусно изобразивъ тѣ интересы, защищать которые собрались отдѣльныя державы въ Вѣнѣ,—профессоръ Дебидуръ сразу вводитъ читателя въ самый центръ хитросплетенія интригъ и стремленій, въ результатѣ которыхъ долженъ былъ получиться знаменитый актъ 1815 г. „Вѣнскій конгрессъ,—говоритъ онъ,—погрѣшилъ не только противъ предусмотрительности и мудрости, но еще и противъ законности, во имя которой онъ собрался. Короли и народы были одинаково возмущены тѣми гнусными насиліями, которыя позволило себѣ это верховное судилище,—насиліями, нашедшими впослѣдствіи такъ много подражателей среди малодобросовѣстныхъ правительствъ. Несправедливость, учиненная въ 1815 г. съ королемъ саксонскимъ, была

предвѣстницей еще болѣе крутыхъ мѣръ, принятыхъ въ 1866 г. по отношенію къ королю ганноверскому и другимъ государямъ. Если нарушили права Даніи въ 1814 г., то почему было не нарушить ихъ и въ 1864 г.? Что касается народностей, то стоитъ вспомнить бельгійцевъ. обреченныхъ въ жертву Голландіи; Геную, отданную Пьемонту; Венецію, Рагузу, проданныя Австріи; Италію, связанную по рукамъ и ногамъ, Германію, цинично обманутую; Грецію, презрительно отвергнутую; стоитъ вспомнить, сколько народовъ было оскорблено въ своемъ національномъ чувствѣ и сколько грядущихъ переворотовъ было подготовлено въ Вѣнѣ. Думаю, что труды вѣнскаго конгресса, несмотря на добрыя намѣренія ихъ авторовъ, заслуживаютъ строгаго осужденія. Дипломаты 1815 года въ 12 мѣсяцевъ создали для Европы дурные законы; а чтобы искоренить то зло, которое они при этомъ посѣяли, понадобилось впослѣдствіи цѣлое столѣтіе.

Вторая глава даетъ характеристику того мистическаго документа, который, подъ названіемъ акта Священнаго союза, былъ сочиненъ императоромъ Александромъ I. Франція, повидимому, навсегда вычеркивалась изъ списка великихъ державъ. Европа такъ же, какъ и она, казалась порабощенной. Священный союзъ торжествовалъ. Но дальнѣйшій ходъ событій показываетъ, что онъ сильно преувеличивалъ свое значеніе. Изложеніе хода борьбы противъ идей Священнаго союза, имѣвшей своимъ источникомъ недовольство населенія Италіи, Испаніи, Греціи, Бельгіи и Германіи, — составляетъ содержаніе дальнѣйшихъ главъ. Всѣ дѣятели, участвовавшіе, съ той или другой стороны, въ этой борьбѣ, проходятъ передъ читателемъ въ рядѣ блестящихъ характеристикъ: Александръ I, Николай I, Меттернихъ, Кастльри, Кэннингъ, Талейранъ, Людовикъ-Филиппъ, Тьеръ, Гизо, Пальмерстонъ и т. д. Первый томъ заканчивается изображеніемъ того чреватаго бурями состоянія, къ которому привела Европу, къ 1848 г., политика Людовика-Филиппа.

Нельзя не привѣтствовать добраго начинанія издателей перевода этого обширнаго и интереснаго труда, обѣщающихъ, если ихъ поддержитъ русское общество, въ чемъ сомнѣваться, разумѣется, нельзя, дать рядъ избранныхъ, тщательно переведенныхъ произведеній, представляющихъ общенаучный интересъ.

По Волгѣ. Волжскія былины и сказанія въ стихахъ. А. А. Навроцкаго (Н. А. Вроцкаго). С.-Петербургъ, 1903.

Въ печати появился новый сборникъ А. А. Навроцкаго—„пѣвца Матери-Волги“. Озаглавленъ сборникъ „По Волгѣ“ и заключаетъ въ себѣ „волжскія былины и сказанія въ стихахъ“. Изъ знакомыхъ уже сказаній и былинъ, по прежнимъ сборникамъ А. Навроцкаго изданія 1881 года „Картины минувшаго“ и 1899 года „Сказанія минувшаго“ (въ 3-хъ томахъ), встрѣчаются: „Коромыслова башня“, „Печальникъ земли русской“, „Иванъ Сусанинъ“, „Козьма Мининъ“, „Княжья могила“, „Ермакъ“ и нѣкоторыя другія.

Къ стихотвореніямъ приложены пространные объяснительные тексты, которые уже сами по себѣ очень цѣнны, какъ историческій

матеріалъ, и придаютъ еще большій интересъ былинамъ и сказаніямъ.

Музыка и культура. Сборникъ музыкально-историческихъ и музыкально-критическихъ статей. А. Коптяева. С.-Петербургъ, 1903.

Почти всѣ помѣщенныя въ этомъ сборникѣ статьи о Вагнерѣ, А. К. Глазуновѣ, Е. д'Альбергѣ, Іоганнѣ Брамсѣ, М. П. Мусоргскомъ, А. Г. Рубинштейнѣ, Фр. Шопенѣ, очень интересныя разсужденія о музыкальномъ міросозерцаніи Ницше, о новогерманской музыкѣ, какъ отраженіи современныхъ философскихъ вѣяній, были помѣщены уже въ журналахъ „Космополисъ" (русскій отдѣлъ издавался короткое время въ Петербургѣ), „Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ", „Сѣверномъ Вѣстникѣ", „Русской Музыкальной Газетѣ", „Недѣлѣ" и другихъ.

Новая статья только одна о бывшемъ придворномъ прусскомъ капельмейстерѣ Феликсѣ Вейнгартнерѣ—музыкантѣ-философѣ, сознательномъ продолжателѣ Вагнера. „Музыка способна передавать лишь душевное настроеніе",—вотъ сущность воззрѣній Вейнгартнера на музыку, доказывающихъ его глубокую вѣру въ мощную силу музыкальнаго звука самого по себѣ, внѣ поэтическихъ и философскихъ рамокъ. „Короче,—говоритъ авторъ,—передъ нами—діонисіевская музыкальная натура, которая постоянно слышитъ звукъ рожка... Влюбленный въ звукъ—вотъ Вейнгартнеръ".

Вейнгартнеръ извѣстенъ своею книгою „Ученіе о возрожденіи и музыкальная драма", въ которой излагаются идея возрожденія и отношеніе ея къ музыкѣ. Идею возрожденія человѣка (послѣ смерти) всего удобнѣе разработать въ музыкальной драмѣ. И вотъ, въ головѣ Вейнгартнера возникаетъ проектъ трилогіи-мистеріи „Искупленіе", обнимающей всю исторію, все настоящее и будущее человѣчества. Каинъ, Іисусъ Назарянинъ, Агасферъ—вотъ три этапа развитія человѣческаго духа, по мнѣнію мыслителя-музыканта.

Вейнгартнеръ дирижировалъ въ петербургской консерваторіи въ симфоническомъ концертѣ свое замѣчательное произведеніе „Поля блаженныхъ" (Gefilde der Seligen) и, насколько помнится, колоссальнаго впечатлѣнія на русскую публику не произвелъ.

Изъ записной книжки доктора. Разсказы и стихотворенія Ѳ. А. Рощинина. Книга вторая. С.-Петербургъ, 1903.

Съ такимъ же интересомъ читаются разсказы Ѳ. А. Рощинина, помѣщенные и во второй его книгѣ (съ первымъ сборникомъ его разсказовъ мы уже познакомили нашихъ читателей). Въ особенности интересны воспоминанія Рощинина о его дѣятельности въ качествѣ земскаго врача. Какія приходилось ему переживать минуты, какія потрясающія видѣть сцены въ деревняхъ во время эпидемическихъ болѣзней! Просто въ ужасъ приходишь отъ той непроглядной тьмы и невѣжества, которыя еще такъ недавно (въ семидесятыхъ годахъ), а можетъ быть и теперь окружаютъ наше крестьянство. Особенно грустенъ одинъ изъ случаевъ деревенской практики земскаго врача Типина, разсказанный съ присущей Рощинину простотой.

Во время пріема въ земской больницѣ вбѣжала въ пріемный покой молодая крестьянка. Протолкавшись сквозь толпу больныхъ, она взволнованно просила доктора поскорѣе пріѣхать къ ней, въ деревню, посмотрѣть ея мужа.

— Да что же съ твоимъ мужемъ?

— Умеръ, батюшка докторъ, умеръ!

— Что же мнѣ тамъ дѣлать, разъ твой мужъ умеръ?—съ удивленіемъ спросилъ докторъ.

— Да вотъ какая оказія, господинъ докторъ, ёнъ-то проситъ, чтобы мы его не хоронили!

— Кто же это онъ? Покойникъ, что ли?

— Да, да, батюшка докторъ, покойникъ!

„Что за притча? —думалъ Типинъ.—Покойникъ говоритъ, да еще проситъ, чтобъ его не хоронили!"

— Давно ли онъ умеръ?—спросилъ докторъ бабу уже по дорогѣ въ деревню.

— Два дня будетъ,—отвѣтила та, погоняя лошадку. — Страсть какъ напужалъ! Лежитъ энто онъ мертвый, а самъ все проситъ меня не хоронить его. О, кабы вы знали, господинъ докторъ, какъ энто онъ жалостно проситъ,—сердце просто надрывается!

Въ избѣ на полу на соломѣ, въ одной рубахѣ и нанковыхъ штанахъ, неподвижно лежалъ здоровенный мужикъ. Все его тѣло было согнуто въ дугу, голова, опрокинутая назадъ, упиралась въ полъ, руки и ноги, словно окоченѣвшія, вытянулись впередъ; его вѣки были закрыты такъ, что глазъ не видать; лицо, неподвижное, какъ маска, имѣло почти нормальную окраску, въ углу рта замѣчалось легкое дрожаніе.

Опустившись на колѣни, докторъ приложилъ ухо къ его груди: дыханіе было ровное, сердце билось отчетливо и сильно.

— Что съ тобой?—спросилъ онъ покойника.

— Умеръ, ваше благородіе, умеръ!—произнесъ жалостно мертвецъ.

— Какъ же это случилось?

— Да вотъ, ѣхалъ я это изъ города, былъ немного выпимши, нутро у меня, значитъ, горѣло, словно тамъ, въ груди, лежала головешка; и вздумай это я, дуракъ, выкупаться въ проруби! Вода была студеная, что твой ледъ,—а мнѣ что съ пьяныхъ глазъ! Ничего! Взялъ это я, да и выкупался! Опосля того и умеръ!

Баба при этомъ вздохнула.

— Ишь какой несуразный,—проговорила она.

— Несуразный! —обидѣлся мертвецъ. — Говорю тебѣ, нутро горѣло!

— А ѣсть хочется?—спросилъ его Типинъ.

— Знамо, хочется, да вотъ не даютъ! Мужики баютъ, что не слѣдъ кормить нечистаго.

— Энто, батюшка-докторъ,—менторски заговорилъ стоявшій въ избѣ крестьянинъ,—часто промежъ насъ бываетъ! Человѣкъ Богъ душу отдалъ, а нечистый войдетъ въ него, и станетъ это онъ говорить и мутить душу христіанскую! Похоронятъ его, а покойнику станетъ по ночамъ ходить, православныхъ пужать! Тутъ надо ему

допрежъ голову отрубить и забить на могилѣ осиновый колъ,—вотъ ужъ тогда ходить не будетъ.

— Да, ты что тутъ разсказываешь, Богданычъ!—произнесъ обиженно Корыткинъ (такъ звали больного).—Нечистый да нечистый! Самъ ты нечистый! Не позволяйте, господинъ докторъ, рубить голову!

— Успокойся! Я не позволю тебѣ рубить голову, и самъ сейчасъ же свезу тебя въ больницу; тамъ ты поправишься!

— Спасибо, господинъ докторъ! Имъ-то что! Они рады рубить голову! Нечистый!.. Какой же онъ нечистый?! Я уже два дня молюсь Богу, а онъ-то мнѣ и не мѣшаетъ!

Какъ оказалось, у больного, отъ ледяной ванны, произошелъ выпотъ серозной жидкости въ оболочкахъ спинного и, отчасти, головного мозга, вызвавшій этотъ роковой столбнякъ. Къ счастью, этотъ процессъ не коснулся всего мозга, и нѣкоторыя отправленія его, въ томъ числѣ и рѣчевая способность, остались нетронуты.

Въ трогательномъ разсказѣ „Сбылось" описывается дѣвочка, воспитанная въ нигилистической семьѣ. Какъ предсказалъ докторъ, такъ и „сбылось"; впослѣдствіи, уже будучи взрослой дѣвушкой, не имѣя понятія о вѣрѣ, которая могла бы ее спасти въ минуту горя и несчастія, она съ отчаянія наложила на себя руку.

М. М—въ.

ИЗЪ ИНОСТРАННОЙ ПЕЧАТИ.

Для насъ, русскихъ, имѣющихъ, волею судебъ, слишкомъ большіе интересы на Дальнемъ Востокѣ, могутъ представлять большую цѣнность свѣдѣнія, даваемыя западными знатоками-спеціалистами о всѣхъ проявленіяхъ жизни у нашихъ дальнихъ сосѣдей—китайцевъ и японцевъ. Поэтому считаемъ не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ только что вышедшею въ Парижѣ книгою генерала Фрея о китайской арміи [1]), въ которой онъ, по тщательно собраннымъ даннымъ отъ разнаго рода оружія офицеровъ, участвовавшихъ въ послѣдней кампаніи противъ китайцевъ, а также отъ дипломатовъ, путешественниковъ и другихъ побывавшихъ въ Поднебесной имперіи лицъ, знакомитъ съ прежнею организаціею китайской арміи и современнымъ ея положеніемъ, выясняетъ, какими средствами обладаютъ китайцы на случай быстрой мобилизаціи войска и что оно можетъ представить собою въ будущемъ. Мы не будемъ утруждать читателей цифровыми данными и передачею разсужденій автора книги, интересныхъ лишь для однихъ спеціалистовъ, но остановимся на вопросахъ, какова китайская армія въ настоящее время и насколько можетъ угрожать намъ въ недалекомъ будущемъ.

По мнѣнію генерала Фрея, существующія нынѣ три главныя китайскія арміи отличаются отъ разсѣянныхъ въ разныхъ пунктахъ Китая отдѣльныхъ бандъ на первый взглядъ только тѣмъ, что онѣ обучены маршировкѣ и представляютъ болѣе дисциплинированные отряды. Однако, китайскія войска мало-по-малу уже сформировываются и черезъ пять—шесть лѣтъ явятся военною силою, съ которою нельзя будетъ не считаться иностраннымъ державамъ. Правда, военные начальники еще далеко не на высотѣ своего положенія, штабы находятся еще въ зачаткѣ, но все это—дѣло времени и практики: при введеніи регулярныхъ занятій и маневровъ выработается и выправка солдатъ, разовьется дисциплина и явится знаніе военнаго дѣла, тѣмъ болѣе, что, по засвидѣтельствованію нѣкоторыхъ очевидцевъ изъ военныхъ, среди китайскихъ полководцевъ есть немало лицъ, обладающихъ серьезными задатками военнаго таланта. Чего недостаетъ китайской арміи — это свѣдущихъ офицеровъ, и пройдетъ еще немало времени, пока явится и этотъ необходимый для

[1]) L'Armée chinoise, par général H. Frey de l'armée coloniale. Paris, 1904 г.

арміи элементъ. Во всякомъ случаѣ, благодаря твердой волѣ и усиліямъ покойнаго Ли-хунъ-чанга и его послѣдователей, нѣкоторыхъ вице-королей, китайская армія сдѣлала уже большіе успѣхи и продолжаетъ идти по пути обновленія. Успѣхи эти были бы еще замѣтнѣе, если бы высшіе мандарины при дворѣ богдыхана, по рутинѣ или изъ зависти къ Юанъ-ши-каю, пользующемуся большимъ вліяніемъ на китайскую императрицу, не тормозили дѣла и пришли, наконецъ, къ соглашенію о необходимости полной реорганизаціи китайской арміи. Если бы они прониклись патріотизмомъ высокоталантливыхъ военныхъ генераловъ Шенгъ-чжи-тонга и Юанъ-ши-кая, то менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ явились бы въ Печилійскомъ округѣ и въ долинѣ Янгъ-тзе-кіанга арміи, которая были бы въ состояніи справиться съ одною изъ европейскихъ державъ. Но бороться съ коалиціей едва-ли когда-либо будетъ возможно для Китая; причинъ тому много, помимо качества и количества китайской арміи: длиннота береговой линіи, которую не въ состояніи будетъ защитить китайскій флотъ, тѣмъ болѣе, что объ усиленіи флота не можетъ быть и рѣчи, пока не будутъ реорганизованы сухопутныя войска; громадная территорія сама по себѣ и возможность для союзниковъ высадить дессанты безъ всякой помѣхи въ нѣсколькихъ пунктахъ китайскаго побережья, находящихся во власти иностранныхъ державъ, причемъ пункты эти послужатъ для нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ базисомъ для военныхъ дѣйствій; все это не позволитъ Китаю, даже сравнительно въ недалекомъ будущемъ, лѣтъ черезъ 30—40, противостать, съ шансами на серьезный успѣхъ, одной изъ такихъ коалицій.

Интересны взгляды автора книги какъ на самый англо-японскій союзъ, такъ и на послѣдствія этого союза, вполнѣ естественнаго и всѣми предвидѣннаго, союза однако временнаго, вызваннаго обстоятельствами, потому что впослѣдствіи самымъ опаснымъ соперникомъ для Японіи на экономической почвѣ должна явиться именно Англія, какъ равно и другая, тоже временная ея союзница Америка. Въ данный же моментъ этотъ союзъ необходимъ обѣимъ державамъ: для Англіи въ видахъ подержки ея вліянія при пекинскомъ дворѣ, для Японіи въ видахъ англійскихъ денегъ, безъ которыхъ она не могла бы выполнить насущной задачи: реорганизаціи арміи и увеличенія флота. Но при всемъ томъ, какъ Англія не можетъ разсчитывать на помощь Японіи въ своихъ стремленіяхъ захватить долину Янгъ-тзе-кіанга, такъ и Японія лишена поддержки со стороны Англіи въ случаѣ поползновеній на Маньчжурію. Не мѣшало бы помнить японцамъ, что для нихъ предстоятъ и такъ большія выгоды при ввозѣ своихъ произведеній въ Маньчжурію, даже при возвышенныхъ пошлинахъ со стороны Россіи, и при будущей разработкѣ неисчислимыхъ естественныхъ богатствъ Сибири и той же Маньчжуріи.

Книгу свою генералъ Фрей заключаетъ пожеланіемъ, чтобы возобновленный и окрѣпшій Китай присоединился къ франко-русскому союзу,—тогда только восторжествуетъ и на Дальнемъ Востокѣ полное согласіе и общій міръ.

Совершенно другого мнѣнія англичане о внѣшней политикѣ Россіи: они приписываютъ ей эгоистическія цѣли и считаютъ себя призванными положить предѣлъ ея притязаніямъ. Такова, по крайней мѣрѣ, руководящая идея интересной, хотя и очень рѣзкой статьи Эдуарда Дицей, появившейся въ декабрьской книжкѣ журнала „Nineteenth Century and after", причемъ авторъ въ концѣ концовъ приходитъ къ убѣжденію, что никогда Англія не найдетъ себѣ союзниковъ въ борьбѣ противъ Россіи и что „соперничествующія имперіи" (таково заглавіе статьи) рано или поздно встрѣтятся лицомъ къ лицу.

Оговариваясь, что онъ не руссофобъ, „подобно мистеру Урквbooрту", Дицей, не стѣсняясь, однако, черпаетъ въ богатомъ, но плохо освѣдомленномъ арсеналѣ враждебной Россіи европейской прессы всѣ „общія мѣста", съ успѣхомъ замѣнившія сальныя свѣчи, и бѣлыхъ медвѣдей съ сбруѣ плѣнившихъ въ свое время волшебнаго Дюма. Тутъ фигурируютъ и „обманутая Финляндія", и „раздавленная Польша", и „угнетенные евреи", и „носительница идей обскурантизма", и „готы и гунны", и „всепоглощающія идеи Самодержавія и православія— общеславянскіе идеалы", неохотно признаваемые Эдуардомъ Дицеемъ.

Не смотря на враждебное направленіе статьи, въ ней прорываются иногда слова, къ которымъ мы, русскіе, можемъ съ гордостью и радостью прислушиваться. „Послѣ крымской кампаніи,—говоритъ Дицей,—кажется, сами звѣзды трудились на пользу Россіи, нѣтъ, многія смертныя свѣтила способствовали ей пережить эту тяжкую эпоху, и теперь, къ началу XX столѣтія, у русскаго народа сохранился великій идеалъ единой власти и единой вѣры".

Дицей прослѣживаетъ шагъ за шагомъ развитіе вліянія Россіи на международныя дѣла и приходитъ въ ужасъ отъ быстраго роста этого вліянія, отъ силы и распространенности его. „За 60 лѣтъ царствованія королевы Викторіи,—говоритъ онъ,—самымъ замѣчательнымъ событіемъ было не созданіе второй имперіи, не объединеніе Италіи, не подавленіе мятежа въ Индіи, ставшей неотъемлемою частью Великобританской имперіи, не освобожденіе негровъ и междоусобная война въ Соединенныхъ Штатахъ, не постройка Суэцскаго канала, измѣнившаго всѣ условія міровой торговли, не франко-прусская война и паденіе Наполеона III, не объединеніе Германской имперіи, не англо-бурская война, безповоротно утвердившая англійское владычество въ южной Африкѣ,—все это ничто въ сравненіи съ быстрымъ ростомъ всемірнаго вліянія колоссальной сѣверной имперіи".

Столь несчастливая для Россіи крымская кампанія—съ русской точки зрѣнія, по мнѣнію англичанина, дала намъ новый козырь въ руки, а именно, теперь стало невозможно создать сколько-нибудь вѣрную и прочную коалицію европейскихъ государствъ противъ Россіи. „Правда, англо-французамъ удалось взять Севастополь, но эта побѣда доставила имъ гораздо больше славы, чѣмъ пользы, да и славу приписали себѣ чуть не одни французы, Англіи же пришлось лишній разъ убѣдиться, что дѣятельной и искренней поддержки въ борьбѣ съ Россіей ей трудно найти у какой-либо изъ континентальныхъ державъ. Россія—единственное государство, незыблемо пережившее революціонное движеніе 1848 года. Она же была призвана въ

качествѣ главы всего славянства страдавшими отъ турецкихъ звѣрствъ сербами, болгарами и даже румынами, принужденными въ ней одной признать свою освободительницу,—и прямое или косвенное вліяніе России во всѣхъ балканскихъ государствахъ стало установившимся фактомъ. Прошло лишь четверть вѣка со дня берлинскаго конгресса, и всѣ ограниченія этого знаменитаго акта стали уже пустымъ звукомъ. Черное море превратилось въ русское озеро; балканскія государства въ отдаленныя провинціи Русской имперіи; европейская Турція—на порогѣ распаденія, и стоитъ Россіи захотѣть,—Константинополь будетъ въ ея рукахъ. И на Босфорѣ, и въ Тегеранѣ—первенствующее вліяніе Россіи. Хива, Бухара и независимыя ханства, лежащія между Волгой и Тихимъ океаномъ, всѣ одно за другимъ присоединяются къ ней. Между Дальнимъ Востокомъ и Россіей установлено правильное безпрерывное желѣзнодорожное сообщеніе, проходящее все по русской землѣ. Богатѣйшая китайская провинція Манчьжурія захвачена Россіей и послѣдняя едва можетъ скрыть свое намѣреніе руководить дѣлами въ Пекинѣ; она уже дала понять Японіи, что каждая ся попытка вмѣшаться въ китайскія дѣла будетъ сочтена Россіей за нарушеніе ея правъ".

Дицей увѣряетъ, что въ Азіи хватило бы мѣста и для Россіи, и для Англіи, носительницы высшихъ просвѣтительныхъ идей, но не таковы цѣли сѣвернаго колосса. Старая восточная пословица, гласящая: гдѣ ступила нога турка, тамъ и трава рости перестаетъ,—перифразируется авторомъ такъ: гдѣ ступитъ нога русскаго, тамъ замираетъ всякая цивилизація.

Разобравъ затѣмъ очень подробно международныя отношенія европейскихъ державъ, кстати сказать, не особенно сочувственныя Англіи, Дицей приходитъ къ заключенію, что только двѣ державы призваны остановить Россію въ ея побѣдоносномъ завоевательномъ шествіи. Державы эти: на первомъ планѣ, разумѣется, Англія и затѣмъ Америка. Но, не надѣясь особенно, кажется, и на своихъ сородичей-американцевъ, Дицей говоритъ, что инціатива этого важнѣйшаго общаго дѣла, т. е. обузданія Россіи, должна исходить по сю сторону Атлантическаго океана и приступить къ дѣйствіямъ должна только одна Англія. Признавая, что колоссальный ростъ Россіи главнымъ образомъ есть естественное слѣдствіе ея природныхъ силъ, авторъ не рекомендуетъ прибѣгать къ крайнему средству—къ войнѣ, тѣмъ болѣе опасной для Англіи,—наивно сознается онъ снова,—что всѣ европейскія державы настроены противъ нея и всегда могутъ взять ее голодомъ, отрѣзавъ подвозъ жизненныхъ припасовъ.

Въ заключеніе Дицей имѣетъ смѣлость утверждать, что хотя мысль о дружественныхъ дѣйствіяхъ съ Россіей была мыслью многихъ достойныхъ государственныхъ дѣятелей Англіи, но за послѣднія 25 лѣтъ она научилась многому и убѣдилась, что надежды на достиженіе идеала мирнаго преуспѣянія оказалась попросту ошибкой. Залогомъ будущаго благоденствія своей родины онъ считаетъ начинающееся движеніе въ пользу соединенія метрополіи съ колоніями, лучшимъ выразителемъ коего является Чемберлэнъ. Вотъ этотъ духъ единенія и будетъ оплотомъ для міроваго вліянія Англіи и послужитъ противовѣсомъ притязаніямъ Россіи.

Въ трехъ нумерахъ берлинскаго журнала „Deutsche Rundschau" (Hefte 1, 2, 3, октябрь, ноябрь и декабрь) помѣщены не лишенныя интереса воспоминанія Верди дю Вернуа, посланнаго прусскимъ правительствомъ въ 1861 года въ Варшаву въ качествѣ военнаго агента при русской главной квартирѣ [1]). Во время его пребыванія въ Польшѣ въ теченіе почти полутора года, совершился цѣлый рядъ крупныхъ событій. Въ іюнѣ 1862 года былъ тяжело раненъ злоумышленникомъ въ Саксонскомъ саду намѣстникъ графъ Ламбертъ. Броженіе среди поляковъ становилось все сильнѣе. Тогда государь послалъ въ Польшу своего родного брата, великаго князя Константина Николаевича, но злоумышленники не пощадили и родного брата русскаго царя. Къ счастью, покушеніе не удалось, великій князь при выходѣ изъ театра былъ лишь легко раненъ.

Верди дю Вернуа очень подробно описываетъ состояніе умовъ въ Варшавѣ въ то время и борьбу крайне-демократической партіи (красныхъ) съ аристократическо-клерикальной группой (бѣлыхъ). Революціонное движеніе все болѣе и болѣе распространялось въ народѣ, и всѣ тѣ, кого подозрѣвали въ симпатіяхъ къ русскимъ и русскому правительству, подвергались гоненіямъ до убійства изъ-за угла включительно. Еще въ 1861 году русскія власти принуждены были объявить всю Польшу въ осадномъ положеніи. Однако польское движеніе пустило уже такіе глубокіе корни, что всѣ мѣры оставались тщетными; даже въ концѣ концовъ и миссія великаго князя должна была претерпѣть полнѣйшее фіаско и онъ принужденъ былъ въ сентябрѣ 1863 года оставить Варшаву. „Къ несчастью,—говоритъ авторъ воспоминаній,—вмѣсто того, чтобы, примѣняясь къ характеру поляковъ и ихъ ослѣпленію, дѣйствовать самыми строгими, драконовскими мѣрами, великодушный монархъ поручилъ великому князю дѣйствовать ласкою и добротою, почему, вполнѣ естественно, миссія его и не имѣла успѣха".

Какое большое значеніе придавали польскому мятежу въ Петербургѣ и Берлинѣ, видно изъ слѣдующей характерной разсказываемой авторомъ сценки. Проѣзжавшій изъ Петербурга черезъ Варшаву генералъ Альвенслебенъ, посланный туда прусскимъ правительствомъ для переговоровъ по польскимъ дѣламъ, объявилъ шопотомъ Верди дю Вернуа, что „война объявлена". Тотъ долго не могъ понять, въ чемъ дѣло, и думалъ сначала, что рѣчь идетъ о великихъ державахъ, сочувствующихъ полякамъ, но потомъ оказалось, что это Россія и Пруссія объявили войну Польшѣ.

Штабные офицеры часто проводили вечера въ кругу великокняжеской семьи; одни наслаждались музыкой, которую такъ любилъ великій князь, другіе – не музыканты—просиживали за разговорами и чаемъ въ салонѣ великой княгини. „Отношенія великокняжеской четы другъ къ другу,—говоритъ Верди дю Вернуа,—были поистинѣ трогательны; въ тѣ тяжелыя времена, когда на каждомъ шагу царила измѣна, великая княгиня Александра Іосифовна съ нѣжною заботливостью утѣшала своего супруга; разумѣется, она никогда не вмѣшивалась въ дѣла политики: тѣмъ обиднѣе было для нея, да и

---

1) Im Hauptquartier der russischen Armee in Polen unter weiland Sr. Kaiserl. Hoheit Grossfürst Konstantin Nikolajewitsch (1863). Persönliche Erinnerungen von J. Verdy du Vernois.

для всѣхъ насъ, при доходившихъ изъ Петербурга сплетняхъ, что ея высочество обвиняли чуть ли не въ желаніи стать польскою королевою".

11 марта 1863 года Верди дю Вернуа писалъ своей женѣ: „Возстаніе все еще продолжается. Однако не это озабочиваетъ всѣхъ, а вопросъ, что дѣлать послѣ усмиренія поляковъ? Управлять ими такъ, какъ управляли до сихъ поръ,—невозможно: добрыя намѣренія царя оказываются здѣсь совершенно непримѣнимыми. Бѣднаго великаго князя отъ души жаль: ужъ очень трудно успокоить поляковъ мирнымъ путемъ. Могущественный тайный комитетъ пустилъ въ ходъ всѣ пружины, чтобы привлечь на свою сторону дворянскую партію и тѣмъ показать за границей, насколько велика солидарность у поляковъ, и отнять отъ возстанія соціалистическую подкладку: и всего этого имъ удастся достигнуть, хотя не надолго. Поляки надѣются также, что съ выходомъ со службы высшихъ чиновъ, вся правительственная машина остановится. Пожалуй, и тутъ оправдаются ихъ надежды, если русскіе не измѣнятъ своей тактики. Есть основаніе предполагать, что и архіепископъ Фелинскій, ставленникъ русскихъ дамскихъ кружковъ (?), можетъ измѣнить русскому правительству. Это было бы большимъ ударомъ: тогда и большая часть ксендзовъ, находящихся, можетъ быть, еще на русской сторонѣ, перейдетъ въ лагерь противниковъ".

Авторъ воспоминаній разсказываетъ дальше, что на время праздниковъ Пасхи наступило нѣкоторое затишье въ военныхъ дѣйствіяхъ; многіе повстанцы оставили свои банды и ушли къ роднымъ въ деревни и города. И въ Варшавѣ много было видно молодежи, пришедшей изъ повстанческихъ отрядовъ къ роднымъ на побывку; ихъ можно было узнать по загорѣлымъ лицамъ. Они съ гордостью расхаживали по улицамъ цѣлыми толпами. Полиція ихъ не трогала. Въ цитадели находилось много плѣнныхъ повстанцевъ. Они совсѣмъ не походили на военныхъ и производили удручающее впечатлѣніе своими лохмотьями. Это были преимущественно подростки, крестьянскіе парни, которые врядъ ли сознавали, за что собственно шли на войну; встрѣчались между ними и интеллигенты: мелкіе землевладѣльцы, чиновники, воспитанники старшихъ классовъ разныхъ училищъ и другіе.

Въ заутреню на Пасху пришла изъ Петербурга телеграмма на имя великаго князя, возвѣщавшая о великой царской милости—амнистіи всѣмъ тѣмъ полякамъ, которые до 13-го мая, т. е. черезъ мѣсяцъ, положатъ оружіе.

14-го апрѣля Верди дю Вернуа писалъ женѣ: „Какъ и слѣдовало ожидать, милость высоко-гуманнаго монарха произвела совершенно обратное дѣйствіе на поляковъ; они съ новою энергіею принялись за борьбу, и Витгенштейну пришлось уже имѣть большое дѣло съ повстанческими отрядами, а сегодня отсюда былъ отправленъ отрядъ генералъ-маіора Крюденера противъ появившейся новой банды близъ Варшавы. Правда, повстанцы были тотчасъ же разбиты, но не обошлось безъ жертвъ и съ русской стороны: между прочимъ убитъ гусаръ Ремеръ, съ которымъ я только что вчера еще разговаривалъ въ Лазенкахъ."

Авторъ воспоминаній познакомился въ Варшавѣ со вдовою адми-

рала Лазарева—оберъ-гофмейстериною великой княгини, и ея дочерьми—Татьяной Михайловной—„очаровательнымъ существомъ и не менѣе обворожительной, остроумной, молоденькой“ Анной Михайловной. Эта семья достойнаго представителя русскаго флота, по словамъ дю Вернуа, приковывала къ себѣ всеобщее вниманіе въ Варшавѣ.

Въ письмѣ отъ 24-го апрѣля онъ сообщалъ: „Здѣсь все еще держится слухъ о возможности объявленія войны со стороны Франціи; тогда придется выступить и намъ. Вчера вернулся изъ Калиша Витгенштейнъ и разсказывалъ удивительныя вещи о тамошнемъ главнокомандующемъ, очень неспособномъ генералѣ, который при большомъ количествѣ войска никакъ не можетъ управиться съ повстанцами.“

Въ одномъ изъ писемъ (отъ 5-го мая н. ст.) авторъ жаловался, что повстанцы разрушаютъ желѣзныя дороги, и поэтому нѣтъ возможности посылать корреспонденціи съ курьерами въ Пруссію. „Сегодня,—писалъ онъ дальше,—именины великой княгини; чудное впечатлѣніе производятъ великокняжескія дѣти,—самыя маленькія одѣты въ матросскіе костюмчики. Великая княгиня, когда пришла моя очередь подойти къ ея рукѣ, осчастливила меня слѣдующими словами: „Благодарю васъ, въ вашихъ добрыхъ пожеланіяхъ я не сомнѣваюсь“.

„Здѣсь все въ томъ же положеніи,—писалъ онъ женѣ 15-го мая,—поляки, обнадеживаемые и подстрекаемые изъ Парижа, продолжаютъ борьбу. Несчастные вѣрятъ несбыточнымъ обѣщаніямъ, и терроризуемые своими вожаками, идутъ на вѣрную гибель“.

Верди дю Вернуа было поручено сопровождать супругу графа Берга до Торна. Время отъѣзда держалось въ большомъ секретѣ, что и послужило поводомъ къ распространенію слуховъ, будто бы изъ Варшавы бѣжала за границу великая княгиня Александра Іосифовна.

Въ письмѣ отъ 22-го мая онъ съ горечью писалъ, что русскія войска слишкомъ легко относятся къ дѣлу преслѣдованія польскихъ бандъ; они довольствуются тѣмъ, что разгромятъ банду, и этимъ дѣло кончается; между тѣмъ разсѣянные повстанцы снова собираются въ отряды, снова высылаются противъ нихъ войска, и такъ безъ конца. Третьяго дня,—писалъ онъ далѣе,—въ $2^{1/2}$ верстахъ отъ Варшавы полуэскадронъ уланъ попалъ въ засаду; имъ удалось пробиться, потерявъ 3 человѣкъ убитыми; въ другомъ мѣстѣ повстанцы произвели крушеніе воинскаго поѣзда, снявъ съ полотна рельсы,—въ результатѣ 15 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ.

Въ слѣдующемъ письмѣ, отъ 10 іюня, Верди дю Вернуа писалъ женѣ: „Великій князь только что получилъ извѣстіе, что изъ варшавскаго банка выкрадены 4 милліона рублей. Кражѣ, очевидно, содѣйствовали служащіе въ банкѣ поляки, потому что совершена она была совершенно открыто; разсказываютъ, что солдаты, стоявшіе на часахъ при кассѣ, сами помогали выносить мѣшки съ деньгами и нагружать ихъ на возъ,—такъ ловко обставлено было дѣло. Великая княгиня очень удручена всей этой исторіей, она предвидитъ, что теперь это дастъ пищу къ новымъ нападкамъ противъ великаго князя. Какъ мнѣ разсказывали, въ Петербургѣ есть очень вліятельный кружокъ, крайне недружелюбно относящійся ко великому князю,

за его дѣятельность въ качествѣ предсѣдателя коммиссіи по освобожденію крестьянъ, хотя упрекнуть великаго князя тутъ совершенно не въ чемъ. Его пребываніе въ Варшавѣ доказываетъ, какое глубокое довѣріе питаетъ къ нему государь. Исполняя волю цареву, онъ рѣшился взять на себя намѣстничество, принеся въ жертву даже удобства жизни, при которыхъ онъ чувствовалъ себя такъ счастливо. Я могу только одно сказать съ увѣренностію, что если рѣчь идетъ о медлительности замиренія поляковъ, то въ томъ виноватъ не великій князь, а условія возложенной на него задачи. Какъ дѣйствовалъ Муравьевъ въ Литвѣ, такъ дѣйствовать не можетъ братъ государя въ Варшавѣ".

Въ цѣломъ рядѣ послѣдующихъ писемъ авторъ воспоминаній касается общей политики и отношеній европейскихъ державъ къ Россіи.

„Подѣлюсь съ тобою,—писалъ онъ женѣ,—впечатлѣніями, вынесенными мною изъ переживаемыхъ событій по польскому вопросу. У нѣкоторыхъ народовъ сочувствіе къ польскому возстанію явилось изъ-за непріязни къ Россіи. Причина этой непріязни лежитъ, между прочимъ, и въ той системѣ управленія, которая была прежде въ рукахъ Польши. Казалось бы, однако, что пришла пора прекратить эту непріязнь и не допускать Польшу до новаго возстанія, которое можетъ окончиться лишь гибелью для несчастнаго польскаго народа. Пора эта настала именно съ воцареніемъ императора Александра II, когда этотъ благородный монархъ съ высоты престола возвѣстилъ о воодушевлявшихъ его гуманныхъ взглядахъ. Начало новой эры было положено освобожденіемъ крестьянъ. Въ такой-то моментъ сочувствовать польскому мятежу и даже поддерживать его не только ошибочно, но и преступно со стороны европейскихъ державъ. Между тѣмъ, мы видимъ, что враждебное отношеніе къ Россіи проявлялось не только на столбцахъ иностранныхъ газетъ, но и въ парламентахъ. Вѣдь такъ легко ругать другихъ, если это проходитъ безнаказанно. И у насъ въ парламентѣ были краснорѣчивые болтуны, недозрѣлые политики, совершенно упускающіе изъ виду, что явная цѣль поляковъ—возстановить Царство Польское, а вѣдь это принесло бы и намъ немало хлопотъ и заботъ.

„Будированіе польскихъ вліятельныхъ эмигрантовъ, распространеніе ложныхъ извѣстій о побѣдахъ повстанцевъ и о пораженіяхъ русскихъ, насильственныя мѣропріятія тайнаго польскаго правительства, скрывающаго подъ завѣсою патріотизма свои разрушительные замыслы,—все это вводило въ заблужденіе общественное мнѣніе въ Европѣ. Нѣкоторые государственные люди съ удовольствіемъ взирали на являющіяся затрудненія для Россіи и сами подливали масла въ огонь. Когда же они увидѣли, что дѣло зашло слишкомъ далеко, уже не были въ состояніи удержать движеніе и принуждены были плыть вмѣстѣ съ нимъ по теченію. При такихъ условіяхъ появились, ь концѣ марта мѣсяца, извѣстныя ноты Англіи, Франціи и Австріи, аписанныя еще въ мирномъ тонѣ, на которыя послѣдовалъ полный 'акта, достойный отвѣтъ Россіи: она благодаритъ за дружеское участіе ержавъ, увѣряетъ, что все будетъ сдѣлано для успокоенія поляовъ, но говоритъ, что вспыхнувшее возстаніе въ Польшѣ есть слѣдтвіе вліянія охватившаго всю Европу революціоннаго движенія,

и указываетъ на необходимость совмѣстной борьбы съ этимъ движеніемъ.

„Въ концѣ іюня послѣдовали отъ тѣхъ же трехъ европейскихъ державъ отвѣтныя ноты, но уже въ болѣе настойчивомъ тонѣ, причемъ Англія не постѣснилась даже выступить съ требованіемъ заключенія перемирія. Тогда появился новый отвѣтъ со стороны Россіи, въ которомъ канцлеръ Горчаковъ, въ очень вѣжливой формѣ, далъ сильный отпоръ назойливымъ державамъ. Если перевести этотъ отвѣтъ на простой языкъ, онъ означалъ слѣдующее: „Вы достаточно уже надоѣли. Позаботьтесь лучше о своихъ собственныхъ дѣлахъ и не вмѣшивайтесь въ чужія“.

„Не таково было положеніе въ Европѣ, чтобы можно было предпринять всеевропейскую войну, и тремъ заинтересованнымъ державамъ пришлось молча проглотить эту пилюлю“.

Въ письмѣ отъ 25 августа Верди дю Верну а сообщалъ своей женѣ: „Вчера вечеромъ великій князь Константинъ Николаевичъ, согласно высочайшей волѣ, выѣхалъ въ Петербургъ, для словеснаго доклада о положеніи дѣлъ въ Польшѣ. Потомъ оказалось, что его высочество намѣренъ просить государя о разрѣшеніи оставить постъ намѣстника. Оффиціально было объявлено, что великій князь уѣхалъ изъ Варшавы на шесть недѣль для поправленія разстроеннаго здоровья, а затѣмъ снова вернется въ Польшу. Но, по моему мнѣнію, если графъ Бергъ останется здѣсь, то великій князь и черезъ шесть мѣсяцевъ не вернется въ Варшаву“.

Въ послѣднемъ письмѣ, отъ 5 сентября, описываются трогательные проводы великокняжеской четы изъ Варшавы. Какой контрастъ,— говоритъ Верди дю Вернуа,—между пріѣздомъ великаго князя въ Варшаву и теперешнимъ отъѣздомъ. Тогда—полный надеждъ выполнить свою мирную миссію и привести несчастный, благодаря самому же себѣ, польскій народъ къ благоденствію. А теперь? Всѣ труды и заботы разбились о невозможность выполненія задачи, значенія которой польскій народъ, подъ давленіемъ террора, не познадъ и отклонилъ, себѣ же во вредъ.

Въ августовской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за минувшій годъ мы уже познакомили нашихъ читателей съ вопросомъ о совмѣстномъ обученіи въ американскихъ школахъ и университетахъ, т. е., что послѣ болѣе чѣмъ полувѣкового опыта, въ Америкѣ началась дѣятельная агитація въ пользу раздѣленія совмѣстнаго обученія и устройства отдѣльныхъ женскихъ колледжей и университетовъ, но съ болѣе ограниченной программой, чѣмъ мужскіе. Первымъ, возбудившимъ этотъ вопросъ, нужно замѣтить, былъ мистеръ Гирперъ, ректоръ чикагскаго университета, когда-то горячій и убѣжденный поборникъ женскихъ правъ.

Журналъ „La Revue“ (ancienne Revue des revues), очень отзывчивый на всѣ злободневные вопросы, предложилъ высказаться по этому поводу ректорамъ и профессорамъ университетовъ разныхъ государствъ. На такой призывъ откликнулись очень многіе почтенные педагоги и прислали свои мнѣнія, съ которыми журналъ „La Revue“ знакомитъ въ декабрьской книжкѣ своихъ читателей.

Какъ и слѣдовало ожидать, большинство европейскихъ педагоговъ отвѣтили довольно уклончиво. Осторожнѣе и добросовѣстнѣе всѣхъ высказились нѣмецкіе и англійскіе профессора, ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ достаточно данныхъ, нѣтъ опыта, чтобы отвѣтить категорически на этотъ животрепещущій вопросъ. Въ принципѣ же всѣ они высказалась, что не имѣютъ ничего противъ совмѣстнаго обученія, нѣкоторые изъ нихъ даже считаютъ его полезнымъ, но при условіи, чтобы женщины были болѣе серьезно подготовлены къ университету. Всѣ профессора почти единогласно высказались, что и во время курса и на экзаменахъ женщины занимались и отвѣчали нисколько не хуже мужчинъ, что, если между женщинами, прошедшими курсъ высшихъ наукъ, до сихъ поръ еще не явились изъ ряда вонъ выходящіе геніи, то, во всякомъ случаѣ, многимъ изъ нихъ университеты обезпечили почетный и вѣрный заработокъ.

Однимъ словомъ, болѣе чѣмъ полувѣковой опытъ американскихъ педагоговъ считается ихъ европейскими коллегами, сравнительно новичками въ дѣлѣ совмѣстнаго обученія, ни во что, и одинъ изъ французскихъ профессоровъ, А. Боре, высказалъ даже, что движеніе противъ совмѣстнаго обученія вызвано въ Америкѣ лишь нетерпѣніемъ американцевъ.

Въ редакцію поступили слѣдующія книги:

Житія святыхъ по древне-русскимъ спискамъ. — Мученіе св. Климента Римскаго. Житіе св. Василія Великаго. Мученіе 40 мучениковъ въ Севастіи. Трудъ А. И. **Соболевскаго.** Изданіе Императорскаго общества любителей древней письменности. С.-Петербургъ, 1903.

Экскурсіи учащихся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ города Тифлиса въ 1902 г. Тифлисъ, 1903.

Отчетъ о состояніи учебныхъ заведеній Кавказскаго учебнаго округа за 1902 г. Тифлисъ. 1903.

Jean Hus. Essai historique publié à l'occasion de la pose de la première pierre du monument Hus à Prague, par Henri Hantich. Prague, 1903.

Голь перекатная. Разсказы Н. А. **Лейкина.**—Бездомники.—Писарь.—Угловые.—Папертные. — Кладбищенскіе. — Въ родильномъ пріютѣ. — Ученица городской школы. — Переполохъ. — По чердакамъ и подваламъ.—С.-Петербургъ. 1903.

Л. **Кологривова.** Стихотворенія историческія и разнаго содержанія. Москва, 1903.

Лепестки. Сборникъ стихотвореній Мих. **Гербановскаго.** С.-Петербургъ, 1903.

О желательной постановкѣ Закона Божія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. А. **Сапожникова.** С.-Петербургъ, 1903.

Спрутъ. Русская поэма лорда Ловелэй изъ Эдинбурга. Изданіе В. **Веселовскаго.** Нижній-Новгородъ, 1903.

Жилище словинца верхней Крайны (Изъ матеріаловъ по исторіи развитія славянскихъ жилищъ). Ал. **Харузина.** С.-Петербургъ, 1903.

Панна Іоанна и Дона-Жуанъ. Психологическій этюдъ Серафимы **Аргамаковой.** С.-Петербургъ, 1903.

Сношенія китайцевъ съ иностранцами и ихъ послѣдствія въ Китаѣ, съ приложеніемъ статьи „Возстаніе боксеровъ". Анны **Столповской.** Москва, 1903.

Народнопѣвческіе хоры, съ приложеніемъ сборника духовныхъ пѣснопѣній для народнопѣвческихъ хоровъ. А. **Городцова.** Изданіе Пермскаго губернскаго комитета попечительства о народной трезвости. Пермь, 1903.

М. М—въ.

ПИСЬМА О ДЕРЕВНѢ.

I.

Много уже лѣтъ во всѣхъ сельско-хозяйственныхъ и экономическихъ обществахъ, въ литературѣ и даже въ правительственныхъ сферахъ, дебатируется на всѣ лады вопросъ о сельскохозяйственномъ кризисѣ въ Россіи. Наконецъ, тревога о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ вызвала учрежденіе особаго совѣщанія о нуждахъ сельскохозяйственной промышленности.

Естественно, что въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ болѣе 90% населенія занимается сельскимъ хозяйствомъ и вся страна живетъ почти исключительно продуктами земледѣлія и тѣсно связаннаго съ нимъ скотоводства, всѣ остальныя отрасли промышленности, равно и финансовое положеніе государства, стоятъ въ непосредственной зависимости отъ степени благосостоянія земледѣльческаго класса, составляющаго подавляющее большинство потребителей и плательщиковъ, т. е. почти весь народъ. Сельскохозяйственный кризисъ при такихъ условіяхъ будетъ не что иное, какъ общій экономическій кризисъ страны, и я, по крайней мѣрѣ, не вижу возможности какого-либо раздѣленія этихъ понятій при данныхъ условіяхъ.

При бѣдствіи 90% населенія, естественно, не могутъ и остальные 10% жителей благоденствовать и финансовое положеніе страны быть блестящимъ. Въ этомъ мы можемъ удостовѣриться въ настоящее время на каждомъ шагу: всѣ коренныя отрасли промышленности страны въ страшномъ упадкѣ, застой во всѣхъ видахъ торговли полный, безденежье населенія изумительное, процентъ при кредитѣ невозможно высокій, а государственные налоги тяжко угнетаютъ совершенно разоренное населеніе.

Но дѣло не въ названіи, а въ фактѣ тяжелаго бѣдствія, переживаемаго страною, нынѣ констатированнаго и признаннаго всѣми, начиная отъ высшихъ правительственныхъ сферъ до послѣдняго крестьянина, говорящаго, что „нынѣ жить стало бѣда, какъ тяжело“.

Но еще недавно были также лица, отвергавшіе существованіе какого-либо кризиса въ Россіи. Они направляли всѣ

свои усилія, чтобы объяснить всѣ неопровержимые факты обезцѣненія продуктовъ сельскаго хозяйства, голоданія массы населенія, истребленія скотоводства въ странѣ, сокращенія доходности земель, пониженія урожаевъ, всеобщей задолженности и другихъ явленій,—случайными, нестоющими особаго вниманія стеченіями обстоятельствъ, лишь временно вызвавшими подобныя нежелательныя явленія; они усматривали, впрочемъ, такія явленія не въ массѣ населенія, а лишь въ единичныхъ случаяхъ, причемъ всю вину взваливали на пострадавшихъ, обвиняя ихъ въ различныхъ индивидуальныхъ недостаткахъ. Въ доказательство справедливости своихъ словъ они приводили въ примѣръ благосостояніе нѣмца, получившаго даромъ лучшія земли въ Россіи и 100 лѣтъ богатѣвшаго за ея счетъ, не неся никакихъ повинностей, собравшаго за это время громадные капиталы въ своихъ рукахъ и нынѣ сплотившагося подъ сѣнью этихъ капиталовъ. Не упускали также случая указать на кулака (по ихъ словамъ, труженика-крестьянина), купившаго землю у помѣщика, или, наконецъ, на 2—3 помѣщичьи еще не разоренныя имѣнія (владѣльцы которыхъ живутъ на собранные въ былыя времена капиталы, случайно еще уцѣлѣвшіе). Въ доказательство развитія промышленности въ странѣ указывали на нѣсколько вновь открывшихся у насъ заводовъ и фабрикъ (преимущественно основанныхъ иностранцами, на иностранные капиталы и съ иностранными рабочими). Въ доказательство же богатства Россіи капиталами приводили въ примѣръ Поляковыхъ, Заковъ, Варшавскихъ и другихъ семитовъ, съумѣвшихъ собрать значительныя суммы, благодаря своимъ индивидуальнымъ способностямъ, по ихъ мнѣнію, достойнымъ подражанія. Указывали на проданную гдѣ-нибудь по дорогой цѣнѣ свинью, лошадь, корову, пудъ хлѣба на сѣмена, пудъ льна, особо выращеннаго, на одну десятину земли, сданную въ аренду за тройную ея стоимость въ покупкѣ. Всѣ эти факты собирали изъ разныхъ мѣстностей Россіи и рисовали картину довольства и благосостоянія страны и населенія.

Но, теперь и они что-то замолчали, сознавъ невозможность бороться противъ очевидности фактовъ, и понемногу соглашаются съ мнѣніемъ о существованіи кризиса въ странѣ, но одни приписываютъ его происхожденіе исключительно только недостатку предпріимчивости отдѣльныхъ лицъ и вообще всего населенія, сравнительно съ иностранцами и съ семитами, назначеніе которыхъ — цивилизовать Россію, другіе же ссылаются на то, что кризисъ претерпѣваетъ не одна только Россія, но и большинство странъ земного шара, что и отзывается на Россіи неблагопріятно.

Такъ или иначе, но переживаемый нынѣ Россіей кризисъ признается въ настоящее время всѣми.

Но какъ странно звучитъ слово „кризисъ" въ такой странѣ, какъ Россія, которая, раскинувшись почти отъ тропика до полюса — по широтѣ и какъ разъ на половину сѣвернаго полушарія—по долготѣ, которая можетъ вмѣстить всѣ западно-европейскія государства на пространствѣ своихъ нѣсколькихъ

губерній и обладаетъ всевозможными естественными богатствами въ громадномъ изобиліи и даже въ избыткѣ.

Повидимому, богатство, благосостояніе и довольство—удѣлъ такой страны. Приблизительно въ одинаковыхъ условіяхъ съ Россіей находится Сѣверная Америка, въ которой мы все это встрѣчаемъ. А у насъ уже много лѣтъ съ устъ населенія не сходитъ роковое слово „кризисъ“, а на дѣлѣ мы видимъ всеобщее бѣдствіе, постоянныя голодовки населенія, падежи скота отъ безкормицы, обезцѣненіе продуктовъ народнаго труда, а съ этимъ вмѣстѣ и обезцѣненіе самаго труда; упадокъ культуры, безцѣльное передвиженіе массъ населенія въ поискахъ, часто тщетныхъ, за пропитаніемъ и заработками и другія явленія, обусловливаемыя упадкомъ экономическаго положенія населенія. Много выставлялось причинъ нынѣ переживаемаго кризиса, но онѣ по своей односторонности мало выясняли дѣло; а не доискавшись истинной причины такой болѣзни государственнаго организма, какъ нынѣ переживаемый кризисъ, невозможно приступить къ радикальному врачеванію и, естественно, приходится ограничиваться палліативами.

Переживаемый Россіей экономическій кризисъ, по моему глубокому убѣжденію, искусственно созданъ нашими экономистами, начитавшимися западно-европейскихъ премудрыхъ экономическихъ ученій, которыя они примѣнили на своемъ отечествѣ, совершенно не зная страны и условій ея экономической жизни.

Западно-европейскіе экономисты, основывая свое ученіе на глубокомъ изученіи нуждъ своихъ странъ, имѣющихъ каждая по своей миніатюрности почти одинаковыя экономическія условія, дѣйствительно, сослужили службу своему отечеству.

Однимъ изъ существенныхъ основаній большинства этихъ ученій было развитіе внѣшней торговли, что вполнѣ соотвѣтвѣтствовало экономическимъ условіямъ большинства западно-европейскихъ государствъ, поставленныхъ силою обстоятельствъ, зависящихъ отчасти и отъ густоты населенія, въ необходимость удовлетворять свои самыя существенныя и цѣнныя потребности въ пищѣ и одеждѣ предметами, привозимыми изъ другихъ странъ, безъ чего существованіе этихъ государствъ было бы немыслимо.

Предъявляя столь серьезныя требованія къ внѣшней торговлѣ, какъ удовлетвореніе жизненныхъ потребностей страны, несомнѣнно, что на развитіе ея должны были быть направлены всѣ усилія. Но при этомъ, за невозможностью инымъ чѣмъ, кромѣ личнаго труда, заплатить за привозимую къ нимъ пищу и одежду, само собою понятно, что въ этихъ странахъ необходимо было развитіе обрабатывающей промышленности своего или привознаго сырья въ предметы всеобщаго потребленія, которыя явились въ торговлѣ какъ бы эквивалентомъ, или передаточнымъ элементомъ, для оплаты трудомъ населенія получаемыхъ имъ предметовъ жизненныхъ потребностей.

Совершенство двухъ существенныхъ для жизни тѣхъ странъ процессовъ, т. е. внѣшней торговли и обрабатывающей

промышленности, составляло и до сихъ поръ составляетъ ихъ единственное богатство.

Наши же экономисты эти ученія, которыя, быть можетъ, какъ мы дальше увидимъ, съ пользой могли бы примѣняться къ какому-нибудь клочку Россіи или къ одной—двумъ губерніямъ, находящимся въ одинаковыхъ условіяхъ со страной, гдѣ подобное экономическое направленіе дало блестящіе результаты,—примѣнили, смѣшавъ ихъ всѣ въ кучу, безъ всякаго разбора, къ обширнѣйшей странѣ на земномъ шарѣ — Россіи, не входя въ разсмотрѣніе ни мѣстныхъ, ни географическихъ условій, ни производительности страны, не принимая во вниманіе ни степени развитія населенія и его характеръ, ни даже образа правленія страны. Всѣ ихъ усилія были направлены къ тому, чтобы слѣпо и ревниво примѣнить всѣ буквы западно-европейскихъ ученій въ нашемъ отечествѣ. Имъ это почти удалось,—и послѣдствія мы теперь осязательно ощутили въ видѣ бѣдствія, тяготѣющаго надъ страной.

Возьмемъ для примѣра Англію. Плотность населенія чрезмѣрна; хлѣба и вообще пищевыхъ продуктовъ, производимыхъ страной, можетъ хватить для прокормленія лишь ничтожной части населенія; продуктовъ для одежды въ странѣ еще меньше, чѣмъ хлѣба, а имѣются лишь неистощимыя богатства желѣзной руды и каменнаго угля, но ими сытъ не будешь и не одѣнешься въ нихъ. Изъ этого видно, что Англіи для простой только возможности существованія необходимо создать изъ своихъ богатствъ,—руды и угля,—издѣлія, и притомъ столь высокаго качества, чтобы они имѣли всюду преимущество предъ издѣліями другихъ странъ, изъ столь распространенныхъ въ природѣ сырыхъ матеріаловъ, какъ руда и уголь. Затѣмъ, во что бы то ни стало, необходимо было вступить въ торговлю со странами, производящими хлѣбъ, мясо и другіе продукты пищи и одежды, и везти ихъ къ себѣ, причемъ расплачиваться за нихъ своими издѣліями. Слѣдовательно, безъ внѣшней торговли и художественнаго развитія промышленности, Англія и существовать не можетъ.

Обратимся теперь къ Россіи, разсматривая ее, какъ одно цѣлое. Населенность, въ общей сложности, ничтожна; хлѣба, мяса и другихъ жизненныхъ припасовъ страна производила и можетъ производить съ громаднымъ избыткомъ для своего населенія. Сѣверная необъятная равнина, занимающая даже большую часть Сибири, въ состояніи снабжать съ громаднымъ избыткомъ все населеніе волокнистымъ веществомъ—льномъ, что, при довольно обширномъ производствѣ въ центральной и южной Россіи пеньки и уже сильно развившейся на южной окраинѣ культурѣ хлопка, а также при огромномъ количествѣ шерсти различныхъ животныхъ, а отчасти и шелководства, даетъ не только богатый по количеству, но и весьма разнообразный матеріалъ для удовлетворенія потребности населенія въ одеждѣ. Начиная отъ мѣховъ и рыбъ полярныхъ странъ и до виноградныхъ винъ и почти тропическихъ фруктовъ и пряностей, въ странѣ абсолютный избытокъ. Самыя разнообраз

ныя минеральныя богатства страны неисчислимы. Слѣдовательно, ни въ одномъ изъ предметовъ насущныхъ жизненныхъ потребностей и даже нѣкоторой роскоши страна не нуждается, считая въ томъ числѣ даже и потребность въ благородныхъ металлахъ, которыхъ у насъ немало.

Какія же требованія Россія можетъ при этихъ условіяхъ предъявлять къ внѣшней торговлѣ и какое она можетъ имѣть значеніе для жизни страны, когда страна имѣетъ возможность существовать совершенно самостоятельной жизнью? Вся внѣшняя торговля должна состоять въ вывозѣ лишь абсолютнаго избытка, но только избытка производимыхъ страною предметовъ, при непремѣнномъ условіи оплаты ихъ выгодною для производителей цѣною, а не такъ, какъ теперь: везутъ отъ насъ даже необходимый хлѣбъ, ленъ и другіе предметы, оплачивая ихъ дешевле стоимости ихъ производства. Разумѣется, можетъ еще понадобиться странѣ: ваниль, кофе, чай, нѣкорые предметы роскоши и т. п., но для покупки ихъ достаточно будетъ самой ничтожной части нашихъ избытковъ, а за остальные продукты мы будемъ получать наличныя деньги.

Совсѣмъ съ другого рода обстоятельствами встрѣтимся мы, если обратимся къ детальному изслѣдованію производительности Россіи и мѣстныхъ условій. Мы встрѣтимъ обширныя мѣстности, равняющіяся нѣсколькимъ западнымъ государствамъ по пространству, но производящія исключительно хлѣбъ; другія мѣстности, въ силу климатическихъ и почвенныхъ условій, производятъ прядильныя вещества для одежды, почти не производя хлѣба; третьи, имѣющія неисчерпаемыя минеральныя богатства, не имѣютъ ни хлѣба, ни предметовъ для одежды; четвертыя безлюдны и пустынны; пятыя переполнены населеніемъ гуще, чѣмъ Англія, и требуютъ для своего существованія той же обрабатывающей промышленности и своеобразной внѣшней торговли, какъ и Англія. Однимъ словомъ, въ предѣлахъ нашего отечества мы можемъ, выражаясь образно, найти типы всѣхъ государствъ, а въ частности Англію и всѣ государства, съ которыми она должна, въ силу необходимости, вести торговлю. И если вникнуть въ условія всѣхъ этихъ мѣстностей, то, несомнѣнно, придется убѣдиться въ необходимости самой оживленной внѣшней, между этими частями обширной страны, торговли, безъ которой немыслимо существованіе каждой изъ нихъ въ отдѣльности.

Такое разнообразіе мѣстныхъ условій нашего обширнаго отечества представляетъ прекрасное поприще дѣятельности для нашихъ экономистовъ, увлеченныхъ свободой торговли, во всякомъ случаѣ—безопасной и полезной странѣ. Пусть они себѣ вообразятъ, что Москва есть Лондонъ, Харьковъ—Нью-Іоркъ, Крымъ—Франція, Закавказье и Закаспійская область—Индія, Бессарабія—Турція; пусть даже всѣ губерніи назовутъ отдѣльными государствами и заботятся о развитіи между ними свободной внѣшней торговли, но только въ чертѣ государства, на благо странѣ.

Такое дѣйствительное положеніе дѣлъ ясно указываетъ намъ, что благосостояніе и жизнь Россіи, не имѣющей надобности предъявлять какія-либо серьезныя требованія къ внѣшней торговлѣ, обусловливается высшей степенью развитія внутренней торговли, которая въ настоящее время совсѣмъ убита, хотя и должна была составлять предметъ всѣхъ экономическихъ изысканій и заботъ правительства.

Отчего же Англія, Австрія, Турція, Соединенные Штаты и всѣ западно-европейскія государства, ведя между собою торговлю, т. е. обмѣнъ продуктами, могутъ существовать, а Россія, вмѣщая свободно въ своихъ предѣлахъ всѣ эти государства съ характеромъ ихъ производительности, не можетъ существовать внутренней торговлей, а должна непремѣнно торговать, хотя бы въ убытокъ себѣ, подъ страхомъ погибели, съ какой-нибудь Англіей, составляющей какую-нибудь маленькую губернію Россіи. Если Англія перестанетъ съ нами торговать, то мы безъ ея ножиковъ проживемъ, а она-то безъ нашего хлѣба, можетъ быть, и не обойдется. Но изъ этого не слѣдуетъ, что мы обязательно должны ея ножики брать, разоряя себя.

Доказывать необходимость обширной внѣшней торговли для Россіи—это равносильно доказательству, что не внѣшняя торговля между государствами создана для обмѣна продуктовъ въ силу необходимости, а обмѣнъ продуктовъ созданъ для поддержанія внѣшней торговли.

На что же намъ эта торговля, когда мы не нуждаемся въ предлагаемыхъ намъ продуктахъ, имѣя ихъ внутри государства? Или только для того намъ внѣшняя торговля нужна, чтобы продукты собственнаго производства не имѣли ни сбыта, ни потребленія въ странѣ, замѣняясь иностранными? Но въ такомъ случаѣ и нужно же называть вещи своими именами, т. е. *нашу внѣшнюю торговлю слѣдуетъ величать дорогою и разорительною для народа и для страны забавою во внѣшнюю торговлю*: такой терминъ будетъ, по крайней мѣрѣ, всѣмъ понятенъ.

Расширеніе внѣшней торговли Россіи въ ущербъ внутренней, подъ вліяніемъ западно-европейскихъ экономическихъ ученій, настойчиво проводимыхъ нашими экономистами, повело, по истинѣ, къ ужаснымъ послѣдствіямъ: мѣстности, производящія хлѣбъ, но нуждающіяся въ одеждѣ и металлахъ, получаютъ ихъ изъ иностранныхъ государствъ въ обмѣнъ за свой хлѣбъ, а мѣстности, производящія одежду и металлы, лишившись ихъ сбыта (а вмѣстѣ съ тѣмъ и денегъ, за которыя онѣ покупали хлѣбъ, не имѣя возможности его производить), начали терпѣть нужду и голодъ, продукты же свои вынуждены были продавать за безцѣнокъ за границу, если ихъ брали, или сокращать производство и искать другихъ источниковъ для пропитанія.

Мѣстности, густо населенныя и жившія обрабатывающей промышленностью, вслѣдствіе вытѣсненія ихъ продуктовъ болѣе изящными иностранными, поставлены были также въ критическое положеніе и начали сокращать производство и

голодать. Продолжительное время привозъ иностранныхъ произведеній въ страну превышалъ по цѣнности вывозъ нашего сырья, и, кромѣ того, вывозилась массами монета изъ страны. Такимъ образомъ, вывозились всѣ имѣвшіеся у насъ капиталы+ благосостояніе страны; причемъ курсъ нашихъ бумажныхъ денегъ падалъ, что влекло за собою финансовое разстройство страны и громадные внѣшніе займы.

Измученное голодомъ населеніе мѣстностей, не имѣвшихъ возможности производить хлѣбъ, единственно на который твердо держался спросъ за границей, устремилось въ мѣстности, способныя его производить, ради заработковъ; распахало громадныя площади земли (преимущественно на югѣ), при чисто-хищническихъ пріемахъ земледѣлія, и единовременно страшно повысило производство хлѣба въ странѣ и вывозъ его за границу, что, къ несчастью, совпало еще съ увеличеніемъ производства хлѣбовъ и въ другихъ частяхъ свѣта. Масса производимаго хлѣба запрудила западно-европейскіе рынки, цѣна на него пала и производство его сдѣлалось безвыгоднымъ, тѣмъ болѣе, что хищнической культурой подорвана была производительность земель, выразившаяся въ послѣднее время пониженіемъ урожаевъ. Этимъ послѣднимъ актомъ обезцѣненія хлѣба въ конецъ было разбито благосостояніе всего населенія, безъ исключенія, такъ какъ этимъ лишились заработковъ жители мѣстностей, не производившихъ хлѣба, равно какъ и жители, владѣвшіе землями хлѣбородными. Такимъ образомъ, широкой волной разлилось по странѣ всеобщее бѣдствіе, которое нынѣ называется кризисомъ.

Такое современное бѣдственное положеніе Россіи требуетъ радикальной перемѣны нашей таможенной политики и кореннаго измѣненія взглядовъ на нашу внутреннюю и внѣшнюю торговлю.

Теперь у насъ сложился взглядъ такой: что бы мы ни волокли изъ страны за границу и почемъ бы его ни продавали иностранцамъ,—все слава Богу, потому что это даетъ возможность намъ хотя какъ-нибудь покрыть свою горькую нужду въ деньгахъ. Въ то же время мы какъ бы не замѣчаемъ, что всѣ эти деньги мы возвращаемъ иностранцамъ обратно за ихъ, совершенно ненужные намъ и пагубно вліяющіе на наши производства товары.

Мы всѣ свои усилія направляемъ хотя бы къ временному увеличенію наличныхъ денежныхъ средствъ, для удовлетворенія своихъ потребностей, но нисколько не заботимся о сокращеніи нашихъ расходовъ. Мы, какъ жалкіе забулдыги-кутилы, волочемъ все, что есть цѣннаго, изъ дома на рынокъ или въ закладъ, чтобы на вырученныя деньги не отказать себѣ въ удовольствіи покутить, ни мало не заботясь о завтрашнемъ днѣ. Мы не соразмѣряемъ нашихъ расходовъ съ доходами, а всѣми силами стараемся, чтобы доходы покрывали нашу расточительность.

Если мы сами безсильны или до того безвольны, что не можетъ положить предѣла этой вакханаліи во внѣшней нашей

торговлѣ, то этому долженъ же быть, наконецъ, положенъ предѣлъ нашей таможенной политикой, нашимъ таможеннымъ тарифомъ и учрежденiями, вѣдающими торговлю страны.

Мы почему-то вообразили себѣ, что намъ выгодно перерабатывать иностранное сырье. Стоитъ только иностранцамъ насъ поманить чѣмъ-нибудь, какъ хлопкомъ, джутой, манильской пенькой, какой-нибудь крапивой и т. п., какъ мы тотчасъ же считаемъ долгомъ признать эти продукты необходимыми для насъ, всѣ поощрительныя мѣры примѣняемъ для насажденiя у насъ такого рода обрабатывающей промышленности, холимъ и лелѣемъ ее, а никакого вниманiя не обращаемъ на то, что раньше тѣ же потребности мы удовлетворяли не хуже, а даже лучше, чѣмъ теперь, переработкой въ издѣлiя собственнаго сырья; теперь же наше сырье остается безъ спроса, и мы вынуждены или сбывать его за безцѣнокъ за границу, или же сокращать его производство. Наконецъ, въ этомъ отношенiи мы дошли уже до геркулесовыхъ столбовъ и признаемъ теперь, что намъ нельзя обойтись безъ иностранной шерсти, скотскихъ кожъ, сала и т. п. предметовъ, нѣкогда составлявшихъ даже видную отрасль вывозной нашей торговли. Скоро мы вѣрно дойдемъ до того, что мясо и хлѣбъ будемъ выписывать изъ-за границы; по крайней мѣрѣ, Финляндiя уже продовольствуется американскимъ и австралiйскимъ мясомъ и нѣмецкою мукою.

Въ этомъ отношенiи попустительство наше перешло всѣ мѣры и границы и дѣйствительно доведетъ насъ до полнаго разоренiя: скоро уже всѣ продукты животноводства мы вынуждены будемъ покупать у иностранцевъ, такъ какъ мы вывозимъ изъ страны всѣ безъ остатка главныя интенсивныя кормовыя вещества, отруби и жмыхи масляничныхъ растенiй.

Для многихъ вопросъ этотъ можетъ показаться пустымъ, но въ дѣйствительности это вопросъ первостепенной важности, и на немъ мы нѣсколько остановимся.

II.

Въ доисторическiя времена, праотцы наши уже прибѣгали къ дробленiю зеренъ хлѣбныхъ растенiй между камнями, а для добычи масла клали сѣмена масляничныхъ растенiй подъ тяжести. Быть можетъ, много вѣковъ прошло, пока изобрѣтенъ былъ для размола хлѣбныхъ зеренъ ручной жерновъ, прототипъ нашихъ мельницъ, и деревянная колода для выдавливанiя, силой рычага, масла изъ сѣмянъ, прототипъ нашихъ олейницъ, по усовершенствованiи которыхъ, масло добывалось посредствомъ сжиманiя забиваемыми клиньями, отчего и произошло названiе—маслобойня.

Въ виду этого, по своему существу, характеру и условiямъ производства, мукомолiе и маслодобыванiе были всегда исконнымъ достоянiемъ и занятiемъ земледѣльческаго осѣдлаго населенiя, выращивавшаго хлѣбъ и сѣмена масляничныхъ растенiй для своего пропитанiя. Избытки продуктовъ этихъ про-

изводствъ составляли предметъ торговли сельскаго земледѣльческаго населенія и доставлялись для продовольствія городовъ, фабрикъ, заводовъ и вообще лицъ, не занимающихся земледѣліемъ. Такъ дѣло это велось и у насъ въ Россіи съ незапамятныхъ временъ.

Поэтому маслобойное и мукомольное производства причислялись всегда къ сельскимъ промысламъ и выдѣлялись въ особую группу производствъ подъ названіемъ технической переработки сельскохозяйственныхъ продуктовъ.

Въ дореформенное время, и даже во все первое десятилѣтіе послѣ реформы 1861 г., кромѣ многочисленныхъ вѣтряныхъ, а гдѣ было возможно, и водяныхъ мельницъ въ селахъ, для простого помола, съ толчеями для выдѣлки пшена и дробленія масляничныхъ сѣмянъ, предварительно добычи изъ нихъ масла, почти въ каждомъ, болѣе или менѣе благоустроенномъ имѣніи была приводимая въ движеніе топчакомъ или водою мельница, для незатѣйливаго крупчатаго помола, съ просѣвкой муки черезъ шелковый рукавъ, а въ болѣе крупныхъ имѣніяхъ, въ особенности при винокуренныхъ заводахъ, были вполнѣ технически оборудованныя, большія паровыя крупчатыя мельницы.

Мука со всѣхъ крупчатыхъ мельницъ частью потреблялась на мѣстахъ сельскимъ населеніемъ, а частью вывозилась въ города, но отруби, равно какъ отбросы отъ производства пшена и дерть, отъ выдѣлки ячневой, полбенной и овсяной крупы, шли на кормъ скоту, лошадямъ и свиньямъ. Съ промышленными цѣлями въ очень немногихъ городахъ, въ то время, были паровыя мельницы для крупчатаго помола. Нѣсколько чаще встрѣчались мельницы, приводимыя въ движеніе топчакомъ. Мука съ нихъ шла почти исключительно для мѣстнаго продовольствія горожанъ и только съ особенно выдающихся по своему производству мельницъ обращалась въ торговлѣ: такъ, напримѣръ, въ то время славилась въ Россіи елецкая конфектная мука, которая развозилась по всѣмъ городамъ центра и юга Россіи, и изъ нея дѣлались самыя изысканныя печенія. Что же касается отрубей, то они шли въ городахъ на кормъ коровамъ, которыхъ держалъ въ то время почти каждый болѣе зажиточный горожанинъ, и городскимъ лошадямъ. Цѣна на нихъ стояла отъ 10 до 15 коп. за пудъ.

Нѣсколько болѣе было распространено мукомольное дѣло съ промышленными цѣлями по большимъ нашимъ рѣкамъ, въ особенности на Волгѣ, Днѣпрѣ и т. п., по которымъ устраивались промышленниками наплавныя водяныя мельницы, т. е. приводимыя въ движеніе не паденіемъ воды, а простымъ ея теченіемъ. Помолъ на нихъ производился большею частью простой, но были и хорошія крупчатки. Мука съ нихъ въ большихъ количествахъ шла въ городъ и отчасти на довольствіе войскъ; такъ, напримѣръ, съ Волги везлась въ Петербургъ, Москву и въ сѣверныя губерніи, какъ крупчатаго помола, такъ и простая мука, для продовольствія жителей и войскъ. Волжская крупчатка всегда славилась своимъ высокимъ ка-

чествомъ. Что касается отрубей съ этихъ мельницъ, то онѣ расходились на мѣстахъ, на кормъ скоту.

Точныхъ цифръ количества муки и отрубей, производившихся тогда нашими мельницами, не имѣется, такъ какъ никакого учета ни мукѣ, ни отрубямъ тогда не велось, но приблизительное ихъ количество все-таки можетъ быть опредѣлено изъ слѣдующихъ данныхъ.

Потребленіе пшеницы въ Европейской Россіи (кромѣ Финляндіи) и на Сѣверномъ Кавказѣ опредѣлялось въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ 160 милл. пудовъ. При несовершенныхъ способахъ помола, при которыхъ много мучнистыхъ частицъ оставалось при оболочкѣ зерна, отрубей получалось не менѣе 14%. Мука пшеничная потреблялась даже крестьянами не иначе, какъ просѣянной на ручныхъ ситахъ, а потому количество добываемой пшеничной муки можетъ быть опредѣлено въ 135 милл. пуд., пшеничныхъ отрубей получалось свыше 22 милл. пуд. и около 3 милл. пуд. нужно считать на распылъ. Изъ 600 милл. пудъ потреблявшейся тогда ржи можно считать, что 10% перемалывалось для винокуренія, 85% шло не просѣянной мукой на продовольствіе населенія и только 5% или 30 милл. пуд. ржаной муки просѣивалось на шелковыя и ручныя сита, отчего получалось до 3 милл. пуд. ржаныхъ отрубей. Распылъ же 600 милл. пуд. ржи опредѣляется въ 12 милл. пудовъ.

Кромѣ того, на нашихъ мельницахъ перерабатывалось около 150 милл. пуд. ячменя въ крупу и дерть, 80 милл. пуд. гречихи и до 50 милл. пуд. проса—въ крупу. Количество перемалывавшагося въ муку, крупу и дерть овса, кукурузы и другихъ хлѣбовъ опредѣлить невозможно, хотя оно тоже должно быть довольно значительно.

Такимъ образомъ, нашими мельницами перерабатывалось въ муку, крупу и дерть свыше милліарда пудовъ различнаго зерна, причемъ получалось для корма скота однѣхъ пшеничныхъ и ржаныхъ отрубей не менѣе 25 милл. пуд. и всѣ отбросы отъ производства ячневой, пшенной, гречневой и другой крупы, не считая дерти. Полагая за переработку зерна въ муку, крупу и дерть лишь по 5 коп. съ пуда, такъ какъ обыкновенно платилось отъ 3 до 10 к. за пудъ, а за крупчатый помолъ даже до 20 коп. за пудъ, мукомольное дѣло давало заработокъ, почти исключительно сельскому населенію, свыше 50 милл. рублей.

Изъ скудныхъ свѣдѣній, имѣющихся о количествѣ мельницъ въ Россіи въ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, собиравшихся центральнымъ статистическимъ комитетомъ и дополненныхъ военнымъ вѣдомствомъ, видно, что во всѣхъ городахъ насчитывалось 40 частныхъ паровыхъ мельницъ и 3 казенныхъ военнаго вѣдомства. По тѣмъ же даннымъ, въ имѣніяхъ помѣщиковъ насчитывалось 102 паровыхъ мельницы, но въ это число, очевидно, не входили паровыя мукомольни и крупчатки при винокуренныхъ заводахъ, число которыхъ въ то время колебалось отъ 3 до 4 тысячъ.

Еще болѣе скудны свѣдѣнія о количествѣ мельницъ, приводимыхъ въ движеніе топчаками и приводами. Ихъ насчитывалось всего 1,911, хотя, въ дѣйствительности, число ихъ должно было быть гораздо значительнѣе.

Общее число постоянныхъ и наплавныхъ мельницъ, по этимъ даннымъ, опредѣляется въ 20,746. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, какъ, напримѣръ, въ кіевской, число ихъ доходило до 3,611, такъ что общее количество водяныхъ мельницъ нужно считать также неполнымъ. Наконецъ, еще большею неполнотою отличаются свѣдѣнія о количествѣ вѣтряныхъ мельницъ, которыхъ насчитывалось всего лишь около 32 тысячъ, тогда какъ въ одной черниговской губерніи число этихъ мельницъ опредѣлялось въ 7,000.

Что касается маслобойнаго производства, то оно еще болѣе, чѣмъ мукомольное, носило сельскохозяйственный и кустарный характеръ, такъ какъ во всѣхъ городахъ насчитывалось всего 4 маслобойни, въ томъ числѣ только одна паровая въ Одессѣ, но зато почти при каждой помѣщичьей усадьбѣ былъ болѣе или менѣе оборудованный маслобойный заводъ, а въ каждомъ селѣ непремѣнно были по одной, а часто по двѣ, по три и болѣе, смотря по количеству производимыхъ крестьянами масляничныхъ сѣмянъ, небольшихъ маслобоенъ, чисто кустарнаго типа. Въ нѣкоторыхъ же мѣстностяхъ, напримѣръ, въ воронежской и саратовской губерніяхъ, гдѣ сильно развито производство подсолнечника, или въ орловской, калужской и черниговской губерніяхъ, въ которыхъ въ громадныхъ количествахъ засѣвалась конопля, почти каждый болѣе зажиточный крестьянинъ имѣлъ хотя бы незатѣйливую маслобойню, а нѣкоторые крестьяне имѣли даже довольно хорошо оборудованные маслобойные заводики кустарнаго типа. Вообще, кустарное маслобойное производство было сильно развито въ то время въ Россіи и давало хорошіе доходы крестьянамъ.

По ежегоднику министерства финансовъ, въ 1866 году числилось 1,903 маслобойни, но едва ли въ это число вошли маслобойни кустарныя. Чистый, за исключеніемъ сѣмянъ, сборъ льняного и конопляного сѣмени опредѣлялся въ то время, по самому скромному разсчету, въ 41 милл. пудовъ, изъ которыхъ около 15 милл. пуд. вывозились за границу, а остальные 26 милл. перебивались на масло, выходъ котораго опредѣлялся въ 20% или 5.200,000 пудовъ; свыше 20 милл. пудовъ получалось жмыховъ. Кромѣ того, перебивалось на масло около 6 милл. пуд. подсолнуховъ и сурѣпнаго сѣмени, что ежегодно давало около 1 милл. пуд. масла и до 5 милл. пуд. жмыховъ.

Такимъ образомъ, отъ маслобойнаго производства получалось свыше 6 милл. пуд. масла, цѣнившагося въ 25 милл. руб., и около 25 милл. пуд. жмыховъ, скармливавшихся скотомъ, овцами и свиньями. Продажная цѣна жмыховъ была 20—30 к. за пудъ.

Въ то время существовалъ сильный спросъ на откормленный рогатый скотъ и овецъ не только для убоя на мясо, но и для салотопенныхъ заводовъ, вываривавшихъ изъ тушъ сало,

а изъ мяса дѣлавшихъ солонину, потребленіе которой въ народѣ было сильно распространено.

Спросъ на сало былъ тогда громадный, такъ какъ даже въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, керосинъ для освѣщенія, подъ наименованіемъ фотогена, былъ еще новинкой и дорого стоилъ, и вся интеллигентная и болѣе зажиточная Россія освѣщалась сальными и стеариновыми свѣчами; крестьяне же только въ лѣсныхъ мѣстностяхъ освѣщались лучинами, а въ безлѣсныхъ—тѣмъ же саломъ, налитымъ въ мисочку или осколокъ (черепокъ) отъ горшка со вставленнымъ фитилемъ. (Въ Малороссіи и вообще на югѣ подобнаго рода свѣтильня называлась „каганецъ"). Затѣмъ сало шло въ большомъ количествѣ и на мыловаренные заводы, на смазку машинъ и колесъ въ экипажахъ и т. п. Кромѣ того, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія изъ Россіи вывозилось ежегодно за границу въ среднемъ на 11 милл. рублей сала и произведеній изъ него.

За полнымъ удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей населенія страны, вывозили въ то же время за границу на 18 милл. рублей овечьей шерсти, на 2 милл. руб. скота и овецъ живьемъ и на 8 милл. руб. такихъ продуктовъ животноводства, какъ кожи, волосъ, рога, копыта и т. п.; всѣхъ же продуктовъ скотоводства вывозилось за границу на 39 милл. рублей.

Вывозъ отрубей изъ Россіи былъ въ тѣ времена совершенно ничтожный. Отруби до шестидесятыхъ годовъ даже не значились отдѣльно въ числѣ предметовъ вывоза. Въ 1860 году было вывезено отрубей 12,720 пудовъ. Въ пятилѣтіе же 1861—1865 годовъ вывозъ отрубей дошелъ уже до 21½ тыс. пуд. въ среднемъ въ годъ, замѣтно возрастая изъ года въ годъ.

Что же касается вывоза жмыховъ, то онъ давно производился изъ Россіи, но въ небольшомъ количествѣ: за десятилѣтіе 1846—1855 годовъ въ среднемъ жмыховъ вывозилось по 404 тыс. пуд. на 323 тыс. рублей въ годъ.

Ничтоженъ былъ и вывозъ муки по сравненію съ вывозомъ зерноваго хлѣба. Въ пятилѣтіе 1861 — 1865 годовъ муки вывозилось по европейской границѣ въ среднемъ 1652 тыс. пуд. Столь незначительный вывозъ муки объяснялся отсталостью нашего мукомольнаго дѣла, потому что спросъ на муку въ Западной Европѣ, а въ особенности въ Англіи, былъ весьма значительный, такъ что Америка вывозила почти половину всего хлѣба мукою.

Для улучшенія нашего мукомольнаго дѣла выдающійся въ то время дѣятель въ области политической экономіи, нынѣ членъ государственнаго совѣта, Ѳ. Г. Тернеръ, проводилъ мысль о необходимости оказывать содѣйствіе сосредоточенію мукомольнаго дѣла въ крупныя предпріятія, которыя, по примѣру Америки, на громадныхъ паровыхъ мельницахъ, снабженныхъ всевозможными усовершенствованіями, перемалывали бы наши избытки зерна, и мукою вывозили бы его за границу, причемъ оставалось бы значительное количество отрубей въ странѣ для корма скота. Несомнѣнно, что выполненіе столь по-

лезной мысли обогатило бы Россію, и она дѣйствительно у насъ провелась, но только, какъ мы далѣе увидимъ, съ совершенно иными цѣлями.

Также ничтоженъ былъ вывозъ отъ насъ льняного и конопляннаго масла, котораго за пятилѣтіе 1861—1865 годовъ по европейской границѣ вывозилось въ среднемъ всего лишь 195 тыс. пуд. на 928 тыс. рублей, что тоже совершенно справедливо приписывалось несовершенству нашего маслобойнаго дѣла.

Не отпуская за границу почти ничего изъ своихъ произведеній, наши мукомольное и маслобойное производства въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія носили совершенно сельскохозяйственный характеръ и служили исключительно для удовлетворенія спроса населенія на произведенія этихъ отраслей промышленности; кромѣ того, оба эти производства шли какъ бы рука объ руку съ разведеніемъ домашнихъ животныхъ въ странѣ, давая имъ въ громадномъ количествѣ прекрасный концентрированный кормъ, какъ отруби и жмыхи, при которыхъ могли быть использованы самыя малопитательныя кормовыя вещества.

Для того, чтобы болѣе точно опредѣлить значеніе такихъ кормовыхъ веществъ, какъ отруби и жмыхи для сельскаго хозяйства, сравнимъ ихъ питательность, хотя бы съ самымъ дешевымъ—ячменемъ.

По кормовымъ нормамъ Вольфа и Кюна 1 штуку крупнаго рогатаго скота, въ 25 пудовъ вѣсомъ, можно хорошо выкормить въ теченіе 6 зимнихъ мѣсяцевъ или 180 дней даже озимой соломой, если къ ней прибавлять въ видѣ посыпки: 25 пуд. 3 фунт. ячменя или 17 пуд. 6 фунт. отрубей или же 7 пуд. 12 фунт. льняныхъ жмыховъ. Въ виду этого сравнительная питательность, потому и цѣнность отрубей, въ полтора раза выше ячменя, жмыховъ же питательность и цѣнность въ $3^{1}/_{2}$ раза выше ячменя.

Согласно приведеннымъ разсчетамъ, прибавляя 25 милл. пудовъ получавшихся отрубей къ озимой соломѣ, можно было удовлетворительно прокормить зимою 1.457,726 штукъ рогатаго скота, а прибавляя къ такой же соломѣ, 25 милл. пуд. получавшихся жмыховъ,—3.425,753 штуки такого же скота. Слѣдовательно, отбросы мельничнаго и маслобойнаго дѣла давали возможность нашимъ сельскимъ хозяевамъ ежегодно прокармливать зимою даже самой плохой, какъ озимая, соломой 4.883,479 головъ крупнаго рогатаго скота.

Замѣнить эти 50 милл. пуд. отрубей и жмыховъ возможно было по приведеннымъ разсчетамъ только 122.453,236 пудами ячменя, для сбора котораго, считая средній чистый урожай съ десятины въ 50 пудовъ, необходимо было бы засѣвать 2.449,065 десятинъ.

Для примѣра принятъ въ разсчетъ самый плохой кормъ—солома, но въ хозяйствахъ лишь въ крайнихъ случаяхъ кормятъ скотъ озимой соломой, которая идетъ преимущественно на подстилку животнымъ, а въ безлѣсныхъ мѣстностяхъ на

топливо. Если же кормить скотъ, какъ это въ дѣйствительности и дѣлается, яровой соломой, которая значительно питательнѣе озимой, да давать еще хотя немного сѣна, то получавшихся 50 милл. пуд. отрубей и жмыховъ, какъ прибавочнаго корма, было вполнѣ достаточно для хорошаго питанія двойного и даже тройного, противъ исчисленнаго, количества крупнаго рогатаго скота или соотвѣтственно нѣсколько разъ большаго количества мелкаго скота или овецъ.

Въ 1866 году числилось различнаго рода скота въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи.

	Общее число тысячъ головъ.
лошадей.	15,266
рогатаго скота.	21,634
простыхъ овецъ.	33,464
тонкорунныхъ овецъ.	11,281
свиней.	9,504

Принимая во вниманіе, что въ общемъ числѣ скота бываетъ 1/3 молодыхъ животныхъ, которыхъ не менѣе 5 штукъ по вѣсу можетъ приравняться взрослому животному, число крупнаго рогатаго скота по 25 пудовъ живого вѣса опредѣлится всего лишь въ 15,865 тысячъ головъ. Слѣдовательно, получавшихся въ хозяйствахъ отрубей и жмыховъ достаточно было для зимняго прокормленія на одной озимой соломѣ 1/3 всего рогатаго скота, а при яровой и прибавкѣ сѣна этихъ концентрированныхъ кормовыхъ веществъ хватало для хорошаго прокормленія двухъ третей, а быть можетъ, и всего количества рогатаго скота, имѣвшагося въ странѣ; но этого даже и не нужно было, такъ какъ при сильно развитомъ винокуреніи масса рогатаго скота выкармливалась бардой.

Если принять, что десять взрослыхъ овецъ равняются по вѣсу одной штукѣ крупнаго рогатаго скота въ 25 пуд. вѣсомъ, окажется, что для прокормленія всѣхъ, какъ тонкорунныхъ, такъ и простыхъ овецъ, на одной озимой соломѣ вполнѣ было достаточно получавшихся 25 милл. пуд. жмыховъ и въ дѣйствительности всѣ жмыхи въ шестидесятыхъ годахъ скармливались преимущественно овцамъ, которыя ѣдятъ ихъ съ жадностью.

Приведенными цифрами, не касающимися собственно производства муки и мяса, имѣлось въ виду лишь выяснить ту органическую связь, которая въ то время существовала между мукомольнымъ и маслобойнымъ производствами, съ одной стороны, и сельскимъ хозяйствомъ—съ другой, а также для уясненія того существенно важнаго значенія, которое имѣли отбросы мукомольнаго и маслобойнаго производствъ для скотоводства въ странѣ.

Несомнѣнно, что уровень сельскохозяйственныхъ знаній среди народа въ Западной Европѣ несравненно выше, чѣмъ у насъ, и понятно, что на западѣ лучше цѣнятъ кормовыя достоинства отрубей и жмыховъ, чѣмъ мы. Первые начали

ихъ вывозить отъ насъ англичане изъ портовъ Балтійскаго и Чернаго морей и пруссаки—по нашей западной сухопутной границѣ. За отсутствіемъ удобныхъ и дешевыхъ путей сообщенія иностранцы могли получать эти кормовыя вещества лишь въ самомъ ограниченномъ количествѣ, которое могло найтись въ портахъ и ихъ окрестностяхъ или въ пограничныхъ мѣстностяхъ по сухопутной границѣ, и то съ мельницъ и маслобойныхъ заводовъ промышленнаго характера.

Настойчивое, однако, требованіе иностранцами этихъ кормовыхъ веществъ и предложеніе за нихъ высокихъ цѣнъ при покупкѣ для вывоза за границу, принесло свои плоды, такъ какъ у насъ организовалась правильная скупка отрубей и жмыховъ экспортерами. Съ развитіемъ нашей желѣзнодорожной сѣти все глубже и глубже проникали въ страну скупщики отрубей и жмыховъ для вывоза ихъ за границу. Во всѣхъ городахъ, прорѣзываемыхъ желѣзными дорогами, въ которыхъ были паровыя или приводимыя въ движеніе топчакомъ или водою мельницы, всѣ отруби, получаемыя на этихъ мельницахъ, немедленно законтрактовывались экспортерами, по небывалой до того времени цѣнѣ—45—50 коп. за пудъ. Разумѣется, мельники съ радостью принимали такіе подряды, такъ какъ мѣстные жители никогда дороже 10—15 коп. за пудъ отрубей не платили. Такимъ образомъ, отруби были отняты сперва у горожанъ, что несомнѣнно повело къ сокращенію количества коровъ, которыя держались въ городахъ, и повышенію цѣнъ на молоко, такъ какъ содержаніе коровъ зерномъ обходилось гораздо дороже, а при кормленіи однимъ сѣномъ уменьшался ихъ удой. Что же касается мельниковъ, то они на каждый поставъ, при перемолѣ на немъ лишь 75 тыс. пуд. въ годъ, получали отъ 4,725 до 5,250 руб. въ годъ за одни отруби, или на 4 тыс. рублей болѣе, чѣмъ при продажѣ отрубей горожанамъ.

Такая совершенно неожиданная прибыль отъ продажи отрубей повела къ тому, что мельницы, приводившіяся въ движеніе топчаками, быстро перестроились въ прекрасныя паровыя мельницы, а бывшія небольшія паровыя мельницы преобразились въ 5—6-этажныя дворцы-мельницы съ громаднымъ числомъ поставовъ и новѣйшими усовершенствованіями. Наконецъ, привлеченные высокой прибылью, многіе капиталисты принялись за мельничное дѣло, и крупныя паровыя мельницы въ городахъ начали рости одна за другой.

При такихъ условіяхъ, передѣланныя прежнія и вновь строившіяся въ городахъ мельницы, въ скоромъ времени, начали не только удовлетворять потребность мѣстнаго населенія въ мукѣ, но и разсылать муку въ другіе города, обойденные желѣзными дорогами, и даже въ сельскія лавки. Что касается крупчатыхъ сельскихъ мельницъ, то, по мѣрѣ сокращенія спроса на ихъ муку въ городахъ, естественнымъ образомъ сокращалось и это производство на нихъ, а за вторженіемъ городской крупчатой муки въ села, которую городскіе богатые мельники раздавали для продажи сельскимъ лавочникамъ въ кредитъ,

чего сельскіе хозяева, по недостатку средствъ, дѣлать не могли, сельскія крупчатыя мельницы должны были, мало-помалу, закрываться. Уже въ восьмидесятыхъ годахъ можно было видѣть, проѣзжая по Россіи, остовы покинутыхъ на произволъ судьбы и разорявшихся нѣкогда паровыхъ и приводившихся въ движеніе топчаками крупчатыхъ мельницъ, въ усадьбахъ частныхъ владѣльцевъ.

Если такія мельницы и держались еще, то лишь въ мѣстностяхъ, очень отдаленныхъ отъ желѣзныхъ дорогъ, куда мука съ городскихъ мельницъ, отправлявшихъ отруби за границу, не могла проникать въ виду значительной стоимости перевозки гужомъ.

Для выясненія причинъ централизаціи мукомольнаго дѣла и перехода его изъ сельскохозяйственнаго характера въ промышленный, необходимо остановиться на какомъ-либо примѣрѣ.

Возьмемъ для примѣра одну изъ центральныхъ мѣстностей въ Россіи, хотя бы харьковскую губернію и городъ Харьковъ, гдѣ основалось крупное промышленное мукомольное дѣло за послѣднее время. Возьмемъ условія производства самой маленькой изъ промышленныхъ мельницъ, перерабатывающей 1.000 пудовъ зерна въ сутки и довольно крупной для сельскохозяйственнаго производства мельницы, перерабатывающей 100 пудовъ зерна въ сутки.

Предположимъ, что муку обѣ мельницы сбываютъ по совершенно одинаковой цѣнѣ и что стоимость производства совершенно одинакова, отчасти уравновѣшиваясь стоимостью зерна. Разница можетъ произойти только въ сбытѣ и цѣнѣ на отруби.

Мельница городская принятыхъ размѣровъ, при наивысшей стоимости въ 50 тыс. руб., даетъ въ сутки 100 пудовъ отрубей, продаваемыхъ экспортерамъ по существующимъ законтрактованнымъ цѣнамъ въ 40 коп. за пудъ, на сумму 40 рублей въ день, что при работѣ 300 дней въ году составитъ 12,000 руб., или 24% на затраченный капиталъ на устройство мельницы.

Сельскохозяйственная мельница, производя всего 10 пудовъ отрубей въ сутки (количество, вполнѣ достаточное для хорошаго прокормленія, съ прибавкой соломы, 105 штукъ крупнаго рогатаго скота), естественно, лишена возможности вступать въ непосредственныя сношенія съ экспортерами, такъ какъ одинъ вагонъ отрубей долженъ собираться болѣе чѣмъ два мѣсяца, скупщикамъ же ихъ придется продавать за ½ цѣны; слѣдовательно, эти отруби должны потребляться въ хозяйствѣ. Высшая цѣна, по которой отруби еще могутъ потребляться, хотя безъ выгоды, хозяйствомъ, во всякомъ случаѣ не должна превышать стоимости кормового ячменя, который стоитъ отъ [illegible] до 20 коп. за пудъ. Слѣдовательно, сельское хозяйство по[illegible]чить 2 рубля въ день за отруби, ведя же производство не [illegible]лѣе 200 дней въ году, такъ какъ остальное время занято [illegible]евыми работами, общій доходъ отъ отрубей выразится въ [illegible]мѣ 400 рублей, т. е. при одинаковомъ полученіи 24% на [illegible]траченный капиталъ мельница должна стоить 1,666 рублей;

между тѣмъ, одинъ внутренній механизмъ такой мельницы безъ двигателя и самаго зданія стоитъ 4000 руб. Даже если бы сельскій хозяинъ работалъ 300 дней въ году, то и тогда затраченный капиталъ не могъ бы превышать 2,500 руб., иначе онъ работалъ бы въ убытокъ.

Такіе неравные шансы сельскохозяйственнаго и промышленнаго мукомольнаго дѣла, при существующихъ условіяхъ вывоза отрубей, и повели къ уничтоженію перваго и централизаціи послѣдняго въ рукахъ промышленниковъ.

Возьмемъ теперь тѣ же два сравнительныхъ производства, при существовавшихъ условіяхъ до вывоза отрубей за границу, когда они стоили 10 коп. за пудъ.

Мукомолъ-промышленникъ получалъ отъ отрубей 6% на затраченный капиталъ и сельскій хозяинъ при одинаковыхъ условіяхъ, получая на 400 или 600 руб. корму для скота, могъ смѣло затрачивать отъ 6,664 до 10,000 руб. на мельницу и стоять въ равныхъ условіяхъ съ промышленникомъ и даже въ лучшихъ, такъ какъ получалъ прекрасное удобреніе отъ скармливаемыхъ отрубей и могъ въ прекрасномъ видѣ содержать свое скотоводство, которое теперь гибнетъ, что подрываетъ въ кормѣ сельское хозяйство страны.

Крушенію сельско-хозяйственнаго крупчатаго помола муки содѣйствовалъ еще, въ значительной степени, изъ года въ годъ сокращавшійся, какъ внутренній, такъ и для вывоза за границу, спросъ на сало животныхъ и всѣ продукты животноводства, а главнымъ образомъ на овечью шерсть, въ особенности мериносовую, которую стали привозить для нашихъ фабрикъ въ громадномъ количествѣ изъ Австраліи. Съ сокращеніемъ спроса на продукты животноводства и естественнымъ паденіемъ цѣнъ на нихъ, скотоводство, и въ особенности тонкорунное овцеводство, начало сокращаться; остававшихся животныхъ не было возможности кормить слишкомъ дорого стоившими отрубями, цѣна на которыя стояла значительно выше цѣны на ячмень.

Приблизительно такой же участи подверглось и сельскохозяйственное маслобойное производство, но его только труднѣе было сконцентрировать въ крупныя промышленныя предпріятія, такъ какъ производство масляничныхъ сѣмянъ, будучи несравненно меньшимъ, чѣмъ пшеницы, разбросано по всей площади Европейской Россіи отъ архангельской губерніи до черноморскаго побережья, тогда какъ посѣвы пшеницы сосредоточены въ южной половинѣ страны: слѣдовательно, посѣвы масляничныхъ сѣмянъ слишкомъ были раздроблены для того, чтобы представлялась возможность скупать всѣ собираемыя сѣмена для крупныхъ маслобоенъ. Кромѣ того, трудно было разсылать по селамъ необходимое для населенія масло, а п[...] тому и сбытъ его былъ ограниченъ, такъ что скупку сѣмян[...] пришлось организовать лишь въ мѣстностяхъ, гдѣ выращ[...]ваніе масляничныхъ сѣмянъ было болѣе сгруппировано; [...] остальныхъ мѣстахъ скупались лишь жмыхи у крестьянъ [...] кустарныхъ маслобоенъ, но они не удовлетворяли требо[...]ніямъ экспортеровъ.

Жмыхъ тѣмъ цѣннѣе, чѣмъ лучше изъ него выдавлено масло, а на крестьянскихъ примитивныхъ маслобойняхъ прессы были слабые, такъ что много масла оставалось не выдавленнымъ. Въ погонѣ за хорошими жмыхами экспортеры еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія подняли на нихъ цѣну до рубля за пудъ и нерѣдко платили за жмыхи дороже, чѣмъ за сѣмена масляничныхъ растеній, изъ которыхъ они добывались, тогда какъ за жмыхи съ крестьянскихъ маслобоенъ предлагали только около половины этой цѣны.

Въ не менѣе угнетенное положеніе вывозомъ жмыховъ была поставлена торговля льнянымъ сѣменемъ.

Никогда еще югъ Россіи не запомнитъ паденія цѣнъ на льняное сѣмя до 70 коп. за пудъ, когда въ то же время платили за льняные жмыхи 60—70 коп. за пудъ въ тѣхъ же мѣстностяхъ, причемъ въ Ригѣ жмыхи цѣнились въ среднемъ 1 руб., а льняное сѣмя цѣнилось ниже рубля и отъ 70 коп. въ губерніяхъ сѣверо-западныхъ.

Такое повышеніе цѣнъ экспортерами на жмыхи по сравненію съ цѣнами на сѣмена масляничныхъ растеній совершенно понятно: иностранцы покупали у насъ ленъ, главнымъ образомъ, для добычи изъ него жмыховъ, для корма животныхъ, такъ какъ постное масло, не употребляемое тамъ въ пищу, находило лишь ограниченный сбытъ въ малярномъ дѣлѣ и техническихъ производствахъ, а потому имъ выгоднѣе было покупать готовые жмыхи и понижать этимъ цѣны на сѣмена, чѣмъ пріобрѣтать по сравнительно высокой цѣнѣ сѣмена и затѣмъ, по добычѣ жмыховъ, не находить сбыта полученному маслу.

При такихъ условіяхъ начали возникать у насъ въ городахъ маслобойные заводы промышленнаго характера, съ различными техническими усовершенствованіями, какъ-то: вальцами для дробленія сѣмянъ, громадными бѣгунами и гидравлическими прессами. Но особенно крупныя предпріятія этого рода возникли въ портахъ Балтійскаго моря, куда свозился ленъ для вывоза за границу. Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія сумма производства 10 маслобойныхъ заводовъ, открывшихся въ Петербургѣ, Ригѣ и Либавѣ, составляла болѣе 40% общей суммы производства всѣхъ маслобойныхъ заводовъ промышленнаго характера въ Россіи. Сосредоточивавшійся въ этихъ портахъ ленъ, въ значительной части поступалъ на эти маслобойные заводы; получаемые жмыхи вывозились за границу, а масло, по сравнительно дешевымъ цѣнамъ, направлялось обратно въ глубь страны для потребленія населенію. Такимъ образомъ, получалось нѣчто подобное ввозу къ намъ масла изъ-за границы.

С. А. Короленко.

(*Продолженіе будетъ*).

Неустойчивость оперныхъ сценъ въ Россіи.

Кажется, музыка въ наши дни сдѣлалась наиболѣе популярнымъ искусствомъ, а изъ музыкальной области наибольшей популярности достигла опера, оперный театръ. Нѣтъ газеты, въ которой нельзя было бы обязательно встрѣтить рубрику „Театръ и музыка“, гдѣ всякіе призванные и непризванные люди, спеціалисты и добровольцы, не высказывали бы своихъ мнѣній по поводу значительныхъ или ничего не стоющихъ проявленій жизни искусства. Точно этого еще было мало: въ послѣдніе годы въ нѣкоторыхъ газетахъ завелись спеціальныя рубрики и отдѣлы, гдѣ на этотъ разъ уже несомнѣнные добровольцы сообщаютъ малѣйшія подробности частной жизни артистовъ или лицъ, только претендующихъ на это званіе. Подобныя сообщенія, невольно притягивая вниманіе публики, еще болѣе разжигаютъ общее любопытство по театральной, а слѣдовательно, и по музыкальной части. Число барышенъ и молодыхъ людей, желающихъ посвятить свои силы музыкальному искусству, подъ вліяніемъ подобныхъ замѣтокъ, сообщеній и статей, замѣтно возрастаетъ. Учатся въ консерваторіяхъ, во всевозможныхъ музыкальныхъ школахъ, на курсахъ и у частныхъ преподавателей, число которыхъ въ послѣднее время дошло чуть не до легіона. Это съ одной стороны.

Съ другой же, наоборотъ, мы видимъ постоянное уменьшеніе числа оперныхъ сценъ,—я говорю про Россію,—и этотъ фактъ наглядно показываетъ, что въ общей картинѣ музыкальнаго благополучія и роста не все обстоитъ благополучно. Еще на дняхъ въ газетахъ промелькнуло извѣстіе, что въ петербургскомъ Народномъ домѣ Императора Николая II число оперныхъ спектаклей будетъ значительно сокращено, а теперь ходитъ слухъ въ хорошо освѣдомленныхъ сферахъ, что оперу въ Народномъ домѣ совсѣмъ уничтожатъ.

Одною сценою въ Россіи, стало быть, будетъ меньше, а этихъ сценъ у насъ и такъ немного. Въ самомъ дѣлѣ, если исключить казенные театры, которые по разнымъ причинамъ не идутъ въ счетъ, у насъ въ настоящее время съ трудомъ можно на-

считать три—четыре оперныя сцены, имѣющія право на серьезное вниманіе. Сцены эти—въ Кіевѣ, Харьковѣ, можетъ быть, по одной въ Петербургѣ и въ Москвѣ. На другія сцены, какъ бы онѣ ни назывались и гдѣ бы онѣ ни были, не стоитъ обращать вниманія; онѣ, какъ и всякія кочующія по нашей провинціи труппы, не мѣняютъ сколько-нибудь замѣтно положенія дѣлъ.

Я думаю, что наши дни для оперы надо охарактеризовать либо переходными, либо днями упадка, какова бы ни была внѣшняя видимость. Съ этимъ долженъ согласиться всякій, кто понимаетъ дѣло и знакомъ съ положеніемъ. Его не замѣчаютъ только страннымъ образомъ тѣ, кто, казалось бы, всего болѣе долженъ ясно видѣть положеніе дѣлъ,—именно артисты, антрепренеры, музыкальныя учрежденія всякаго рода, профессора и печать. Всѣ изо дня въ день продолжаютъ твердить старыя, налаженныя пѣсни, и со словъ ихъ кажется, что все обстоитъ благополучно. Никто не видитъ, что театровъ нѣтъ, либо они впали въ рутину, что мало пѣвцовъ сколько-нибудь выдающихся, что немного, наконецъ, найдешь и хорошихъ оперъ.

Въ томъ положеніи, до котораго дошелъ теперь оперный театръ, виноваты болѣе или менѣе всѣ: пѣвцы, или, какъ они совершенно напрасно величаютъ себя—„артисты", виноваты приготовляющіе ихъ профессора, учителя и консерваторіи, виновата печать, виноваты и композиторы, пишущіе по теоріямъ моднымъ, но не на основаніи своего чувства и сердца.

Будемъ сперва говорить о пѣвцахъ. Трудно представить себѣ, до какой степени ограниченъ ихъ кругозоръ. Единственнымъ и исключительнымъ вниманіемъ ихъ пользуются только вопросы самолюбія и матеріальнаго вознагражденія, причемъ даже не знаю, какому изъ этихъ обстоятельствъ отвести первое мѣсто. Едва ли не придется поставить на первый планъ все-таки денежный вопросъ. Съ нимъ уже связывается и самолюбіе: получаю я больше,—стало быть, и больше стою. Въ былое время мы слышали объ артистахъ, избиравшихъ театральную карьеру по страстному къ ней влеченію, ломавшихъ свою судьбу, рѣшавшихся на всѣ лишенія и невзгоды, потому что гдѣ-то въ далекомъ мракѣ имъ свѣтила путеводная звѣздочка искусства. Теперь же обыкновенно идутъ на сцену, руководствуясь простымъ соображеніемъ, что сценическая карьера оплачивается выгоднѣе и лучше, чѣмъ многія другія. Такъ разсуждаетъ большинство, когда почему-либо ему западаетъ мысль о сценѣ. За послѣднее десятилѣтіе, что мнѣ приходится наблюдать театральный міръ, я могу насчитать очень немного лицъ, которыхъ влекло къ себѣ само искусство, а не связанныя съ нимъ блага. И если въ былое время люди вообще были скромнѣе или не отваживались прямо и открыто признаваться въ своихъ вожделѣніяхъ, то теперь и подобная нерѣшительность отброшена въ сторону. Я какъ-то спросилъ одного изъ молодыхъ пѣвцовъ большой сцены, какія причины побудили его перемѣнить его прежнюю карьеру на новую—театральную. Пѣвецъ былъ раньше медикомъ, и я думалъ, не повліяли ли ужъ на него „Записки врача" Вересаева и всѣ

сомнѣнія, которыя авторъ книги высказалъ по поводу медицинской профессіи. Ничуть не бывало. „Потому, что здѣсь лучше платятъ",—былъ простой отвѣтъ.

Въ самомъ дѣлѣ, отвѣтъ простъ, и я напрасно фантазировалъ, ожидая иного. Да, но зато я глубоко убѣжденъ, что изъ моего собесѣдника никогда не выйдетъ не только артиста, но даже сколько-нибудь приличнаго пѣвца, который бы сносно исполнялъ свое дѣло. Бесѣдовалъ я какъ-то съ молодою пѣвицею, жаловавшейся мнѣ на свое трудное положеніе въ театрѣ, въ которомъ она служила. Первымъ дѣломъ она упомянула мнѣ, что въ другомъ городѣ она получала въ 1½ или въ 2 раза больше, чѣмъ въ Петербургѣ, а затѣмъ уже заговорила о томъ, что ей нѣтъ мѣста въ репертуарѣ, что она сидитъ безъ работы.

И оборотъ рѣчи молодой пѣвицы и отвѣтъ перваго пѣвца отнюдь не случайны. Напротивъ, они выражаютъ господствующее теченіе за кулисами театровъ. Между тѣмъ, каковы въ сущности права большинства пѣвцовъ на вниманіе публики и на соотвѣтственно бо̀льшіе оклады? Не надо присматриваться даже очень внимательно, чтобы сказать: да, кажется, ровно никакихъ, за исключеніемъ болѣе или менѣе порядочнаго голоса. Этого слишкомъ мало, какъ недостаточно какого-либо внѣшняго дара природы человѣку, чтобы интересоваться имъ. Въ большинствѣ случаевъ русскій пѣвецъ и не талантливъ, и плохо и мало учился, а сверхъ того лѣнивъ; стало быть, мало что и обѣщаетъ въ будущемъ. Здѣсь именно чаще, чѣмъ въ какомъ иномъ случаѣ, приходится повторить евангельское изреченіе: „много званыхъ и мало избранныхъ". Петербургъ и Москва имѣютъ лучшія артистическія силы, чѣмъ провинція, а всѣми ли и здѣсь мы остаемся вполнѣ удовлетворенными?

Пѣвцы наши самоувѣренны, легко критикуютъ другихъ, но своихъ недостатковъ не замѣчаютъ. Они не видятъ, что самые голоса ихъ иногда вовсе не заслуживали обработки. Они не видятъ своего младенчества даже въ основныхъ вопросахъ искусства, не соображаютъ того, что въ сущности они плохіе рабочіе, незнакомые, какъ слѣдуетъ, со своимъ ремесломъ. Въ плохомъ уровнѣ ихъ знаній, въ ихъ самонадѣянной ограниченности виноваты общество, консерваторіи и приготовлявшія ихъ школы, наконецъ и печать. Трудно сказать, какъ именно работаютъ въ консерваторіяхъ, да я вовсе и не хочу касаться ихъ внутреннихъ порядковъ. Но невольно замѣчаешь что-то такое въ результатѣ ихъ дѣятельности, что заставляетъ считать ее малоудовлетворительною. Консерваторіи даютъ теперь большіе, очень большіе выпуски учащихся по всѣмъ отраслямъ музыкальнаго дѣла, но выпуски эти становятся все слабѣе и слабѣе своими качествами. Конечно, никакая школа не можетъ всегда производить талантовъ, но она всегда должна давать людей, хорошо подготовленныхъ къ дѣлу и по меньшей мѣрѣ понимающихъ его настоятельныя, ближайшія потребности. Кажется, именно объ этомъ въ консерваторіяхъ и музыкальныхъ училищахъ

очень мало думаютъ. Тамъ либо не знакомятъ хотя бы съ музыкальною литературою въ широкомъ значеніи слова, либо не могутъ этого сдѣлать. Между тѣмъ туда чаще всего поступаютъ не люди, имѣющіе призваніе къ музыкѣ, а желающіе либо получить какія-нибудь облегченія по воинской повинности, либо надѣющіеся на легкую карьеру, либо просто желающіе убить время. Консерваторіи же, нуждаясь въ деньгахъ, принимаютъ всѣхъ и вся. Покойный инспекторъ петербургской консерваторіи, Самусь, завелъ, напримѣръ, съ цѣлью увеличенія средствъ своего учрежденія, цѣлый рядъ вокальныхъ никому не нужныхъ классовъ. На замѣчанія, сдѣланныя ему по этому поводу лицами, понимавшими ошибочность его распоряженія и протестовавшими противъ него, онъ категорично заявилъ, что того требуютъ денежныя дѣла консерваторіи.

Разберите хорошенько этотъ случай. Кромѣ извѣстныхъ преподавателей, уже зарекомендовавшихъ себя прежнею своею работою, приглашенъ рядъ лицъ, абсолютно никому не извѣстныхъ въ педагогическомъ смыслѣ. Сдѣлано это съ цѣлью дать консерваторіи лишнія деньги, въ которыхъ она нуждается, ибо средствъ, отпускаемыхъ ей отъ казны и взимаемыхъ ею съ учащихся, не хватаетъ для покрытія всѣхъ ея издержекъ. Консерваторія нуждается въ деньгахъ, и поэтому, чтобы увеличить свои доходы, раскрываетъ какъ можно шире свои двери, даже не ручаясь за составъ своихъ преподавателей. Приходится во что бы то ни стало наполнить классы возможно бо̀льшимъ числомъ учениковъ. Между тѣмъ учащіеся, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ желающіе просвѣтить себя по части искусства, не подозрѣвая меркантильныхъ расчетовъ школы, въ которыя послѣдняя попала, быть можетъ, въ силу необходимости,—съ довѣріемъ входятъ въ ея двери, внося при этомъ приличную сумму, кажется, 250 рублей въ годъ. Они прозанимаются года два, три, быть можетъ больше для того, чтобы увидѣть въ концѣ концовъ напрасно сдѣланную ими трату времени, труда и денегъ. Но очень часто учащіеся не идутъ такъ далеко въ своихъ разсужденіяхъ. Они безусловно довѣряютъ полученнымъ имъ дипломамъ и аттестатамъ. Вотъ тогда-то начинаются ихъ мытарства и тѣ дурныя слѣдствія для искусства, о которыхъ я говорилъ выше. Ко мнѣ недавно явилась дѣвушка съ дипломомъ „свободнаго художника“ одного изъ трехъ нашихъ высшихъ музыкальныхъ учрежденій. Она искала занятій по своей спеціальности пьянистки. Оказалось, что въ ея репертуарѣ были всего три пьесы, за которыя она была увѣрена. Читала ноты она неважно, постоянно сбиваясь и дѣлая ошибки.

Это была пьянистка изъ тѣхъ, съ которыми обыкновенно работаютъ въ школахъ довольно серьезно. Съ пѣвцами въ смыслѣ ихъ образованія дѣло стоитъ гораздо хуже. Ихъ равнодушіе къ репертуару извѣстно всякому, кто имѣлъ съ ними дѣло. Пѣвцы, за рѣдкими исключеніями, знаютъ только одинъ ходовой репертуаръ, и это не въ обширной области романсовъ, гдѣ частное незнакомство было бы извинительно и по-

нятно, а въ области театральной, гдѣ и въ міровой литературѣ всѣ порядочныя оперы наперечетъ.

Не будучи подготовлены ни въ музыкальномъ, ни въ вокальномъ смыслѣ, не пріученные вообще работать, начинающіе пѣвцы составляютъ, въ сущности, бремя антрепризы. Въ какой партіи они ни выступаютъ, они не представляютъ серьезнаго интереса. Съ грѣхомъ пополамъ они поютъ только хорошо имъ извѣстныя еще съ школьной скамьи оперы, которыя до того навязли въ ушахъ публики, что всякій изъ насъ, даже совсѣмъ мало интересующійся музыкою, можетъ по слуху возстановить всѣ ошибки и промахи пѣвца. Поэтому-то такъ охотно молодые пѣвцы преимущественно и стараются взяться за старыя оперы, не сходящія съ репертуара иногда лѣтъ семьдесятъ и болѣе. Когда же имъ приходится пѣть оперы новыя, для которыхъ не создалась еще рутина, они чувствуютъ себя безпомощными. Разительный въ этомъ смыслѣ примѣръ представила частная опера въ консерваторіи нынѣшнею осенью, давши съ молодыми пѣвцами „Маккавеевъ“ Рубинштейна. Эти пѣвцы знаютъ „Демона“, но „Маккавеи“, рѣдко идущіе, для большинства оказались не по силамъ. Большинство не понимало стиля и манеры Рубинштейна, не могло найти въ музыкѣ этой оперы ни одного эффекта. Рубинштейнъ же все-таки извѣстный композиторъ, да, въ сущности, манера его „Макавеевъ“ не такъ уже отличается отъ манеры „Демона“, чтобы можно было растеряться. И все-таки растерялись!

Если таково положеніе извѣстныхъ авторовъ, то въ какомъ же положеніи могутъ очутиться композиторы начинающіе или малоизвѣстные, манера и стиль которыхъ еще не проникли въ общее сознаніе? Композиторы, пишущіе скучно,—а такихъ большинство,—проваливаются тогда съ трескомъ, другіе же, болѣе талантливые, проваливаются съ меньшимъ шумомъ, но все-таки проваливаются.

Пѣвцы, и опытные, и начинающіе, вовсе и не подозрѣваютъ, что на нихъ въ значительной степени лежитъ отвѣтственность за плохое положеніе оперныхъ театровъ. Они исправно являются за полученіемъ жалованья и думаютъ только объ одномъ, какъ бы повысить свой гонораръ въ ближайшемъ будущемъ. Надо сказать, что гонорары пѣвцамъ и актерамъ теперь вообще несоразмѣрно высоки, не отвѣчаютъ ни важности, ни качеству ихъ работы, ни значенію ея для общества. Среднее жалованье пѣвца и актера—6 или 8 тысячъ—одинаково съ окладами, которыя въ другихъ профессіяхъ получаютъ люди, дѣйствительно доказавшіе свои знанія, способности и дающіе полезную работу. Въ сценическомъ же мірѣ такіе оклады зачастую получаютъ люди, ничѣмъ себя не проявившіе. Когда же успѣхъ почему-либо улыбнется имъ,—а это бываетъ почти всегда по случайнымъ обстоятельствамъ,—то они теряютъ голову и ихъ аппетитамъ уже нѣтъ удержу. Въ одинъ изъ частныхъ театровъ былъ приглашенъ пѣвецъ, оставшійся не у дѣлъ и получавшій на казенной сценѣ сравнительно скромное содержаніе въ 6 тысячъ. Въ частной оперѣ ему дали вдвое

большее содержаніе, которое ему однако показалось малымъ. При заключеніи новаго контракта онъ потребовалъ гонораръ, представлявшій въ общей сложности въ годъ уже сумму въ 72 тысячи рублей. Это фактъ, а не росказни. Основывалъ свои претензіи этотъ пѣвецъ на своихъ будто бы успѣхахъ на новомъ мѣстѣ. Какъ раньше г. Орленевъ вообразилъ себя единственнымъ актеромъ, годнымъ для роли Ѳеодора Іоанновича, и вздумалъ было составить себѣ актерскую репутацію только трагедіею графа Толстого, такъ этотъ пѣвецъ собирался было ѣздить по Россіи съ новооткрытою оперою Рубинштейна „Неронъ". Наивность его предположенія еще усиливалась тѣмъ, что раньше онъ, какъ и всѣ его другіе коллеги вообще, никогда и не слыхалъ объ оперѣ Рубинштейна, а уже во всякомъ случаѣ не держалъ ея въ рукахъ.

Сумасшедшія жалованья, которыя теперь дирекція и въ особенности частные театры платятъ нѣкоторымъ своимъ артистамъ, сбиваютъ съ толку какъ этихъ лицъ, такъ и всѣхъ аспирантовъ на ихъ славу, а главное, на ихъ гонораръ. Никому не приходитъ въ голову, что пѣвцы сами по себѣ не заслуживаютъ такой платы, что никакое правильно поставленное коммерческое предпріятіе не въ состояніи безъ ущерба для той или другой стороны дѣла выдержать подобные безумные гонорары. А что театръ всегда является также и коммерческимъ предпріятіемъ,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія. Только правительственные театры могутъ выдерживать всевозможные дефициты; никакой другой театръ ихъ не перенесетъ. Если Левъ Толстой съ извѣстнымъ правомъ утверждаетъ, что наше искусство есть только забава праздныхъ людей, то съ этой стороны его положенія пріобрѣтаютъ особый вѣсъ. Тутъ уже дѣйствительно никто не заботится объ искусствѣ и его требованіяхъ. Всѣ довольствуются тѣмъ, что слушаютъ модныхъ гастролеровъ, не обращая вниманія, насколько эти гастролеры идутъ въ разладъ со смысломъ дѣла, насколько приходится дѣлать экономіи и урѣзокъ на самомъ необходимомъ ради шальныхъ денегъ, платимыхъ моднымъ именамъ. Ущербъ, наносимый дѣлу модными пѣвцами, замѣтенъ даже въ казенныхъ театрахъ; на частныхъ же сценахъ ради нихъ все идетъ уже прямо шиворотъ-на-выворотъ.

Но пока рѣчь идетъ объ артистахъ, въ самомъ дѣлѣ чѣмъ-нибудь особенно выдающихся,—такое неправильное положеніе дѣлъ можно еще кое-какъ переносить. Но бѣда въ томъ, что подобные примѣры заразительны, что они порождаютъ несоразмѣрныя вожделѣнія среди тѣхъ, кто уже рѣшительно не имѣетъ правъ на подобныя требованія. Гонорары все растутъ, а между тѣмъ вовсе не замѣчается соотвѣтствующаго подъема артистическихъ и вокальныхъ требованій. По прежнему пѣвцы поютъ плохо, по прежнему они лѣниво и равнодушно относятся къ своимъ обязанностямъ. Можетъ быть, не стоило бы слишкомъ уже подчеркивать гонорарный вопросъ, —хотя при бѣдности нашего общества онъ имѣетъ несомнѣнное значеніе,—еслибы эти пѣвцы хотѣли работать. Всякій знаетъ, что зна-

чить имѣть дѣло съ лѣнивымъ рабочимъ, даже и не получающимъ особенно высокой платы. Какъ будто бы рабочій что-то и дѣлаетъ, а въ сущности работа его не подвигается впередъ или ее приходится постоянно передѣлывать, и все это съ большою потерею времени. Положимъ, надо ставить новую оперу. На разучиваніе и постановку ея назначено три недѣли, на дѣлѣ же прошло шесть, прежде чѣмъ она приготовлена, да еще какъ приготовлена! А вѣдь извѣстно, что значитъ проволочка во всякомъ дѣлѣ, въ томъ числѣ и въ театральномъ. Такія проволочки безъ матеріальнаго ущерба, — повторяю,— можетъ выдерживать только казенный театръ.

Рѣшительно не понимаешь, чѣмъ руководствуются консерваторіи, награждая своихъ воспитанниковъ дипломами свободнаго художника, когда эти художники такъ мало подготовлены въ искусствѣ, такъ плохо могутъ разобраться въ его элементарныхъ требованіяхъ. Я знаю, что многіе пѣвцы выходятъ не изъ консерваторіи, а изъ рукъ частныхъ учителей, которые, при всемъ желаніи, безсильны внушить своимъ ученикамъ любовь къ труду и дисциплину. Частный учитель всегда рискуетъ, что ученикъ уйдетъ отъ него раньше времени, не желая серьезно работать, и все-таки найдетъ себѣ потомъ занятія. Но консерваторія—другое дѣло. У ней, какъ у всякой серьезно поставленной школы, за преподаваніе которой ручается правительство, въ рукахъ всѣ средства, чтобы не только поставить преподаваніе на должную высоту, но и пріучить учащихся къ умственной дисциплинѣ. Очевидно, что этого нѣтъ, когда возможны факты, вродѣ приведенныхъ выше.

Можетъ быть, спеціально техническія свѣдѣнія пріобрѣтаются въ консерваторіи и достаточно основательно,—не буду говорить объ этомъ. Но общаго кругозора, любви къ дѣлу, художественной дисциплины, т. е. качествъ, безъ которыхъ немыслимо хорошее исполненіе дѣла,—всего этого въ консерваторіяхъ, очевидно, не даютъ. Проводятъ въ консерваторіи нѣсколько лѣтъ, болтаясь по ея корридорамъ и классамъ, затѣмъ выходятъ съ дипломомъ въ карманѣ, потому что только ужъ особенно лѣнивый не добьется этой бумажки. Затѣмъ начинаются разочарованія какъ для „свободнаго художника“, такъ и для всякаго, имѣющаго съ нимъ дѣло. Оказывается, что молодой „артистъ“ мало подготовленъ къ своей работѣ, не нравится никому—капельмейстеру, спеціалистамъ, публикѣ. Молодой пѣвецъ, и безъ того плохо подготовленный къ тому, чтобы идти по выбранному имъ пути, быстро и окончательно теряетъ не увѣренность въ себѣ только, а всякое желаніе дѣлать что-либо. Дѣлать же что-либо другое онъ совсѣмъ не умѣетъ и долженъ по необходимости продолжать свою безплодную работу въ театрѣ.

Въ извѣстномъ смыслѣ консерваторіи находятся въ худшихъ условіяхъ по сравненію со всѣми высшими школами, какъ бы онѣ ни назывались, для того, чтобы дать должное развитіе своимъ воспитанникамъ. Этого отрицать нельзя. Во-первыхъ, учрежденія эти сами по себѣ еще молоды и не уста-

новились, не знаютъ, чего имъ требовать отъ учащихся, гдѣ границы возможныхъ требованій; во-вторыхъ, матеріальныя средства ихъ невелики, а денежный вопросъ и тутъ, какъ вездѣ,—очень важенъ; въ третьихъ, наконецъ, по самому роду дѣла консерваторіи не могутъ быть похожими на всѣ другія школы, даже и художественныя, какъ академія, напримѣръ. Если въ академіи въ отдѣлѣ живописи не можетъ быть болѣе четырехъ классовъ—пейзажнаго, жанроваго, батальнаго и историческаго,—то консерваторія по необходимости распадается на большое число всякихъ спеціальностей, почти не имѣющихъ точекъ соприкосновенія. Пѣвцамъ нечего дѣлать вмѣстѣ съ инструменталистами; скрипачи имѣютъ мало общаго съ валторнистами; піанисты совершенно равнодушны къ теоретикамъ и т. д. Въ теоріи, конечно, все должно было бы быть иначе, но я говорю о практикѣ, съ которою именно и приходится считаться. Въ дѣйствительности консерваторія распадается на множество отдѣльныхъ школъ, почти независимыхъ одна отъ другой. Учащіеся въ нихъ сталкиваются другъ съ другомъ только на такъ называемыхъ обязательныхъ предметахъ, которые, какъ всѣ предметы такого рода, проходятся небрежно и только слегка усваиваются учащимися. Нѣтъ необходимаго, связывающаго цемента—и камни разсыпаются во всѣ стороны.

Въ числѣ обязательныхъ предметовъ консерваторскаго курса входитъ, напр., исторія музыки, на которую никто не обращаетъ вниманія, тогда какъ именно исторія эта должна была бы поучать и тутъ, какъ всякая другая исторія. На дѣлѣ этого нѣтъ. Всякій ученикъ консерваторіи глядитъ на исторію искусства, какъ на безполезный предметъ, да и само начальство-то, кажется, глядитъ такъ же на этотъ классъ. По крайней мѣрѣ еще, кажется, никогда никого не задержали въ консерваторіи ради этого предмета. Ученики консерваторій съ жадностью читаютъ критическіе отзывы въ газетахъ или слушаютъ критическіе взгляды своихъ профессоровъ,—отзывы часто пристрастные, основанные только на личномъ вкусѣ, на томъ, что мнѣ лично нравится, или не нравится. На поученія же и уроки исторіи они не обращаютъ вниманія. Вѣроятно, курсъ исторіи искусства поставленъ въ консерваторіяхъ всего свѣта неправильно. Перечисляется масса именъ и фактовъ, но смыслъ и значеніе послѣднихъ, движенія искусства потерянъ для учащихся. Есть нѣсколько именъ, передъ которыми ученику обязательно склонять голову,—вотъ и все поученіе, извлекаемое изъ исторіи. Никому не приходитъ на мысль разъяснить смыслъ, значеніе отдѣльныхъ эпохъ исторіи, изъ сопоставленія разныхъ фактовъ, хотя бы приблизительно, вывести идеалы искусства, словомъ, обобщить факты и раскрыть умственный горизонтъ молодого художника. Оттого-то всякій изъ нихъ и воображаетъ, что хорошо только то, что сказано въ послѣдней книжкѣ, въ послѣднемъ сочиненіи, оттого все является, въ сущности, дѣломъ направленія, а не дѣломъ искренняго чувства, на чемъ только и можетъ быть создано настоящее искусство. Выходятъ, напр., теоретики и композиторы изъ школы и

примыкаютъ сегодня къ Моцарту, завтра къ Россини, послѣзавтра къ Веберу, затѣмъ къ Мейерберу, еще далѣе къ Вагнеру и т. д., всегда только примыкая къ господствующему теченію и никогда не бывая искренними и самостоятельными. Да чего же стоитъ подобное искусство? И не въ этомъ ли отсутствіи исторической подготовки лежитъ отсутствіе оригинальности въ представителяхъ искусства?

Изъ музыкальныхъ школъ выходятъ неподготовленные пѣвцы и виртуозы, но выходятъ также и неподготовленные въ художественномъ смыслѣ композиторы. Большинство лишено самостоятельности мысли и думаетъ, что если станетъ писать по рецептамъ дня, то въ самомъ дѣлѣ сдѣлается настоящими художниками. Они, конечно, ошибаются. Съ каждымъ днемъ растетъ число симфоній, квартетовъ и оперъ; все это похоже другъ на друга, какъ старый, избитый штампъ, и никому ни тепло, ни холодно отъ этихъ квартетовъ и оперъ. Люди вообще склонны мало разсуждать, довольствуясь готовыми, ходячими теоріями. Если такъ можно жить простымъ людямъ въ ежедневномъ житейскомъ обиходѣ, то нельзя довольствоваться подобною мѣркою людямъ, претендующимъ поучать насъ чему-либо, постоянно занимать собою наше вниманіе. Такое искусство совершенно неинтересно.

Композиторы пишутъ скучныя произведенія, которыя абсолютно ни съ какой стороны не надобны обществу. Ихъ пишутъ не только не талантливые авторы, число которыхъ растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа школъ, ихъ приготовляющихъ; пишутъ такъ же и даровитые люди, но не имѣющіе кругозора. Публика, даже не отдавая себѣ яснаго, сознательнаго отчета, видитъ что-то неладное по результатамъ и остается равнодушной ко всѣмъ мертворожденнымъ попыткамъ. Еще разъ правъ Толстой, отрицая подобное искусство, какими бы этикетками оно ни прикрывалось.

И до какой степени ходячія теоріи могутъ подчинять себѣ даже выдающіеся умы! Достаточно вспомнить хотя бы исторію отношеній Ницше и Вагнера. Ницше былъ, повидимому, свободенъ отъ умственныхъ преградъ, а между тѣмъ подчинился же господствующему теченію и сталъ прославлять Вагнера и писать цѣлыя изслѣдованія о зарожденіи трагедіи, въ которыхъ, прямо противоположно фактамъ, приписывалъ Вагнеру такую роль въ „діонисіевской“ трагедіи, какой тому и во снѣ не снилось. И надо было Ницше случайно познакомиться съ „Карменъ“, чтобы онъ радикально перемѣнилъ свое мнѣніе и взгляды. Но Ницше былъ чуткій человѣкъ, именно одинъ изъ тѣхъ, кто способенъ познать сущность искусства. А у насъ, напр., художественный критикъ г. Кюи нѣкогда объявилъ туже „Карменъ“ опереткою! Онъ, очевидно, руководствовался только теоріями, измышленнымъ кодексомъ критической мудрости, а не искренностью чувства...

Большинство критическихъ теорій, по которымъ учатъ сочинять, имѣютъ очень относительное значеніе. Истинное ихъ достоинство и значеніе съумѣетъ оцѣнить всякій об-

разованный и развитой художникъ. Къ сожалѣнію, такихъ немного среди музыкантовъ. Большинство предпочитаетъ повторять афоризмы, которые ими были натвержены смолоду и которые поэтому ими представляются правильными. Незначительному меньшинству, способному разсуждать и не расчитывающему на выгоды отъ принадлежности къ ходячему теченію, остается собственнымъ опытомъ переносить послѣдствія слѣпой вѣры въ теоріи и отсутствія ясности сознанія, когда она была необходимою. Удивляешься, какъ художники предпочитаютъ быть только подражателями, вмѣсто того, чтобы попробовать стать на свои собственныя ноги. Никто не хочетъ провѣрить, насколько правдивы тѣ или другія теоріи и теченія; спокойно пишутъ, какъ требуетъ мода. Въ результатѣ одинъ провалъ за другимъ, потому что, если Вагнеру или какому другому талантливому человѣку теоріи не мѣшаютъ быть талантливымъ и писать наряду съ скучными вещами также и содержательную и красивую музыку, то ихъ послѣдователямъ отъ этого нѣтъ никакой выгоды, какъ нѣтъ выгоды и для искусства, подъ флагомъ котораго проходитъ столько вещей.

Пишется множество сочиненій всякаго рода и оперъ. Гдѣ же результаты? Кто помнитъ хотя бы только названія большей части всѣхъ этихъ произведеній? Неужели же надо все только валить на тупость публики, будто бы уже такой глухой и слѣпой на всѣ эти красоты?! Не слѣдовало ли поискать причинъ равнодушія публики въ самомъ себѣ, въ своихъ взглядахъ на искусство, въ той атмосферѣ, наконецъ, гдѣ работаешь? Оставимъ концертные залы, ограничимся только театромъ. Придется дѣйствительно признать, что далеко не такъ великъ выборъ оперъ, могущихъ по праву расчитывать на серьезное вниманіе публики, если только оставимъ въ сторонѣ старыя оперы иностранныхъ авторовъ и нашихъ—Глинки, Даргомыжскаго Сѣрова. И у Рубинштейна, писавшаго безъ теорій, но небрежно, даже у Чайковскаго, по мягкости характера бывшаго всегда склоннымъ поддаваться теоріямъ, найдется не очень много оперъ, которыя по праву получили общее признаніе. И замѣчательно, какъ только Чайковскій оставлялъ въ сторонѣ теоріи и писалъ, подчиняясь своему чувству и сердцу, онъ всегда выходилъ побѣдителемъ. Такъ было съ „Опричникомъ", съ „Онѣгинымъ", съ „Пиковою дамою". Замѣчу кстати, что ему почти никогда не приходилось терпѣть пораженій въ области симфонической, вообще инструментальной музыки. Критика извѣстнаго лагеря объясняла этотъ фактъ тѣмъ, что будто бы Чайковскій былъ прирожденнымъ симфонистомъ, а когда писалъ оперы, то де забирался въ чужую область, принимался не за свое дѣло. Ничего подобнаго, конечно! Чайковскій писалъ свободно свои симфоніи, зная, что тутъ никто не станетъ читать ему наставленія и что только содержательность или безсодержательность, красивость или некрасивость, пріятность или непріятность его музыки будетъ мѣриломъ ея. Въ оперѣ же онъ нерѣдко подчинялся теоріямъ,

которымъ старался угодить, и въ результатѣ получилось то, что половина его оперъ, не смотря на достоинства отдѣльныхъ сценъ и номеровъ, не удержалась и не можетъ удержаться на сценѣ. Онъ былъ неискрененъ и за то сильно поплатился.

Этотъ примѣръ съ такимъ талантливымъ художникомъ, какимъ былъ Чайковскій, безъ сомнѣнія, поучителенъ, заслуживаетъ размышленія со стороны другихъ авторовъ. За свою приверженность къ теоріи значительно поплатился и Мусоргскій. У него въ самомъ дѣлѣ былъ очень хорошій музыкально-сценическій талантъ, на который указываютъ многія страницы и сцены его „Бориса“ и „Хованщины“. И однако обѣ оперы на слушателя, не загипнотизированнаго галдѣніемъ людей, не понимающихъ и потому съ тѣмъ бо̀льшимъ апломбомъ толкующихъ о томъ, что имъ чуждо, не могутъ произвести иного впечатлѣнія, какъ произведенія разсудочныя. Только временами въ этихъ операхъ проявляется непосредственность и искренность чувства и тогда онѣ сильны.

Не лишнее припомнить по этому поводу, что̀ высказалъ Толстой въ своей книгѣ „Что такое искусство?“ о подобныхъ сочиненіяхъ. „Одно изъ главныхъ условій художественнаго творчества,—говоритъ онъ,—есть полная свобода художника отъ всякаго рода предвзятыхъ требованій. Необходимость же приноровить свое музыкальное произведеніе къ произведенію поэзіи, или наоборотъ, есть такое предвзятое требованіе, при которомъ уничтожается всякая возможность творчества, и потому такого рода произведенія, приноровленныя одно къ другому, какъ всегда были, такъ и должны быть произведеніями не искусства, а только подобіями его, какъ музыка въ мелодрамахъ, подписи подъ картинами, иллюстраціи, либретто къ операмъ“.

„Таковы и произведенія Вагнера. И подтвержденіе этого видно въ томъ, что въ новой музыкѣ Вагнера отсутствуетъ главная черта всякаго истиннаго художественнаго произведенія—цѣльность, органичность, такая, при которой малѣйшее измѣненіе формы нарушаетъ значеніе всего произведенія. Въ настоящемъ художественномъ произведеніи: стихотвореніи, драмѣ, картинѣ, пѣснѣ, симфоніи,—нельзя вынуть одинъ стихъ, одну сцену, одну фигуру, одинъ тактъ изъ своего мѣста и поставить въ другое, не нарушивъ значенія всего произведенія, точно также, какъ нельзя не нарушить жизни органическаго существа, если вынуть одинъ органъ изъ своего мѣста и вставить въ другое. Но съ музыкою Вагнера послѣдняго періода, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, малозначительныхъ мѣстъ, имѣющихъ самостоятельный музыкальный смыслъ, можно дѣлать всякаго рода перемѣщенія, переставлять то, что было впереди, назадъ и наоборотъ, не измѣняя этимъ музыкальнаго смысла. Не измѣняется же смыслъ музыки Вагнера потому, что онъ лежитъ въ словахъ, а не въ музыкѣ“.

Толстой говоритъ это по поводу Вагнера, но его рѣчи можно примѣнить не къ Вагнеру только, а къ кому угодно.

къ тѣмъ, теперь очень многочисленнымъ, композиторамъ, пишущимъ свои оперы безъ внутренней связи однѣхъ музыкальныхъ мыслей съ другими. Прибавивши еще уродливый текстъ, присущій большинству этихъ произведеній, текстъ, тоже не имѣющій внутренней связи и логики, ясно станетъ, какое художественное удовлетвореніе можно вынести отъ подобныхъ произведеній, если только не желаешь примкнуть къ людямъ, которымъ все понятно, или, правильнѣе, которымъ ничего не понятно, но кто неуклонно повторяетъ одинъ и и тотъ же несносный вздоръ. У Мусоргскаго, какъ и у многихъ послѣдователей его направленія, русскихъ и иностранныхъ,—повторяю,—есть много содержательныхъ и интересныхъ въ музыкальномъ смыслѣ страницъ и все-таки, въ цѣломъ, ихъ произведенія не могутъ считаться безукоризненными какъ въ музыкальномъ, такъ и въ художественномъ смыслѣ. Мусоргскій подъ конецъ своей жизни самъ замѣтилъ кривизну пути, на который его завлекли всякаго рода измышленныя теоріи. Существуютъ любопытныя въ этомъ смыслѣ его письма къ одному изъ близкихъ ему лицъ. Письма эти по разнымъ причинамъ еще не могли явиться въ свѣтъ, но содержаніе ихъ въ указанномъ смыслѣ не можетъ не быть поучительнымъ.

Предвзятость теорій, отсутствіе широкаго горизонта,—потому что примкнуть къ господствующему, модному теченію не значитъ быть ни мыслителемъ, ни даже передовымъ художникомъ, — губили начало произведеній, либо сводили ихъ на уровень заурядной „поддѣлки“ подъ искусство, о которой говоритъ Толстой. Мы это видимъ у себя, какъ и на Западѣ. Посмотрите, какъ тамъ мало живыхъ оперъ послѣ того, какъ сошли корифеи предыдущаго поколѣнія. Въ Германіи со смертью Вагнера не осталось никого, а ужъ тамъ ли не легіонъ композиторовъ?! Нѣсколько обратилъ на себя вниманіе Гумпердинкъ, когда въ „Гензель и Гретель“ попытался стать именно на почву непосредственнаго чувства. Въ слѣдующей своей оперѣ, гдѣ онъ остался снова съ вагнеровскою теоріею, онъ провалился безусловно. Въ Италіи послѣ Верди нѣтъ буквально никого. Мимоходомъ отмѣчу успѣхъ „Сельской чести“ во всѣхъ странахъ, гдѣ она была только дана. Это потому, что хотя опера Масканьи не изъ важныхъ, но все-таки написана съ искреннимъ чувствомъ. И во Франціи композиторы новѣйшаго закала никакъ не могутъ обратить на себя серьезнаго вниманія. Знамя все-таки держатъ въ своихъ рукахъ представители другого направленія — Сенъ-Сансъ и Массне. И когда эти лица сойдутъ съ своего жизненнаго пути, все-таки не Шарпантье и не Венсенъ д' Инди обратятъ на себя вниманіе. Отъ всѣхъ оперъ вагнеровскаго направленія и тенденціи несетъ органическою безжизненностью, чего никакъ не могутъ взять въ толкъ ихъ авторы. А чтобъ писать, какъ Вагнеръ,—т. е. увлекательно помимо теорій,—не у всѣхъ хватаетъ таланта.

Третьимъ важнымъ факторомъ той неурядицы, которая замѣчается въ послѣдніе годы въ театральной области, слѣдуетъ принать музыкальную печать. Необыкновенное легкомысліе или рав-

нодушіе, съ какимъ относится большинство редакторовъ или издателей къ этому отдѣлу, прямо поразительно. Ни въ одинъ отдѣлъ, кромѣ музыкальнаго, не допускаются такъ свободно люди незнающіе. Вездѣ остерегутся пустить ихъ изъ боязни скомпрометировать свой органъ; музыкальный же отдѣлъ открытъ добровольцамъ всякаго рода, званія и ранга. И добро бы, за отсутствіемъ должныхъ знаній, цѣнился хотя публицистическій или литературный ихъ талантъ. Но и его не требуется. Здѣсь выходитъ такъ, что чѣмъ меньше человѣкъ знаетъ предметъ, тѣмъ ему кажется легче писать и говорить о немъ. Если же онъ захочетъ прибавить немножко эрудиціи, то и тогда задумываться не приходится: на лицо имѣются разнаго рода энциклопедіи, чужія статьи и книжки, изъ которыхъ такъ удобно списать, что̀ надо. Всѣ такія маранья, длинныя или короткія, все равно, печатаются и читаются.

Какіе курьезные типы попадаются иногда среди этихъ добровольцевъ музыкальной критики, трудно повѣрить. У меня нѣкогда былъ знакомый, горячій ненавистникъ музыки, всегда ведшій яростные споры, въ которыхъ, если не убѣдительно, то жарко доказывалъ ничтожность и вредъ искусства вообще, въ томъ числѣ и музыки. Статьи Писарева тогда еще не были забыты. Я долженъ былъ уѣхать на нѣсколько лѣтъ изъ Петербурга. Возвратившись сюда, я нашелъ удивительную метаморфозу съ моимъ знакомымъ. Отставной офицеръ, не окончившій курса естественникъ, онъ сдѣлался, конечно, чиновникомъ и... фортепьяннымъ учителемъ! Послѣднее было особенно забавно потому, что этотъ человѣкъ съ грѣхомъ пополамъ и съ трудомъ могъ играть пустую пьесу и сдѣлать гамму. Обратившись къ искусству, онъ сталъ радикаломъ въ музыкѣ. Мусоргскій и новая школа, бывшая тогда еще „боевою“ болѣе, чѣмъ въ настоящее время,—„новые пути“ въ искусствѣ не сходили съ его языка. При его полномъ незнаніи музыкальной литературы, старой и новой, его сужденія имѣли особенно забавный характеръ. О своемъ прежнемъ отрицаніи искусства онъ старался не вспоминать и о Писаревѣ отзывался съ ненавистью, какъ о личномъ врагѣ. Круглое его невѣжество въ техническихъ вопросахъ искусства равнялось его невѣжеству по вопросамъ эстетическаго свойства. Я мало встрѣчалъ такихъ тупыхъ и бездарныхъ людей. Когда, не смотря на полное незнаніе технической стороны музыки, онъ смѣло взялся за переложеніе для фортепьяно одного изъ крупныхъ берліозовскихъ оркестровыхъ сочиненій, то сейчасъ же напуталъ, въ первыхъ же тактахъ. Нельзя было и не напутать, такъ какъ онъ не зналъ различія даже между теноровымъ и скрипичнымъ ключами. Это не мѣшало ему, чуть не съ пѣною у рта, защищать свои ошибки: такъ велико было его наивное невѣжество! Все это однако не помѣшало ему попасть въ одинъ изъ наиболѣе читаемыхъ нашихъ ежемѣсячниковъ, редакція котораго была совершенно беззаботна по части искусства, хотя и тутъ желала слыть передовою. Въ этомъ ежемѣсячникѣ до самой своей смерти онъ помѣщалъ

отмѣнно нелѣпыя статьи, псевдо-музыкальнаго свойства, служившія посмѣшищемъ для всѣхъ, кто сколько-нибудь зналъ ихъ автора или давалъ себѣ трудъ ознакомиться съ ихъ содержаніемъ. Этотъ „передовой“ цѣнитель не стыдился браться за дѣло, о которомъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Во всякой области труда подобное отношеніе считается нахальствомъ или наглостью. Въ музыкальной только печати оно, очевидно, не считается таковыми.

За перо не только рецензента, но и критика, берется всякій: банковскій чиновникъ, бухгалтеръ, конторщикъ, отставной или иной офицеръ безъ дѣлъ, студентъ, не желающій платить за билеты, даже гимназистъ. Въ одной московской газетѣ рецензіи писалъ отставной фельдфебель. Подобное явленіе наблюдается впрочемъ не въ одной только Россіи, но и въ другихъ странахъ, отчасти даже и въ Германіи. Но намъ до состоянія музыкальной печати въ чужихъ странахъ нѣтъ дѣла. На свое же положеніе необходимо оглянуться. Не въ томъ даже дѣло, кто пишетъ, а что и какъ пишутъ... Если я упомянулъ о цензѣ „добровольцевъ“ музыкальнаго дѣла, то только потому, что этотъ цензъ является обыкновенно и показателемъ развитія пишущаго. Дѣйствительно, мы видимъ, что ясностью художественнаго пониманія не блещетъ большинство музыкальныхъ статей, и что изъ нихъ бесѣдъ того или другого оттѣнка читатель не можетъ извлечь ничего поучительнаго для себя.

Интересъ, пріобрѣтенный въ обществѣ музыкою и театромъ, въ извѣстномъ смыслѣ еще ухудшилъ положеніе, заставивши спуститься музыкальныхъ добровольцевъ даже на одну ступень ниже. Нѣкоторыя газеты, подражая парижскимъ, завели у себя отдѣлъ, который иначе нельзя назвать, какъ отдѣломъ театральныхъ сплетенъ. Эта рубрика, гдѣ печатается всякая мелочь, касающаяся артистовъ и театра, вноситъ деморализацію въ дѣло, потому что, какъ средствомъ для рекламы, вообще для личныхъ цѣлей, ею пользуются сами артисты, режиссеры, антрепренеры, вообще лица, примазавшіяся къ театральному болоту. Этимъ явленіемъ, еще покуда не отмѣченнымъ у насъ какъ должно, тоже нельзя пренебрегать при оцѣнкѣ театральной жизни.

Подводя итоги всему сказанному, приходится признать, что оперное дѣло въ Россіи въ настоящую минуту вовсе не стоитъ твердо, какъ можетъ казаться. Повторяю, театровъ у насъ немного; чтобы перечислить тѣ изъ нихъ, судьба которыхъ обезпечена, пожалуй, пяти пальцевъ будетъ много. Нельзя во всемъ обвинять только публику, ея равнодушіе,—надо оглянуться и на самихъ себя. Нѣтъ сомнѣнія, что въ неустойчивости оперныхъ театровъ виноваты и ближайшіе дѣятели сцены, и тѣ, кто такъ или иначе соприкасается съ театромъ. Большинство этихъ лицъ страдаетъ отсутствіемъ надлежащаго кругозора, въ широкомъ или тѣсномъ значеніи слова. За это приходится расплачиваться всѣмъ сообща и каждому въ отдѣльности. Теперь закрывается еще одна сцена Народнаго

дома въ Петербургѣ. Въ закрытіи этого театра не будутъ, впрочемъ, виноваты ни артисты, ни печать: это сейчасъ же надо признать. Напротивъ, обѣ стороны всячески поддерживали симпатичное предпріятіе. Оперная сцена Народнаго дома была почти идейнымъ предпріятіемъ: труппа стоила мало и усердно работала. Тѣмъ не менѣе приходится складывать оружіе. Такъ сильно могутъ влiять отдѣльныя неблагопріятныя условія, отсутствіе широкаго кругозора, о необходимости котораго въ дѣлѣ искусства я упоминалъ выше.

Въ Народномъ домѣ слѣдовало бы обязательно уничтожить массу безполезныхъ увеселеній, которыя теперь такъ широко предлагаются посѣтителямъ, портя ихъ вкусы и развивая лишнія требованія. Здѣсь попечительство развернулось сообразно широкой русской натурѣ и тратитъ массу денегъ на то, что не заслуживаетъ и гроша.

Если закроется оперный театръ въ Народномъ домѣ, то еще одною хорошею сценою въ Россіи будетъ меньше, и притомъ сценою, которая можетъ быть устойчива. Останется, кромѣ казенныхъ, четыре или пять театровъ. Гдѣ же будутъ работать артисты, число которыхъ ростетъ ежегодно, практиковаться композиторы, число которыхъ тоже не уменьшается? На всю Россію пять театровъ — слишкомъ уже мало! Слѣдуетъ всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ подумать объ этомъ невыгодномъ для всѣхъ положеніи, угрожающемъ сдѣлаться еще хуже вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, о которыхъ въ другой разъ.

М. Ивановъ.

Послѣдній хороводъ.

Тишина. Глушь кругомъ. На остаткахъ стѣны
Рядъ кудрявыхъ березъ прозябаетъ.
Подъ обрывомъ крутымъ тихо Волга-рѣка
Неустанно его подмываетъ.

* *
*

Было время,—на мѣстѣ безлюдномъ стоялъ
Монастырь, женской доли обитель,
Православно пріемлемой вѣры устой,
И ея чистоты охранитель.

* *
*

Многихъ горе земное туда привело;
А другія спасались отъ міра,
Отъ его суеты и страстей, не хотя
Сотворить въ нихъ земного кумира.

* *
*

Возростала обитель въ молитвѣ, въ трудахъ,
Привлекая къ себѣ, въ глушь лѣсную,
Не богатствомъ земнымъ, а потребой души
Хоть на мигъ снять заботу мірскую.

* *
*

Но настала пора, когда Русь облегла
Страшной тучей татарская сила.
Какъ обвалъ снѣговой, или градъ грозовой,
Все она безпощадно губила.

* *
*

Подошла и къ обители женской она.
Одолѣть ее легкое дѣло.
На потѣху-жъ достанется многимъ изъ нихъ
Молодицъ бѣлоснѣжное тѣло.

* *
*

Облегли. Лѣзутъ смѣло. Дубовымъ бревномъ
Разбиваютъ привычно ворôта.
Скалятъ зубы свои. Одолѣть этотъ кладъ
Безъ опаски кому не охота?

* * *

Участь страшная ждетъ беззащитныхъ черницъ.
Собрались на стѣнѣ у обрыва,
Словно стадо испуганныхъ ланей, онѣ;
Жмутся въ кучу одну боязливо.

* * *

Врагъ ворвался въ обитель потокомъ живымъ,
Близко слышны побѣдные крики.
Ищутъ всюду черницъ, вожделѣньемъ полны,
Словно звѣри, и жадны, и дики.

* * *

Сестры въ ужасѣ. Часъ наступилъ. Предаетъ
Ихъ на муку Господня десница.
Вдругъ изъ тѣсной толпы отдѣлилась одна,
По отвагѣ душевной орлица.

* * *

— „Сестры,—молвила имъ,—часъ страданья насталъ.
„Дни былого труда не вернутся.
„Отъ насилья врага лишь одинъ нынѣ путь.—
„Тамъ, на днѣ, насъ живыхъ не коснутся“.

* * *

Но черницы молчатъ, лишь молитву творятъ,
Да рыдаютъ отъ ужаса муки.
Всѣ въ слезахъ; на колѣни упали; дрожатъ,
Къ небесамъ воздымаючи руки.

* * *

И припомнилось ей, какъ бывало въ міру,
Когда кровь въ ней потокомъ бурлила,
Какъ въ родимомъ селѣ она въ праздника дни
Хороводы веселья водила.

* * *

— „Сестры! за руки! дружно! за мной! поспѣшимъ!
„Ждать нельзя!“ Ухватившись рукою
За ближайшую, смѣло она повела
По стѣнѣ ее вслѣдъ за собою.

* * *

И, дойдя до угла, гдѣ былъ страшный обрывъ,
Лишь рѣшимости воли внимая,
Смѣло бросилась въ Волгу она съ высоты,
Остальныхъ за собой увлекая.

* * *

И одна за одной, вереницей живой,
Другъ за дружку держася руками,
Всѣ слетѣли онѣ въ тотъ обрывъ со стѣны,
Исчезая въ рѣкѣ подъ волнами.

* * *

Показались татары; къ добычѣ бѣгутъ;
Но напрасна злодѣевъ надежда.
Лишь мелькнула предъ ними послѣдней изъ нихъ,
Словно черныя крылья, одежда.

А. А. Навроцкій.

Сентябрь 1903.

Развалины Воскресенскаго женскаго монастыря, монахини котораго всѣ бросились въ Волгу, чтобы избавиться отъ насилія татаръ, находятся на правомъ берегу Волги, около слободы Васильевской, въ 60 верстахъ выше Нижняго-Новгорода.

ИЗЪ МАКЕДОНСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ

русскаго добровольца.

— Сегодня мы поѣдемъ осматривать нашу гордость, наше военное училище,—сообщилъ мнѣ мой новый другъ, маіоръ Тасевъ, входя съ маіоромъ Вазовымъ въ мой номеръ.

Я былъ въ восторгѣ. Такъ я много слышалъ отъ болгарскихъ офицеровъ о софійскомъ военномъ училищѣ, что поневолѣ хотѣлось посмотрѣть его организацію и постановку, тѣмъ болѣе, что благодаря теперешнему военному министру полковнику Савову, бывшему начальнику училища, оно совершенно реорганизовано и основанъ даже кадетскій корпусъ.

Маіоръ Тасевъ, славный герой Сливницы, мой новый болгарскій другъ,—личность необыкновенная; это человѣкъ удивительнаго ума и сердца, опытный педагогъ и чудный товарищъ. Онъ ротный командиръ въ корпусѣ, и его обожаютъ кадеты.

Маіоръ этотъ оказывалъ мнѣ неисчислимыя услуги и навсегда поселилъ въ моемъ сердцѣ искреннюю къ нему признательность.

Мы отправились въ училище, огромное зданіе котораго помѣщается на самой окраинѣ города за „державной печатницей“.

Прибыли мы въ военное училище, какъ разъ, когда кадеты и юнкера шли въ столовую на обѣдъ и продефилировали мимо насъ строемъ. Я не могъ смотрѣть безъ восхищенія на крошечныхъ бутузовъ-кадетиковъ, отбивающихъ ногу какъ настоящіе солдаты, меня поразила стройность и серьезность, съ которою слѣдовали даже самые малыши.

Я не могъ не выразить моего восхищенія товарищамъ по поводу той чудной выправки, которая видна отъ кадета 1 класса и до выпускного юнкера старшаго спеціальнаго курса

— Это они передъ русскимъ хотятъ себя показать,—сказалъ мнѣ Тасевъ.

Мы отправились осматривать училище. Огромныя классныя помѣщенія, громадный рекреаціонный залъ, большие свѣтлые корридоры и дортуары,—все носило отпечатокъ послѣдняго слова прогресса въ области удобствъ и гигіены. Видно было, что немало потрудились братушки послѣ ухода своихъ просвѣтителей для созиданія основного камня Болгаріи, этого питомника ея славной арміи.

Въ актовомъ залѣ лихой ротмистръ Китанчевъ [1]) 1-го кавалерійскаго дивизіона, славный и веселый македонецъ, предложилъ мнѣ написать что-нибудь въ особую книгу для посѣщающихъ военное училище.

Я открылъ ее и занесъ туда то отрадное впечатлѣніе, которое вынесъ отъ пріема милыхъ братушекъ въ Болгаріи. Моя замѣтка какъ разъ пришлась подъ замѣткой нашего русскаго адмирала А. А. Бирилева, бывшаго въ прошломъ году въ Болгаріи и посѣтившаго училище.

Затѣмъ, окончивъ свою литературу, я поспѣшилъ на балконъ, гдѣ, въ ожиданіи окончанія моей работы, собрались г.г. офицеры и весело болтали.

Тутъ я не могъ удержаться, чтобы не крикнуть отъ восторга,—до того художественная панорама открылась передъ моими глазами.

Какъ на ладони, раскинулась, утопая въ зелени садовъ, Софія, а тамъ впереди, рѣзко выступая своими лилово-зелеными контурами, мощный Витошъ величественно поднимался, прорѣзывая ярко-лазурное небо.

Былъ ясный, безоблачный день. Воздухъ казался особенно прозрачнымъ, а потому горныя системы Балканъ ясно опредѣлялись на горизонтѣ.

Я устремилъ свой взоръ впередъ. За величественнымъ контуромъ Витоша, среди клочьевъ облаковъ, виднѣлась остроконечная темно-лиловая вершина, отъ которой чуть замѣтными грядами расходились въ обѣ стороны горные хребты.

— Что это за горы?—спросилъ я у офицеровъ.

— А это, что тамъ синѣется? Это Рыльская гора,—отвѣтилъ мнѣ маіоръ Тасевъ,—а за нею уже Перинъ-Планина, гдѣ теперь кипитъ ожесточенная война между четами и турками и гдѣ вамъ навѣрное придется побывать; а вонъ направо и наша

[1]) Китанчевъ—родной братъ Тройчо Китанчева, извѣстнаго борца за македонскую свободу.

слава наша гордость, Сливница,—прибавилъ маіоръ, указывая на желтѣвшіеся вдали, еле замѣтные холмы.

— Ну, господа не пройдемъ ли мы въ манежъ?—спросилъ насъ вошедшій ротмистръ Китанчевъ, родной братъ Тройчо Китанчева, этого главнаго столпа македонской революціи, умершаго нѣсколько лѣтъ назадъ.

Мы отправились черезъ чистый и довольно большой дворъ училища къ новому зданію манежа.

Ну, точь въ точь, какъ у насъ въ офицерской кавалерійской школѣ, только немного меньше по размѣрамъ.

Изъ манежа мы прошли въ церковь. Небольшое четырехъугольное зданіе, въ концѣ котораго поставленъ довольно бѣдненькій иконостасъ. Нѣсколько иконъ, да вся необходимая церковная утварь—вотъ и все церковное убранство. Нѣтъ ни роскошныхъ золотыхъ рамъ, ни паникадилъ, ни огромныхъ подсвѣчниковъ. Все миніатюрно и бѣдно.

— А вѣдь всѣ эти иконы заказаны были въ Москвѣ,—замѣтилъ мнѣ маіоръ,—и обошлись онѣ намъ очень недешево, хотя однако нельзя сказать, чтобы г.г. художники очень добросовѣстно отнеслись къ заказу.

Я окинулъ взоромъ иконы и мнѣ сдѣлалось совѣстно за нашихъ богомазовъ — до какой степени дѣйствительно небрежно были исполнены эти образа.

Совсѣмъ иное можно замѣтить про картины въ военномъ училищѣ, писанныя заѣзжимъ польскимъ художникомъ Соколовскимъ. Эти картины, изображающія разные эпизоды изъ русско-турецкой войны или сербско-болгарской 1885 года, представляютъ собою дѣйствительно произведенія талантливой руки художника, передавшаго на полотно полныя жизни фигуры и природу.

Возвращаясь обратно въ зданіе училища, я услышалъ музыку.

— Что это такое? — спросилъ я у сопровождавшаго меня офицера.

— А это у насъ постоянно во время кадетскаго обѣда и ужина играетъ въ столовой хоръ военной музыки. Это нововведеніе принадлежатъ военному министру Савову, который не перестаетъ отечески пещись о своемъ дѣтищѣ — кадетскомъ корпусѣ. Видите ли, — продолжалъ маіоръ,—болгары народъ не музыкальный, а потому музыка на дѣтей въ особенности должна производить свое воспитательное дѣйствіе и развивать у нихъ слухъ; во-вторыхъ, за звуками оркестра дѣти могутъ свободно разговаривать между собою, не боясь

быть услышанными начальствомъ, а въ третьихъ, музыка способствуетъ пищеваренію. Надо вамъ замѣтить, мы не стѣсняемъ своихъ кадетъ и стараемся воспитать въ нихъ вполнѣ самостоятельный духъ. Такъ, напримѣръ, мы ихъ обязываемъ вести ежедневно дневникъ, въ которомъ разрѣшаемъ даже критиковать дѣйствія начальства, и, просматривая разъ въ недѣлю дневники, никогда не наказываемъ, если даже кадетъ порицаетъ нѣкоторыя наши дѣйствія, а стараемся объяснить юношѣ его заблужденіе. Бывали случаи, когда замѣчанія дѣтей даже принимались нами къ свѣдѣнію и вели къ тѣмъ или другимъ измѣненіямъ существующаго порядка.

Надо замѣтить, что вообще воспитаніе въ Софійскомъ военномъ училищѣ поставлено на высокую степень, и молодые болгарскіе офицеры вступаютъ въ ряды своей арміи, проникнутые высокимъ патріотическимъ духомъ и прекрасно знающіе свое дѣло.

Говоря о болгарскомъ военномъ училищѣ, я не могу не сказать нѣсколькихъ словъ о его прошломъ, тѣсно связанномъ съ именами нашихъ русскихъ офицеровъ, положившихъ основу нынѣшняго разсадника болгарскаго офицерства.

Послѣ освобожденія первымъ начальникомъ училища въ 1878—1879 г. былъ капитанъ Флейшеръ, нынѣ нашъ генералъ-лейтенантъ, начальникъ дивизіи въ Кутаисѣ; затѣмъ маіоръ Рябинкинъ, Ремлигенъ и Сахаровъ, послѣ которыхъ въ 1885 году начали назначаться уже болгары. Первымъ болгариномъ, принявшимъ училище, былъ маіоръ Груевъ; въ 1886—1887 г. капитанъ Гесапчіевъ, передавшій въ томъ же году его нынѣшнему министру-президенту Болгаріи Рачо Петрову. Послѣ Петрова командовалъ училищемъ маіоръ Христевъ, а затѣмъ, въ теченіе 4-хъ лѣтъ, бывшій военный министръ Паприковъ, не разъ бывавшій въ Россіи. Въ 1892 г. начальникомъ училища былъ подполковникъ Ботевъ, вплоть до 1897 г., когда его мѣсто занялъ полковникъ Савовъ, создавшій при училищѣ и кадетскій корпусъ въ 1899 г., причемъ сразу были открыты 3, 4 и 5 гимназическіе классы.

Корпусъ былъ созданъ по типу пажескаго корпуса въ Россіи, съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ по образцу подобныхъ военно-учебныхъ заведеній въ Западной Европѣ.

Въ настоящее время корпусъ имѣетъ 7 классовъ и 2 спеціальныхъ юнкерскихъ. Помѣщеніе училищъ и корпуса сильно расширяется и производятся капитальныя пристройки.

Начальникъ училища, генералъ-маіоръ Илевъ, прилагаетъ всѣ старанія, чтобы поставить этотъ питомникъ болгарской арміи на самую высокую степень совершенства.

Корпусное начальство всецѣло приписываетъ блестящему состоянію этого учебнаго заведенія ту основу, которую положили наши русскіе инструкторы въ трудное дѣло созданія военнаго училища въ возрождающейся Болгаріи, и имена нашихъ инструкторовъ произносятся съ большимъ уваженіемъ. Портреты ихъ повсюду и на самомъ почетномъ мѣстѣ.

— Знали ли вы капитана Кульнева? — спрашивалъ я старыхъ офицеровъ-болгаръ про моего добраго знакомаго, милаго и симпатичнаго полковника Илью Яковлевича Кульнева, бывшаго воспитателемъ въ военномъ училищѣ до 1885 г.

— Какъ же, Илья Кульневъ, какъ же,—съ радостью восклицали они.—Господи, да это былъ у насъ любимѣйшій изъ офицеровъ, строгій, но замѣчательно справедливый,—и начинали болгары перебирать всѣхъ нашихъ офицеровъ съ такою любовью, какъ можно говорить лишь о родныхъ, близкихъ твоему сердцу людяхъ.

— Да, жалко намъ было разставаться съ нашими учителями,—говорили старые капитаны.—Черезчуръ они рано оставили насъ на произволъ судьбы. Ну, да спасибо „матушкѣ нашей освободителкѣ", она влила въ насъ свой духъ, свою мощную силу, а съ этими аттрибутами мы не пропадемъ. Да живетъ великая Россія!

Всюду и вездѣ только и рѣчи, что хвалятъ насъ братушки, только и слышишь одно: „вся наша надежда на русскій народъ".

Подъ пріятнымъ впечатлѣніемъ ушелъ я изъ училища и, возвратившись домой, принялся за сборы къ предстоящему походу.

Подполковникъ Николовъ уже отправился въ отрядъ, и мнѣ было сообщено, чтобы черезъ 2 дня я непремѣнно прибылъ въ редакцію газеты „Реформи", гдѣ отъ редактора г. Галаганова получу всѣ нужныя указанія, а также комитетскаго извозчика, который меня доставитъ въ городъ Дупницу, откуда уже предстоитъ мое дальнѣйшее путешествіе къ сборному пункту, назначенному въ Влашкахъ-Колиби.

Между тѣмъ, изъ Македоніи приходили все тревожные слухи. Говорили, что генералъ Цончевъ убитъ, что четы потерпѣли пораженіе, что турки въ огромномъ количествѣ стягиваются къ границѣ и, наконецъ, о страшныхъ звѣрствахъ и неистовствѣ турокъ въ христіанскихъ деревняхъ.

Послѣднія извѣстія подтверждались бѣженцами, прибывав-

шими въ Софію. Несчастные явились въ Болгарію въ ужасномъ состояніи. Безъ одеждъ и крова, лишенные близкихъ, они находили себѣ пріютъ у болгаръ и своимъ ужаснымъ видомъ прямо заставляли насъ, европейцевъ, краснѣть за современную политику, допускающую подобное издѣвательство нехристей надъ нашими братьями—славянами.

Тысячами бѣгутъ несчастные изъ насиженныхъ мѣстъ, часть ихъ вступаетъ въ ряды борцовъ за македонскую свободу, а часть погибаетъ отъ голода или при переходѣ черезъ границу подъ турецкими пулями.

Пограничныя болгарскія войска поддерживаютъ несчастныхъ во время ихъ перехода черезъ границу и нерѣдко даже имѣютъ изъ-за этого столкновенія съ турецкими аскерами, но болгарское правительство запретило теперь оказывать эту поддержку македонскимъ болгарамъ, и они переходятъ границу подъ прикрытіемъ повстанческихъ четъ.

Турки вообще не трогаютъ бѣженцевъ, когда они проходятъ подъ прикрытіемъ четъ, такъ какъ ужасно боятся нападенія послѣднихъ на посты, но зато въ беззащитныхъ поселянъ стрѣляютъ безъ зазрѣнія совѣсти. Вообще, даже и турецкіе офицеры ведутъ себя самымъ возмутительнымъ образомъ.

Вотъ что мнѣ разсказывалъ капитанъ генеральнаго штаба Русевъ, только что пріѣхавшій изъ С.-Петербурга, по окончаніи нашей академіи.

„Я недавно посѣтилъ одинъ турецкій постъ, начальникомъ котораго былъ молодой подпоручикъ германской школы; онъ былъ очень предупредителенъ и любезенъ со мною и производилъ самое пріятное впечатлѣніе, и представьте себѣ мое разочарованіе, когда я узнаю, что этотъ самый почти юноша продѣлалъ слѣдующую гадость всего лишь нѣсколько дней назадъ.

„Недалеко отъ турецкаго поста раскинулось прекрасное пастбище, куда жители-македонцы пригоняли свои стада.

„Нѣсколько дней назадъ одинъ селянинъ отдѣлилъ молодыхъ овецъ отъ старыхъ и погналъ послѣднихъ въ село, а молодыхъ оставилъ подъ охраной своихъ дѣтей, дѣвочки 4-ти лѣтъ и 12-лѣтняго мальчика.

„Турецкій офицеръ замѣтилъ это, и только лишь болгаринъ успѣлъ скрыться, онъ кликнулъ четырехъ своихъ аскеръ и приказалъ привести къ себѣ дѣтей.

„Что дѣлали турки съ несчастными,—неизвѣстно, но только ночью болгарская пограничная стража услышала выстрѣлы, и

начальникъ болгарскаго поста послалъ къ туркамъ узнать, въ чемъ дѣло.

— Ничего,—отвѣчали аскеры,—это мы стрѣляли по переходившимъ границу; двухъ положили, а двое ушли.

„На утро трупы несчастныхъ дѣтей были отысканы болгарскими солдатами съ признаками самаго возмутительнаго надругательства...

— Возвращаясь послѣ объѣзда пограничной линіи,—продолжалъ капитанъ,—я нарочно заѣхалъ къ этому турецкому подпоручику и жестоко упрекалъ его въ содѣланомъ возмутительномъ преступленіи, и вообразите, онъ не отрицалъ совершенной имъ гадости, а только разсмѣялся и, махнувъ рукою, сказалъ: „Какіе это пустяки, не стоитъ и говорить объ этомъ. Ну, убили бѣженцевъ и все,—это наше право, они подданные его величества турецкаго султана, и передъ нимъ я только и буду отвѣчать за ихъ жизнь“...

Съ горечью и острою болью выслушалъ я этотъ разсказъ, а сколько я ихъ слышалъ потомъ и что я видѣлъ своими глазами,—развѣ все опишешь, развѣ все передашь на бумагѣ; надо самому увидѣть, своими глазами, надо услышать этотъ плачъ, эти стоны избиваемаго населенія, чтобы понять весь ужасъ, всю безвыходность положенія несчастныхъ македонцевъ, которымъ никто не хочетъ протянуть руку помощи.

Гдѣ же правда, гдѣ же это христіанская любовь къ братьямъ, гдѣ скрылось русское любящее сердце?

Вотъ вчера изъ Македоніи возвратился священникъ Стоіо Тройковъ; онъ съ ружьемъ и крестомъ дрался на ряду съ четниками и раненый вернулся въ Софію; этотъ пастырь не единственный среди македонскаго духовенства, сражавшійся за Христову вѣру, а сколько этихъ беззавѣтныхъ героевъ легло тамъ, въ холодномъ Перинѣ или въ долинахъ Вардара и Струмы, окрасивъ ихъ пѣнящіяся воды своею чистою кровью, пролитою за братьевъ и за святую православную вѣру.

Я ѣду къ этому герою выслушать его разсказъ, который пусть будетъ напутствіемъ, благословеніемъ для меня передъ предстоящимъ моимъ походомъ.

Только выйдешь на улицу, новое печальное извѣстіе. Покупаю газету, и первое, что бросается въ глаза,—с.升Перинъ сожжено, населеніе вырѣзано и небольшая часть христіанъ успѣла укрыться въ горахъ. Вотъ и перечень убитыхъ воеводъ. По стѣнамъ домовъ въ черныхъ рамахъ красуются ихъ славныя имена.

Нѣтъ, дольше медлить невозможно, завтра въ путь, на по-

мощь этимъ самоотверженнымъ героямъ, этимъ апостоламъ свободы и вѣры Христовой...

Было воскресенье. Я поднялся раньше обыкновеннаго, чтобы успѣть до обѣдни зайти къ герою-священнику, отцу Стоіо Тройкову, только что вернувшемуся изъ Македоніи.

На улицѣ Марія Луиза въ гостинницѣ „Тройко Китанчево", названной въ память извѣстнаго македонскаго дѣятеля Китанчева, я насилу отыскалъ отца Стоіо.

Въ небольшой свѣтлой комнаткѣ высокій молодой священникъ сидѣлъ за столомъ въ подрясникѣ и писалъ. Тутъ же на столѣ лежалъ большой бронзовый крестъ, евангеліе и повстанческая папаха съ гербомъ и обычной надписью: „свобода или смерть".

— Здравствуйте, батюшка,—привѣтствовалъ я священника,—„добро дошли!"—и тутъ же отрекомендовался ему.

Священникъ просіялъ, и его добрые, мужественные глаза, улыбаясь, такъ и впились въ меня.

— Братушка, русскій!—повторялъ онъ полушепотомъ, пока я говорилъ ему о своемъ намѣреніи идти съ повстанцами противъ турокъ.

— Вотъ она, наша „Освободителка", не оставляетъ насъ,—говорилъ священникъ,—посылаетъ къ намъ на помощь юнаковъ. Вся надежда у насъ на нашу „Великую Освободителку", не оставитъ насъ русскій Царь на гибель отъ руки нечестивыхъ.—Ну, садись, батюшка, милый ты мой, кофеемъ тебя напою...

И священникъ побѣжалъ дѣлать распоряженія, прихрамывая на правую ногу.

— А болитъ все еще,—пожаловался онъ, садясь на стулъ и потирая колѣно больной ноги.—Хоть пустячная рана, а все-же запустилъ очень во время похода, ну, и разболѣлась. Вотъ ему хуже,—указалъ священникъ на сидѣвшаго въ углу комнаты коренастаго загорѣлаго мужчину лѣтъ 24, котораго я было и не примѣтилъ. Рука у этого человѣка была на перевязи.

— Это Георгій Иліевъ,—представилъ мнѣ незнакомца отецъ Стоіо, и тотъ, подойдя ко мнѣ, протянулъ свою здоровую лѣвую руку, которую я пожалъ съ истиннымъ удовольствіемъ.

— Онъ вмѣстѣ со мной былъ,—продолжалъ священникъ,—а вотъ братъ его уже давно воеводствуетъ, но недавно получено извѣстіе, что онъ палъ въ сраженіи, наповалъ убитый турецкимъ куршумомъ (пулей). Царство ему небесное!—пере-

крестился священникъ.—Ну, и ты, сынъ, скоро идешь?—спросилъ меня онъ.

— Да завтра, отче, надо торопиться.

— Да, надо, надо,—поддакнулъ священникъ и замолчалъ.

Подали обычное турецкое кофе, до приторности сладкое, но ароматное, въ маленькихъ турецкихъ же чашечкахъ. Я отхлебнулъ его, запилъ холодной водой, какъ принято на Балканскомъ полуостровѣ, и обратился къ священнику.

— Разскажите же мнѣ, отче, о вашемъ походѣ, пожалуйста,—попросилъ я моего хозяина.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ, сынъ, изволь,—и священникъ началъ.

— Видишь ли, сынъ, самъ я изъ града Кукушъ въ Македоніи. Этотъ городъ лежитъ отъ Солуни въ 400 километрахъ на сѣверъ. Въ Софіи я кончилъ духовную академію и затѣмъ служилъ во многихъ городахъ несчастной Македоніи.

„Одному Господу извѣстно, чего я только ни насмотрѣлся. Вѣришь ли, сынъ, если я пошелъ теперь въ ряды бойцовъ, то только потому, что глубоко повѣрилъ въ необходимость борьбы именемъ Господа нашего Іисуса Христа противъ сатаны и его племени поганаго. Я остался одинъ, вся моя семья и всѣ мои близкіе отдали Господу душу подъ безпощадными турецкими ятаганами. Послѣ того, какъ повстанцы разгромили турецкіе кварталы въ Солуни, турки начали рѣзать во всѣхъ ближайшихъ городахъ и праваго, и виноватаго. Я въ это время былъ въ родномъ своемъ городѣ, и таборъ аскеръ вошелъ туда какъ разъ во время обѣдни. Не постѣснялись изувѣры, вошли въ храмъ и стали гнать оттуда молящихся, а кто изъ болѣе крѣпкихъ передъ иконами на колѣняхъ остался, такъ тѣхъ прямо изкромсали.

„Меня и отца діакона избили и выволокли окаянные, храмъ разорили, а послѣ сожгли.

„Что въ городѣ-то было, лучше и не разсказывать, самъ увидишь, небось, какъ побываешь на пепелищѣ несчастной нашей родины“.

Священникъ тяжело вздохнулъ и отеръ слёзы, выступившія на его красивыхъ глазахъ.

— Да, братецъ ты мой, слёзы, слёзы и слёзы,—пробормоталъ онъ.

„Итакъ, я рѣшился служить Всевышнему, но уже съ крестомъ и ружьемъ въ рукахъ.

„Направился я вотъ съ Иліевымъ и еще нѣсколькими нашими горожанами къ болгарской границѣ и послѣ долгаго и

тяжелаго пути, наконецъ, добрался до Рыльскаго монастыря, откуда и вступилъ въ чету воеводы Чернопѣева, назначеннаго для дѣйствій въ долинѣ рѣки Струмы.

„Что-жъ, думаю, Чернопѣевъ хоть и унтеръ-офицеръ, а все-же человѣкъ бывалый и давно уже орудуетъ во внутренней организаціи; только все-же, конечно, и его отрядъ не такъ удачно дѣйствовалъ, какъ отряды верховнаго комитета, находящіеся подъ командою г.г. офицеровъ. На то вѣдь и военная наука существуетъ, чтобы полководцевъ готовить, а коли бы каждый могъ полководцемъ быть, то бы ни военныхъ училищъ, ни академій не было. Вотъ въ томъ-то оно и бѣда, что во внутренней организаціи каждый хочетъ быть командиромъ и четами командуютъ все учителя,—народъ храбрый, рѣшительный, а въ тактикѣ и вообще въ военномъ дѣлѣ ничего не смыслящій. Ну, конечно, и терпятъ пораженія, а если и побѣждаютъ, то съ огромными потерями. Это, братъ ты мой, совсѣмъ не то, что въ вашемъ комитетѣ, гдѣ и главнокомандующій герой, лучшій болгарскій генералъ Цончевъ, и четами командуютъ только офицеры.

„Ну, такъ вотъ, 30 августа съ Чернопѣевымъ, въ числѣ 230 человѣкъ, перешли мы болгарскую границу у Осоговской планины, близъ Ворво-Руенъ; перешли ее благополучно, никто насъ не замѣтилъ, ни болгары, ни турки, и 4 сентября прибыли въ селеніе Пресѣку.

„Какъ обыкновенно водится, размѣстились мы по избамъ, населеніе-то наше, христіанское, встрѣтило насъ съ большою радостью, накормило, напоило насъ, и мы легли спокойно отдохнуть на мягкихъ деревенскихъ лежанкахъ. На утро вдругъ одинъ селянинъ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что нѣсколько турецкихъ чиновниковъ прибыли въ село для переписи крестьянскаго скота. Прямо пограбить населеніе явились христопродавцы.

„Воевода отдалъ сейчасъ же распоряженіе перехватать турокъ живьемъ, и мы окружили ихъ со всѣхъ сторонъ, но они оказались, повидимому, не изъ трусливаго десятка и стали стрѣлять въ насъ изъ револьверовъ.

„Не прошло и нѣсколькихъ минутъ, какъ наши ребята перестрѣляли ихъ всѣхъ до одного.

„Ничего не оставалось теперь намъ, какъ идти въ горы, занять удобную позицію и ожидать появленія турокъ, которые, очевидно, должны были появиться здѣсь, узнавъ о случившемся. Поселяне, частью вооруженные, рѣшили остаться и ожи-

дать появленія аскеръ, а многіе сложили свои пожитки и бросились бѣжать, намѣреваясь уйти въ Болгарію.

„Въ тотъ же вечеръ прибылъ въ село баталіонъ турецкихъ солдатъ и, Боже мой, что начали выдѣлывать нехристи съ жителями. Перерубили и перевѣшали, кого могли, а лишь начало смеркаться, мы со своей позиціи увидѣли огромное зарево,—то горѣло село, спаленное аскерами, гдѣ еще вчера мы провели покойно ночь, гдѣ жители имѣли свой уголъ и семейный очагъ, а теперь что? Многіе изъ изъ нихъ уже осиротѣли, другіе лишились дѣтей, братьевъ, женъ и сестеръ. Женщины поруганы, дѣвушки изнасилованы, даже не пощажены и малолѣтніе. Позоръ и срамъ человѣчеству выносить все это".

— А что, отче, подверглось бы тому же населеніе, еслибы чета не убила турецкихъ чиновниковъ?

— То есть, вы хотите узнать, сожгли ли бы турки село и перебили ли бы всѣхъ жителей? О нѣтъ, но они ограбили бы село порядкомъ и увезли бы нѣсколькихъ дѣвушекъ и мальчиковъ съ собою, и такъ по нѣскольку разъ въ годъ. Такъ ужъ лучше одинъ конецъ, но конецъ во время борьбы, которая несомнѣнно поведетъ къ свободѣ будущаго поколѣнія.

„Ну, вотъ, слушай дальше. Пятаго сентября въ 12 часовъ цѣлый отрядъ турокъ въ 1,500 человѣкъ сталъ окружать нашу позицію, но мы съ 2,000 шаговъ изъ своихъ манлихеровскихъ ружей стали залпами отстрѣливаться, и такъ удачно, что сразу положили 50 турокъ, что и заставило ихъ отступить. Благодаря удобной позиціи, потерь у насъ не было совершенно, и мы ожидали дальнѣйшихъ турецкихъ операцій.

„Около 2 часовъ турки усилили огонь и стали приближаться къ нашей позиціи и ровно въ 6 часовъ атаковали ее съ крикомъ „Алла! Алла!"

„Мы приготовили бомбы, и я, поднявъ высоко крестъ, благословилъ борцовъ, готовый и самъ принять смерть, если мнѣ ниспошлетъ ее Создатель. Уже на 60 шаговъ подпустили мы турокъ, и вдругъ нѣсколько бомбъ полетѣло въ ихъ ряды.

„Одна за другой стали рваться бомбы, посылая вокругъ смерть и опустошеніе и наводя панику на аскеровъ, которые, бросая ружья, повернули тылъ и побѣжали, провожаемые мѣткими выстрѣлами четы".

Священникъ передавалъ мнѣ это турецкое бѣгство такъ, какъ впослѣдствіи мнѣ самому пришлось убѣдиться; отъ одной удачно брошенной бомбы сотни турокъ обращались въ самое безпорядочное бѣгство, и наши четы дѣлали съ ними, что хотѣли.

— Отбивъ атаку,—продолжалъ священникъ,—я помолился Господу и благодарилъ Его за чудесное избавленіе отъ басурманъ. Однако медлить было невозможно; получивъ подкрѣпленіе, турки возобновили бы съ разсвѣтомъ атаку, а потому мы и рѣшили перемѣнить позицію. Раздѣливши весь отрядъ на 3 четы, мы двинулись съ наступленіемъ ночи, дабы прорваться сквозь охватившіе насъ со всѣхъ сторонъ турецкіе отряды.

„Темно было, хоть глазъ выколи. Погода была пасмурная и шелъ мелкій дождикъ. Двигались мы по убійственной дорогѣ, сначала внизъ, а потомъ вверхъ, по руслу горной рѣчушки, теперь совершенно сухому, но сплошь заваленному камнями. Я присоединился къ четѣ Стефана Мандалова, храбраго воеводы, уже не разъ бывавшаго въ бояхъ, благословилъ остальныхъ братій, отходившихъ съ другими воеводами, и мы рѣшили идти по разнымъ путямъ, такъ какъ движеніе такого большого отряда было и труднѣе, и могло привлечь вниманіе турокъ.

„Не успѣла пройти самостоятельно наша чета и двухъ часовъ, какъ Стефанъ Мандаловъ услышалъ сигналъ турецкаго часового, и вскорѣ мы увидѣли расположенный возлѣ костра постъ; однако издали трудно было разобрать, турки ли сидѣли около костра, или наши, а потому Мандаловъ поползъ по направленію костра, давъ приказъ четѣ, чтобы, по его выстрѣлу, люди съ крикомъ „ура!“ бросались на турокъ.

„Съ замираніемъ сердца ожидали мы сигнала—и вдругъ грянулъ выстрѣлъ.

„Въ одинъ мигъ чета бросилась впередъ, но турки дали залпъ, и двое четниковъ упали, пораженные на смерть.

„Упалъ также и славный нашъ воевода. Застоналъ онъ и свалился на землю. Я бросился къ нему. Пуля пробила несчастному животъ.

„Я схватилъ на руки раненаго и вынесъ его въ сторону, а тамъ „ура!“ гремѣло все громче и громче,—турки бѣжали подъ натискомъ смѣлыхъ повстанцевъ.

— „Отче, умираю!—простоналъ Мандаловъ. Я благословилъ его крестомъ и сталъ успокаивать.

— „Отче, азъ умирамъ, но не доволенъ, что не во время умирамъ, не исполнивъ до конца дѣла! — еле проговорилъ воевода, а затѣмъ сталъ звать капитана Тренова, прибывшаго въ нашу чету.—Ты, Треновъ, принимай чету, а я Господу душу отдаю... Дайте мнѣ револьверъ, я дострѣлюсь, нечего вамъ меня тащить, только себя и меня измучаете, а туркамъ живой я не сдамся...

„Голосъ раненаго оборвался, онъ застоналъ и захрипѣлъ а черезъ нѣсколько минутъ подъ мое напутствіе его чистая, геройская душа отлетѣла въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ ни скорби, ни воздыханія.

„Со слезами на глазахъ зарыли мы товарища и двинулись дальше.

„По колѣни въ водѣ шли мы вверхъ по горной рѣкѣ, провожаемые съ обоихъ береговъ турецкими выстрѣлами, безвредными для насъ, благодаря темнотѣ. Начало свѣтать, но Господь хранилъ своихъ воиновъ, и густой туманъ окуталъ всю тѣснину. Мы слышали надъ собою турецкія ругательства, а стрѣлять они уже не могли, такъ какъ подобная стрѣльба была бы безполезною тратой патроновъ.

„Только когда мы выбрались уже на безопасное мѣсто и могли сопротивляться, облака расползлись, и мы увидѣли турокъ, стягивающихся на сосѣдней вершинѣ. Замѣтивъ насъ, они открыли огонь, но мы не нашли нужнымъ отвѣчать на такомъ большомъ разстояніи и медленно отступали къ удобной позиціи. Вотъ здѣсь-то шальная пуля и задѣла меня за ногу, но ничего, —теперь рана почти зажила.

„Запасъ нашъ истощился, 8 человѣкъ было среди насъ раненыхъ; надо было переправить ихъ въ Болгарію, и вотъ мы рѣшили вернуться назадъ и 8 сентября перешли болгарскую границу“.

Я поблагодарилъ священника за разсказъ, пожалъ ему руку и, напутствуемый его благословеніями, отправился къ портному Ваневу, преотвратительно сдѣлавшему мнѣ мою обмундировку.

Когда проходимъ мимо военнаго клуба, меня вдругъ остановилъ господинъ среднихъ лѣтъ, довольно красивой наружности.

— Вы г. Борисъ Тагѣевъ?—спросилъ онъ.

— Я самый.

— Позвольте познакомиться, я запасный капитанъ Винаровъ, только что изъ С.-Петербурга, гдѣ кончилъ артиллерійскую академію.

Дѣйствительно, въ петлицѣ его пиджака красовался академическій значекъ. Я былъ очень радъ этому знакомству, такъ какъ г. Винаровъ прекрасно говорилъ по-русски.

Вышелъ онъ въ запасъ, такъ какъ велъ дѣло противъ бо гарскаго дипломатическаго агента въ С.-Петербургѣ, Станчев и, будучи офицеромъ, не могъ его закончить безъ ущерба д своей карьеры. Вообще г. Винаровъ оказался человѣкомъ бе покойнымъ, плохимъ товарищемъ и въ концѣ концовъ бы исключенъ верховнымъ комитетомъ изъ своихъ членовъ.

очень сожалѣлъ, что судьба меня столкнула съ этимъ господиномъ, но пока я былъ доволенъ, что имѣлъ собесѣдника и компаньона по путешествію до отряда Николова, такъ какъ Винаровъ тоже вдругъ рѣшилъ идти со мною въ отрядъ повстанцевъ.

Какъ я ни спѣшилъ, а выѣхать мнѣ въ назначенный день такъ и не удалось, пришлось отложить поѣздку на завтра, все что-нибудь да не успѣвалъ сдѣлать.

Забѣжалъ въ редакцію „Реформи" на площадь Словейково, чтобы сообщить редактору г. Галаганову, что поѣду завтра. Надо замѣтить, что газета „Реформи" представляетъ собою комитетскій органъ, а помѣщеніе редакціи служитъ сборнымъ пунктомъ комитета. Газета издается уже 4 года подъ руководствомъ опытнаго журналиста и въ высшей степени милаго человѣка Галаганова, всецѣло преданнаго своему дѣлу. Прежде она выходила ежедневно, затѣмъ 2 раза въ недѣлю, а теперь только одинъ разъ, по субботамъ.

Послѣднее обстоятельство явилось слѣдствіемъ того, что 31 января 1903 года болгарское правительство, желая затормозить ходъ возстанія въ Македоніи и подчиниться требованіямъ австрійской дипломатіи, произвело повальный арестъ всѣхъ членовъ комитета. Былъ арестованъ генералъ Цончевъ, Янковъ и другіе; одинъ подполковникъ Николовъ, во-время предупрежденный, успѣлъ спастись бѣгствомъ.

Однако не пощадила администрація и газеты. Редакція была запечатана, конфискованы машины въ типографіи, и все это до сего времени находится въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

Выпущенные подъ большіе денежные залоги изъ-подъ ареста, македонцы однако поспѣшили основать совершенно открыто новую редакцію и, напрягая слабыя денежныя средства, создали таки опять газету.

Теперь положеніе редакціи и вообще комитета въ Софіи совершенно безопасно, такъ какъ приняты мѣры для охраненія личностей и, какъ я уже упоминалъ раньше, правительство стало не на шутку опасаться повстанческихъ отрядовъ въ Софіи.

Ну, вотъ, зайдя въ редакцію, я засталъ Галаганова.

— Ѣдете?—пожимая мнѣ руку, спросилъ редакторъ.

— Ѣду, но завтра,—отвѣчалъ я.

— Завтра, такъ завтра. Ровно въ 5 часовъ я вышлю вамъ комитетскій фаэтонъ; смотрите, будьте къ этому времени готовы.

Я обѣщалъ и, откланявшись, пошелъ въ гостинницу „Балканъ“, этотъ повстанческій клубъ.

Здѣсь я встрѣтилъ Протогерова, который снабдилъ меня письмомъ къ своему другу, поручику Балтову, находящемуся тоже въ отрядѣ Николова, а также давалъ дѣльные совѣты, что̀ особенно необходимо изъ мелочей взять съ собою.

Тутъ же за столомъ я познакомился съ редакторомъ „Автономной Македоніи“ г. Караевовымъ и прелестнымъ комитетскимъ врачемъ докторомъ Владовымъ.

— Ахъ, вотъ что, Борисъ Леонидовичъ,—обратился ко мнѣ Протогеровъ,—позвольте вамъ представить студента 4-го курса Петра Кирова; онъ тоже ѣдетъ въ вашъ отрядъ, какъ повстанецъ, такъ возьмите его съ собою въ фаэтонъ, онъ васъ встрѣтитъ въ Княжевѣ.

Я пожалъ руку худому, средняго роста, юношѣ и, конечно, изъявилъ свое согласіе, объявивъ ему о часѣ нашего отъѣзда.

Публика въ „Балканъ“ все прибывала и прибывала. Пришелъ и докторъ Татарчевъ, предсѣдатель комитета внутренней организаціи, съ которымъ меня познакомилъ нѣсколько дней назадъ уѣхавшій въ С.-Петербургъ мой соотечественникъ г. Туръ.

Это высокій красавецъ, брюнетъ съ черной бородкой и мечтательно-томнымъ взглядомъ. Этотъ человѣкъ играетъ видную роль въ македонскомъ движеніи тѣмъ, что успѣлъ взять въ свои руки верховное управленіе дѣлами внутренней организаціи и является непримиримымъ врагомъ верховнаго комитета, тормозящаго дѣло. Въ началѣ 1903 года обѣ организаціи слились было въ одно цѣлое, но г. Татарчевъ, увидя превосходство комитета, испугался, что сама собою власть перейдетъ къ генералу Цончеву, и снова сдѣлалъ шагъ назадъ отъ сближенія съ комитетомъ.

Докторъ Татарчевъ сидитъ себѣ въ Софіи и якобы управляетъ возстаніемъ въ битольскомъ раіонѣ, а также снаряжаетъ четы изъ Софіи. Но это одни слова, такъ какъ читатели увидятъ, что большинство четъ внутренней организаціи, чувствуя несостоятельность своихъ неопытныхъ начальниковъ—сельскихъ учителей, сами переходили подъ команду офицеровъ верховнаго комитета. Расколъ между обѣими организаціями существуетъ, но лишь во внѣшнихъ административныхъ сферахъ и только со стороны главарей внутренней организаціи, такъ какъ генералъ Цончевъ всѣми силами ищетъ соединенія въ одно цѣлое всѣхъ повстанческихъ комитетовъ.

Уйди изъ дѣла докторъ Татарчевъ и Борисъ Сарафовъ, и

это соединеніе состоится, въ противномъ же случаѣ организаціи грозитъ еще третье подраздѣленіе на сарафовскую партію.

Разсмотримъ теперь въ нѣсколькихъ строкахъ личность доктора Татарчева.

Кончилъ онъ курсъ медицинскихъ наукъ въ Парижѣ и былъ докторомъ въ Солуни, гдѣ плѣнилъ красавицу—дочь греческаго консула. Интересный македонецъ-докторъ полюбилъ дѣвушку и рѣшился жениться на ней и вотъ, вопреки желанію родни дѣвицы, онъ увозитъ свою невѣсту въ Сербію и тамъ вѣнчается съ нею.

Ненавидящіе македонцевъ греки, озлобленные уже противъ Татарчева, родные его жены, только и ищутъ случая, чтобы погубить ненавистнаго доктора, и вотъ однажды на него поступаетъ доносъ солунскому губернатору о причастности его къ македонской революціи. Татарчева арестуютъ и держатъ въ тюрьмѣ 2 года.

Изъ темницы докторъ выходитъ съ ореоломъ мученика въ самый разгаръ дѣятельности комитета внутренней организаціи, бѣжитъ въ Софію и избирается предсѣдателемъ. Въ его распоряженіе поступаютъ огромныя суммы, взятыя за выкупъ американки миссъ Стонъ, и совокупно съ Борисомъ Сарафовымъ ведется агитація.

Правда, что Татарчевъ дѣйствуетъ безъ такой шумной рекламы, какъ Сарафовъ, но укажите мнѣ, что онъ дѣлаетъ? Въ чемъ сказывается его дѣятельность, на какомъ правѣ основаны его нынѣшнія требованія, чтобы верховный комитетъ съ Цончевымъ и Михайловскимъ во главѣ подчинились г. Татарчеву, благоденствующему въ Софіи и попавшему въ предсѣдатели лишь потому, что отсидѣлъ 2 года въ тюрьмѣ за любовь свою къ гречанкѣ. Развѣ потому онъ можетъ распоряжаться судьбами и жизнями сотенъ людей?

Г. Татарчевъ, быть можетъ, прекрасный докторъ,—не спорю но, какъ администраторъ и стратегъ, онъ никуда не годится,—это истина. Даже и финансовая часть въ его внутренней организаціи поставлена отвратительно. Четы внутренней организаціи обижаютъ населеніе и, не имѣя достаточныхъ средствъ, занимаются для пропитанія грабежомъ, за что и получили названіе „коцкари“, т. е. разбойники, и одно время сами же македонцы просили Цончева избавить ихъ отъ подобныхъ освободителей.

Совсѣмъ иное мы видимъ въ организаціи „верховнаго комитета“, гдѣ предсѣдатель Михайловскій. Авторитетный ораторъ,

онъ воодушевляюще дѣйствуетъ на народъ, лекціи его слушаютъ тысячи. Его побаивается и болгарское правительство, а книги и брошюры его о Македоніи въ нѣсколькихъ изданіяхъ распространяются по всему государству. Затѣмъ слѣдуетъ товарищъ его, нынѣ избранный предсѣдателемъ генералъ Цончевъ. Эта свѣтлая личность, мало того, что стоитъ во главѣ организаціи верховнаго комитета, но лично начальствуетъ отрядами, ведетъ общее направленіе кампаніи и самъ, наравнѣ съ простыми чиновниками, раздѣляетъ всѣ трудности похода, сражаясь рука объ руку съ повстанцами.

Я былъ въ походѣ съ генераломъ Цончевымъ, шелъ рядомъ съ этимъ героемъ и открыто могу сказать, что болѣе храбраго, самоотверженнаго и вдохновляющаго вождя я до сего времени не встрѣчалъ.

Цончевъ участвовалъ во многихъ бояхъ, былъ раненъ и только съ окончаніемъ похода вернулся въ Софію, скромно и незамѣтно, избѣгая овацій и встрѣчъ.

Въ дождливую, холодную погоду, измокшіе и проведшіе нѣсколько дней въ снѣгу, мы вернулись съ генераломъ въ сел. Рило, откуда инкогнито отправились въ Софію, куда и прибыли 16 октября.

Будь общее дѣло освобожденія въ рукахъ этого выдающагося генерала, уже стяжавшаго себѣ славу и во время русско-турецкой и сербско-болгарской войнъ, — Македонія не страдала бы болѣе.

Гг. Татарчевы, Борисы Сарафовы и ихъ сторонники, питающіеся средствами, жертвуемыми на освободительное дѣло,— вотъ главные виновники гибели македонскаго населенія, такъ какъ, заботясь о своихъ личныхъ интересахъ и соревнуя между собою изъ-за славы, они тормозятъ дѣло освобожденія, вселяя расколъ тамъ, гдѣ должна быть только одна солидарность.

Я пишу эти строки не какъ партизанъ, а какъ человѣкъ, ищущій правды и освѣщающій тотъ корень зла, который вросъ въ македонское освободительное дѣло. Мнѣ одинаково милы всѣ славяне и борцы за угнетенныхъ братьевъ, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы я не могъ наблюдать съ критической точки зрѣнія, кто изъ нихъ правъ, а кто виноватъ. Мнѣ, русскому, виднѣе со стороны, тѣмъ болѣе, что благодаря разнымъ случайностямъ, я имѣлъ возможность глубоко изучить современный македонскій вопросъ и близко ознакомиться съ его прошлымъ.

Я не вѣрилъ никому, я самъ вникалъ во все и, лично убѣ-

дившись, выводилъ свое резюмэ на основаніи долгихъ наблюденій и анализовъ.

Вотъ въ какомъ видѣ представляются мнѣ гг. Татарчевъ и Цончевъ. Первый желаетъ разыгрывать роль барина, не имѣя на то никакихъ правъ, и хочетъ, во что бы то ни стало, подчинить себѣ человѣка, безусловно необходимаго въ организаціи, какъ главнаго вождя, несмотря даже на то, если бы это стремленіе повлекло паденіе всего дѣла. Цончевъ же, напротивъ, долго уклонялся отъ принятія на себя главенствующей роли въ движеніи и до сего времени держится скромно и даже незамѣтно, пользуясь всеобщею любовью и уваженіемъ. Еслибы онъ увидѣлъ, что для пользы дѣла необходимы во главѣ гг. Татарчевы и Сарафовы, то нечего сомнѣваться, что этотъ честный воинъ ни на минуту не задумался бы встать подъ ихъ начальство; но въ томъ-то и дѣло, что всѣмъ ясенъ вредъ, приносимый этими господами освободительному дѣлу.

Еще одно лицо, съ которымъ я познакомился наканунѣ, былъ молодой подпоручикъ Настевъ, только что оправившійся отъ ранъ, полученныхъ имъ во время боя при сел. Бѣлицѣ, и проявившій чудеса храбрости во время атаки турецкаго лагеря. Съ небольшою четою Настевъ бросился на турокъ и подъ убійственнымъ огнемъ бомбами обратилъ въ бѣгство аскеръ, сдѣлавшись хозяиномъ всего лагеря. Раненый въ грудь еще во время прошлогодняго возстанія, когда былъ въ отрядѣ убитаго мичмана Саева, Настевъ подъ огнемъ хоронилъ этого героя и жестоко отплатилъ туркамъ за смерть своего друга.

Теперь онъ хромалъ, пуля повредила ему ступню, а осколками гранаты была попорчена роговая оболочка обоихъ глазъ, такъ что юноша почти потерялъ зрѣніе, но, слава Богу, оно у него въ настоящее время вполнѣ возстановилось, благодаря заботамъ доктора Владова.

Съ Настевымъ я встрѣтился въ фотографіи, гдѣ мы и снимались группой.

Но вотъ и еще одинъ герой, о которомъ я не могу не сказать нѣсколько восторженныхъ словъ, тѣмъ болѣе, что г. Бербенко (Кириловъ) почему-то счелъ нужнымъ замолчать о немъ въ „Новомъ Времени“.

Этотъ герой, признанный всѣми, начиная съ генерала Цончева и кончая простымъ четникомъ, тѣмъ болѣе интересенъ для насъ, что онъ нашъ русскій соотечественникъ, прибывшій сюда, какъ убѣжденный славянофилъ.

Этотъ юнакъ Ромуальдъ Григорьевичъ Пржевальскій, племянникъ знаменитаго нашего путешественника. Родился онъ

въ 1870 году въ Бѣлоруссіи (въ витебской губерніи). Отдаленный его предокъ былъ запорожскій казакъ, пожалованный за боевыя отличія въ польскіе дворяне знаменитымъ польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ.

Съ тѣхъ поръ родъ Пржевальскихъ, вслѣдствіе постоянныхъ родственныхъ связей съ польскою шляхтой, постепенно ополячился, почему Ромуальдъ Григорьевичъ и является полякомъ. Окончивъ витебскую гимназію, а затѣмъ с.-петербургскій университетъ, онъ занялся адвокатскою профессіей, сотрудничая въ нашихъ русскихъ изданіяхъ, какъ-то въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ „Руси" Гайдебурова, въ „Сынѣ Отечества", въ „Славянскомъ Вѣкѣ" и въ „Извѣстіяхъ Славянскаго Благотворительнаго Общества".

Его брошюра „Долой отжившіе девизы" была переведена и на польскій языкъ, такъ какъ авторъ въ ней ставитъ польскій вопросъ на общеславянскую основу. Какъ послѣдователь политической теоріи московскаго профессора Чичерина, Р. Г. Пржевальскій славянофилъ-федералистъ и, по принципу общеславянской солидарности, бросилъ свои работы въ С.-Петербургѣ и пріѣхалъ на Балканскій полуостровъ, чтобы принять участіе въ македонскомъ возстаніи.

Находясь въ разлогскомъ повстанческомъ отрядѣ, Пржевальскій участвовалъ въ славномъ дѣлѣ при Бѣлицѣ 19—20 августа, въ атакѣ на Семковскій постъ и въ сраженіи у Мехоміи (Разлогъ), гдѣ, находясь въ резервномъ отрядѣ генерала Цончева, былъ свидѣтелемъ-очевидцемъ турецкихъ звѣрствъ въ этомъ городѣ. Въ Бѣлицѣ и на Семковскомъ посту Пржевальскій дрался, какъ простой четникъ, будучи въ четѣ храбраго подпоручика Дмитра Заграфова, нынѣ находящагося со мною во время моей поѣздки по Европѣ въ качествѣ уполномоченнаго верховнымъ комитетомъ.

Эта чета находилась въ отрядѣ полковника Янкова.

Во время Семковскаго боя, когда послѣ ночныхъ турецкихъ залповъ съ поста чета разсѣялась, чтобы не вступать въ бой съ турками, такъ какъ при четѣ находилось множество обезоруженныхъ бѣженцевъ, Пржевальскій остался совершенно одинъ въ Балканскомъ лѣсу въ виду турецкаго поста и, переночевавъ здѣсь, утромъ сталъ пробираться на вершину, занятою четую.

Турки замѣтили ползущаго человѣка и открыли по немъ убійственный огонь. Полковникъ Янковъ разсказывалъ мнѣ, что положительно былъ увѣренъ въ гибели Пржевальскаго, но какимъ-то чудомъ онъ возвратился невредимымъ.

Прекомично разсказывалъ мнѣ объ этомъ дѣлѣ самъ Ромуальдъ Григорьевичъ.

— Поднялся я это часовъ въ 6,—уже начало свѣтать,—и вижу, что остался одинъ-одинешенекъ. Осмотрѣлся кругомъ, а недалеко отъ меня еще два четника. Потолковали мы, что дѣлать, да и рѣшили подниматься наверхъ, гдѣ предполагалась наша сегодняшняя позиція.

„Только это мы пополали, а турки-то съ поста давай насъ осыпать пулями, да какъ, словно изъ сита какого-то сыплются куршумы. Мои четники, смотрю, скатились кубаремъ внизъ одинъ за другимъ, а я напрягъ силы, да давай Богъ ноги наверхъ. Замѣтилъ, видишь, камень одинъ,—ну, думаю, скроюсь за нимъ и оттуда буду угощать изъ своего карабина эту сволочь. А по мнѣ, какъ по зайцу, палятъ. Весь въ поту, забывши уже объ опасности, я докарабкался до камня, перевелъ духъ, схватилъ винтовку, гляжу, а экстракторъ-то не дѣйствуетъ. Проклятый „коцкарь“ Тодоръ Благовъ, этотъ воевода внутренней организаціи, мало того, что самъ удралъ отъ боя, а мнѣ, русскому добровольцу, еще ружье подсунулъ съ изъяномъ. Я человѣкъ не военный, ружья не видалъ близко, гдѣ же мнѣ его сразу распознать, ну, и принялъ, какое есть.

„Помянулъ я крѣпкимъ словомъ этого идіота, радуясь, что попалъ, наконецъ, въ отрядъ верховнаго комитета, бросилъ винтовку, схватилъ свой наганъ, уложилъ его на упоръ и на 400 шаговъ началъ угощалъ турокъ, отвѣчая на ихъ рой пуль. Вѣришь ли, мой другъ, никогда я не думалъ, что смогу такъ прекрасно стрѣлять. Или опасность мнѣ помогла,—не знаю, только тѣ фески, что намѣревались спускаться внизъ, чтобы затѣмъ лѣзть ко мнѣ на мою крѣпость, или падали, или возвращались обратно.

„Тѣмъ временемъ стрѣльба все продолжалась, а полковникъ Янковъ послалъ мнѣ людей на помощь и началъ сраженіе. Воспользовавшись благопріятнымъ мгновеніемъ, я оставилъ закрытіе и благополучно добрался до своей четы.“

— Да,—прибавилъ Пржевальскій,—будь это не турки, а наши, изъ меня бы получилось хорошее рѣшето. Во много сотенъ патроновъ обошелся я турецкому султану, и все даромъ.

Какъ мнѣ говорилъ генералъ Цончевъ, Пржевальскій необыкновенно храбръ.

Такъ, однажды, осматривая позицію, генералъ увидѣлъ впереди нея подъ самымъ турецкимъ постомъ фигуру голаго человѣка, копошившагося около рѣчки.

— Кто это?—спросилъ Цончевъ, глядя въ бинокль.—Господа,

да это Пржевальскій, посмотрите, моется, а винтовку положилъ возлѣ себя. Вѣдь его турки разстрѣляютъ, какъ куропатку.

Послали человѣка, но пока тотъ еще спускался съ горы, турки открыли по храброму русаку огонь, а тотъ преспокойно одѣлся и сталъ возвращаться къ позиціи, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Что это вы, батенька, какъ рискуете?—спросилъ генералъ Пржевальскаго.—Вѣдь васъ могли укокошить, такъ невозможно.

— Эхъ, ваше превосходительство,—махнулъ рукою русскій четникъ,—я рѣшилъ ужъ лучше помереть, чѣмъ не воспользоваться водицей, вши заѣли до полусмерти, вѣдь мѣсяцъ не раздѣвался, а отъ нихъ безпокойства хуже, чѣмъ отъ турецкихъ пуль.

Вотъ каковъ одинъ изъ моихъ боевыхъ друзей, прибывшій сюда изъ матушки Россіи.

Въ 4 часа Винаровъ, Бербенко и я были въ сборѣ, и къ крыльцу дома подкатилъ фаэтонъ, запряженный четырьмя конями. Возница, вѣрный комитетскій человѣкъ, долженъ былъ насъ доставить въ Дупницу, откуда уже спеціальный делегатъ организаціи Иліевъ направитъ меня и Винарова дальше, такъ какъ врядъ ли Бербенко посвятятъ въ глубочайшую тайну комитета, въ мѣстонахожденіе отряда.

Мы простились съ провожающими насъ друзьями и четверка коней понесла насъ по заднимъ улицамъ Софіи.

Увижу ли я вновь эти чистенькіе домики и пеструю толпу шоповъ [1]), любопытно посматривающихъ на нашъ нагруженный экипажъ.

Но вотъ и Софія осталась позади и какъ бы вся ушла въ зелень окружающихъ садовъ. Справа величественно подымается темный Витошъ, слѣва ряды невысокихъ горъ. Вотъ и лагерь,— группа солдатъ въ бѣлыхъ сапогахъ бѣгаетъ, пробуя и разминая новую обувь. Это все запасные 12 и 13 призыва, получаютъ одежду изъ неприкосновеннаго запаса. Болгарская армія быстро мобилизуется и приводится въ военное положеніе,— повсемѣстно идутъ приготовленія къ войнѣ и войска стягиваются къ границѣ.

Какой благопріятный моментъ для нападенія на Турцію, армія которой положительно деморализирована въ настоящее

[1]) Населеніе Софіи называется шопи. Еще подъ турецкимъ игомъ они съ палками въ рукахъ (сопи) двинулись на Царьградъ.

Народъ здоровый и рослый, особенно шопки, удивительно крѣпкаго сложенія, крупныя, съ богатыми формами, любо смотрѣть.

время. Неужели болгарское правительство не воспользуется этимъ случаемъ, а пропуститъ моментъ, думаю я, это было бы равносильно предательству.

Приближаемся къ живописному мѣстечку Княжеву, куда князь Фердинандъ ѣздитъ постоянно на охоту. Красивый лѣсъ раскинулся по откосамъ горъ, а въ дефиле пріютилось небольшое село. Здѣсь же пивоваренные заводы съ садами, гдѣ играетъ по праздникамъ музыка и цѣлыя толпы софійскихъ жителей съѣзжаются, благодаря электрическому трамваю, пить пиво и заѣдать его пряными кэбабчи, т. е. изжаренными на вертелѣ почками, печенками молодыхъ барашковъ и особенными, очень ароматическими сосисками.

Здѣсь, нѣсколько дней назадъ, я сидѣлъ и пилъ пиво со своими друзьями, болгарскими офицерами, и ходилъ осматривать питомникъ фазановъ для княжеской охоты. Въ Княжевѣ также находится школа запасныхъ подпоручиковъ.

Надо замѣтить, что въ Болгаріи нѣтъ вольноопредѣляющихся въ томъ смыслѣ, какъ у насъ, а молодые люди съ среднимъ и высшимъ образованіемъ прямо поступаютъ въ эту школу и, по окончаніи ея, выпускаются запасными подпоручиками. Въ отличіе отъ прочихъ нижнихъ чиновъ они носятъ вокругъ погонъ нашъ трехцвѣтный шнуръ. Желающій же служить на военной службѣ въ офицерскихъ чинахъ долженъ, по окончаніи этой школы, держать вмѣстѣ съ юнкерами выпускной экзаменъ при военномъ училищѣ.

Но нынѣшній военный министръ Савовъ не поощряетъ этого и не очень долюбливаетъ въ строю офицеровъ, не окончившихъ полнаго курса военнаго училища.

Въ Княжевѣ насъ встрѣтили офицеры, а также и Настевъ, и мы роспили прощальную кружку пива. Хорошо оно въ Болгаріи, это пиво, нѣжное и вкусное, гораздо лучше нашихъ дурдинскихъ и калинкинскихъ микстуръ.

Тутъ же я узналъ, что въ войскахъ опять объявилось нѣсколько случаевъ побѣга солдатъ въ ряды повстанцевъ. Бѣгутъ всѣ македонцы и нѣкоторые уносятъ съ собою оружіе. Пропало множество винтовокъ.

Одинъ оружейный мастеръ, македонецъ, преданъ военному суду за то, что везъ 60 казенныхъ винтовокъ и по пути передалъ ихъ высланнымъ отъ комитета людямъ. По прибытіи въ полкъ онъ заявилъ, что ружья по дорогѣ были украдены. Этотъ мастеръ жестоко поплатится за свой поступокъ, но развѣ это не геройскій подвигъ съ его стороны, въ то время, когда въ комитетѣ каждая магазинка цѣнится чуть ли не на вѣсъ

золота. И вдругъ 60 ружей,—это такая услуга, которую Македонія не забудетъ герою мастеру, теперь томящемуся въ тюрьмѣ.

Всюду и вездѣ на каждомъ шагу самоотверженность, всюду безкорыстная жертва, начиная съ положенія, кончая жизнью. Развѣ это не достойный лавровъ подвигъ, когда нѣсколько дней назадъ около Кратова чета была окружена турками, надо было пробиться сквозь нихъ, и вотъ македонецъ Стонча Цвѣтковъ съ зажженными бомбами въ рукахъ бросается одинъ къ туркамъ и, швырнувъ ихъ въ толпу, самъ погибаетъ съ ними вмѣстѣ, а чета прорывается сквозь разстроенную турецкую массу.

И сколько, сколько подобныхъ примѣровъ можно привести изъ боевой дѣятельности повстанцевъ!

Но изъ-за чего все это дѣлается? Наградъ, кромѣ чернаго деревяннаго креста, ожидать никто не можетъ, да и этотъ памятникъ не каждому повстанцу достанется въ удѣлъ. Существованіе самое безотрадное; именно-то здѣсь, кромѣ холода, голода и невзгодъ, ни офицеры, ни четники ничего другого не найдутъ. Что же влечетъ такую массу героевъ на служеніе тяжелому македонскому дѣлу?

Любовь къ родинѣ, жажда освобожденія отъ турецкаго гнета и вѣра во Христа, поруганная и уничтожаемая жрецами всерастлѣвающаго корана. Вотъ, что придаетъ гигантскую силу славнымъ борцамъ.

Только что собрались мы садиться въ экипажъ, какъ ко мнѣ подошелъ прекомичнаго вида господинъ. На немъ былъ повстанческій коричневаго цвѣта костюмъ съ зелеными кантами, на ногахъ войлочныя наушта (краги) и опинци (кожаные башмаки), а на головѣ спортсменскій каскетъ. Онъ стоялъ и улыбался, глядя на меня въ упоръ.

Я окинулъ этого человѣка съ головы до ногъ и не могъ не улыбнуться, до такой степени онъ былъ неуклюжъ въ этомъ своемъ одѣяніи.

— Вы меня не узнали, г. Тагѣевъ?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—кто вы такой?

— Я студентъ Петръ Кировъ, возстанникъ, котораго вам за обѣдомъ въ „Балканѣ“ отрекомендовалъ г. Протогеровъ.

— Извините, я васъ совершенно не узналъ, такъ вы измѣнились въ этомъ костюмѣ.

— И какого чорта ты нарядился чуть ли не въ Софіи? грубо вмѣшался въ разговоръ Винаровъ, обращаясь къ сту

денту,—иди впередъ пѣшкомъ и за Княжевымъ ожидай нашего экипажа, а то долго ли, чтобы и тебя, и насъ задержали стражаре.

Мнѣ даже показалось обиднымъ за тонъ Винарова и я сдѣлалъ ему по поводу этого замѣчаніе, а студентъ преравнодушно выслушалъ капитанскій выговоръ и побрелъ себѣ впередъ.

Мы тронулись дальше.

Погода стояла чудная, ясная, но ночь обѣщала быть холодной, ибо съ горъ потянулъ очень свѣжій вѣтерокъ. Я досталъ изъ кузова свое форменное офицерское пальто и закутался въ него.

Однако, думалъ я, если уже здѣсь пронизываетъ до костей холодомъ, то что же будетъ тамъ, на Балканахъ? Но надежда на плотную одежду и толстыя шерстяныя фуфайки придавала мнѣ бодрости. Вѣдь на Памирахъ тоже было холодно и тяжело, а ходилъ же, слава Богу.

Но тутъ же возникало сознаніе, что то было цѣлыхъ 11 лѣтъ тому назадъ, когда и силъ, и энергіи было побольше, да и жизнь еще потрепать не успѣла, а теперь все-же организмъ подточенъ проклятымъ червемъ времени.

Мы выѣхали за Княжево и стали втягиваться въ дефиле Владая, гдѣ насъ ожидалъ нашъ студентъ, котораго мы окрестили прозвищемъ „возстанникъ". Онъ охотно согласился сѣсть рядомъ съ возницей, и мы тронулись дальше. Сумерки уже совершенно спустились на землю и мрачное ущелье совершенно утонуло во тьмѣ.

Вдругъ впереди насъ показались два фонаря и почти надъ нашими головами съ правой стороны вдоль отвѣсной скалы, по высокой насыпи, пыхтя и громыхая колесами, пронесся поѣздъ.

— Откуда это идетъ линія?—спросилъ я Винарова.

— Это изъ Радоміра въ Софію.

— Такъ почему же мы не воспользовались этимъ путемъ?—удивился я.—Вѣдь отъ Радоміра до Дуйницы всего, кажется 4 или 5 часовъ ѣзды.

— А потому,—отвѣчалъ Винаровъ,—что на станціяхъ же-..ѣзной дороги строго слѣдятъ за всѣми, кто только собирается ..правиться въ четы,—вѣдь развѣ вамъ неизвѣстно, что наше ..авительство всѣми мѣрами препятствуетъ развитію возстанія .. всѣ возстанцы, согласно закона 1896 года, изданнаго при ..оиловѣ, преслѣдуются наравнѣ съ простыми разбойниками?

— Позвольте, это что-то несуразное. Какъ же такъ? Всюду

я въ Болгаріи только и слышу: „да здравствуетъ Македонія", а тутъ на тебѣ вотъ: люди, которые идутъ защищать вѣру и своихъ братій, преслѣдуются наравнѣ съ ворами, грабителями?

— Ну, вотъ увидите сами,—сказалъ Винаровъ,—наше правительство, само начавши въ 1895 году возстаніе и организовавши даже четы, теперь ихъ преслѣдуетъ, да еще какъ! Видите, мы даже въ формѣ не смѣемъ ѣхать и пробираемся какъ воры какіе-то, къ сборному пункту отряда.

„Наше правительство больше боится македонцевъ, чѣмъ турокъ, такъ какъ оно хорошо понимаетъ, что македонцы никогда ни послѣдуютъ примѣру восточно-румелійцевъ, а жаждутъ самостоятельнаго бытія. Вотъ наше-то правительство и понимаетъ, что, управившись съ турками, оно принуждено будетъ подавлять новую революцію въ Македоніи противъ себя и если не сейчасъ, то въ непродолжительномъ будущемъ. Такъ пусть же ослабѣетъ македонскій элементъ подъ турецкими ятаганами и будетъ менѣе страшенъ въ этомъ отношеніи,—вотъ главный принципъ Рачо Петрова и большинства нашихъ министровъ.

Мы приближались къ оврагу Голаго Бордо, на днѣ котораго раскинулась болгарская деревушка, а вдали справа держалось огромное зарево.

— Никакъ пожаръ, да еще какой сильный!—воскликнулъ я.

— О, нѣтъ,—успокоилъ меня Винаровъ,—это горятъ постоянно каменноугольныя копи Перникъ; онѣ расположены почти возлѣ самой радоміро-софійской желѣзной дороги; одна изъ минъ загорѣлась отъ солнца и уже много лѣтъ безостановочно горитъ.

Тутъ я замѣтилъ цѣлую массу электрическихъ фонарей недалеко отъ виднѣвшагося огненнаго снопа, подтверждавшихъ слова капитана, что здѣсь долженъ былъ быть какой-нибудь заводъ.

Огромный дискъ золотистой луны медленно выплывалъ изъ-за чернаго силуэта мощнаго Витоша и серебрилъ каменистое шоссе, по которому уже въ гору тащился нашъ фаэтонъ.

Мы сошли на землю и направились впередъ пѣшкомъ.

Миновавъ Голый Бордо и спустившись съ крутого откоса, мы въѣхали на довольно плоскою равнину и передъ моими глазами, какъ гигантская черная куча, выросла горная громада.

— Это и есть планина (гора) Рила,—пояснилъ мнѣ студентъ.—Посмотрите, видите, словно костры по всей горѣ?

— Вижу.

— А знаете, что это горятъ лѣса по всей планинѣ? Подлецы турки выжигаютъ все, что только возможно, чтобы повстанческія четы не могли укрываться въ лѣсахъ. А какіе лѣса гибнутъ—ужасъ!—вздохнулъ студентъ.

Мы снова сѣли въ фаэтонъ и въѣхали въ небольшую болгарскую деревушку Кранецъ.

Въ небольшой горницѣ постоялаго двора за столомъ расположилась наша компанія и къ ней присоединился молодой народный учитель, а также нѣсколько поселянъ.

Появилось изъ погребца евксиноградское вино и мы принялись закусывать незатѣйливыми блюдами вродѣ творожнаго сыру и винограда, который здѣсь повсемѣстно превосходный.

Сейчасъ же затѣялся разговоръ между Винаровымъ и учителемъ на тему о предстоящихъ выборахъ. Учитель оказался изъ партіи соціалистовъ и отрицалъ все существующее въ Болгаріи, ругалъ и князя, и министровъ, порицалъ и повстанцевъ, ну, словомъ, все, что только было на свѣтѣ, почему я и заключилъ, что у этого господина, вѣроятно, больной желудокъ.

Населеніе, повидимому, сильно настроено уже противъ оппозиціи и врядъ ли послѣдняя возьметъ верхъ на предстоящихъ выборахъ. Всѣ присутствовавшіе, кромѣ соціалиста-учителя, были ярые стамбуловцы; самъ хозяинъ тоже признавалъ себя таковымъ же, но это не мѣшало, чтобы вся хата была украшена портретами русскихъ государей и даже картиной, на которой изображено священное коронованіе благополучно царствующаго Государя Императора Николая II.

Я повелъ разговоръ на тему объ освобожденіи Македоніи, и въ концѣ концовъ мои стамбуловцы съ умиленіемъ качали головами и приговаривали: „да безъ Россіи ничего не сдѣлать, наша освободителка не оставитъ и македонцевъ".

Гдѣ же въ Болгаріи настоящій стамбулизмъ среди народа?— нѣтъ его. Болгары всѣ руссофилы и любятъ Россію, вѣруютъ въ нее и надѣются только на свою великую покровительницу.

Свѣтало, когда мы приближались къ Дупницѣ, надъ горою Рило держался густой дымъ отъ горящаго лѣса, въ воздухѣ было сыро и холодно, и вотъ, гремя бубенцами, нашъ фаэтонъ въѣхалъ въ совершенно турецкаго типа городокъ, лежащій въ глубокой котловинѣ и вполнѣ оправдывающій свое названіе Дупницы, т. е. расположеннаго въ ямѣ.

Борисъ Тагѣевъ.

ЖУРНАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

I.

Настоящему журнальному обозрѣнію приходится имѣть дѣло съ окончаніемъ только что минувшаго года. Послѣднія въ году книжки современныхъ журналовъ носятъ на себѣ слѣды нѣкотораго утомленія. Какъ будто редакціи спѣшатъ покончить съ истекающимъ годомъ и начать работу съизнова въ наступающемъ году.

Обращая взглядъ назадъ и припоминая все данное нашими журналами въ теченіе 1903 года, приходимъ къ неутѣшительному выводу. Остановиться, сосредоточиться на какомъ-либо выдающемся произведеніи нельзя, такъ какъ такого произведенія не было. Старые журналы„—Вѣстникъ Европы", „Русская Мысль" и не молодые журналы—„Русское Богатство", „Міръ Божій" продолжали свое мнимо-либеральное прозябаніе. Они тянули старую, давно пріѣвшуюся, да и съ перваго начала не отличавшуюся мелодичностью, пѣснь. Оригинальное есть развѣ только въ „Русской Мысли", которая подъ такимъ заглавіемъ даетъ преимущественно переводный матеріалъ, да и тотъ средняго достоинства. Нигдѣ такъ ярко не выясняется разница между „быть" и „казаться", какъ въ этомъ ежемѣсячникѣ г. Вукола Лаврова. Въ журналѣ нѣтъ вовсе ничего русскаго, такъ какъ и сѣренькій либерализмъ В. А. Гольцева, и болтливые романы П. Д. Боборыкина тоже не русскаго, а иностраннаго производства, какъ и переводный матеріалъ, а журналъ зовется „Русскою Мыслью". Въ журналѣ не болѣе страницъ, чѣмъ въ другихъ ежемѣсячникахъ, но его плохая бумага какъ-то особенно мочится, а номера какъ-то особенно сшиваются, такъ что, увидавъ книжку, невольно подумаешь: „Ишь, какая здоровая, толстая". По изслѣдованію же оказывается, что это вовсе не здоровая полнота крѣпкаго организма, а болѣзненные отеки страдающаго водянкой существа.

За минувшій годъ выдѣлился, какъ дѣйствительная новинка, одинъ только ежемѣсячникъ, въ 1903 году и народившійся. Это —

журналъ „Новый Путь“. Его необходимо отмѣтить, какъ очень странное событіе журнальной жизни. Говоря о событіяхъ истекшаго года, обозрѣватель долженъ упомянуть не только о радостныхъ и счастливыхъ явленіяхъ, но и о прискорбныхъ и печальныхъ. Голодовки, эпидеміи, пожары тоже должны входить въ лѣтописи. Съ этой точки зрѣнія упоминаемъ и мы вновь о „Новомъ Пути“, которому посвящали не разъ наши обозрѣнія. Въ журнальномъ мірѣ это явленіе столь же неотрадное, какъ чума и холера въ физической жизни населенія. Возможность появленія такого журнала доказываетъ глубокое паденіе нравственнаго уровня и чувства изящества въ читающей публикѣ. Продолженіе существованія журнала и его укрѣпленіе докажетъ, что общество серьезно нездорово. Въ здоровомъ обществѣ такой журналъ не пошелъ бы далѣе первой книжки. Онъ палъ бы подъ гнетомъ общественнаго пренебреженія. У насъ же первыя три книжки „Новаго Пути“ печатались вторымъ изданіемъ. Наступившій годъ покажетъ, случайнымъ ли неприличіемъ было появленіе этого журнала, или именно это-то порнографическое и богохульное издѣвательство и нравится современному читателю, отвернувшемуся отъ здраваго смысла и отъ истинныхъ, достойныхъ человѣка, идеаловъ.

II.

Декабрьская книжка „Вѣстника Европы“ даетъ интересную статью А. Ѳ. Кони о Ѳедорѣ Петровичѣ Гаазѣ, по новымъ матеріаламъ. Знаменитый московскій докторъ-филантропъ Ѳ. П. Гаазъ за предѣлами Москвы былъ совершенно забытъ, когда А. Ѳ. Кони семь лѣтъ назадъ, на страницахъ того же „Вѣстника Европы“, возродилъ симпатичный обликъ Гааза, этого неослабнаго печальн ка объ обездоленныхъ и преступныхъ. Гаазъ, какъ врачъ и какъ членъ комитета попечительнаго о тюрьмахъ общества, принесъ всю возможную пользу въ первой половинѣ XIX вѣка въ тюремномъ вопросѣ. Вѣчный холостякъ, дѣвственникъ, человѣкъ неизсякаемой доброты, Ѳ. П. Гаазъ, при всемъ чудачествѣ своего внѣшняго вида, былъ глубоко чтимъ всѣми знавшими его. Монографія А. Ѳ. Кони объ этомъ истинномъ христіанинѣ читалась съ жадностью и въ журналѣ, и въ отдѣльномъ изданіи. Новые матеріалы, нынѣ даваемые г. Кони, мало прибавляютъ къ установленной уже характеристикѣ самого Гааза, но они обрисовываютъ его эпоху и многихъ лицъ того времени, стоявшихъ въ главѣ умственнаго его движенія.

Въ 1839 г. Гаазъ былъ, вслѣдствіе жалобъ мѣстнаго московскаго начальства и нареканій главнаго начальника пересыльной части генерала Капцевича, послѣ дознанія объ его „утрированной филантро-

пія", удаленъ отъ завѣдыванія освидѣтельствованіемъ ссыльныхъ. Въ тѣ времена весь порядокъ пересылки ссылаемыхъ представлялъ изъ себя нѣчто изъ ряду вонъ выходящее по ужасу и жестокости. Гаазъ, при посредствѣ своихъ доброты и энергіи, немало смягчалъ тяжелую участь ссыльныхъ. Удаленіе Гааза отъ освидѣтельствованія ссыльныхъ не лишило его званія члена тюремнаго комитета, и онъ, хотя и обиженный оказанною ему несправедливостью, продолжалъ, какъ членъ комитета, посѣщать всѣ тюрьмы Москвы, а слѣдовательно, и пересыльный замокъ.

Гаазъ, —пишетъ г. Кони, —устраненный отъ любимаго дѣла и иногда терпимый около него лишь *изъ милости*, своимъ примѣромъ, личностью и характеромъ оказывалъ неотразимое и плодотворное вліяніе на окружающихъ. Вокругъ него и за нимъ являлись убѣжденные и стойкіе послѣдователи. Болѣе его сдержанные въ выраженіи своего негодованія на пучину злого бездушія, съ которымъ приходилось имѣть дѣло,— менѣе рѣзкіе и рѣшительные въ выраженіи своего умиленія и сострадания, они однако твердо шли по пути, указанному „юродивымъ Гаазомъ" въ тѣ періоды его жизни, когда представителямъ начала «все обстоитъ благополучно» удавалось на время «обуздать» безпокойнаго старика. Къ такимъ послѣдователямъ и союзникамъ принадлежали Львовъ и А. И. Тургеневъ.

А. Ѳ. Кони даетъ характеристику А. И. Тургенева. Это былъ одинъ изъ свѣтлыхъ умовъ своего времени, другъ Пушкина, Вяземскаго. А. И. Тургеневу выпала грустная честь сопровождать, по волѣ императора Николая I, прахъ Пушкина изъ Петербурга въ псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь.

Студентъ геттингенскаго университета и затѣмъ блестящій, свѣтскій молодой человѣкъ,—говоритъ г. Кони,—Александръ Ивановичъ Тургеневъ дѣлалъ быстрые и успѣшные шаги по службѣ. Двадцати пяти лѣтъ онъ уже былъ директоромъ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій въ министерствѣ князя А. Н. Голицына и помощникомъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта. Паденіе князя А. Н. Голицына въ 1824 году, вслѣдствіе предательства Магницкаго и настояній одинаково знаменитыхъ Фотія и Аракчеева,—повлекло за собою увольненіе Тургенева, который остался лишь членомъ коммиссіи составленія законовъ. Затѣмъ противъ брата его, Николая Ивановича, возникло обвиненіе въ участіи въ заговорѣ 14 декабря 1825. Хотя нынѣ едва ли могутъ подлежать сомнѣнію какъ неправильность этого обвиненія, такъ и поспѣшность и необдуманность выводовъ послѣдовавшаго за нимъ заочнаго приговора Верховнаго суда, присудившаго Николая Тургенева къ смертной казни,—но Александръ Тургеневъ не счелъ возможнымъ остаться и въ послѣдней должности. Вся дальнѣйшая его жизнь была затѣмъ посвящена хлопотамъ о предоставленіи брату возможности оправдаться,—заботамъ о сохраненіи ему, «умершему политическою смертью», средствъ къ существованію на чужбинѣ и настойчивому разъясненію имущимъ власть и вліяніе въ обществѣ невиновности человѣка, съ которымъ, независимо родства, его связывали

чувства глубокаго уваженія и симпатіи, а также воспоминанія о счастливой порѣ одушевленнаго составленія, общими силами, проекта „закона о пресѣченіи продажи крестьянъ порознь и безъ земли". Оставивъ тяжелый для него, какъ для брата «декабриста», Петербургъ, онъ поступилъ, нѣсколько лѣтъ спустя, на службу при московскомъ генералъ-губернаторѣ князѣ Д. В. Голицынѣ. Служба была въ сущности номинальная и не препятствовала частымъ поѣздкамъ его за границу, для свиданій съ братомъ и для работъ въ иностранныхъ архивахъ. Въ періоды проживанія въ Москвѣ, отдавая почти всю жизнь своему, по выраженію Свербеева, «милому изгнаннику», лишая себя для него необходимыхъ удобствъ и терпя матеріальныя лишенія, Александръ Тургеневъ находилъ утѣшеніе въ заботахъ объ арестантахъ, по примѣру Гааза, о которомъ говоритъ въ своихъ письмахъ съ чувствомъ глубокаго и нѣжнаго почтенія.

«Одно для меня разсѣяніе,—писалъ онъ князю Вяземскому въ 1840 году,—тюремный замокъ и архивъ».—«Гаазъ, котораго ничѣмъ не могли удержать отъ благодѣтельныхъ для ссыльныхъ посѣщеній тюрьмы,—писалъ Тургеневъ въ томъ же году,—увѣрялъ меня, что полиціймейстеръ Миллеръ человѣколюбивѣе другихъ: суди по этому о прочихъ»... Поставленный, по своему чину тайнаго совѣтника и по старинной родовитости, въ болѣе близкія отношенія къ вліятельнымъ въ Москвѣ людямъ, Тургеневъ пользовался этимъ, чтобы относиться къ нимъ непосредственно въ тѣхъ случаяхъ, когда бѣдному Гаазу приходилось обращаться съ просьбами къ комитету, грозя его членамъ „осужденіемъ, которое Евангеліе произноситъ за слабое усердіе, которое комитетъ оказываетъ въ попеченіи о благосостояніи ссыльныхъ".

«Я получилъ твое письмо,—писалъ Тургеневъ въ 1842 году князю Вяземскому,—вернувшись изъ канцеляріи гражданскаго губернатора, гдѣ, наконецъ, успѣлъ открыть документъ полицейскій, что мой protégé съ Воробьевыхъ горъ (т.-е. изъ пересыльной тюрьмы) былъ отданъ въ рекруты фальшиво. О немъ сказано, что онъ безъ отца и матери, а *отецъ ежедневно у меня и плачетъ по сынѣ*. Авось спасемъ! Если бы было *еще десять Гаазовъ*, то и ихъ недостало бы для однѣхъ Воробьевыхъ горъ въ Воскресенье. *Онъ, Гаазъ, еще на дняхъ спасъ два семейства*; мнѣ же ничего или мало удается». Въ это же время возникла между Тургеневымъ и княземъ Вяземскимъ довольно ѣдкая переписка, показывающая, до какой степени разошлись между собою внутренно эти старые друзья, взгляды и убѣжденія которыхъ почти по всѣмъ вопросамъ личной и общественной жизни сливались въ гармоническіе аккорды въ двадцатыхъ и первой половинѣ тридцатыхъ годовъ.

Поводомъ къ упомянутой перепискѣ послужила горячая статья Тургенева о дѣятельности капитана Мэконоши, предназначавшаяся для напечатанія въ плетневскомъ «Современникѣ». Мэконоши былъ однимъ изъ замѣчательныхъ, по широтѣ задачъ и личной энергіи, работниковъ на поприщѣ усовершенствованія обращенія съ преступниками. Его имя становится извѣстнымъ съ начала сороковыхъ годовъ, когда, сдѣланный начальникомъ штрафного поселенія «неисправимыхъ» преступниковъ на островѣ Норфолькѣ, онъ задумалъ, на ряду съ началами строжайшаго повиновенія, призвать къ дѣятельности лучшія стороны человѣческой природы, никогда не угасающія, но лишь дремлющія, по его мнѣнію, въ каждомъ человѣкѣ, какъ бы низко онъ ни палъ. Ему

пришлось имѣть дѣло почти съ полутора тысячами закоренѣлыхъ злодѣевъ, уже совершившихъ на мѣстѣ обычной ссылки, въ Ботани-бе̂ѣ, въ Австраліи, какое-нибудь новое, серьезное преступленіе и доставленныхъ на островъ Норфолькъ, причемъ, во время пребыванія ихъ на кораблѣ, какъ видно изъ изслѣдованія Уильяма Тэллока, обращеніе съ ними было верхомъ жестокости. Отсутствіе школъ и какого-либо религіознаго назиданія или утѣшенія, непрерывный, сопровождаемый бранью трудъ, съ угрозою и осуществленіемъ разрушающихъ всякое самоуваженіе побоевъ и тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній, съ ночлегомъ въ тѣсныхъ загонахъ, которымъ не позавидовали бы и животныя,—дѣлало изъ этихъ сосланныхъ, по выраженію Мэконоши, «собраніе дьяволовъ». Новый начальникъ поселенія былъ чуждъ сентиментальности и умѣлъ быть очень строгимъ тамъ, гдѣ это было неизбѣжно,—но онъ никогда не упускалъ изъ виду, что имѣетъ дѣло съ людьми, изъ которыхъ не было основанія никого признать совершенно неспособнымъ къ исправленію. «Я не пренебрегалъ наказаніемъ,—говорилъ о себѣ, между прочимъ, Мэконоши,—моя система была основана не на слабости или потачкѣ, но я старался дѣйствовать за-одно съ природою человѣка, а не противъ нея, какъ это дѣлается въ другихъ тюрьмахъ; направляя и возбуждая стремленіе къ улучшенію своего положенія, свойственное каждому человѣку, я старался устроить такъ, чтобы судьба каждаго арестанта, насколько возможно, была въ собственныхъ его рукахъ. Сущность моихъ мѣръ состояла въ возбужденіи въ арестантахъ самоуваженія, склоненіи ихъ воли къ самоисправленію, во внушеніи моимъ помощникамъ лучшихъ и болѣе просвѣщенныхъ чувствъ, въ устройствѣ церквей и школъ, въ неутомимости въ совѣтахъ и увѣщаніяхъ и, наконецъ, въ выказываніи людямъ довѣрія, которое и я, въ свою очередь, старался заслужить».

А. И. Тургеневъ просилъ князя Петра Андреевича Вяземскаго „пристроить его статью о Мэконоши въ „Современникъ“. Вяземскій взялся исполнить порученіе своего друга но въ письмѣ къ нему отъ октября 1842 года, не скрылъ отъ А. И. Тургенева своихъ взглядовъ на вещи.

«Я совершенно согласенъ съ лордомъ Джономъ Русселемъ,—писалъ онъ, между прочимъ,—и на его мѣстѣ также приказалъ бы уволить филантропа-капитана (Мэконоши былъ уволенъ отъ должности по распоряженію центральнаго правительства). У него умъ за разумъ или сердце за разумъ зашло. Не надобно пересаливать, но не хорошо и пересахаривать. Всѣ эти тюремные концерты, спектакли и иллюминаціи никуда не годятся. Какъ ни говори, а тюрьма должна быть пугаломъ. и если не адомъ безнадежнымъ, то, по крайней мѣрѣ, строгимъ чистилищемъ. Будь тюрьма мѣсто злачное и привольное, гдѣ и сытно, и весело, то честнымъ бѣднякамъ, несущимъ смиренно и терпѣли бремя и крестъ нищеты и нуждъ, придется завидовать преступникам Еслибы концерты и спектакли служили училищемъ нравственности, спроси у своего капитана, отчего такъ часто честные люди возвращаются домой изъ спектакля безъ носовыхъ платковъ, часовъ и карманныхъ книжекъ? Такими увеселяющими средствами и развлеченія лечатъ иногда безумныхъ и то не всѣхъ; но если подвести преступ

ніе подъ статью: болѣзнь и безуміе,—то это заведетъ слишкомъ далеко. Все, чего вправѣ требовать благоразуміе и обдуманное человѣколюбіе отъ тюремнаго содержанія и правленія (régime), есть то, чтобы въ тюрьмѣ не портилось здоровье и не перепорчивалась уже испорченная нравственность. Все излишнее кажется мнѣ вреднымъ умничаньемъ и вредною филантропоманіей. Заводить въ тюрьмахъ школы нравственности есть несбыточное требованіе. Заводите ихъ внѣ тюрьмы и до тюрьмы, а тутъ уже поздно... Цѣню и хвалю побужденіе, которое руководствовало капитаномъ и другими капитанами и *тайными совѣтниками* въ подобныхъ предпріятіяхъ и въ подобномъ образѣ мыслей, но говорю, что эти капитаны и тайные совѣтники—люди непрактическіе и лунатики, умозрители, и что, по ложному направленію ума и ложному состраданію, они готовы щадить и холить преступниковъ и губить общество. Прекрасное, святое дѣло отстаивать права меньшихъ братьевъ и слабыхъ противъ старшихъ и сильныхъ, но нужно ясно опредѣлить, кто слабый и кто сильный, кто притѣснитель и кто жертва. Я говорю, что въ этомъ случаѣ сильный и притѣснитель, настоящій Каинъ, есть тотъ самый Ванька Каинъ, о которомъ вы исключительно хлопочете; а жертва, беззащитный Авель, есть общество... Всѣ эти концерты и спектакли и театральныя представленія на Воробьевыхъ горахъ—вздоры и вздоры. Добро не такъ и не тутъ дѣлается... «Возвращаясь къ твоему капитану, утверждаю, что *наказаніе* нужно и *устрашеніе* нужно, кто что ни говори и какъ ни мудрствуй. И самъ Богъ ничего другого не пріискалъ, а доказательство тому — *потопъ*... Если у тебя есть время и деньги и теплыя слезы на добрыя дѣла, на уврачеваніе язвъ, то найдешь много случаевъ и много мѣстъ для утоленія твоей христолюбивой жажды и безъ Воробьевыхъ горъ. Тутъ какое добро можешь ты сдѣлать? Раздать нѣсколько рублей, которые, не во гнѣвъ тебѣ будь сказано, будутъ пропиты съ проводниками, т.-е съ честною командой, на первыхъ 25-ти верстахъ. Понимаю, что можно посвятить себя служенію преступникамъ, т. е врачеванію ихъ души, и это едвали не высшій подвигъ; но это не ограничивается тѣмъ, чтобы дать преступнику калачъ, погладить его по головкѣ и дать почувствовать ему, что о немъ жалѣешь, какъ о жертвѣ беззаконности судей, ибо такое изъявленіе состраданія есть также верховное преступленіе противъ общества. Молясь о преступникѣ, говори: „Помяни его, Господи, во царствіи Твоемъ!" Въ *Твоемъ*—да; но въ *нашемъ*—предавай его дѣйствію закона и ищи другихъ несчастныхъ, которыхъ много и которымъ можешь доброхотствовать, не нарушая гражданственныхъ необходимостей. Если ты тюремщикъ, то—дѣло другое; ты дѣйствуешь въ кругу своемъ, но для тебя всѣ переулки открыты, вездѣ есть страждущее человѣчество. Что за необходимость ѣздить на Воробьевы горы—se poser là en avocat de l'humanité, и говорить: „смотрите на меня!"

Письмо кн. Вяземскаго огорчило А. И. Тургенева, ни не измѣнило его гуманной дѣятельности. Въ отвѣтѣ своемъ онъ попрекалъ Вяземскаго тѣмъ, что онъ смѣется надъ ссылаемыми въ каторгу, и писалъ, что тѣмъ съ дѣтьми на ѣду не хватаетъ до Владиміра, а не то что на пьянство.

Этотъ обмѣнъ мыслей чрезвычайно интересенъ, и современный

бытописатель, казалось, долженъ бы былъ отнестись къ мнѣніямъ обоихъ не сошедшихся во взглядахъ друзей съ совершенной объективностью. А. И. Тургеневъ умеръ въ 1845 году, князь П. А. Вяземскій въ 1878 году. Послѣ приведенной переписки прошло 60 лѣтъ, и теперь нетрудно отдѣлить наносное отъ истиннаго во мнѣніяхъ обоихъ друзей. А. Ѳ. Кони этого не дѣлаетъ. Онъ, обладающій искуснымъ перомъ и превосходною способностью бытописанія, не желаетъ оставаться безпристрастнымъ и относится съ осужденіемъ къ Вяземскому. Если отдѣлить въ приведенномъ письмѣ Вяземскаго то, что дозволяла ему написать интимность частной переписки съ близкимъ человѣкомъ, нѣкоторую, опять-таки вызываемую близостью отношеній, гиперболичность насмѣшекъ надъ увлеченіемъ А. И. Тургенева, то мнѣніе знаменитаго поэта окажется абсолютно справедливымъ. Гуманное отношеніе къ впавшимъ въ грѣхъ преступленія не должно доводить до того, чтобы за преступнаго двухъ непреступныхъ отдавать. Тюрьма не должна въ самыхъ стѣнахъ своихъ и въ своей обстановкѣ заключать источника мученій для лишеннаго свободы и не должна быть источникомъ неизлечимыхъ болѣзней для узника. Но съ другой стороны едва ли не безнравственнымъ будетъ такое усовершенствованіе тюремъ, при которомъ онѣ для бѣдныхъ людей, не имѣющихъ дома удобствъ, станутъ мѣстомъ почти желаннаго отдыха, особенно для рецидивистовъ. Крайность въ дѣлѣ улучшенія тюремъ должна быть избѣгаема. Иначе мы впадемъ въ положеніе, совсѣмъ не согласное съ пенитенціарнымъ назначеніемъ тюрьмы.

Вяземскій только это и говоритъ. А. Ѳ. Кони, какъ уголовный юристъ, хорошо знаетъ эти вопросы, и онъ не придалъ бы мнѣнію Вяземскаго того освѣщенія, которое онъ ему далъ, еслибы князь П. А. Вяземскій не былъ зачисленъ въ число козлищъ либеральными овцами.

Вяземскій, одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей своего времени, другъ Жуковскаго, Пушкина, Плетнева, былъ человѣкомъ гуманнымъ, но не былъ сантименталистомъ. По словамъ Пушкина, Вяземскій (извѣстная надпись къ портрету) имѣлъ „возвышенный умъ" и соединялъ „простодушіе съ язвительной улыбкой". Онъ былъ старше многихъ своихъ друзей, этотъ „Асмодей" Арзамаса, и, ранѣе другихъ, получилъ трезвенность взгляда и мефистофельски началъ подсмѣиваться надъ преувеличеніями своихъ современниковъ въ области либерализма.

А. Ѳ. Кони, который изъ разрозненныхъ обломковъ и отрывковъ сумѣлъ возсоздать образъ Ѳ. П. Гааза, конечно, при обиліи матеріаловъ для біографіи Вяземскаго, имѣетъ ясное представленіе объ этомъ крупномъ, истинно-русскомъ писателѣ. Либеральный херемъ, нало-

женный на Вяземскаго, лежитъ на Карамзинѣ и отчасти на Жуковскомъ, лежитъ на всѣхъ дѣятеляхъ, которые не проштрафились передъ правительствомъ. Извинительно юнымъ шаблоннымъ либеральчикамъ слѣпо повиноваться такому приговору, но отъ серьезнаго писателя и изслѣдователя мы могли ожидать другого, могли ожидать, что онъ бочку меду, которую представляетъ его изслѣдованіе, не сдобритъ ложкой дегтю. Ложка эта, впрочемъ, въ статьѣ о Гаазѣ не единственная.

III.

Заступничество Гааза и А. И. Тургенева, по его примѣру, за ссылаемыхъ крѣпостныхъ даетъ поводъ г. Кони вспомнить о тѣхъ намѣреніяхъ отмѣнить рабство, которыя оживляли императоровъ Александра I и Николая I.

Несмотря на то, что императоръ Александръ Первый, горячо ратовавшій на Вѣнскомъ конгрессѣ за прекращеніе торга *черными* невольниками, отнесся и къ прекращенію у себя торга *бѣлыми* невольниками весьма сочувственно,—государственный совѣтъ похоронилъ этотъ вопросъ. Если, по этому поводу, знаменитый адмиралъ Мордвиновъ защищалъ допустимость продажи людей по одиночкѣ тѣмъ практическимъ соображеніемъ, что таковой можетъ содѣйствовать переходу „проданнаго раба отъ лютаго помѣщика въ руки мягкосердаго господина", то другой адмиралъ—А. С. Шишковъ—сталъ на почву еще болѣе широкую. Указывая, что въ то время, когда почти всѣ европейскія державы вокругъ Россіи мятутся и волнуются, послѣдняя всегда пребывала и пребудетъ спокойною, онъ писалъ: „внутренняя, среди неустройствъ Европы, тишина не показываетъ ли, что благословенное отечество наше больше благоденствуетъ, и больше благополучно, нежели всѣ другіе народы? Не есть ли это признакъ добродушія и незараженной еще ничѣмъ чистоты нравовъ? На что-жъ перемѣны въ законахъ, въ обычаяхъ, въ образѣ мыслей? И откуда сіи перемѣны?—изъ училищъ и умствованій тѣхъ странъ, гдѣ сіи волненія, сіи возмущенія, сія дерзость мыслей, сіи, подъ видомъ свободы ума разливаемыя ученія, возбуждающія наглость страстей, наиболѣе господствуютъ! При таковыхъ обстоятельствахъ кажется, что есть ли бы и подлинну нужно было сдѣлать нѣкоторыя перемѣны, то не время о нихъ помышлять"... Такія мнѣнія затянули дѣло, и оно, въ виду отсутствія настояній со стороны Александра Перваго, было отложено въ долгій ящикъ.

Конечно, не мнѣнія Мордвинова, Шишкова и даже Карамзина помѣшали императору Александру I осуществить намѣреніе, о которомъ думала его бабка и въ пользу котораго говорилъ рядъ мѣропріятій его отца, старавшагося улучшить положеніе крѣпостныхъ рабовъ. Объясненіе тому слѣдуетъ искать въ общемъ духѣ времени въ свойствахъ характера Александра I. Общество не доросло до

сознанія невозможности существованія среди него рабства. Мордвиновъ и Шишковъ не были какими-нибудь выродками или изувѣрами. Они смотрѣли на дѣло такъ, какъ смотрѣло большинство. Введеніе справедливой реформы среди такого общества потребовало бы столь большой ломки и столь большой энергіи со стороны монарха, которой не обладалъ Александръ I. Онъ не имѣлъ характера Петра Великаго. Нерѣшительный, часто неувѣренный въ себѣ, сомнѣвающійся въ истинности принциповъ, освѣщавшихъ его юность, императоръ, переживший такъ много войнъ и душевныхъ потрясеній, не могъ сказать своего слова въ дѣлѣ уничтоженія крѣпостного права.

По другимъ причинамъ, но не могъ его сказать и преемникъ Александра, Николай I. А. Ѳ. Кони воздаетъ должное направленію мыслей этого незабвеннаго государя.

Императоръ Николай былъ искреннимъ противникомъ того, по выраженію Ивана Аксакова, „клейма домашняго позора", которое, какъ бы въ насмѣшку надъ справедливостью, называлось крѣпостнымъ *правомъ*. „Я не понимаю,—сказалъ онъ въ 1847 г. депутаціи Смоленскаго дворянства,—какимъ образомъ *человѣкъ* сдѣлался *вещью*, и не могу себѣ объяснить этого иначе, какъ хитростью и обманомъ съ одной стороны и невѣжествомъ—съ другой". Онъ ясно сознавалъ весь вредъ, матеріальный и нравственный, который причиняла всему государственному организму такая внутренняя язва. „Этому должно положить конецъ",—говорилъ онъ П. Д. Киселеву, приглашая его помочь ему въ „процессѣ противъ рабства" и сдѣлаться его „начальникомъ штаба по крестьянской части". Но общее настроеніе окружающихъ, возросшихъ среди беззаботныхъ выгодъ и удобствъ дарового труда,—раболѣпныя увѣренія, что все обстоитъ и будетъ еще долго обстоять благополучно, наряду съ искусственно преувеличенными опасеніями, высказываемыми со смѣлостью своекорыстія,—и наконецъ тревожныя впечатлѣнія, вызванныя западно-европейскими событіями 1848 и 1849 годовъ, парализовали волю государя, окутывая ее сомнѣніями и колебаніями. Онъ,—всегда увѣренный въ своей силѣ и властный, избѣгалъ не только рѣшительныхъ мѣръ въ борьбѣ съ рабовладѣніемъ, но и пересталъ высказываться вполнѣ опредѣленно объ *упраздненіи* крѣпостного права, говоря обыкновенно съ довѣренными лицами лишь о его *преобразованіи*. Несомнѣнно, что онъ *желалъ* видѣть Россію освобожденною отъ крѣпостного ига, но *захотѣть* этого и въ такомъ смыслѣ проявить прямо и безповоротно свою волю—не находилъ въ себѣ рѣшимости. Поэтому все его царствованіе прошло въ отдѣльныхъ мѣрахъ, обсужденіе которыхъ было обставлено строжайшею келейностью, и которыми предполагалось достигнуть *смягченія* несовмѣстимаго ни съ человѣческимъ, ни съ государственнымъ достоинствомъ порядка. Но ничего цѣльнаго, пролагающаго новые пути для народной жизни, сдѣлано не было. Со своими великодушными желаніями государь былъ почти совершенно одинокъ среди сплотившихся вокругъ него заступниковъ существующаго крѣпостного строя. Горькое сознаніе, внушившее ему извѣстное ироническое изреченіе: „Россія управляется столоначальниками",—должно было рисовать ему ту массу неуловимыхъ, но

весьма осязательныхъ затрудненій, съ которыми пришлось бы встрѣтиться при перемѣнѣ сложной сѣти законовъ, столь дорогихъ сердцу Шишкова. Съ другой стороны, политическіе перевороты на Западѣ оттѣняли особую выгоду и удобство для поддержанія порядка такого внутренняго устройства, при которомъ можно было, указывая на помѣщиковъ, сослаться на «двѣсти тысячъ полиціймейстеровъ»... Тѣмъ не менѣе—мысль о томъ, что для разрѣшенія вопроса о крѣпостномъ правѣ ничего существеннаго не удалось сдѣлать, не могла, однако, не тяготить императора Николая и, конечно, входила въ высказанное имъ своему сыну и преемнику, въ предсмертныя минуты, сожалѣніе, что онъ „передаетъ ему свою команду" не въ томъ улучшенномъ порядкѣ, въ которомъ онъ хотѣлъ бы ее видѣть, и что Провидѣніе не сулило ему оставить царство «мирнымъ, устроеннымъ и счастливымъ».

Краткая картина настроенія двухъ императоровъ по отношенію къ вопросу о крѣпостномъ правѣ, была, казалось бы, вполнѣ достаточной для цѣлей г. Кони, и входить въ подробности злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ со стороны отдѣльныхъ помѣщиковъ не было, казалось, никакой ровно нужды, особенно, когда приводимые факты недостаточно провѣрены. Какъ на примѣръ помѣщичьяго произвола, г. Кони указываетъ

на свѣдѣнія, сообщаемыя въ интереснѣйшемъ сборникѣ г. Дубасова посвященномъ „тамбовской старинѣ", объ извѣстномъ князѣ Юріи Николаевичѣ Голицынѣ, изящномъ свѣтскомъ человѣкѣ, музыкантѣ и даже, въ нѣкоторомъ родѣ, писателѣ, который, какъ истинный виртуозъ жестокости, давалъ по *тысячѣ* ударовъ розгами крѣпостнымъ, безъ различія пола, играя подъ крики истязуемыхъ на билліардѣ и иногда приказывая затѣмъ къ избитымъ мѣстамъ ставить шпанскія мушки, — мазалъ дегтемъ и смолою провинившихся, держимыхъ въ башенкѣ на крышѣ господскаго дома по нѣсколько дней безъ пищи, и предавался по отношенію къ крѣпостнымъ дѣвушкамъ всѣмъ ухищреніямъ воспаленной низкимъ и алчнымъ развратомъ мысли.

Крѣпостные злодѣи-помѣщики, вродѣ описаннаго, къ сожалѣнію, встрѣчались въ лѣтописяхъ русскаго рабовладѣльчества. Это давно всѣмъ извѣстно, и имя „Салтычихи" стало нарицательнымъ, но характеристика князя Ю. Н. Голицына, заимствованная г. Кони изъ „Тамбовской старины" Дубасова, совершенно невѣрна. Князь Юрій Голицынъ представляетъ собою очень интересный и очень сложный типъ стариннаго русскаго барства. Въ немъ были и пороки, и недостатки, но злодѣемъ онъ не былъ. Въ своихъ воспоминаніяхъ (были напечатаны въ „Отечественныхъ Запискахъ„ начала семидесятыхъ годовъ) самъ Юрій Голицынъ не щадитъ себя и откровенно кается въ проказахъ и дикихъ выходкахъ своей молодости. А. И. Герценъ, въ неоконченномъ послѣднемъ томѣ „Былого и думъ", въ очеркѣ „Апогей и перигей", даетъ яркое изображеніе Юрія Голицына. Образъ, данный Герценомъ, симпатиченъ, хотя онъ не скрывалъ отъ

себя недостатковъ Голицына. Если бы Юрій Голицынъ былъ тѣмъ звѣремъ, которымъ тщится изобразить его г. Кони, то ужъ Герценъ-то, этотъ страстный ненавистникъ крѣпостного рабства, не могъ бы сердечно и добродушно относиться къ Голицыну.

Князь Юрій Николаевичъ Голицынъ, богато одаренный отъ природы красотою, живымъ умомъ, наклонностями къ изящнымъ искусствамъ, въ особенности къ музыкѣ въ юношескихъ лѣтахъ,—избалованный воспитаніемъ, выросшій безъ руководительства матери, рано умершей, безъ ласки отца, женившагося въ другой разъ, покровительствуемый баловникомъ-прадѣдомъ, престарѣлымъ графомъ Юріемъ Александровичемъ Головкинымъ, — вступилъ въ жизнь, по выходѣ изъ пажескаго корпуса, и сразу сталъ во главѣ огромнаго, доставшагося отъ матери, состоянія. Онъ считалъ, что для него все возможно и что передъ нимъ все должно преклоняться. Никакія обстоятельства не сбили юной спѣси. Ширина русской боярской натуры влекла къ необыкновеннымъ тратамъ, красота юноши влекла къ нему женскія сердца. Его баловали всѣ, начиная отъ императора Николая I, баловала знатная родня, баловало общество, баловали женщины. Нѣкоторое самодурство и упрямство, составляющія, кажется, родовую черту этой вѣтви князей Голицыныхъ (потомковъ генералъ-фельдмаршала князя Михаила Михаиловича), особенно ярко сказались въ князѣ Юріи Николаевичѣ. Уложить бурную натуру эту въ берега, уравновѣсить безпокойный нравъ, вѣчно мятущійся духъ Голицына могла бы жена. Но кроткая Екатерина Николаевна (рожденная Бахметева) умѣла только благоговѣть передъ своимъ Жоржемъ. Они сдѣлали другъ друга несчастными.

Состояніе было прожито, свѣтскія связи порваны, неудовольствіе государя императора Александра II вызвано. Голицынъ потерялъ все, бросился въ музыку... Недаромъ его отцу Бетховенъ посвятилъ одну изъ своихъ сонатъ,—Голицынъ былъ въ высокой степени музыкаленъ. Онъ собралъ хоръ и повезъ по свѣту неслыханную русскую пѣснь. Его имя стало гремѣть.

Онъ объѣздилъ много странъ, вездѣ начиналъ съ тріумфовъ и съ безумнаго розмаха роскоши, и иногда кончалъ, какъ, напримѣръ, въ Лондонѣ, долговой тюрьмой. Онъ возилъ къ собой, кромѣ хора, еще управляющаго, который его обкрадывалъ, отдавалъ послѣдній рубль служащимъ, когда онъ у него былъ, и выходилъ изъ себя, если у него спрашивали денегъ, когда ихъ у него не имѣлось. Счета деньгамъ онъ никогда не зналъ. Онъ тратилъ деньги, нужныя на содержаніе хора, на покупку никуда ему не нужнаго крокодила, котораго зачѣмъ-то привезъ изъ Александріи въ Лондонъ.

Скитальческая его жизнь окончилась смертью, когда ему было не болѣе 50 лѣтъ.

Герценъ, описывая лондонскія злоключенія Голицына, рисуетъ его, какъ человѣка съ отзывчивой душой, съ искреннимъ простодушіемъ, съ бѣшеной вспыльчивостью, не лишенной доли комизма, съ отходчивымъ сердцемъ.

Какъ далекъ этотъ неурядливый, полный недостатковъ, но привлекательный и привлекавшій къ себѣ сердца Юрій Голицынъ отъ того изверга, котораго обрисовалъ А. Ѳ. Кони.

Юрій Голицынъ не зналъ себѣ удержу. Онъ, быть можетъ, съ сердцовъ, былъ способенъ пришибить на смерть человѣка, но онъ не былъ способенъ играть на билліардѣ подъ аккомпаниментъ воплей истязуемыхъ рабовъ своихъ.

Это—утрировка, не находящая себѣ оправданія ни въ біографіи Голицына, ни въ истинномъ пониманіи человѣческаго сердца. Упоминаніе, въ ложномъ освѣщеніи, имени Голицына ничего не прибавило ни къ характеристикѣ Гааза, ни къ картинѣ крѣпостного права. Это—еще ложка либеральнаго дегтя въ бочку меду, пріемъ, совершенно не совмѣстный ни съ спокойнымъ изложеніемъ г-на Кони, ни съ тѣмъ безпристрастіемъ, которое должно отличать бытописателя, ни съ той осмотрительностью, которая обязательна для историка при выборѣ матеріаловъ.

Въ новой статьѣ своей А. Ѳ. Кони невѣрно освѣтилъ двухъ лицъ: князя П. А. Вяземскаго и князя Ю. Н. Голицына. Это бы еще не бѣда. Но невѣрное освѣщеніе двухъ лицъ заставляетъ читателя задаваться вопросомъ: а вѣрно ли освѣщено все остальное? Одного такого вопроса достаточно, чтобы умалить на три четверти достоинство предпринятаго авторомъ изслѣдованія.

Тяжкіе и несправедливые отзывы о людяхъ, сравнительно недавно умершихъ, имѣютъ еще одну нехорошую сторону. Живы близкіе родные этихъ лицъ, еще не ставшихъ достояніемъ исторіи. У князя Юрія Голицына здравствуютъ три дочери, внуки, племянникъ. Пріятно ли имъ будетъ читать необоснованную ужасную хулу на ихъ близкаго родного? А. Ѳ. Кони ссылается на источникъ, но главная задача историка—относиться къ источникамъ критически и не черпать изъ нихъ безъ разбору, особенно въ случаяхъ, подобныхъ настоящему. Для статьи о Гаазѣ поруганіе памяти Голицына не было нужно.

Благо рѣчь идетъ объ А. Ѳ. Кони, не считаемъ себя вправѣ пройти молчаніемъ одно тяжкое обвиненіе, предъявленное къ нему въ печати.

16 ноября 1903 года въ большомъ конференцъ-залѣ академіи наукъ состоялось публичное соединенное собраніе отдѣленія рус-

скаго языка и словесности и разряда изящной словесности, посвященное памяти князя Владиміра Ѳеодоровича Одоевскаго, по случаю исполнившагося столѣтія со дня его рожденія. Почетный академикъ А. Ѳ. Кони произнесъ рѣчь о личности и дѣятельности князя В. Ѳ. Одоевскаго.

Приводя отчетъ объ этомъ засѣданіи въ своемъ „Наблюдателѣ“ (ноябрь 1903), редакторъ-издатель его, уважаемый А. П. Пятковскій, процитировавъ рѣчь А. Ѳ. Кони по отчету газеты „Новое Время“, въ заключеніе пишетъ:

Дѣлаетъ честь академіи наукъ, что она, хотя и поздно, но почтила-таки память кн. Влад. Ѳед. Одоевскаго, этого живого, отзывчиваго и талантливаго литератора, а также высоко-гуманнаго общественнаго дѣятеля. По словамъ газетъ, А. Кони далъ «блестящую характеристику» кн. Одоевскаго. Мы вполнѣ вѣримъ этимъ газетнымъ сообщеніямъ. Кони—охотникъ красно говорить. На то онъ и прокуроръ, и почетный членъ академіи наукъ.

Судя по газетнымъ выдержкамъ изъ произнесенной А. Кони рѣчи, насъ удивляетъ одна сторона этой «блестящей» рѣчи, которая, по нашему мнѣнію, едва-ли можетъ приличествовать «почетному» члену академіи наукъ.

Произнося „блестящую“ рѣчь въ честь кн. Одоевскаго, почетный академикъ *забылъ упомянуть о томъ источникѣ, изъ котораго онъ извлекъ матеріалъ для своей «блестящей» рѣчи*. Мы позволимъ себѣ напомнить почетному академику объ этомъ источникѣ. Источникъ этотъ, хорошо извѣстный и самому А. Кони: *„Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ“*, историко-литературныя характеристики А. П. Пятковскаго; *изданіе третье*, редакціи «Наблюдателя», СПБ. 1901 г. Эта книга всѣмъ извѣстна, и министерство народнаго просвѣщенія недаромъ одобрило ее для гимназій и народныхъ читаленъ.

Конечно, пріятно напиться ключевой воды изъ не мутнаго источника, но, по-человѣчески разсуждая, нужно быть благодарнымъ къ источнику, напоившему васъ. Приписывать себѣ то, что говорится въ этомъ источникѣ,—по меньшей мѣрѣ, литературный плагіатъ. А. П. Пятковскій былъ лично знакомъ съ княземъ Одоевскимъ (отъ него впервые получилъ документы, цитируемые г. Кони) и касается всѣхъ литературныхъ вопросовъ, о которыхъ съ чужого голоса повторяетъ г. «почетный» академикъ...

А. П. Пятковскому, автору прекраснѣйшей книги „Князь В. Ѳ. Одоевскій и Д. В. Веневитиновъ“, лучше другихъ возможно судить о заимствованіяхъ изъ его собственнаго сочиненія. А. Ѳ. Кони было бы вовсе не зазорно сослаться на столь освѣдомленный источникъ,—источникъ, по справедливому выраженію А. П. Пятковскаго, „не мутный“. Почему же онъ этого не сдѣлалъ? Все это очень странно и такъ какъ тутъ идетъ рѣчь не о какомъ-нибудь случайномъ лекторѣ, читающемъ на случайномъ вечерѣ, а о рѣчи „почетнаго“ академика, которому академія поручила почтить, въ торжественномъ

засѣданіи, память одного изъ лучшихъ русскихъ людей, — то мы смѣемъ надѣяться, что прискорбное недоразумѣніе это разъяснится къ общему удовлетворенію обѣихъ сторонъ и сообразно съ достоинствомъ того высшаго научнаго учрежденія, гдѣ была произнесена г-мъ Кони его рѣчь. Пока же объяснить этотъ случай мы сами не имѣемъ достаточныхъ данныхъ.

IV.

Ноябрьское „Журнальное обозрѣніе" 1903 г. пришлось посвятить почти цѣликомъ статьѣ В. В. Розанова „Юдаизмъ" въ журналѣ „Новый Путь". Въ то время казалось, что идти дальше, чѣмъ дошелъ г. Розановъ, уже нельзя, и думалось, что возвращаться къ его дикой статьѣ не придется. Но В. В. Розановъ шелъ все дальше и дальше и въ ноябрьской книжкѣ „Новаго Пути" договорился до положеній, вызвавшихъ нашу краткую отповѣдь въ декабрьскомъ „обозрѣніи". Ну, ужъ нынѣ—конецъ, думалось намъ. Но мы разсчитывали безъ послѣдней книжки „Новаго Пути", въ которой помѣщено окончаніе „Юдаизма". Между тѣмъ 18 декабря 1903 г. книжка эта была разослана подписчикамъ.

Рождался у насъ вопросъ: пройти ли молчаніемъ конецъ пріапическихъ и кощунственныхъ припадковъ г. Розанова, или отмѣтить его? Въ насъ былъ голосъ и „за", и „противъ". Не хотѣлось для новаго года сквернить вниманіе читателей и утруждать ихъ воображеніе грязными словами г. Розанова. Но, съ другой стороны, казалось такъ: если г. Розановъ докончилъ свое изрыганіе хулы на вѣру христіанскую, на добрую нравственность, то можемъ ли мы наше обличеніе оставить неоконченнымъ? Возобладала послѣдняя мысль. Да простятъ читатели, если имъ еще разъ станетъ нудно отъ словъ г. Розанова, но надо помнить, что слова эти говорятся, хотя и въ „въ своемъ углу" (такъ называется отдѣлъ г. Розанова въ журналѣ „Новый Путь"), но говорятся публично. Журналъ „Новый Путь" публикуетъ, что у него, кромѣ разсылки безплатныхъ экземпляровъ, было въ 1903 году 2,558 подписчиковъ. Это не особенно много съ коммерческой точки зрѣнія, но этого достаточно для распространенія заразы и тлетворныхъ ученій въ гораздо большей средѣ. Въ такихъ случаяхъ молчать нельзя, а необходимо прямо говорить то, что думаешь. Придется пропустить нѣкоторыя выходки г. Розанова, исключительно изъ соображеній общаго приличія, но и того, о чемъ съ натяжкой можно сказать, будетъ достаточно.

Г. Розановъ, все болѣе и болѣе углубляясь въ каббалу, обрадовался, что тайна, имъ найденная въ этомъ изученіи, была и ранѣе того имъ предвидѣна.

Она вытекаетъ прямо изъ творенія Адама и Евы, и имъ (ихъ раздѣленію) предшествовавшаго созданія Адамо-Евы, рекомаго (слитно) «Адамъ». Да и странно, невѣроятно, дико было бы, признавая въ человѣкѣ *все* имѣющимъ въ себѣ *источникъ* въ Божествѣ, только для одного *пола* (конечно—не физіологическаго, не анатомическаго, а мистически существующаго), т. е. именно для центра сущности и красоты, не находить въ Божествѣ источника, источающаго, родника. Какъ разумъ нашъ и очи, и видѣніе, и слышаніе—изъ Него, Свѣта свѣтовъ, изъ Перваго и Всемірнаго Свѣта, такъ и нашъ полъ, т. е. то, что «я» есть «я», и что жена моя, «она», есть «она». Я говорю: невѣроятно, чтобы центръ нашъ былъ позднѣе возникшею функціею, а изъ Бога были краевыя очертанія около этого источника. Но при этомъ, повторяемъ и настаиваемъ, *полъ* не слѣдуетъ разумѣть ни функціонально, ни анатомически: ибо душа—одна, а органы суть ея модусы, и функціи суть способы ея дѣйствія. Говоря о муже-женскомъ, мы разумѣемъ *характеръ* мужской и женскій, *неизъяснимое* въ мужчинѣ и женщинѣ, *тайну* ихъ: ну, напр., *отвагу* въ одномъ и *нѣжность, нѣгу* въ другомъ, но не это именно, или не это одно, а именно «10.000 міровъ» свойствъ, что узоромъ своимъ и покрываетъ реченіе: «мужчина», и другія «10.000 міровъ» свойствъ (вещей?), которыя покрываютъ слово: „женщина". Кстати, есть нѣжные мужчины, и есть мужественныя женщины. Т. е. и по сейчасъ въ каждомъ изъ насъ только «7.000» міровъ свойствъ (частицъ?) мужчины, а «3.000 міровъ» женщины, и обратно; или: женщины только «36», «360» міровъ,—и тогда мужчина грубъ, мужланъ, неотесанъ, чрезвычайно бѣденъ. Нельзя не поразиться чрезвычайной ролью въ исторіи мужчинъ ясно женственнаго сложенія („6.000 міровъ мужскихъ и 4.000 міровъ женскихъ" въ индивидуумѣ), какъ Александръ Македонскій (нимало не «мужланъ»), кажется—Цезарь, навѣрно—Сулла, навѣрно—Рафаэль; едва ли не таковыми были, судя по характеру, Будда и Магометъ; въ нашей литературѣ—Карамзинъ, Жуковскій, Герценъ, Ал. Толстой, Достоевскій, Добролюбовъ. Мы бросаемъ примѣры какіе попались, пригоршней, не придумывая, не ища; беря, что лежитъ подъ рукой. Читатель, поискавъ, найдетъ множество другихъ примѣровъ.

Таково поясненіе г. Розанова къ словамъ книги Бытія: „И сотворилъ Богъ человѣка по образу Своему... мужчину и женщину сотворилъ ихъ". Это говорится ранѣе, чѣмъ повѣствуется о созданіи жены. Отсюда г. Розановъ вывелъ приведенную нами цитату, а ранѣе того пришелъ къ заключенію, что Божеское наименованіе во множественномъ числѣ (въ изложеніи созданія міра) — „Елогимъ" знаменуетъ муже-женское божественное начало. Въ приведенной цитатѣ „брошены пригоршней" такіе примѣры, что только диву можно даться. Это противопоставленіе „мужлана" женственности и признаніе перевѣса женственнаго элемента въ Цезарѣ, напримѣръ, даетъ возможность весело посмѣяться, развлекаясь произвольной дифференціацией „10,000 міровъ". В. И. Розановъ на этомъ не успокаивается, его „увлеченіе идетъ дальше". Онъ пишетъ:

Еще скажу тайну: въ природѣ человѣческой скрытъ какъ бы подлогъ, и на этой *подложности* человѣческаго существа основывается

влеченіе половъ, страсть, любовь. Именно: душа каждаго человѣка имѣетъ не тотъ полъ, какъ его тѣло; а тѣло имѣетъ другой полъ, нежели душа. Посему каждому человѣку не нужно его тѣло, онъ—бросаетъ его, старается отъ него отвязаться (отдаетъ женщинѣ при соединеніи); а ищетъ другого тѣла, т. е. его душа ищетъ своего тѣла, *родни* себѣ, свою *собственность* въ тѣлѣ другого пола. Эти-то поиски мы и называемъ или наблюдаемъ, какъ „любовь", а моментъ нахожденія именуемъ страстью, сладостью, радостью.

Дѣлаемъ пропускъ, въ виду циничности физіологическихъ подробностей, въ которыя вдается В. В. Розановъ.

Возникаетъ любовь. Въ ней мы наблюдаемъ поразительное явленіе. что мужчина, никогда еще не знавшій, ни духовно, ни физически, близко женщины, относится, какъ къ страшно дорогому, къ ней, чутокъ, внимателенъ, прислушивается, приглядывается: точно нашелъ въ ней *родину* (*ребро* «Адама») свою, какое-то свое *первозданіе*, первоустроеніе. И все въ этомъ незнакомомъ существѣ видитъ и почитаетъ, такія черточки мелкія, какихъ въ мужчинѣ же никогда не замѣтитъ! И говорятъ: «влюбился», а не «любитъ», т. е. какъ бы «вошелъ», «вселился». Это—родная душа (напр., женская, въ кажущемся мужчинѣ) вошла въ родину своего древняго тѣла, въ то же время мужской душѣ (жены) отдавъ свое мужское тѣло.

Слова свои г. Розановъ считаетъ не предположеніемъ, а откровеніемъ тайны, чѣмъ-то несомнѣннымъ, какъ вѣрное и безповоротное рѣшеніе задачи. Припомнимъ г. Розанову, что для объясненія любви половъ строились давно уже разныя гипотезы. Въ діалогѣ Платона „Пиръ", напримѣръ, Аристофанъ высказываетъ, что человѣкъ былъ созданъ двойнымъ: двойное двуполое существо, каковыхъ было наибольшее количество, двойное мужское существо, двойное женское существо. Такой человѣкъ былъ слишкомъ силенъ и могъ угрожать небу. Тогда Зевсъ повелѣлъ разсѣчь двойныя существа на ординарныя. И вотъ, каждая половина ищетъ свою половину. Отсюда вытекаетъ любовь не только нормальная, но и анормальная. Это замысловатое объясненіе проще и понятнѣе гипотезы г. Розанова, а главное, не смотря на свою откровенность, менѣе цинично. Достоинство этого объясненія заключается уже въ томъ, что мыслитель не навязываетъ его читателю, какъ нѣчто несомнѣнное, а приводитъ, какъ одно изъ мнѣній. Г-нъ же Розановъ, безъ дальнихъ околичностей, заявляетъ о „подложности человѣческаго существа", о „подлогѣ", который въ немъ скрытъ, и въ самомъ серьезномъ тонѣ выдаетъ за тайну мірозданія какую-то особенную, футлярную систему, при которой души человѣческія, мужскія и женскія, помѣщены въ противоположныя тѣла. Какъ будто браслетъ положенъ въ футляръ отъ булавки, а булавка въ футляръ отъ браслета.

„Мы долго блуждали въ предѣлахъ юдаизма",—сознается В. В. Розановъ. До чего же вы доблуждались?—родится вопросъ у чита-

теля. Прежде всего до того, что „и безъ подсказываній“ г. Розанова каждый догадается, „что черезъ священную субботу юдаизмъ сливается съ сиро-финикіянами, вавилонянами и египтянами, которые всѣ имѣли въ почитаніи половыя сближенія, противоположныя порнографически унизительнымъ, или шаловливымъ и плутовскимъ, во всякомъ случаѣ, только физіологическимъ (снаружи) и пріятнымъ (внутренно) нашимъ“. „Это,—добавляетъ г. Розановъ,—проистекаетъ изъ обрѣзанія, символа, какъ бы креста, наложеннаго на полъ“.

Говорить можно все, можно голословно порочить христіанскій бракъ, но нельзя увѣрить насъ, что позорный и поносный вавилонскій культъ Астарты былъ чище, съ его религіозной проституціей, нашей супружеской жизни. Быть можетъ, г. Розановъ знакомъ лишь съ „порнографически унизительными, шаловливыми и плутовскими“ отношеніями половъ. Такъ пусть о себѣ и говоритъ, но нѣтъ надобности навязывать всѣмъ христіанамъ осадокъ собственной души. Этого оскорбленія не заслужилъ благословенный церковью цѣломудренный бракъ христіанскихъ супруговъ. Какое дѣло намъ, арійцамъ, до преувеличенной чувственности семитовъ. Если искать героя въ этомъ отношеніи, то найдемъ его въ ослѣ и даже не въ апулеевскомъ золотомъ, а въ заурядномъ сѣромъ ослѣ. Мысли г. Розанова поглощены одной преслѣдующей идеей. Ему чего-то не хватаетъ и онъ волнуется. Онъ не рѣшается сказать: feci quod potui, а лишь картаво и съ безсильной, завистливой злобой, съ уныніемъ теляти, которому, по пословицѣ, не удалось волка поймати, твердитъ: faciunt meliora potentes. Но читателю-то до этого какое дѣло?

Г. Розановъ приравнялъ крестъ животворящій къ еврейскому обрѣзанію, а потомъ говоритъ:

Какъ невозможно (и никогда не совершается) кощунство съ крестомъ, такъ невозможно кощунство семита съ самымъ главнымъ на себѣ религіознымъ знакомъ, обрѣзаніемъ. Но что значитъ кощунство надъ обрѣзаніемъ, какъ не кощунственное дѣйствіе или поступокъ, или слово, или мысль съ обрѣзанною частью? Священная ночь уже здѣсь дана, потребована; или священное мѣсто, какъ на вершинѣ вавилонскаго или ѳиванскаго храма. Семитизмъ весь уже данъ, „зачатъ“ въ обрѣзаніи, какъ въ таблицѣ умноженія даны всѣ совершившіяся и имѣющія совершиться на землѣ задачи на умноженіе. Будетъ ли это священная суббота, или священная роща финикіянъ, совпадающая съ еврейскимъ (установленнымъ Моисеемъ) праздникомъ кущей, кустовъ, купъ древесныхъ—все равно. Это разные методы разработки одной мысли. Въ обрѣзаніи заключенъ уже цѣлый бытъ, въ обрѣзаніи заключенъ уже цѣлый міръ; это—уравненіе кривой линіи, по которой можно построить только эту кривую, построить на доскѣ, построить на бумагѣ или на небесномъ сводѣ, мѣломъ или углемъ или карандашомъ, но непремѣнно *одного вида и однихъ свойствъ*. Въ священныхъ рощахъ финикіянъ то же совершалось, и въ томъ же духѣ, въ той же не открытой намъ пси

хологіи „пасхальнаго“ здѣсь „веселія“, что и понынѣ совершается у евреевъ въ субботу. Вообще тайна истиннаго полового сближенія извѣстна только на почвѣ „Господу—обрѣзанія“: у всѣхъ остальныхъ народовъ отъ нея остался только смрадъ. Свѣчка и щипцы, снимающіе съ нея нагаръ: у евреевъ—свѣчка, у насъ—щипцы, полные копоти и нагара.

Эти „свѣчка“ и „щипцы“—необыкновенны. Не будемъ доискиваться до интимныхъ анатомическихъ помысловъ г. Розанова. Они столь постыдны и грязны въ данномъ случаѣ, что на нихъ лучше и не намекать. Важно здѣсь лишь возвеличеніе еврейства, которое идетъ, все возрастая. Слѣдомъ за приведенной цитатой г. Розановъ пишетъ:

А если такъ, то и тайна рожденія, можно полагать, разрѣшена у нихъ и не разрѣшена у насъ, и мы существуемъ „только пока Богъ грѣхамъ терпитъ“, случайно и эмпирически, до перваго града, побивающаго не тамъ и не во-время выросшую ниву. Ихъ же существованіе обезпечено, ибо оно въ Богѣ. Черезъ обрѣзаніе существованіе человѣка становится „въ Богѣ“. И мы можемъ произвести обрѣзаніе, но это будетъ уже физіологичное, научное, не дѣйствующее обрѣзаніе. Въ крестѣ мы посвятились въ смерть; мы почувствовали религіозно смерть. Мы священно умираемъ, священствуемъ въ болѣзняхъ „исхода“ (отсюда): а евреи священствуютъ въ радостяхъ входа (сюда)—суть племя священно-рождающееся и священно-рождающее. Для насъ младенецъ поганъ, а трупъ святъ; для нихъ трупъ—дьяволъ, „отецъ отцовъ нечистоты“ (первый источникъ всякой нечистоты на землѣ), а святъ ангелъ—младенецъ. Онъ обрѣзанъ, и вотъ опять характерное вѣрованіе: въ минуту обрѣзанія Ангелъ Іеговы сходитъ на новообрѣзаннаго и уже никогда не оставляетъ его до смерти. Терминъ „Ангелъ Іеговы“ встрѣчается въ Библіи, и такъ, что въ мѣстахъ этихъ дѣйствуетъ то «Іегова», то «Ангелъ Іеговы», такъ смѣшиваясь, что экзегеты затрудняются ихъ отличить, ихъ отдѣлить. И мы можемъ понять чудное еврейское вѣрованіе такимъ образомъ, какъ будто человѣкъ, имѣющій въ себѣ «искру Божію» (глубокое всѣхъ людей вѣрованіе), черезъ обрѣзаніе являетъ видимою эту искру, «свѣтъ Іеговы», «ангела Іеговы», «образъ и подобіе въ себѣ Божіе». Мы принимаемъ за таковой «образъ и подобіе» душу свою, мысль свою, образованіе свое, культуру свою: для насъ—«искра Божія» въ Шиллерѣ, «искра Божія» въ Шекспирѣ. Но это ясно—пріобрѣтенное, ясно,—потомъ въ насъ пришедшее. Въ *Библіи* же точно сказано: что, сотворяя *изъ глины* тѣло человѣка, Богъ сотворилъ его «по образу и подобію Своему», и потомъ повторено (между прочимъ—Ною послѣ потопа), что сотворилъ его «въ тѣни образа Своего». Но тѣнь бросается не отъ души, а отъ предмета; итакъ, вѣрнѣе догадка евреевъ, да даже и не догадка, а прямое чтеніе ими текста своей *родной* Библіи, что «образъ и подобіе» запечатлѣны именно на тѣлѣ нашемъ, и хоть это и не сказано,—но тамъ именно, гдѣ они предполагаютъ. Тогда и завѣтъ съ Авраамомъ становится понятенъ: «Я буду съ тобою—когда ты обрѣжешься; и когда Я буду съ тобою—ты размножишься». Все это ясно, какъ тавтологія.

Нѣсколько выше приведенной цитаты г. Розановъ приводилъ легенду евреевъ о томъ, что Адамъ былъ созданъ обрѣзаннымъ. Теперь и поймите и вдумайтесь, о чемъ говоритъ г. Розановъ. Это ли не кощунство, это ли не богохульство? В. В. Розановъ увѣряетъ вѣдь, что съ крестомъ никто не кощунствуетъ, а ранѣе этого увѣренія символъ креста уравниваетъ символу обрѣзанія, послѣ же этого увѣренія смѣетъ утверждать, что „въ крестѣ мы посвятились въ смерть". Вотъ и додумался: Господь Сына Единороднаго послалъ на землю для искупленія грѣховъ рода человѣческаго, весь христіанскій міръ въ радостный день Свѣтлаго Христова Воскресенія воспѣваетъ о попраніи „смертію смерти", чѣмъ указывается, что благовѣствованіе, принесенное Сыномъ Божіимъ, есть вѣра жизни и что въ крестѣ мы посвятились въ жизнь, воскресли отъ смерти, а г. Розановъ находить, что христіанство есть религія „смерти".

Противорѣчія, впрочемъ, не въ диковину г. Розанову. Въ приведенной нами цитатѣ онъ говоритъ, что и „мы можемъ произвести обрѣзаніе, но это будетъ уже физіологичное, научное, не дѣйствующее обрѣзаніе". Въ той же книжкѣ „Новаго Пути", въ заключительномъ примѣчаніи къ „Юдаизму", В. В. Розановъ, сообщая, что имъ получено по поводу этой статьи немало писемъ, говоритъ: „Изъ писемъ, мною полученныхъ, цѣннѣе другихъ было отъ одного *русскаго*, который, по случайности перенеся обрѣзаніе, испыталъ въ связи съ нимъ полное измѣненіе характера семейной жизни". Какъ же это все сопоставить и что совѣтуетъ г. Розановъ намъ, „посвященнымъ въ крестѣ въ смерть"—обрѣзаніе или необрѣзаніе? И относительно себя какъ онъ распорядился или думаетъ распорядиться? Обрѣзанный русскій корреспондентъ г. Розанова обѣщалъ ему подробности, а г. Розановъ, надо думать, выдастъ ихъ въ свѣтъ. Можетъ быть, хоть тогда противорѣчія мнимаго философа выяснятся.

Христіанству г. Розановъ произнесъ рѣшительное осужденіе. Онъ говоритъ:

Какова концепція человѣка въ христіанской религіи? Пока онъ здѣсь, на землѣ,—для него нѣтъ религіозной концепціи; онъ—совершенный автоматъ; религіозна только лоза (розга), гонящая его отсюда. Религіозная концепція начинается—тамъ, за гробомъ. Довольно неясная концепція, или по крайней мѣрѣ слишкомъ краткая, сводящаяся къ «хорошо» или «дурно», «сладко» или «горько», къ вкушенію сладчайшихъ яблокъ или горящихъ угольевъ (европейскія концепціи рая и ада). Въ мѣру чего? Въ мѣру ударовъ гонящей отсюда лозы. «Богъ кого любитъ—того и наказуетъ»: это всемірно, это не догматъ, а больше догмата. Достаточно наказанные здѣсь—услаждаются тамъ, не наказанные здѣсь—будутъ тамъ наказаны. Все слишкомъ кратко. Нѣтъ развитія. Развитіе возможно только для науки, для научнаго аппарата, каковымъ сталъ земной человѣкъ, въ земной половинѣ своего существованія.

Машина стала мудрой, машина стала сильной. „Крещеная" машина

не только побѣдила тайну обрѣзанія, но она вообще все разрушила и вытѣснила, что ей противодѣйствовало или отъ нея отличалось. Вотъ тріумфы Европы. Если бъ она была безсмертна--можно было бы придти въ окончательное смущеніе. Но она особенно и преимущественно смертна, ибо преимущественно и особенно необрѣзанна. „И къ концу міра—охладѣетъ любовь"; „будутъ пожары,—но это не конецъ; будутъ войны,—но и это не конецъ; болѣзни будутъ,—но и это еще не конецъ; будетъ проповѣдано до концовъ земли Евангеліе,—вотъ это конецъ". Итакъ, нѣкое обледенѣніе сердца распространится параллельно распространенію проповѣди нѣкоей стеклянной любви, безъ родника ея, безъ источника, внѣ „обрѣзанія". И когда земля застынетъ въ этомъ холодномъ стеклѣ, въ этомъ стеклянномъ морѣ... „Сынъ Человѣческій" сойдетъ тогда на землю судить «живыхъ» и «мертвыхъ».

Чувство Бога поразительно теряется Европою, да и всегда было слабо въ ней. Въ противоположность словамъ псалма: «душа моя *жаждетъ* Тебя, какъ жаждетъ *олень—воды*», т. е. въ противоположность религіи натуральной, естественной—въ Европѣ мы наблюдаемъ поразительное зрѣлище натурально-безбожнаго человѣка, и вѣчныя Божіи усилія загнать его въ вѣру, обратить къ Себѣ. Не пылинка тянется къ солнцу: нѣтъ, солнце только и свѣтитъ для того, чтобы привлечь къ себѣ пылинку, которая не хочетъ къ нему летѣть и можетъ (имѣетъ силу) къ нему не летѣть. Пророки не убѣждали Израиля въ Богѣ, а убѣждали его въ добродѣтеляхъ; напротивъ, въ Европѣ люди—довольно добродѣтельны, но никакіе пророки не могутъ ихъ уговорить повѣрить, сверхъ морали, и въ бытіе Господне! Просто—этого чувства нѣтъ; просто—оно не натурально. «Мы Его не видимъ!» -вотъ лозунгъ Европы.

Слово „Европа" поставлено здѣсь такъ себѣ, для цензуры. Причемъ тутъ Европа, когда рѣчь идетъ о всемъ христіанствѣ, распространенномъ не въ одной Европѣ?

Ничего не оставилъ въ христіанствѣ г. Розановъ. Въ немъ— „смрадъ", чистота—въ еврействѣ. Слова Евангелія о кончинѣ міра переданы въ тонѣ пересмѣиванія. Второе пришествіе Сына Божія, грядущаго судить живыхъ и мертвыхъ, представлено съ тономъ пренебреженія къ сему великому христіанскому упованію. А ранѣе г. Розановъ осмѣлился, говоря о созданіи человѣка по образу и подобію Божію, тѣшить свое больное воображеніе кощунственнымъ сопоставленіемъ срамныхъ картинъ съ святостью Имени Божія.

Стыдно за русское печатное слово, стыдно за дряблость общественнаго сознанія, читая эти статьи. И писано-то православнымъ русскимъ человѣкомъ!.. Такъ отрекитесь отъ своего народа, отрекитесь отъ православія, идите въ жидовство, поступайте въ цадики и утоните въ помояхъ миквы, если это вамъ нравится, но не оскорбляйте вѣры нашей, нашихъ святынь, не дерзайте возносить хулу на славимаго въ Троицѣ Бога.

И съ такимъ-то господиномъ епископы, архимандриты, іереи

бесѣдуютъ на религіозно-философскихъ собраніяхъ... Положимъ, и собранія-то эти болѣе всего походятъ на совѣтъ нечестивыхъ.

И о какомъ нравственномъ самоусовершенствованіи можно говорить, если въявь, къ общему соблазну, такіе очумѣвшіе эротоманы, какъ г. Розановъ, отправляютъ публично функціи своихъ болѣзненныхъ пороковъ и сладострастно хихикаютъ, когда ухитрятся сказать намеками о самомъ тайномъ, или самомъ стыдномъ.

Статья г. Розанова о „Юдаизмѣ“ кончена. Пока кончена и наша отповѣдь, но она была бы не полна, еслибы мы не сказали кратко г. Розанову оцѣнки его статьи,—оцѣнки, вытекающей изъ убѣжденій, нами выраженныхъ.

Статья г. Розанова рисуетъ его, какъ духовнаго проходимца и отщепенца отъ вѣры Христовой. Она есть оскорбленіе общественной нравственности, пощечина здравому смыслу, скверное и постыдное богохульство, высшая мѣра низменнѣйшаго и грязнѣйшаго разврата, по крайней мѣрѣ умственнаго, а быть можетъ, и матеріальнаго. Это—проповѣдь новой секты, походъ на православіе и на святыя таинства!

Н. Я. Стародумъ.

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

I. Внутреннее обозрѣніе.

Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1902 г.—Краткій обзоръ исполненія росписей за послѣднее пятилѣтіе, обыкновенные доходы, обыкновеннные расходы, убытки отъ желѣзнодорожнаго хозяйства, недоборы по винной монополіи, чрезвычайные рессурсы, чрезвычайные расходы, заключеніе. — Уменьшеніе наличности государственнаго казначейства.— Уменьшеніе свободной наличности государственнаго казначейства.— Ростъ государственныхъ долговъ и дефициты.—Тарифъ на экспортируемый керосинъ и стачка керосинозаводчиковъ.—Проектъ новаго положенія о крестьянахъ.—Судъ надъ виновниками кишиневскихъ безпорядковъ.—Положеніе переговоровъ о торговомъ договорѣ съ Германіей.

Только что обнародованный отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1902 годъ, не смотря на свой скучный внѣшній видъ—безконечныя ряды цифръ—по существу своему представляетъ животрепещущій интересъ, такъ какъ этимъ скучнымъ, но внушительнымъ языкомъ цифръ затрогиваются самые существенные интересы жизни страны—матеріальное благосостояніе народа.

Въ дѣлѣ взиманія налоговъ финансовая техника достигла у насъ такого замѣчательнаго совершенства, что, повидимому, безъ всякихъ затрудненій взимаетъ съ населенія почти вдвое большее количество денегъ въ годъ, чѣмъ ихъ всѣхъ находится въ народномъ обращеніи, т. е. каждый рубль, находящійся въ народномъ обращеніи, долженъ непремѣнно побывать два раза въ году въ кассахъ министерства финансовъ.

И при такихъ-то условіяхъ министерство финансовъ, благодаря своей усовершенствованной техникѣ взиманія налоговъ, извлекаетъ съ народа ежегодно, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, даже большіе доходы, чѣмъ это предположено росписью.

ГОДЫ.	По росписи обыкновенныхъ доходовъ ожидалось.	Дѣйствительно поступило обыкновенныхъ доходовъ.
	Рубли.	Рубли.
1888	—	1.584.854,445
1899	1.469.128,203	1.673.313,062
1900	1.593.745,680	1.704.128,506
1901	1.730.096,006	1.799.457,155
1902	1.800.784,482	1.905.404,442
	7.958.212,588	8.667.157,610

Слѣдовательно за послѣдніе пять лѣтъ обыкновенныхъ доходовъ получено на 708.945,022 р. болѣе, чѣмъ ожидалось. За послѣдній 1902 годъ обыкновенные доходы превысили ожиданія на 104.619,960.

Но сравнительно далеко отстала техника того же министерства финансовъ по производству расходовъ, т. е. въ дѣлѣ бережливаго и экономнаго расходованія взимаемыхъ доходовъ. За тѣ же пять лѣтъ обыкновенные расходы по сравненію съ росписью представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	По росписи обыкновенныхъ расходовъ назначено.	Дѣйствительно произведено обыкновенныхъ расходовъ.
	Рубли.	Рубли.
Въ 1898 году . .	1.350.085,213	1.403.246,666
» 1899 » . .	1.462.659,233	1.499.141,507
» 1900 » . .	1.564.441,670	1.599.185,714
» 1901 » . .	1.656.652,557	1,664.887,251
» 1902 » . .	1.775.913,481	1.802.140,039
	7.809.752.154	7.968 601,177

За тѣ же пять лѣтъ обыкновенные расходы превысили назначенія на 158.849,023 руб. Слѣдовательно, усиленное взиманіе обыкновенныхъ доходовъ вело за собою только увеличеніе обыкновенныхъ расходовъ, нисколько не улучшая финансоваго положенія страны. Въ 1902 году обыкновенный расходъ превысилъ назначеніе по росписи на 26.226,558 руб.

Изъ приведенныхъ данныхъ усматривается, что ростъ обыкновенныхъ доходовъ за истекшее пятилѣтіе опредѣлился въ

320.549,997 р. (1.905.404,442 р.—1.584.854,445 р.), или онъ возросъ на 20,2%. Въ то же время обыкновенные государственные расходы возросли на 398.893,373 руб. (1.802.140,039 р.—1.403.246,666 р.) или на 28,44%.

Вышеуказанная сумма увеличенія всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ за истекшее пятилѣтіе (398.893,373 р.) распредѣляется слѣдующимъ образомъ по отдѣльнымъ смѣтамъ:

	Противъ 1898 г. Увеличеніе.	
	На сумму въ рубляхъ.	Въ % отношеніи.
По системѣ государственнаго кредита	16.774,552	6,1
„ высшимъ государственнымъ учрежденіямъ	687,665	24,2
„ вѣдомству святѣйшаго синода	7.723,396	37,7
„ министерствамъ:		
Императорскаго двора	4.787,542	37,6
иностранныхъ дѣлъ	1 042,311	20,7
военному	44.499,185	14,8
морскому	33.115,287	49,2
финансовъ	120.738,323	56,5
земледѣлія и государств. имуществъ	7.789,677	21,8
внутреннихъ дѣлъ	13.295,897	16,4
народнаго просвѣщенія	9.896,641	36,8
путей сообщенія	131.389,711	41,8
юстиціи	4.778,098	11,2
По государственному контролю	593,743	8,4
„ главному управленію государственнаго коннозаводства	469,014	27,6
Фондъ на случай возвышенія стоимости провіанта и фуража	1.312,331	—
	398.893,373	—

Приведенныя данныя показываютъ, что увеличеніе расходовъ за истекшее пятилѣтіе упадаетъ, главнымъ образомъ, на расходы по министерствамъ: путей сообщенія на 131,4 милл. рублей (въ томъ числѣ на желѣзнодорожныя надобности 229,4 милл. руб.), финансовъ на 120,7 милл. рублей, (въ томъ числѣ на желѣзнодорожныя надобности и по казенной продажѣ питей 85,2 милл. р.), военному—44,5 милл. руб., морскому—33,1 милл. руб., внутреннихъ дѣлъ—13,8 милл. рублей и по остальнымъ вѣдомствамъ—55,9 милл. рублей.

Однимъ словомъ, самое исправное и даже излишнее противъ ожиданій поступленіе обыкновенныхъ доходовъ едва только удовлетворяетъ все возрастающій спросъ на нихъ.

Еще большую щедрость мы проявляемъ въ чрезвычайныхъ расходахъ. По росписямъ за послѣднія пять лѣтъ расходы эти предполагалось удовлетворять преимущественно изъ свободной наличности государственнаго казначейства, образующейся изъ превышеній дѣйствительнаго поступленія обыкновенныхъ доходовъ надъ произведенными обыкновенными расходами.

	Сумма предположенныхъ чрезвычайныхъ доходовъ по росписи.	Сумма, ассигнованная по росписи изъ свободной наличности государственнаго казначейства на покрытіе исчисленныхъ по росп. расходовъ.	ИТОГО.
	Рубли.	Рубли.	Рубли.
Въ 1898 году	3.300,000	120.664,710	123.964,710
» 1899 »	4.000.000	105.073,413	109.073,413
» 1900 »	3.000,000	189.945,424	192.345,424
» 1901 »	1.500,000	130.329,450	131.829,450
» 1902 »	1.800,000	168.858,495	170.658,495
	13.600,000	714.871,492	728.471,492

Дѣйствительно же произведено чрезвычайныхъ расходовъ несравненно больше, а именно:

Въ 1898 году . . .	413.935,536	руб.
» 1899 »	321.539,794	»
» 1900 »	333 788,515	»
» 1901 »	209.369,808	»
» 1902 »	365.035,637	»
	1.643.669,290	руб.

Покрыты были эти расходы изъ особыхъ рессурсовъ государственнаго казначейства, о которыхъ сказано будетъ ниже.

Для большей ясности и наглядности всѣ приведенныя данныя сводятся въ слѣдующую таблицу, показывающую общіе результаты исполненія государственныхъ росписей за пятилѣтіе 1898—1902 г.г. по обыкновеннымъ и чрезвычайнымъ доходамъ и расходамъ.

Годы.	Обыкновенные доходы и расходы.					Чрезвычайные рессурсы и расходы.					Общій результатъ исполненія росписей.
	Доходы.	Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ.	Итого.	Расходы.	Превышеніе доходовъ + расходовъ —	Рессурсы.	Остатки отъ заключенныхъ смѣтъ.	Итого.	Расходы.	Превышеніе поступленій + расходовъ —.	Превышеніе поступленій + расходовъ —.
1898	1.584.854,445	11.305,599	1.596.160,044	1.358.275,496	+237884,548	87.817,836	5.781,575	93.599,411	413.935,536	—320.336,125	— 82.451,577
1899	1.673.313,062	7.953,716	1.681.266,778	1.463.572,517	+217.694,261	183.848,941	4,101,394	187.950,335	321.539,794	—133.589,459	+ 84.104,802
1900	1.704.128,506	59.991,473	1.764.119,979	1.555.427,622	+208.692,357	32.568,983	4.049,947	36.618,930	333.788,515	—297.169,585	— 88.477,228
1901	1.799.457,155	35.350,365	1.834.807,520	1.664.887,251	+169.920,269	163.915,915	20.457,716	184.373,631	209.369,808	— 24.996,177	+144.924,092
1902	1.905.404,442	19.711,590	1.925,116,032	1.802.140,039	+122.975,993	202.148,325	10.807,975	212,956,300	365.035,637	—152.079,337	— 29.103,344
					+957.167,428					—928.170,683	+ 28.996,745

Изъ приведенной таблицы видно, что въ теченіе послѣдняго пятилѣтія обыкновенные доходы превысили обыкновенные расходы на 957.167,428 р., а чрезвычайныя поступленія были ниже чрезвычайныхъ расходовъ на 928.170,683 р., такъ что въ общемъ доходы превысили расходы на 28.996,745 р.

Приведеннымъ краткимъ очеркомъ мы хотѣли лишь въ общихъ чертахъ охарактеризовать результаты исполненія государственныхъ росписей за послѣднее пятилѣтіе, теперь же можемъ приступить къ болѣе подробному обозрѣнію отчета государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1902 годъ.

	Общіе результаты.
По росписи было исчислено къ поступленію обыкновенныхъ доходовъ	1.800.784,482 р.
Въ дѣйствительности же, какъ видно изъ отчета, поступило	1.905.404,442 „
Болѣе противъ росписи на	104.619,960 „
или на 5,8%.	

Переборъ этотъ явился послѣдствіемъ превышенія дѣйствительныхъ поступленій противъ ожиданія по 26 статьямъ росписи, при недоборѣ по 9 статьямъ.

Превышеніе противъ смѣтнаго ожиданія оказалось по слѣдующимъ доходамъ:

По доходу отъ казенной продажи питей . .	21.749,923 р.
„ таможенному доходу	19.258,121 »
„ военному вознагражденію	12.565,683 »
„ сахарному доходу	11.879,212 »
„ доходу отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ	11.839,955 »
„ доходу отъ оброчныхъ статей и промысловъ	5,769,463 »
„ сборамъ съ питей	4.490,917 »
„ прибылямъ отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій .	4.365,549 »
„ пошлинамъ гербовымъ, судебнымъ, канцелярскимъ и съ записи документовъ .	4.017,878 »
„ налогамъ поземельнымъ, съ недвижимыхъ имуществъ и податямъ	2.774,278 »
„ нефтяному доходу	2.590,998 »
„ табачному доходу	2.440,052 »
„ пошлинамъ разныхъ наименованій . . .	2.269,057 »
„ выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ	2.121,058 »
„ сбору съ пассажировъ и грузовъ, перевозимыхъ по желѣзн. дорогамъ въ пассажирскихъ и товаро-пассаж. поѣздахъ .	1.589,366 »
„ почтовому доходу	1.410,225 »
„ разнымъ мелкимъ и случайнымъ доходамъ	1.139,257 »
„ выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ	1.111,023 »
„ горному доходу	1.074,517 »
„ пошлинамъ съ переходящихъ имуществъ.	860.602 »
„ спичечному доходу	751.074 »

По монетному доходу	400,000 р.
„ пошлинамъ съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ	337,226 »
„ доходу отъ продажи недвижимыхъ имуществъ	160,670 »
„ выкупнымъ платежамъ съ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ	77,654 »
„ сбору съ паспортовъ	12,037 »
	117.055,795 р.

Недоборъ противъ смѣтныхъ исчисленій дали:

Лѣсной доходъ	4.794,468 р.
Обязательные платежи обществъ желѣзныхъ дорогъ	2.345,597 »
Пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ	1.902,575 »
Прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ	1.478,521 »
Возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ	772,288 »
Телеграфный и телефонный доходы	554,934 »
Казенные заводы, техническія заведенія и склады	400,801 »
Государственный промысловый налогъ	169,377 »
Сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ	17,274 »
	12.435,835 р.

Если сравнить дѣйствительныя поступленія съ смѣтными предположеніями не по отдѣльнымъ статьямъ росписи, какъ выше приведено, а по разрядамъ ихъ, установленнымъ Высочайше утвержденною 14 іюля 1891 года нормальною классификаціею государственныхъ доходовъ, то окажется, что превышеніе противъ государственной росписи получилось по всѣмъ девяти разрядамъ, а именно: по косвеннымъ налогамъ (вмѣстѣ съ таможеннымъ доходомъ)—41.410,874 р., по правительственнымъ регаліямъ—24.079,731 р., по казеннымъ имуществамъ и капиталамъ—15.301,177 р., по пошлинамъ—9.086,166 р., по возмѣщенію расходовъ государственнаго казначейства—7.545,223 р., по выкупнымъ платежамъ—3.309,735 р., по прямымъ налогамъ—2.587,627 р., по доходамъ разнаго рода—1.189,257 р. и по отчужденію государственныхъ имуществъ—160,670 р.

„Въ объяснительныхъ запискахъ къ отчетамъ за предыдущіе годы обыкновенно приводились цифры роста обыкновенныхъ доходовъ за послѣднія 5 лѣтъ; причемъ, для большей правильности сравненія этихъ данныхъ, изъ общихъ итоговъ дѣйствительныхъ поступленій обыкновенныхъ доходовъ за каждый отдѣльный годъ исключались поступленія, составляющія: доходъ отъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ (§ 23), прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ (§ 26), обязательные платежи обществъ желѣзныхъ дорогъ (§ 31) и доходъ отъ казенной продажи питей (§ 20). Исключеніе помянутыхъ доходовъ обусловливалось тѣмъ, что увели-

ченіе поступленій отъ желѣзныхъ дорогъ, вслѣдствіе постепеннаго перехода въ казну частныхъ дорогъ, сопровождается, съ одной стороны, увеличеніемъ расходовъ на эксплоатацію дорогъ и платежей по государственнымъ займамъ, совершаемымъ для выкупа дорогъ, а съ другой, уменьшеніемъ дохода отъ обязательныхъ платежей желѣзнодорожныхъ обществъ и отъ участія казны въ прибыляхъ сихъ послѣднихъ. Подъ вліяніемъ этихъ причинъ соотношеніе между желѣзнодорожными доходами и расходами ежегодно измѣняется, вслѣдствіе чего, при обсужденіи вопроса о ежегодномъ ростѣ государственныхъ доходовъ, увеличеніе или уменьшеніе поступленій отъ желѣзныхъ дорогъ можетъ имѣть лишь условное значеніе.

Въ подобныхъ же условіяхъ находятся и обороты по казенной продажѣ питей, раіонъ коей постепенно расширяется, что сопровождается одновременнымъ увеличеніемъ доходовъ отъ продажи питей и расходовъ на веденіе дѣла и первоначальное его устройство; а такъ какъ акцизъ съ питей показывался до 1902 года особо отъ доходовъ по винной монополіи, то сіи послѣдніе, равно какъ и поступленія отъ желѣзныхъ дорогъ, можно было исключить изъ общей суммы государственныхъ доходовъ для выясненія постепеннаго роста ихъ.

Съ 1902 г., согласно Высочайше утвержденному 28 мая 1901 года мнѣнію государственнаго совѣта, поступленія акциза со спирта и вина слиты съ доходами собственно отъ казенной продажи питей и всѣ поступленія сего рода зачисляются въ § 20 государственной росписи. Опредѣлить по даннымъ настоящаго отчета, какая часть дохода, поступившаго въ отчетномъ году по § 20, соотвѣтствуетъ акцизу со спирта и вина и какая — поступленію отъ казенной продажи вина, невозможно, а потому, для сравненія роста государственныхъ доходовъ за послѣднее пятилѣтіе, изъ общаго итога государственныхъ доходовъ нельзя исключить поступленій отъ казенной продажи питей и, за симъ, за означенный періодъ времени приходится ограничиться сравненіемъ общей суммы поступившихъ за каждый годъ доходовъ, безъ исключенія какихъ-либо поступленій". Впрочемъ къ этому объясненію мы находимъ слѣдующее примѣчаніе.

„Въ текстѣ объяснительной записки нельзя было помѣстить сравненіе доходовъ, за исключеніемъ поступленій отъ казенной продажи питей и желѣзныхъ дорогъ за послѣднее пятилѣтіе, въ виду того, что въ немъ указываются лишь данныя и выводы, почерпнутые изъ отчета, но такъ какъ сіе послѣднее сравненіе роста доходовъ дѣлалось постоянно въ объяснительныхъ запискахъ, то представляется небезъинтересныхъ помѣстить его въ настоящемъ примѣчаніи, съ объясненіемъ, что необходимыя для опредѣленія акциза данныя за 1902 г. почерпнуты изъ сообщенныхъ контрольными палатами свѣ-

дѣній, доставленныхъ акцизными управленіями, о количествѣ проданнаго въ 1902 году вина. Изъ сихъ послѣднихъ свѣдѣній видно, что въ 1902 г. продано 62.977,035 вед. казеннаго вина (въ 40°), акцизъ за которыя, считая по 4 руб. 40 коп. съ ведра, составляетъ 277.098,954 р. Если вычесть эту послѣднюю сумму изъ общаго итога поступленій по § 20 (484.557,923 р.), то доходъ собственно отъ казенной продажи питей въ 1902 г. опредѣлится въ 207.458,969 р., а засимъ, поступленія дохода отъ казенной продажи питей за послѣднее пятилѣтіе составятъ:

въ 1898 г.	102.163,763 р.
» 1899 »	110.755,669 »
» 1900 »	117.919,335 »
» 1901 »	163.387,693 »
» 1902 »	207.458,969 »

За то же время поступленія отъ желѣзныхъ дорогъ составляли:

	Отъ казенныхъ дорогъ. (§ 23).	Отъ частныхъ дорогъ. (§§ 26 и 31).	Всего.
въ 1898 г. . . .	348.206,052 р.	14.801.884 р.	363.007,936 р.
» 1899 » . . .	347.529,144 »	10.641,104 »	358.170,248 »
» 1900 » . . .	361.659,254 »	12.289,322 »	373.948,576 »
» 1901 » . . .	378.616,995 »	14.393,763 »	393.010,758 »
» 1902 » . . .	407.911,955 »	9.066,651 »	416.978,606 »

За исключеніемъ вышеприведенныхъ доходовъ изъ общихъ итоговъ обыкновенныхъ доходовъ за послѣднее пятилѣтіе, ростъ ихъ представится въ слѣдующемъ видѣ:

	поступило	противъ предшествующаго года болѣе +
въ 1898 г.	1.119.682,746 р.	—
» 1899 »	1 204 387,145 »	+ 84.704,399 р.
» 1900 »	1.212.260,595 »	+ 7.873.450 »
» 1901 »	1.243.058,704 »	+ 30.798,109 »
» 1902 »	1.280.966,867 »	+ 37.908,163 »

Обратимся теперь къ расходамъ.

По росписи 1902 г. было ассигновано на обыкновенные расходы 1.775.913,481 р.

Главнѣйшими причинами увеличенія (на 119.260,925 р.) кредитовъ росписи отчетнаго года противъ росписи 1901 г. являются: увеличенія ассигнованій на эксплоатацію желѣзныхъ дорогъ (34 милл. р.), а расходы по казенной продажѣ питей (22,2 милл. р.), на усиленіе і улучшеніе желѣзныхъ дорогъ (21 милл. р.), на платежи по государственнымъ долгамъ (11,6 милл. р.) и др.

Дѣйствительное исполненіе росписи обыкновенныхъ расходовъ редставляются въ слѣдующемъ видѣ:

израсходовано:

а) въ отчетномъ году	1.655.428,267 р.	
б) въ теченіе льготнаго срока . .	61.155,278 »	
		1.716.583,545 р.

и подлежитъ выдачѣ:

а) по именнымъ спискамъ кредиторовъ казны	28.322,811 р.	
б) въ счетъ продолженныхъ кредитовъ	57.233,683 »	
		85.556,494 р.
Всего		1.802.140,039 р.

„Итогъ дѣйствительно произведенныхъ расходовъ, продолженныхъ кредитовъ и подлежащихъ отпуску по кредиторскимъ спискамъ суммъ обыкновенныхъ расходовъ (1.802.140.039 р.) по сравненію съ итогомъ кредитовъ, ассигнованныхъ по росписи 1902 г. (1.775.913,481 р.), представляетъ увеличеніе на 26.226,558 р. Если же, при сопоставленіи между собою предположеній росписи и отнесенныхъ на нее расходовъ, исключить изъ разсчета внесенный въ нее для усиленія смѣтныхъ кредитовъ фондъ въ 12.000,000 р. на экстренныя въ теченіе года надобности, и 1.687,669 р., причисленные къ кредитамъ военнаго министерства изъ особаго фонда въ 3.000,000 р., назначеннаго по государственной росписи на покрытіе расходовъ по случаю возвышенія стоимости провіанта и фуража, то превышеніе расходовъ противъ предположеній росписи достигнетъ 39.914,227 р.

Этотъ результатъ составляетъ послѣдствіе увеличенія расходовъ по однимъ вѣдомствамъ на 40.981,826 р. и уменьшенія по другимъ на 1.067,599 р.

Увеличеніе расходовъ противъ росписи выразилось по отдѣльнымъ вѣдомствамъ въ слѣдующихъ цифрахъ:

по военному министерству	20.482,631 р.
» министерству путей сообщенія	10.690,957 »
» смѣтѣ системы государственнаго кредита .	3.828,790 »
» морскому министерству	2.085,560 »
» министерству Императорскаго двора	1.812,719 »
» министерству внутреннихъ дѣлъ	777,653 »
» высшимъ государственнымъ учрежденіямъ .	447,259 »
» вѣдомству святѣйшаго синода	210,272 »
» министерству иностранныхъ дѣлъ	195,683 »
» министерству земледѣлія и государ. имущ .	182,128 »
» министерству народнаго просвѣщенія	146,149 »
» главному управленію госуд. коннозаводства .	120,761 »
» государственному контролю	1,264 »
	40.981,826 р.

Уменьшеніе же расходовъ послѣдовало по смѣтамъ:

министерства финансовъ	789,094 р.
министерства юстиціи	278,505 »
	1.067,599 р.

При обсужденіи возростанія расходовъ, также, какъ и доходовъ, необходимо имѣть въ виду, что на ростъ ихъ имѣетъ вліяніе сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ и переходъ въ казну частныхъ линій, а также введеніе въ дѣйствіе продажи питей.

Увеличеніе сихъ расходовъ, происходящее не только вслѣдствіе обыкновеннаго роста расходовъ подъ вліяніемъ развитія экономической жизни, но и вслѣдствіе перехода частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казну и территоріальнаго распространенія винной монополіи,— сопровождается одновременнымъ увеличеніемъ дохода и потому имѣетъ только условное значеніе". Къ этому объясненію мы находимъ слѣдующее примѣчаніе.

„Совокупность обыкновенныхъ расходовъ государственнаго казначейства по желѣзнодорожному хозяйству, какъ-то: по желѣзнодорожнымъ долгамъ (считая въ томъ числѣ консолидированные займы, правительственныя облигаціи, выпущенныя взамѣнъ акцій бывшихъ желѣзнодорожныхъ обществъ, и перешедшіе на государственное казначейство долги по облигаціямъ, реализованнымъ самими обществами, а равно всѣ займы, возникшіе для желѣзнодорожныхъ потребностей), по эксплоатаціи названныхъ дорогъ, по гарантіи чистаго дохода частнымъ желѣзнорожнымъ обществамъ, по улучшенію и усиленію казенныхъ и частныхъ дорогъ, по пріобрѣтенію подвижного состава и, наконецъ, по содержанію ревизіонныхъ учрежденій на желѣзныхъ дорогахъ, составляли, согласно даннымъ подлежащихъ отчетовъ, слѣдующія суммы (см. табл. на слѣд. стр.):

Издержки по введенію въ дѣйствіе казенной продажи питей составляли:

Въ 1898 г.	77.930,755 р.
» 1899 »	85.389,202 »
» 1900 »	112.754,554 »
» 1901 »	145.500,522 »
» 1902 »	158.357,705 »

Если указанныя суммы желѣзнодорожныхъ расходовъ вмѣстѣ съ расходами по казенной продажѣ вина, по основаніямъ, приведеннымъ выше, исключить изъ соотвѣтствующихъ цифръ обыкновенныхъ расходовъ, то постепенное возрастаніе сихъ послѣднихъ представится въ слѣдующемъ видѣ:

	Всего.	Противъ предшествующаго года болѣе.
Въ 1898 г.	926.997,325 р.	» р.
» 1899 »	1.000.282,198 »	73.284,873 »
» 1900 »	1.037.067,037 »	36.784,839 »
» 1901 »	1.034.687,610 »	менѣе 2.379.427 »
» 1902 »	1.097.166,618 »	болѣе 62.479,008 »

ГОДЫ.	Платежи по желѣзнодорожнымъ долгамъ.	Эксплоатація казенныхъ дорогъ.	Гарантія чистаго дохода и платежи по бумагамъ выкупленныхъ казною дорогъ, по которымъ разсчеты съ акціонерами не кончены.	Усиленіе и улучшеніе желѣзныхъ дорогъ, а также пріобрѣтеніе подвижного состава.	Содержаніе желѣзнодорожнаго контроля.	ВСЕГО.
1898	114.594,467	192.810,720	1.324,739	86.108,517	3.480,143	398.318,586
1899	117.322,346	212.180,396	1.000,000	79.336,461	3.630,904	413.470,107
1900	112.264.262	237.074,169	5.990,000	90.168,092	3.867,600	449.364,123
1901	126.149,809	269.352,598	2.085,000	83.993,849	3.117,863	484.699,119
1902	128.794,159	307.522,019	6.121,000	100.836,031	3.342,507	546.615,716

Изъ приведенныхъ данныхъ явствуетъ, что съ самаго начала пятилѣтія до 1902 г. обыкновенные расходы (за вычетомъ изъ нихъ издержекъ на желѣзнодорожныя надобности и расходовъ по казенной продажѣ питей) постоянно, хотя и неравномѣрно, возрастали, причемъ размѣръ годового увеличенія расходовъ колебался между 36 милл. и 73 милл. р. и лишь въ 1901 г. означенные расходы понизились противъ 1900 г. на 2 милл. р., по сравненію съ 1898 г., расходы 1902 г. возросли на 170.169,293 р., или на 18%, тогда какъ обыкновенные доходы за то же время, за вычетомъ желѣзнодорожныхъ поступленій и доходовъ отъ казенной продажи питей, увеличились на 161.284,121 р.

Сопоставляя данныя по доходамъ и расходамъ, приведенныя въ вышеизложенныхъ примѣчаніяхъ къ тексту объяснительной записки къ отчету государственнаго контроля, мы видимъ, что, собственно говоря, обыкновенные доходы, за исключеніемъ доходовъ отъ желѣзныхъ дорогъ и казенной продажи питей, возросли сравнительно немного за послѣднее пятилѣтіе,—всего лишь на (1.280.966,867 р.——1.119.682,746 р.) 161.284,121 р.

То же самое можно сказать и объ обыкновенныхъ расходахъ, за исключеніемъ желѣзнодорожныхъ и по казенной продажѣ питей, что они за пятилѣтіе возросли немного болѣе, чѣмъ доходы, а именно на 170.159,293 р. (1.097.166,618 р.—926.997,325 р.), что доказываетъ относительную бережливость въ остальныхъ министерствахъ, кромѣ министерствъ финансовъ и путей сообщенія.

Совсѣмъ иная картина получается при сопоставленіи данныхъ о расходахъ и доходахъ по желѣзнодорожному хозяйству.

	Всего поступило доходовъ.	Всего израсходовано.	Убытокъ казны.
Въ 1898 г. . .	363.007.936 р.	398.318,586 р.	35.310,650 р.
» 1899 » . . .	358.170.248 »	413.470,107 »	55.299,859 »
» 1900 » .	373.948,576 »	449.364,123 »	75.415,547 »
» 1901 » . . .	393.010.758 »	484.699,119 »	91.688,361 »
» 1902 » . .	416.978.606 »	546.615.716 »	129.637,110 »
	1.905.116, 24 р.	2.292.467,651 р.	387.351,527 р.

Изъ приведенныхъ данныхъ оказывается, что доходы за послѣднее пятилѣтіе по желѣзнодорожному хозяйству возросли всего лишь на 52.970,670 р., а въ то же время расходы по этому хозяйству за пятилѣтіе увеличились на 158.297,130 р., вслѣдствіе чего значительно увеличились убытки казны отъ желѣзныхъ дорогъ. По этой отрасли казеннаго хозяйства государственное казначейство за пять лѣтъ доплатило изъ общенародныхъ средствъ громадную сумму въ 387.351,527 р.

Виновниковъ подобныхъ убытковъ казны теперь, разумѣется, не

разыскать, но эти убытки являются прямымъ послѣдствіемъ допущенной, параллельно казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ, постройки частныхъ желѣзныхъ дорогъ, да еще съ гарантіей казны, что усиленно проводилось департаментомъ желѣзнодорожныхъ дѣлъ, когда во главѣ его стоялъ г. Максимовъ. Съ другой же стороны этому содѣйствовала какъ вся наша система желѣзнодорожныхъ тарифовъ, основанная на совершенно ложныхъ принципахъ, такъ и исключительныя тарифныя льготы, которыми пользуются частныя желѣзныя дороги въ ущербъ казеннымъ. Но къ этому вопросу мы еще вернемся.

Переходя къ сопоставленію и анализу цифръ по казенной продажѣ питей, мы позволимъ себѣ нѣсколько войти въ критическую ихъ оцѣнку по существу.

Эти данныя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

	Доходъ.	Расходъ.	Прибыль казны.
Въ 1898 г. . . .	102.163,763 р.	77.930,755 р.	24.233,008 р.
» 1899 » . . .	110.755,669 »	85.389,202 »	25.366,457 »
» 1900 » .	117.919,335 »	112.754,554 »	5.164,781 »
» 1901 » . .	163.387,693 »	145.500,522 »	17.887,171 »
» 1902 » . . .	207.458,969 »	158.357,705 »	49.101,264 »
	701.685,429 р.	579.932,738 р.	121.752,681 р.

За истекшее пятилѣтіе казенная продажа питей дала прибыль казнѣ въ 121.752,681 р., причемъ прибыль эта понижалась до 5 милл. въ 1900 году и повысилась до 49 милл. руб. въ 1902 году. Этими результатами, повидимому, можно удовлетвориться, такъ какъ фактъ прибыли казны отъ этой продажи на лицо. Между тѣмъ, если взглянуть на это дѣло со стороны интересовъ потребителей водки, то такой доходъ нужно признать совершенно несоотвѣтственнымъ тому новому обложенію, которому подвергся народъ съ введеніемъ казенной продажи вина.

Основная цѣль учрежденія казенной продажи питей состояла въ томъ, чтобы во-первыхъ упорядочить эту торговлю, сосредоточившуюся въ недобросовѣстныхъ рукахъ, во-вторыхъ—улучшить качество водки и въ третьихъ—развить въ народѣ правильное ея потребленіе, но всѣ далеки были отъ мысли новаго, при семъ удобномъ случаѣ, обложенія народа и безъ того уже отягощеннаго высокимъ акцизомъ на спиртъ.

Достигла ли казенная продажа водки преслѣдуемыхъ цѣлей,—трудно сказать, въ виду существующихъ совершенно противоположныхъ мнѣній по этому предмету, но что значительное обложеніе народа новымъ налогомъ, при семъ удобномъ случаѣ, произошло, такъ это фактъ, но только съ этого новаго налога поступаютъ лишь крохи въ казну, а львиная доля идетъ въ пользу организаціи этой продажи.

Насколько память намъ не измѣняетъ, простая водка, до введенія казенной продажи питей, продавалась по 5 р. 20 к. за ведро, а въ розницу 5 р. 50 к.—6 руб. ведро, водка же высшей очистки, какъ, напримѣръ, Смирнова,—ведрами продавалась по 6 р., а въ запечатанныхъ бутылкахъ по 35 к. или 7 р. за ведро. По такой цѣнѣ водка Смирнова продавалась не только въ Москвѣ, но и на всемъ югѣ Россіи, на Кавказѣ, т. е. по такой цѣнѣ считали возможнымъ продавать хорошую водку не только на мѣстахъ ея производства, но при доставкѣ ея на нѣсколько тысячъ верстъ. Всѣ заводчики и торговцы водкой, платя за ведро ея 4 р. 40 к. акциза и за самую водку отъ 40 до 60 к. за ведро, довольствовались на покрытіе расходовъ по ея перевозкѣ и въ прибыль себѣ отъ 30 до 50 к. на ведро водки низшаго сорта и около 1 р. на ведро водки высшей очистки.

Съ устройствомъ казенной продажи питей цѣна на простую водку была поднята до 7 р. 60 к. и 8 р. за ведро и на водку лучшей очистки (но по правдѣ нужно сознаться, далеко уступающую очисткѣ Смирнова, Попова и т. п. фирмъ)—до 10 р. на ведро. Слѣдовательно, народъ оказался обложеннымъ новымъ налогомъ на водку, равняющимся отъ 1 р. 60 к. до 4 р. на ведро, или это равносильно повышенію акциза отъ 36 до 90%. О вліяніи этого новаго налога на разумное потребленіе водки въ народѣ мы здѣсь пока не будемъ распространяться, но налогъ-то самый все-таки долженъ бы поступать въ казну полностью, между тѣмъ этого по отчету контроля не видно.

Въ 1902 году продано 62.977.035 ведеръ водки: считая, что заготовлено было въ 1902 году во всякомъ случаѣ не меньшее количество ея, чѣмъ продано, и на покупку всей заготовленой водки съ расходами по доставкѣ ея на спиртоочистительные заводы израсходовано было 50.611.584 р., то самое большее, что казнѣ обошлась купленная водка съ доставкой по 80 к. ведро. Это въ томъ случаѣ, если было заготовлено водки ровно столько же, сколько продано ея, но если заготовлено ея было больше, что совершенно естественно при расширеніи дѣла, то водка обошлась казнѣ значительно дешевле.

Продана эта водка за 487.353,971 р. или по 7 р. $64^{1}/_{2}$ к. за ведро: Слѣдовательно, выручено за нее, за исключеніемъ 4 р. 40 к. акциза, по 3 р. $24^{1}/_{2}$ к. за ведро. Въ этой суммѣ заключаются не менѣе 2 р., на которые возвышена цѣна на водку въ оптовой и розничной продажѣ, и 1 р. $24^{1}/_{2}$ к., составлявшіе расходы и барыши торговцевъ водкой и стоимость спирта. Собственно въ этихъ 1 р. $24^{1}/_{2}$ к. и теперь должна бы заключаться стоимость спирта и, если не барыши казны, то по крайней мѣрѣ всѣ расходы казны по ректи-

фикаціи водки и ея продажѣ. Два же рубля съ ведра или 125.954,070 р. должны составлять чистую прибыль казны, въ виду того, что на эту сумму повышена цѣна водки.

Въ дѣйствительности изъ представленныхъ данныхъ мы видимъ, что даже въ самый удачный 1902 годъ по прибыли, казна не дополучила (125.954,070 р.—49.101,264 р.) 76. 852, 806 руб.

Въ этой суммѣ выражаются реально-ощутимые убытки казны и народа отъ неправильно организованной казенной продажи питей.

Переходя къ размотрѣнію исполненія росписи чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ, мы видимъ, что на 1902 годъ чрезвычайныхъ доходовъ было исчислено 1.800,000 руб., въ дѣйствительности же ихъ поступило 202.148,326 руб., или на 200.348,326 руб. болѣе.

Какія это деньги—мы отвѣтимъ словами объяснительной записки приложенной къ отчету контроля за 1902 годъ.

Общая сумма чрезвычайныхъ поступленій слагается изъ слѣдующихъ частей:

Вкладовъ въ государственный банкъ на вѣчное время поступило 3.060, 943 руб., болѣе противъ предыдущаго года (2.564.350 р.) на 496.593 руб. и противъ смѣты на 1.260,943 руб., что слѣдуетъ приписать осторожности смѣтнаго исчисленія.

Отъ реализаціи россійскаго 4°/о государственнаго займа 1902 года, заключеннаго для реализаціи причитающагося Россіи отъ Китая вознагражденія, поступило 172.605,139 руб.

Заемъ сей былъ выпущенъ, на основаніи Высочайшаго указа 1 марта 1902 года, на нарицательный капиталъ 181.959,000 руб. равныхъ 393.000,000 германскихъ марокъ, изъ коихъ на 300.000,000 германскихъ марокъ заемъ сей былъ реализованъ въ Германіи, а на 93.000,000 германскихъ марокъ, равныхъ 43.059,000 руб.,—въ Россіи, отъ реализаціи коихъ, по курсу 94, 875 за 100, было выручено 284.625,000 марокъ въ Германіи, составляющихъ 131.752,913 руб., и 40.852,226 руб.—въ Россіи, а всего 172.605,139 руб.

Отъ реализаціи 4°/о консолидированной ренты, выпущенной въ 1901 г., на основаніи Высочайшаго указа 28 апрѣля 1901 г., для возмѣщенія государственному казначейству суммъ, выданныхъ въ ссуду обществамъ желѣзныхъ дорогъ въ 1900 и 1901 г.г., поступило 24.446,250 р.

4°/о консолидированная рента была выпущена на нарицательный капиталъ 159.000,000 р. (424 милл. франковъ). Отъ реализаціи сего займа, по курсу 95³/8 за 100, было выручено 404.390,000 фр., равныхъ 151.646,255 р., изъ коихъ 127.200,000 р. поступили въ 1901 году, поступленіе же остальной части (24.446,250 р.), по условіямъ реализаціи, было отсрочено до 15 февраля отчетнаго 1902 год

Доплатъ, удержанныхъ съ держателей 4°/о облигацій московско

ярославско-архангельской и шуйско-ивановской желѣзныхъ дорогъ, при обмѣнѣ этихъ облигацій на 4% государственную ренту, поступило 1.250,000 р.

На основаніи Высочайшаго указа 12 апрѣля 1902 года, владѣльцы вышеупомянутыхъ облигацій доплачивали за каждую облигацію въ 100 р., предъявленную къ обмѣну, по 2 р. 50 к. Изъ предъявленныхъ же къ обмѣну облигацій въ отчетномъ году было обмѣнено на 4% государственную ренту 500,000 облигацій, въ доплату къ которымъ и поступило 1.250,000 р. (500,000×2 р. 50 к.).

Отъ реализаціи 4% государственной ренты поступило 384,000 р.

На основаніи Высочайшаго указа 6 іюля 1901 г., въ теченіе отчетнаго года была выпущена 247 серія 4% государственной ренты, для окончанія обмѣна $4^1/_2$% облигацій внутреннихъ консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ выпусковъ 1890 и 1892 г.г. и $4^1/_2$% внутренняго займа 1893 года, на нарицательный капиталъ въ 10.000,000 р. Отъ реализаціи части этой серіи, оставшейся свободною отъ обмѣна, выручено было 384,000 р.

Остатковъ строительныхъ капиталовъ и другихъ суммъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ, перешедшихъ въ собственность казны, поступило 258,688 р.

Въ числѣ этой суммы заключаются: а) 257,428 р., составляющіе остатки капиталовъ, перешедшихъ въ собственность казны московско-ярославско-архангельской, оренбургской и двинско-витебской желѣзныхъ дорогъ, и б) 1,260 р., поступившіе въ возвратъ излишне взысканнаго скопинскою городскою управою налога съ недвижимыхъ имуществъ, нынѣ принадлежащихъ сызрано-вяземской желѣзной дорогѣ.

Освободившихся спеціальныхъ капиталовъ, обращенныхъ въ общія средства государственнаго казначейства, поступило 131,268 р.

Въ томъ числѣ: а) 121,502 р., составляющіе проценты на капиталъ, образовавшійся отъ процентныхъ бумагъ, поступившихъ въ уплату долгосрочныхъ ссудъ, выданныхъ изъ бывшихъ кредитныхъ установленій, и подлежавшіе въ свое время зачисленію въ прибыли по операціямъ ликвидаціи бывшихъ кредитныхъ установленій; б) 6,733 р., составляющіе суммы отмѣненнаго квартирнаго сбора по губерніямъ Царства Польскаго, подлежащія зачисленію въ доходъ казны, на основаніи Высочайше утвержденнаго 29 марта 1899 года мнѣнія государственнаго совѣта; в) 2,965 р., составляющіе остатокъ прибылей закрытыхъ сберегательныхъ кассъ Царства Польскаго, и г) 68 р., составляющіе проценты съ перечисленнаго въ доходъ казны, на основаніи Высочайше утвержденнаго 4 іюня 1901 г. мнѣнія государственнаго совѣта, капитала эмеритальной кассы сестеръ милосердія общества „Краснаго Креста“.

Въ возвратъ ссудъ, выданныхъ обществамъ желѣзныхъ дорогъ, поступило 12,038 р. отъ общества московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги.

Изъ этого видно, что поступившія деньги почти исключительно состоятъ изъ новыхъ долговъ, которыми мы себя обременили.

Что касается чрезвычайныхъ расходовъ, то они представляются намъ въ слѣдующемъ видѣ.

По росписи на 1902 г. на чрезвычайные расходы было ассигновано 170.658,495 р., въ томъ числѣ 67.295,200 р., назначенныхъ къ условному отпуску; изъ этой послѣдней суммы 1.676,700 р. остались неразрѣшенными къ расходованію.

Къ означенной суммѣ (170.658,495 р.) присоединены: а) 202.296,519 р. дополнительные экстраординарные кредиты, отпущенные частью на основаніи Высочайшихъ повелѣній 9 ноября 1901 года, 4 января, 1 и 29 марта, 11 мая, 24 и 28 іюня, 23 августа, 1 октября, 1 ноября, 8 и 13 декабря 1902 года и 2 іюня 1903 года и частью подлежащіе представленію на утвержденіе государственнаго совѣта, б) 4.948,832 р., перенесенные по Высочайшему повелѣнію 14 декабря 1901 г. изъ росписи 1901 г., и в) 210,088 р., переведенные въ чрезвычайную роспись изъ обыкновенной. Вслѣдствіе сего общій итогъ кредитовъ на чрезвычайные расходы составилъ 378.113,934 р., а за исключеніемъ 12.957,060 р., перенесенныхъ изъ чрезвычайной росписи въ обыкновенную, 365.156,874 р., распредѣленныхъ слѣдующимъ образомъ:

на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ . . .	152.573,181 р.
на вспомогательныя предпріятія, связанныя съ постройкою сибирской желѣзной дороги	3.338,092 »
на вознагражденіе частныхъ лицъ и учрежденій за отмѣну принадлежавшаго имъ права пропинаціи	5.000,000 »
на покрытіе расходовъ, произведенныхъ въ счетъ выручки отъ реализаціи россійскаго 4% государственнаго займа 1902 г., выпущеннаго для реализаціи причитающагося Россіи отъ Китая вознагражденія	172.333,601 »
на расходы по случаю неурожая минувшаго года	18.620,000 »
на расходы, вызванные событіями въ Китаѣ	9.956,181 »
на выплату дополнительнаго вознагражденія по удостовѣреніямъ (сертификатамъ) бывшаго общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ и на выдачу вознагражденія ликвидаціонной комиссіи сего общества	2.500,000 »
на удовлетвореніе потерпѣвшихъ отъ безпорядковъ землевладѣльцевъ полтавской и харьковской губерніи . . .	330,671 »

на покрытіе доплатъ по обмѣненнымъ въ 1902 году на государственную 4% ренту $4^1/_2$% облигаціямъ консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ 1 и 2 выпусковъ и внутренняго займа 1893 г.	384,000 р.
на операціонные расходы по реализаціи 4% консолидированной ренты . .	107,730 »
на операціонные расходы по обмѣну $4^1/_2$% облигацій московско-ярославско-архангельской и шуйско-ивановской желѣзныхъ дорогъ и по выдачѣ дополнительнаго вознагражденія держателямъ сертификатовъ б. общества юго-западныхъ желѣзныхъ дорогъ .	13,418 »
	365.156,874 р.

Главные расходы были произведены по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и по покрытію расходовъ, произведенныхъ въ счетъ выручки отъ реализаціи россійскаго 4% государственнаго займа 1902 года, выпущеннаго для реализаціи причитающагося Россіи отъ Китая вознагражденія. На нихъ-то мы и остановимся.

По росписи 1902 года исчислено на чрезвычайные расходы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ 162.320,403 р. За переводомъ изъ обыкновенной росписи въ чрезвычайную 209,838 р. и изъ чрезвычайной росписи въ обыкновенную 9.957,060 р., общая цифра кредитовъ, разрѣшенныхъ на означенный предметъ въ счетъ росписи 1902 г., составила 152.573,181 р.

Изъ этой суммы дѣйствительно израсходовано:

а) въ 1902 году	110.906,763 р.
б) » 1903 » въ теченіе льготнаго срока смѣты 1902 года	6.462,874 »
и продолжено	35.203,544 »
	152.573,181 р.

Означенная сумма израсходована и подлежитъ отпуску:

1) на производство изысканій		219,940 р.
2) на работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ:		
линіи Бологое-Сѣдлецъ . .	41.043,000 р.	
» С.-Петербургъ-Вятка	31.000,000 »	
второй екатерининской . .	24.000,000 »	
сѣвернаго участка оренбургъ-ташкентской . . .	17.000,000 »	
южнаго участка оренбургъ-ташкентской	12.000,000 »	
сибирской	11.399,726 »	
кіево-ковельской	7.000,000 »	
витебско-жлобинской . . .	3.000,000 »	
окружной вокругъ г. Москвы	2.000,000 »	

линіи Тифлисъ-Карсъ-Эривань	1.600,000 р.	
дорогъ второстепеннаго и мѣстнаго значенія и подъѣздныхъ рельсовыхъ путей	1.050,200 »	
		151.092,926 р.
3) суммы, поступившія въ доходъ казны и подлежащія къ расходу на окончаніе работъ сибирской желѣзн. дороги.		541,516 »
4) на возвратъ суммъ, временно позаимствованныхъ изъ строительныхъ кредитовъ сибирской желѣзной дороги на другія надобности		125,916 »
5) на расходы прежнихъ лѣтъ		592,883 »
Всего . . .		152.573,181 р.

Именнымъ Высочайшимъ указомъ 1 марта 1902 года о выпускѣ для реализаціи причитающагося Россіи отъ Китая вознагражденія, россійскаго 4% государственнаго займа, повелѣно удовлетворить изъ выручки настоящаго займа признанныя въ установленномъ порядкѣ правильными претензіи частныхъ лицъ и учрежденій въ размѣрѣ, соотвѣтствующемъ отношенію дѣйствительнаго поступленія по займу къ его нарицательному капиталу, остальную же часть выручки обратить исключительно на выдачу ссудъ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ.

На основаніи сего изъ ассигнованныхъ въ счетъ выручки отъ реализаціи названнаго займа 172.333,601 р. произведены, согласно указаннымъ въ Высочайшемъ повелѣніи 8 марта 1902 года способу удовлетворенія претензій и порядку выдачи ссудъ, слѣдующіе расходы:

1) на выдачу ссудъ частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ	99.000,000 р.
Въ томъ числѣ:	
Обществу рязанско-уральской желѣзной дороги	12.500,000 »
» московско-кіево-воронежской желѣзной дороги	12.740,000 »
» владикавказской жел. дороги	14.600,000 »
» московско-виндаво-рыбинской желѣзной дороги	16.300,000 »
» юго-восточныхъ жел. дорогъ	2.200,000 »
Первому обществу подъѣздныхъ путей въ Россіи	1.660,000 »
Обществу китайско-восточной желѣзной дороги	39.000,000 »
2) на уплату претензій къ китайскому правительству общества китайско-восточной желѣзной дороги за убытки, понесенные въ Китаѣ	65,975,000 »
3) на уплату претензій къ китайскому правительству частныхъ лицъ и учрежденій, въ томъ числѣ и датскихъ подданныхъ за убытки, понесенные ими во время китайскихъ смутъ . . .	5.830,336 »

4) на уплату иностраннаго гербоваго сбора по россійскому 4% государственному займу 1902 года	866,549 р.
5) на возстановленіе зданій пекинской духовной миссіи	344,200 »
6) на постройку новыхъ зданій для русской дипломатической миссіи въ Пекинѣ	170,000 »
и 7) на покрытіе расходовъ по изготовленію облигацій россійскаго 4% государственнаго займа 1902 года, доставкѣ ихъ за границу, на уплату банкирамъ комиссіи по оплатѣ купоновъ отъ сего займа и вышедшихъ въ тиражъ въ 1902 году облигацій и на другіе операціонные расходы по выпуску займа	3,330 »
Итого . . .	172.189,415 р.

О пользѣ сооруженія такихъ новыхъ желѣзныхъ дорогъ, какъ линій С.-Петербургъ-Вятка и Оренбургъ-Ташкентъ, говорить нечего, такъ какъ онѣ имѣютъ громадное экономическое значеніе для страны, чего, впрочемъ, нельзя сказать объ остальныхъ дорогахъ и въ особенности Бологое-Сѣдлецъ, второй Екатерининской, кіево-ковельской и т. п. и вообще на будущее время намъ слѣдовало бы хотя на время пріостановить или сократить такое строительство, а заняться упорядоченіемъ существующихъ желѣзныхъ дорогъ въ цѣляхъ поднятія ихъ доходности и уменьшенія убытковъ казны. Настроить въ долгъ новыхъ линій, зря—не штука, но кто будетъ расплачиваться за нихъ? Народъ и безъ того матеріально истощенъ, а безконечно должать—это идти по вѣрному пути къ государственному банкротству.

Еще болѣе удивительно помѣщеніе занятыхъ денегъ, вырученныхъ отъ реализаціи причитающагося Россіи отъ Китая вознагражденія. Вмѣсто того, чтобы покрыть изъ нихъ сто милліоновъ рублей, издержанныхъ нами на войну съ Китаемъ, мы роздали эти деньги въ ссуды частнымъ желѣзнодорожнымъ обществамъ, настроившимъ у насъ дорогъ въ подрывъ казеннымъ дорогамъ.

Еще придется ли намъ съ Китая получить контрибуцію или нѣтъ,—Богъ вѣсть, а мы уже учли эту будущую надежду на полученіе и деньги розданы въ безнадежные займы вреднымъ для насъ дорогамъ, вмѣсто того, чтобы изъ нихъ хотя бы часть употребить на формированіе новыхъ частей и вообще военные расходы, требующіеся на охрану Маньчжуріи, на что теперь усиленно требуются громадныя средства съ того же истощеннаго народа.

Общій сводъ оборотовъ по государственнымъ росписямъ въ теченіе 1902 года представляется въ слѣдующемъ видѣ:

По обыкновеннымъ доходамъ и расходамъ.

Обыкновенныхъ доходовъ поступило по росписи 1902 г.	1.905.404,442 р.

Обыкновенныхъ расходовъ исполнено:

по росписи 1902 г. (въ отчетномъ году, не считая льготнаго срока) 1.655.428,267 р.
по росписямъ прежн. лѣтъ 122.290,552 „ — 1.777.718,819 р,

Слѣдовательно, превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ обыкновенными расходами въ предѣлахъ 1902 года, по всѣмъ дѣйствовавшимъ въ томъ году росписямъ, опредѣлилось въ . . — 127.685,623 „

По чрезвычайнымъ рессурсамъ и расходамъ.

Чрезвычайныхъ рессурсовъ по росписи 1902 г. поступило . . . . — 202.148,326 „

Чрезвычайныхъ расходовъ исполнено:

по росписи 1902 г. (въ теченіе отчетнаго года, не считая льготнаго срока) . . . . 319.819,686 р.
по росписямъ прежнихъ лѣтъ 38.129,553 „ — 357.949,239 р.

Слѣдовательно, по чрезвычайнымъ бюджетамъ въ теченіе 1902 года, по всѣмъ дѣйствовавшимъ въ томъ году росписямъ, получилось превышеніе расходовъ надъ поступленіями въ суммѣ . — 155.800,913 „

Всего въ теченіе 1902 года поступило обыкновенныхъ доходовъ и чрезвычайныхъ рессурсовъ . . . . — 2.107.552,768 „

и исполнено обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ . . . . — 2.135.668,058 „

Въ общемъ за 1902 (гражданскій) годъ получилось превышеніе расходовъ надъ доходами на сумму 28.115,290 руб.

Слѣдовательно, несмотря на громадное превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами и заемъ 200 милл. руб. въ результатѣ получился все-таки дефицитъ въ 28.115,290 руб.

За послѣднія 5 лѣтъ много мы получили доходовъ, много дѣлали новыхъ займовъ, а все-таки въ общемъ идемъ по пути дефицитовъ, что видно изъ слѣдующей таблицы.

	Сумма обыкновенныхъ доходовъ и чрезвычайныхъ рессурсовъ.	Сумма обыкновенныхъ и чрезвычайныхъ расходовъ.	Превышеніе доходовъ + расходовъ —.
Въ 1898 г.	1.672.672,281 р.	1.658.771,538 р.	+ 13.900,743 р.
„ 1899 „	1.857.162,003 „	1.755.051,586 „	+ 102.110,417 „
„ 1900 „	1.736.697,489 „	1.873.771,595 „	— 137.074,106 „
„ 1901 „	1.963.373,070 „	1.935.588,360 „	+ 27.784,710 „
„ 1902 „	2.107.552,768 „	2.135.668,058 „	— 28.115,290 „

Закончивъ бѣглый обзоръ отчета государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1902 г., обратимся къ нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ въ этомъ отчетѣ и имѣющимъ выдающійся интересъ.

Такъ, напримѣръ, свѣдѣнія о кассовой наличности государственнаго казначейства представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Къ 1 января 1903 года, суммъ государственнаго казначейства состояло:

Въ кассахъ министерства финансовъ, на текущемъ счетѣ въ государственномъ банкѣ, въ частныхъ коммерческихъ банкахъ и за границей 447.745, 228 руб. 99 коп. и въ пути 29.378,276 руб. 88 коп., а всего 477.123,505 руб. 87 коп.

Сумма эта, по сравненію съ кассовою наличностью къ началу года (506.353,107 руб. 51 коп.), представляетъ уменьшеніе на 29.229,601 руб. 64 коп.

Ниже приводятся для сравненія данныя о кассовой наличности государственнаго казначейства за истекшее пятилѣтіе 1899—1903 гг.

На 1 января 1899 года состояло		545.640,652 р.	16 к.
„ 1 „ 1900 „ „		649.426,579 „	25 „
„ 1 „ 1901 „ „		454.434,605 „	50 „
„ 1 „ 1902 „ „		506.353,107 „	51 „
„ 1 „ 1903 „ „		477.123,505 „	87 „

Слѣдовательно, кассовая наличность на 1 января 1903 года значительно понизилась въ общемъ и большее пониженіе ея было лишь на 1 января 1901 года, когда потребовались значительныя суммы для покрытія расходовъ, вызванныхъ событіями на Дальнемъ Востокѣ.

Не меньшій интересъ представляетъ изъ себя и свободная наличность государственнаго казначейства.

Къ 1 января 1902 года, какъ видно изъ кассоваго свода, состояло суммъ государственнаго казначейства въ кассахъ имперіи, за границею и въ пути	506.353,107 р. 51 к.
Сверхъ того, числилось за посторонними источниками по текущимъ за ихъ счетъ расходамъ и за государственнымъ банкомъ по суммамъ, полученнымъ имъ за счетъ государственнаго казначейства	46.832,936 „ 89 „
Итого	553.186,044 р. 40 к.

Въ счетъ этой наличности подлежали выполненію слѣдующія обязательства государственнаго казначейства:

1) невыполненные расходы по заключеннымъ росписямъ .	263.255,703 р. 68 к.
2) невыполненные расходы по конверсіямъ	1.958,152 „ 68 „
и 3) суммы, подлежащія возврату постороннимъ источникамъ	19.551,921 „ 60 „
Всего . .	284.765,777 р. 96 к.

Такимъ образомъ, государственное казначейство къ началу смѣтнаго періода 1902 года, по сравненію съ лежащими на немъ обязательствами, располагало избыткомъ средствъ въ . . . . 268.420,266 р. 44 к.

Въ означенной свободной наличности государственнаго казначейства, подъ вліяніемъ результатовъ исполненія росписей и кассовыхъ оборотовъ, въ теченіе отчетнаго года произошли нижеслѣдующія измѣненія:

Исполненіе росписи отчетнаго года по обыкновеннымъ доходамъ и и расходамъ дало превышеніе доходовъ надъ расходами въ суммѣ 103.264,402 р. 57 к. (1.905.404,441 р. 89 к.—1.802.140,039 р. 32 к.), а съ присоединеніемъ къ этой суммѣ свободныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ (19.711,589 р. 63 к.)—122.975,992 р. 20 к. По чрезвычайнымъ же поступленія и расходамъ послѣдовало превышеніе расходовъ надъ поступленіями въ 162.887,311 р. 57 к. (365.035,637 р. 27 к.—202.148,325 р. 70 к.), а за исключеніемъ изъ этой суммы свободныхъ остатковъ отъ заключенныхъ смѣтъ прежнихъ лѣтъ (10.807,974 р. 87 к.), превышеніе чрезвычайныхъ расходовъ надъ чрезвычайными рессурсами составило—152.079,336 р. 70 к. Такимъ образомъ, въ общей сложности, исполненіе росписи 1902 г. и заключенныхъ смѣтъ уменьшило свободную наличность государственнаго казначейства на 29.103,344 р. 50 к. (152.079,336 р. 70 к.— —122.975,992 р. 20 к.).

Въ отчетномъ году обороты по обмѣну денежныхъ знаковъ и прочіе кассовые обороты увеличили кассовую и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободную наличность государственнаго казначейства: первые на 17.540,841 р. 32 к., вторые на 576,304 р. 17 к., обороты же съ контрамарками уменьшили ее на 18,198 р. 75 к., такъ что, въ окончательномъ выводѣ, свободная наличность подъ вліяніемъ кассовыхъ оборотовъ увеличилась на 18.098,946 р. 74 к. (17.540,841 р. 32 к.+ +576,304 р. 17 к.—18,198 р. 75 к.). Всѣ остальные кассовые обороты (кромѣ оборотовъ по исполненію росписей), уменьшая или увеличивая кассовую наличность, не оказали никакого вліянія на размѣръ свободной наличности, такъ какъ каждому поступленію по означеннымъ отдѣламъ кассоваго свода соотвѣтствуетъ въ равной суммѣ увеличеніе текущихъ обязательствъ государственнаго казначейства или уменьшеніе обязательствъ въ пользу его, а каждая выдача сопровождается соотвѣтствующимъ уменьшеніемъ обязательствъ казны или увеличеніемъ обязательствъ въ пользу казны.

Изъ вышеизложеннаго видно, что свободная наличность въ теченіе отчетнаго года должна была уменьшиться отъ исполненія росписей на 29.103,344 р. 50 к. и увеличиться подъ вліяніемъ кассовыхъ оборотовъ на 18.098,946 р. 74 к.; въ конечномъ же ре-

зультатѣ, свободная наличность уменьшилась на 11.004,397 р. 76 к. (29.103,344 р. 50 к. — 18.098,946 р. 74 к.) и къ концу отчетнаго года составила 257.415,868 р. 68 к. (268.420,266 р. 44 к.— —11.004,397 р. 76 к.).

Этотъ же выводъ свободной наличности подтверждается нижеслѣдующимъ сопоставленіемъ наличныхъ средствъ государственнаго казначейства на 1 января 1903 года съ лежащими на немъ невыполненными обязательствами.

Къ 1 января 1903 года состояло суммъ государственнаго казначейства на лицо въ кассахъ имперіи, за границею и въ пути	477.123,505 р. 87 к.
Сверхъ того, числилось за посторонними источниками по текущимъ за ихъ счетъ расходамъ и за государственнымъ банкомъ по суммамъ, полученнымъ имъ за счетъ государственнаго казначейства	66.484,424 р. 34 к.
Итого	543.607,930 р. 21 к.

Въ счетъ этой наличности подлежали выполненію слѣдующія обязательства государственнаго казначейства:

1) невыполненные расходы по росписи 1902 г. и по заключеннымъ смѣтамъ	264.243,758 р. 11 к.
2) невыполненные расходы по конверсіямъ	1.912,270 » 96 »
и 3) суммы, подлежащія возврату постороннимъ источникамъ	20.036,032 » 46 »
А всего	286.192,061 р. 53 к.

Слѣдовательно, средства государственнаго казначейства превышали лежащія на немъ обязательства на 257.415,868 р. 68 к.

Отсюда слѣдуетъ, что на 1 января 1903 года государственное казначейство располагало свободными средствами (257.415,868 р. 68 к.) въ той самой цифрѣ, какой долженъ былъ достигнуть размѣръ свободной наличности подъ вліяніемъ разсмотрѣнныхъ выше оборотовъ суммъ государственнаго казначейства въ 1902 году.

Ниже приводятся данныя о свободной наличности за истекшее пятилѣтіе:

	Размѣръ свободной наличности.
На 1 января 1899 года	134.885,669 р. 85 к.
» 1 » 1900 »	216.727,212 » 39 »
» 1 » 1901 »	104.975,534 » 92 »
» 1 » 1902 »	268.420,266 » 44 »
» 1 » 1903 »	257.415,868 » 68 »

Такимъ образомъ и свободная наличность уменьшилась къ 1 января 1903 года.

Наконецъ, остается еще существенный вопросъ о состояніи и движеніи нашихъ государственныхъ долговъ.

Вѣдомость о движеніи государственнаго долга, начиная съ отчетнаго года, признано необходимымъ дополнять особымъ приложеніемъ, въ коемъ помѣщены подробные разсчеты объ образованіи новыхъ долговъ и произведенномъ въ отчетномъ году погашеніи съ распредѣленіемъ долговъ на желѣзнодорожные и общегосударственные.

Изъ вышеупомянутыхъ вѣдомости и приложенія усматривается:

Къ 1 января 1902 года за государственнымъ казначействомъ числилось долговъ на сумму 6.392.374,411 р. 28 к., въ томъ числѣ: 3.382.098,800 р. 27 к. долговъ на общегосударственныя потребности и 3.010.275,611 р. 01 к. желѣзнодорожныхъ долговъ (см. табл. на слѣд. стр.).

Въ теченіе отчетнаго года государственный долгъ увеличился на 373.601,115 р. 40 к., въ томъ числѣ: на 120.043,411 р. 90 к. по долгамъ на общегосударственныя потребности и на 253.557,703 р. 50 к. по желѣзнодорожнымъ долгамъ, а именно:

по долгамъ на общегосударственныя потребности:

вслѣдствіе выпуска 4% государственнаго займа 1902 года, на основаніи Высочайшаго указа 1 марта 1902 года (часть на общегосударственныя потребности)	77.611,173 р. 90 к.
вслѣдствіе выпуска 3% билетовъ государственнаго казначейства, взамѣнъ приносившихъ 3,78%	33.000,000 „ — „
вслѣдствіе выпуска 4% государственной ренты (серія 247) для добровольнаго обмѣна на облигаціи 4½% внутренняго займа 1893 года, на основаніи Высочайшаго указа 6 іюля 1901 г.	6.250,000 „ — „
вслѣдствіе взноса въ государственный банкъ вкладовъ на вѣчное храненіе: 4% . . . . 69,869 р. и 3½% . . . . . . 2 996,175 „	3.066,044 „ — „
вслѣдствіе начисленія процентовъ по вкладамъ въ бывшія кредитныя установленія	116,194 „ — „
Итого на общегосударственныя потребности	120.043,411 р. 90 к.

по желѣзнодорожнымъ долгамъ:

вслѣдствіе выпуска 4% государственнаго займа 1902 года, на основаніи Высочайшаго указа 1 марта 1902 года (часть желѣзнодорожная)	104.347,826 р. 10 к.
вслѣдствіе включенія въ составъ государственнаго долга 4% займовъ бывшаго общества московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги на основаніи Высочайше утвержденнаго 30 марта 1900 г. положенія соединен-	

Процентныхъ долговъ.	На общегосударственныя потребности:						Желѣзнодорожныхъ долговъ:						Всего.	
	Срочныхъ.		Безсрочныхъ.		Итого.		Срочныхъ.		Безсрочныхъ.		Итого.			
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.
3%	278.317.562	50	19.334,913	—	297.652,475	50	281.566,125	—	—	—	281.566,125	—	579.218,600	50
3½% . . .	23.151,225	18	10.567,946	—	33.719,171	18	124.420,649	—	—	—	124.420,649	82	158.139,821	—
3,79% . . .	33.000,000	—	—	—	33,000,000	—	—	—	—	—	—	—	33.000,000	—
3.8% . . .	84.908.400	—	—	—	84.908,400	—	—	—	—	—	—	—	84.908,400	—
4%	509.982,006	50	2.083.010,508	52	2.592.992,515	2	1.780.983,990	69	734.882,533	—	2.515.866,523	69	5.108.859,038	71
4½% . . .	41.810,000	—	—	—	41.810,000	—	88.422,312	50	—	—	88.422,312	50	130.232,312	50
5%	144.125,750	—	115.413,338	—	259.539,088	—	—	—	—	—	—	—	259.539,088	—
6% . . .	—	—	38.477.150	57	38.477,150	57	—	—	—	—	—	—	38.477,150	57
Всего . . .	1.115.294,944	18	2.266.803,856	9	3.382.098,800	27	2.275.393,078	1	734.882,533	—	3.010.275,611	1	6.392.374,411	28

наго комитета министровъ и департамента государственной экономіи государствен. совѣта (14.757,714 р. 90 к.+ +61.442,500 р.)	76.200,214 р. 90 к.
вслѣдствіе выпуска 4% государственной ренты для добровольнаго обмѣна на 4%, выпущенныя въ рубляхъ= =$^{1}/_{15}$ имперіала, облигаціи московско-ярославско-архангельской и шуйско-ивановской желѣзныхъ дорогъ, на основаніи Высочайшаго указа 12 апрѣля 1902 года	50.000,000 „ — „
вслѣдствіе включенія въ составъ государственнаго долга облигацій бывшаго общества московско-ярославской желѣзной дороги, на основаніи Высочайше утвержденнаго 30 марта 1900 г. положенія соединеннаго присутствія комитета министровъ и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта:	
5%	16.101,562 „ 50 „
$4\frac{1}{2}$%	2.480,300 „ — „
вслѣдствіе выпуска 4% государств. ренты для добровольнаго обмѣна на $4\frac{1}{2}$% облигаціи консолидированныхъ желѣзнодорожныхъ займовъ выпусковъ 1890 и 1892 г.г.	3.750,000 „ — „
вслѣдствіе включенія въ составъ государственнаго долга 4% облигацій бывшаго общества шуйско-ивановской желѣзной дороги, на основаніи Высочайше утвержденнаго 30 марта 1900 г. положенія соединеннаго присутствія комитета министровъ и департамента государственной экономіи государственнаго совѣта	677,800 „ — „
Итого желѣзнодор. долговъ . . .	253.557,703 р. 50 к.
Всего	373.601,115 р. 40 к.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ теченіе отчетнаго года государственный долгъ уменьшился на 122.048,856 р. 59 к., въ томъ числѣ: на 57.395,815 р. 77 к. по долгамъ на общегосударственныя потребности и на 64.653,040 р. 82 к. по желѣзнодорожнымъ долгамъ, а именно:

по долгамъ на общегосударственныя потребности:

вслѣдствіе изъятія изъ обращенія билетовъ государствен. казначейства, приносившихъ 3,79%	33.000,000 р. — к.
вслѣдствіе добровольнаго обмѣна на 4% государственную ренту $4\frac{1}{2}$% облигацій внутренняго займа 1893 года .	9.300,000 „ — „
вслѣдствіе текущаго погашенія займовъ:	
срочныхъ (тиражами)	14.992,010 „ 41 „
безсрочныхъ	3,331 „ 71 „
по вкладамъ въ бывшія кредитныя установленія	100,473 „ 65 „
Итого на общегосударственныя потребности	57.395,815 р. 77 к.

по желѣзнодорожнымъ долгамъ:

вслѣдствіе добровольнаго обмѣна на 4% государственную ренту:	
1) выпущенныхъ въ рубляхъ=1/15 имперіала, 4% облигацій бывшаго общества московско-ярославско-архангельской желѣзной дороги	49.326,400 р. — к.
2) 4½% облигацій консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа 1-го выпуска 1890 года	2.300,000 „ — „
3) 4½% облигацій консолидированнаго желѣзнодорожнаго займа 2-го выпуска 1892 года	1.500,000 „ — „
4) 4% облигацій бывшаго общества шуйско-ивановской желѣзной дороги .	673,600 „ — „
вслѣдствіе погашенія тиражами срочныхъ займовъ	10.853,040 „ — „
Итого желѣзнодор. долговъ . . .	64.653,040 р. 82 к.

Затѣмъ, къ концу отчетнаго года государственный долгъ составлялъ 6.643.926,670 р. 09 к., въ томъ числѣ: 3.444.746,396 р. 40 к. долговъ на общегосударственныя потребности и 3.199.180,273 р. 69 к. желѣзнодорожныхъ долговъ (см. табл. на слѣд. стр.).

Въ общемъ, государственный долгъ, составлявшій къ началу 1902 г. 6.392.374,411 р. 28 к., увеличился къ концу года на 251.552,258 р. 81 к. и составилъ 6.643.926,670 р. 09 к.

Въ частности, долги къ концу года увеличились: на общегосударственныя потребности на 62.647,596 р. 13 к. и желѣзнодорожные на 188.904,662 р. 68 к.

Сумма кредитовъ на уплату процентовъ, составлявшая въ 1901 г. 252.670,384 р., возросла въ 1902 году до 266.094,778 р., т. е. на 13.424,394 р.; кредиты же на погашеніе, по сравненію съ 1901 г., увеличились на 1.945,064 р. (27.850,986 р.—25.905,922 р.).

Конечный результатъ исполненія государственной росписи въ 1902 году сводится къ тому общему выводу, что свободная наличность государственнаго казначейства уменьшилась на 11.004,397 р. 76 к., да новыхъ долговъ сдѣлано на 251.552,258 р. 81 к., *т. е. дефицитъ нашъ за 1902 годъ равняется 262.556,656 р. 57 коп.*

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что мы быстро идемъ по пути задолженности. Въ 1889 году весь долгъ нашъ составлялъ 4.992,235,310 р., а къ 1-му января 1903 года онъ дошелъ до 6.643.926,670 р., т. е. возросъ на 1.651.691,360 руб.

Прибавить къ этому нечего, такъ какъ цифры краснорѣчиво говорятъ сами за себя.

Процент-ныхъ долговъ.	На общегосударственныя потребности:						Желѣзнодорожныхъ долговъ:						Всего.	
	Срочныхъ.		Безсроч-ныхъ.		Итого.		Срочныхъ.		Безсроч-ныхъ.		Итого.			
	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К.	Руб.	К	Руб.	К.
3%	311.069,125	—	19.834,913	—	330 404,038	—	279.962,250	—	—	—	279 962,250	—	610 366,288	—
3½% . . .	23.084,305	62	13 564,121	—	36.648,426	62	124.061,006	88	—	—	124 061,006	88	160.709,433	50
3.8% . . .	84.722,400	—	—	—	84 722,400	—	—	—	—	—	—	—	84.722,400	—
4%	577.193,277	5	2 089 346,097	87	2.666.539,374	92	1.903 891,521	31	788.632,533	—	2 692.524,054	31	5 359 063,429	23
4½% . . .	32.445,000	—	—	—	32 445,000	—	86.650,462	50	—	—	86.650.462	50	119.095,462	50
5%	140.100,000	—	115.413,338	—	255.513,338	—	15.982,500	—	—	—	15.982,500	—	271.495,838	—
6%	—	—	38.473,818	86	38 473,818	86	—	—	—	—	—	—	38.473,818	86
Всего . . .	1 168.614,107	67	2 276.132,288	73	3.444.746,396	40	2 410,547,740	69	788.632,533	—	3.199.180,273	69	6.643.926,670	9

Заговоривши о ежегодныхъ дефицитахъ въ нашихъ финансахъ, умѣстно указать, какъ на одинъ изъ многихъ подобныхъ же случаевъ нашего финансоваго хозяйства, ведущихъ къ вящему увеличенію дефицитовъ государства, это, напримѣръ, на неоднократно всплывавшій и вновь всплывшій вопросъ о вывозномъ тарифѣ на керосинъ. По этому поводу даже „Новое Время", всегда оптимистически относящееся къ подобнымъ дѣяніямъ, говоритъ слѣдующее:

„Закавказская казенная желѣзная дорога перевозитъ керосинъ изъ Баку въ Батумъ по двумъ тарифамъ. За провозъ керосина, предназначеннаго для русскаго потребителя, она взимаетъ 26 коп., для вывозимаго за границу—16 к. Такая разница въ пользу вывозного керосина была установлена вслѣдствіе домогательства экспортеровъ русскаго керосина (Ротшильда, Нобеля и др.), выставлявшихъ мотивомъ своего выпрашиванія крайне низкія цѣны на керосинъ. Теперь цѣна на экспортируемый за границу керосинъ удвоилась по сравненію съ цѣнами, стоявшими еще очень недавно въ Баку и Батумѣ. Въ Нью-Іоркѣ на американскій керосинъ стоитъ небывало высокая цѣна—болѣе рубля за пудъ, чѣмъ, конечно, обусловливается и громадный заработокъ экспортеровъ русскаго керосина. И Ротшильдъ, и Нобель, и Манташевъ, и др. усилили выработку своихъ нефтеперегонныхъ заводовъ и скупаютъ въ Баку нефть у кого только могутъ. Цѣна на нефть на бакинскомъ рынкѣ удвоилась. Крупные керосинопромышленники получаютъ баснословные дивиденды. Одна только Закавказская желѣзная дорога не пользуется такимъ положеніемъ и по прежнему, къ вящей выгодѣ экспортеровъ, возитъ транзитный керосинъ по пониженному тарифу. Между тѣмъ, уравненіе его съ внутреннимъ тарифомъ, теперь болѣе, чѣмъ когда-либо, возможное и необходимое, увеличило бы доходъ казны съ этой дороги ни болѣе, ни менѣе, какъ на семь—восемь милліоновъ рублей въ годъ,—сумма весьма почтенная и заслуживающая, казалось бы, вниманія нашихъ тарифныхъ учрежденій и финансовыхъ сферъ".

Добавимъ къ этому, что экспортнаго керосина ежедневно провозится по Закавказской желѣзной дорогѣ до 200,000 пудовъ, а потому убытки казны отъ этого доходятъ до 20,000 руб. въ день. Сумма не малая! И она ежедневно поглощается широкой мошной нашихъ пресловутыхъ и вѣчно жалующихся экспортеровъ керосина и нефтяныхъ королей: Ротшильдовъ, Нобелей, Манташевыхъ и всего нефтяного еврейско-армянскаго царства. Но они этимъ еще не довольствуются.

Въ виду того, что американскій керосинъ въ настоящее время въ Нью-Іоркѣ стоитъ выше рубля за пудъ, то по тѣмъ же цѣнамъ наши экспортеры продаютъ свой керосинъ въ Западной Европѣ, но такъ какъ керосинъ обходится имъ всего около 50 коп. (обычная

цѣна керосина въ Баку 15—20 к. за пудъ, перевозка до Батума—16 к. и морской фрахтъ—5—10 коп.), то они получаютъ чистаго барыша болѣе 50 коп. на пудъ или 100%.

Не желая получать меньшаго барыша при продажѣ своего керосина для внутренняго потребленія, эти благодѣтели просто подняли на 50 коп. на него цѣну и находятъ защитниковъ себѣ въ лицѣ нашей „Торгово-промышленной газеты" и еврейскихъ „Новостей".

Еще лѣтомъ въ Царицынѣ керосинъ продавался по 17 коп. за пудъ, а теперь цѣна поднялась на него до 57 коп. Въ Москвѣ цѣна на керосинъ поднялась на 50 коп. Въ Петербургѣ тоже керосинъ ростетъ въ цѣнѣ. Однимъ словомъ, эти благодѣтели, пользуясь хорошимъ барышемъ на экспортируемомъ керосинѣ, еще хотятъ обобрать русскій народъ.

Подобной эксплуатаціи слѣдовало бы противопоставить не только повышеніе провозной платы по Закавказской желѣзной дорогѣ, но и обложить керосинъ еще вывозной пошлиной, чтобы этимъ заставить нефтяныхъ королей подѣлиться съ казной и народомъ своими барышами, такъ какъ при этомъ несомнѣнно цѣны на керосинъ на внутреннемъ рынкѣ падутъ.

Да и вообще для чего намъ отказываться отъ нѣсколькихъ десятковъ милліоновъ рублей лишнихъ доходовъ, когда они къ намъ сами напрашиваются... Сильны, ужъ больно сильны всѣ эти Ротшильды, Нобели, Манташевы и все нефтяное еврейско-армянское царство... А мы... мы гласъ вопіющаго въ пустынѣ.

Армянинъ и въ особенности еврей—за послѣднія десять лѣтъ у насъ выросъ въ очень большого, даже громаднаго, человѣка. Это можно видѣть изъ такого, странно не замѣченнаго, факта. Въ Кишиневы было цѣлое побоище, русскіе били евреевъ, а евреи били русскихъ. Началось оно изъ-за того, что первые евреи убили одного русскаго, т. е. были зачинщиками безпорядковъ. Недавно обнародовано рѣшеніе суда по этому дѣлу.

„Одесская судебная палата, разсмотрѣвъ въ особомъ присутствіи при закрытыхъ дверяхъ въ засѣданіяхъ съ 6 ноября по 7 декабря дѣло о Герчіу, Марозюкѣ и другихъ, въ числѣ 37 человѣкъ, обвинявшихся въ анти-еврейскихъ безпорядкахъ въ Кишиневѣ на Пасху этого года, сегодня въ 8 часовъ вечера объявила резолюцію: Герчіу и Марозюкъ, обвинявшіеся, кромѣ того, въ убійствѣ, приговорены къ каторжнымъ работамъ на 7 и 5 лѣтъ, 22 подсудимыхъ къ арестантскимъ ротамъ на сроки отъ 1 до 2 лѣтъ, 1—къ 6-мѣсячному тюремному заключенію, 12 оправданы. Всѣ 48 гражданскихъ исковъ оставлены безъ удовлетворенія. Судебныя издержки возложены на

осужденныхъ. О вещественныхъ доказательствахъ состоится особое опредѣленіе. Приговоръ въ окончательной формѣ будетъ объявленъ 30 января 1904 года".

Всѣ подсудимые русскіе. Гдѣ же евреи, которые убивали русскихъ, стрѣляли въ нихъ и вообще безчинствовали? Отчего они не судились и на судѣ о нихъ рѣчи не было? Неужели они прикрылись теплыми крылышками Ротшильдовъ, Гинсбурговъ и т. п. еврейскихъ великихъ мужей?..

Насколько весь 1903 годъ тревожно протекъ подъ вліяніемъ внѣшнихъ осложненій на Ближнемъ и Дальнемъ Востокѣ, настолько конецъ его чреватъ событіями, касающимися внутренней жизни страны, которымъ суждено разрѣшиться въ ближайшемъ будущемъ, въ наступающемъ 1904 году. Не говоримъ уже о внѣшнихъ осложненіяхъ, которыя ежечасно могутъ потрясти весь внутренній организмъ страны въ случаѣ, если вмѣсто дипломатовъ нашихъ, заговорятъ наши пушки своимъ языкомъ и стальными словами съ зазнавшимися японцами и другими нашими недоброжелателями и врагами, коимъ нѣсть числа. О такихъ потрясеніямъ загадывать нечего: будетъ война, — мы съумѣемъ постоять за себя и не намъ учиться отбиваться отъ нашествія даже двадесяти языковъ. Что намъ велитъ долгъ,—мы исполнимъ. Но не этого мы напряженно ждемъ отъ наступающаго года. Конецъ 1903 года затеплилъ въ насъ надежду на разрѣшеніе многихъ весьма существенныхъ и коренныхъ вопросовъ во внутренней жизни страны.

Одинъ изъ такихъ вопросовъ долженъ на дняхъ разрѣшиться,— это давно уже обѣщанное и съ нетерпѣніемъ ожидаемое новое положеніе о крестьянахъ. Наше устарѣвшее уже положеніе о крестьянахъ рѣшительно не отвѣчаетъ ни современному укладу крестьянской жизни, ни тѣмъ вновь возникшимъ нуждамъ крестьянства, которыя не находятъ въ немъ разрѣшенія.

Проектъ этого новаго положенія уже составленъ редакціонною коммиссіею, образованною въ 1902 году при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ.

По поводу этого проекта „Новое Время" говоритъ, что „редакціонная коммиссія сразу подошла къ дѣлу прямо, безъ всякихъ предвзятыхъ тенденцій и задалась цѣлью создать не что-либо идеальное, а составить такія законоположенія, которыя отвѣчали бы назрѣвшимъ уже потребностямъ и предоставляли бы полный просторъ развитію жизни крестьянъ, сообразно постоянно измѣняющимся условіямъ ихъ быта.

Въ этомъ отношеніи редакціонная коммиссія поступила правильно, гоняясь за достиженіемъ недостижимыхъ идеаловъ, стремясь опере-

дить требованія жизни, предвидѣть все будущее развитіе ея, согласовать проектируемые законы съ разными теоріями, отвлеченными доктринами и законодательствами другихъ странъ, коммиссія проработала бы десятки лѣтъ и въ результатѣ составила бы какой-нибудь законодательный конгломератъ, не отвѣчающій современнымъ условіямъ и не допускающій возможности дальнѣйшаго развитія безъ новаго коренного пересмотра составленныхъ законовъ.

Исходный точкою всѣхъ соображеній редакціонной коммиссіи было положеніе 19 февраля 1861 года и одухотворяющія его начала. Иначе едвали коммиссія и могла бы поступить. Этимъ положеніемъ Россія руководствовалась почти полвѣка, и за все это время никто не могъ создать чего-либо лучшаго на другихъ началахъ. Даже наиболѣе убѣжденные противники общиннаго владѣнія,—а не это ли краеугольный камень крестьянскаго землепользованія?—не рѣшаются настаивать на немедленной ломкѣ.

Да и къ чему было бы здѣсь, въ Петербургѣ, искать другихъ началъ? По силѣ Высочайшаго манифеста 26 февраля этого года проектъ долженъ быть разосланъ губернаторамъ для разсмотрѣнія его въ губернскихъ совѣщаніяхъ и, слѣдовательно, если нужны болѣе серьезныя отступленія отъ положенія 1861 года, то мѣстные дѣятели не преминутъ о томъ заявить, представивъ и соотвѣтственные доводы, но уже не теоретическаго, а практическаго свойства.

Какія же однако основныя начала великой крестьянской реформы? Главнѣйшими началами являются формы землепользованія и неотчуждаемость надѣльной земли. Изъ этихъ началъ вытекаетъ уже извѣстная обособленность крестьянскаго сословія и особый видъ крестьянскаго самоуправленія.

Поставивъ себѣ однако задачей отнюдь ничего не ломать, коммиссія предвидитъ возможность естественнаго развитія крестьянской жизни и потому не создаетъ нераздвигаемыхъ рамокъ, сковывающихъ на вѣки вѣчные всѣхъ отдѣльныхъ лицъ, даже и тѣхъ, которыя пожелали бы по различнымъ обстоятельствамъ выйти изъ этого обособленнаго положенія или отказаться отъ основныхъ формъ землепользованія.

Сохраняя общинное владѣніе во всей неприкосновенности, коммиссія проектируетъ различныя мѣры къ облегченію разселенія крестьянъ въ отдѣльные поселки и даже перехода отдѣльныхъ лицъ на отрубные участки.

Въ этомъ отношеніи редакціонная коммисія идетъ еще далѣе и рекомендуетъ, помимо принятія извѣстныхъ законодательныхъ мѣръ, помимо устраненія различныхъ стѣснительныхъ формальностей, оказаніе еще матеріальной помощи выселяющимся крестьянамъ въ незначительные поселки на болѣе отдаленныя общественныя земли

или переходящимъ къ подворному хозяйству. Въ этихъ же соображеніяхъ коммиссія проектируетъ и назначеніе въ губернскія присутствія необходимаго числа землемѣровъ и межевыхъ ревизоровъ, дабы крестьяне не встрѣчали затрудненій въ размежеваніи земель при выселеніи ихъ въ поселки или на отрубные участки.

Несомнѣнно, это единственный разумный выходъ изъ тѣхъ стѣснительныхъ формъ, въ которыхъ находится крестьянское землепользованіе. Сама жизнь должна въ каждомъ данномъ случаѣ рѣшить сложный вопросъ: гдѣ и при какихъ условіяхъ надлежитъ сохранить общинное пользованіе землей и при какой обстановкѣ удобнѣе будетъ переходить къ подворному хозяйству?"

Во всякомъ случаѣ можно надѣяться, что настойчивость и энергія нынѣшняго министра внутреннихъ дѣлъ В. К. Плеве поможетъ ускорить введеніе этого новаго положенія.

Другой весьма докучливый вопросъ тоже близится къ концу. Это вопросъ о нашихъ торгово-договорныхъ отношеніяхъ съ Германіей.

По этому поводу умѣстно будетъ нѣсколько возстановить въ нашей памяти исторію этого вопроса.

Во времена фритредерскихъ увлеченій, когда въ свободѣ торговли мы тщетно искали обогащенія и поправленія нашихъ разстроенныхъ финансовъ, Германія въ числѣ прочихъ странъ принимала дѣятельное участіе въ разореніи Россіи.

Разгромивъ благодаря нашему попустительству Францію и взыскавъ съ нея огромную контрибуцію въ 5 милліардовъ франковъ, Германія усиленно начала развивать свою промышленность, а мы открыли ей свои распростертыя объятія. Вслѣдствіе этого за шестилѣтіе 1870—1876 годъ торговый балансъ нашъ съ Германіей оказался въ ея пользу на 531 милл. руб., т. е. мы при всей нашей бѣдности заплатили хитрымъ нѣмцамъ эту сумму.

Отплативъ намъ черной неблагодарностью въ 1878 году, угрозой войны, если мы возьмемъ Константинополь, и унизивъ нась на берлинскомъ конгрессѣ, Германія направила всѣ свои усилія на борьбу съ нами въ цѣляхъ всесторонняго экономическаго порабощенія Россіи.

Въ 1879 году обложенъ былъ нашъ хлѣбъ таможенными пошлинами: пшеница, рожь, овесъ и стручковыя растенія—по 1 маркѣ, а ячмень, кукуруза и гречиха по 1/2 марки. Разумѣется, при нашемъ полномъ безденежьѣ, мы не могли противодѣйствовать этой пошлинѣ и должны были понизить цѣну на свои хлѣба, т. е. приняли на себя выплату этой пошлины. Съ 1878 года по 1883 годъ, Россія снова заплатила Германіи 411 милл. руб. вслѣдствіе разницы въ торговыхъ балансахъ.

Заплативши такимъ образомъ Германіи 1 милліардъ рублей, только въ 1883 году различными измѣненіями въ тарифахъ остановили мы наплывъ германскихъ товаровъ. Тогда Германія въ 1885 году предприняла новое повышеніе таможенныхъ пошлинъ на хлѣбъ, исключительно уже направленное противъ насъ. Пошлина на пшеницу и рожь была повышена до 3 марокъ со 100 килограммъ, а на ячмень, горохъ и гречиху—до 1 марки. При этомъ вышелъ слѣдующій инцидентъ: немедленно послѣ 2-го чтенія проекта закона о пошлинахъ, канцлеръ потребовалъ предоставленія ему права ввести этотъ законъ въ исполненіе, не дожидаясь 3-го чтенія, причемъ для русской ржи пошлину ввести безусловно сейчасъ же въ 3 м., а для державъ, пользующихся правами наиболѣе благопріятствуемыхъ, каковы Австрія, Франція, Румынія, оставить прежнюю пошлину въ 1 м. А такъ какъ Россія вмѣстѣ съ Даніею состоятъ въ числѣ неблагопріятствуемыхъ державъ, то новый законъ всею тяжестью обрушился на Россію. Декретъ этотъ объявленъ былъ 8 февраля, причемъ Бисмаркъ въ имперскомъ указателѣ публиковалъ слѣдующее: всѣ хлѣба, которые были закуплены до 3 января нынѣшняго года, пропускаются по старой пошлинѣ, а всѣ хлѣба, купленные позже означеннаго числа, подлежатъ оплатѣ новою пошлиною.

Не вытерпѣли нѣмцы, не дождались даже 3-го чтенія законопроекта въ рейхстагѣ и поторопились обложить нашу рожь пошлиной въ 50% дѣйствительной ея стоимости на мѣстахъ. Этимъ они хотѣли произвести какъ бы пробу сопротивленію, которое мы можемъ въ этомъ случаѣ оказать. Сопротивленіе наше извѣстно—бери, что даютъ, и Бога благодари, что совсѣмъ даромъ не забираютъ. Такимъ образомъ наши сельскіе хозяева должны были удовлетвориться половинной платой за рожь и соотвѣтственно понизить цѣны и на остальные хлѣба.

Кромѣ того, нѣмцы въ томъ же 1885 году запретили ввозъ изъ Россіи свиней, что съ послѣдовавшимъ ранѣе запрещеніемъ привоза скота лишало насъ совершенно сбыта животныхъ въ Германію, которыхъ мы раньше продавали на 8 милл. рублей.

Хотя этому мы и противопоставили измѣненіе нѣкоторыхъ ставокъ въ нашемъ таможенномъ тарифѣ въ 1885 году и ими дѣйствительно оградили обрабатывающую промышленность отъ наплыва нѣмецкихъ издѣлій, такъ что торговый балансъ обратился въ нашу пользу, но сельскихъ хозяевъ мы оставили на произволъ судьбы.

Подчиняясь силѣ обстоятельствъ, наши сельскіе хозяева, прекративъ выращиваніе домашнихъ животныхъ, поневолѣ основали свое благосостояніе на одномъ производствѣ хлѣба, на который еще существовалъ какой-либо спросъ. Распахали всѣ пастбища и луга, и все это засѣивалось хлѣбомъ, но столь одностороннее хозяйство не

замедлило принести свои горькіе плоды. Съ одной стороны, безъ удобренія земли истощались и начались хроническіе недороды, а случайный неурожай повергалъ сельское населеніе въ бѣдствіе и голодовки, съ другой же—увеличеніе предложенія хлѣба вело къ паденію цѣнъ на него.

Чѣмъ больше населеніе распахивало земель и расширяло посѣвы, сокращая скотоводство, необходимое для удобренія полей, тѣмъ недороды и неурожаи становились чаще, цѣны на хлѣбъ ниже и положеніе сельскаго населенія тягостнѣе.

Между тѣмъ нѣмцы все это прекрасно видѣли и подсмѣивались надъ нашей недальновидностью. Мы только сами, зажмуривши глаза и заткнувъ уши, ничего не хотѣли ни видѣть, ни слышать. Нѣмцы ясно видѣли, чѣмъ насъ можно разорить при нашемъ покорномъ непротивленіи злу, и въ 1892 году снова предприняли повышеніе пошлинъ на хлѣбъ: пшеницу и рожь обложили 5 марками со 100 килограммъ, овесъ—4 марками, ячмень—2,25 марками, гречиху, кукурузу, сурѣпу и т. п.—2 марками.

На это повышеніе пошлинъ на хлѣбъ мы отвѣчали повышеніемъ пошлинъ на германскія произведенія фабрично-заводской промышленности.

Съ 1 іюля 1893 г. началась между нами таможенная война, т. е. въ тотъ неудобный для насъ моментъ, когда хлѣбъ у насъ поспѣлъ и сельскіе хозяева готовы отдать его за первую предложенную цѣну, другихъ же рынковъ сбыта, кромѣ Германіи, мы не могли уже искать, такъ какъ поздно было.

Никакая страна не могла уже организовать у насъ покупки хлѣба, такъ какъ война эта никѣмъ не предвидѣлась; ждать же намъ, при нашемъ безденежьѣ, не было никакой возможности и хлѣбъ нашъ пошелъ за безцѣнокъ въ Германію. Къ январю же мѣсяцу, когда мы свой хлѣбъ выпродали по дешевымъ цѣнамъ и могли бы свободно продолжать войну съ Германіей и навѣрное вышли бы изъ нея побѣдителями, заключенъ былъ торговый договоръ, которымъ мы закабалили себя Германіи на 10 лѣтъ.

Этотъ свой произвольный тарифъ на хлѣбъ Германія сбавила: на пшеницу и рожь съ 5 марокъ до 3,50 марокъ, на овесъ—съ 4 марокъ до 2,80 марокъ, на стручковыя растенія—съ 2 марокъ до 1,50 марокъ, на ячмень—съ 2,25 марокъ до 2 марокъ и на кукурузу—съ 2 марокъ до 1,60 марокъ, т. е. въ дѣйствительности прибавила обложеніе противъ тарифа 1885 года на пшеницу и рожь—50 пфениговъ, на овесъ—1 марку 80 пфениговъ, на стручковыя растенія—50 пфениговъ, на ячмень—1 марку, на кукурузу—1 марку 10 пфениговъ. Мы за это понизили свой нормальный тарифъ на всѣ произведенія германской промышленности и въ значительной мѣрѣ.

Не смотря на хвалебные гимны, воспѣтые нашей прессой о выгодности этого договора и о геніальности лицъ, его заключавшихъ, десять лѣтъ мы усиленно наводняли нашу страну германскими произведеніями и потеряли за это время 800 милл. р., вывозъ же хлѣба не только не увеличился, но даже за это время упалъ, и лишь только увеличился вывозъ кормовыхъ веществъ, которыя мы вывозили себѣ на разореніе.

Въ предшествующее таможенной войнѣ и заключенію торговаго договора съ Россіей пятилѣтіе 1887—1891 годовъ Германія отпускала своихъ товаровъ въ Россію въ среднемъ на 115,5 милл. р. въ годъ, а получала изъ Россіи различныхъ произведеній въ среднемъ на 179,7 милл. р. въ годъ. Мы вывозили на бо́льшую сумму нашихъ произведеній, чѣмъ мы получали германскихъ, слѣдовательно Германія нуждалась болѣе въ нашихъ произведеніяхъ, чѣмъ мы въ ея товарахъ.

Съ 1894 года, т. е. со времени заключенія нами торговаго договора съ Германіей, картина совершенно мѣняется: за восьмилѣтіе 1894—1901 годовъ, за которое уже обнародованы нашимъ департаментомъ таможенныхъ сборовъ полныя данныя о торговыхъ нашихъ оборотахъ съ Германіей, ежегодный въ среднемъ вывозъ нашихъ произведеній въ Германію палъ, по сравненію съ пятилѣтіемъ 1887—1891 годовъ съ 179,7 милл. р. до 174,5 милл. р. въ годъ, т. е. сократился въ среднемъ на 5,2 милл. р. въ годъ, тогда какъ ежегодный въ среднемъ привозъ товаровъ изъ Германіи въ Россію за то же восьмилѣтіе поднялся, по сравненію съ предшествующимъ пятилѣтіемъ 1887—1891 годовъ, со 115,5 милл. р. до 194,6 милл. р. въ годъ, т. е. увеличился въ среднемъ на 79,1 милл. р. въ годъ или почти на 69 проц.

Такимъ образомъ, не смотря на вполнѣ сознательное и ясно выразившееся въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ общенародное и правительственное стремленіе къ сокращенію привоза къ намъ иностранныхъ товаровъ и развитію вывоза нашихъ произведеній за границу, мы, благодаря заключенному невыгодному для нась торговому договору съ Германіей, начали переплачивать ей съ 1894 г. за ея товары въ среднемъ по 79,1 милл. р. въ годъ лишнихъ противъ прежняго, и по этому разсчету, мы уплатили уже ей товарами и наличными деньгами, взятыми съ народа, 632,8 милл. р.

Кромѣ этой переплаты, вмѣсто ожидавшагося отъ этого договора увеличенія цѣнности вывоза нашихъ произведеній, мы за тѣ же 8 лѣтъ, вслѣдствіе всеобщаго оскудѣнія, вынуждены были продавать свои произведенія за безцѣнокъ и хотя въ количественномъ отношеніи мы вывозили ихъ въ Германію несравненно болѣе, чѣмъ въ предшествующее пятилѣтіе, но выручали за вывезенныя произве-

денія въ среднемъ на 5,2 милл. р. въ годъ меньше прежняго и такимъ образомъ за 8 лѣтъ мы получили отъ Германіи за свои произведенія менѣе на 41,6 милл. р.

Слѣдовательно, заключеніе торговаго договора съ Германіей дало намъ за 8 лѣтъ чистаго убытка 674,4 милл. р., а такъ какъ предварительныя, еще не совсѣмъ полныя свѣдѣнія за послѣдніе два года о торговыхъ нашихъ оборотахъ съ Германіей подтверждаютъ возможность подобныхъ же убытковъ не только за эти два года, но и впредь, то вообще удовольствіе быть въ обязательныхъ торгово-договорныхъ отношеніяхъ съ Германіей на 10-лѣтній срокъ, т. е. по 18 декабря сего 1903 года, нанесетъ намъ убытку до 800 милл. р.

Теперь Германія снова предприняла повышеніе пошлинъ на хлѣбъ. Въ виду истеченія сроковъ торговыхъ договоровъ и необходимости ихъ возобновленія, въ ночь съ 30 ноября на 1 декабря прошлаго 1902 года рейхстагомъ былъ утвержденъ новый таможенный тарифъ, въ которомъ устанавливались слѣдующія пошлины: на пшеницу и полбу—7½ марокъ со 100 килограммъ или съ 6 п. 4 ф., на рожь, ячмень и овесъ—по 7 марокъ, на гречиху и кукурузу—по 5 марокъ и на остальные хлѣба по 1½ марки и т. п. Но при этомъ дѣлается оговорка, что при заключеніи договоровъ эти пошлины могутъ быть понижаемы, но не ниже, какъ до 5½ марокъ на пшеницу и полбу, до 5 марокъ—на рожь и овесъ, до 4 марокъ—на ячмень.

Тарифъ этотъ въ теченіе трехъ мѣсяцевъ бурно разсматривался въ рейхстагѣ и вдругъ въ одну ночь третье чтеніе проекта прошло безапелляціонно. Для всѣхъ такъ и осталось загадкой, что произошло въ эту ночь съ рейхстагомъ,—но фактъ тотъ, что такой новый тарифъ утвержденъ.

Установленіе Германіей ни съ чѣмъ несообразныхъ, запретительнаго размѣра, таможенныхъ пошлинъ на предметы первой жизненной потребности, какъ хлѣбъ и другіе пищевые припасы, производство которыхъ въ странѣ недостаточно для прокормленія населенія и безъ привоза которыхъ въ значительномъ количествѣ обойтись невозможно, являлось бы полнымъ абсурдомъ и никогда не получило бы санкціи рейхстага, еслибы во всемъ этомъ не просвѣчивала, бѣлыми нитками шитая, задняя, хотя и довольно наивная мысль, устрашенія подобными ставками государствъ, поставляющихъ нынѣ эти продукты Германіи, чтобы заставить ихъ этимъ пойти на соотвѣтствующія скидки съ ихъ таможенныхъ тарифовъ на произведенія германской обрабатывающей промышленности.

Германія, 9—10 лѣтъ тому назадъ, заключила столь выгодные съ различными государствами, въ томъ числѣ и съ Россіей, торговые договоры, что теперь трепещетъ отъ одной мысли, что отъ

продолженія ихъ, даже въ томъ же видѣ, нѣкоторыя государства могутъ отказаться, и главнымъ образомъ Россія, а потому, какъ бы въ предупрежденіе требованія большихъ отъ нея льготъ, Германія выставляетъ свой новый, сильно повышенный таможенный тарифъ.

Одно несомнѣнно, что рейхстагъ, только заручившись вполнѣ опредѣленнымъ обѣщаніемъ своего правительства, что таможенныя ставки эти никогда и ни подъ какимъ видомъ не будутъ примѣнены на дѣлѣ, могъ рѣшиться разыграть эту балаганную комедію предъ государствами, съ которыми Германія имѣетъ торговыя сношенія. Рейхстагъ, повидимому, увѣрили, что этимъ тарифомъ можно дѣйствительно всѣхъ напугать и извлечь отъ такого запугиванія извѣстную пользу, иначе онъ никогда бы не рѣшился утвердить столь дикій тарифъ.

Если бы вновь измышленныя таможенныя ставки въ особенности на ввозимый въ Германію хлѣбъ, пришлось примѣнить, хотя бы на мѣсяцъ, въ Германіи, то это несомнѣнно вызвало бы въ ней возмущеніе рабочаго класса населенія и, быть можетъ, даже такую революцію, которая бы повела къ распаденію Германской имперіи.

Послѣдняя рѣчь Бебеля въ рейхстагѣ и возраженія Бюлова устраняютъ въ этомъ всякое сомнѣніе.

Теперь очередь за государствами, имѣющими торговыя сношенія съ Германіей, высказаться, и если они, разоблачивъ замыслы Германіи, не попадутся въ приготовленную ловушку и откажутся отъ возобновленія съ нею торговыхъ договоровъ, при такомъ таможенномъ тарифѣ, то Германія сама вынуждена будетъ, подъ угрозою революціи, немедленно же значительно понизить таможенныя пошлины на всѣ предметы первой потребности, а въ особенности на хлѣбъ.

Столь шаткое и опасное положеніи Германіи, вызванное ея весьма сомнительнаго свойства таможенною политикою, несомнѣнно сильно озабочиваетъ ее и она ищетъ какого-либо выхода изъ такого двусмысленнаго положенія. Лишиться ей столь выгодно заключенныхъ договоровъ и вступить въ менѣе выгодныя торговыя сношенія, это значитъ лишиться средствъ и возможности содержать, на страхъ всей Европы, столь сильную армію и увеличивать свои морскія силы.

Не придти къ торгово-договорному соглашенію съ Австро-Венгріей и Италіей равносильно разложенію тройственнаго союза и полному политическому крушенію Германіи. Наконецъ, вступленіе на путь таможенныхъ репрессалій съ Россіей грозитъ крупными убытками Германіи и можетъ вызвать внутренніе безпорядки отъ повышенія цѣнъ на жизненные припасы, которыми такъ широко и дешево пользуется Германія изъ Россіи.

Такъ какъ никто съ ней не желаетъ возобновлять договоровъ,

то нѣмцы очутились теперь, очевидно, въ безвыходномъ положеніи и вся ихъ надежда только на Россію, что, по принятому теперь у насъ непротивленію злу, мы ихъ выручимъ и согласимся на ихъ требованія.

Что же нѣмцы съ насъ требуютъ?

За нашъ хлѣбъ въ послѣднее время они взимали слѣдующую пошлину: за рожь и пшеницу по $3^1/_2$ марки за сто килограммъ или по 26,67 к. съ пуда, за овесъ—по 2,80 марокъ или по 21,34 коп. съ пуда, за ячмень—по 2 марки или 15,25 коп. съ пуда.

Теперь они облагаютъ: пшеницу—$7^1/_2$ марками или по 57,17 коп. на пудъ, рожь, ячмень и овесъ—7 марками или по 53,33 к. за пудъ, но предлагаютъ заключить съ ними торговый договоръ, по которому они понизятъ эту пошлину: на пшеницу—до $5^1/_2$ марокъ или до 41,93 коп. съ пуда, на рожь и овесъ—до 5 марокъ или до 36 коп. за пудъ, и на ячмень—до 4 марокъ, или до 30,49 коп., т. е. они обѣщаютъ намъ въ сущности повысить пошлину на пшеницу съ 26,67 коп. съ пуда до 41,93 коп., на рожь—съ 26,67 съ пуда до 36,48 коп., на овесъ—съ 21,34 коп. съ пуда до 36,48 коп. и на ячмень—съ 15,25 коп. съ пуда до 30,49 коп.

За такую милость нѣмцы требуютъ съ насъ еще большаго пониженія пошлинъ на всѣ произведенія фабрично-заводской промышленности, т. е. другими словами, если за эти 10 лѣтъ мы заплатили нѣмцамъ совершенно напрасно 800 милл. руб., то чтобы за слѣдующее десятилѣтіе мы преподнесли имъ милліардъ или два. И это при всей нашей бѣдности и задолженности!!

Вѣдь это прямо насмѣшка надъ нами, а мы съ какимъ-то благоговѣніемъ относимся къ такому требованію нѣмцевъ и впрямь думаемъ, что и этотъ разъ намъ нужно подчиниться и не оказывать противленія злу, хотя бы это было равно самоубійству.

Разъ нѣмцы предъявили намъ невозможныя минимальныя ставки, то намъ тотчасъ же слѣдовало отказаться даже и отъ всякихъ переговоровъ о заключеніи новаго договора. Для насъ разорителенъ и нынѣ дѣйствующій договоръ, и мы должны стараться всѣми силами его прекратить, а никакъ не думать о заключеніи еще болѣе невыгоднаго договора.

Въ § 20 дѣйствующаго договора говорится: „Во случаѣ, если ни одна изъ договаривающихся сторонъ не заявитъ за двѣнадцать мѣсяцевъ до истеченія означеннаго срока (18 декабря 1903 года) о намѣреніи своемъ прекратить дѣйствіе сего договора, таковой сохраняетъ обязательную силу до истеченія одного года со дня заявленія одною изъ договаривающихся сторонъ объ отмѣнѣ его“.

Еще годъ тому назадъ мы должны были заявить о нашемъ несогласіи продолжать договоръ, но чего-то до сихъ поръ мы медлимъ

и чего-то еще отъ нѣмцевъ ожидаемъ, какъ будто не нѣмцы, а мы нуждаемся въ заключеніи этого договора.

Напрасно ссылаться на сельскихъ хозяевъ, они менѣе всего потерпятъ отъ незаключенія договора съ Германіей и даже могутъ выиграть, если запретятъ вывозъ отрубей и жмыховъ.

Мы заботимся главнымъ образомъ о томъ, чтобы Германія какъ-нибудь не перестала покупать у насъ рожь. Но вѣдь это же прямо не выдерживаетъ никакой критики. Мы этого добиваемся въ какомъ-то непонятномъ ослѣпленіи и дѣйствительно не вѣдаемъ, что творимъ. Во-первыхъ, изъ 78 милл. пуд. вывозимой нами ржи Германія беретъ всего лишь 27 милл пуд., т. е. одну треть, и если бы сократился вывозъ ржи, то только на эти 27 милл. пуд.; во-вторыхъ, неужели до сихъ поръ мы не сознали, что у насъ въ странѣ страшный недостатокъ ржи, а не избытокъ ея. Намъ слѣдовало бы совсѣмъ не вывозить ржи.

Наконецъ, вывозимъ ли мы эту рожь безъ ущерба питанію населенія, или этотъ вывозъ производится только въ связи съ недоѣданіемъ населенія, и прекращеніе его желательно?

Потребленіе ржи въ Россіи въ 5-лѣтіе 1870—1874 годовъ было по 8 пуд. 37 фун. на 1 душу населенія въ годъ, въ 7-лѣтіе 1883—1889 годовъ по 8 пуд. 28 фун. и, наконецъ, въ 10-лѣтіе 1890—1899 годовъ по 7 пуд. 20 фун. на 1 душу. Такимъ образомъ, и безъ того незначительное потребленіе народомъ ржи постепенно уменьшалось, и за послѣднія 25 лѣтъ сократилось на 1 пудъ 17 фун. на душу, или 16 проц. Такъ какъ рожь составляетъ главный и почти единственный предметъ питанія крестьянъ, составляющихъ 90 проц. населенія, то сокращеніемъ ея потребленія и объясняются наши хроническія голодовки среди крестьянъ различныхъ мѣстностей Россіи, вызывающія ежегодныя экстренныя правительственныя мѣры и расходы для продовольствія голодающаго сельскаго населенія.

О крайне скудномъ питаніи нашего народа можно судить по тому, что главныхъ трехъ хлѣбовъ,—ржи, пшеницы и ячменя, составляющихъ основу продовольствія населенія, у насъ потребляется всего лишь 10 пуд. 4 фун. на 1 душу въ годъ, тогда какъ во Франціи этихъ хлѣбовъ потребляется по 17 пуд. 7 фун. на 1 душу въ годъ, а въ Германіи по 14 пуд. 14 фун.; слѣдовательно, нашъ народъ ѣстъ на 7 пуд. 3 фун. хлѣба меньше французовъ и на 4 пуд. 10 ф. меньше нѣмцевъ.

Вывозимые нынѣ 27 милл. пудовъ ржи, если останутся дома, составятъ всего лишь прибавку въ $9^3/_4$ фун. на человѣка въ годъ ила на $^3/_4$ фунта въ мѣсяцъ. Въ чемъ же тутъ вопросъ? Слѣдуетъ только радоваться, что хотя эти крохи попадутъ нашимъ недоѣдающимъ и голодающимъ, а не печалиться, что вывозъ въ Германію ржи можетъ сократиться.

Еще менѣе намъ страшно, если Германія не будетъ брать нашей пшеницы. Вѣдь и беретъ она ея всего 12 милл. пудовъ изъ 182 милл. пудовъ, вывозимыхъ нами въ другія страны. Спросъ на пшеницу большой и эти 12 милл. пудовъ незамѣтно разойдутся между другими.

То же самое можно сказать и объ овсѣ, котораго Германія беретъ ничтожное количество—$5^1/_2$ милл. пудовъ изъ 58 милл. пудовъ, вывозимыхъ въ другія страны.

Чѣмъ же пугаютъ насъ нѣмцы? Что же они въ самомъ дѣлѣ воображаютъ, что мы слѣпы, или что мы совсѣмъ потеряли разсудокъ?

Нашимъ сельскимъ хозяевамъ одно только нужно—это запрещеніе вывоза отрубей и жмыховъ и возстановленіе возможности вести скотоводство. Тогда несомнѣнно сократится площадь посѣвовъ, возстановится болѣе правильное хозяйство и сократится предложеніе нашего хлѣба на рынокъ. Въ то же время нѣмцы, лишившись корма для скота, volens-nolens должны будутъ покупать у насъ или скотъ или мясо, а безъ нашего хлѣба они не обойдутся.

При такихъ условіяхъ мы совершенно освободимся отъ заключенія какихъ-либо договоровъ и станемъ пользоваться вновь автономнымъ тарифомъ.

Обычай при заключеніи торговыхъ договоровъ существуетъ такой, что представителямъ державъ, заключающихъ договоръ, читаются три раза проекты условій договора и три раза самыя тарифныя ставки. Во время этихъ чтеній, стороны дѣлаютъ взаимныя уступки и такимъ образомъ приходятъ къ соглашенію, если оно возможно.

Въ первый разъ переговоры наши съ нѣмцами о заключеніи торговаго договора открылись минувшей осенью въ Петербургѣ. На этотъ разъ состоялось первое чтеніе условій договора и тарифныхъ ставокъ, но ни съ одной стороны уступокъ не было сдѣлано. Затѣмъ въ ноябрѣ прошлаго года наши делегаты поѣхали для продолженія переговоровъ въ Берлинъ. Тамъ послѣдовало второе чтеніе условій, а до второго чтенія тарифныхъ ставокъ даже не дошли и наши делегаты вернулись обратно. Такъ что дѣло это ни на волосъ не подвинулось впередъ. Теперь въ январѣ этого года ожидаются нѣмецкіе делегаты снова въ Петербургѣ, и здѣсь вѣрно окончательно будетъ рѣшенъ вопросъ,—быть или не быть у насъ торговому договору съ Германіей?

Будемъ ждать и надѣяться, что Богъ милостивъ и не допуститъ насъ самихъ на себя наложить руки.

С. А. К.

II. Обзоръ внѣшнихъ событій.

Проблемы Дальняго Востока.

I.

Сравнивая нынѣшнее броженіе общественной мысли въ Японіи съ тѣмъ, которое существовало въ этой странѣ непосредственно предъ японо-китайской войною, хотя и можно найти аналогію между обѣими этими эпохами, тѣмъ не менѣе нельзя не обратить вниманія и на разность, отличающую ихъ одна отъ другой. Тогда, министерство Ито искало въ войнѣ спасенія отъ внутренняго кризиса, но въ то же время оно шло впереди стремленій всего народа, считавшаго войну неизбѣжною и отвѣчавшею идеаламъ японскихъ патріотовъ.

Представители новой политической школы въ Японіи тогда много говорили о „естественныхъ границахъ“ Японіи, разумѣя подъ ними не границы японскаго архипелага, а обширную территорію, въ составъ которой должны войти Пескадорскіе острова, Формоза, Корея, Манчжурія и Филиппинскіе острова. Японскій публицистъ Шигетаке въ 1895 г. проповѣдывалъ завоевательную войну, настаивалъ на усиленномъ развитіи японскаго флота и полагалъ, что недалеко то время, когда Японія получитъ преобладающее вліяніе на всемъ китайскомъ побережьѣ. За всѣми этими помыслами крылась еще другая грандіозная мысль, а именно, что миссія Японіи заключается въ томъ, чтобы разбудить дремлющія силы „желтой расы“, вдохнуть въ нихъ духъ предпріимчивости, вооружить ихъ всѣми чарами современной европейской техники и, объединивъ подъ своимъ главенствомъ всѣ народы этой расы, повести ихъ въ побѣдномъ шествіи противъ европейцевъ, раздирающихъ, как стая коршуновъ, громадный азіатскій материкъ. Правда, война съ Китаемъ не оправдала надеждъ народа и правительств

которымъ вдвойнѣ горько было примиряться съ захватомъ, Кіао-Чжау Германіей, Портъ-Артура и Таліенвана—Россіею, Вейхавея—Англіей, Филиппинскихъ островов—американцами. Во всякомъ случаѣ, всѣ надежды, всѣ проекты, относящіеся въ эпохѣ, предшествующей японо-китайской войнѣ, вышли изъ самаго народа, изъ его мозга, быть можетъ, отчасти и разгоряченнаго порывомъ слишкомъ пылкой фантазіи, но они не были навѣяны извнѣ, ихъ не подсказывала японцамъ никакая европейская держава, не подстрекала ихъ къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Скорѣе напротивъ, Европа не довѣряла выросшей силѣ Японіи и думала, что японскія войска повалятся, подобно карточнымъ солдатикамъ, при столкновеніи съ такимъ, своею неизвѣданностью, внушавшимъ преувеличенный страхъ памятникомъ сѣдой старины, какъ Китайская имперія.

И теперь видимъ мы ожесточенную политическую агитацію по всей японской землѣ, снова стараются поставить народъ на стезю завоеваній, но подкладка нынѣ всего этого уже другая и главнымъ стимуломъ агрессивной политики являются не единодушныя желанія народа, а подстрекательство Англіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, задумавшихъ, путемъ вызванной ими же войны между Россіей и Японіей, ослабить обѣ эти державы, имѣющія всѣ задатки быть для нихъ опасными соперницами на Тихомъ океанѣ. Народное негодованіе противъ Россіи, повидимому, представляется пока наноснымъ слоемъ и остается удѣломъ уличныхъ ораторовъ и писателей, выбивающихся изъ силъ, чтобы всколыхнуть пучины народнаго самосознанія, чтобы онѣ докатились и затопили далекія страны Манчжуріи, Кореи, которыя, какъ трепещущая въ воздухѣ плѣнительная фата-моргана, дразнятъ распаленное воображеніе нѣкоторыхъ японскихъ дѣятелей. Не въ этомъ ли сознаніи наносности происходящаго нынѣ въ Японіи возбужденія кроется причина, почему японское правительство, обыкновенно столь чутко отзывающееся на народныя желанія, держитъ себя, наоборотъ, очень спокойно, не выказывая намѣренія уступить потоку народнаго озлобленія противъ Россіи, будто бы бушующему по всей странѣ, и, стараясь добиться отъ Россіи возможно бо̀льшихъ уступокъ, не помышляетъ о необходимости для того какихъ-либо ультиматумовъ, такъ какъ составленное изъ лицъ, облеченныхъ отвѣтственностью по отношенію къ отечеству, оно отдаетъ себѣ ясный отчетъ въ серьезности послѣдствій окончательнаго разрыва съ Россіею.

Въ такомъ порядкѣ идей, японское правительство и принимало до сихъ поръ одну мѣру за другой, чтобы, по возмож-

ности, повліять на ослабленіе агитаціи; въ этомъ ему помогали и лучшіе органы японской печати, какъ „Дзидзи“ или „Ницициници“, которые нападали въ особенности на партію прогрессистовъ, доказывая, что она думаетъ лишь о томъ, какъ бы раздуть народныя страсти. „Надо вспомнить,—говорила «Ницициници»,—что никогда прогрессисты не предложили странѣ ничего дѣльнаго и не научили, какъ поступить, когда приближался кризисъ. Они только ждали, чтобы кризисъ разразился, и тогда нападали на образъ дѣйствій правительства“. Въ освѣщеніи благоразумныхъ органовъ печати и анти-русская лига (*тайро доши кай*) „ни въ какомъ случаѣ не выражаетъ общественнаго мнѣнія. Она представляетъ, главнымъ образомъ, взгляды нѣсколькихъ, потерявшихъ почву, партійныхъ политикановъ, которые бьютъ на популярность посредствомъ крайнихъ выходокъ“.

Былъ и такой случай. Особый отдѣлъ анти-русской лиги, состоящій изъ молодежи, созвалъ общее созваніе въ Кинки-Конѣ. На собраніи присутствовало около 2000 человѣкъ и сильный отрядъ полиціи для предупрежденія безпорядковъ. Послѣ нѣсколькихъ рѣчей была прочитана слѣдующая резолюція: „мы признаемъ неспособность и недальновидность японскихъ властей и опасаемся, что онѣ могутъ нанести большой вредъ интересамъ націи. Вслѣдствіе этого, мы настаиваемъ на выходѣ въ отставку настоящаго правительства и желаемъ объявленія войны Россіи“.

Едва лишь была прочтена эта резолюція, какъ на трибуну взошелъ полицейскій, взялъ изъ рукъ читавшаго документъ и приказалъ распустить собраніе. Произошло полное замѣшательство и предсѣдатель объявилъ собраніе закрытымъ.

Японскому правительству приписываются, впрочемъ, два неосуществившіеся проекта, которые, дѣйствительно, могли вызвать немедленное объявленіе войны, но степень достовѣрности ихъ является еще вопросомъ, тѣмъ болѣе, что слухъ о первомъ изъ нихъ распространенъ американскою газетою, которая, какъ и вся американская пресса, не прочь раздуть несогласія между Россіей и Японіей.

Вотъ какимъ образомъ, по словамъ „New-York Herald“, Японія хотѣла принудить Россію къ объявленію войны.

Японскій флотъ долженъ былъ секретно отправиться въ Мозампо, конвоируя нѣсколько транспортовъ, на которые наскоро посажено было ночью нѣсколько сотъ солдатъ. Все должно было имѣтъ видъ, какъ будто японцы намѣревались занять Мозампо или какой-либо другой корейскій портъ. Объ-

этомъ нарочно пущенъ былъ слухъ съ цѣлью, чтобы онъ дошелъ до русскихъ и убѣдилъ ихъ, что японцы въ самомъ дѣлѣ собрались высаживаться въ Кореѣ.

Планъ этотъ, какъ говорятъ, долженъ былъ имѣть успѣхъ, однако, онъ не удался. Еслибы извѣстіе это, въ той формѣ, какъ его хотѣли представить японцы, было получено въ Портъ-Артурѣ шестью часами раньше, предполагаютъ, что адмиралъ Алексѣевъ, не колеблясь, потопилъ бы японскія транспортныя суда, японская эскадра открыла бы огонь и война была бы объявлена.

Приняты были всѣ мѣры, чтобы доказать, будто бы русскіе безъ всякой причины напали на нѣсколько сотъ японскихъ солдатъ, принимавшихъ участіе въ простомъ маневрѣ высадки на корейскомъ побережьѣ, о занятіи котораго, въ дѣйствительности, японцы и не помышляли.

Такимъ образомъ, отвѣтственность за объявленіе войны японцы взвалили бы на Россію, выставивъ ее зачинщицею и нарушительницею мира, который японцы всемѣрно старались-де сохранить.

Другой японскій проектъ былъ грубѣе и свѣдѣнія о немъ имѣются изъ достовѣрнаго, повидимому, источника.

Въ началѣ ноября, изъ порта Сассебо вышла по направленію къ Формозѣ съ запечатанными конвертами японская эскадра изъ 12 вымпеловъ, а 10 ноября въ Петербургѣ была получена изъ Токіо телеграмма, что „отрядъ японскаго флота посланъ навстрѣчу идущимъ на присоединеніе къ русскому флоту въ Портъ-Артурѣ броненосцамъ „Цесаревичъ" и „Баянъ", чтобы истребить ихъ, безъ объявленія войны".

Необычайная дерзость задуманнаго Японіею дѣла, по слухамъ, обусловлена была желаніемъ, во что бы то ни стало, помѣшать усиленію русскаго флота, находящагося въ Портъ-Артурѣ. Тѣмъ не менѣе, оба русскихъ броненосца прибыли благополучно къ мѣсту своего назначенія, не подозрѣвая даже о тѣхъ тяжелыхъ минутахъ, пережитыхъ нѣкоторыми въ Петербургѣ, вслѣдствіе полнѣйшаго отсутствія возможности дать знать вышедшимъ 7 ноября изъ Сингапура и находившимся въ открытомъ морѣ „Цесаревичу" и „Баяну", что около Формозы ихъ поджидаетъ въ засадѣ японская эскадра.

Проектъ этотъ, конечно, поражаетъ не только своею дерзостью, но и относительною безцѣльностью, такъ какъ, не смотря на всю скорбь, которую ощутила бы русская земля, въ случаѣ, еслибы задуманное японцами осуществилось, все-таки, по отношенію къ могуществу Россіи, это разбойничье напа-

деніе было бы лишь булавочнымъ уколомъ, не могущимъ играть сколько-нибудь рѣшающаго значенія, въ смыслѣ будущаго исхода войны, которая, послѣ такого поступка, совершеннаго въ мирное время, само собою разумѣется, дѣлалась неизбѣжною.

Повторяю, приписанное Японіи намѣреніе носитъ въ себѣ всѣ признаки невѣроятія и все-таки невозможно не признать, что оно находится въ странномъ соотвѣтствіи съ нѣкоторыми нѣмецкими совѣтами.

О стараніяхъ англійскихъ и американскихъ газетъ обострить затрудненія на Дальнемъ Востокѣ извѣстно уже давно, теперь же и германская и австрійская пресса тщатся, по силѣ возможности, участвовать въ такихъ стараніяхъ. Увѣряя весь міръ въ полномъ безразличіи Германіи ко всему, что̀ дѣлается на Дальнемъ Востокѣ, онѣ пытаются еще болѣе раздуть разгорающійся огонь и помочь начинающемуся пожару, какъ та легендарная старушонка, которая черезъ силу тащила полѣно для костра ауто-да-фе.

Наиболѣе сдержанная, берлинская „National Zeitung“ весьма ядовито доказываетъ неизбѣжность и естественность ненависти между Японіей и Россіей: „враждебность японцевъ къ русскимъ началась гораздо раньше занятія Россіей Манчжуріи. Сооруженіе великаго сибирскаго пути явилось пугаломъ для Японіи. Она поняла, что русскій великанъ надвигается все ближе и все серьезнѣе грозитъ японскому вліянію въ Кореѣ. Въ 1895 г. русскіе своимъ вмѣшательствомъ въ японо-китайскую войну остановили побѣдоносное шествіе Японіи и лишили ее плодовъ побѣдъ. Вмѣсто Ляодунскаго полуострова, который далъ бы Японіи политическій перевѣсъ на Желтомъ морѣ, ей дали островъ Формозу. Подчинившись невыгоднымъ для нея мирнымъ условіямъ Симоносекскаго договора, Японія потеряла свой престижъ. Россія съ той поры завоевала первенствующее положеніе въ Восточной Азіи. Сибирская дорога окончена. Русскіе, съ оружіемъ въ рукахъ, стоятъ на границѣ Кореи, Манчжурія — русская провинція, въ Пекинѣ русскіе повелѣваютъ.

„Рознь между Японіей и Россіей слишкомъ глубока. Она— въ національномъ характерѣ, въ одинаковомъ честолюбіи и въ одинаковыхъ стремленіяхъ къ одной и той же цѣли. Ее не уничтожить на продолжительное время никакимъ мирнымъ соглашеніемъ. Какъ только Россія окончательно овладѣетъ Манчжуріей, какъ только она разовьетъ свои военныя и перевозочныя средства, такъ она начнетъ господствовать въ

Кореѣ и низведетъ Японію на степень второкласснаго государства. Маленькое островное государство уже не будетъ въ состояніи бороться съ огромною всемірной державой и должно будетъ заботиться лишь о сохраненіи своей свободы и самостоятельности. До тѣхъ поръ, пока желтая раса не объединится, не воспитаетъ себя въ военномъ отношеніи, она, не смотря на свою силу и на ненависть къ иностранцамъ, не въ состояніи сдержать Россію. Пока же, японцы могутъ разсчитывать на Китай. Государственные люди Японіи должны быть въ этомъ убѣждены и поэтому, какъ это имъ ни тяжело, вынуждены гнуть предъ Россіей спину. И только тогда, когда Японіи удастся заключить съ Китаемъ оборонительный союзъ, преобразовать совершенно китайскую армію, только тогда она можетъ съ шансами на успѣхъ рѣшиться на борьбу съ Россіею".

Надо знать болѣзненное самолюбіе каждаго японца, чтобы понять, какое впечатлѣніе должны производить на него подобныя разсужденія о необходимости для него гнуть спину предъ русскимъ: они дѣйствуютъ на него, какъ удары бича, отвратить которые невозможно, но за которые капля по каплѣ скопляется въ сердцѣ ничѣмъ неутолимая жажда мести.

Неизбѣжности конфликта между Россіей и Японіей полковникъ Кирхгессеръ-фонъ-Рейнгофенъ, извѣстный военный писатель, посвятилъ въ концѣ октября цѣлую статью въ вѣнскомъ журналѣ „Die Wage".

По мнѣнію автора, „интересы какъ Россіи, такъ и Японіи настолько расходятся, что всякій компромиссъ немыслимъ и лишь война можетъ разрѣшить споръ. Главною цѣлью борьбы для обѣихъ сторонъ является обладаніе Кореею. Споконъ вѣка, какъ бы слѣдуя естественному закону, Россія стремилась къ открытому морю, къ незамерзающему порту, а Корея имѣетъ множество такихъ гаваней. Въ стратегическомъ отношеніи обладаніе Кореею является для Россіи необходимостью. Оттуда всего лучше прикрывать Портъ-Артуръ или серьезно угрожать ему. Враждебная армія въ Кореѣ можетъ также стать опасна русской арміи въ Манчжуріи, откуда Россія собирается приняться за разрѣшеніе китайской проблемы... Вотъ основанія, достаточныя для того, чтобы не терпѣть въ Кореѣ никакой другой державы; поэтому, цѣль Россіи—протекторатъ надъ Кореей или полное ея присоединеніе. Но и Японія можетъ привести вѣскія основанія для своихъ притязаній на Корею и, прежде всего, свои торговыя сношенія съ этою страною. Изъ 20 милліоновъ рублей, составляющихъ торговый обо-

ротъ Кореи, 16 милліоновъ приходятся на долю Японіи. Если бы Корея подпала подъ власть Россіи, Японія лишилась бы богатаго рынка... Расовое единство, традиціи, не забытыя жертвы войны 1894 г. изъ-за Кореи и потребность стать твердою ногою на материкѣ, чтобы принимать участіе въ разрѣшеніи китайскаго вопроса, могутъ заставить японцевъ рѣшиться на войну...

„Уже цѣлое десятилѣтіе обѣ стороны готовятся къ неизбѣжному сведенію счетовъ.

„Съ настойчивостью, упорствомъ и обычною дальновидностью, характерующими русскую политику, Россія исподволь подготовила:

1) постройку сибирской желѣзной дороги.

2) занятіе Манчжуріи и образованіе вполнѣ независимаго намѣстничества.

3) увеличеніе своего флота въ восточно-азіатскихъ водахъ и сухопутныхъ силъ въ Приамурскомъ раіонѣ.

4) заселеніе этого края казаками-крестьянами изъ внутренней Россіи.

„Но и Японія неустанно работала надъ увеличеніемъ и улучшеніемъ своего флота... Другой шагъ, который можетъ, однако, принести плоды лишь въ далекомъ будущемъ, заключается въ стремленіи организовать и поставить на соотвѣтствующую высоту армію Китая, какъ будущаго союзника. Молодые китайскіе офицеры уже слушаютъ лекціи въ японскихъ военныхъ училищахъ и въ скоромъ времени высшіе японскіе офицеры возьмутся за дѣло реорганизаціи Китая.

„Въ войнѣ между двумя этими державами, непріятельскій флотъ представитъ первый объектъ для операцій съ цѣлью пріобрѣтенія господства на морѣ; для Японіи это даже conditio sine qua non. Если ей удастся уничтожить русскій флотъ или же запереть его въ одной или нѣсколькихъ гаваняхъ, то ея дальнѣйшія усилія должны быть направлены на то, чтобы *своевременно уничтожить и суда, направляемыя изъ Европы въ китайскія воды на подмогу своимъ*».

Нельзя не согласиться въ удивительной странности совпаденія заключительныхъ словъ ученаго писателя съ тѣмъ, о чемъ сообщила приведенная выше телеграмма изъ Токіо, относительно судьбы, готовившейся нашимъ „Цесаревичу“ и „Баяну“. Не въ такихъ ли совѣтахъ, подобные которымъ могли быть подсказаны токійскому кабинету и инымъ путемъ, лежитъ разгадка, почему онъ сгоряча рѣшился было на пиратскій по-

ступокъ, но скоро опомнился подъ вліяніемъ соображеній холоднаго разума?

Вѣдь и въ самомъ германскомъ рейхстагѣ недавно раздалась, хотя и встрѣтившая со стороны имперскаго канцлера, графа Бюлова, энергичную отповѣдь, рѣчь предводителя соціалъ-демократовъ Бебеля, который, воспользовавшись преніями о государственной росписи, главной мишенью своихъ ядовитыхъ стрѣлъ избралъ Россію. „Если Россіи удастся,—говорилъ онъ,—утвердиться въ Манчжуріи и удержать Мукденъ, то она въ одинъ прекрасный день станетъ господствовать надъ всѣмъ Китаемъ и даже надъ всей Азіей. Вотъ почему Германія обязана бросить со всей силой на чашку дипломатическихъ вѣсовъ свое нравственное вліяніе, съ цѣлью удаленія Россіи изъ Манчжуріи. Нѣмцы истратили сотни милліоновъ марокъ въ надеждѣ открыть въ Китаѣ обширный рынокъ для своей торговли, а также пріобщить огромное восточно-азіатское государство къ германской высшей культурѣ. Если эти надежды химера, то поскорѣе вонъ изъ Кіао-чжоу, въ противномъ же случаѣ слѣдуетъ Россію выгнать изъ Манчжуріи".

II.

Первымъ пунктомъ соглашенія между Россіей и Японіей, подписаннаго 13—25 апрѣля 1898 г., опредѣлено: „Россійское и японское императорскія правительства окончательно признаютъ державныя права и полную независимость Кореи и взаимно обязуются воздерживаться отъ всякаго непосредственнаго вмѣшательства во внутреннія дѣла этой страны".

Какъ же отнеслись къ своему обязательству обѣ державы, чьи подписи красуются подъ актомъ взаимнаго соглашенія?

Въ то время какъ Россія, чтобы избѣгнуть малѣйшаго подозрѣнія, что она покушается на независимость Кореи или вмѣшивается въ ея внутреннія дѣла, отозвала своихъ военныхъ инструкторовъ и финансоваго совѣтника, энергичная дѣятельность которыхъ обѣщала въ скоромъ времени улучшить экономическое положеніе Кореи и создать войско, способное охранить независимость страны отъ чужихъ поползновеній,—Японія держалась образа дѣйствій совершенно иного характера. Вотъ нѣсколько доказательствъ тому.

Японцы оказали давленіе на Корею, чтобы добиться открытія новыхъ портовъ подъ предлогомъ пользы для страны. Послѣ сильнаго сопротивленія, корейцы подчинились, но польза

для нихъ получилась отрицательная: во всѣхъ портахъ выросли японскіе города, замѣнившіе собою корейскія поселенія; точно также и концессія на постройку сеуло-фусанской желѣзной дороги повела лишь къ наплыву японцевъ.

Береговые корейцы только и живутъ рыбнымъ промысломъ и они неоднократно обращались къ своему правительству съ просьбой удержать наплывъ японскихъ рыбаковъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ они умрутъ съ голоду. Тѣмъ не менѣе, благодаря настояніямъ и давленію японскихъ представителей въ Кореѣ, сеульское правительство вынуждено было заключить, въ ущербъ корейскимъ рыбакамъ, долговременное условіе на право рыбной ловли японцами въ Кореѣ.

Послѣ присоединенія Кореи къ международному почтовому союзу, японцы, во многихъ мѣстахъ, гдѣ уже дѣйствовали корейскія почтовыя конторы, открыли японскія почтовыя конторы. На протестъ корейскаго правительства и на просьбу о закрытіи этихъ послѣднихъ, японцы отвѣчали, что корейская почта недостаточно совершенна и когда она достигнетъ совершенства, тогда они закроютъ свои конторы. Нетрудно догадаться, что при такой постановкѣ вопроса японскія почтовыя конторы никогда и не закроются, такъ какъ японцы не перестанутъ считать корейскую почту недостаточно совершенною.

Японскій банкъ выпустилъ спеціально для Кореи кредитные билеты 1, 5 и 10-іеннаго (рублеваго) достоинства. Билеты эти японское правительство не гарантировало и на этомъ основаніи корейское правительство запретило ихъ обращеніе въ Кореѣ. Тогда японскіе представители въ Сеулѣ, подъ угрозой двухъ военныхъ судовъ, прибывшихъ для этой цѣли въ Чемульпо, — заставили корейское правительство дать разрѣшеніе корейскимъ подданнымъ принимать эти денежные знаки. Главная цѣль выпуска этихъ кредитныхъ билетовъ—расчетъ съ рабочими и за матеріалъ по постройкѣ сеуло-фусанской желѣзной дороги. Такъ какъ эти бумажные знаки не гарантированы японскимъ правительствомъ и даже не принимаются въ Японіи, то при посредствѣ ихъ японцамъ нетрудно держать въ своихъ рукахъ корейское правительство.

Въ текущемъ году японскій посланникъ усиленно настаивалъ предъ корейскимъ правительствомъ на предоставленіи японцамъ права переселяться въ Корею. Несмотря на отказъ правительства, замѣчается сильная иммиграція японцевъ. Сеульское правительство строжайше воспретило продавать внутри страны иностранцамъ недвижимую собственность, но въ об-

ходъ этого закона, японцы покупаютъ, въ особенности въ южныхъ областяхъ Кореи, дома и земли при посредствѣ подставныхъ корейцевъ.

Въ 1897 году японцевъ въ Кореѣ было не болѣе 13,000, въ 1902 году ихъ было уже 18,000, значитъ, за пять лѣтъ японское переселеніе въ Корею увеличилось на 29 процентовъ. Японцы поселились по преимуществу въ городахъ и портахъ—въ Фусанѣ ихъ болѣе 6,000, въ Чемульпо около 4½ тысячъ, въ Сеулѣ около 2½ тысячъ.

Въ виду полнаго спокойствія въ Кореѣ въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, японцы, въ силу договора 2 (14) мая 1896 г., должны были бы вывести свою военную стражу изъ Сеула, Фусана и Генсана. Это не только не исполнено, но началась въ этихъ мѣстахъ постройка капитальныхъ казармъ, что даетъ поводъ предполагать, что войска будутъ задержаны въ Кореѣ на неопредѣленный срокъ.

Подъ предлогомъ вывоза риса, бобовъ и пр., японцы въ заранѣе намѣченныхъ пунктахъ построили складочные магазины для боевыхъ припасовъ, собрали въ этихъ мѣстахъ цѣлыя флотиліи лодокъ и устроили пристани. Пока нѣтъ войны, японское правительство предоставляетъ всѣ эти подготовительныя работы частной инициативѣ, но какъ только окажется нужнымъ, возьметъ ихъ въ свое завѣдываніе.

Внимательно слѣдя за работами японцевъ на корейскомъ побережьѣ, можно безошибочно установить, въ какихъ пунктахъ расчитываютъ высадиться японцы. Японское правительство требуетъ, чтобы каждый купецъ въ прибрежныхъ корейскихъ городахъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи извѣстное количество лодокъ, которыми, въ случаѣ войны, могла бы воспользоваться армія. Кромѣ того, купцы обязаны оставлять въ своихъ магазинахъ мѣсто для оружія и боевого матеріала, да и само государство владѣетъ въ Чемульпо и другихъ городахъ магазинами и большими складами различныхъ товаровъ, и, по всей вѣроятности, боевымъ матеріаломъ. Не слѣдуетъ забывать, что, еще задолго до прошлой китайской войны и задолго до высадки въ Чемульпо, японцы зарыли тамъ въ землю значительныя количества ящиковъ съ рисомъ и боевымъ матеріаломъ, очень пригодившимся имъ во время послѣдовавшей затѣмъ войны.

Японцы, впрочемъ, не останавливаются ни предъ чѣмъ; такъ они поселились на не открытомъ для иностранной торговли островѣ Дагелетѣ, даже устроили на немъ свое полицейское

управленіе и остаются тамъ, не взирая ни на какіе протесты корейскаго правительства.

Вообще, японцы самовольно проникаютъ внутрь страны, въ мѣста, не открытыя для иностранцевъ, и занимаются тамъ торговлей, во всѣхъ открытыхъ портахъ содержатъ свою полицію, которая, при случаѣ, не стѣсняется схватывать и корейцевъ; когда же дѣло касается того, чтобы добиться для японцевъ какихъ-либо привилегій въ Кореѣ или концессій, японскіе представители не останавливаются ни предъ какими угрозами и явно выказываютъ, что они не въ грошъ не ставятъ корейское правительство.

При такихъ порядкахъ, во что же обратилась независимость Кореи? И не ясно ли, какъ мало пристало Японіи вопіять на весь міръ о мнимомъ нарушеніи Россіей въ Манчжуріи своихъ обѣщаній, данныхъ по собственному желанію и тогда, когда нельзя было предвидѣть практической невозможности исполнить ихъ, изъ-за вновь возникшихъ обстоятельствъ, между тѣмъ какъ сама Японія, торжественно подписавъ съ Россіей особое дипломатическое соглашеніе о Кореѣ, только и дѣлала, что самымъ беззастѣнчивымъ образомъ нарушала первый пунктъ его и, тѣмъ самымъ, возвратила, собственно говоря Россіи полную свободу дѣйствій по отношенію къ Кореѣ.

Россія, съ самаго начала, отнеслась благодушно къ такимъ нарушеніямъ взаимнаго обязательства, не поставила Японію сразу на свое мѣсто, а опытъ показываетъ, что на Востокѣ доброта и уступчивость ведутъ къ отрицательнымъ результатамъ. Уступчивость объясняется слабостью, а при видѣ слабости Востокъ предъявляетъ все бо́льшія требованія.

Яркимъ доказательствомъ засилія, пріобрѣтеннаго японцами въ Кореѣ, служитъ происходившее 19 октября нападеніе на русскихъ въ Чемульпо.

На матросовъ канонерки „Бобръ", возвращавшихся, въ числѣ 26 человѣкъ, на пристань, напали около 300 японскихъ портовыхъ рабочихъ, *кули*, вооружившихся разными орудіями. Русскимъ пришлось отбиваться голыми руками; отчаянно защищаясь, матросы многихъ японцевъ обезоружили и стали защищаться оружіемъ же японцевъ.

Сѣсть въ катеръ удалось не очень легко, пришлось раза три брать японцевъ на „ура", т. е., сомкнувшись вмѣстѣ, бросаться на японцевъ въ атаку, причемъ вся толпа японцевъ разбѣгалась по набережной, чѣмъ, наконецъ, и воспользовались русскіе и успѣли сѣсть въ ожидавшій ихъ катеръ. Но пока матросы разбирали весла и отчаливали отъ пристани,

японцы успѣли забросать ихъ камнями и многихъ ранили болѣе или менѣе серьезно.

Почему-то японцамъ показалось, что нѣсколько русскихъ матросовъ остались въ городѣ. Вооруженные топорами и саблями, до 200 японцевъ кинулись въ европейское поселеніе розыскивать ихъ, напали на русскіе дома, ворвались въ домъ агентства Гинцбурга, а, затѣмъ, въ домъ агентства китайской восточной желѣзной дороги и произвели повсюду обыскъ. Въ теченіе слѣдующихъ дней, японцы, озлобленные тѣмъ, что двое изъ сражавшихся съ русскими матросами лежать при смерти, а нѣсколько человѣкъ искалѣчены, ходили по набережной, вооруженные ножами и револьверами, и грозились, что убьютъ всякаго попавшагося имъ русскаго.

Незадолго передъ тѣмъ, японцы въ Чемульпо избили до полусмерти нѣсколькихъ англійскихъ матросовъ и одного убили, потомъ изранили французскихъ матросовъ и, наконецъ, ворвались въ домъ служащаго въ таможнѣ бельгійца и искалѣчили его на всю жизнь,—наказаніе имъ за это ограничилось двухнедѣльнымъ арестомъ при консульствѣ.

О томъ, какъ японскіе консула относятся къ своимъ обязанностямъ по случаю происходящихъ въ Чемульпо нападеній на европейцевъ, можно судить по бумагѣ, присланной японскимъ консуломъ русскому консулу, въ которой онъ говоритъ, что русскіе матросы съ канонерки „Бобръ“, будучи въ пьяномъ видѣ, нападали на невинныхъ, беззащитныхъ японскихъ гражданъ.

А, между тѣмъ, русскіе матросы привезли на судно множество самаго разнороднаго оружія, отнятаго ими отъ японцевъ, какъ вещественныя доказательства, и, между прочимъ, двѣ фуражки японскихъ полицейскихъ.

Для разбора этого дѣла былъ въ Чемульпо посланъ броненосецъ „Полтава“, но чѣмъ оно кончилось, свѣдѣній не имѣется.

Когда же обиженнымъ является японецъ, японскіе консула требуютъ и получаютъ скорое и полное удовлетвореніе.

30 сентября, уличная толпа хотѣла расправиться съ японскимъ почтальономъ, который уступилъ свой велосипедъ кондуктору вагона электрическаго трамвая, раздавившаго мальчика. За это толпа хотѣла разорвать кондуктора, если бы онъ не спасся на велосипедѣ почтальона, который, въ свою очередь, скрылся въ японскій магазинъ „Асада“; толпа послѣдовала за нимъ, избила его почти до смерти и разгромила магазинъ.

5 октября японскій посланникъ въ Сеулѣ сдѣлалъ корей-

скому правительству очень серьезныя представленія по этому поводу и обвинялъ корейскую полицію въ умышленномъ попустительствѣ, тѣмъ болѣе, что въ бушевавшей толпѣ были, какъ оказывается, и полицейскіе чины, которые ничего не сдѣлали, чтобы спасти избиваемаго японскаго почтальона.

Чтобы на будущее время предупредить подобные случаи, японскій посланникъ предъявилъ корейскому правительству слѣдующія требованія:

1) подвергнуть строгому дисциплинарному взысканію главное полицейское управленіе въ Сеулѣ и представить извиненія въ японскую миссію;

2) строго наказать буяновъ, особенно солдатъ, жандармовъ и полицейскихъ, бывшихъ въ толпѣ;

3) возмѣстить раненому почтальону расходы на леченіе и уплачивать ему жалованье за все потерянное для службы время;

4) вознаградить убытки магазина „Асада".

При этомъ, посланникъ заявилъ, что въ случаѣ повторенія подобнаго безчинства, во всѣхъ частяхъ города будутъ устроены японскіе полицейскіе участки.

Послѣ драки въ Чемульпо, японцами было произведено безчинство въ портѣ Мокпо: мѣстныя власти обложили корейскихъ маклеровъ гильдейскими пошлинами. Маклера, поддерживаемые японцами, отказались платить, почему и были арестованы. Тогда японцы напали на зданіе присутственныхъ мѣстъ (ямынь), разбили арестный домъ и освободили всѣхъ арестованныхъ.

Ненависть корейцевъ къ пришлымъ японцамъ выказывается при каждомъ удобномъ случаѣ. Въ томъ же самомъ Мокпо общее бойкотированіе японскихъ купцовъ со стороны корейскихъ экспортеровъ привело къ общей забастовкѣ со стороны состоявшихъ на японской службѣ *кули* (портовыхъ рабочихъ), которые начали производить буйство, вызвавшее отпоръ со стороны корейцевъ. При такомъ оборотѣ дѣла, командиръ японской канонерки „Сайенъ" послалъ на берегъ десантъ, сдѣлавшій залпъ въ толпу, изъ которой 17 были ранены и нѣсколько убито.

Распоряжаясь въ Кореѣ такъ диктаторски и такъ противно буквѣ и духу заключеннаго съ Россіей соглашенія, Японія не желаетъ признавать за Россіею никакихъ правъ въ этой странѣ, и препирается съ нами по всякому поводу, обвиняя Россію въ произволѣ и насиліяхъ, особенно по отношенію къ дѣйствіямъ русской лѣсопромышленной компаніи на берегахъ рѣки Ялу

Компанія эта дѣйствуетъ въ силу концессіи 29 августа 1896 г., данной пять мѣсяцевъ спустя послѣ того, какъ корейскій императоръ оставилъ русскую миссію, куда онъ скрылся, спасая свою жизнь отъ придворнаго заговора, подстроеннаго японцами. Онъ предоставилъ Россіи на 20 лѣтъ право рубки лѣса на корейской сторонѣ рѣкъ Ялу и Тумень и на островѣ Дагелетѣ. Концессія сначала была дана русскому владивостокскому купцу, а затѣмъ перешла къ другой могущественной компаніи.

Подстрекая корейцевъ и заставляя ихъ выступить впередъ, японцы, устами корейцевъ, возбудили споръ, какъ понимать слова объ уступкѣ русскимъ права на эксплоатацію лѣсовъ въ долинѣ рѣки Ялу. Корейскія власти доказываютъ, что русскіе могутъ рубить лѣсъ только по берегу названной рѣки представители же русскаго правительства толкуютъ договоръ въ болѣе широкомъ смыслѣ.

Затѣмъ, русская акціонерная компанія по эксплоатаціи лѣса заарендовала у корейскаго правительства участокъ береговой полосы въ 7 килом. длиной и 1 килом. шириной у Іонампо, маленькой, жалкой корейской деревушки въ устьѣ р. Ялу, лежащей при бухтѣ, одной изъ лучшихъ на корейскомъ побережьи. На этомъ участкѣ построенъ лѣсопильный заводъ и устроено нѣсколько лѣсныхъ складовъ для срубленнаго и сплавляемаго сюда по рѣкѣ лѣса. Для обезпеченія построекъ компаніи, а также работающихъ тамъ и служащихъ лицъ, имѣется 240 русскихъ стражниковъ, безъ которыхъ хунхузы не давали бы и часу покоя. А это обстоятельство и послужило англійской и японской печати поводомъ говорить объ укрѣпленіяхъ Іонампо, за которыя были приняты казармы упомянутыхъ стражниковъ, и о военномъ, будто бы, тамъ нашемъ гарнизонѣ. Въ особенности же японская печать поспѣшила воспользоваться этими фактами, чтобы вопить о захватахъ Россіи, доказывая, что Россія намѣрена обратить Іонампо во второй Портъ-Артуръ и что завладѣніе долиной Ялу подъ предлогомъ лѣсныхъ концессій является лишь ширмою, за которою, въ дѣйствительности, созидается укрѣпленная военная база для будущихъ наступательныхъ движеній Россіи противъ Японіи.

Что лѣсопромышленная компанія, эксплоатирующая богатѣйшіе лѣса на Ялу и вложившая въ дѣло огромные капиталы, преслѣдуетъ не военныя, а исключительно коммерческія цѣли, имѣющія для Россіи серьезное общегосударственное значеніе, доказывается отзывомъ безпристрастнаго наблюдателя, г.

Дэвидсона, американскаго консула на Формозѣ, совершившаго въ нынѣшнемъ году основательную поѣздку по Дальнему Востоку съ цѣлью изученія сибирской, манчжурской, корейской и китайской желѣзнодорожныхъ системъ; вотъ его подлинныя слова: „что касается торговли лѣсомъ, то считалось, что лѣсопромышленная концессія на Ялу была Россіей устроена ради достиженія однѣхъ лишь политическихъ цѣлей. Хотя, быть можетъ, и имѣются нѣкоторые намеки на справедливость такого предположенія, но интересно то обстоятельство, что лѣсопромышленная компанія на Ялу является крупнымъ и удачливымъ лѣсопромышленникомъ и что всѣ поставки на Манчжурію, исполнявшіяся доселѣ Америкой, выполняются теперь полностью этою компаніею. Коммерческія операціи этого, такъ называемаго политическаго предпріятія очень реальны, потому что безъ посторонней помощи, она на практикѣ уничтожила американскую торговлю“ [1]).

Тотъ же американецъ очень лестно отзывается о дѣятельности русскихъ торговцевъ и вообще русскихъ въ Манчжуріи: сообщаемыя имъ свѣдѣнія какъ бы противорѣчатъ общеустановившемуся обвиненію русскаго торговца въ косности, хотя г. Дэвидсонъ и признаетъ, что эти торговцы по рукамъ связаны неизвѣстностью о степени продолжительности русской оккупаціи и „вынуждены, вслѣдствіе того, воздерживаться отъ вклада значительныхъ средствъ въ тамошнія коммерческія предпріятія. Тѣмъ не менѣе, вдоль желѣзнодорожной линіи, непосредственно охраняемой русскою вооруженною силою, одинъ за другимъ возникаютъ великолѣпные города. Съ точки зрѣнія коммерческой первое мѣсто занимаетъ между ними Харбинъ. Хотя ему отъ роду лишь три года, численность русскаго въ немъ населенія превысила уже 40.000 и его быстрый ростъ и соціальныя условія таковы, что въ весьма близкой степени напоминаютъ сразу создававшіеся американскіе города на пріискахъ. Съ его огромными мукомольными и значительными оптовыми складами, Харбинъ развился на столь прочномъ

---

[1]) Regarding the lumber trade, it has been stated that the Yalu timber concession was arranged by Russia for political purposes only. While there may be some suggestion of truth in this, it is an interesting fact that the Yalu lumber Company is so large and succesful a producer of lumber that the demand in Manchuria formerly filled from America is now being met entirely by this Company. The commercial operations of this so-called political concern are very real, for, unaided, it has practically destroyed the American trade. (Russian Entreprise in Manchuria and Korea, by Y. W. Davidson).

основанiи, что, по прошествiи немногихъ лѣтъ, онъ будетъ не только величайшимъ рынкомъ въ Манчжурiи, но и однимъ изъ значительнѣйшихъ городовъ Дальняго Востка, не считая важности его, какъ крупнаго желѣзнодорожнаго узла".

III.

Разъ я коснулся Манчжурiи, не пора ли поговорить о ней подробнѣе, такъ какъ чѣмъ болѣе идетъ время и чѣмъ болѣе накопляется новыхъ фактовъ, тѣмъ желательнѣе дѣлается остановиться надъ вопросомъ, возможно ли Россiи оставаться по отношенiю къ манчжурскому вопросу на прежней точкѣ зрѣнiя и не слѣдуетъ ли ей, въ виду вновь открывшихся обстоятельствъ, выбрать другую политику, находящуюся въ большемъ соотвѣтствiи съ измѣнившимся положенiемъ дѣлъ въ этой странѣ?

Послѣ ничѣмъ не вызваннаго съ нашей стороны бомбардированiя Благовѣщенска, Россiя вынуждена была двинуться впередъ и, послѣ ряда сраженiй, занять Манжчурiю: она имѣла бы полное право тогда же присоединить къ своимъ владѣнiямъ эту страну, какъ завоеванную русскимъ оружiемъ,—это былъ бы въ сущности, превосходный предлогъ наилучшимъ образомъ обезпечить прорѣзывающую страну желѣзную дорогу, построенную русскими же съ затратою на то сотенъ миллiоновъ. Но Россiя тогда этого не захотѣла въ чистосердечной увѣренности, что Китай оцѣнитъ ея великодушiе, будетъ съ нею по прежнему добрымъ сосѣдомъ и возстановитъ въ Манчжурiи порядокъ, потрясенный боксерскимъ возстанiемъ, принявъ всѣ мѣры къ дѣйствительной охранѣ такъ дорого стоившей намъ желѣзной дороги, дабы Россiя чрезъ нѣкоторое время могла вывести свои войска изъ страны, умиротворенной и вошедшей въ нормальныя условiя существованiя. Извѣстно, какое горькое разочарованiе ожидало Россiю на этомъ пути.

Съ самого начала Китай показалъ, какъ мало цѣнилъ онъ деликатность Россiи.

Для урегулированiя отношенiй между мѣстными властями, а также для оформленiя новаго порядка, созданнаго занятiемъ русскими Манчжурiи, дао-тай Чоу-менъ былъ посланъ манчжурскимъ генераломъ Цзеномъ для заключенiя съ адмираломъ Алексѣевымъ конвенцiи, которая и была подписана 22 ноября (н. с.) 1900 г. Конвенцiя эта заключала въ себѣ слѣдующiя условiя: „1) По возвращенiи генерала Цзена на его постъ, онъ

долженъ заняться охраной мукденской провинціи и постараться успокоить ее и наблюдать, дабы не было оказано сопротивленія постройкѣ желѣзной дороги. 2) Такъ какъ Россія заняла Мукденъ и другія мѣста съ цѣлью охранять желѣзную дорогу и умиротворить провинцію, то манчжурскій генералъ и мѣстные чиновники должны обходиться съ русскими хорошо и оказывать имъ возможную поддержку, напримѣръ, въ доставленіи имъ квартиръ и продовольствія. 3) Въ мукденской провинціи возстаніе было произведено солдатами и желѣзная дорога разрушена. Поэтому, манчжурскій генералъ обязанъ распустить свои войска и отобрать отъ нихъ оружіе. Тѣ, которые подчинятся этимъ условіямъ, будутъ освобождены отъ преслѣдованія за преступленія. Всѣ военные припасы въ арсеналахъ, не занятыхъ русскими, должны равнымъ образомъ быть выданы русскимъ военнымъ властямъ. 4) Мѣста въ Мукденѣ, не занятыя Россіей, на которыхъ построены форты и укрѣпленія, должны быть осмотрѣны русскими и китайскими чиновниками совмѣстно и разрушены въ ихъ присутствіи. Пороховые погреба, ненужные для русскихъ, должны быть также уничтожены. 5) Инкоу и другія мѣста будутъ находиться въ русскомъ управленіи, пока русское правительство не удовлетворится успокоеніемъ страны, послѣ чего китайскимъ властямъ будетъ дозволено вступить въ отправленіе своихъ обязанностей. 6) Различные города и мѣстечки мукденской области должны исполнять приказанія манчжурскаго генерала въ Мукденѣ, касательно содержанія конной и пѣшей полицейской стражи для охраны купцовъ. Деревни въ области также находятся подъ управленіемъ генерала и отъ него зависитъ, сколько человѣкъ стражи послать туда и какъ ихъ вооружить. 7) Полезно, чтобы русскій чиновникъ съ властью все контролировать былъ помѣщенъ въ Мукденѣ для рѣшенія вопросовъ, касающихся обѣихъ странъ между манчжурскимъ генераломъ съ одной стороны и губернаторамъ Ляодунскаго полуострова съ другой. Манчжурскій генералъ долженъ давать этому правительственному резиденту подробныя свѣдѣнія относительно каждой важной мѣры, которую онъ намѣренъ принять. 8) Если полицейская сила, содержимая манчжурскомъ генераломъ въ Мукденѣ или въ другихъ мѣстахъ, окажется недостаточной при извѣстныхъ обстоятельствахъ, манчжурскій генералъ немедленно долженъ сообщить объ этомъ русскому правительственному резиденту въ Мукденѣ, безразлично, будетъ ли это мѣсто на морскомъ берегу, или внутри страны, и просить Россію объ отправленіи вспомогательнаго отряда".

Въ то же время Чоу-менъ подсказалъ канцлеру Лихун-чжану, что есть еще возможность не ратификовать конвенцію. Тотъ же немедленно сообщилъ письмо дао-тая и текстъ конвенціи англійскому посланнику, послѣ чего конвенція, разумѣется, не была утверждена въ Пекинѣ.

Выходъ русскихъ войскъ изъ Манчжуріи не могъ быть осуществленъ безъ предварительнаго полученія гарантій со стороны пекинскаго правительства, что законные интересы Россіи въ Манчжуріи не пострадаютъ. Переговоры по этому вопросу и заключеніе относящагося къ тому договора встрѣтили сильную оппозицію южныхъ вице-королей и богдыханъ снова обратился за помощью противъ Россіи къ Англіи, о чемъ онъ просилъ лорда Лансдоуна собственноручнымъ письмомъ отъ 20 марта 1901 г.

Къ Лансдоуну же непосредственно обратились вице-короли Ліу-кун-и и Чжанъ-чжи-дунъ, которые въ своихъ письмахъ, между прочимъ, говорили: „манчжурское соглашеніе, хотя и слегка измѣненное, все-таки полно пунктовъ, на которые нельзя согласиться. Проектъ его въ 11 статьяхъ былъ вамъ сообщенъ англійскимъ посланникомъ въ депешѣ отъ 6 марта 1901 г. Россія принуждаетъ Китай подписать его и опредѣленный срокъ данъ ему для этого, но Китай не желаетъ уступить ни одной части своихъ державныхъ правъ и китайское правительство поручило своимъ представителямъ за границей искать добрыхъ услугъ иностранныхъ правительствъ...

„Китай дѣйствовалъ неразумно во время боксерскаго возстанія. Британское правительство простило прошлое и согласилось оставить Китаю возможность обновленія. Китайское правительство и народъ въ высшей степени признательны за это и чувствуютъ ободреніе своему намѣренію ввести реформы въ управленіе, какъ только коллективные переговоры, нынѣ ведущіеся, будутъ заключены, и такимъ образомъ отвѣтить ожиданіямъ державъ, дружески расположенныхъ къ Китаю...

„Такъ какъ Манчжурія есть колыбель настоящей династіи, то если мы уступимъ наши державныя права на эту область, какъ можетъ Китай быть признаваемъ міромъ за независимую страну и какъ можетъ онъ смотрѣть на иностранныя державы, которыя старались дѣйствовать въ его пользу въ прошломъ году, и какъ равновѣсіе силъ на Дальнемъ Востокѣ можетъ быть сохранено послѣ такого его нарушенія?..

„Мы послѣдовали совѣту британскаго правительства—просить дворъ не подписывать манчжурскаго соглашенія и представить проектъ его на третейскій судъ державъ, чтобы такимъ

образомъ добиться устраненія вредныхъ условій... Области южныя и восточныя признàютъ только приговоръ иностранныхъ державъ, но не примутъ русскаго проекта соглашенія".

Англійское правительство, дѣйствительно, выступило противъ проекта изъ одинадцати статей, который требовалъ для Россіи исключительныхъ экономическихъ правъ въ Манчжуріи, Монголіи, Тарбагатаѣ, Или, Кашгарѣ, Яркандѣ и Хотанѣ.

Россія уступила и соглашеніе Лессара съ княземъ Циномъ отъ 26 марта 1902 г. говоритъ лишь о способѣ очищенія Манчжуріи русскими войсками.

Итакъ, на первыхъ же порахъ, „благодарный" Китай, чтобы избѣгнуть соглашенія съ Россіей, обратился за помощью къ исконной соперницѣ Россіи въ Азіи—Англіи.

Оккупація Манчжуріи отдѣльными отрядами не ставитъ эти отряды ни въ какое отношеніе съ туземнымъ населеніемъ, послѣдствіемъ чего, между прочимъ, является трудность борьбы съ хунхузами.

Хунхузъ въ переводѣ на русскій языкъ значитъ „краснобородый" (хунъ—красный, хуцзы—борода). Въ старину, китайскіе разбойники, чтобы скрыть свои черты и устрашить своимъ видомъ купцовъ и мирныхъ поселянъ, привѣшивали себѣ искусственныя большія красныя бороды, отсюда и получилось названіе хунхузъ, которое примѣняется теперь не только къ разбойникамъ, но и почти къ цѣлому сословію,—нѣчто вродѣ казачества, пополняемаго не только преступниками, но всякими вольными и смѣлыми людьми: между ними можно найти и преступниковъ, спасающихся отъ кары закона, и бѣжавшихъ или выгнанныхъ солдатъ, и людей, разоренныхъ алчнымъ чиновничествомъ или укрывающихся отъ ихъ преслѣдованія, или, наконецъ, мстящихъ этому чиновничеству,—и лицъ, разоренныхъ тѣми же хунхузами и вынужденныхъ къ грабежамъ нищетой и голодомъ. Въ гиринской провинціи они образуютъ нѣчто вродѣ маленькихъ республикъ, въ плодородномъ раіонѣ средней Сунгари богатые землевладѣльцы и купцы нанимаютъ шайки хунхузовъ для защиты себя отъ такихъ же шаекъ. Шайки поселяются у нанявшаго ее хозяина и оберегаютъ его семью и имущество, весьма добросовѣстно исполняя принятыя на себ[illegible] обязанности. Торговые обозы страхуются у хунхузовъ же. [illegible] такомъ случаѣ обозъ получаетъ особое охранное свидѣте[illegible]ство (*пяо*), служащее ему при встрѣчѣ съ хунхузами проп[illegible]скомъ. Само китайское правительство не брезгаетъ хунхуза[illegible] и наиболѣе выдающагося изъ нихъ, Танденъ-юна, назначи[illegible]

осенью 1900 г. главнокомандующимъ всѣхъ войскъ, оставшихся въ гиринской области, въ мукденской области такимъ же предводителемъ бымъ назначенъ Люданцзыръ [1]).

Въ настоящее время страна, въ тѣхъ раіонахъ, гдѣ нѣтъ русскихъ гарнизоновъ, представляетъ безотрадную картину: въ нѣкоторыхъ округахъ населеніе бросило свои пепелища и бѣжало въ сферу русской охраны. Множество засѣянныхъ полей и плантацій женшеня оставлены на произволъ судьбы и не мало отдѣльныхъ усадьбъ и цѣлыхъ деревень разграблено и сожжено хунхузами.

Въ виду того, что русскія войска занимаютъ только желѣзнодорожную линію и немногіе пункты въ Манчжуріи, а управленіе страной остается въ рукахъ китайской администраціи, борьба съ хунхузами для насъ крайне трудна, такъ какъ въ высшей степени затруднительно слѣдить за ихъ организаціей, такъ точно какъ и за настроеніемъ населенія, всецѣло зависящаго отъ враждебныхъ намъ мандариновъ.

Разительнымъ примѣромъ сознаваемой самимъ населеніемъ ненормальности нынѣшняго положенія нашего въ Манчжуріи по примѣненію къ попыткамъ русскихъ искоренить хунхузовъ, служитъ отвѣтъ, данный туземцами на наши требованія сообщать свѣдѣнія о хунхузахъ: „скажите намъ, что вы навсегда останетесь въ Манчжуріи, и мы станемъ сообщать вамъ всякія свѣдѣнія; въ противномъ случаѣ, если мы будемъ доставлять вамъ такія свѣдѣнія, хунхузы, послѣ вашего ухода, сожгутъ наши деревни и вырѣжутъ насъ“.

Пользуясь вынужденнымъ пособничествомъ сельскаго населенія, опираясь на скрытую поддержку китайскихъ властей, подъ рукой покровительствующихъ нападенію ихъ на русскіе посты, хунхузы множатся и начинаютъ дѣйствовать противъ насъ со все возрастающею дерзостью.

Въ недавнее время близъ желѣзной дороги, между Харбиномъ и Владивостокомъ произошло столкновеніе нашихъ разъѣздовъ, съ партіей хунгузовъ. Начальникъ одного изъ разъѣздовъ, корнетъ Чулковъ, былъ убитъ, а около половины нижнихъ чиновъ убиты и ранены. Затѣмъ, произошло новое столкновеніе, еще болѣе серьезное, на р. Ляо-хэ, близъ деревни Вафынь, причемъ, хотя разбойникамъ и нанесенъ былъ жестокій ударъ, но все-таки мы потеряли 14 человѣкъ, изъ нихъ 4 убитыми. Въ этомъ боѣ выяснилось, что въ числѣ хунхузовъ была милиція ляоянскаго тифангуана, въ числѣ 500 человѣкъ, такъ

[1]) Военный сборникъ, ноябрь, 1903, статья полковника Соковича.

что трудно сказать, гдѣ въ такихъ, нынѣ нерѣдкихъ шайкахъ кончается правительственный милиціонеръ, и гдѣ начинается настоящій хунхузъ.

Изъ совокупности этихъ обстоятельствъ, очевидно, образуется заколдованный кругъ: съ одной стороны, согласно неоднократнымъ правительственнымъ сообщеніямъ, Россія не можетъ эвакуировать Манчжурію до тѣхъ поръ, пока не будетъ имѣть увѣренности въ сохранности построенной ею желѣзной дороги, опасность для которой предвидится, главнымъ образомъ, отъ хунхузовъ, радикально справиться съ которыми является дѣломъ первой необходимости,—съ другой стороны, хунхузы могутъ быть уничтожены только при условіи сохраненія въ Манчжуріи и впредь русской администраціи, опирающейся на русскія войска; съ уходомъ же русскихъ, хунхузы, нѣтъ никакого сомнѣнія, возобновятъ свою дѣятельность и желѣзная дорога снова очутится подверженной всевозможнымъ опасностямъ. Словомъ, въ Манчжуріи можетъ фигурально повториться исторія того злосчастнаго кулика, про котораго народъ разсказываетъ, какъ онъ увязилъ свой носъ въ болотѣ: „носъ вытащитъ—хвостъ завязитъ, хвостъ вытащитъ—носъ увязитъ" и т. д. до безконечности... или, вѣрнѣе, до того, пока волею судебъ у него не оторвется хвостъ.

IV.

Разсуждая о перспективѣ возвращенія Манчжуріи Китаю, необходимо подумать, какого характера будутъ послѣдующія отношенія его къ Россіи: на благодарность его намъ расчитывать не приходится—какъ мы видѣли выше, еле получивъ возможность дышать послѣ боксерскаго разгрома, Китай забылъ, чѣмъ былъ обязанъ Россіи и первымъ дѣломъ поспѣшилъ забѣжать, сначала съ задняго крыльца, къ нашей исконной соперницѣ въ Азіи—Англіи; въ будущемъ онъ, безъ сомнѣнія, будетъ сообразовывать свою политику съ указаніями трехъ державъ: Японіи, Англіи и Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, которые точно также, безъ сомнѣнія, будутъ носить враждебный намъ характеръ.

Судя по имѣющимся свѣдѣніямъ, Японія, послѣ мира въ Симоносеки стала очень дружественно относиться къ Китаю и до боксерскаго движенія 1900 года этотъ послѣдній готовъ былъ вступить въ союзъ съ нею, но участіе Японіи въ международной экспедиціи противъ китайцевъ и союзъ ея съ Англіей подорвали довѣріе китайцевъ къ своей слишкомъ

предпріимчивой сосѣдкѣ. Они говорили тогда, что Японія воображаетъ теперь себя членомъ семьи европейскихъ государствъ и такъ же, какъ и они, мечтаетъ о раздѣлѣ Небесной имперіи.

Однако, путемъ медленной, но упорной работы, японцамъ за послѣднее время удалось пріобрѣсти очень сильное вліяніе въ Китаѣ и вліяніе это возрастаетъ съ каждымъ днемъ: японцы работаютъ тихо, спокойно, но, тѣмъ не менѣе, очень увѣренно и уже сдѣлали очень многое для достиженія своей цѣли— полнаго подчиненія Китая своему вліянію. Особенно замѣтны успѣхи японцевъ въ сѣверномъ Китаѣ, гдѣ флегматичное, непредпріимчивое населеніе совершенно въ рукахъ знающихъ и энергичныхъ японцевъ, близко стоящихъ къ тому же къ китайцамъ по своему языку, письменамъ и обычаямъ, что значительно облегчаетъ сближеніе между обоими народами.

Японія не дѣлаетъ никакой тайны изъ своей политики, стремящейся къ объединенію двухъ сильнѣйшихъ восточныхъ націй крѣпкимъ союзомъ, который могъ бы легко отражать всякія нападенія на нихъ съ Запада. Для этой цѣли Японія желаетъ сдѣлать Китай цивилизованной страной, привить ему западную культуру, но въ то же время оберечь его отъ западнаго вліянія и создать изъ него, наоборотъ, могучій оплотъ противъ бѣлой расы.

Впрочемъ, въ Китаѣ далеко не всѣ восхищаются мыслью объ японскомъ союзѣ. Вотъ какіе аргументы противъ него приводитъ китайская газета „Чжунъ-вай-жибао“: „Японія хочетъ, чтобы китайское правительство, при ея помощи, оказало Россіи сопротивленіе. Очевидно, выражая это желаніе, Японія не имѣетъ въ виду одного словеснаго протеста. Чего же желаетъ Японія? Допустимъ, что война разразится изъ-за цѣлости Китая и что Китай, принявъ сторону Японіи, заключитъ съ нею союзъ. Несомнѣнно, что всѣ тяжести войны обрушатся на китайскую имперію. И если Японія будетъ побѣждена, Россія захватитъ Манчжурію, Монголію, китайскій Туркестанъ. Такимъ образомъ, за объявленіе войны будетъ отвѣчать Китай, а не Японія. Если же предположить наоборотъ, что русскія войска будутъ разбиты, тогда Японія займетъ весь сѣверный Китай и ея положеніе будетъ одинаково съ теперешнимъ положеніемъ Россіи въ этой провинціи. Спрашивается, что же выиграетъ отъ такой перемѣны Китай?

„Надо еще предположить и то, что Россія не помирится съ своимъ пораженіемъ, и что война затянется. Тогда Японія принуждена будетъ сосредоточить всѣ свои силы въ занятыхъ

ею китайскихъ территоріяхъ и затянувшаяся война обойдется чрезвычайно дорого. Но, такъ какъ война начата будетъ подъ предлогомъ неприкосновенности Китая, то Японія потребуетъ, чтобы военные расходы были приняты Китаемъ на себя. И Китай будетъ вѣчно платить и никогда не уплатитъ своихъ долговъ!"

Ввозъ японскихъ товаровъ въ Китай сдѣлалъ за послѣдніе годы очень большіе успѣхи и торговля въ сѣверномъ Китаѣ почти всецѣло въ японскихъ рукахъ: японскій купецъ знаетъ вкусы китайцевъ и лучше умѣетъ угодить имъ, чѣмъ европейскіе торговцы. Всѣ вице-короли приняли въ провинціи японскихъ торговыхъ агентовъ и японцы, при поддержкѣ китайскаго правительства, основали китайско-японскій банкъ съ капиталомъ въ 50 милліоновъ франковъ.

Переселеніе японцевъ въ Китай увеличивается съ каждымъ годомъ, число ихъ въ открытыхъ китайскихъ гаваняхъ въ періодъ съ 1900 г. по 1901 г. увеличилось съ 2900 до 4170 чел.

Въ политическомъ отношеніи Японія дѣлаетъ въ Китаѣ также очень большіе успѣхи. Дипломатическимъ и консульскимъ представителямъ Японіи удалось пріобрѣсти довѣріе многихъ вліятельныхъ китайскихъ сановниковъ. Многіе изъ высшихъ государственныхъ дѣятелей Китая посѣтили Японію въ теченіе прошлаго года, были тамъ приняты очень тепло и вынесли оттуда убѣжденіе въ общности интересовъ обѣихъ странъ. Это убѣжденіе они постарались передать и пекинскому двору... Одинъ китайскій принцъ такъ характеризовалъ отношенія между двумя народами, произнося на банкетѣ въ 1902 г. въ Токіо тостъ за дружбу между двумя восточными имперіями: „Узы, связывающія обѣ имперіи—узы расы, литературы и общихъ интересовъ—въ будущемъ могутъ стать только еще болѣе тѣсными. Оба народа должны идти рука объ руки впередъ по пути къ возрожденію Азіи".

Приведу также слѣдующіе факты:

Реорганизація почтовой службы и полиціи, а также выработка новаго свода законовъ была довѣрена японцамъ.

Въ высшихъ китайскихъ школахъ и въ провинціальныхъ среднихъ очень много японскихъ учителей, преподающихъ тамъ даже европейскіе языки. Тысячи китайскихъ студентовъ получаютъ образованіе въ университетѣ въ Токіо и въ другихъ высшихъ школахъ Японіи. Японскіе студенты, въ свою очередь, путешествуютъ по Китаю и изучаютъ страну.

Въ Шанхаѣ, полтора года тому назадъ, стараніями президента японской верхней палаты, принца Конои, была основана школа исключительно для японскихъ юношей: она раздѣляется

два отдѣленія: политическое и коммерческое, и преслѣдуетъ цѣль подготовить молодыхъ японцевъ къ торговой дѣятельности въ Китаѣ или къ службѣ въ консульствахъ и другихъ учрежденіяхъ.

Воспитанники этой школы изучаютъ діалектъ пекинскихъ мандариновъ, политическую и физическую географію Китая и сосѣднихъ съ нимъ странъ; кромѣ того, внимательно изучается международное право, для того, чтобы на основаніяхъ этого права способствовать развитію Китая. Ясно, какимъ хорошимъ орудіемъ для усиленія японскаго вліянія въ Небесной имперіи является эта школа и какую роль она можетъ сыграть въ будущемъ.

Въ Пекинѣ сооружается теперь госпиталь, въ которомъ будутъ работать японскіе врачи; въ то же время японскіе офицеры работаютъ надъ реорганизаціей китайскихъ войскъ. Телеграммы изъ Китая сообщили, что недавно пекинскому двору были представлены доклады о необходимости преобразованія арміи и флота по японскому образу и о повсемѣстномъ учрежденіи военныхъ школъ и что будто императрица обратила серьезное вниманіе на оба доклада.

Вице-король Печилійской провинціи, извѣстный Юан-Шикай выказываетъ особенную дѣятельность для достиженія быстраго преобразованія арміи, реформировать которую онъ надѣется въ теченіе трехъ лѣтъ. Онъ намѣренъ немедленно учредить въ Китаѣ унтеръ-офицерскіе батальоны, кадетскіе корпуса и военныя училища. Въ 1905 году предстоитъ открытіе академіи генеральнаго штаба. Кромѣ того, проектируется въ непродолжительномъ времени введеніе всеобщей воинской повинности и значительное усиленіе артиллеріи.

По слухамъ, въ то же время Юан-шикай, враждебно настроенный къ Россіи, недавно представилъ императрицѣ секретный докладъ, въ которомъ настойчиво совѣтуетъ вступить въ союзъ съ Японіей.

Воспользовавшись появившимся въ печати письмомъ одного американскаго журналиста, въ которомъ тотъ доказывалъ что лучшій способъ задержать агрессивную политику Россіи на Дальнемъ Востокѣ—это научить Китай защищать себя, „Japan Times“ разъяснилъ автору письма, что Японія давно уже начала придерживаться этой политики и будетъ придерживаться до тѣхъ поръ, пока Китай позволитъ, чтобы японцы руководили имъ. По словамъ этой газеты, передовые люди Китая убѣдились въ искренности дружбы японцевъ, что выразилось 1) въ большомъ приливѣ китайскихъ студентовъ въ японскія

школы и 2) въ приглашеніи вице-королями Китая японцевъ въ качествѣ инструкторовъ и совѣтниковъ по военнымъ и гражданскимъ вопросамъ.

Въ послѣднее время „North China Daily News" обоснованно утверждаетъ, что союзъ Японіи съ Китаемъ подготовляется съ видимымъ успѣхомъ; по сообщенію же „Daily Mail", заключеніе союза замедляется вслѣдствіе образа дѣйствій нѣкоторыхъ членовъ манчжурскаго дворянства, имѣющихъ большое вліяніе при дворѣ,—по старой привычкѣ газета предполагаетъ, что, по слухамъ, лица эти подкуплены Россіей. Итакъ, на сцену снова выступаетъ „странствующій рубль", которому, въ дѣйствительности, теперь, право, не до странствованій, но который до сихъ поръ въ глазахъ нашихъ заграничныхъ благопріятелей сохранилъ привлекательное свойство, безъ утружденія ума европейцевъ, давать ключь къ разъясненію успѣховъ Россіи на Востокѣ.

Всѣ эти признаки даютъ основаніе думать, что китайско-японскій союзъ не просто политическая химера, а политическая комбинація, которая при благопріятныхъ условіяхъ можетъ осуществиться, и что потому державы, заинтересованныя въ дѣлахъ Дальняго Востока, всегда должны имѣть въ виду эту опасность и сообразовать съ нею свою политику.

Въ ноябрьской книгѣ парижскаго журнала „Correspondant" помѣщена статья Франсиса Мюри, посвященная Японіи и ея политикѣ распространенія и захватовъ, весьма понятной и естественной съ экономической точки зрѣнія. Авторъ особенно останавливается на вопросѣ, какъ можетъ отозваться эта политика на интересахъ Франціи, чему можетъ научить Францію настоящій конфликтъ Японіи и Россіи и какая опасность можетъ грозить французскимъ владѣніямъ въ Азіи со стороны этой восточной имперіи.

По словамъ автора, Японія, благодаря своему быстрому развитію, не въ состояніи прокормить все свое населеніе, несмотря на его удивительную умѣренность и неприхотливость. Японія теперь усиленно стремится къ югу, къ Сіаму и Индо-Китаю, гдѣ такъ много земель, удобныхъ для культуры риса, туда-то Японія и устремляетъ свои жадные взоры. Въ Сіамѣ, гдѣ населеніе слишкомъ лѣниво и безпечно для того чтобы вполнѣ разработать свои плодородныя территоріи, японцы уже стали весьма прочно и крѣпко.

Въ 1899 году въ Бангкокѣ было образовано обществ главной задачей котораго явилась защита японскихъ интер совъ въ Сіамѣ. Затѣмъ, былъ образованъ сіамско-японск

союзъ, который занялся пересмотромъ заключенныхъ между двумя странами торговыхъ договоровъ и основаніемъ школы, гдѣ долженъ преподаваться японскій языкъ. Въ войскахъ и судебныхъ учрежденіяхъ европейцы уже оттѣснены на задній планъ японцами, французскому вліянію нанесенъ весьма замѣтный ущербъ. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ Индо-Китай постоянно пріѣзжаютъ изъ Японіи военныя и торговыя экспедиціи, изучаютъ его берегъ и закупаютъ громадныя партіи риса, къ великому огорченію китайскихъ купцовъ, въ рукахъ которыхъ до сихъ поръ находилась вывозная торговля на этихъ берегахъ.

Далѣе, Мюри указываетъ на опасность положенія французскаго Индо-Китая, очень плохо защищеннаго со стороны Сіама, и отмѣчаетъ, какъ неопредѣленны и беззащитны границы Индо-Китая. Оккупаціонное войско не въ состояніи было бы, по его мнѣнію, отразить нападеніе даже сіамцевъ на Индо-Китай, если бы оно произошло при помощи Японіи.

Чтобы еще болѣе скрѣпить связи между Сіамомъ и Японіей, существуетъ, какъ слышно, проектъ женить наслѣднаго принца сіамскаго на дочери микадо.

Недаромъ, слѣдовательно, нѣсколько дней тому назадъ, „Ost-asiatischer Lloyd“ серьезно напоминалъ о возможномъ желаніи честолюбивыхъ японцевъ образовать пан-азіатскій союзъ и совѣтовалъ заблаговременно предупредить грозящую всѣмъ западнымъ народамъ опасность, а „North China Daily News“ нынѣ говоритъ: „кличъ „Азія для азіатцевъ“ пересталъ быть пустымъ звукомъ, желтая опасность надвигается и жалки тѣ европейскіе умы, которые не гнушаются проповѣдывать усиленіе желтой расы на счетъ Россіи, этого надежнаго буфера Европы“.

Къ сожалѣнію, газета не договариваетъ, что причина кажущагося равнодушія европейскихъ умовъ къ собирающейся грозѣ, заключается, какъ мнѣ кажется, въ томъ соображеніи, что какъ бы ни была велика „желтая опасность“, она должна обрушиться, прежде всего, на ближайшаго сосѣда—Россію,— что она ослабитъ или даже уничтожитъ эту послѣднюю, но зато и сама ослабнетъ въ борьбѣ, и, пока перекатится чрезъ русскія равнины, перестанетъ быть черезчуръ опасною для отдаленной отъ театра дѣйствій Западной Европы.

V.

Въ связи съ колосальнымъ развитіемъ фабричной и заводской дѣятельности, происшедшимъ въ концѣ прошлаго столѣтія въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, началось и сосредоточеніе всѣхъ родственныхъ между собою отраслей промышленности въ большія группы, называемыя трёстами. Общее число трёстовъ доходитъ до 300, о степени ихъ могущественности можно судить хотя бы по стальному трёсту, сосредоточившему въ своихъ рукахъ 77% всего стальнаго и желѣзнаго производства государства и располагающаго капиталомъ въ три съ половиною мильярда рублей. Общій же капиталъ всѣхъ трёстовъ и желѣзнодорожныхъ компаній доходитъ до тридцати мильярдовъ рублей.

Образованіе трёстовъ, т. е. другими словами, цѣлаго ряда монополій, имѣло слѣдствіемъ въ экономическомъ отношеніи порабощеніе трёстами всѣхъ классовъ американскаго общества, а въ политическомъ—превращеніе Соединенныхъ Штатовъ изъ республики въ олигархію капиталистовъ.

Для обороны внутренняго американскаго рынка отъ европейской конкурренціи, капиталисты провели чрезъ конгрессъ въ 1897 году Динглеевскій тарифъ, установившій боевыя пошлины на ввозимые въ Соединенные Штаты иностранные товары, благодаря чему трёсты въ сравнительно короткій срокъ подняли цѣну на всѣ товары отъ 25 до 150%. Обезпечивъ себѣ такимъ образомъ огромные доходы у себя дома, американскіе олигархи, обратили свои вожделѣнія на заграницу. Опасаясь, что, въ отместку за закрытіе для нея американскаго рынка Европа приметъ подобныя же мѣры по отношенію и къ американскимъ товарамъ, американцы направили все свое вниманіе на Тихій океанъ и на прилегающій къ нему богатѣйшій міровой рынокъ—Дальній Востокъ. На этомъ пути станціями были послѣдовательно Куба, Сандвичевы острова и, наконецъ, Филиппинскіе острова, откуда американцы съ свойственною имъ,—когда они не встрѣчаютъ надлежащаго отпора,—безцеремонностью стали уже ломиться на материкъ Азіи, требуя себѣ всюду „открытыхъ дверей“.

При наличности подобныхъ домогательствъ со стороны нашихъ заокеанскихъ сосѣдей, ясно, что они попытаются разыграть активную роль въ нынѣшнихъ пререканіяхъ между Россіей и Японіей, причемъ не особенно даже стараются скрывать, на чьей сторонѣ находятся ихъ симпатіи.

Въ этомъ отношеніи не безъинтересна слѣдующая выдержка изъ „Journal of Commerce“: „не одна Японія поставлена въ необходимость сдѣлать выборъ между сопротивленіемъ противъ агрессивности Россіи и низведеніемъ Японіи на степень второстепенной державы. Соединенные Штаты поставлены лицомъ къ лицу съ положеніемъ, которое требуетъ немедленнаго отвѣта на вопросъ,—какъ долго Соединенные Штаты предполагаютъ вѣрить обѣщаніямъ Россіи, которыя даются для того, чтобы быть нарушенными, и мирно созерцать развитіе наступательной политики Россіи. Торговля Америки приметъ въ будущемъ колоссальные размѣры, на развитіе ея расходуются теперь милліоны долларовъ, но намъ нужно знать теперь же, какія мѣры предпринимаетъ правительство для противодѣйствія политикѣ Россіи, которая неизбѣжно клонится къ раздѣлу величайшей азіатской имперіи. Оппозиція начинающемуся прогрессу Японіи и главенство въ Азіи Россіи означаютъ смерть для нашей торговли, вѣчную препону всѣмъ нашимъ надеждамъ и мечтамъ о величіи на Тихомъ океанѣ и конецъ экономическому и культурному развитію половины всего человѣчества“.

При этомъ, „Journal of Commerce“ далеко не единственный американскій органъ, которому поступательное движеніе Россіи на Востокъ представляется чѣмъ-то страшнымъ. Въ послѣднее время тонъ значительной части американской печати сдѣлался открыто враждебнымъ Россіи. Нью-іоркскія газеты опубликовали сенсаціонныя телеграммы изъ Вашингтона, дающія понять, будто американское правительство рѣшило вмѣшаться въ русско-японское столкновеніе. Въ нѣкоторыхъ городахъ произошли антирусскія манифестаціи, причемъ кричали: „да здравствуетъ Японія!“ и „Долой Россію!“

Какъ бы то ни было, 25 сентября былъ подписанъ торговый договоръ между Соединенными Штатами и Китаемъ.

Договоръ состоитъ изъ 12 статей и трехъ прибавленій. Самыми важными являются слѣдующія статьи.

XII. „Китайское правительство въ 1898 году открыло внутреннія судоходныя рѣки имперіи для торговаго плаванія всѣхъ паровыхъ судовъ, иностранныхъ и туземныхъ, для перевозки пассажировъ и дозволенныхъ товаровъ, а потому граждане, фирмы и корпораціи Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ могутъ пользоваться этой привилегіей, наравнѣ съ подданными другихъ иностранныхъ державъ. Въ случаѣ, если одна изъ сторонъ найдетъ выгоднымъ измѣненіе или добавленіе дѣйствующихъ правилъ, китайское правительство соглашается

миролюбиво принять таковыя измѣненія, какъ необходимыя для торговли и пользы Китая.

„Китайское правительство соглашается на то, что по обмѣнѣ ратификацій этого договора, имъ будутъ открыты для международной торговли и пребыванія города Мукденъ и Аньдунъ. Выборъ удобнаго мѣста, которое должно быть представлено въ пользованіе иностранцевъ, и правила для иностранныхъ резидентовъ и торговли устанавливаются правительствами Соединенныхъ Штатовъ и Китая по взаимному соглашенію".

XVII. „Настоящій договоръ остается въ силѣ на десять лѣтъ со дня обмѣна ратификацій безъ измѣненія; если по истеченіи этого срока не будетъ признано необходимымъ сдѣлать какія либо измѣненія, то договоръ остается въ силѣ на слѣдующія десять лѣтъ и т. д.

Обмѣнъ ратификацій долженъ произойти въ Вашингтонѣ не позже, какъ чрезъ двѣнадцать мѣсяцевъ со дня подписанія договора".

Въ тотъ же самый день 25 сентября былъ подписанъ торговый договоръ между Китаемъ и Японіей, въ силу котораго Китай открываетъ (ст. X) для международной торговли Мукденъ и лежащій на берегу рѣки Ялу, при самомъ ея устьѣ, портъ Дадунгоу, несмотря на то, что портъ этотъ находится въ сферѣ русскихъ лѣсопромышленныхъ операцій, обусловленныхъ предшествующимъ договоромъ съ Россіей.

По существу договоръ этотъ, нормирующій торговыя сношенія между Китаемъ и Японіей, сходенъ съ китайско-американскимъ торговымъ договоромъ. Японцы пріобрѣтаютъ право (ст. II) урегулировать рѣчное судоходство по рѣкѣ Янъ-цзыцзяну. Статья IV устанавливаетъ порядокъ судопроизводства въ случаѣ нарушенія сторонами коммерческихъ контрактовъ: китайцы судятся китайскимъ судомъ, японцы—японскимъ.

Китайское правительство соглашается (ст. VI) произвести реформу денежной системы, а также (ст. VII) привести въ однообразіе систему мѣръ и вѣсовъ.

Статьею X установлено, что по выводѣ войскъ изъ Чжили и всѣхъ охранныхъ войскъ, находящихся при иностранныхъ посольствахъ, Китай немедленно откроетъ Пекинъ для международной торговли, тогда какъ Мукденъ и Дадунгоу будутъ открыты тотчасъ же послѣ обмѣна ратификацій.

Для подписанія китайско-американскаго и китайско-японскаго договоровъ выбрано было именно 25 сентября (8 октября), то есть день, опредѣленный для вывода русскихъ войскъ изъ Манчжуріи. Этимъ какъ бы подчеркивалось со стороны Аме-

рики, Японіи и Китая то обстоятельство, что они не допускаютъ и возможности дальнѣйшаго пребыванія русскихъ войскъ въ Манчжуріи. Соединенные Штаты и Японія заключили договоръ съ Китаемъ, какъ единственною державою, которой принадлежитъ Манчжурія, преднамѣренно обойдя Россію, которая, однако, въ силу занимаемаго въ странѣ этой положенія, является въ этомъ вопросѣ прямо заинтересованною стороною.

Практическимъ выходомъ, при такимъ положеніи, созданномъ нарочно съ цѣлью затруднить Россію, представляется, однако, единственно то, что Америка и Японія имѣютъ право требовать исполненія нынѣ уже ратификованнаго договора лишь отъ Китая, Россія же имѣетъ право въ полной мѣрѣ игнорировать эти договоры.

Китайское правительство, не колеблясь, подписало договоры, такъ какъ, обладая обычною восточною хитростью, оно знало, что ему нечего заботиться объ исполненіи принятыхъ на себя обязательствъ, пока Манчжурія занята русскими войсками; весьма возможно, что, съ другой стороны, оно питало смутную надежду, что эти договоры, быть можетъ, окажутъ давленіе на Россію въ смыслѣ ускоренія эвакуаціи Манчжуріи и что, наконецъ, договоры эти послужатъ, пожалуй, искрою, отъ которой загорится раздоръ между русскими, американцами и японцами.

На основаніи проникшихъ въ печать данныхъ, можно заключить, что Соединенные Штаты избрали очищенный нашими войсками въ апрѣлѣ мѣсяцѣ Мукденъ точкою опоры для американскихъ войскъ, предназначенныхъ для огражденія американо-китайскаго договора, открывающаго для международной торговли приморскій портъ Андунъ и Мукденъ, стоящій на большой водной артеріи, рѣкѣ Ляо-хэ, изливающейся въ море въ портѣ Нью-чжуанъ (Инкоу).

Преждевременное открытіе Мукдена для международной торговли должно было бы окончательно парализовать торговое значеніе восточно-китайской желѣзной дороги и порта Дальняго, такъ какъ американцы, надо полагать, постараются перевести всю иностранную торговлю въ Нью-чжуанъ, связанный съ мукденскою областію судоходною системою Ляо-хэ.

Китайско-американскій договоръ противенъ договорнымъ отношеніямъ, существующимъ между Китаемъ и Россіею и предоставившимъ этой послѣдней право проводить желѣзнодорожные пути по всей Манчжуріи, съ выходомъ въ море чрезъ портъ Дальній.

Само собою разумѣется, что коммерческая эксплотація этого пути, какъ средство вернуть затраченный на него капиталъ должна была быть обезпечена недопущеніемъ никакихъ другихъ предпріятій, могущихъ нанести ему ущербъ, а такимъ-то именно и является открытіе для международной торговли Мукдена. Въ предвидѣніи такой случайности, наше правительство, въ огражденіе манчжурскихъ желѣзнодорожныхъ путей, въ своихъ договорныхъ отношеніяхъ съ Китаемъ и сдѣлало оговорку, касавшуюся судоходства по рѣкѣ Ляо-хэ, моста чрезъ нея и порта Нью-чжуана.

Американское притязаніе на открытіе Мукдена создало для Россіи положеніе тѣмъ болѣе непріятное, что городъ этотъ, какъ сказано выше, былъ уже очищенъ нами. Но тутъ обстоятельства вполнѣ неожиданно сложились въ пользу Россіи.

Нѣсколько времени тому назадъ, по настоянію китайскихъ властей, былъ имъ русскими выданъ Лю, начальникъ китайскаго отряда, находившагося на службѣ у русскихъ. Китайскія власти обвинили его въ томъ, что раньше онъ былъ предводителемъ шайки хунхузовъ. Выдача состоялась подъ условіемъ, чтобы надъ нимъ былъ совершенъ правильный судъ, по надлежащемъ разслѣдованіи обвиненія. Но футудунъ Ванъ и дао-тай Юань, безъ всякаго суда и слѣдствія, обезглавили выданнаго имъ Лю. Узнавъ объ этомъ, русскія власти заявили пекинскому правительству протестъ, требуя наказанія виновныхъ, нарушившихъ данное обѣщаніе. Требованіе было предъявленно въ формѣ ультиматума съ назначеніемъ срока въ пять дней, по истеченіи котораго русскія войска вступаютъ въ Мукденъ, если названное требованіе не будетъ удовлетворено.

На совѣтѣ, собранномъ императрицею въ Пекинѣ, для обсужденія русскихъ требованій, было рѣшено, какъ говорятъ, подъ вліяніемъ японскаго посланника, отвѣтить, что футудунъ Ванъ будетъ перемѣщенъ въ синцзянскую провинцію, но дао-тай Юань останется, по прежнему, въ занимаемой имъ должности.

По полученіи такого отвѣта, русскимъ властямъ ничего не оставалось, какъ привести въ исполненіе выраженное въ ультиматумѣ предупрежденіе, которое, по существу, имѣло лишь характеръ побужденія къ исполненію законныхъ требованій.

Въ Мукденъ былъ введенъ русскій отрядъ въ 700 человѣкъ при 8 орудіяхъ, отправленный изъ Ляо-яна. Эта крайняя мѣра оказалась для пекинскаго правительства совершенною неожиданностью, такъ какъ оно привыкло въ иностранныхъ сношеніяхъ оттягивать рѣшеніе того или другого вопроса без-

конечными дипломатическими переговорами, въ результатѣ которыхъ обыкновенно дается обѣщаніе, съ сознательнымъ намѣреніемъ никогда не исполнять его.

Жители же Мукдена были такъ довольны возвращеніемъ русскихъ, что изукрасили свои дома русскими флагами.

Американцы давно уже заявили, что займутъ Андунъ и Мукденъ своими войсками. Россія, очевидно, предупредила американскую оккупацію Мукдена, занявъ его сама. По этому поводу „Новый Край“ не безъ основанія замѣтилъ: „это еще новое доказательство невозможности вывода нашихъ войскъ изъ Манчжуріи. Пока Манчжурія занята нашими войсками, можно быть увѣреннымъ, что XII статья американскаго договора съ Китаемъ не будетъ утверждена, а если и будетъ, то съ тѣми измѣненіями, которыя признаетъ нужными Россія“.

По мнѣнію японской газеты „Кокуминъ“, Соединенные Штаты и Японія должны, во что бы то ни стало, привести въ дѣйствіе свои торговые договоры, то есть открыть Манчжурію международной торговлѣ, помимо русскихъ. Хотя „Кокуминъ“ и не говоритъ о войнѣ, но изъ словъ его ясно видно, что такое открытіе торговли можетъ быть достигнуто только силою японо-американскаго оружія. Сочувственнымъ отзвукомъ такого настренія является одна изъ послѣднихъ передовыхъ статей „Sun“, считаемаго за одинъ изъ серьезныхъ органовъ нью-іоркской печати. Въ статьѣ, озаглавленной: „Находится ли нашъ трактатъ съ Китаемъ въ опасности?“ дѣлается историческій обзоръ положенія дѣлъ на Дальнемъ Востокѣ, насколько оно затрагиваетъ американскіе интересы. При этомъ высказывается, что „если бы выяснилось, что Россія пытается препятствовать уступкамъ, предоставленнымъ Соединеннымъ Штатамъ, послѣдніе были бы вынуждены задать себѣ вопросъ, позволятъ ли имъ національные ихъ интересы соблюдать нейтралитетъ въ случаѣ столкновенія между Японіей и Россіей. Америка не имѣетъ намѣренія отказываться отъ преимуществъ, предоставленныхъ ея торговлѣ заключеннымъ съ Китаемъ трактатомъ“.

Вообще, для внимательнаго наблюдателя ясно, что изъ-за Тихаго океана надвигается на Азію новая истребительная сила, беззастѣнчиво предъявляющая права на Китай и на его сосѣдку Сибирь. Наступающіе открыто провозглашаютъ весь Тихій океанъ „американскимъ озеромъ“ Мысль о томъ назрѣла уже въ достаточной степени, и професоръ Гиддингъ на обѣдѣ въ Нью-Іоркѣ въ честь одного англійскаго философа формулировалъ будущее такъ: „величайшимъ вопросомъ двад-

цатаго столѣтія будетъ слѣдующій: кто окажетъ свое вліяніе на цивилизацію міра, англо-саксъ или славянинъ?" Именно на берегахъ Тихаго океана предполагается встрѣча и окончательная борьба двухъ міровыхъ могуществъ, причемъ наши враги уже учитываютъ нашу гибель.

Планы эти могутъ казаться безумными, но сколько такихъ, казавшихся несбыточными фактовъ сдѣлались достояніемъ исторіи! Кто могъ сто лѣтъ тому назадъ подумать, что въ такой короткій промежутокъ времени Англія съумѣетъ захватить четверть земной суши и подчинить себѣ сотни милліоновъ людей? Или какая пылкая фантазія могла предвидѣть, въ какое могучее дерево разростутся за одно столѣтіе скромные Соединенные Штаты? Не на нашихъ ли глазахъ такъ несказано быстро выросли Германія и Японія?

Въ настоящее время, политика всѣхъ государствъ основывается главнымъ образомъ на соображеніяхъ экономическихъ. Въ политическихъ дѣлахъ никто не руководствуется уже ни родственными узами, ни религіозными, ни какими-либо иными побужденіями, ни тѣмъ менѣе узами благодарности. Политика, не достигающая экономическихъ выгодъ, теряетъ всякій смыслъ и борьба за существованіе ведется теперь не только отдѣльными людьми или классами народа, а охватываетъ государства и даже цѣлыя расы.

Исходя изъ этой точки зрѣнія, становится естественнымъ что Соединенные Штаты, давъ такой гигантскій размахъ своей экономической дѣятельности, намѣтили себѣ и гигантскія цѣли, вродѣ порабощенія себѣ азіатскаго Дальняго Востока и совершеннаго вытѣсненія оттуда Россіи.

VI.

Изъ всѣхъ приведенныхъ выше фактовъ всякій безпристраетный читатель замѣтитъ, что ни внутреннія условія Манчжуріи, ни обнаружившіяся теперь внѣшнія теченія не даютъ Россіи права покинуть эту пріобрѣтенную остріемъ меча страну, если только Россія не желаетъ наложить сама на себя руки и принести свои важнѣйшіе государственные интересы въ безцѣльную жертву тѣмъ хищникамъ, которые, съ запекшимися отъ нетерпѣнія губами, ждутъ не дождутся того счастливаго для нихъ момента, когда они, съ уходомъ Россіи, смогутъ занять ея мѣсто въ Манчжуріи. И иностранцы прекрасно понимаютъ это, а если нѣкоторые изъ нихъ прикидываются не по-

нимающими, то это дѣлается съ очень прозрачнымъ умысломъ.

Въ парижской газетѣ „Eclair“ помѣщено длинное письмо Шерадама, много путешествовавшаго по Дальнему Востоку. Авторъ подробно разбираетъ отношенія Россіи къ Манчжуріи и положеніе, занятое русскимъ правительствомъ въ этой провинціи. Напомнивъ о событіяхъ, которыя привели къ оккупаціи Манчжуріи, Шерадамъ говоритъ: „если русское правительство откладываетъ исполненіе своихъ обѣщаній—несомнѣнно вполнѣ искреннихъ—эвакуировать Манчжурію, то прежде, чѣмъ негодовать, нужно отдать себѣ вполнѣ правильный отчетъ въ томъ огромномъ трудѣ и затратахъ, которыя сдѣланы Россіей въ Манчжуріи. Русское правительство не можетъ, въ концѣ концовъ, оставить то дѣло, на которое затрачено столько усилій, энергіи и средствъ.

„Нѣтъ въ мірѣ націи, которая, затративъ—правильно ли, или ошибочно—громадный трудъ и многіе милліоны денегъ въ Манчжуріи, согласилась бы пожертвовать ими. Наивнымъ англичанамъ, съ безпокойствомъ спрашивающимъ, когда Россія очиститъ Манчжурію, нужно было бы отвѣтить рѣшительными словами одного француза: „Россія очиститъ Манчжурію въ тотъ день, когда Англія эвакуируетъ Египетъ“. Одинъ англичанинъ, менѣе наивный, но хорошо знакомый съ дѣлами Дальняго Востока, сказалъ мнѣ: „если бы Англія была въ Манчжуріи, она никогда не оставила бы ее“. Волей или неволей—на свое благо или несчастье—Россія, вовлеченная въ сложную работу въ Манчжуріи и принужденная производить все новыя и новыя затраты, останется, конечно, въ восточной части Китайской имперіи. И это хорошо извѣстно Японіи. Несмотря на все то, что говорятъ японскія газеты, въ Японіи прекрасно знаютъ, что военная оккупація Манчжуріи окончательна, что русскіе занимаютъ въ Манчжуріи такое положеніе, которое практически они не могутъ оставить, что, въ сущности, даже силой ихъ нельзя къ тому принудить, и что, въ концѣ концовъ, манчжурскій вопросъ, какъ въ русско-японскомъ, такъ и въ международномъ отношеніяхъ, долженъ считаться вполнѣ разрѣшеннымъ“.

Что касается населенія Манчжуріи, то подъ русскою властью оно чувствуетъ себя счастливымъ, о чемъ имѣются свѣдѣнія отъ изучавшихъ страну эту путешественниковъ-иностранцевъ. По ихъ словамъ, быстрое обрусеніе Манчжуріи объясняется мудрою осторожностью Россіи по отношенію къ самолюбію китайцевъ. Въ противоположность всѣмъ другимъ

государствамъ, она воздерживается отъ всякой религіозной пропаганды и среди своихъ служащихъ терпитъ лицъ, не принадлежащихъ къ христіанству, какъ, напримѣръ, ламаитовъ и мусульманъ. Какъ въ религіозномъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ русскіе не высокомѣрны предъ китайцами, а это привязываетъ къ нимъ сердца народа.

Успѣхъ дѣятельности Россіи обусловливается также экономическимъ процвѣтаніемъ желтой расы подъ сѣнью фактической русской власти.

Всѣ раны войны 1900 года теперь зажили и изгладились, и всюду сталъ замѣтенъ подъемъ благосостоянія. Явленіе это находится преимущественно въ связи съ проведеніемъ желѣзной дороги, вокругъ которой возникли зажиточныя селенія, могущія впослѣдствіи давать Россіи и доходы. Торговля Манчжуріи возросла за послѣдніе годы, и китайскіе купцы торгуютъ теперь много лучше прежняго. Они, поэтому, и не скрываютъ своихъ симпатій къ новымъ владѣтелямъ и подносятъ имъ, при каждомъ удобномъ случаѣ, благодарственные адреса.

На Дальнемъ Востокѣ мы стоимъ лицомъ къ лицу съ совершившимися фактами, которыхъ никакъ нельзя устранить или вычеркнуть изъ исторіи, подобно тому, какъ нельзя устранить или вычеркнуть того, что достигнуто Россіей въ Средней Азіи, того, что придвинуло насъ къ границамъ Индіи, отъ которой такъ еще недавно насъ отдѣляли тысячи верстъ.

Исторія движется путями, почти всегда ускользающими отъ постиганія современниковъ; она же привела Россію, помимо ея воли, въ Манчжурію въ одинъ изъ наиболѣе важныхъ моментовъ, когда вся Азія стоитъ, быть можетъ, на распутьѣ, и когда тамъ, по всей видимости, назрѣваютъ событія чрезвычайной важности не только для Россіи, но и для судебъ всего міра. Предъ нами происходитъ окончательный дѣлежъ Азіи, какъ незадолго предъ тѣмъ мы присутствовали при дѣлежѣ „чернаго материка", гдѣ всѣ великія державы покорыстовались, и нѣкоторыя даже весьма изрядно. Россія не пріобрѣла тамъ ни кусочка земли, между тѣмъ, какъ намъ и очень даже необходимо было бы обзавестись угольными станціями въ Африкѣ. Единственными воспоминаніями русской попытки участія въ судьбахъ чернаго континента являются имена вольнаго казака Ашинова и архимандрита Паисія, да бомбардировка Сагалло.

Но все-таки Африка для насъ чужая, и опоздать къ ея дѣлежу было для насъ не зазорно,—Азія же слишкомъ близка

намъ, воспоминанія прошлаго и интересы настоящаго слишкомъ связываютъ насъ съ нею, чтобы мы могли безразлично относиться къ ея будущему и хладнокровно смотрѣть, какъ другіе станутъ ее растаскивать по кусочкамъ. Если мы и теперь пропустимъ случай, то это будетъ уже не только зазорно, но и опасно, такъ какъ, дозволивъ другимъ расхитить азіатскія земли, мы тѣмъ самымъ дозволимъ ограбить нашихъ дѣтей и внуковъ, не говоря уже о другой опасной для насъ сторонѣ нашего попустительства,—вѣдь, раздѣливъ Азію, примутся за насъ, и та сила, которую мы не съумѣемъ поставить за насъ, будетъ обращена противъ насъ.

Начиная съ Іоанна III, Россія ширилась насчетъ сосѣдей, достигшихъ „предѣльнаго возраста“, и благодаря тому, стала тѣмъ, чѣмъ она есть,—у этого царя было великое сознаніе духа и правъ русскаго народа, мистически подкрѣпленное бракомъ его на Софіи Палеологъ, чрезъ которую какъ бы передались права Византіи на оба Востока. Всѣ послѣдующіе русскіе вѣнценосцы держались того же направленія и, подкрѣпляемые беззавѣтною преданностью народа, достигли результатовъ, дозволившихъ вознести русскій стягъ на недосягаемую высоту. Слѣдую такому направленію, Россія возлагала на свои рамена трудъ тяжкій, почти непосильный, по она не отступала отъ него, зная, что, борясь и страдая, она работаетъ не для нынѣшняго только дня, а для грядущихъ поколѣній, которыя, придетъ день, земнымъ поклономъ поблагодарятъ предшествовавшихъ подвижниковъ. Неужели нынѣ духъ бодрости и предвидѣнія отлетѣлъ отъ Россіи, и она сможетъ хладнокровно допустить готовящееся расхищеніе достоянія ея потомковъ на Дальнемъ Востокѣ? Неужели испугается она опасностей, которыя могутъ стать роковыми для будущихъ поколѣній?

Не хочется вѣрить, чтобы замѣчаемая въ послѣднее время досадная черта русскаго характера—неувѣренность въ себѣ, въ своихъ собственныхъ силахъ, достигла такого расцвѣта, что Россія могла бы поступиться своими жизненными интересами и предоставить многомилліонныя предпріятія въ Манчжуріи, созданныя на трудовыя деньги русскаго народа, въ распоряженіе пришельцевъ, все равно американцевъ ли, или японцевъ, которые незамедлительно явятся, на смѣну намъ, въ эту страну, какъ только мы отдадимъ ее Китаю. Это нашествіе пришельцевъ—фактъ неизбѣжный, такъ какъ пора ужъ убѣдиться, что власть Китая въ Манчжуріи потрясена въ самомъ корнѣ и колыбель манчжурской династіи цѣпью историческихъ обстоятельствъ доведена до того, что ясно вы-

рисовывается ея предопредѣленіе принадлежать кому угодно, только не Китаю.

Что касается и до самаго выраженія „колыбель царствующей въ Китаѣ династіи“, заставляющаго многихъ предполагать, что изъ-за этого одного Китай не примирится никогда съ утратою Манчжуріи, то, въ первыхъ, довольно неосновательно прикладывать европейскую мѣрку и европейскія воззрѣнія къ восточному государству, гдѣ, по отзывамъ многихъ путешественниковъ, неизвѣстно, что такое патріотизмъ, а во-вторыхъ, даже въ Европѣ изъ новѣйшей исторіи мы знаемъ что присоединеніе Савойи, колыбели итальянскаго королевскаго рода, ничуть не мѣшаетъ сохраненію прекрасныхъ отношеній между Италіей и Франціей.

Китайцы знаютъ, съ какимъ почтеніемъ русскіе относились и всегда будутъ относиться къ находящимся въ Манчжуріи могиламъ царственныхъ предковъ нынѣшняго богдыхана, и сознаніе того дастъ полное удовлетвореніе ихъ сыновнему чувству и заставитъ ихъ смотрѣть на русскихъ не какъ на похитителей, а какъ охранителей столь дорогихъ имъ могилъ.

Забудемъ на минуту многомилліонныя затраты, сдѣланныя Россіей въ Манчжуріи,—и безъ нихъ страна эта представляетъ для Россіи чрезвычайное значеніе, такъ какъ она одна даетъ смыслъ нашему движенію на Востокъ, она одна можетъ сдѣлать насъ безспорными хозяевами Восточной Сибири. Безъ Манчжуріи Приамурскій край—это пустынный край, отрѣзанный отъ всего свѣта; вмѣстѣ съ Манчжуріей — это край съ огромнымъ будущимъ, который уже теперь въ состояніи оплачивать всѣ дѣлаемыя имъ на себя издержки.

Для русскаго народа имѣется лишь одинъ выходъ это Востокъ, вотъ почему Россіи безусловно нужна Сибирь, Сибири же безусловно нуженъ выходъ въ океанъ. Выходъ этотъ для нынѣшней Россіи такъ же необходимъ, какъ балтійское побережье было необходимо для Россіи Петра Великаго.

Современныя великія націи, переживъ двѣ первыя стадіи культуры—рѣчную и средиземноморскую—вступили въ третью стадію—океанскую. Россія точно также, подъ опасеніемъ ослабленія своего міроваго положенія, не можетъ въ этомъ отношеніи отставать отъ другихъ народовъ, потому что на этомъ пути кто останавливается, тотъ, по сравненію съ другими, неминуемо идетъ назадъ.

Орлиный взоръ Петра Великаго провидѣлъ важное значеніе Тихаго океана и царь основалъ навигаціонную школу въ Охотскѣ: наши парусныя суда рѣяли по Берингову и Охот-

скому морямъ, а мѣстное население выработало изъ себя такихъ „морскихъ волковъ“, что не останавливалось, затѣмъ, предъ дальними плаваніями, захватило Аляску, Калифонію и, подъ начальствомъ одного поляка, Беньевскаго, въ семидесятыхъ годахъ XVIII вѣка, даже Мадагаскаръ... хотя, впрочемъ, для французскаго короля.

Вторичное оживленіе „морского духа“ въ населеніи нашей далекой окраины произошло подъ энергичнымъ воздѣйствіемъ графа Муравьева-Амурскаго и Невельскаго. Кто знаетъ, сколько этого духа таится тамъ и въ наше время? И на какіе подвиги способно оно и теперь подъ разумнымъ водительствомъ мощныхъ русскихъ людей, теперь, когда эксплоатація водныхъ богатствъ и торговое мореплаваніе въ Тихомъ океанѣ, дѣлающемся центромъ міроваго товарообмѣна, можетъ принести неисчислимыя выгоды Россіи.

Нынѣ, когда, при молчаливомъ согласіи прочихъ державъ, Англія идетъ на южную Аравію, Персію и Тибетъ, Германія движется на Турцію и Китай, а Соединенные Штаты захватываютъ острова Великаго океана, негодующіе голоса раздаются лишь противъ Россіи по поводу Манчжуріи, перешедшей къ ней по праву войны. Но грустнѣе всего, что и въ самой Россіи есть люди, требующіе уступокъ настояніямъ Японіи, чтобы только избѣжать войны. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности, если война можетъ быть избѣгнута, то исключительно тѣмъ, если мы, не взирая на всѣ крики, спокойно останемся въ Манчжуріи.

Для уступокъ поле дѣйствія, конечно, неограниченно; нѣтъ страны на свѣтѣ, которая отъ насъ не приняла бы съ удовольствіемъ какого-нибудь дара, чтобы, затѣмъ, учитывая нашу слабость, попытаться получить даръ болѣе значительный. Если мы сегодня отдадимъ Манчжурію, завтра отъ насъ могутъ потребовать послѣдовательно Владивостокъ, Камчатку, Бессарабію, Кавказъ, Финляндію, Прибалтійскій край и т. д., потому что ничто не раздразниваетъ такъ политическіе аппетиты, какъ уступчивость,—вѣдь даже и сила, которой не боятся, внушаетъ пренебреженіе.

При подобномъ естественномъ ходѣ благодушной уступчивости чѣмъ же станетъ тогда Россія?

Отступленіе наше изъ Манчжуріи будетъ сочтено за слабость и подниметъ духъ Японіи и Китая, которые не замедлятъ обрушиться на насъ, увлекая въ свою орбиту и Корею. Каково же будетъ стратегическое положеніе наше и спеціально Портъ-Артура, когда Японія сможетъ начать противъ насъ

враждебныя дѣйствія, опираясь на два крыла,—Манчжурію и Корею? И тогда-то, но уже цѣною тяжкихъ битвъ, намъ придется снова занимать страну, которую счастливая случайность отдала въ наши руки въ 1900 году.

Во всякомъ случаѣ, повторяю, притязанія соперничающихъ съ нами державъ идутъ далѣе судьбы Манчжуріи, какъ бы она ни была для насъ важна. На карту поставленъ въ настоящее время вопросъ неизмѣримо болѣе важный,—вопросъ о нашихъ тихоокеанскихъ владѣніяхъ вообще, и Россія должна безотлагательно рѣшить,—желаетъ ли она отказаться отъ владѣнія Восточною Сибирью; если же нѣтъ, то она должна быть готова отстаивать наше поморье со всею силою, на какую она способна. Полумѣры здѣсь не годятся, нужно прямо взглянуть въ лицо опасности и принять рѣшеніе, достойное мужественныхъ предковъ, своею твердостью, военною доблестью и дипломатическимъ искусствомъ сковавшимъ нашу нынѣшнюю Россію; такимъ рѣшеніемъ, по моему мнѣнію, представляется либо окончательное присоединеніе завоеванной русскимъ оружіемъ Манчжуріи къ Россійской имперіи, либо же объявленіе,—если невозможно будетъ добиться заключенія по этому поводу съ Китаемъ особаго договора,—что Манчжурія берется Россіею въ долгосрочную аренду на 99 лѣтъ, примѣнительно къ тому, какъ ей были уступлены китайскимъ правительствомъ въ 1898 г. въ пользованіе на 25 лѣтъ порты Артуръ и Талянвань. Послѣ этого, путемъ взаимнаго соглашенія, разрѣшивъ вопросъ объ отмѣнѣ консульской юрисдикціи въ Нью-чжуанѣ,—причемъ онъ могъ бы быть разрѣшенъ въ соотвѣтствіи съ имѣющимися уже историческими прецедентами на островѣ Формозѣ и въ Тунисѣ,—Россія, точно такъ-же по взаимному соглашенію, могла бы предоставить иностраннымъ державамъ извѣстныя льготы по торговлѣ въ Манчжуріи; при переговорахъ по этому вопросу могутъ быть выяснены нѣкоторыя любопытныя обстоятельства изъ практики другихъ державъ, когда, несмотря на данныя обѣщанія, держава уклонялась отъ исполненія ихъ.

Газета „Post“ сообщаетъ, напримѣръ, что нѣсколько недѣль тому назадъ посланники французскій, германскій, британскій, итальянскій, бельгійскій и голландскій, по взаимному предварительному соглашенію, представили тождественныя ноты государственному секретарю въ Вашингтонѣ. Въ этихъ нотахъ обращалось вниманіе правительства Соединенныхъ Штатовъ на то, что во время происходившихъ въ Парижѣ переговоровъ о мирѣ съ Испаніей, Соединенные Штаты формально обѣщали,

что они на Филиппинскихъ островахъ будутъ придерживаться политики „открытыхъ дверей". Всѣ ноты, кромѣ англійской, указывали затѣмъ, что Штаты, стоящіе за подобную политику въ Восточной Азіи и другихъ частяхъ свѣта, нарушаютъ въ корнѣ этотъ принципъ тѣмъ, что при вывозѣ съ Филиппинскихъ острововъ произведеній промышленности въ Америку, особенно конопли, возвращаютъ стоимость пошлинъ, покровительствуя тѣмъ своей торговлѣ въ ущербъ всѣхъ другихъ государствъ.

Громко кричащія противъ русскихъ въ Манчжуріи американскія газеты сдѣлали бы лучше, если бы придержали язычекъ и вспомнили, что именно нынѣшняя политика Соединенныхъ Штатовъ не соотвѣтствуетъ даннымъ ими обязательствамъ.

Что касается Кореи, то произвести раздѣлъ ея, какъ объ этомъ говорятъ нѣкоторыя иностранныя газеты, невозможно, безъ нанесенія самаго серьезнаго ущерба нашему политическому положенію на Дальнемъ Востокѣ, такъ какъ, получивъ южную Корею, японцы, безъ сомнѣнія, приложатъ всѣ усилія, чтобы захватить, тѣмъ или другимъ способомъ, и сѣверную. Помимо того, обладаніе южною Кореею сдѣлаетъ Японію владычицею корейскаго пролива и, слѣдовательно, сообщеніе между Владивостокомъ и Портъ-Артуромъ будетъ преграждено.

Такія же гибельныя послѣдствія могли бы быть для насъ, еслибы Россія согласилась на установленіе японскаго протектората надъ Кореею, слѣдствіемъ чего было бы обращеніе этой страны въ англо-японскую провинцію, гдѣ будетъ таиться постоянная угроза нашему положенію въ восточной Азіи, какъ стратегическому, такъ и экономическому, тѣмъ болѣе, что тогда и Англія могла бы, пожалуй, снова восхотѣть занять островъ Гамильтонъ и вспомнить то время, когда она готовилась къ захвату Уссурійскаго края. Оставимъ даже это послѣднее предположеніе въ сторонѣ, но достаточно бросить взглядъ на карту Кореи, богатой гаванями и южнымъ солнцемъ, чтобы понять, что если она очутится въ японскихъ рукахъ, то не только Манчжурія, Уссурійскій край и все наше побережье, но и весь сѣверо-восточный Китай станетъ достояніемъ японской торговли и промышленности.

Поэтому, единственною точкою зрѣнія на опредѣленіе отношеній Россіи и Японіи къ Кореѣ можетъ, какъ мнѣ кажется, оставаться лишь та, которая установлена русско-японскимъ

соглашеніемъ 13 (25) апрѣля 1898 г., т. е. независимость Кореи и равноправность вліянія въ ней Россіи и Японіи.

Примѣръ Англіи, въ теченіе ста лѣтъ безпрерывныхъ войнъ тщетно пытавшейся утвердиться во Франціи, долженъ былъ бы открыть глаза Японіи на опасности, сопряженныя съ стремленіемъ островного государства утвердиться на континентѣ, тогда какъ огромное количество острововъ Тихаго океана представляетъ для предпріимчиваго народа громадное поле дѣятельности, для созданія сильной тихоокеанской имперіи. Для осуществленія же этой политической программы, союзъ Японіи съ Россіей принесетъ имперіи Восходящаго Солнца неизмѣримо болѣе пользы, чѣмъ союзъ ея съ Англіей.

Русскіе не питаютъ никакой вражды къ японцамъ и даже въ настоящую минуту, когда телеграфное агентство Рейтера изливаетъ изъ Токіо, какъ изъ новой неистощимой бутылки фокусника Пинетти, цѣлый потокъ самыхъ воинственныхъ извѣстій, русское общество и печать спокойно и съ достоинствомъ ждутъ результата переговоровъ между русскимъ и японскимъ правительствами: они хорошо знаютъ, что наши желтолицые сосѣди кипятятся и говорятъ съ чужого голоса и что Англія надсѣдается изо всѣхъ силъ и всѣми способами, чтобы подстрекнуть японцевъ къ войнѣ, причемъ англійскимъ газетамъ подпѣваютъ и американскія, нашедшія настоящій моментъ крайне удобнымъ для того, чтобы Соединенные Штаты могли розыграть роль обольстительной Данаи, на которую падаетъ золотой дождь не изъ одного, а изъ двухъ Юпитеровъ, какъ мзда за боченки муки, туши солонины и мясные консервы, съ такою поспѣшностью закупаемые теперь въ Америкѣ и Россіей, и Японіей.

Война, сама по себѣ, есть нѣчто страшное: судьба привела меня испытать и видѣть воочію всѣ ея ужасы, но, тѣмъ не менѣе, полагаю, что къ ней не слѣдуетъ относиться слабонервно, а признавать ее фактомъ естественнымъ, съ которымъ, какъ и со всѣми явленіями природы, необходимо считаться. Вся исторія Россіи прошла въ походахъ и русскіе всегда считаютъ за счастье жертвовать и умирать за Царя и за родину.

Такъ точно и теперь, нѣтъ, я думаю, русскаго, который желалъ бы войны съ Японіей, но если, подстрекаемая нашими исконными завистниками и врагами, страна эта захотѣла бы заставить насъ согласиться на такія уступки, которыя, какъ это уже выяснено выше, въ корнѣ подрываютъ все наше будущее на Дальнемъ Востокѣ и могутъ принести непоправимый

вредъ грядущимъ русскимъ поколѣніямъ,—тогда Россія также спокойно и бодро приметъ вѣсть о войнѣ, не страшась никакихъ жертвъ, въ глубинѣ своего православнаго сердца непрестанно памятуя, что „вси, пріемшіе ножъ, ножемъ погибнутъ" (Матѳ. 26, 52) и что, какъ краснорѣчиво выразился адмиралъ Алексѣевъ на парадѣ 28 сентября въ Портъ-Артурѣ, „если обстоятельства потребуютъ, по зову Верховнаго Вождя, бравые молодцы славной русской рати станутъ, какъ одинъ, на защиту русскаго дѣла".

В. Тепловъ.

23-го Декабря 1903 г.

Письма въ редакцію „Русскаго Вѣстника“.

I.

Прошу Редакцію Русскаго Вѣстника напечатать мой отвѣтъ на статью Н. Х. Весселя и такимъ образомъ дать читателямъ возможность узнать и мнѣніе обвиняемыхъ.

Въ февральской книжкѣ „Русскаго Вѣстника“ за 1903 годъ въ статьѣ Н. Х. Весселя находится слѣдующее обвиненіе учителей изъ „разныхъ славянъ“ въ неудачѣ нашей средней образовательной школы. На стр. 601 читаемъ:

„За неимѣніемъ у насъ достаточнаго числа русскихъ учителей древнихъ языковъ и вслѣдствіе желанія какъ можно скорѣе ввести во всѣхъ гимназіяхъ преподаваніе обоихъ древнихъ языковъ, наше министерство народнаго просвѣщенія выписало преподавателей этихъ языковъ изъ разныхъ австрійскихъ славянъ, которые, какъ оказалось, не вполнѣ основательно зная древніе языки, объяснялись по-русски такимъ языкомъ, что возбуждали смѣхъ въ ученикахъ. Совершенно понятно, что преподаваніе древнихъ языковъ такими учителями не могло имѣть никакого общеобразовательнаго значенія, и древніе языки являлись совершенно безполезными, самыми скучными и трудными предметами для гимназистовъ, которымъ приходилось задалбливать грамматическія этимологическія формы, склоненія и спряженія съ цѣлою массою исключеній, и синтаксическія правила, и переводить читаемыхъ классиковъ, не понимая содержанія ихъ, кое-какъ, на русскій языкъ. Такіе переводы читаемыхъ классиковъ могли содѣйствовать только пріученію учениковъ къ неправильной русской рѣчи. Вслѣдствіе всего этого въ конечномъ результатѣ оказывалось, что бо́льшая часть учениковъ, окончившихъ курсъ съ аттестатами зрѣлости, не могла читать à livre ouvert даже легчайшихъ изъ древнихъ прозаиковъ, Юлія Цезаря и Ксенофонта, и писала безграмотно по-русски“.

Читая эти строки, никто не подозрѣваетъ, что въ 1875—8 годахъ тотъ же обвинитель, Н. Х. Вессель, издалъ книгу: „Исторія воспитанія и ученія отъ возрожденія классицизма до нашего времени“ Карла Фонъ-Раумера (переводъ съ 3-го изданія подъ редакціею Н. Х. Весселя), Санктпетербургъ 1875...., которая послужитъ назидательнымъ освѣщеніемъ приведеннаго здѣсь обвиненія.

Разсматривая это изданіе и сопоставляя его съ послѣднимъ приговоромъ Н. Х. Весселя, спрашиваешь себя, въ чемъ собственно состоитъ требованіе автора обоихъ произведеній, въ одномъ изъ которыхъ обвиняются преподаватели - славяне въ грубомъ незнаніи русскаго языка, а во второмъ напечатано такое множество ошибокъ противъ русскаго языка, сдѣланныхъ самимъ авторомъ-обвинителемъ, что подобнаго искаженія русской рѣчи не встрѣтимъ въ изданіяхъ всѣхъ преподавателей-славянъ вмѣстѣ, несмотря на то обстоятельство, что издатель книги: „Исторія воспитанія и ученія" Карла Раумера окончилъ курсъ с.-петербургскаго университета задолго до приглашенія заграничныхъ славянъ въ русскую школу.

Не знаемъ, кому въ настоящее время явилась бы охота разбираться въ ошибкахъ, наполняющихъ переводъ Н. Х. Весселя, только крайняя необходимость справедливой защиты, вызванной его обвиненіемъ, и важность приговора можетъ оправдать подобную работу.

Въ „Исторіи воспитанія и ученія", изданной Н. Х. Весселемъ въ 1875—8 годахъ, крупныя ошибки распадаются на нѣсколько разрядовъ по ихъ отношенію къ логикѣ, стилистикѣ, синтаксису, этимологіи и словообразованію.

Такъ какъ Н. Х. Вессель произнесъ приговоръ о знаніи русскаго языка заграничными славянами, то разсмотрѣніе его собственныхъ ошибокъ вѣрнѣе всего приблизитъ насъ къ той точкѣ, съ которой онъ смотритъ на правильность русской рѣчи и ея знаніе до совершенства.

Въ переводѣ Н. Х. Весселя отмѣчено нами въ особой, для этой цѣли изданной брошюркѣ, между прочимъ, 224 (*двѣсти двадцать четыре*) ошибки противъ *русскаго языка*, 67 ошибокъ противъ *латинскаго*, 29 противъ *нѣмецкаго* языка, 25 мѣстъ, несообразныхъ съ *исторіей* и *географіей*, и 22 лексическихъ и другихъ неточностей.

Что касается „задалбливанія" граматическихъ этимологическихъ формъ, склоненій и спряженій и т. д., Н. Х. Вессель забываетъ, что порядокъ прохожденія и заучиванія положеннаго матеріала по каждому предмету до сихъ поръ не зависитъ отъ личнаго усмотрѣнія преподавателя, а отъ выработанныхъ подробныхъ программъ минист. народн. просвѣщенія, и подлежитъ провѣркѣ педагогическихъ совѣтовъ съ цѣлью установить согласные между собою методы преподаванія не только въ отдѣльныхъ учебныхъ округахъ, но и по всему государству. Если же въ послѣдніе годы въ предписаніяхъ высшаго начальства во многомъ допускается больше простора преподавателямъ учебныхъ предметовъ, то мѣра эта не имѣетъ никакого воздѣйствія на прошлое и не составляетъ противовѣса пріемамъ славянскихъ преподавателей,—она обязываетъ служащаго къ исполненію воли „пославшаго мя": А насколько этой мѣрою поддерживается желанное пріобрѣтеніе учениками прочнаго знанія, о томъ никто не возьмется составлять сколько-нибудь достовѣрные отчеты, да и не найдется данныхъ для процентныхъ вычисленій. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что и въ настоящее время ученикъ, кромѣ многаго, долженъ заучивать склоненія и спряженія съ ихъ исключеніями и синтаксическія правила, дабы научиться самостоятельно переводить, а также самостоятельно воспринимать содержаніе читаемыхъ классиковъ, если онъ желаетъ успѣвать въ предметѣ и вступить на почву основательнаго знанія.

Для уясненія вопроса приведемъ изъ программъ минист. народ. просвѣщенія 1870—90 годовъ ближайшія указанія, служившія руководствомъ преподаванія учебныхъ предметовъ. Въ объяснительной запискѣ къ учебнымъ планамъ древнихъ языковъ 1874 года читаемъ:

„При обученіи въ гимназіяхъ греческому и латинскому языкамъ должно имѣть въ виду, чтобы учащіеся: 1) твердо усвоили элементарную грамматику обоихъ языковъ и пріобрѣли умѣнье самостоятельно примѣнять ея правила какъ при передачѣ на русскій языкъ и объясненіи писателей, такъ и при переводахъ съ русскаго языка на греческій и въ особенности на латинскій...“

„Такъ какъ основательное знаніе грамматики имѣетъ существенное значеніе и съ другой стороны представляетъ много затрудненій для учащихся, то въ предполагаемомъ учебномъ планѣ изученіе грамматики проводится черезъ всѣ классы, то-есть, отъ начала изученія того и другого древняго языка до конца гимназическаго курса“... „въ третьемъ классѣ сообщаются учащимся всѣ тѣ синтаксическія правила, съ которыми необходимо ознакомиться прежде, нежели они приступятъ къ чтенію латинскихъ авторовъ“.

„Лучшимъ средствомъ для утвержденія въ памяти учащихся этимологическихъ формъ, равно какъ и для уясненія и полнаго усвоенія синтаксическихъ правилъ, служатъ разнообразныя упражненія въ употребленіи различныхъ формъ и оборотовъ“...

Затѣмъ въ учебныхъ планахъ и примѣрныхъ программахъ предметовъ, преподаваемыхъ въ мужскихъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ министерства народнаго просвѣщенія, 1890 года, на стр. 63 читаемъ:

„Безъ основательнаго и твердаго знанія грамматики, плодотворное чтеніе древнихъ авторовъ невозможно. Поэтому грамматика полагается въ основу изученія древнихъ языковъ“. И опять слѣдуетъ подробное и полезное указаніе, какъ изучать не только этимологію, но и синтаксисъ древнихъ языковъ.

Кто въ примѣненіи такихъ руководящихъ указаній поступалъ въ мѣру, кто черезъ край, трудно утверждать однимъ голосомъ; рѣшающимъ же въ настоящемъ вопросѣ можетъ быть только та степень основательнаго пониманія древнихъ текстовъ, которую выказали ученики на испытаніяхъ, письменныхъ и устныхъ; однако успѣхъ всегда въ большей степени зависѣлъ отъ того, какъ учился ученикъ, нежели отъ наилучшихъ методовъ преподавателя безъ участія ученика.

Omnia sponte fluant, absit violentia rebus.

Также не слѣдуетъ закрывать глаза передъ тѣмъ явленіемъ, что участіе учениковъ у однихъ и тѣхъ же преподавателей съ года въ годъ не было равномѣрно не только на разныхъ мѣстахъ ихъ службы, но и въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи.

Поэтому, когда служащій будетъ вправѣ смотрѣть на свою службу, какъ на случай проводить свое личное мнѣніе, тогда и упреки Н. Х. Весселя вполнѣ справедливо постигнутъ преподавателей изъ „разныхъ славянъ“ за ихъ косность, за ихъ ограниченность, такъ какъ они не умѣли воспользоваться даннымъ случаемъ; но пока дѣло остается при прежнемъ, старинномъ пониманіи долга и службы, слова Н. Х. Весселя лишены какой бы ни было укоризны, и мы

сильно сомнѣваемся, что съ такимъ освѣщеніемъ фактовъ ему когда-нибудь удастся попасть на виновниковъ разгрома русской общеобразовательной школы, не говоря о томъ, что приписывать паденіе прочной организаціи гимназій нѣсколькимъ десяткамъ заграничныхъ славянъ, даже по мнѣнію нетерпѣливыхъ искателей реформъ, было бы для обвиняемыхъ слишкомъ большой честью.

Почему только австрійскіе славяне ошибочно объяснялись по-русски, а нѣмцевъ какъ будто на службѣ не было и нѣтъ, на это въ приговорѣ Н. Х. Веселя не встрѣчаемъ намека: или славяне съ самаго начала имѣли больше права на упрекъ, потому что не всему еще научились у нѣмцевъ, или они, изучая русскій языкъ, обошлись безъ нихъ?

Имѣло ли, наконецъ, преподаваніе славянскихъ учителей образовательное значеніе, о томъ рѣшительно судить одному человѣку было бы преждевременно; однако несостоятельность русскаго перевода Н. Х. Веселя „Исторіи воспитанія и ученія“ Карла Раумера для русской школы остается неоспоримой даже у тѣхъ воспитанниковъ, которые изъ гимназіи вынесли безграмотность или иное горькое воспоминаніе.

Г. Нижній-Новгородъ.
1 декабря 1903 г.

Ѳ. Р.

II.

Г. Редакторъ!

На основ. 26 ст. врем. пр. о ценз. и печ., прил. къ прод. 1868 г. Св. зак., т. XIV, кавказскій военно-окружный судъ проситъ васъ, милостивый государь, въ интересѣ правды, напечатать въ ближайшемъ номерѣ вашего журнала слѣдующее.

Въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ за октябрь этого 1903 г., стр. 473, г. В. Величко вспомнилъ въ своихъ „Русскихъ рѣчахъ“ хубларовское дѣло. Это дѣло разсматривалось временнымъ военнымъ судомъ въ г. Шушѣ въ декабрѣ 1897 г. Купецъ Хубларовъ, армянинъ, обвинялся въ томъ, что, злобствуя противъ своихъ конкурентовъ по торговлѣ: приказчиковъ купца Терентьева, Голубева и Маркова, и заводчика Пирумова, подговорилъ татаръ убить ихъ на заводѣ послѣдняго, гдѣ они жили. Тринадцать татаръ обвинялись въ томъ, что по подговору Хубларова, въ ночь на 23 іюля 1895 г., они выстрѣлами изъ ружей въ саду Пирумова убили пять человѣкъ и ранили двухъ, случайныхъ посѣтителей сада, а не конкурентовъ Хубларова, которыхъ въ означенную ночь на заводѣ не было. „Армянствующая печать,—пишетъ г. Величко,—доходила до крайняго лиризма въ защиту Хубларова, а противъ этого послѣдняго, по мѣстнымъ цензурнымъ условіямъ, было писать болѣе чѣмъ затруднительно“. То, что желалъ и не могъ писать г. Величко въ газетѣ „Кавказъ“,

онъ черезъ шесть лѣтъ напечаталъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“. Судебный слѣдователь, — вспоминаетъ авторъ „Русскихъ рѣчей“,— взялся за хубларовское дѣло съ такимъ усердіемъ, „съ какимъ по медвѣжьей мимикѣ бабы на работу ходятъ“. Вѣскія улики противъ обвиняемыхъ были добыты не предварительнымъ слѣдствіемъ, а полицейскимъ дознаніемъ, но ожидалось, что непріятные Хубларову полицейскіе чиновники будутъ уволены со службы. Русскій проходимецъ взялся „проводить“ это дѣло и, оставаясь самъ въ тѣни, собралъ на безгрѣшные расходы по хубларовскому дѣлу отъ 40 до 100 тыс. рублей. Такіе были слухи въ Тифлисѣ,—пишетъ г. Величко,— а вотъ и несомнѣнные три факта. 1-й: помощникъ военнаго прокурора по хубларовскому дѣлу вмѣсто обвинительной рѣчи сказалъ нѣчто вродѣ оправдательной и она была въ такомъ видѣ напечатана въ армянствующей газетѣ „Новое Обозрѣніе“. 2-й: за два дня до произнесенія приговора, который, казалось, не могъ быть заранѣе никому извѣстенъ, вся Шуша готовилась къ лукулловскому пиршеству въ ожиданіи оправданія Хубларова, и 3-й: составъ выѣздной сессіи, за исключеніемъ одного подполковника Эриванскаго полка, принялъ участіе въ хубларовскомъ пиршествѣ. Какъ велось это дѣло военнымъ судомъ,—заключаетъ г. Величко,—могъ выяснить ревизоръ, который, къ сожалѣнію, туда посланъ не былъ.

Возражать противъ неизвѣстныхъ намъ городскихъ слуховъ, повторяемыхъ г. Величко и компрометирующихъ власть судебную и административную на Кавказѣ, мы не будемъ, а противъ несомнѣнныхъ для автора „Русскихъ рѣчей“ фактовъ считаемъ себя обязанными возразить.

Временный военный судъ въ г. Шушѣ призналъ доказаннымъ фактъ нападенія на заводъ Пирумова 23 іюля 1895 г., убійство пяти человѣкъ, пораненіе двухъ и ограбленіе денегъ и вещей у живыхъ и мертвыхъ, но изъ 14 подсудимыхъ призналъ виновнымъ только одного Абасъ Кербалай Багиръ-оглы въ томъ, что хотя онъ не принималъ прямого участія въ разбоѣ и убійствахъ, но зналъ о готовящемся нападеніи на Голубева и Пирумова, у которыхъ разбойники предполагали найти значительныя суммы денегъ, предупредилъ разбойниковъ, что въ ночь на 23 іюля Голубевъ и Пирумовъ будутъ ночевать на заводѣ послѣдняго, и обѣщалъ злоумышленникамъ свое содѣйствіе въ качествѣ старшины с. Шеллы и начальника разъѣздной команды, а затѣмъ, по совершеніи преступленія, направилъ полицейскія власти на ложный слѣдъ разбойниковъ. Оправдавъ тринадцать подсудимыхъ, временный военный судъ представилъ главноначальствующему гражданской частью на Кавказѣ особое постановленіе объ обнаруженныхъ на судебномъ слѣдствіи обстоятельствахъ, возбуждающихъ по этому дѣлу отвѣтственность другихъ, суду не преданныхъ лицъ. По закону, представитель обвиненія не долженъ преувеличивать значеніе имѣющихся въ дѣлѣ доказательствъ и даже если находитъ оправданіе подсудимыхъ уважительнымъ, обязанъ заявить о томъ суду по совѣсти. Вотъ причины, по которымъ рѣчь помощника военнаго прокурора не отвѣтила ожиданіямъ г. Величко, и первый несомнѣнный для него фактъ по хубларовскому дѣлу вызвавшій его неудовольствіе противъ военнаго суда, объясняется его личнымъ недоразумѣніемъ.

Судебное засѣданіе по хубларовскому дѣлу производилось при открытыхъ дверяхъ, при участіи 5 защитниковъ подсудимыхъ: 4 присяжныхъ повѣренныхъ и одного кандидата на военно-судебныя должности, и продолжалось съ 8 по 23 декабря 1897 года. Въ присутствіи многочисленной публики судъ допрашивалъ свидѣтелей, выслушивалъ объясненія подсудимыхъ и провѣрялъ доказательства вины и невиновности ихъ. На надо большой юридической опытности, чтобы въ послѣдніе дни такого большого процесса предвидѣть его результатъ. Приговоръ справедливаго суда всегда отвѣчаетъ даннымъ судебнаго слѣдствія, а не постороннимъ соображеніямъ. Въ этомъ отношеніи репутація военнаго суда на Кавказѣ давно установилась, почему заинтересованные въ судьбѣ Хубларова лица могли за день и даже за два предъ провозглашеніемъ резолюціи ожидать его оправданія и подготовлять торжественный обѣдъ для него. А потому второй несомнѣнный и подозрительный для г. Величко фактъ также объясняется его личнымъ недоразумѣніемъ. Въ составѣ суда по хубларовскому дѣлу временными членами были войсковые старшины казачьихъ полковъ: I Лабинскаго и Сунженско-Владикавказскаго, и два капитана Асландузскаго резервнаго баталіона. Напрасно г. Величко утверждаетъ, что составъ выѣздной сессіи былъ на хубларовскомъ обѣдѣ. Неправда, никто изъ состава суда тамъ не былъ; приглашался на обѣдъ одинъ кандидатъ на военно-судебныя должности, защищавшій татаръ, но и онъ отказался отъ приглашенія.

Хубларовское дѣло, по кассаціонной жалобѣ, было въ главномъ судѣ, который 29 января 1898 г. оставилъ жалобу безъ послѣдствій. Производилось и дознаніе по инсинуаціямъ на предсѣдательствующаго по этому дѣлу военнаго судью, но оно фактовъ г. Величко не подтвердило.

Предсѣдатель Кавказскаго
Военно-Окружнаго Суда **Македонскій.**

17 декабря 1903 г.
Г. Тифлисъ.

Digitized by Google